

Галина Константиновна Фадеева

УФИМСКАЯ СИРЕНЬ
(Уфа в художественной и мемуарной литературе)

Галина Фадеева

**ПО ТУ СТОРОНУ
СНЕГОПАДА...**

Уфа 2023 г.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6-444.23
Ф 15

Фадеева Г.К. По ту сторону снегопада... [Текст] / Галина Константиновна Фадеева; ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 612 с. : фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 11).

Настоящее издание включает в себя воспоминания, рассказы, стихи, очерки и рецензии уфимской журналистки и краеведа Галины Константиновны Фадеевой (р. 1956), а также фрагменты дневников её родственников и фотографии из семейного архива. Книга состоит из семи разделов: 1) Наша семейная хроника; 2) Страницы биографии; 3) Уфимские истории; 4) Портреты; 5) Рассказы и очерки о животных; 6) Стихи; 7) Рецензии и эссе. В приложении помещены комментарии о творчестве Г.К. Фадеевой и библиография её сочинений.

Редколлегия серии: Г.О. Иванова, В.Н. Макарова, С.В. Мотин, И.О. Прокофьева, С.Н. Сабирова, Я.С. Свице, О.С. Тарасенко, П.И. Фёдоров, А.Л. Чечуха, С.Р. Чураева

*Посвящается
Дмитрию Сергеевичу Астафьеву*

Калейдоскоп судьбы

Есть такая забавная детская игрушка – калейдоскоп. Несколько цветных стекляшек, отражаясь в зеркальной поверхности, создают в трубке самые разнообразные, неповторяющиеся узоры. Наша жизнь очень напоминает картины в калейдоскопе. Каждый день, каждый час мелкие детали создают вокруг человека постоянно меняющуюся панораму. Но... и внутри индивида постоянно что-то меняется. Как точно заметил Вадим Шефнер:

«Все будет так – и все не так
Через одно мгновенье».

Что я могу сказать о себе, о своем жизненном пути? Родилась в апреле 1956 года. Дальше... Мозаика звуков, запахов, свет и тени окружили меня, и мой организм, моя душа начали впитывать всю палитру Вселенной.

Старый дом

Старый двухэтажный дом на улице Кирова, 15 стал моим первым пристанищем. Сюда меня принесли из роддома, и здесь на веранде, еще лежа в коляске, я стала частицей мира. Я громко заявила о себе не только родителям и родственникам, но и соседям. Одни качали мою коляску, другие пытались успокоить колыбельной песенкой или сказкой.

А где-то за стеклами веранды стучали конские копыта, гремели цинковые ведра, шелестела листва, гудели автомобили и звенели трамвайчики. Совсем рядом со мной, за стенами топили печь, пекли хлеб и сдобу, напевали веселые песенки из оперетт, выясняли отношения...

Хорошо помню шаги... Под тяжестью ног скрипели истертые половицы, старая лестница, ведущая к нам на второй этаж, то жалобно пищала, то стонала от грузных жильцов, обвешанных сумками и авоськами.

Когда меня выносили во двор, запах бензина и звуки автомобильных двигателей из ближайшего гаража интересовали меня даже больше, чем аромат черемухи и птичье разноголосье.

Мне читали стихи, дарили мягкие игрушки, тряпичные мячики, угощали свежавыжатыми соками и козьим молоком.

Первые сюжеты

Помню, советские книжки-раскладушки для детей - с цветными картинками, где симпатичные зверюшки жили своей сказочной жизнью. Эта серия так и называлась: «Мои первые книжки». Взаимоотношения действующих лиц воспринимались мною очень живо, поскольку отец и его старшая сестра Нина читали выразительно, я бы сказала артистично.

К тому времени мы уже полтора года жили в Черниковке, в квартире с высокими потолками, с балконом. Окна выходили на улицу Ульяновых, на «Булочную». Когда в магазин привозили свежий хлеб, запах проникал в открытые форточки, перебивая сложное амбре нефтеперерабатывающих заводов.

Запомнилась зима и снегоуборочная машина, забрасывающая снег на обочину. Я любила стоять на широком подоконнике и наблюдать за происходящим на улице. Мама покупала мне всевозможные конструкторы и наборы для рукоделья, но мне не хватало усидчивости. Отец приобрел для меня лыжи, палки, и в сквере возле Дворца Орджоникидзе я делала свои первые шаги. Мороз, падающий снег, энергичные движения пробудили во мне желание активнее исследовать ближайшие улицы и дворы.

Память

Я всегда выгадывала момент, когда отец утратит бдительность, беседуя с очередным знакомым, и убегала. Мне нравилось быть одной. Когда посторонние взрослые пытались выяснить, что делает такая маленькая девочка одна в городе, я вежливо улыбалась и, сломя голову, убегала от них в проходной двор. В четыре с половиной года, гуляя с кем-либо из родственников, я уже запомнила пешие (затем и трамвайные!) маршруты, хорошо ориентировалась в Черниковке и даже на Гастелло, где в те годы работал отец.

Уже позднее мне рассказывали, что домой я возвращалась с охапкой прутьев... «для печки». На новой квартире мы жили с газом и прочими удобствами, но мой детский мозг зафиксировал бытовые особенности прежней жизни - на улице Кирова, когда по дороге домой подбিরали щепочки для печки. В той – прежней моей жизни – это был способ выживания; русская печь давала тепло, еду, создавала комфортную, душевную обстановку уюта и защищенности.

Уроки общения

Когда я родилась, моей маме было 38 лет, а отцу 48. Естественно, что росла я среди весьма взрослых, и даже пожилых людей. Со мной с самых первых дней никто не говорил на детском языке. Я испытывала неловкость, когда дети наших знакомых при мне автомобили называли «бибикой», а упавшую на землю конфету или печенье – «какой».

Моя душа откликалась на истории о животных, интересы вращались вокруг игр с мячом, катания на лыжах (потом были коньки и велосипед), пеших прогулок по Уфе, с непременными воспоминаниями родителей о «славном прошлом».

Меня пытались сводить с другими детьми, но я тяготилась их обществом, хотя и могла составить компанию в краткосрочных играх, приключениях.

Главное, чему я научилась к пяти годам – это умение слушать, наблюдать и анализировать. Поворотным моментом в осознании себя, как личности, стало небольшое происшествие в детском саду.

Разбитая чашка

Если до четырех лет я воспринимала реальность как отдельные кадры, то после событий, о которых хочу рассказать, мои воспоминания стали приобретать осмысленность и хронологию.

Будучи ребенком, в детском саду я нечаянно разбила чашку. Сердитая нянечка отругала меня и потребовала, чтобы я принесла из дома новую. Несколько дней я просто забывала рассказать своим родителям о случившемся. Каждый день нянечка встречала меня бранью, называла мерзавкой, наглой девчонкой... Наконец, я сообщила маме, что уронила и разбила чашку, что необходимо принести взамен другую. Конечно, за это меня не ругали. Мы с мамой отправились в магазин, где я на свой вкус выбрала самую красивую чашку.

Утром мама подошла вместе со мной к нянечке и, извинившись за меня, передала ей нашу покупку. Каково же было мое изумление, когда вечно недовольное лицо нашей нянечки вдруг приобрело ласковое, подобострастное выражение; женщина картинно изобразила удивление и медовым голосом пропела: «Не надо, не надо! Это вы напрасно! Ах, какие пустяки!» Мама попрощалась и ушла. После того, как за ней закры-

лась дверь, лицо нянечки тут же приняло свое обычное, злобное выражение. Мое оцепенение длилось долго. Я пристально вглядывалась в глаза озабоченной своими делами женщины и пыталась понять причину столь резких перемен в ее поведении.

Еще не разбираясь в психологии, я почувствовала: в этом мире что-то не так... Отныне я уже не спешила к игрушкам. Усевшись где-нибудь в уголке на стульчик, я с любопытством наблюдала за взрослыми. Я заметила, что нянечка бывает сердитой только по отношению к детям. Разговаривая с воспитательницей или заведующей, она всегда улыбалась и, как заводной слоник, кивала головой. Мимика, жестикация и тембр голоса изменялись и у воспитательницы в зависимости от того, с кем она в данный момент общалась.

Наблюдательность и склонность к анализу развили мой детский ум. Жизненный опыт, хоть и маленький, сделал меня недоверчивой, но имеющей свою точку зрения личностью. Я рано научилась делать выводы, и твердость характера в принятии решения пугали моих родителей.

«Внештатные» воспитатели

В детстве мне приходилось общаться с огромным количеством людей. Чаще это были наши многочисленные родственники, коллеги моих родителей по работе, соседи, гости. Я приобретала необходимый опыт жизни в социуме, моя речь обогащалась новыми словами. Еще один очень важный фактор: и мама, и моя тетя Нина, которая жила с нами, были категорически против приобретения телевизора. У нас было радио, по которому я впервые услышала комментаторов спортивных соревнований, концерты эстрадной и классической музыки, но особенно меня волновали передачи «Театр у микрофона», «Встреча с песней» и «Рассказы литературоведа». Я узнавала знакомые голоса Николая Озерова, Виктора Татарского, Ираклия Андроникова. Услышанное развивало фантазию, а талантливые ведущие становились моими духовниками; они способствовали развитию моих новых интересов, обогащали знаниями.

Когда я научилась читать и писать печатными буквами, мне стали дарить красивые блокноты, в которые я записывала названия прочитанных книг. Потом стала добавлять свое впечатление от прочитанного. Так постепенно втянулась в ведение регулярных записей. Знакомство с дневниками моих бабушек и дедушек вдохновляли меня на более под-

робное описание событий или чувств, на анализ увиденного и пережитого.

«Когда вы предлагаете мне чаю...»

С самых ранних лет я твердо знала, что я хочу и чего я категорически не хочу. Первая профессия – инструктор служебного собаководства. Будучи ученицей выпускного класса, получила права мотоциклиста, потом водителя широкого профиля. Всю жизнь занимаюсь спортом; по возможности, разными видами. Работала инструктором по физкультуре, плаванию, ГТО. С детства любила фотографировать; в 1985 году получила профессию фотографа.

Никогда не стремилась делать карьеру! Жизнь короткая, хочется испытать себя в самых разных ипостасях. Окончив школу, пыталась поступить в пограничное военно-политическое училище, но в советские годы женщин редко брали на военную службу... Мое не слишком идеальное зрение стало причиной отказа. Но... на всю жизнь остался интерес к сыску и разведке. Кстати, работа корреспондента чем-то напоминает эти две замечательные профессии... Умение разговорить собеседника, за несколько минут обнаружить его сильные и слабые стороны, расположить к себе, то есть великолепное знание психологии – основа профессий следователя, разведчика и журналиста. Недаром многие разведчики «подрабатывали» политическими обозревателями, репортерами, а следователи МВД и прокуратуры оставили нам увлекательные записки и сценарии.

Как там, у поэта Евгения Евтушенко?

«Когда вы предлагаете мне чаю,
Я не скучаю - я вас изучаю...»

НАША СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Свет лампы

Если бы я могла выбрать себе год рождения, я бы назвала 1796. Почему? Да потому, что в 1812 году мне исполнилось бы 16 лет, - самый лучший возраст для романтических поступков, для подвигов. Именно столько лет было моему прапрадеду Михаилу Васильевичу Орешникову, когда он получил первое ранение под Смоленском в начале Наполеоновского похода на Россию.

Прапрабабушкины записки

Выцветшие тетради, датированные 1827-1876 годами назвать дневниками очень сложно. Кое-где расплылись чернила, где-то совсем стёрлись слова, написанные карандашом, исчезли некоторые странички... Впрочем и сам почерк не идеален. Спасибо моей бабушке, в отдельную тетрадь она переписала всё, что смогла разобрать и добавила свои комментарии.

Миша был третьим сыном в семье, моложе него только две сестры. Старший - Николай - военный медик, умер в 1802 году; сказались последствия тяжёлого ранения и болезней. Средний из братьев - Сергей числился по гражданскому ведомству, но вскоре уволился и занялся хозяйством, которое унаследовал после смерти родителей в Подмосковье. Именно Сергей Васильевич пытался выяснить родословную своей семьи, но ему не хватило времени и терпения. Большое поместье требовало внимания, потом появилась семья, дети, заботы другого плана.

Михаил Васильевич всю жизнь вспоминал свою военную юность, стычки с французами и... ужасную простуду, которая не позволила ему принять участие в Бородинском сражении. Миша рос болезненным мальчиком, но вопреки заботам родителей стремился закалять себя, много ходил пешком, увлекался охотой и рыбалкой. Однако частые ангины укладывали ребенка в постель. Военные трудности, полевые условия и ранения только усугубили проблемы со здоровьем. В конце 1812 года Михаил вышел в отставку и поселился в Казани у своей бездетной тётюшки Лизы, которая в нём души не чаяла.

Именно у тёти Лизы в 1816 году Миша увидел свою будущую жену Анну (автора сохранившихся записок), которая пришла со своей матерью в гости. Девочке было четырнадцать лет, она отличалась скром-

ностью, худобой и веснушками на бледном личике. Впрочем, Мише запомнились её большие карие глаза и смущённая улыбка подростка. Молодых людей представили друг другу. Пока дамы занимались разговорами, Миша показал девочке свои рисунки. К сюжету батальных сцен Анна добавила деревья, кустарники, лесной ручеёк. Через месяц на именины Миша удостоился подарка - изящной салфетки на ночной столик, вышитой рукой Анны, а в ответ девушка получила свой портрет, выполненный акварелью.

Отношения между молодыми людьми долгое время носили характер вполне дружеский и не более. Миша поступил на службу в полицию, что привело родителей Анны в недоумение. Подобного рода занятия не считались приличными для людей обеспеченных, что послужило темой для сплетен. Встречи стали реже. Для Анны уже подыскивали подходящего жениха, но... Им оказался старший друг Миши, который дал понять, что вовсе не собирается поступать вопреки желаниям невесты. А потом произошла трагедия.

Пожар

Засушливым летом 1820 года у соседей Анны случился пожар. Пламя быстро перекинулось на сарай и дом Анны. Из имущества почти ничего не удалось спасти. В дыму задохнулись младшие братья Анны и отец. Матушка была сломлена горем и пережила своего супруга лишь на два месяца. Тётя Лиза и Миша взяли опеку не только над осиротевшей девушкой, но и над её оставшимися в живых маленькими брате и сестре. Старший брат Анны служил в то время в Петербурге и не имел возможности приехать в Казань.

Долгое время Анна не желала никого видеть; сидела в своей маленькой комнатке и тихо молилась. Миша, выждав с полгода и желая отвлечь её от грустных мыслей, заказал красивое итальянское ландо и предложил покататься. Сначала проехали к Кремлю, кружили по узким улочкам Ягодной слободы, погуляли в роще, любуясь мощными дубами и вязами. Уже к вечеру, слегка уставшие, подкатили к кондитерской на Большой Проломной (ныне пешеходная улица Баумана). К их столику тут же подошёл галантный официант. Анна была удивлена обилием свечей, дорогим убранством заведения, а названия некоторых сладостей навсегда остались в её памяти: блейт-кухен, альдеич, савара, мазурки, мадлены и тому подобное. Через несколько минут

компанию молодым людям составил крепкий, слегка полноватый мужчина с голубыми глазами и небольшими усиками. Он дружески приветствовал Михаила и что-то сказал ему по-немецки. Представившись Анне - Иоахим Грахе, он улыбнулся, поцеловал ей руку и сообщил, что Михаил Васильевич оказал ему большую услугу и теперь они стали добрыми друзьями.

Вот тогда впервые Аня услышала фразу, которой впоследствии начинались многие интригующие рассказы Михаила Васильевича: «Этот господин проходил свидетелем по одному запутанному делу...» В тот же вечер Михаил с Анной были приглашены в гости в семейство голубоглазого Иоахима на дачу в, так называемую, Немецкую Швейцарию, расположенную в живописном месте за Арским полем (ныне часть территории занимает кладбище и автомобильная дорога).

Немецкая Швейцария

Немецкая Швейцария получила название из-за того, что в начале 19-го века профессор Казанского Императорского университета немец Л. Фогель поставил здесь свой загородный дом и занимался исследованиями источников с минеральной водой. Впоследствии к нему присоединились ещё несколько семей казанских немцев. Людей привлекали своеобразный рельеф местности, многочисленных холмы, рощицы, леса, родники с очень вкусной водой. Посетив этот дивный уголок природы, Анна пришла в восторг и выразила желание поселиться здесь. Михаилу удалось приобрести недостроенный дом, который через год превратился в настоящую помещичью усадьбу, с конюшней, амбарами, сараями и огромным садом. По просьбе Анны в начале липовой аллеи из камня была построена небольшая башня-келья. На первом этаже располагалась мастерская для рукоделия и библиотека, а на втором молельная комната.

Именно в Немецкой Швейцарии прошли лучшие годы Михаила Васильевича и Анны Павловны Орешниковых. По наследству Анна получила двухэтажный доходный дом в Казани на улице Рыбнорядской (ныне ул. Пушкина) и маленькую деревеньку в несколько дворов с четырнадцатью крепостных душ «мужеска пола» (считались только работники; женщин, как прислугу, в счёт не брали) в районе Дербышек (ныне окраина Казани).

Михаил Васильевич ездил на службу верхом на своём любимом Гефесте. Анна Павловна большую часть времени проводила в усадьбе,

изредка выезжая с управляющим в Дербышки. Она быстро вникла во все тонкости сельского хозяйства, любила устраивать свадьбы и крестины своих крестьян, дарила им на праздники подарки, разбираала их жалобы, оделяла деньгами на лечение больных.

После рождения старшего сына Александра, супруги Орешниковы пережили смерть двоих дочерей в младенческом возрасте. Анна Павловна стала более набожной, совершала паломничества по святым местам, жертвовала большие суммы на детские приюты. В течение дня неоднократно уединялась в своей молельной комнате, где круглые сутки перед образами теплились лампы.

Вера, Надежда, Любовь

Наконец, с разницей в два-три года у Орешниковых появились три дочери - Вера, Надежда (будущая мама моей бабушки) и Любовь. Девочки дружили с соседскими немецкими детьми и очень скоро научились свободно говорить и читать по-немецки. Анна Павловна в свою очередь давала им уроки рисования и рукоделия. Жизнь детей проходила на природе, образование они получили домашнее. И только сын Орешниковых Александр обучался в гимназии и жил в доме тёти Лизы, приезжая в семью на выходные.

Анна Павловна являлась неистощимым источником доброты. Она любила устраивать детские праздники, на которые приглашала соседей и крестьянских ребятишек. Готовили в огромных количествах пельмени с самыми разными начинками, пироги, морсы, заказывали в кондитерской пирожные. В процессе игр Анна Павловна старалась развить в крестьянских детях интерес к искусствам, а особенно одарённых и трудолюбивых отдавала в ученики к мастерам. Особой гордостью был мальчик Фёдор по фамилии Горбушкин из крепостных. Он успешно освоил грамоту, знал счёт, владел татарским и немецким языками. Долгие годы Фёдор работал помощником фармацевта в известной и ныне существующей аптеке на Большой Проломной.

Анна Павловна самолично обучила нотной грамоте не только своих детей, но и крепостного Прошку, который в 80-е годы играл на скрипке в городском любительском оркестре под управлением также бывшего когда-то крепостным Михаила Мусорина.

В 1861 году после отмены крепостного права крестьяне Орешниковых не спешили покидать хозяев. Анна Павловна с супругом продол-

жали по мере своих возможностей помогать им, а они охотно выполняли привычную им работу.

Последнее прости

В 1871 году, простудившись на охоте, умер Михаил Васильевич. Дети Орешниковых уже покинули родное гнездо. Усадьба постепенно приходила в упадок. Анна Павловна жила с воспитанницей - хроменькой девушкой Матрёной или, как её звали близкие - Мушкой и тремя старыми слугами. Потребности этих людей были минимальными. Жили они как одна семья, питались за общим столом. Кормил их огород, фруктовый сад, имелись в хозяйстве куры и козы.

Однажды к Анне Павловне пришёл старик - бывший её крепостной, просить помощи. Прозвучало традиционное: «Пахом, подай мне шкатулочку.» - «Матушка-барыня, так ведь деньги-то ещё на прошлой неделе кончились.» Анна Павловна пошарила рукой в шкатулке и нашла золотое кольцо - подарок Михаила Васильевича. Она поцеловала его и положила в руку старика. – «Прости, голубчик, ничего больше нет.»

Потрясение от того, что она больше не в состоянии помогать людям, помутило разум Анны Павловны. Она долго бродила в саду среди цветов, потом поднялась в молельную комнату, подлила масло в лампы и всю ночь молилась. Утром она не вышла к завтраку. Мушка первая подняла тревогу. Все пошли искать свою благодетельницу. Увы! Маленькое тело 92-летней старушки обнаружили в пруду. Шёл 1894-й год. Моей бабушке исполнилось шестнадцать лет.

Ровно через сто лет после смерти прапрабабушки я посетила Казань и те места, что назывались Немецкой Швейцарией. Автомобили мчались в нескольких метрах от меня. Ничего не осталось от живописных холмов и лесов наполненных гомоном птиц и ароматом трав. Вот только клумба с яркими маками, словно огоньки лампы, оживляли современный городской пейзаж.

Ласточка моя

Удивительные взаимоотношения были у меня с маминой мамой Прасковьей Игнатьевной Окуновой. Из девяти ее внуков я - самая младшая. У старших маминых сестер уже росли свои внуки, когда на свет появилась я. А своеобразием наших с бабушкой отношений являлось то,

что я ее видела, а она меня ... знала; Прасковья Игнатьевна ослепла за два года до моего рождения.

Прапрадедушки и прапрабабушки Параскевы (именно так записано ее имя в метриках моей мамы) были родом из Тулы. Дед ее с семейством перебрался в Уфу где-то вскоре после войны 1812 года. Семья принадлежала к мещанскому сословию; среди них были пекари, белошвейки, самоварщики.

Прасковья Игнатьевна родилась в Уфе в 1880 году, восемнадцатилетней девушкой ее отдали замуж за Андрея Васильевича Окунева - столяра паровозоремонтных мастерских. У супругов родились десять детей, трое из которых умерли в детстве. Моя мама - Серафима была предпоследней из дочерей. Однако именно «Симуля» стала любимицей своей матушки. Они были очень похожи и внешне, и по характеру.

Мои первые впечатления от визита к бабушке помню очень смутно. Запомнились маленькие руки с узловатыми пальцами, которые легко пробежали по моему лицу, и тепло ее мягкого байкового халата. Бабушка что-то тихо рассказывала, поглаживая меня по голове, и повторяла: «Ласточка моя!» Позднее я уже с интересом вела диалог с этой милой, спокойной, ласковой старушкой. Почему-то я упорно не хотела называть Прасковью Игнатьевну бабушкой. Мы так и обращались друг к другу: «Ласточка моя.»

Усадьба на Выселках

Постепенно я узнавала подробности биографии моей бабушки. Что-то вспоминала она сама, что-то дополняла моя мама. Вскоре после венчания с Прасковьей Игнатьевной в 1898 году мой будущий дед достроил на Выселках (ныне район улиц Харьковской и Владивостокской) уютный дом из трех комнат с мезонином и верандой. В свободное от основной работы время Андрей Васильевич делал по заказу мебель: комоды, буфеты, столы, стулья. Прасковья Игнатьевна слыла искусной портнихой, способной без швейной машинки создавать красивые дамские наряды. Жили своим хозяйством, в котором, кроме гусей и кур, были козочки, свиньи и кролики. Птица и скотина содержались в чистых сарайчиках с забавными петушками-флюгерами на крышах. Местные жители и гости специально приходили к Окуневым любоваться резным колодцем в виде мухомора и беседкой-зонтиком, где любили собираться ребята и женщины с вышивкой или вязанием. Их всегда ждали вкусные

жареные семечки и холодный квас гостеприимной хозяйки. Мужчины направлялись в сараюшку-мастерскую понаблюдать за рождением очередного шедевра талантливого столяра-самоучки, обращались к Андрею Васильевичу с просьбой помочь по ремонту телеги, мебели или сделать пристрой к дому.

Сад-огород, также как и домашняя скотина, являлись основными поставщиками продуктов к столу. Дети с малолетства имели обязанности, и по мере сил, вносили свою лепту в общее дело: пололи, носили воду, поливали. А какие яблоки созревали в саду Окуневых по осени! Особой гордостью были сорта шафран и белый налив; из ранета Прасковья Игнатьевна варила варенье, джемы, сушила их для компота, но дети любили жевать сухофрукты как жвачку.

Атмосфера в семье не располагала к безделью; как вспоминала мама: «Труд был возведен в ранг религии». Дети вместе с родителями ходили за грибами, ягодами, на рыбалку. Церковь посещали в основном по большим праздникам, но без молитвы за стол не садились. Несмотря на внешнее благополучие и достаток, нельзя сказать, что женская доля моей бабушки была счастливой. Характер Андрея Васильевича - унтер-офицера, дважды Георгиевского кавалера, участника русско-японской войны и первой мировой, кротостью не отличался, и с большевиками - преданный царю служака, общий язык так и не нашел. Несколько раз у него были конфликты с представителями советской власти: упрямый мужик никак не мог взять в толк - почему он должен стыдиться царских наград, ведь заслужил он их, сражаясь за Россию?! Никаких авторитетов дед мой не признавал, нрав имел крутой, кулаки тяжелые, но это не мешало ему оставаться рачительным хозяином и пользоваться уважением среди рабочих в железнодорожных мастерских, да и соседи с его мнением считались. Усугубляло сложный характер Андрея Васильевича его пристрастие к алкоголю. Нет, пьяницей он не был, на работу являлся вовремя, на рабочем месте не употреблял, но в выходные или в праздники справиться с ним не представлялось возможным: пил, как и жил - от всей души, с азартом!

Вот такая революция!

Если до 1918 года зарплаты и подработки Андрея Васильевича вполне хватало на содержание большой семьи, то после революции в период Гражданской войны доходы резко упали, и бедность стала пол-

ноправной хозяйкой в доме. Усадьбу пришлось продать и перебраться в более скромное жилище в районе Троицкой церкви (ныне район Момумента дружбы). Прасковья Игнатъевна нанялась прачкой, но по возможности продолжала шить постельное белье, женские платья, рубахи; ей помогали две старшие дочери. Бабушка рассказывала, что бывало, когда один месяц она стирала и штопала одежду красноармейцам, другой - белогвардейцам. Власть в Уфе менялась, менялись и порядки. Резко выросли цены на продукты. Появились спекулянты. В городе постоянно проходили всевозможные митинги, демонстрации. Прасковья Игнатъевна родила мою маму в конце июля 1918 года у своей подруги - повитухи на улице Центральной (ныне Ленина) под бравурные звуки духового оркестра; в очередной раз сменилась власть в городе, а марши поднимали и без того боевой дух победивших.

Помимо голода, обывателей подстерегала волна экспроприаций, доходившая до абсурда; забирали подушки, одеяла, продукты питания, посуду, предметы мебели, музыкальные инструменты... Сохранившуюся одежду горожане обменивали на муку, картошку. Нищета и в первые годы Советской власти не отпускала людей из своих объятий. Окуневых выручало то, что Андрей Васильевич на паровозоремонтном заводе получал хороший паек, а старшие дочери вышли замуж и жили отдельно. Постепенно оживали уфимские сады, засеивались огороды. В 1920 году у Прасковьи Игнатъевны родилась младшая дочь, в 1924 - сын.

Уже в относительно мирное время в семье Окуневых произошло несчастье... В середине 30-х годов Андрей Васильевич ушел на работу и больше не вернулся. Прасковья Игнатъевна и старшие дочери пытались его искать, но никаких сведений или следов обнаружить не удалось. Был ли он убит, как тогда говорили, лихими людьми, или сгинул в застенках НКВД по причине своей мужицкой принципиальности, бог знает!

Лишившись главного кормильца, семья еще раз поменяла место своего жительства: купили половину частного дома на улице Зенцова. Именно в этом доме я и познакомилась с бабушкой - ласточкой моей.

Про царицу

В начале 60-х годов Прасковья Игнатъевна часто рассказывала мне странную сказку про приезд «матушки царицы Екатерины». Мама моя и тетушки страшно сердились, когда в очередной раз слышали знакомое начало: «Было это в стародавние времена, в русском городе Туле. Народ

готовился к большому празднику, к радости невиданной да неслыханной...» Мы с бабушкой прятались в ее закутке и переходили на шепот. Меня совершенно зачаровывала история подготовки к встрече «матушки царицы», проезд ее по городу Туле и всякие праздничные мероприятия, посвященные этому событию. Моя рассказчица обладала удивительным талантом: примитивными словами передавала события так зримо и доходчиво, что мне казалось, будто я слышала стук колес тяжелой кареты, шорох дорогих платьев, видела роскошные балы и разнообразные яства, которыми ублажали знатных особ и приводили в изумление местных жителей.

Однажды эту, как я тогда считала, сказку бабушка рассказывала мне и моему кузену при муже старшей маминой сестры - офицере КГБ. Услышав про «царицу Екатерину, красотой своей и ласковостью покорившей господ богатых, людей-мастеровых и даже совсем голь пропащую...», старый чекист не выдержал и, театрально прижав руку к сердцу, воскликнул: «Прасковья Игнатьевна! Да, что же это такое?! Вы хоть при мне тут хвалебные оды царским отродьям не сочиняйте! Меня же из партии к чертовой матери попрут, если узнают, что я по вашей милости слушать вынужден!» Мы с кузеном взяли бабушку под руки и увели на дальнюю скамеечку в сад. Прасковья Игнатьевна некоторое время молча вздыхала, обнимала нас, потом извлекла из кармана фартука пару конфет и, дождавшись, когда мы прекратим шуршать фантиками, тихо спросила: «Ну, как там наш герой... Маненько успокоился?»

Позднее я поинтересовалась у мамы, какую сказку бабушка нам рассказывала? Ответ меня озадачил: «Это не сказка. События происходили на самом деле. Когда еще мы маленькие были, она нам про свою прабабку говорила... Действительно, Екатерина Вторая приезжала в Тулу, а прабабка мамина тогда у губернатора прислугой служила. Царица удостоила своим посещением дом губернатора и даже чай изволила попить. А наша будущая прапрабабка на память об этом событии припрятала вышитую салфеточку, которой Екатерина губки свои промокнула. Реликвию хранили, как святыню. Долгое время находилась она у старшей сестры твоей бабушки, потом к нам перешла. Бежевая такая... вроде, как батистовая, с мелкими белыми цветочками по уголкам. Жалко, не сберегли... В Гражданскую, в 20-е годы многое пропало.»

Исторические параллели

Не получив никакого образования и будучи малограмотной женщиной, Прасковья Игнатьевна имела живой ум, крестьянскую сметливость, отличалась любознательностью, добротой, какой-то тихой покорностью судьбе и умением терпеть, искренне прощая всех, кто ее обидел. О революции бабушка вспоминала как о природной стихии, нарушившей привычный уклад жизни, но жесткий режим сталинской эпохи воспринимала с пониманием и уважением. Смерть Сталина для нее стала едва ли не самой тяжелой трагедией после гибели на Ленинградском фронте младшего сына.

Вообще Прасковья Игнатьевна любила порядок и везде старалась организовать нормальные условия для жизни, имея минимум средств и прилагая максимум трудолюбия. Речи и поведение нового руководителя страны - Никиты Хрущёва, развенчавшего культ Сталина, пробудили в душе моей бабушки сомнения в безгрешности ... самого Никиты Сергеевича. Внимательно слушая его выступления по радио, она дала Хрущёву такую характеристику: «Экая ведь дурында! Разве государственный человек может так выражаться?! Балабол и ёрник!»

Никита Сергеевич побывал в Уфе в августе 1964 года. Народ выстраивался вдоль улиц, чтобы увидеть и поприветствовать руководителя своей страны, проезжающего в открытом автомобиле. Я хорошо помню, как мои родители и тетки подробно описывали бабушке это явление. Ее интересовало всё: что «этот балабол» говорил, как был одет, кто его сопровождал, где столичный гость останавливался? Очень позабавило Прасковью Игнатьевну происшествие с собакой, которая некоторое время бежала впереди автомобиля с Хрущёвым и не могла свернуть в сторону из-за бесконечной вереницы людей на тротуарах и дорогах. Она долго смеялась, вытирая слезы, и повторяла: «Бог шельму метит! Шут гороховый, а не человек!»

В тот же день я в очередной раз услышала от бабушки историю, случившуюся «в стародавние времена, в русском городе Туле». Судя по всему, пожилая женщина, хранившая в памяти события далекого прошлого, пыталась узнать и прочувствовать, - а как же нынче проходит столь важный визит главы государства? Как встречает его народ? Какие воспоминания оставит по себе современный правитель? К этой теме Прасковья Игнатьевна возвращалась еще много раз. Я по малолетству не понимала ее интереса к политике, не вникала в разговоры о сельском хо-

зайстве, но про «матушку-царицу Екатерину» всегда слушала, затаив дыхание.

Моей бабушки не стало в 1967 году, умерла она тихо, во сне, прожив без малого 87 лет. А несколько лет тому назад мне в руки попала книга «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков». Среди глав, посвященных подробностям быта людей разных сословий в 18 - начале 19-го веков, я прочитала о том, как в городе Туле встречали Екатерину Вторую и ее свиту. В записках указаны адреса, названия улиц, имена тех, кому посчастливилось увидеть российскую царицу вблизи, сидеть с ней за одним столом, подносить ей подарки. Меня охватило непонятное волнение... словно эта информация из далекого прошлого имела ко мне непосредственное отношение. Несколько раз перечитала страницы, где Болотов сообщает о подготовке горожан к визиту Екатерины, фиксирует все мелкие детали и с восторгом передает атмосферу самого праздника, оставившего после себя какое-то сказочное послевкусие. Я вспомнила милую рассказчицу - бабушку Прасковью Игнатьевну, и сердце мое наполнилось светлой грустью...

«Такая вот судьбинушка!»

Очень мало сохранилось фотографий маминых родственников. Те, что остались, слишком плохого качества. Более-менее можно рассмотреть моего прадеда Василия Евстахиевича Окунева.

Родом он из-под Симбирска (ныне Ульяновск). Крестили - то ли в 1846, то ли в 1848 году. Отец Евстахий или, как его звали, Стахей, числился крепостным у богатого помещика. Стахей слыл исправным работником, хорошим плотником, поэтому хозяин отпускал его с сыновьями на заработки. Часть денег Окуневы отдавали помещику, но немножко удавалось и скопить.

Вскоре после отмены крепостного права в 1869 году старший сын Стахея Василий женился. Купили ему небольшой домик на окраине Симбирска, а родители поселились во флигеле, где открыли скобяную лавку.

Надо заметить, что характер у Василия был упертый, жадный до новых впечатлений, да и руки мастеровые. Недолго он побыл помощником у своего батьки, забрал жену, двух малолетних детишек и подался в Уфу, где устроился к знакомому мебельщику. Поначалу ютились в двух

маленьких комнатах неподалеку от Троицкого собора (ныне район Момумента Дружбы). Супруга работала прачкой, потом начала вязать красивую домашнюю обувь, украшая эксклюзив дешевыми бусинками или бисером. Старший сын Евдоким успевал помогать в огороде, а потом так ловко научился вязать, что мать за ним не поспевала. Младший Андрей (мой будущий дед) был при отце; рано научился столярничать, как говаривал про него Василий: «Дерево малец душой принимает. Знать, такая у него судьбинушка».

Моя мама запомнила деда непоседливым, скорым на подъем, выдумщиком и любителем до всего нового, доселе ему неизвестному. Еще по молодости Василий пристрастился к чтению, освоил нотную грамоту, виртуозно играл на гармонии, любил петь. А уж ежели взялся освоить какое-либо новое ремесло, всё у него получалось быстро да ловко. Мог он и сапоги стачать, и одежонку подправить, а коль нужда заставит, и обед приготовит, и хлеб испечет. Вот только сидеть на одном месте подолгу никак не мог. Уже в Уфе народились у него три дочери: Агриппина, Катерина и Агафья, а Василию всё куда-то надо ехать, по свету мыкаться. Где-то в середине 90-х собрал он артель и отправился подработать. Было ему пятьдесят с небольшим. Года два о главе семейства и слуху не было, а когда Андрей надумал жениться и начал дом на Выселках (ныне район улицы Владивостокской) строить, вдруг объявился, да не один. Приблизился к артельщикам парнишка лет десяти – Алешка. Родители его и сестренка от тифа умерли. Подобрали горемычного мужики, назначили в подмастерья, а у Василия к нему сердце особенно прикипело: взял в сыновья.

Дом для Андрея и его жены Прасковьи построили быстро. Получился просторный, с мезонином, балкончиком, с большой верандой. Андрей пошел по стопам отца: стал плотником, мебельщиком; работал в железнодорожных мастерских, потом на паровозоремонтном заводе.

Моя мама помнила деда Василия с конца 20-х годов. Это был уже степенный мужчина, с окладистой бородой, с добрыми, веселыми глазами, острый на язык, поклонник Горького и большой любитель пирогов с рыбой, которой в ту пору невидимо водилось в Белой и Уфимке.

Неугомонный старик встретил революцию в Москве, куда ездил устраивать на учебу Алешку, поучаствовал в гражданской войне сначала на стороне белых, потом на стороне красных. Алексей служил санитаром, и твердо решил стать доктором. В Уфу от него пришло несколько писем, но мечтам не довелось сбыться: юноша умер от скоротечной ча-

хотки. Василий горевал как по родному сыну, но... прошло время, и, встряхнув головой, Василий произнес свою любимую фразу: «Такая уж судьбинушка!»

Сам Василий Евстахиевич умер в 1937 году, пережив сына Андрея. Большую семью Окуневых жизнь разбросала по всей огромной России. Четверо маминых сестер остались в Уфе, хотя тоже поездили немало, сопровождая своих мужей-офицеров.

В конце прошлого века, когда квартиры начали активно приватизировать, мы с мужем решили перебраться поближе к родственникам в Таганрог. Теплый климат, море, чеховские места... Нашли подходящий вариант для себя и для мамы. Как все пожилые люди, она долго думала, сомневалась, взвешивала... Потом махнула рукой: «Нет, ребятки! На Родине-то привычнее и покойнее. Вы как хотите, а я останусь дома. У каждого своя судьбинушка!»

Ну, разве мы могли ее переубедить?!

Бедная Лиза

Выражение «брак по расчёту» чаще всего подразумевает нечто отрицательное, корыстное, но история, которую я хочу рассказать, относится к тому редкому случаю, когда от «расчёта» выиграли обе стороны.

Моя героиня - Елизавета Семёновна Орешникова 1835 года рождения была средней сестрой моей прабабушки. Семья принадлежала к небогатым помещикам, имевшим усадьбу в живописном месте под Казанью (теперь здесь проходит автотрасса и линия метро). Старшая и младшая сестры, а также два брата уже имели семьи, жили отдельно, как тогда говорили, своим домом. Лизонька рано начала помогать старшей сестре нянчить ее детей, следила за ведением хозяйства. К восемнадцати годам практичная девушка легко считала прибыли, руководила прислугой, умело занималась торговлей, не позволяя крестьянам лениться и воровать хозяйское добро. Ее личная жизнь словно растворилась в семье старшей сестры; Лиза приучила своих племянниц к рукоделию, а заодно, во время занятий вела с ними разговор на французском или немецком языке. Когда пришло время отдавать девочек в гимназию, вся семья переехала в Казань.

Больше года Елизавета прожила в городе, но тихая, размеренная жизнь в усадьбе, большое хозяйство с полдюжиной коров и десятком

коз, любимые цветы, пасека... манили ее обратно - в родовое гнездо. Сестры поговорили, поплакали и расстались, утешая себя тем, что летом они воссоединятся и вновь будут вместе наслаждаться всеми прелестями деревенской жизни.

Елизавете Семёновне пошел четвертый десяток, когда к ней приехала погостить приятельница старшей сестры; это была восьмидесятилетняя дама - энергичная, говорливая, выглядевшая гораздо моложе своих лет. Она уже давно подыскивала невесту своему беспутному сыну - московскому юристу, азартному игроку в карты, любителю дорогих вин и дешёвых женщин. Елизавета Семёновна произвела весьма благоприятное впечатление на маму легкомысленного жениха, и практичная гостья, не откладывая дело в долгий ящик, откровенно рассказала ей о своем «Петруше». Порешили на том, что в ближайшее время Пётр Ильич самолично приедет к Елизавете Семёновне «на парное молочко», «а там, глядишь, и дело решится».

Пётр Рыкин за отказ от светской жизни получал откупную: деревеньку под Архангельском, с мельницей и лесопилкой, доставшейся Рыкиным по наследству от дальней родственницы. Жених, к тому времени уже слегка поседевший, имел одутловатое лицо со слезящимися глазами и двойной подбородок. Впрочем, и возраст у него был почти на два десятка старше предполагаемой невесты. Все эти приметы бурных страстей полноценно отражал фотопортрет «Петруши», который, как бы случайно, остался на туалетном столике невесты.

Елизавета Семёновна также понимала, что нужно устраивать собственное гнёздышко, а мельница с лесопилкой привлекали ее хозяйственную натуру гораздо сильнее, чем шелка и дамские безделушки.

Знакомство жениха и невесты произошло летней порой, в обстановке мало романтической... Суженая месила тесто на хлеба, руки у нее были в муке, когда на пороге летней кухни возник элегантно одетый джентльмен с саквояжем и тростью в руке. Он театрально приподнял шляпу и поклонился. «Ах, это вы... Пойдемте!» - будничным тоном произнесла Елизавета Семёновна и, отряхнув руки, быстро зашагала через двор к дому.

Сейчас уже трудно понять, чем же приглянулись друг другу два таких разных человека. Но историю с «последней бутылкой коньяка», которую Пётр Ильич выпил на пару с конюхом Агеем, и которая стала действительно последней в его жизни, передавалась у нас из поколения в поколение.

Венчание и свадьба состоялись в Казани, а в конце лета 1867 года молодожены отправились в Архангельск, вступать в наследство. Пётр Ильич быстро смирился со своим новым положением и даже гордился умной и властной женой, которая полностью взяла на себя бразды правления всеми делами.

Через 10-12 лет повзрослевшие казанские племянницы приезжали навестить свою тетушку Лизу. Девушки были счастливы поближе познакомиться с Петром Ильичем, который на свежем деревенском воздухе совсем раздобрел, загорел и даже как-то помолодел. Во всяком случае, лицо у него округлилось, морщинки расправились, а глаза блестели по-юношески озорно и лукаво. От скандального прошлого у бывшего московского юриста осталась лишь курительная трубка, да и то... Пётр Ильич давно уже не курил, а только посасывал по привычке мундштук.

Местные работники, трудившиеся по найму у Рыкиных, со всеми своими проблемами и просьбами обращались к «хозяйюшке Лизавете Семёновне», которая активно вникала в суть их забот, помогала людям и словом, и делом. Пётр Ильич изредка приезжал верхом на лесопилку, болтал с мужиками о погоде или лошадях, но главным его увлечением стала оранжерея, где он выращивал розы, и зимний сад с экзотическими фруктами, а еще новый архангельский помещик пристрастился к чтению французских романов и игре в шашки.

Супружеская чета Рыкиных представляла две полные противоположности... Елизавета Семёновна никогда не проявляла открыто своих эмоций, редко смеялась и говорила только о хозяйстве, о насущных делах, об урожае. А вот Пётр Ильич мог позвать «Лизончика» в дальний уголок сада, чтобы показать ей раскрывшийся бутон или послушать пение птиц. Изредка и Елизавета Семёновна устраивала сюрпризы: появлялась в дальней беседке, где в кресле дремал ее Петруша, с тем, чтобы порадовать его свежими оладушками со сметаной или попить вместе кофе со сдобными крендельками. Они могли подолгу молчать, изредка перебрасываясь короткими фразами, но эта внешняя холодность вполне устраивала их обоих. Бывали случаи, когда Пётр Ильич оставлял сентиментальный роман с заложенной на определенной странице ленточкой, на кровати своей «любезной хозяйюшки»... Через некоторое время, за обедом или чаем книга возвращалась к Петру Ильичу, опять-таки молча, но легкий румянец на щеках Лизоньки говорил о том, что она прочла отмеченные страницы и оценила внимание супруга.

Наверное, жизнь Рыкиных, так похожая на судьбу гоголевских старосветских помещиков, тихо и мирно подошла бы к своему логическому концу, если бы не опередившая события, трагедия. В 1878 году на лесопилке случился пожар. Пётр Ильич примчался с мужиками тушить разгорающееся пламя. Подоспели люди из соседней деревни. Услышав крики о помощи, Пётр Ильич бросился в помещение спасать своих работников. Двоих вынес на плечах, с третьим, шатаясь, в обнимку появился в проеме двери и рухнул, подхваченный крепкими руками. К сожалению, ожоги лица и рук оказались очень тяжелыми. Пётр Ильич пришел в себя на несколько минут... Увидев склоненное над ним лицо Лизоньки, он едва слышно прошептал: «Прости меня, милая...»

После похорон мужа Елизавета Семёновна стала словно еще тише, незаметнее, но... ничто не изменилось в ее распорядке дня. Утро начиналось с обливания холодной водой, завтрак - тарелка каши и кружка молока, потом весь день работа по хозяйству, несколько дней в неделю занималась с деревенскими ребятишками: учила их грамоте и... пению. Много лет, верная памяти своего супруга, женщина не снимала траур. Казанские племянницы пытались отвлечь свою тетушку от грустных мыслей, звали ее в Казань, однако Елизавета Семёновна долгое время никак не хотела уезжать от могилы своего Петруши.

В конце 19-го века постаревшая Лизонька приехала в Уфу к своему брату, который купил просторный дом на Аксаковской улице. Цветущие сирени, уютный дворик с небольшим садом-огородом напомнили ей усадьбу под Казанью, детство, юность... Елизавета Семёновна решительно и быстро передала управление архангельской деревенькой своим родственникам, что-то продала и перебралась в Уфу. Здесь к старым привычкам рачительной хозяйки добавились благотворительность и поездки по святым местам.

Мой дед, вернувшийся после русско-японской войны и впервые увидевший Елизавету Семёновну, был совершенно обескуражен аскетическим образом жизни этой женщины, ее внутренней духовной силой и, одновременно, - добротой и каким-то внутренним светом. Вскоре после свадьбы моих будущих бабушки и дедушки, в Благовещенском монастыре, расположенном на высоком берегу реки Белой, что по улице Большой Усольской (ныне улица Сочинская) Елизавета Семёновна, под именем Мария приняла постриг.

В 1913-1918-х годах моя бабушка со своими детьми частенько навещала тетю Лизу. Отец вспоминал узелок с монастырскими яблоками,

которыми она их угощала, небольшие складные иконки, написанные самой Елизаветой Семёновной для близких ей людей, ее легкие, как птичьи крылья, руки, благославлявшие всех на прощание...

Последний раз тетю Лизу видели осенью 1918-го года. В России шла Гражданская война. В Уфе в 1918-1919-х власть менялась неоднократно. Говорили, что монахиню Марию убили, когда она не позволила снять со стены иконы, но были ли это представители Белой Армии или красноармейцы - неизвестно. Мертвой Елизавету Семёновну никто не видел, место захоронения не найдено. Возможно, ее могилка осталась незаметным холмиком среди множества появившихся в тот период братских могил, а может быть, неутомимой труженице удалось покинуть пределы страны, и она еще долго посылала нам свое благословение?

Фото с сюрпризом

Недавно, просматривая свой архив, я обнаружила старинную фотографию, на которой запечатлены мои родственники: Костик (мой будущий отец), его сестра Нина, их мама (моя будущая бабушка Вера Николаевна Фадеева) с сыном Володей на руках. Подобных снимков в альбоме хранится немало, но этот особенный, на обороте дата: июнь 1916 года. Получается у фотокарточки юбилей - ровно 100 лет.

Как рассказывала мне тетя Нина, фотография эта имеет занятную историю. Бабушка своей рукой сделала приписку: «Я и трое с половиной детей.»

В 1906 году, когда Вера Николаевна вышла замуж за Александра Андреевича Фадеева, она поменяла не только фамилию, но и место жительства, перебравшись из Казани в Уфу. В начале 20-го века Аксаковская улица, где поселились молодожены, утопала в зелени; цвели сады, ветки сирени проникали в открытые окна, разноцветные мальвы и золотые шары полностью скрывали серые, покосившиеся от времени, заборы. После Казани Уфа казалась Верочке маленьким, уютным городом. Собираясь небольшой компанией, народ с ближайших улиц направлялся в парки, где от палящих лучей солнца можно было укрыться в тенистых аллеях. Любимыми местами отдыха супругов Фадеевых был сад на Случевской горе (ныне парк Салавата Юлаева) и район железнодорожной станции Воронки с достопримечательностью Висячим камнем. Поездки в парк и прогулки в парках это своеобразный ритуал. Дамы тщательно выбирали соответствующий погоде и времени суток наряд, головные

уборы, зонтики, трости, сумочки, муфточки; детям, кроме того, что надевалось на них непосредственно, брали какие-то теплые вещи. Если семья имела свой экипаж (а можно было использовать наемный), то в них грузили ковры, скатерти, корзины с едой, напитками, самовар и прочую посуду. На такие пикники ездили на весь день. А вот небольшие прогулки или, как тогда говорили, променады, совершали налегке ... по центральным улицам, где располагались магазины, лавки, рестораны, фотосалоны и другие полезно-развлекательные заведения.

Когда подросли Нина и Костя, их тоже стали брать «на променады», с визитами, в гости к родственникам, которые жили на улицах Александровской (ныне Карла Маркса), Центральной (ныне Ленина), Пушкинской. После рождения каждого ребенка семья фотографировалась. А вот на этой - юбилейной фотографии отсутствует глава семьи - Александр Андреевич. Он уже два месяца как жил у своего брата в Петрограде и даже не подозревал, что после недавно родившегося Володи, Вера Николаевна приготовила мужу сюрприз; в ноябре на свет появилась Лизочка, но ... сообщить о своем интересном положении любительница розыгрышей Верочка предпочла такой вот забавной надписью.

Отзвуки вальса

В детстве меня очень своеобразно знакомили с моими уже давно умершими родственниками. Старшая сестра отца - тётя Нина открывала старинную прапрабабушкину шкатулку, в которой хранились фотографии и открытки 19-го начала 20-го веков, а также мелкие вещи - бабушкин веер, альбом с рисунками и стихами, прадедушкина печать, изящный флакон для духов, кудряшки волос маленького Волички (младший брат моего отца), который не пережил голод 20-х годов прошлого века, брошь с зелёным камнем, сувенирное миниатюрное домино...

Меня усаживали за стол, где и раскладывались эти сокровища; тётя Нина ставила на патефон какую-нибудь пластинку и начинала очередную историю: «Вот, посмотри, какой красивый флакончик...» Отвинчивалась позолоченная пробочка, и я вдыхала едва уловимый аромат духов. «Когда твоя бабушка была молодой, она очень любила модно одеваться и танцевать. А дедушка... он тогда тоже был молодой, привёз ей в подарок духи.» Я старательно нюхала флакончик и слушала «бабушкин любимый вальс». Заигранная пластинка шуршала, словно осенние листья на ветру, а я представляла себе элегантного дедушку в военном

мундире и худенькую, маленькую фигурку бабушки, кружащихся в вальсе.

Тайник

Время летит быстро. Вот уже и мне пора подводить итоги. Лет десять тому назад я решила подарить старинную шкатулку в музей. Вынув содержимое, старательно протёрла её от пыли, рассмотрела полустёртый рисунок на крышке, замочек, бронзовые ножки... Покрутив круглые ножки, я вдруг обнаружила, что у шкатулки имеется второе дно. Заинтригованная, наклонила шкатулку и на стол выпали несколько фотографий. На снимках - офицеры и сёстры милосердия санитарного поезда периода Русско-Японской войны 1905 года и портрет моего деда - Александра Андреевича Фадеева также в военной форме 1915 года.

Подозреваю, что фотографии в тайник положила моя бабушка - Вера Николаевна Кулакова, которая умерла в 1939 году. В тридцатые годы дворянское происхождение или родство с царскими, белогвардейскими офицерами были крайне нежелательны. Вера Николаевна не могла уничтожить памятные ей фотографии близких людей, запечатленных в мундирах, которые воспринимались в сталинское время как что-то враждебное. Поэтому она спрятала опасные фото в тайник, но не сообщила об этом своим детям. Скорее всего, тётя Нина не знала о наличии двойного дна у шкатулки.

Среди фотографий, находившихся в самой шкатулке, остались в основном дамские или семейные; мужские - фото Александра Андреевича в чиновничьем мундире и несколько портретов гимназистов в форме, сохранились штук тридцать фотографий мужчин в штатском. Как выглядели мои прадеды, увы, не знаю. Среди них были военные - инженер и медик, юрист и служащий жандармерии.

Первый пациент

Как ни странно, но точную биографию своего деда - небогатого дворянина Александра Фадеева, я не знаю. Какие учебные заведения он заканчивал, какова его основная профессия, мне неизвестно. С моей будущей бабушкой он познакомился в конце зимы 1905 года, в санитарном поезде, который направлялся на Дальний Восток, где шла война с Японией.

Сестра милосердия Верочка Кулакова, только что закончившая в Казани медицинские курсы, делала перевязку смущённому офицеру, у которого хирург вскрыл большой чирей в области подмышки. Военврач ушёл в другой вагон, оставив парочку наедине, и Верочка постоянно краснела от стеснения и страха, так как боялась причинить боль своему первому пациенту. Когда работа была закончена, офицер надел гимнастёрку и представился: «Квартирмейстер Фадеев Александр Андреевич. Буду чрезвычайно признателен, если вы меня проводите до моего вагона. Кажется, я потерял много крови, у меня кружится голова.» Поняв хитрость больного, Верочка засмеялась, но всё-таки взяла его под руку.

Когда они добрались до нужного вагона, Фадеев достал из портфеля плитку шоколада и вручил Верочке. Её же заинтересовали ноты, лежащие на столике.

Поезд стоял уже более получаса, за окном мельтешили военные в шинелях, слышались окрики, команды к построению; пробежали санитары с носилками, звенели котелки, чайники, - люди запасались водой. В вагон поднялись двое старших офицеров, Фадеев поприветствовал их и, провожая Верочку до дверей, пообещал сегодня же вечером переписать и подарить ей его любимый вальс.

Вторая встреча Верочки и Александра произошла только через день. Закончив перевязку, молодые люди вышли на перрон, благо поезд опять стоял на какой-то небольшой станции. Разговор касался мирных дней, оба вспоминали детство и юность... он говорил об Уфе, она о Казани. Обоим казалось, что они давно знали друг друга, тем более, что у них оказались общие знакомые.

Ожидание

Наконец, после двухнедельного путешествия, санитарный поезд прибыл к месту назначения - станцию Кетрицево, недалеко от Владивостока. Александр Андреевич должен был продолжить свой путь дальше. Обменявшись адресами, молодые люди расстались. В руках Верочки оказались ноты вальса «Ожидание», сочинение господина Герольда Китлера. Впервые это произведение она услышала от Фадеева в исполнении гитары; франтоватый квартирмейстер владел инструментом в совершенстве, собирая вокруг себя кружок любителей музицирования. Гитара звучала очень камерно, почти интимно. Казалось, мелодия навевала лёгкую грусть, но и давала надежду. Уже после войны на рояле вальс за-

звучал по-другому - он кружил, словно поворачивая стрелки часов в обратном направлении... и перед глазами Верочки снова возникал полумрак вагона, длинный стол с кофейным сервизом, освещённый китайской лампой, в воздухе витали ароматы крепкого кофе, едва уловимой тревоги и чего-то такого, о чём она догадывалась, но не хотела признаться даже себе самой.

После интенсивной переписки и визита Фадеева в Казань, в 1906 году на Рождество в Уфимском Воскресенском соборе состоялось венчание Александра Андреевича и Веры Николаевны. Их старшая дочь Нина и сама Вера Николаевна оставили для потомков несколько толстых тетрадей своих дневников. После Александра Андреевича - стопочка открыток и, так называемых, почтовых карточек, присланных из разных городов России. А ещё - журнал, куда он записывал всякие случаи из своей военной биографии. Служить моему деду пришлось недолго, но он успел принять участие в нескольких кампаниях, начиная с Русско-японской войны и заканчивая Финской 1939-1940 годов.

Семейную жизнь Фадеевых нельзя назвать счастливой. Александр Андреевич был большим любителем весёлых собраний и пикников, с обилием вина и не обременённых семьёй женщин. В дальнейшем мой дед женился ещё два раза, но поначалу всё-таки не оставлял маленьких детей, возвращаясь к первой супруге. Какое-то время Вера Николаевна ждала, что муж одумается, но, как ни странно, революционные события навсегда развели супругов по разные стороны баррикад. Моя бабушка категорически не приняла Советскую власть и до конца своих дней старалась жить по правилам принятым в её патриархальной семье ещё в конце 19-го века. Дед, наоборот, с радостью подхватил новые веяния и щеголял по Уфе в красной косоворотке.

«Кое-что любопытное...»

Именно так названы занимательные записки Александра Андреевича. Они не всегда расположены в хронологическом порядке, но я постараюсь быть последовательной. Первая мировая война в российских учебниках представлена в виде обзорной статьи, где указаны причины, враги-союзники, и результаты-выводы. Но, знакомясь более подробно с историей, начинаешь понимать, что на разных участках фронта и даже в разных окопах события военной жизни развивались не однозначно.

«Ноября 2 1914 года. Двинск (ныне латвийский город Даугавпилс - Г.Ф.) посетил Государь с императрицей Александрой Фёдоровной и великими княжнами Ольгой и Татьяной. Выступление Николая перед Армией было каким-то жалким, неубедительным. Казалось царь не находил нужных слов, чтобы ободрить подчинённых, поднять их дух. Он вручил отличившимся награды и, словно избавившись от тяжёлого бремени, поспешил со свитой в штаб на обед. Играл духовой оркестр, дежурные бесперерывно подвозили ящики с вином, из приоткрытых окон доносился смех, мелькали женские лица. Как будто и нет войны!

Перспективы не ясны. Приказ по армии: “Пока я в Двинске, ни шагу назад.” Армии не хватает тёплой одежды, оружия, снарядов. Наши окопы построены наспех, совершенно не обустроен солдатский быт. Начинаются холода, болезни.»

«Август-сентябрь 1915 года. Опять встретился со своим старым приятелем Василием Рябцевым. Какой всё-таки у нас находчивый, работающий народ! Сварили похлёбку из всего, что под рукой оказалось... Попробовал, вполне съедобно. Спрашиваю: “Это с грибами?” – “Есть ма-ленько. Но вода тёмная не от грибочков, от болота.” Я замер. – “Как от болота?!” – “Да не извольте беспокоиться! Болотная вода завсегда лучше родниковой, она не зацветает, не портится. У нас охотники, когда надолго уходили, брали с собой не простую родниковую, а именно болотную. Сохраняется лучше, да и животу спокойнее, не болеешь от неё. У нас и хутор на болоте стоит. Люди испокон веку там селились. И жили до самой старости. Птица всякая водится, ягоды... Топкое болото для доброго человека тепло даёт. Из ржавой болотной кашицы сырьё добываем. Я по молодости-то кузнецом на хлеб зарабатывал.”»

«Ноябрь-декабрь 1915 года. Бессмысленность войны угнетает. Среди солдат гуляют частушки о “царе-балде и царице-блуднице”... Нет веры командирам, пошатнулась Вера в Бога. И в немецких, и в русских окопах молятся... К кому Бог будет более милостлив? И слышит ли Он нас? Это пролог катастрофы.»

На войне без войны

«Январь 1916 года. Крещенские дни стояли солнечные с лёгким морозцем. Солдатики устроили нам настоящий праздник. На большой поляне возле леса, в котором располагались землянки этой дивизии, амфитеатром устроили военнослужащих штаба, врачей и сестёр милосер-

дия из лазаретов и госпиталей. Зрелище удивило нас разнообразием представленных номеров. Солдаты, наряженные зверями, цыганами, арапами, водили хороводы, представляли спектакли, остроумные, смешные пьески, танцевали, пели, играли на гармошке и балалайках, показывали фокусы. Царило беззаботное веселье. Артистам поднесли по рюмке водки. Шум и гам не прерывался даже при раскатах вражеской артиллерийской пальбы, которая здесь была значительно слышней, чем в штабе. Да разве смутишь такой “музыкой” дух русского человека?! Тем более, что наградой артистам были не только аплодисменты, но и хорошая закуска.»

«Написал Верочке письмо. С учётом цензуры. Написать всё, как есть, невозможно. Даже намёк на какие-либо сомнения тщательно вымарывается. Война калечит человека. И духовно, и физически. Любая война. Командование делает вид, что всё идёт по плану, но планы меняются каждый день, и сказать, что станет завтра с конкретной ротой или полком весьма сложно. Возникают крамольные мысли: а что будет с Россией?»

Офицеры всё чаще прибегают к традиционному успокоительному - водке. На час-два наступает весёлое спокойствие, уверенность в правильности развивающихся событий, но протрезвление всё возвращает на круги своя.»

«Июль 1916 года. Наблюдал ужасную сцену. Солдат задумался и не отдал честь своему командиру, за что получил 25 ударов розгами. Роту построили, несчастного положили на телегу и... Солдатик, совсем молодой, недавно прибывший на пополнение, горько плакал в полной тишине. Россия, что с тобой?! Ведь этот мальчик назначен твоим защитником! Какое зверство! Какая подлость по отношению к своему народу!»

«Август 1916 года. Два часа играл в карты с К., М., и Б. К М. приезжала невеста с матерью. Долго обсуждали приданое, двухэтажный дом в Киеве, недавно приобретённую коляску и лошадей. К. хвастался сапогами, сшитыми на заказ. Пили Шустовский коньяк (подарок матери М.) и ели жареную на прогорклom сале картошку.

... Странно, как я раньше не замечал, что у простого мужика есть чему поучиться... Вроде неграмотный человек, деревенский, а сколько в нём здорового, светлого разума, который открывает глубину солдатской души и заставляет думать, что этот рядовой Ванька, взятый от сохи, гораздо умнее многих интеллигентных... И не дурак солдат, как в офицер-

стве принято о них думать, а умный человек, с которым можно поговорить, поделиться и даже кое в чём посоветоваться.»

Волки и футбол

«Февраль 1917 года. Плещеева загрызли волки?! Пашку Плещеева!!! Третьего дня мы с ним играли в шахматы и согревались чаем с мёдом... А сегодня ходили на опознание трупа и узнали Плещеева только по перстню, который у него не снимался с пальца; от лица ничего не осталось, полностью съедены мягкие части тела. Ужас!!! Такое впечатление, что кризис не только в человеческом сознании, но и во всей природе. Восточнее Ковно (ныне литовский город Каунас - Г.Ф.) расплодилось огромное количество волков. Голодные стаи бродят в поисках пропитания, не боятся нападать на группы солдат. Рассказывали, что на отдельных участках фронта с немцами было заключено временное перемирие. Охотники и меткие стрелки истребляют сотни серых хищников. Когда опасность со стороны волков удалось свести к минимуму, война возобновилась. Зачем? Кому это нужно? Над этими вопросами задумываются не только в окопах, но и в штабах.

Ещё одна потеря... Погиб Рябцев. После ранения он не до конца поправился, а в холодном окопе простыл; утром его обнаружили замёрзшим с сухарём в руках. Какие бессмысленные жертвы! Человеческие жизни не стоят и гроша!»

«Написал письмо маман. Про шахматы, про кашу с салом написал... зарисовал свою комнатку с какой-то средневековой кроватью. А перед глазами - останки Пашки, завёрнутые в простыню. Как сообщат Анастасии Петровне и Маше?! Как объяснят?! Остался его томик Пушкина и семейная фотография. Ветер воет протяжно, с надрывом. Через час мне на дежурство. Надо вздремнуть.»

«Памятуя о неофициальном перемирии в канун Рождества 24 декабря 1914 года между британскими и немецкими солдатами, об обмене подарками и даже игре в футбол, наши тоже предложили устроить встречу и перемирие, хотя бы на два дня. Командование воспротивилось и был даже приказ: в Рождество усилить артиллерийский обстрел, чтобы не допустить затишья в боевых действиях. Войска также направлялись на разные участки фронта, предотвратить их слишком близкое знакомство со своими врагами. Однако случаи преднамеренного “смягчения” военных действий происходили. Например, артиллерия обстреливала

конкретные точки в конкретное время, дабы избежать потерь с обеих сторон. А футбольный матч организовал М. - большой любитель физической культуры во всех её проявлениях. Солдатики наши восторженно встретились, приободрились и в течение часа гоняли по полю сделанный из старой шинели мяч. Зрители криками до хрипоты поддерживали футболистов. Победители получили по рюмке водки, но проигравшие были не в обиде и ещё долго обсуждали перипетии игры.»

Время перемен

«Март-апрель 1917 года. Нам с Б. дали отпуск. Поехали в Петроград. Я - навестить Митю (племянник - Г.Ф.), Б. - к семье. Митя похвастался знакомством с “удивительным человеком, поэтом и героем”, награждённым двумя Георгиевскими крестами. Как же я был обрадован, узнав в “поэте и герое” прапорщика Николая Гумилёва. Мы пожали друг другу руки и весь вечер просидели в маленьком ресторанчике, вспоминая события весны прошлого года.

На войне, даже короткие встречи, более значимы, чем в мирное время, тем более, если это личности - неординарные. Серо-голубые глаза Гумилёва всегда блестели каким-то детским восторгом. Ему под пулями было весело. Помню, как неспешно раскурив папиросу, он всматривался в весеннее небо, тогда как со стороны немецких окопов истерично захлёбывался пулемёт.

Тощая, словно селёдка, с обнажёнными плечами, певица, кокетливо поправила причёску и присела за соседний столик к двум молодым офицерам. Гумилёв привстал и поклонился ей. Потом опрокинул рюмку коньяка и закурил. Оркестр заиграл вальс “Ожидание”. Странное волнение рождает в моей душе эта музыка! Что нас ждёт?!

- “А, простите, чем сейчас занимаетесь?” - обратился я к Николаю. “Работаю корреспондентом в “Русской воле”, но предчувствие говорит мне о том, что приключения ещё впереди.” Гумилёв слегка повёл головой в сторону певицы: “У неё два сына на войне погибли и младший брат.” В его зрачках вспыхнули огоньки бешенства, он сжал рюмку своими холёными, тонкими пальцами.

“Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.”

В голосе поэта звучало ожесточение и боль. Мне хотелось расспросить его о личной жизни, о планах, но я и сам не знал, каким будет наше завтра. А по залу кружились пары, слышался смех и звон бокалов. В голове у меня стучали тысячи молоточков, ломило поясницу... Я вдруг ощутил всю тяжесть своего возраста. Как там в Уфе? Надо написать письмо Верочке.»

«Мирный кролик»

Март 1918 года в Уфе был холодным и ветреным, такова же была и политическая обстановка в России. Александр Андреевич демобилизовался и чувствовал себя свободным и помолодевшим. Ему исполнилось сорок лет и кризис его возраста совпал с кризисом в стране. Разлад в семье всё больше обострялся. Четверо детей нужно кормить, одевать, воспитывать, несмотря на катаклизмы в мире и сложности в семейной жизни. Проблема с дровами, покосившееся крыльцо, недостаток денег и продуктов раздражали Александра Андреевича и он всё чаще искал душевного (и не только!) участия на стороне.

Брестский мир был подписан 3 марта, а 14 марта 4-ый Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор. Папиной любимице Ниночке было тогда одиннадцать лет и она хорошо запомнила вкусный, сытный обед из кролика с грибами, тушёными в сметане с жареной картошкой, который был связан с окончанием войны. «Воот, детки, - говорил Александр Андреевич, - скоро начнётся совсем другая - мирная жизнь. У меня будет постоянная работа, мы купим берёзовые дрова, станем чаще топить печку...»

Действительно, мой будущий дед нашёл хорошую работу, дома стало тепло. Однако голод ещё долго заставлял детей вспоминать «мирного кролика», и, уже повзрослевшая тётя Нина, с удовольствием готовила для меня это блюдо, рассказывая подробности тех далёких лет.

Мелькающее отражение

К чему эти воспоминания?! Предновогоднее настроение рождает ностальгию. Любопытно проследить за событиями давно минувших дней, перелистывая странички дневников, писем, альбомов. Мне легко говорить о своих дедушках и бабушках, хотя они покинули наш мир задолго до моего рождения... Столько интересного, порой трагического

или забавного слышала я от своих родственников! А вот история с вальсом «Ожидание» имела продолжение.

В конце 50-х начале 60-х годов, когда мы жили на улице Кирова, отец водил меня в парк имени Луначарского (ныне имени Сергея Аксакова). Там в духовом оркестре играл дядя Гриша - муж маминой крёстной. Я помню своё состояние, когда первые звуки оркестра зазвучали в этом старинном парке. Мне было 3-4 года. Совсем не помню лиц, но музыка... У меня перехватило дыхание! Казалось, всё вокруг меня звучало, пело, кружилось, подхватывая вихрем страстей! Меня усадили на маленькую складную скамеечку, возле клумбы с душистым табаком, и я, совершенно оглушённая мелодиями где-то, когда-то услышанными, теперь узнала их и приняла эти живые звуки в своё сердце навсегда. Самые сильные эмоции вызывал у меня вальс Герольда Китлера «Ожидание». Какие мысли появлялись у меня в голове, не помню, но ощущение невесомости и какого-то недетского томления духа опьяняли меня.

Когда я стала постарше, тётя Нина учила меня танцевать вальс. Раз-два-три, раз-два-три... поворот возле печки, раз-два-три, раз-два-три... я уже возле окна. Создавалось впечатление, что чарующая мелодия вальса погружала меня в другую реальность. Будучи уже школьницей, я пришла как-то на танцплощадку и ... была разочарована. Царившие там мелодии не находили отклика в моей душе, не дарили фантазии мыслям.

Уже давно ушли из жизни дядя Гриша и тётя Нина. Сколько воды утекло... Много исторических событий выпало и на мою долю. Что-то осталось в памяти, что-то хранится в записках, случайных блокнотах.

Мой дед частенько декламировал стихи Николая Гумилёва:

«И вот вся жизнь! Круженье, пенье,
Моря, пустыни, города,
Мелькающее отраженье
Потерянного навсегда.»

Но... Я отвинчиваю пробку бабушкиных духов и воспоминания, как по волшебству, вновь оживают во мне.

Берёзка, или Славная биография бабушки Нади

Среди сестер моей бабушки Веры Николаевны Кулаковой-Фадеевой Наденька была самой спортивной, если такое выражение возможно в отношении девушки, родившейся в 19-ом веке.

Начиная с 10-летнего возраста, она с родителями по оказии навещала своего кузена, который периодически выезжал по делам службы в Петербург. В начале 20-го века уже получили распространение кружки любителей гимнастики, различных видов борьбы, катания на коньках и других видов спорта. Люди весьма солидные (и по комплекции и по должности) с удовольствием поднимали гири или крутили педали велосипеда. Гимназистка Наденька была просто ошеломлена увиденным в гимнастическом зале, где с азартом занимался и ее брат. Подтянутые, с рельефными мышцами мужчины в черных трико крутили «солнце» на турнике, выполняли сложные прыжки – сальто, кульбиты, строили высокую «пирамиду», на вершине которой – совсем молоденький спортсмен делал «мостик», опираясь на плечи своих товарищей.

Дома Надя самостоятельно стала отрабатывать некоторые гимнастические трюки и вскоре удивила и брата, и его приятелей, продемонстрировав элементы на гибкость и координацию движений.

Закончив бестужевские курсы, Наденька расширила свой кругозор и знания, а также продолжила занятия физкультурой. К двадцати годам она стала не только хорошей гимнасткой и акробаткой, но и научилась красиво кататься на коньках.

Вообще, каток в конце 19 - начале 20-го веков играл весьма значительную роль в жизни людей всех возрастов. Молодежь имела возможность проявить ловкость и способности конькобежца, а пожилые люди, которых катали в специальном кресле на полозьях, могли подышать свежим, морозным воздухом и пообщаться. На катке играл духовой оркестр, звучали популярные танцевальные мелодии. Особенной любовью пользовался вальс «Березка».

В 1910 году, двадцатилетняя Надя с упоением кружилась на льду, не замечая вокруг себя никого и ничего. Вот так, разогнавшись, девушка налетела на строгую, чопорную даму в кресле, которую катал симпатичный молодой человек. Дама рассердилась и начала отчитывать упавшую к ее ногам спортсменку, а молодой человек помог той подняться и пред-

ставился: «Алексей Дмитриевич». Надя заправила свои рассыпавшиеся волосы под шапочку и, смущенно улыбнувшись, исчезла в толпе. Алексей Дмитриевич проявил настойчивость, и через несколько дней счастливые конькобежцы уже вдвоем скользили под звуки «Березки».

Скромная девушка долго не хотела называть свое имя, и Алексей Дмитриевич за стройность и гибкость, а также в память о звучавшем вальсе назвал ее Березкой. Они были счастливы все 30 с лишним лет совместной жизни, а потом... наступил 1941-й год. Алексей Дмитриевич, несмотря на свой возраст и «бронь», добился отправки на фронт и погиб в первые месяцы войны. Его мама – «чопорная дама», безумно любившая сноху, умерла в блокадном Ленинграде от истощения. Наденька-Березка, теряя сознание от голода, до последнего дня помогала эвакуировать детей из замерзающего города призраков, пока кто-то из женщин не затащил ее в кузов уходящего грузовика.

В Уфе больная, исхудавшая, усталая женщина поселилась у своих племянников – моего будущего отца и его старшей сестры. Папа рассказывал: «Утром следующего дня я проснулся от того, что кто-то тяжело дышал на веранде. Отодвинул занавеску и увидел тетю Надю: она опираясь руками на табуретки, делала приседания. После каждого движения она долго восстанавливала дыхание, придерживаясь за стену. Я знал о ее занятиях физкультурой по прошлым, довоенным встречам, но эта ее утренняя гимнастика потрясла меня до глубины души. Закрыв занавеску и юркнув под теплое одеяло, я дал себе слово, что мои дети обязательно будут спортсменами». (Надо заметить: желание его воплотилось в жизнь – в четыре года я уже стояла на лыжах). Папина сестра уточняла: «Тетя Надя при росте 162 см весила тогда 40 кг и больше напоминала не березку, а маленькую ее веточку».

Волевая блокадница и в Уфе продолжила занятия физкультурой, а утром и вечером обливалась холодной водой в старом сараюшке, чем повергла в изумление многочисленных соседей по коммуналке.

Тетя Надя сначала устроилась на работу в госпиталь, а потом ей предложили должность преподавателя в вечерней школе. По воскресеньям она неизменно посещала каток на стадионе «Динамо» и прославилась не только своим фигурным катанием, но и тем, что играла с ребятами в хоккей. Дети придумывали своим друзьям забавные клички и прозвища; тетя Надя категорически возражала против того, чтобы ее называли по имени и отчеству: так она вновь стала Березкой. Юные хок-

кеисты даже не догадывались, что их старшей подруге было в ту пору уже далеко за пятьдесят.

Замуж тетя Надя так и не вышла; Алексей Дмитриевич остался для нее единственным на всю жизнь. Когда на свет появились внуки, Березка посвятила себя их воспитанию, курсируя между Уфой и Челябинском, куда по работе направили зятя старшей дочери.

Мои встречи с бабушкой Надей – Надеждой Николаевной Башмаковой помню с начала 60-х годов. Эта женщина оставалась такой же стройной, энергичной и доброжелательной, какой была в молодости и какой я себе ее представляла по рассказам отца и тетушки. Возрастом бабушки Нади я - 6-7-летний ребенок, просто не интересовалась. Она на равных со своими внучками шести и тринадцати лет в компании со мной и соседским мальчиком играла в снежки и каталась на фанерке с ледяной горки.

Кстати, культ физической культуры, который она привила своим внукам, дал свои плоды: старшая была разрядницей по спортивной гимнастике и волейболу, средняя стала мастером спорта СССР по плаванию, а младшая занималась туризмом и объездила весь Советский Союз.

Последние годы жизни бабушки Нади были так же насыщены событиями, как и вся ее биография. В 77 или 78 лет она упала, катаясь на коньках с внучкой, и получила сложный перелом бедра. Травма оказалась настолько тяжелой, что врачи были уверены: женщина обречена на постельный режим. Они не знали Березку! Бабушка Надя тренировалась лежа! Нет, без костылей она уже не могла обходиться, но обувью для своих близких не стала. Гимнастика и закаливание помогли ей дожить почти до 90 лет.

Больше 10 лет провела она на костылях, но сколько умных, теплых и оптимистичных писем получила я от нее за это время! Она вела дневники, собирала архив по истории русской литературы, по искусству, по истории спорта; переписывалась с известными артистами и спортсменами; охотно делилась своими знаниями с другими, по-детски обожала розыгрыши и сюрпризы, очень серьезно играла в шахматы и радовалась каждому дню. Зная о моих книжных пристрастиях, бабушка Надя дарила мне исторические романы и мемуары. Последним ее подарком для меня стала маленькая, изящная книжечка «Записки княгини М.Н. Волконской» - женщины с любящим и мужественным сердцем, таким же, как у нашей Березки.

Запутанное дельце

В семейном архиве моей бабушки мужских фотопортретов значительно меньше, чем женских. Объясняется это просто: большинство мужчин являлись профессиональными военными, еще несколько человек из штатских были мобилизованы на русско-японскую и Первую мировую войны. Естественно, каждому хотелось сфотографироваться на память в мундире с оружием, наградами...

Но в период сталинских репрессий хранить такие снимки было опасно, и моя предусмотрительная тетушка фотографии уничтожила. Сохранились лишь снимки моего деда в военной дореволюционной форме, несколько фото мужчин в штатских костюмах. В потайном дне своей шкатулки бабушка держала пять любительских снимков врачей и сестер милосердия на фоне санитарного поезда направляющегося в 1905 году на русско-японский фронт. Среди позирующих находилась и она, моя бабушка. Но вот что интересно... Вместе с этими выцветшими снимками, в отдельном конверте лежало фото какого-то молодого красивого мужчины в неизвестном мне мундире; на обороте рукой моего деда сделана надпись: «Получил в Казани 7 1/2 вечера 10 ноября 1914 г.» Часть биографии изображенного на снимке человека тетушка поведала мне, тогда 13-летней девочке, шепотом (была середина 60-х годов).

Сергей Михайлович Кулаков приходился двоюродным братом моей бабушке. Он был старше своей кузины, но это обстоятельство не мешало их дружеским отношениям. Серж, как звали его близкие, служил следователем в Казани, читал в оригинале французские романы и постоянно был в кого-то влюблен. Принимая участие в домашних концертах, он исполнял под гитару жестокие романсы или с надрывом читал любовные стихи. Помимо хронической влюбленности, Серж имел еще одно, весьма серьезное пристрастие - сыск. Он интересовался последними открытиями в области криминалистики, собирал какую-то картотеку и частенько, осененный внезапно пришедшей ему в голову идеей, буквально сбегал с вечеринок, оставляя в недоумении хозяев и гостей. По Казани быстро распространились слухи о весьма одаренном молодом сыщике; его уважали коллеги и даже более старшие товарищи не гнушались советоваться с ним. Когда любопытные дамы кокетливо спрашивали: «Мсье Серж, отчего вы так задумчивы сегодня?» - Сергей Михайлович, машинально подкручивая усы, отвечал: «Да так... запутанное дельце

попалось...» По делам службы ему приходилось ездить в командировки, подолгу жить в Петербурге.

Вскоре после начала империалистической войны Кулаков, воспользовавшись родственными связями, перебрался в Петербург на постоянное место жительства, где несколько лет проработал адвокатом. В подробных письмах своей кузине и тетушкам он сообщал, что посещает кружки гимнастов и конькобежцев, по ночам читает о приключениях индейцев, что жениться не собирается, так как берет пример с известного юриста Анатолия Федоровича Кони, с которым он имел честь беседовать в гостях у общих знакомых.

Революцию Сергей Михайлович не принял, и с презрением относился к «мужицкой милиции». Какое-то время знания и услуги Сержа были востребованы новой властью, но методы работы и оголтелый террор не устраивали Кулакова, и он отказался от сотрудничества. Выход был один - эмиграция. Из ценного у Сержа остался лишь перстень с бриллиантом. На землю Франции он ступил с узелком в руке, где, кроме полотенца и смены белья, в салфетке были бережно завернуты несколько фотографий и личный дневник. В корзинке, укрытый старым пледом, лежал больной фокстерьер, которого Сергей Михайлович не мог бросить в России.

Первое время Серж служил санитаром в частной больнице, но великолепное знание французского и немецкого языков быстро помогло ему найти более достойную работу. В начале 30-х годов моя будущая бабушка с улыбкой перечитывала длинное послание от брата из Франции, где он рассказывал о своей жизни, сообщая, что, наконец-то, женился. Его супруга - француженка с русскими корнями помогла Сержу открыть сыскное агентство. У Сергея Михайловича родились дочь и сын. Фокс Бобка умер в глубокой старости, но в доме живет его правнучка Зюзя, которая выполняет команды на русском и французском языках.

На это письмо Сергея Михайловича отвечать уже побоялись. Переписка прекратилась, хотя в мае 1945 года из Франции неожиданно пришло еще одно письмо. Трудно объяснить, как оно прорвалось сквозь цензуру, но еще более странным было то, что на конверте стоял адрес прежнего местожительства семьи моей бабушки, и тем не менее... В конверте был рисунок сына Сергея Михайловича с танцующими возле разбитых танков и орудий ангелами. В коротком, скорее похожем на записку, письме Серж приглашал свою кузину и родственников к себе в

гости во Францию. Он перечислял имена знакомых, оставшихся в России, не зная, что почти все они погибли на войне, умерли от голода или от болезней. Покинула этот мир и моя бабушка. Родня Сержа долго ломала голову: как это письмо нашло своего адресата, и с ужасом ждала последствий. Как ни странно, все обошлось.

Когда, рассматривая фото Сергея Михайловича, моя тетушка вспоминала подробности его биографии и историю с последним письмом, она озабоченно качала головой и повторяла: «Да...а... запутанное дельце...»

Кстати, о кошках

Судьба папиного отца удивительна. Я уже никогда не узнаю, чем руководствовался этот человек - небогатый дворянин, участник русско-японской, империалистической, гражданской и финской войн, когда, отказавшись от своего прошлого, он еще в 1917 году встал на защиту Советской власти. И без того сложные супружеские отношения с моей будущей бабушкой обострялись на почве политики. Александр Андреевич Фадеев с презрением относился к Николаю Второму, а после появления в Зимнем дворце Гришки Распутина считал, что царская семья своими связями с авантюристом дискредитирует российское самодержавие. Моя бабушка - Вера Николаевна - набожная, воспитанная в строгости и преданности монархии, подобные высказывания называла богохульством и, несмотря на житейские трудности и даже (впоследствии) опасности со стороны ВЧК-НКВД, своих убеждений и взглядов не меняла.

В конце 20-х годов между супругами произошел окончательный разрыв. Старшая дочь Александра Андреевича от первого брака - любимица своего отца, не прерывала с ним отношений и была в курсе всех его маленьких радостей и разочарований. Именно ей, моей тётушке, рассказывал он о встречах весной 1917 года с В.И. Лениным.

Приехав в Петроград на именины к племяннице, Александр Андреевич дважды имел случай наблюдать этого энергичного, с лукавой усмешкой революционера. Дело в том, что с отцом именинницы Владимир Ильич был знаком по Казанскому университету и, бывая в северной столице, делал гостеприимному семейству визиты. Так, в непринужденной обстановке, под звуки рояля и танцы детей, Александр Андреевич оказался втянутым в жаркий спор... о кошках. Ильич очень любил этих своенравных Барсиков и Мурок и доказывал, что, проявив терпение, их

можно успешно дрессировать. Мой дед, наоборот, считал кошек глупыми и годными только для ловли мышей. Ленин горячился, всплескивал руками и очень расстраивался, что сию минуту не может доказать свою правоту.

Незадолго до возвращения в Уфу Александр Андреевич неожиданно столкнулся на улице с Владимиром Ильичем и двумя сопровождающими его серьезными господами. Ленин прищурился и, узнав своего оппонента, дружески пожал ему руку. «А давайте продолжим разговор о кошках в обществе милых дам?!» - полувопросительно, полуутвердительно предложил Ильич и, подхватив Александра Андреевича под руку, потянул за собой.

В небольшом, с высокими окнами особняке собралось человек тридцать. Трое «милых дам» смотрели на гостей с любопытством и без смущения. Было очевидно: они твердо знают, чего хотят, и озадачить их чем-либо очень сложно. Мой дед устроился в уголке возле кадки с цветком и, оставаясь в тени, наблюдал за происходящим. Говорили о войне, о тактике и стратегии большевиков. Александру Андреевичу эти заумные дискуссии молодых людей казались пустой болтовней, но убежденность и простота изложения мыслей Ленина завораживали. По мнению Владимира Ильича, мир делится на две половинки: на представителей рабочего класса и тех, кто противостоит ему; первые правы во всем, потому что они страдают, вторые - носители зла, обидчики, эксплуататоры - достойны смерти. Революционный лидер говорил увлеченно, азартно, взхлеб. У Александра Андреевича было такое чувство, словно он летит на паруснике; волны то поднимают корабль на гребень, то плавно опускают вниз. И каждый раз, взлетая с Лениным на волне его ораторского искусства, мой дед ждал: вот сейчас, сию минуту он, обычный гражданин, узнает Истину и поймет, наконец, ради чего он жил и как жить ему дальше... Ответа на свои вопросы Александр Андреевич так и не получил, но в его памяти остался образ сильной, волевой личности, способной ради идеи, ради какого-то вселенского счастья рисковать не только судьбами других, но и своей собственной жизнью.

Бодлер не мог ошибиться!

Встреча двух сестер Верочки и Марии Кулаковых в Уфе осенью 1908 была нерадостной. За несколько дней до венчания в Волге под Казанью утонул жених Маши. Восемнадцатилетняя девушка долгое время

находилась между жизнью и смертью, пока родители не уговорили свою младшенькую поехать к старшей - Верочке, у которой в 1906 году родилась дочь Ниночка, а через два года - сын Костик - мой будущий отец.

На Аксаковской

Разница в возрасте двух сестричек была почти 7 лет, но их всегда связывали нежные, доверительные отношения. Верочка сразу освободила небольшую, уютную комнатку для Маши. К ее приезду стены обклеили нежно салатными обоями, повесили новые шторы, вышитая яркими васильками скатерть украсила туалетный столик, а на подоконнике в ожидании новой жительницы умывался большой дымчатый кот Васька.

Супруг Верочки - Александр Андреевич служил в госбанке; несмотря на занятость, он тоже принял теплое участие в судьбе Маши, всячески стараясь отвлечь девушку от грустных мыслей. Впрочем, двое маленьких детей не давали женщинам скучать, и даже опытная нянька к концу дня валилась с ног от усталости.

Прошел год. Маша уже привыкла к Уфе, к дому с большим огородом и садом на Аксаковской улице. Дети росли, повседневные дела и заботы всецело захватили девушку, и Машуня уже не рвалась в родную Казань. Разговоров о будущем сестры старательно избегали, но в семье с визитами бывали мужчины разного возраста, встречались и более настойчивые потенциальные кавалеры, которые не искали повода для встреч с симпатичной, тихой, очень скромной девицей, а запросто обращались к ней с деловым предложением: позаниматься с ними французским языком. Однако отношения между молодыми людьми дальше уроков не развивались. Деньги, полученные за репетиторство, Машенька отдавала сестре, оставляя себе самую малость на мелкие расходы.

К 1911 году у Маши появились постоянные ученики от пяти до двадцати пяти лет, но главное - две хорошие подруги, ее одноклассницы, которые увлекли девушку чтением и цветоводством. В доме появилась оригинальная веранда с многочисленными полочками, заполненными вазами и горшочками с экзотическими растениями. В свободное время подруги устраивались на веранде, читали или делали зарисовки цветов, натюрмортов, болтали обо всем, мечтая о путешествиях в дальние страны.

В Сочельник девушки, заинтригованные рассказами няньки, решили гадать «на суженого». К компании присоединились соседская девушка-подросток и дочь прачки, помогавшие по хозяйству. В полночь они подошли к высоким воротам и после присказки: «Залай, залай, собаченька! Залай, залай, серый волчок!», «Где залает собаченька, там живет мой суженый!» каждая бросила свой туфель или сапожок. Прислушались... Тишина, только ветер подсвистывает да метель метет. Еще раз громко повторили слова: «Залай, залай, собаченька!» Где-то вдали лениво твякнула пару раз какая-то собачонка, да промчался одинокий всадник. Гадальщицы, толкаясь, бросились открывать калитку и смотреть - в какую сторону показывает носок упавшей обуви. У каждой были свои надежды и предположения, но всех озадачил тот факт, что Машин сапожок-гусарик никак не находился. Сбегали за лучиной, руками осторожно раскидали сугроб... Пропал гусарик. Маша чего-то испугалась, в глазах появились слезы. Подруги пытались ее успокоить, но странное исчезновение сапожка озадачило и их. Договорились встретиться на рассвете и продолжить поиски, но и на утро пропажа не объявилась.

Находка

Прошло несколько дней, происшествие с гаданием стало забываться. Как-то, возвратившись после обеда с прогулки, Маша увидела во дворе незнакомую лошадь, укрытую теплой попоной. Скинув шубку, девушка вошла в залу. Навстречу ей поднялся симпатичный мужчина, слегка полноватый, с серо-голубыми улыбающимися глазами и франтоватыми, гусарскими усиками. «А вот и наша Машенька!» - торжественно объявила старшая сестра. Раскрасневшиеся с мороза щеки девушки стали еще румянее от смущения. «Знакомься, Машуня, это наш сосед - Курчеев Юрий Васильевич». Гость поклонился и мягким бархатным баритом произнес: «Дорогая Мария Николаевна, простите нас, ради бога! Конечно, это я не доглядел... Вот ваш сапожок. Ах, какая оказия вышла!» Маша всплеснула руками: «Что это? Как он к вам попал?! И в чем вы себя вините?» Юрий Васильевич покачал головой, промокнул лоб большим носовым платком и начал свой рассказ: «Задержался я на днях у приятеля, посидели с ним, молодость вспомнили, стихи читали... Ну, как водится, закусили... Да. Я на часы-то глянул... без пяти двенадцать, а я тетушке обещал к десяти вернуться. Вскочил на коня, Бодлера свистнул, и полетели мы вдоль по Аксаковской. Тетушкин домик-то наиско-

сок от вашего...» «Юрий Васильевич, - прервала его Верочка, - Бодлер - это Лерка что ли? Пудель Софьи Кирилловны?» - «Он самый, шельма такая! Я пока ворота открывал, он в калитку шмыгнул. Видать, прихватил, бестия, по дороге сапожок-то, да в сараюшку на сено и бросил. Тетушка меня с пирогами ждала, наливочку мы с ней домашнюю продегустировали... В общем, на другой день голова у меня болела страшно! Чай попил... с ромом и опять спать завалился. Не стану утомлять вас подробностями, как только сапожок обнаружился, я приступил к поискам хозяйки. Начал, конечно, с домочадцев приятеля, у которого в гостях тогда задержался, а только сапожок ваш опознала барышня Кочемасовых; оказывается вы с ней у сапожника Верзилина обувь заказывали».

Тем временем на стол водрузили большой самовар, на белой скатерти появился красно-белый с позолотой чайный сервиз, блюдо с фирменным Верочкиным печеньем с корицей, варенье со смородиной, с ранетками и ванильные сухарики. Юрий Васильевич прижал руки к груди и, глядя на Машу, виновато произнес: «Мария Николаевна, чем мне искупить свою вину? Постараюсь компенсировать нашу с Бодлером проказу каким-нибудь приятным для вас подарком». Маша покачала головой: «Ничего не надо! Я рада, что мой гусарик нашелся. Давайте будем чай пить».

Уже за столом гость подробнее рассказал о себе. Сам он живет в Москве. В Уфу на Рождество приезжает навестить своих родственников: кузину с мужем, чей дом с мезонином и голубятней на Большой Казанской (ныне улица Октябрьской революции) и тетушку Софью Кирилловну.

Подарки и предложение

Через пару дней Юрий Васильевич вновь появился перед Машей. Он протянул ей изящно упакованную коробку, перевязанную алой лентой. Это была небольшая резная шкатулка для рукоделия с набором ниток и всяких необходимых принадлежностей для вышивания. Вечером все вместе играли в карты, отгадывали шарады, которых Вера Николаевна знала великое множество, ее супруг Александр Андреевич играл на гитаре, а Юрий Васильевич читал любимого Бодлера.

Со временем творческую компанию дополнили соседи и подруги Машеньки, тогда организовывался хор, пели романсы и песни на стихи Кольцова, Давыдова, Лермонтова. Перед своим отъездом в Москву

Юрий Васильевич предложил Маше покататься на санях. Он сам правил парой лошадей, лихо посвистывал и закладывал крутые виражи. Остановившись возле Воскресенского собора (сейчас на этом месте Башдрамтеатр), Юрий Васильевич привязал лошадей и бережно взял Машу под руку. Они вошли в храм. Кругом горели свечи, прихожан было мало. «Как хорошо...» - прошептала Маша и несколько раз перекрестилась. Юрий Васильевич склонился к самому уху девушки: «Прошу прощения... Может быть, мое объяснение покажется вам неуместным... Завтра я уезжаю. Понимаете, я вдовец, моей дочери 14 лет. Наверное, я не лучшая кандидатура в женихи такой очаровательной и умной барышне как вы, но... Бодлер не мог ошибиться. Я сам выбирал щенка у знакомого заводчика немца, сам и кличку ему дал. Тетушка, когда Лерку увидела, ему тогда три месяца было, упростила подарить собаку ей. Как раз жена умерла, мне не до дрессировки было. Так пёс оказался в Уфе». Маша поправила выбившуюся из-под шапочки прядь волос и улыбнулась: «Юрий Васильевич, но мы с Бодлером совершенно незнакомы, это моя сестра дружит с Софьей Кирилловной, поэтому и собаку знает. Давайте не будем торопить события». Юрий Васильевич вздохнул и слегка пожал руку Маше.

Весной 1912 года приятель Курчеева передал для Маше небольшую посылку из Москвы: коробку конфет, томик стихов французского поэта Бодлера и золотое колечко с аметистом. Примеривая кольцо, девушка обнаружила на его ободке цифры: 7. 1234. Несколько дней Маша ходила задумчивая и молчаливая. Наконец она обратилась к сестре. Положив перед Верочкой кольцо, заглянула ей в глаза: «Как ты думаешь, что могут означать цифры?» - «Это от Юрия Васильевича?» Вера отложила шитье и взяла лупу. «А тебе самой эти цифры ни о чем не говорят?» Маша пожалала плечами: «Я уж всякое думала... В 1234 году Великий князь Ярослав немцев разбил под Юрьевым, но какое это имеет отношение ко мне? Намек, что я сердце Курчееву разбила? А цифра “7” при чем?»

Вечером Маша с подругами сидела на веранде. Солнышко припекало по-летнему, цвели фиалки и бальзамины, но главной радостью Маше был расцветший кактус. От него шел слегка приторный аромат, хотя на расстоянии насыщенность запаха растворялась в редких порывах ветерка. Воробьи дружной стайкой чирикали в кронах свежей зелени и беспокоили растолстевшего за зиму кота Ваську. Маша раскрыла томик Бодлера: «Ты Бог иль Сатана? Ты Ангел иль Сирена?» «Ой, Машуня,

что я слышу?! - Верочка поставила поднос с чашечками чая и булочками на столик, - Юрий Васильевич и тебя Бодлером заразил?» - «Нет-нет! Надсон навсегда останется моим любимым поэтом, но Бодлер ... он какой-то мрачно-загадочный... Я уже второй раз перечитываю его стихи». – «Откуда у тебя такое красивое издание?» - Верочка провела рукой по кожаному переплету. «Это подарок Курчеева. Он прислал коробку конфет... Помнишь, с картинкой цветущие розы? Кольцо и Бодлера». Верочка всплеснула руками: «Что ж ты про Бодлера-то молчала?!» - «А он ведь тебе не нравится?» - «Да не в симпатии тут дело! Какие цифры на кольце? - старшая сестра решительно открыла томик стихов, - Седьмая страница, первые четыре строчки:

«Тебе, прекрасная, что ныне
Мне в сердце излучаешь свет,
Бессмертной навсегда святыне
Я шлю бессмертный свой привет».

В ноябре 1912 года в Воскресенском соборе Уфы состоялось венчание Марии Николаевны Кулаковой и Юрия Васильевича Курчеева.

Лёгкий аромат счастья

Впервые Международный женский день отметили в 1911 году в Германии, Австрии и других европейских странах. Россия присоединилась к чествованию представительниц прекрасного пола в 1913. Однако, до революции и в первые годы Советской власти 8-ое Марта являлось рабочим днем и никак особо не праздновалось, но... в дневнике матери моего отца события восьмого марта 1916 года описаны достаточно подробно.

В отличие от моей консервативной в своих взглядах и пристрастиях бабушки Веры Николаевны Кулаковой, мой дед Александр Андреевич Фадеев был человеком легкого нрава, любителем всего нового, оригинального. В 1916 году отношения между супругами были весьма сложными. Александр Андреевич встречался с другой женщиной, но из семьи не уходил. Внешне соблюдались все традиции проведения семейных праздников, прием гостей, ответные визиты, но трещина в отношениях некогда близких людей росла с каждым днем. И вот, дабы как-то снять напряжение, Александр Андреевич к Международному женскому дню заказал для Веры Николаевны в цветочном магазине букет алых роз.

Россия в то время жила по юлианскому календарю, это значит, что Международный женский день приходился в нашей стране на 23 февраля, а не на 8 марта, как в Европе. В тот год Уфа только готовилась к весеннему потеплению. Высокие сугробы слегка подтаивали на ярком февральском солнышке, ночью же покрывались твердой корочкой льда. Восьмилетний Костик (мой будущий отец) и его старшая сестра - десятилетняя Нина болели ангиной и сидели дома. Няня читала им сказки, когда в прихожей робко звякнул колокольчик. Опережая друг друга, дети бросились в коридор, посмотреть: кто пришел. Заскрипела дверь и вскоре в залу внесли большую, упакованную плотной бумагой, корзину. Молодой человек в высокой меховой шапке и длинном пальто ловко развязал красную ленточку, сбросил на пол бумагу и торжественно протянул красиво оформленный букет Вере Николаевне: «Александр Андреевич приказал Вам вручить... с наилучшими пожеланиями.» Несколько секунд царило молчание. Затем хозяйка слегка усмехнулась: «Ах, Александр Андреевич... Ну, да! Новомодный женский праздник!» Вера Николаевна достала с этажерки вазу, поставила цветы. «Вы курьер? Как вас зовут?» «Пауль.» «Послушайте, Пауль... Если вы не спешите... Самовар только что вскипел, идемте пить чай.»

В дневнике моей бабушки Паулю посвящены полторы странички. Вот как она описала внешность неожиданного визитера: «В комнату вошел совсем юный курьер из цветочного магазина. Розовощекий молодой человек с небольшими усиками и грустными серыми глазами. Он смущенно улыбался и смотрел мне прямо в глаза, словно ожидая чего-то... На улице было морозно. Я пригласила гостя к столу. Едва уловимый немецкий акцент Пауля навел меня на мысль завести разговор на родном для него языке. Мой визави оживился, поведал о том, что по соседству - на Бекетовской (ныне Мустая Карима) живет его сестра, которая недавно вышла замуж. Сам Пауль живет с родителями в Петрограде, где у них аптечный магазин. Отец разрешил ему на некоторое время остаться в Уфе. В цветочном магазине на Большой Успенской (ныне улица Коммунистическая - Г.Ф.) он помогает упаковывать цветы, служит курьером. А вообще Пауль любит театр, кинематограф и хотел бы стать актером. Меня поразило, как в этом, по сути, еще мальчишке уживались детская непосредственность и удивительная проницательность. Слизывая варенье с пальцев, он вдруг неожиданно заявил: “Мне показалось, Александр Андреевич перед вами в чем-то виноват...” Я вспыхнула, но ответила шуткой. Уже прощаясь с гостем, я спросила, почему он сделал вывод о

вине моего супруга? Молодой человек бросил взгляд на букет роз и пожал плечами. “Для вас я собрал бы другой букет.” “Вот как?! - рассмеялась я. - В таком случае зайду к вам в магазин в первый день весны.”»

Цветочный магазин на Большой Успенской пользовался популярностью среди уфимцев. Люди старшего поколения вспоминали, что до революции к Рождеству здесь можно было заказать настоящую сирень или ландыши. На полках в миниатюрных горшочках цвели экзотические кактусы, пряно благоухали белоснежные лилии, разноцветные тюльпаны соблазняли покупателей своими утонченными линиями, а классические розы можно было приобрести пышным кустом в кашпо или сформировать сложный букет в сочетании с другими растениями.

К сожалению, неизвестно, как прошла встреча моей бабушки и Пауля «в первый день весны». Знаю точно, что её любимыми цветами были фиалки. Но полюбились ли они Верой Николаевной после посещения известного магазина, или же юный курьер интуитивно угадал вкус молодой женщины, трудно сказать. Тетя Нина вспоминала, что маленькие букеты фиалок частенько украшали письменный стол моей бабушки, стояли в хрустальной вазе на рояле, выстраивались на подоконниках в глиняных горшочках, расцветали вышивкой на полотенцах или витиеватой вязью украшали воротник блузки.

Как ни странно, этот цветочный магазин (с небольшими перерывами) работал и в годы гражданской войны, и в тридцатые - голодные годы. Конечно, ассортимент стал значительно беднее, но потребность в красоте не угасала в людских сердцах. В конце 1918 года Вера Николаевна с четырьмя детьми пыталась уехать за границу, но в дороге все заболели тифом, двое младших - умерли. В Уфу вернулись весной 1919 втроём. В городе хозяйничали Колчаковские войска, которые только что выбили отряды красных. Хаос, голод; внезапные перестрелки сменялась на бравурные марши духового оркестра, на улицах маршировали вооруженные люди. Чудом удалось найти жилье у знакомых на улице Бекетовской. На другой день после приезда Вера Николаевна в поисках работы направилась в Городскую больницу. У нее имелся опыт сестры милосердия, который она получила на русско-японской войне, ассистируя военному хирургу. В Уфе - первое назначение: фельдшерский пункт, обслуживающий жителей Цыганской поляны. Обеспечили транспортом - обычная деревенская телега и старый конь-доходяга. Возничий - хромой старик, он же грузчик, охранник и санитар. Вера Николаевна со своим помощником пошла на склад получать лекарства и медицинские

инструменты. Открыв дверь маленькой, узкой, весьма холодной комнаты, она увидела... Пауля, старательно записывающего что-то в журнал. Белый халат придавал серьезность молодому лицу кладовщика, но, узнав посетительницу, щеки его зарумянились, он галантно пододвинул ей скрипучий стул и начал по списку доставать с полок микстуры, порошки и прочие необходимые вещи.

Раз в неделю Вера Николаевна пополняла запасы медикаментов на складе у Пауля. Словно угадывая душевное состояние женщины, Пауль говорил о том, что скоро беспорядки в городе закончатся, что необходима военная дисциплина, и нужно немного потерпеть. Иногда они встречались на базаре или на улице во время прогулки с детьми. Тетя Нина вспоминала: «У Пауля были два племянника - близнецы. Костик играл с ними и на правах старшего - опекал. Проходя мимо закрытого цветочного магазина, бывший курьер очень переживал за разбитое окно, кое-как забитое досками, строил планы на будущее. Ему удалось спасти от погромов горшечные цветы, семена редких растений, фарфоровые статуэтки, украшавшие зеркальные витрины.»

Однажды среди заказанных лекарств Вера Николаевна обнаружила в коробочке для бинтов букетик дивно пахнущих ландышей. Уже дома, поставив цветы в синюю вазочку, она подозвала детей: «Вы помните этот аромат?! Наш сад на Аксаковской? Когда все были живы... Это запах счастья.»

В начале июня 1919 года в Уфе в очередной раз сменилась власть. Опять началась стрельба, грабежи. Красные искали среди горожан белогвардейцев, иностранцев, богатых или просто более-менее обеспеченных людей. Новая власть пыталась организовывать показательные суды, но чаще расстреливали без церемоний. В эти дни пропал Пауль. Сестра искала его несколько месяцев, но никаких сведений обнаружить не удалось.

В годы моей юности здание бывшего цветочного магазина на Коммунистической заняла «Академкнига». Хорошо помню три-четыре ступеньки, ведущие вниз, в прохладное помещение, прилавки, заполненные научной литературой, и специфический запах новых книг. А цветочный магазин открылся рядом, буквально за стеной «Академкниги». В советское время торговых точек, где продавали цветы, было мало. Из комнатных растений на стеллажах, как правило, находились герани, примулы, аспарагусы и фиалки. В цинковых ведрах с водой стояли гвоздики, розы,

пионы, ближе к осени в продаже появлялись гладиолусы, георгины, астры.

Сейчас я редко бываю в исторической части Уфы, но проходя по Аксаковской или Коммунистической, мне вспоминаются рассказы тети Нины, дневники моей бабушки Веры Николаевны, где среди полувыцветших страниц сохранилась засушенная фиалка. Современный город изменился до неузнаваемости. Исчезают с лица земли старинные дома, переписывается история страны, иной стала культура, идеология. Вот только сущность человека осталась неизменной. Пережитое волнует нас. Как там, у Сергея Есенина?

«Но измятая в книжке фиалка
Все о счастье былом говорит».

По ту сторону снегопада...

В Уфе жили и живут мои многочисленные родственники. Представители старшего поколения уже покинули этот мир, с младшими по разным причинам связь носит формальный характер. Можно с уверенностью сказать, что про своих бабушек-дедушек и даже прабабушек-прадедушек я знаю больше, чем о современных кузенах и кузинах.

Усадьба на Аксаковской

Дневники, письма, открытки помогают узнать внутренний мир человека. А еще рисунки, схемы комнат и расположенной в них мебели.

В своем детстве я застала дом на Аксаковской улице, где в 1906 году, сразу после возвращения с русско-японской войны, поселились мои дедушка с бабушкой по отцовской линии. В начале 60-х мы с отцом часто прогуливались по «старой Уфе». Вот только помню я усадьбу Фадеевых весьма смутно; было мне тогда 4-5 лет. Дом находился на отрезке между улицами Свердлова (до революции Малая Казанская) и Пушкина. Двухэтажное деревянное здание, слегка вытянутое в сторону двора. Старшая сестра отца тетя Нина рассказывала еще о флигеле и двух сараях, которые снесли в конце 40-х годов, но сохранилась беседка, в которой фанерой забили три стороны и хранили там садовый инвентарь.

В доме было семь комнат, огромная застекленная веранда. На первом этаже располагалась кухня, зал с библиотекой и роялем; со двора на первом же этаже в угловой комнате жила кухарка с двумя детьми. На

втором этаже – спальня хозяев - Александра Андреевича и Веры Николаевны, кабинет с овальным письменным столом и специальным столиком-бобиком для рукоделий, детская и комната без окон - что-то вроде гардеробной, где хранилась одежда, стояли большие сундуки и комод с постельным бельем. Через эту гардеробную можно было с улицы подняться в кабинет. Ниночка и Костик (мой будущий отец), а потом и их младший брат Володя любили сидеть на ступеньках этой лестницы, наблюдая за происходящим в саду. Если дверь в гардеробную оставляли открытой, из нее доносились запахи сушеных трав, которые подвешивали вдоль стен, клали в сундуки, чтобы отпугивать моль.

Гостей обычно размещали во флигеле или предоставляли комнатку рядом с детской. Стоит особо отметить цветущий сад, огород и вместительный погреб, построенный по проекту Александра Андреевича. Даже летом в погребе лежал снег, и продукты долго сохраняли свежесть.

Видимое благополучие семьи периодически нарушалось ссорами супругов из-за внимания главы семьи к симпатичным женщинам. Случалось, Александр Андреевич месяцами жил у очередной пассии и появлялся в семье на праздники или на именины кого-нибудь из детей. В декабре 1916 года, получив отпуск по болезни, он вернулся из армии в Уфу.

Мистический дом

В конце осени Вера Николаевна по просьбе своей беременной родственницы Аграфены Волошиной, вместе с детьми поселилась в ее доме на Бекетовской (ныне улица Мустая Карима). Муж Грушеньки в то время находился в армии, а его супруга отличалась мнительностью, тем более, что эта первая беременность доставляла ей много беспокойств. Приглашение оказалось весьма кстати: в уютном гнездышке на Аксаковской к Новому году решили поменять обои.

12 декабря исполнился месяц Наденьке – младшей дочери Фадеевых. Отец появился на Бекетовской с подарками, с букетом живых цветов, с большими кулками пряников, конфет и пирожных. Дети были воодушевлены встречей с отцом; началась суэта. Вера Николаевна позволила супругу остаться с ними, благо места всем хватало.

Именно в это время случилось странное мистическое происшествие, свидетелями которого стали несколько человек.

Эту историю поведал мне отец. В то время он был 8-летним ребенком. Они с матерью, сестрой и братиком временно поселились на Бекетовской в доме с флигелями. Семья занимала половину дома. Нина, Володя и няня с Наденькой устроились во флигеле, а баловник, мамин любимчик – Костенька и папа с мамой располагались в самом доме, где две небольшие спальни выходили дверями в узкий коридорчик, отделяющий комнаты от гостиной.

Однажды морозной декабрьской ночью Костя проснулся от какого-то шороха. Ему показалось, что легкие шаги прошуршали мимо его комнаты и стихли в зале на большом персидском ковре. Была лунная ночь, и Костик в длинной байковой сорочке тихо приоткрыл дверь... Возле изразцовой печи, согревая тонкие пальчики, стояла девочка с вьющимися волосами и в светлом кружевном платье. От неожиданности и удивления он не запомнил ее лица, в памяти сохранились лишь большие черные глаза и уродливый горб на спине. Мальчик спросил: «Что ты здесь делаешь?» Гостья ничего не отвечала, она горько плакала. Маленький хозяин бросился в спальню к родителям и разбудил маму. Когда зажгли керосиновую лампу и вошли в гостиную, несчастной девочки уже не было. Кухарка спросонья пришла к выводу, что «барин блажит», но мама погладила сына по голове и заметила: «А ведь в воздухе запах эфира, что ли...?» Прислуга проверила окна и двери, но все было закрыто. Свет погасили, во всех комнатах мама затеплила лампы. На другой день Нина – старшая сестра моего будущего отца – поинтересовалась: «Костик, это ты ночью плакал?» В ответ он рассказал о горбатой девочке. Сестра презрительно скривила губы: «Врун! Наверное, опять допоздна играл в солдатики, а мама их в комод заперла?!»

Примерно такая же реакция была со стороны отца. Только мама, молча, зажгла свечи перед образами, кропила повсюду святой водой и несколько дней ходила рассеянной и даже не играла с гостями в лото.

После Рождественских праздников родители ушли с визитами, Грушенька прогулялась с ними до конца квартала, а Нина и Костя напросились сопровождать кухарку на базар. Дома – в дальней комнате оставалась няня с младшим Володей и малышкой Наденькой. Девочка росла слабой и болезненной. Возвращаясь с базара, брат с сестрой спешили похвастаться купленными игрушками перед няней. Нина, не раздеваясь, в шубке забежала во флигель. В комнатах было жарко натоплено, стекла разрисованы морозным узором. Нянька спала на сундуке, а над кроватью Наденьки склонилась горбатая девочка. Ее кудряшки вы-

бились из-под чепчика и почти касались лица Наденьки. Костя буквально налетел на свою старшую сестру, и они оба с недоумением рассматривали незнакомку. Увидела ее и кухарка. Суеверная старуха всплеснула руками, перекрестилась и побежала за дворником. Гостья тем временем подняла свое заплаканное лицо и, как в прошлый раз, подошла к печке. Она перебирала пальцами по изразцовой плитке, словно надавливала на невидимые клавиши, и постепенно исчезала. Дети наблюдали, как белое платье девочки теряло форму, превращаясь сначала в облако, а затем в узкий блестящий луч. Проснулась и заплакала Наденька. Няня соскочила с сундука и подбежала к ребенку. Володя крепко спал. Нина с Костей безмолвно стояли на пороге. Прибежавший дворник увидел, что его помощь не требуется, с благодарностью выпил рюмку водки и начал балагурить с кухаркой.

Вечером Нина подробно описала маме увиденное во флигеле. Позвали кухарку: она что-то громко говорила, таращила глаза, охала и крестилась. Потом был долгий разговор с отцом, и, наконец, родители решили вернуться домой, прихватив с собой Грушеньку.

Мой отец рассказывал, что последние события в доме на Бекетовской, которые запечатлелись в его памяти, были следующие: повсюду стояли корзины с упакованными вещами, тюки с бельем, коробки... а на столе гробик с Наденькой. Дети бегали по комнатам, собирая свои игрушки, задевали стол, и у Наденьки открывались глаза. Костик подбегал к матери и кричал: «Мамуля, сестренка ожила: она глазки открыла!» Мама сердилась, отправляла шалунов на улицу, а сама целовала умершую в лобик, и клала ей на глаза монетки.

... Когда Нина и Константин стали старше, мама поделилась с ними подробностями истории несчастной дочери аптекаря, которую жестокий отец отправил в лютый холод разнести лекарства. Обессилившая девочка замерзла под окнами того самого дома, где умерла Наденька. О том, что призрак «горбатой аптекарши» заглядывает в окна, знали и владельцы дома; по этой причине большую часть комнат, окна которых выходили на улицу, они сдавали внаем.

Позднее, когда моя тетя Нина работала в детском саду, она познакомилась с младшей сестрой горбатой девочки. Эта женщина, по профессии повар, вела уединенный образ жизни, отличалась набожностью и посещала церковь.

Я была совсем маленькой, когда, прогуливаясь с тетушкой по бывшей Бекетовской, мы останавливались и здоровались с высокой по-

жилой дамой в черной одежде и с белой тростью. Воткнув трость в снег, женщина доставала из холщового мешочка хлеб и кормила птиц. Это была сестра «аптекарьши». Она что-то бормотала, хотя ее тонкие губы едва шевелились. Было трудно понять – отвечала ли она на вопросы тети Нины или разговаривала с кем-то другим, не видимым для нас...

А тот мистический дом существовал еще в конце 60-х. Деревья возле его окон разрослись и по-старчески скрипели от порывов ветра.

Цветы из прошлого

В 20-е-30-е годы Фадеевы неоднократно переезжали с одной квартиры на другую. Ссоры между супругами, сцены со слезами и упреками, раскаянием и извинениями повторялись неоднократно. После революции Вера Николаевна попыталась уехать с детьми за границу, но смерть младших детей и тяжелая болезнь старших заставили ее вернуться в Уфу.

В советское время дом на Аксаковской превратили в коммуналку. Александр Андреевич занимал свой кабинет, а бывшая детская стала кухней на трех хозяев. Места для Веры Николаевны и детей не нашлось; они вынуждены были кочевать по знакомым и родственникам, пока на улице Октябрьской революции им не выделили служебную квартиру, а точнее, 18-метровую комнату в двухэтажном, барачного вида доме, с кухней на нескольких хозяев.

Уже после смерти Веры Николаевны, после Великой Отечественной войны в доме был произведен ремонт, и семьи стали проживать в отдельных квартирах с частичными удобствами. Впрочем, сам уклад жизни местных жильцов еще долгое время не менялся. В 60-е годы у каждой семьи был небольшой клочок земли, где выращивали редис, помидоры, укроп, свеклу, кое-где имелись кусты малины и смородины, под окнами росли мальвы, «золотые шары», резеда, жасмин. На краю оврага лепились дровяники-амбары, где держали свиней, коз, кроликов, кур, гусей. В холодное время, когда в овраге скапливалась и замерзала вода, ребяташки устраивали каток, накручивая свои первые километры под хрюканье или кудахтанье обитателей сараюшек.

Этот старый уголок Уфы просуществовал довольно долго, пережил годы перестройки, и только, при строительстве дороги в районе улиц Воровского и Октябрьской революции стал медленно сдавать свои позиции.

И все-таки особое отношение было у моего отца и тети Нины к дому на Аксаковской, где прошло их детство. Интересная память осталась в нашей семье о нем. На веранде у Фадеевых всегда было много самых разнообразных цветов, экзотических растений. Особенный уют создавали ампельные – вьющиеся - хлорофитумы, разноцветные фуксии, камнеломки, кактусы. В 20-е годы, когда дом заселили люди пролетарского происхождения, цветы оказались ненужными и постепенно чахли без должного ухода и любви. Как-то весной, не сговариваясь, Вера Николаевна и Нина забрели в свой некогда родной двор. На веранде женщина стирала белье, маленький ребенок плескался рядом в тазу. Бывшие хозяйка с грустью отметили перемены: покосившееся крыльцо, разбитые витражные стекла, чахлые засыхающие растения, грязь, запущенность фруктового сада. Поздоровавшись, Вера Николаевна объяснила, что когда-то она с семьей жила в этом доме, спросила разрешения взять на память какой-нибудь цветок. Женщина вытерла мыльную пену с рук и со смехом ответила: «Да хоть все забирайте! Тут мусора и так хватает!» Вера Николаевна достала со стеллажа кашпо с крупными белоснежными фиалками, и ее каблучки в последний раз простучали по широким доскам веранды. Из комнаты вышел мужчина в галифе и в майке, обратился к женщине: «Это кто такие?» - «Бары бывшие... за цветочками приходили!» Уже на улице Веру Николаевну и Нину волной накатило хохот новых хозяев.

Солнце пригревало еще холодную после зимних морозов землю, небо было безоблачно, воздух свеж, зелень сохраняла первозданную чистоту. Вера Николаевна бросила прощальный взгляд на дом, на выломанную калитку... «Да, Ниночка, моя жизнь осталась где-то в далеком прошлом... По ту сторону снегопада...» - «Мамочка, не грусти! Ты чувствуешь... запах сирени?!» Женщины обнялись и медленно побрели по Аксаковской.

Райские сады Серафимы

Долгая жизнь моей мамы Серафимы Андреевны Окуневой вместила в себя столько исторических событий, что вполне могла бы стать основой сюжета для большого эпического произведения. Её родители принадлежали к мещанскому сословию; отец - рабочий Уфимских железнодорожных мастерских, мать занималась воспитанием детей. Сера-

фима - предпоследняя из сестер; кроме неё, их было пятеро и еще младший брат.

Симочка родилась в разгар Гражданской войны в июле 1918 года. Её старшей сестре Марии было в ту пору 19 лет, она и стала крёстной для новорождённой. Семья жила в своем доме на окраине Уфы, на так называемых, Выселках (ныне район улиц Харьковской и Владивостокской). Поблизости находилась Психиатрическая больница, где Маша работала санитаркой; в начале 20-х годов туда же устроилась сестра Вера.

Психбольница

Мама рассказывала, что её первые впечатления были связаны именно с этой больницей, куда она приходила вместе с сестрами. Было ей в ту пору пять-шесть лет. В больничном городке, кроме деревянных палат-павильонов, до революции построили и каменные здания. На территории располагались огороды, фруктовый сад, в сарайчиках содержали скот. Работали картонажные мастерские, слесарная, имелась своя конюшня на несколько лошадей. Пациентов, которые не проявляли агрессию, использовали в качестве разнорабочих. Больные копали, пололи грядки, убрали навоз, чистили сараи, подметали двор.

Симочка была маленькой, худенькой, очень стеснительной девочкой. Она, как хвостик, неотступно ходила за Машей и Верой, пока не познакомилась с пожилым мужчиной в серой пижаме и старых тапочках на босую ногу. Звали его Иваном Ивановичем. Это был неразговорчивый, трудолюбивый пожилой человек... больной, который попал в психбольницу уже не первый раз. Они встретились возле прачечной, куда Иван Иванович принес два больших узла с грязным бельём. Симочка присела на корточки, словно пыталась спрятаться от незнакомого человека, но Вера ободряюще похлопала её по спине и сказала: «Ну-ка, иди с Иваном Ивановичем в сад. Надо деревья побелить.» Мужчина улыбнулся: «А я знаю... тебя Симочка зовут. Ты с планеты Петунья.» Про Петунью девочка ничего не слышала, поэтому, заинтригованная, пошла за стариком.

Сад-огород - особенная, закрытая зона. От общего двора её отделяла изгородь, не позволяющая курам и свиньям проникнуть к цветам и другой зелени, растущей на грядках. Иван Иванович дал Симочке в руки банку и показал, как надо поливать цветы, а сам начал белить деревья. Планета Петунья не выходила из головы ребёнка. Когда цветы получили живительную влагу, Симочка присела на скамеечку возле калитки и ста-

ла наблюдать за действиями старика. Он что-то бормотал себе под нос, иногда насвистывал, вздыхал, покачивал головой, но... вдруг прислонил кисть к стволу дерева и уселся рядом со своей помощницей. «Перекур, девонька.» Достал из кармана красивую курительную трубку и начал её посасывать. «А у папы дым из трубки идет, - заявила Симочка. - Надо сначала табак насыпать, потом зажечь...» Старик рассмеялся и погладил девочку по голове. «Ишь ты! У меня табака нет. Я понарошку курю. Поняла?» «Угу. А Петунья - это что?» Старик помолчал, прищурился... «Страна такая. Там река голубая, и кругом цветы, птички поют, музыка играет. А на высоком берегу белый дом с террасой. На террасе стол с вазами. В вазах апельсины, яблоки, виноград, орехи... А в маленьких вазочках - мороженое-пломбир, сверху шоколадом политое. Ела мороженое когда-нибудь?» Симочка отрицательно помотала головой. Старик поднялся и вновь занялся побелкой.

Когда работа была закончена, Иван Иванович выбрал разноцветные петунии, собрал их в букетик и протянул Симочке: «Это цветы твоей страны... петунии называются. Беги домой. Ужинать пора.» На другой день Сима принесла Ивану Ивановичу завязанный в узелок носового платка отцовский табак.

Всю жизнь Симочке вспоминался Новогодний праздник. В больнице отмечали и Новый год, и Рождество. В зале наряжали ёлку, готовили всем небольшие подарки. Сотрудники и их дети выступали с концертными номерами. Иван Иванович обещал Симочке сделать сюрприз. Миниатюрную мышку, сшитую из старой больничной пижамы, с глазками-бусинками и верёвочным хвостиком, сестрёнке передала Маша. Схватив игрушку, девочка побежала в знакомую палату, но место Ивана Ивановича было занято другим больным.

Маленькая сестра

В 1929 году у старшей сестры Маши родился второй ребёнок. Муж её - военный, часто ездил по командировкам, а декретный отпуск был весьма коротким. Пришлось Симочке идти в няни к своим племянникам. Об учебе в школе не могло быть и речи. Переехала на жительство в Детскую больницу № 3, где теперь работала и проживала Маша с детьми.

Больница располагалась на правом берегу реки Белой в доме бывшего архиерея (ныне на этом месте здание Правительства Башкортостана). Внизу блестела синева реки, а дом окружал огромный фруктовый

сад. В свободное время Сима любила кататься на качелях и слушать пение птиц. По утрам туман скрывал противоположный берег, и в природе воцарялась такая тишина, что даже скрип двери или резкий крик птицы без эха растворялись в воздухе. Зимой на старом корыте дети катались с крутой горы, строили снежные крепости или слушали сказки завхоза, садовника и сторожа в одном лице - Петра Алексеевича Козлова.

С одиннадцати лет моя будущая мама уже начала свою трудовую деятельность. Об этом сделана запись в её трудовой книжке. Работала она в больничном саду, помогая Петру Алексеевичу ухаживать за фруктовыми деревьями и цветами. Племянники были при ней: один играл в песочнице, а другой спал в коляске. Зимой Сима помогала сестре мыть полы. Шустрая, смышленная девочка успевала нянчиться с детьми, наводить порядок у себя в комнате, наблюдать за работой врачей и медсестер. Бежать на зов о помощи стало её привычкой на всю жизнь, а белый халат и платочек - привычной формой одежды. С 1935 года Серафима уже официально стала работать санитаркой. Внимательная, исполнительная она была нарасхват; кому-то что-то принести, помочь сделать перевязку, под контролем медсестер научилась делать уколы, разбиралась в лекарствах. Когда поняла, что не хватает знаний, пошла в вечернюю школу.

В 1940 году Мария с детьми выехала к месту нового назначения мужа в Куйбышев (ныне Самара). Серафима вместе с другой сестрой Верой перешла на работу в военный госпиталь. Перед самой войной Сима закончила шестимесячные курсы медсестёр. При маленьком росте - 1 метр 50 сантиметров активно занималась физкультурой, выполнила первый разряд по стрельбе, выезжала на военные сборы в Алкино. Вся страна готовилась к войне с Германией, и всё-таки она началась неожиданно. Мирная, далёкая от фронта Уфа начала жить по законам военного времени. Появились карточки на все самые необходимые товары, да и качество продуктов резко снизилось. Если выпадали спокойные часы дежурства, Серафима вязала модные в то время кружева, подзоры для постельного белья, дамские чепчики. Бабушка продавала всё это на толчке и на вырученные деньги покупали хлеб - совершенно чёрный, с примесью какой-то травы.

А ещё... в палатах, где лежали раненые, «маленькая медсестра» разводила цветы. «Симуля», как называли её коллеги, считала, что красота должна помогать выздоравливающим преодолевать боль и депрессию. Её примеру последовали и в других палатах. Сами раненые уже

проявляли инициативу: пересаживали разросшиеся алоэ, герани и бальзамины в большие горшки, притеняли цветущие фиалки от жарких лучей. Огромной радостью для всех стал цветок старого кактуса, который расцвел посреди зимы.

Халат как платье невесты

После окончания Великой Отечественной войны маму перевели в Онкологический диспансер, где она проработала до 1974 года, до выхода на пенсию. Общий трудовой стаж её к тому времени составлял 45 лет. Моя мама принадлежала к той категории людей, которые всю жизнь были верны одной профессии. Она любила свою работу; тактично, терпеливо, с добротой относилась к больным, и они отвечали ей взаимностью. Помню, как на улице маму обнимали какие-то женщины, старались угостить её чем-нибудь вкусным, сделать ей хоть небольшой подарок. «Маленькая медсестра» искренне радовалась этим встречам. Онкология в середине прошлого столетия не всегда эффективно помогала больным, а если удавалось продлить человеку жизнь - это была маленькая победа и Серафимы.

Личная жизнь мамы с отцом была недолгой - двенадцать лет, но и здесь мама проявила себя однолюбом. Родители до самой смерти отца не разводились, хотя больше уже и не встречались. Мама любила повторять, что белый халат для неё, как платье невесты, тем более, что в начале 50-х годов, когда родители поженились, было не до нарядов.

После выхода на пенсию «маленькая медсестра» не ушла из профессии. Она ещё много лет делала уколы своим сёстрам, знакомым, соседям, спешила оказать помощь потерявшему сознание сердечнику, эпилептику, находила слова утешения попавшим в тяжёлую ситуацию совсем незнакомым людям. Сама же продолжала заниматься физкультурой, обливалась холодной водой, до самых последних дней своей жизни ходила пешком по 5-7 километров ежедневно, читала книги, газеты, была в курсе мировых событий и, конечно, много времени уделяла цветам, которые украшали её балкон и подоконники. До своего столетнего юбилея Серафима не дожила два года.

На память о маме осталась небольшая картина, подаренная ей одной больной... пышный букет цветущей сирени в вазе. Мама часто смотрела на этот натюрморт и говорила: «Вот... человека давно уже нет, а сирень всё цветёт.»

Крестная

Лидия Андреевна Фадеева - юная 18-летняя красавица - была совершенно счастлива: ее руки просил, приехавший в отпуск после окончания русско-японской войны офицер драгунского полка Владимир Федорович Берг.

Уфа начала 20 века - тихий уютный провинциальный городок. Конец декабря. Кружатся снежинки, поскрипывает под каблуками снег, плывет над крышами дымок. В небольшом доме на Гоголевской улице - помолвка. В зале накрыт стол, слышны звуки рояля, кто-то настраивает гитару. Запах свежих пирогов и хорошего дорогого табака. «Тетечка Таня, поправь мне, пожалуйста, прическу!» «Сейчас, Лидуся, только руки вытру.» Смех, музыка, суета.

Потом Лидия Андреевна (дочь старшего брата моего деда - Андрея Андреевича Фадеева) часто вспоминала эти дни, проведенные в доме крестной - Татьяны Евгеньевны Мальцевой. Венчание, Рождество, Счастье... Та зима 1905-1906 годов была в Уфе какой-то особенно спокойной, с легким морозцем и солнечными днями. Уфимский период молодоженов закончился в первых числах февраля, когда город просто утонул в сугробах, а метели тревожно завывали в трубах. Родители Берга жили в Петербурге и, естественно, Лидочка радовалась скорому переезду в столицу. Крестная, или, как ее называла Лидочка, - Те-Та, поехала с молодыми. С этого дня судьба двух женщин надолго свела их вместе.

У Мальцевой от туберкулеза умер муж и малолетний сын. В приступе отчаяния она хотела уйти в монастырь, но... друг ее покойного мужа попросил Татьяну Евгеньевну приехать на крестины его дочери. Так у Лидочки появилась крестная мать, а молодая женщина была принята в семью Фадеевых как близкий, родной человек. Те-Та вместе с нянькой занималась воспитанием девочки; с ней ребенок делал первые шаги, рос и развивался. Зимой крестная с крестницей катались с гор на санках, гадали под Новый год, Татьяна Евгеньевна учила Лидочку казачьим песням. Долго смеялись родители и гости, когда 5-летняя певунья, взабравшись на скамеечку и притоптывая ножкой, лихо затягивала:

«Мы родились казаками,
С нами слава родилась,
Над турецкими горами
Наша слава пронеслась.»

В Петербурге Лидия Андреевна с золотой медалью окончила медицинские курсы и всерьез увлеклась хирургией. Гармонично складывались и семейные отношения супругов. В 1909 году у них родился сын Андрей, крестной матерью которого и нянькой стала все та же, милая, добрая, везде успевающая Те-Та. В Петрограде Мальцева усовершенствовала свои знания в немецком, английском и французском языках, поэтому Андрюша с детства свободно на них изъяснялся. Неугомонная крестная водила мальчика на каток, устроила домашнюю оранжерею, где росли экзотические цветы, а при помощи отца Андрея - Владимира Федоровича развесила в ней большие клетки с певчими птицами. Те-Та была удивительной женщиной, сочетающей в себе мудрость старухи и азарт подростка. Как-то на даче под Петербургом Владимир Федорович, шутки ради, предложил желающим пострелять из охотничьего ружья. Под дамский визг начался обстрел выстроенных в ряд пустых бутылок и банок. Меткость крестной поразила и выдавших виды охотников. Сам отличный стрелок - Владимир Федорович удивленно покачал головой и... подарил меткой женщине серебряные серьги с гранатом.

Начавшаяся в 1917 году революция, внесла панику и неразбериху в жизнь простых обывателей. Берг был застрелен на улице Петрограда, когда нес банку с молоком для беременной Лидии Андреевны. Оставшись без мужской поддержки, маленькая семья не отчаялась, активно пытаясь найти выход из сложившейся ситуации. Те-Та нанялась стирать белье, а несчастная вдова, обливаясь слезами, перешивала старые вещи, продавала книги, посуду, мебель. Родившаяся весной 1918 года дочь, прожила недолго и умерла в 3-летнем возрасте. В 20-е годы Лидия Андреевна закончила медицинский институт и работала хирургом в одной из больниц северной столицы. Андрюша очень любил историю, мечтал о путешествиях в дальние страны, но... продолжил семейную традицию по линии отца - стал военным, служил политруком в Белоруссии.

В июне 1941 года Андрей привез в Ленинград свою 8-летнюю дочь Варвару. Еще никто открыто не говорил о войне. Неожиданные гости приехали налегке. Андрей едва успел встретиться с матерью, и тут же засобиравшись в обратный путь. Присев «на дорожку», он долго не отпускал от себя Варю, а Те-Та вдруг расплакалась и кинулась обнимать крестника. У всех было ощущение тревоги и предчувствие долгой разлуки. Увы, они не встретились больше никогда.

Андрей Владимирович Берг погиб вместе со своей женой в первые дни войны. Его мать - Лидия Андреевна пала смертью храбрых в 1943

году под Сталинградом, защищая госпиталь с ранеными. Те-Та и Варя пережили ад блокадного Ленинграда, навсегда породнившись под бомбежками немецкой авиации. Чтобы как-то заглушить постоянное чувство голода, Татьяна Евгеньевна читала девочке сказки, а Варя в специальном альбомчике рисовала фрукты, овощи, конфеты, пряники - всё, что она успела попробовать в своем довоенном детстве.

Интересный факт: Вареньку окрестили 22 июня 1941 года; крестная - все та же тетя Таня - Те-Та. С Татьяной Евгеньевной, с этой замечательной женщиной, ставшей настоящей матерью для представителей нескольких поколений, мне не довелось встретиться: она умерла в 1954 году, когда меня еще не было на свете. Ее фото, подаренное Лидочке «на память», досталось моему отцу от родственников деда. Когда бывает грустно, я не спеша листаю альбом со старыми фотографиями; на первой странице - портрет Татьяны Евгеньевны Мальцевой - доброго ангела семьи Фадеевых-Берг.

Зимние забавы

В интернете проводили опрос: кто и чем будет заниматься в Новогодние праздники? Преобладали ответы типа: «Дома за столом», «Пойдем ночью кататься с горки и смотреть фейерверк», «Пригласили гостей (родственников)», «Поедем на дачу», «Будем бухать!».

Вспоминаю нашу старую дворничиху, которую мы – дети поздравляли с очередным Новым годом. Она легко кидала лопатой снег и отвечала: «Это вас с Новым годом! А у меня уже все года старые». Мы смеялись, не догадываясь, что через энное количество лет и для нас Новый год станет всего лишь календарной датой, а жизнь будет уже привычным состоянием души и тела. И все-таки, как по-разному проходили Новогодние мероприятия раньше и теперь?!

Начало двадцатого века

Мои бабушка Вера Николаевна и дедушка Александр Андреевич Фадеевы, обвенчавшись вскоре после русско-японской войны, поселились в доме Александра Андреевича на улице Аксаковской. Частенько молодые прогуливались по Александровской (теперь Карла Маркса) в сторону железнодорожного вокзала. Там на спуске жили их друзья – супруги Ольга Константиновна и Галактион Фаддеевич Крохалёвы. Обе

пары любили пешие прогулки, а зимой много времени проводили в парке Народной трезвости (ныне парк имени Ивана Якутова), катаясь на коньках по замерзшему озеру. Впрочем, Вера Николаевна предпочитала специальные сани, которые толкал впереди себя ее муж. В качестве разминки катальщики сами расчищали поверхность катка от снега. В воскресные дни по окончании Великого поста конькобежцев развлекал духовой оркестр, на специальной закрытой террасе продавали горячие пирожки, бутерброды, чай, глинтвейн. Среди заиндевелых деревьев, над сугробами плыли мелодии Штрауса, вальсы «Березка», «На сопках Маньчжурии», «Амурские волны»... После трех-четырех часов, проведенных на морозном воздухе, Фадеевы и Крохалёвы нанимали извозчика и ехали к бабушке Галактиона Фаддеевича на Бекетовскую (ныне улица Мустая Карима). Там их ждали наваристые щи или тушеный картофель с гусем или рыбой, ватрушки, булочки с маком, а также всевозможные джемы и варенья.

Бывало, в морозную погоду собирались в доме Фадеевых. Устраивали маскарады, музыкальные вечера, традиционными были всякие гаданья, чтения собственных сочинений, одаривание друг друга самодельными подарками.

60-е годы

Мои зимние развлечения – 5-6-летнего ребенка связаны с высоченной горкой возле Дворца имени Серго Орджоникидзе. Огромная голова сказочного Черномора являлась основой ее, к затылочной части которой вела крутая лестница, а из открытого рта, шурша фанерками, выкатывались ребятишки. Ближе к ночи компанию им составляли более взрослые уфимцы.

Здесь же, в сквере, между улицами Мира и Ульяновых отец впервые поставил меня на лыжи. Забава эта увлекла настолько, что никакой мороз не мог остановить моего спортивного азарта. И все-таки, чтобы не поморозить ноги, отец через каждые 15-20 минут предлагал мне попрыгать и побегать без лыж. Если наши прогулки затягивались, появлялась мама с пирожками в укутанной шерстяным платком кастрюле и с бульоном в термосе.

Когда я училась в младших классах, в выходные мама брала меня с собой в старую часть Уфы, где жила ее подруга с дочкой Полиной. Девочка была старше меня на два года. Пока женщины занимались разго-

ворами, нас с Полиной и соседским мальчиком Сережей отпускали на стадион «Динамо» кататься на коньках. Мы привязывали наши старенькие «снегурки» к валенкам, а Сергей занимался в конькобежной секции, поэтому у него были настоящие беговые коньки с длинными лезвиями.

По воскресеньям народу на катке было так много, что через микрофон катальщиков предупреждали, чтобы все катались по кругу против часовой стрелки, не толкались и не мешали другим. Конечно, энергичные мелодии заставляли нас активно шевелиться. В основном звучали песни и мелодии советской эстрады, но бывало, ставили пластинки с классической музыкой.

Мы с Полиной носились, взявшись за руки, а Сергей, приняв низкую стойку, широкими, размеренными шагами скользил по внешнему овалу катка. Техника его бега привлекала всеобщее внимание. Кто-то пытался пристроиться вслед за ним, но быстро отставали. Дольше всех держался пожилой мужчина, тоже на беговых коньках. Его шаг был значительно длиннее, а толчок более мощный, чем у Сергея. Эта пара, словно связанная невидимой нитью, подолгу кружила, накручивая километры.

Со временем мы познакомились с этим конькобежцем. Звали его Павел Иванович Суворов, жил он в соседнем от Полины дворе. В те годы ему было слегка за шестьдесят, но спортивная подготовка вполне могла соответствовать тридцатилетнему мужчине. Как объяснял сам Павел Иванович, он со своим старшим братом с детства занимался плаванием, греблей, бегал на лыжах, на коньках. Несколько лет служил на Дальнем Востоке, в Уфе работал на одном из военных заводов. Кстати, частенько именно Суворов приносил свои грампластинки на «Динамо».

По лыжным гонкам и по конькам у нашего знакомого имелись спортивные разряды. Как-то Полина, Сергей и я были приглашены в гости к Павлу Ивановичу. Небольшая трехкомнатная квартира больше напоминала музей или библиотеку: огромное количество книг, спортивные кубки, медали. В чуланчике гантели, шведская стенка.

Пока хозяин готовил в огромной сковороде яичницу на сале, его внук знакомил нас с интересными фотографиями. В основном это были снимки довоенные и послевоенные, на которых Суворов-старший в полевой форме на стрельбище, в походе, на марш-броске. Меня привлекла старинная фотография, сделанная в фотосалоне. На ней пятеро крепких, молодых мужчин в строгих костюмах, с лихо закрученными усами.

Один из них с тростью на коленях показался мне очень знакомым. На обороте надпись: уфимские скороходы. Январь, 1909 год.

Нас пригласили к столу. Я любопытствовала: «Павел Иванович, а кто вот этот мужчина с тростью?» - «Ой, Галочка, я только могу сказать, что в центре - отец со своим другом Бражниковым. Они вместе на паровозоремонтном заводе работали. А почему ты спросила?» - «Вот этот... с тростью... очень похож на моего деда Александра Андреевича Фадеева». «А он у тебя на коньках случайно не катался?» - «Катался! Он бабушку в специальных санях катал. А сам очень хорошо на коньках разные фигуры выполнял. Мог на одной ноге ехать и кружиться... А бабушка ему говорила: “Алексаша, будь осторожнее... упадешь, расшибешься”». В следующий раз я принесла фотографии своего деда, и мы долго сравнивали внешность обоих. Весьма похожи. «А где они катались?» - уточнила я у Суворова. - «На льду Солдатского озера. Сейчас это детский парк имени Якутова - между улицами Ленина и Карла Маркса. Ворота нашего дома к самому озеру выходили».

Очень сожалею, что не попросила Павла Ивановича сделать копию фотографии уфимских скороходов. В нашем семейном архиве похожих снимков не было. Впрочем, в детстве ко многим вещам относишься легко, ведь жизнь кажется вечной.

В начале 80-х годов мы с мужем частенько посещали каток «Динамо». Из микрофона доносились новые, современные мелодии, но изредка вдруг звучала знакомая музыка эстрады 50-х-60-х годов.

Сейчас уже не тянет в шумные компании. Тихие лыжные прогулки в украшенном инеем лесу привлекают сказочными пейзажами и покоем. А еще у нас сформировалась Новогодняя традиция: 1 января с рассветом едем кататься на лыжах в район переправы Дудкино. Город еще спит после салютов и фейерверков, и даже крикливые вороны не нарушают торжественность первого утра нового года. В рюкзаках у нас горячий чай с ромом, а дома - гусь, приготовленный по бабушкиному рецепту, и... фигурное катание... по телевизору.

«Нич яка мисячна...»

Мне было четыре года, когда я встретила с киевским дядей Гришей - мужем тети Шуры - старшей сестры моей мамы. Родители привели меня в гости к другой маминой сестре - тете Марусе, которая жила в

маленьком деревянном доме на углу улиц Карла Маркса и Чернышевского.

Дело было под Полтавой

Впрочем, сначала я услышала звуки баяна и приятный баритон:
«Нич яка мисячна, зоряна ясная,
Выдно, хочь голки збырай...»

Мы завернули во двор и я увидела длинный стол с угощениями, нарядных людей, цветущие деревья... Пахло сиренью, ландышами, дорогим табаком. Крепкий, темноволосый мужчина в военной форме с португеей поставил баян на табуретку и подошел к нам. Он обнял и расцеловал мою маму, отца, а потом подхватил меня на руки и подкинул к веткам сирени. Я засмеялась. Впервые в своей жизни я вдохнула запах кожаной португеи, начищенных до блеска сапог, положила руки на военные погоны.

Уже позднее я слышала слова: НКВД, СМЕРШ, чекист... Слова были не знакомые, но их звучание уже ассоциировалось у меня с дядей Гришей. Я сразу же вспоминала его густые, курчавые волосы, приятный, певучий голос и запах португеи. Этот веселый, шумный, очень доброжелательный и остроумный человек был для меня просто старшим другом, который играл со мной в прятки, догонялки, позволял мерить его фуражку и завораживал пением украинских народных песен.

Дядя Гриша приезжал в Уфу несколько раз. Сначала это были командировки по службе, потом просто визиты к родственникам. Последняя наша встреча произошла в 1965 или 1966 году, когда я уже училась в школе. Вот тогда я слышала первые рассказы дяди Гриши о его фронтовых приключениях.

Помню историю про немецких диверсантов, неожиданно для себя приземлившись в расположении воинской части НКВД и «со страху наложивших в штаны». Откровенно говоря, тогда я воспринимала всё это как байки, но впоследствии дядя Гриша прислал моим родителям отпечатанные на нескольких листах воспоминания о своем детстве, юности, о первых годах службы в ЧК. Позднее автобиография легла в основу неопубликованной повести «Дело было под Полтавой».

Пастух, грабитель, партизан, чекист

Григорий Александрович Бутенко родился в 1900 году в бедной крестьянской семье в местечке под Полтавой. Его старшие братья, едва окрепнув, нанимались в батраки к помещикам, сестры служили прислугой у местных лавочников. Гриша был младшим. Мальчик рос шустрым, здоровым и любознательным; легко освоил несколько языков - украинский, русский, польский и немецкий, хорошо учился в церковно-приходской школе, которую закончил в 1912 году. У родителей не было своего дома, поэтому они кочевали в поисках заработка из одного села в другое, из одной избы в другую за отработок. Наконец Гришу взяли на постоянное место - пастухом к помещику, где уже работал столяром-плотником брат Лёша. Летом подросток пас стадо, а зимой ухаживал за коровами. Кудрявый, похожий на цыганенка, Гриша приглянулся шестнадцатилетней дочери помещика; барышня в свободное время учила батрака игре на фортепиано и танцам. Ученик оказался способным, быстро освоил нотную грамоту, проявлял ловкость и грацию в бальных танцах. Однажды помещица увидела, как Гриша нежно, за талию подсаживает ее дочь на лошадь; разгневанная такой дерзостью своего раба барыня, приказала высечь парнишку кнутом, но он вскочил на коня и через несколько секунд исчез в облаке пыли. Некоторое время он жил в притонах Киева, начал воровать; в одиночку совершил несколько удачных ограблений, нанимаясь гармонистом на свадьбы, а потом, улучшив момент, уносил драгоценности и деньги. Революцию принял с восторгом; в 1919 году партизанил против деникинцев. В 1920 уехал на Польский фронт.

С 1921 года Григорий Александрович начал службу делопроизводителем в органах госбезопасности, затем сотрудником по борьбе с бандитизмом в Запорожье. В начале Великой Отечественной войны прошел десятидневную подготовку в качестве бойца разведовательно-диверсионного отряда военной разведки. В августе 1941 года выполнил первое задание - во главе спецгруппы из двенадцати человек был переброшен через линию фронта с задачей: сбор информации для разведотдела штаба Южного фронта.

Каких-либо конкретных сведений о службе дяди Гриши я, к сожалению, не имею. Документы и отчеты о проделанной им работе будут рассекречены только в 2062 году. Однако смею предположить, что в своих записках Бутенко описывает вполне реальные события, участни-

ком которых ему довелось быть. В качестве справки необходимо уточнить: Главное управление контрразведки СМЕРШ (смерть шпионам) Народного комиссариата обороны СССР было создано 19 апреля 1943 года и просуществовало до 1946. За этот период Григорий Александрович побывал на самых разных участках фронта, принимал участие не только в разведывательных и диверсионных операциях, но и ходил в атаку, получил ранение, и вновь вернулся в строй.

В наше время некоторые историки пытаются свести деятельность СМЕРШа чисто к карательным мерам заградотрядов и массовым расстрелам дезертиров, хотя в задачи этого подразделения входила не только борьба со шпионами, диверсантами, террористами, провокаторами, антисоветскими элементами, но и контрразведка, проведение агентурно-оперативных мероприятий, радиоигры, борьба с дезертирством и членовредительством. Еще одно направление СМЕРШа - проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника.

«Думы» Тарзана

Из записок дяди Гриши: «Октябрь 1943г. Младший лейтенант Попов привез задержанного в прифронтовой зоне мальчишку. Меня разбудили и попросили разобраться в ситуации. Из рапорта понял, что парнишку задержали второй раз; он наблюдал за поездами, в деревнях расспрашивал о наличии красноармейских частей в том или ином населенном пункте. Я зашел в кабинет и увидел щуплого, мокрого, продрогшего подростка лет тринадцати, с большими синими глазами. Он беззвучно плакал и затравленно озирался, по трясущемуся подбородку текла струйка крови. “Что случилось? Ты ранен?” - спросил я. Мальчишка отрицательно замотал головой: “Я не винен, не винен! Якщо мене будуть допитувати... Будь ласка, я не винуватий!” Попов наклонился к моему уху: “Я сам свидетель, как пацаненок чисто по-русски с бабкой разговаривал. А сейчас, гаденьш, делает вид, что не понимает.” Я приказал переодеть задержанного в сухую одежду и принести что-нибудь поесть. Через полчаса услышал вполне связную речь и рассказ о том, что отец погиб на фронте, а мать и сестру убили полицаи за то, что самогона им не дали. Спрашиваю, как твое имя, фамилия? Отвечает: Тарзан. - Почему на прифронтовой территории оказался? - Зablудился. - Куда шел? - Милостыню просил.

Беседовали мы часа два. У меня крепла уверенность: мальчишка не так прост, как пытается выглядеть. Тарзан? Бред какой-то! Книжек малец начитался?! Или же ему есть что скрывать? Возникла пауза. “А шо, подстаканник золотой?” - неожиданно поинтересовался мой “шпион”, рассматривая посуду на столе. “Серебряный. Понравился?” “Ага.” - и вдруг уронил голову на руки и уснул.»

Из документов органов безопасности. 4 сентября 1941 г. «За последнее время германская разведка на Западном и Юго-Западном фронтах практикует переброску через линию фронта детей и подростков с заданиями по разведке расположения наших аэродромов и частей Красной Армии, а также для подачи световой сигнализации в местах скопления войск Красной Армии и артиллерийских батарей.»

Из записок дяди Гриши: «Тарзан наш оклемался. Только я так и не смог выяснить ни его имени, ни возраста. Вчера во время обеда опять пытался вызвать его на откровенность, угостил вином. Язык у парня развязался, но не в том направлении, на которое я рассчитывал; парнишка запел. Так запел, что ко мне из соседних кабинетов слушатели прибежали. Репертуар: украинские народные песни – “Дывлюсь я на небо”, “Думы мои, думы”, “Закувала та сыва зозуля”... Голос не по-детски, сильный, чистый; поет с душой, со страстью. Сижу, думаю: вот концерт закончит, расскажу этому юному авантюристу о своем детстве, о мытарствах, о том, как с низов поднимался, с какой гордостью надел военную форму... А певец разошелся... Обхватил себя за плечи тонкими, детскими ручонками и затащил: “Нич яка мисячна...” И с такой, какой-то болью пел, у меня аж мурашки по спине побежали, а у мальчишки в глазах слезы... Навзрыд песню исполнял! Словно сердце свое из груди вынул и мне тут на стол возле чернильницы положил!

Наконец, слушатели вспомнили о делах, и мы с Тарзаном опять остались один на один. Вижу, лирика как-то размягчила парнишку; он прокашлялся и попросил чаю. “Может кофе хочешь?” - спросил я, вспомнив о том, что Попов хвастался вкусным трофейным кофе. Усталый певец уютно устроился в кресле, а я почему-то подумал, что вот сейчас будет доверительный разговор. Отсутствовал я пару минут, не больше. Возвращаюсь - окно открыто, ветер газетами шелестит, Тарзана нет, и вместе с ним исчезли мой планшет и серебряный подстаканник. Всех подняли по тревоге, обшарили всю местность в радиусе трех-четырех километров, но Тарзан словно растворился во мраке ночи. В планшете никаких серьезных документов не было, а подстаканник - по-

дарок от начальства, было жаль. Обследовали всю территорию вокруг дома; беглец выбрался с третьего этажа на карниз, прошел по карнизу и спустился по водосточной трубе.

За всю мою многолетнюю службу это был первый и последний брак в работе. Чувства стыда и досады еще долго щипали уязвленное самолюбие: пацан провел меня - опытного спеца, как наивного гимназиста! А сколько потом бумаги пришлось исписать, чтобы оправдаться?!»

Та це ж Горулевич!

Из рассказа тети Шуры - жены дяди Гриши: «В начале 60-х мы с мужем отдыхали в Пятигорске в санатории. Пошли как-то на концерт... югославские артисты гастролировали. Сначала женщина выступала... пела, танцевала, потом мужчина вышел, арии из опер исполнял, из оперетт на немецком, итальянском. Вдруг Гриша сжал мою руку: “Это он! Тарзан!” Я ему: “Столько лет прошло... О чем ты говоришь?!” Смотрю, пишет на обороте билета: “Ты Тарзан?” и передал по рядам. А надо заметить, что певец по-русски неплохо говорил, с акцентом правда, но понятно. Прочитал он записку, пробежал взглядом по залу, потом сел к роялю и что-то стал тихо наигрывать. Видно, волнуется. Затем встал, взял гитару и без объявления запел: “Нич яка мисячна, зоряна, ясная...” Смотрю, Гриша мой побледнел, в подлокотник кресла вцепился, шепчет: “Позвонить нужно... местным товарищам.”

Концерт закончился. Вышли мы в скверик. А нас догоняет администратор с огромным букетом алых роз. “Пани, вам просили передать от Пабло Горулевича.” Пришли мы в свой санаторий, я цветы в вазу поставила, а Гриша сразу к телефону... Раз набрал номер, два... Посидел, подумал... И позвонил совсем в другое место: “Бутылку коньяка, шоколад и фрукты в номер такой-то... пожалуйста!” И уже положив трубку: “А все-таки, какого дурака я тогда сваял!” И рассмеялся.»

Дядя Гриша умер в 1967 году в Киеве в своем рабочем кабинете. Я горжусь тем, что он принадлежал к людям мужественной и романтической профессии, чей вклад в Победу нашей страны над фашистской Германией трудно переоценить. Бывший шеф ЦРУ США Аллен Даллес написал в своей книге: «Информация, которую добывали советские разведчики во время Великой Отечественной войны, содействовала военным успехам Советов и представляла собой такого рода материал, который является пределом мечтаний для разведки любой страны.»

Словарь Павленкова

«Гражданочка! Простите! Остановитесь, пожалуйста!» Я оглянулась. Странного вида, косматый старик с большими, чуть навывкате серыми глазами торопливо ковылял по дороге. Он запыхался, и от этого казалось, что его глаза вот-вот выскочат из орбит. Я спрятала лицо в широкую юбку своей крестной тети Нины, а незнакомец, едва отдышавшись, обратился к моей спутнице: «Не дочь ли вы Кулаковой Веры Николаевны?» - «Дочь». Старик разволновался, подобрал упавшую в траву шляпу, прижал ее к груди и прерывающимся голосом отрекомендовался: «Брюно Имре Карлович».

Посылка

- «Вера Николаевна, будете на Гороховой, зайдите вот по этому адресу. Вам передадут Энциклопедический словарь Павленкова для моего племянника», - такой фразой приятель моего будущего деда напутствовал молодую женщину (мою будущую бабушку), провожая ее с двумя детьми и нянькой в Петербург к родственникам.

Из дневника Веры Николаевны: «Петербург. Мая 19-го 1912 года. Познакомилась с удивительным молодым человеком (наверное латыш?) Имре Карловичем. Он явно моложе меня, но его манеры, обхождение и, главное, взгляд делают его очень солидным, снисходительно-мужественным... Когда он заглянул в мои глаза, стало не по себе... Казалось, он узнал какую-то тайну, которая неизвестна мне самой».

Словарь, переданный Вере Николаевне, оказался толстым и тяжелым; упакован он был в черный бархатный футляр с миниатюрным, но хитрым замочком, так и не поддавшимся тонким музыкальным пальчикам любопытной курьерши.

Последовавшие вскоре военно-революционные события лихо закрутили сюжеты человеческих судеб, превращая трагедию в фарс, а водевиль - в кровавую драму. Не сумев уехать за границу, моя бабушка работала медсестрой, а ее бывший супруг, бухгалтер госбанка, сменил фрак на косоворотку и сожительствовал то ли с больничной прачкой, то ли с кастеляншей.

Убийство в особняке

20-е начало 30-х годов для дворянки Кулаковой, отнюдь не симпатизирующей Советской власти, были полуголодными, тяжелыми и даже опасными. Она не оставила «барские привычки» и продолжала участвовать в домашних спектаклях, устраивала семейные праздники в духе до-революционной России, ходила в церковь. В назначенные дни собиралось общество любителей лото, поэзии или просто ностальгически настроенных «граждан и гражданок». Люди делали вид, что ничего страшного не произошло, ведь у многих остались кое-какие драгоценности, и это поддерживало на плаву так называемых «бывших» - тех, кого большевики выгнали из собственных домов, экспроприировали имущество и не принимали на работу, за исключением самых тяжелых и низкооплачиваемых профессий. Вере Николаевне повезло. Получив практику сестры милосердия в русско-японской войне, она до конца своих дней работала в медицине.

Как-то в середине 20-х годов, когда Кулакова делала прививки в детском приюте, ее срочно позвали в соседний особняк, расположенный в глубине сада, где произошло покушение на убийство. Увы, потерпевшему уже никто не мог помочь, но закон требовал соблюдения формальности. Вера Николаевна, так же как и подъехавший вскоре врач, констатировали смерть.

Медсестра торопливо собирала инструменты и случайно обратила внимание на открытый бархатный футляр, лежавший в кресле. – «Вам знакома эта вещь?» - быстро спросил мужчина в кожаной фуражке и гимнастерке с портупеей. – «Я не уверена. Столько лет прошло... Очень похожий футляр... в нем находился Энциклопедический словарь Павленкова, я привезла из Петербурга по просьбе одного знакомого». – «Фамилию знакомого можете вспомнить?» Вера Николаевна без колебаний назвала. – «Кто передал вам в Петрограде означенный предмет?» Допрашиваемая неожиданно для самой себя смутилась: «Он... не русский...» - «Присядьте, гражданочка». Хлопнула дверь дальней комнаты и на пороге предстал Имре Карлович. Его руки были связаны за спиной, белая рубашка окровавлена, лицо в кровоподтеках. Вера Николаевна вскочила, но огромным усилием воли сдержала крик ужаса и удивления.

-«Это ваш петербургский знакомый?» - с издевкой в голосе спросил чекист. – «Да, но что случилось?» - «Он убил нашего сослуживца, который, похоже, работал на двух хозяев. А вы, гражданка, проедете с

нами и дадите письменные показания». – «Господа, я сам криминалист. Каковы мотивы убийства? И зачем мне разбивать несчастному голову кочергой, если я прекрасно владею огнестрельным оружием?!» - властный, с жесткими интонациями голос Брюно отрезвил потрясенную женщину. Она, не мигая, смотрела в его горящие глаза, и слезы текли по ее щекам.

Загадочный словарь

В кабинете следователя моя бабушка увидела Энциклопедический словарь Павленкова. Книга разбиралась на части, в ней можно было провезти ампулы с ядом, маленький револьвер или вместо страниц - листовки, прокламации; наконец, как объяснили «спецы», словарь удобно использовать для шифровки писем, донесений. Все это, словно фокусник в цирке, продемонстрировал старый, издерганный, с болезненной испариной на лбу, следователь, непонятно почему еще не арестовавший «бывшую»...

Называя имена и фамилии, Вера Николаевна прекрасно знала, что «иных уж нет, а те далече...» Еще одна очная ставка с Брюно, избитым почти до неузнаваемости, но с прежними утонченно-изысканными манерами и гордым взором, уверенным в своей правоте человеком, навсегда осталась в памяти Веры Николаевны. Обвиняемый в убийстве и шпионаже, он держался вызывающе-агрессивно, цитируя на французском языке афоризмы известных философов, чем приводил в ярость полуграмотных чекистов. Неожиданно Имре Карлович схватился за сердце и медленно опустился на пол. – «Гражданка Кулакова, посмотрите, что с ним?» Секретарь налил из графина воды, а опытная медсестра легко прощупывала нормальный пульс молодого мужчины, лежащего перед ней. Одной рукой Вера Николаевна приподняла его голову и осторожно поднесла к губам стакан с водой. Серые глаза хитро сверкнули из-под густых ресниц. Брюно застонал и снова плотно сомкнул веки. – «Сердечный приступ... от переутомления», - поставила «диагноз» медсестра. Нашатырь мгновенно привел «больного» в чувство, и он, как бы в недоумении, начал оглядываться по сторонам.

Кто вы, господин Брюно?

После этих событий домашние посиделки и праздники временно отменили. Бабушка ждала, что ее арестуют, но, как ни странно, участь сия ее миновала.

В 1939 году, будучи смертельно больной, Вера Николаевна рассказала своей дочери Нине об Имре Карловиче. Кто он? Революционер, разведчик, авантюрист? Что привело этого человека в Уфу? Как сложилась его дальнейшая судьба? Ответов нет. Во всяком случае, Вера Николаевна была абсолютно уверена: судьба свела ее с незаурядной личностью. Говоря о Брюно, умирающая никогда не произносила слово «любовь», но при воспоминаниях о тех коротких встречах с Имре Карловичем тихая радость светилась в ее печальных глазах, и восковое лицо оживало. Бабушка ушла из жизни, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж.

- «Значит, это внучка Веры Николаевны?!» - старик наклонился, взял меня за руку и, перебирая пальчики, заглянул в глаза. Я, испуганно прижавшись к тете Нине, с любопытством рассматривала это странное существо с кривыми, согнутыми в коленях ногами, большим, как птичий клюв, носом и черными, с трагическим изломом бровями. Его длинные, седые волосы почти касались плеч. По лицу пробежал нервный тик, и только серые глаза, чуть увлажнившиеся от эмоций, смотрели на меня по-доброму, внимательно, словно пытаюсь что-то разглядеть. Выяснилось, что живет Брюно недалеко от наших родственников на улице Пушкина. Несколько раз мы с тетушкой навещали нашего нового знакомого. Частенько они вдвоем ездили на Сергиевское кладбище, где похоронена моя бабушка. Тетя Нина подолгу о чем-то говорила с Имре Карловичем, они рассматривали старинные фотографии, а потом старик шел провожать нас. Перед тем как выйти из дома, в коридоре он распаковывал дверцы огромного книжного шкафа и дарил мне какую-нибудь книгу. Так в моей библиотеке появились «Рассказы» Чехова, «Бородино» Лермонтова, красочные книги по истории и географии.

С тех пор прошло около десяти лет. В начале 70-х тетя Нина принесла старый потрепанный Энциклопедический словарь Павленкова. Она погладила порыжевшую от времени обложку: «Это тебе от Имре Карловича». – «Тот словарь, о котором тебе бабушка рассказывала?» - «Нет! Тот был частично полый внутри. Жизнь Брюно - тюрьмы, лагеря, ссылки... Он в Уфу приехал в шестьдесят первом году. Родных у него не

было. Очень хотел увидеть нашу маму, но ему сказали, что Вера Николаевна умерла еще до войны». – «Ты узнала разгадку детективной истории с убийством?» - «Нет». – «Почему?» – «Лезть в чужую жизнь бестактно». – «О чем же вы так долго беседуете?» – «Он просил рассказать о маме, ведь они по сути не знали друг друга.» – «А почему вдруг он решил подарить мне этот словарь?» Тетя Нина вздохнула: «Это не подарок, это память... о порядочных, умных, мужественных людях. О тех, кто не продает свою совесть и остается верным идеалам молодости. Кстати... Брюно умер еще в конце августа. Я боялась тебя расстроить накануне нового учебного года.

Р.С. Русский книгоиздатель и просветитель Ф.Ф. Павленков известен не только тем, что публиковал произведения русских и зарубежных классиков, главным проектом Павленкова стало начатое им издание серии «Жизнь замечательных людей», в которую вошли биографии наиболее выдающихся представителей человечества. Одним из последних изданий был Энциклопедический словарь (1899г.), выдержавший семь изданий.

«Хочется встать пред тобой на колени...»

12 мая отмечается международный день медицинской сестры, своеобразная дань памяти и уважения британской подданной Флоренс Найтингейл, родившейся в этот день 1820 года. Она прославилась как социальный реформатор, статистик и основатель современного сестринского дела. Освоив профессию, несвойственную для представительниц аристократического общества, к которому Флоренс принадлежала, в период Крымской войны (1853-1856гг.) женщина занимала видное положение на фронте, организовала и систематизировала уход за ранеными солдатами.

Бабушка Вера

Среди моих родственников было несколько человек, непосредственно связанных с медициной, с сестринским делом. Интересна судьба моей бабушки по отцовской линии Веры Николаевны Кулаковой.

Вещи и документы, так же, как и их владельцы, имеют свою судьбу. В моем архиве сохранилось бабушкино удостоверение сестры милосердия, выданное ей 17 февраля 1905 года. Истертая на сгибах бумага

времен царствования Николая Второго сохранила до наших дней правописание и стиль с казенными оборотами как то: «...благоволят оказывать должное содействие» или «означенная сестра милосердия...»

Вера Николаевна родилась в Казани в 1878 году. Она была старшей из семерых детей. Ее родители – небогатые помещики дали дочерям хорошее по тем временам домашнее образование. Верочка свободно владела французским и немецким языками, понимала и могла объясняться на татарском, играла на фортепиано, рисовала, но любимым ее занятием было чтение.

Русская поэзия и книги по истории России сформировали характер романтической патриотки. В их большом доме, который располагался на углу Мало-Проломной улицы, недалеко от университета и вышки обсерватории, часто собирались гости. Среди родственников и визитеров было много военных. Звучала музыка, романсы. В распахнутые окна проникал аромат сирени и звон колоколов Петропавловского собора.

Гуляя с няней по Казани, Верочка любила посещать аптеку господина Грахе, что располагалась недалеко от их дома. Няня покупала там «мятные лепешки», а девочка с любопытством рассматривала красивые флакончики с приклеенными ярлыками и вдыхала специфический запах, который одинаков во всех аптеках мира.

Уже тогда Верочке было известно о том, что движение добровольной помощи больным и раненым воинам возникло в России и было связано с двумя замечательными личностями – Н.И. Пироговым и великой княгиней Еленой Павловной (женой великого князя Михаила Павловича). Именно ее слова записаны в девичьем альбоме Веры Николаевны: «Высшее и лучшее призвание женщины – иногда исцелять, часто помогать и всегда облегчать».

Во время Крымской войны, когда разразилась «травматическая эпидемия», Пирогов и Елена Павловна предложили создать женские санитарные отряды. Преодолевая сопротивление военного начальства, насмешки и непонимание света, Елена Павловна 6 ноября 1854 года лично проводила на фронт первых тридцать пять сестер Крестовоздвиженской общины. Этот первый опыт широко поддержали в европейских странах: по его образцу швейцарский общественный деятель Анри Дюнан в 1863 году основал международную организацию «Красный Крест». В России же движение продолжало расти, и уже к 1870-м годам были образованы десятки общин с сотнями медицинских сестер.

Закончив в феврале 1905 года курсы, Вера Николаевна была командирована в составе санитарного отряда на Дальний Восток. В санитарном поезде она познакомилась с моим будущим дедом. После русско-японской войны приехала с ним в Уфу. Впоследствии почти до самой своей смерти в 1939 году проработала медсестрой, обслуживая район Цыганской поляны.

Мамина судьба

Моя мама Серафима Андреевна Окунева прожила долгую жизнь. Родилась в 1918 году в Уфе. Закончив три класса начальной школы, в 11-летнем возрасте пошла «в люди», то есть начала самостоятельную трудовую жизнь. Одна из ее старших сестер вышла замуж, и Сима поселилась в ее семье. Сестра работала сестрой-хозяйкой (завхозом) в детской клинической больнице на улице Тукаева, и для маленькой девочки началом трудовой биографии стала «должность» помощницы садовника при этом медучреждении. Шесть лет Сима-Симуля совмещала работу в больничном саду и заботы няньки, так как у сестры родились двое детей. В 17 лет моя мама перешла в санитарки, поменяв детскую больницу на военный госпиталь, одновременно училась в вечерней школе.

Подготовка к войне с Германией шла по всей стране. Сима не только работала и училась, но и выполнила норматив первого разряда по стрельбе из винтовки. При росте 1 м 50 см мама ни в чем не уступала крепким, здоровым мужчинам. Тяжелые носилки, кровь, военные сборы, учения... Все давалось легко. Испугалась только однажды, когда в конце 1941 года во время учебы на курсах медсестер девушек привели в анатомичку, и Симуля... убежала. Ее долго убеждали вернуться, потерпеть. Уговорили, и она стала одной из лучших операционных сестер.

Ее добросовестность и профессиональные качества высоко ценил начальник госпиталя 5913 Флейшер. Он же добился того, чтобы «маленькая сестра» получила «бронь». Мама всю войну проработала в госпиталях. Неделями не появлялась дома: с фронта доставляли сотни и тысячи раненых.

После войны маму перевели в Уфимский онкологический диспансер, где она проработала до пенсии. Ее внимательное, чуткое и тактичное отношение больные очень ценили. И это ярко характеризовали встречи, происходившие на улицах Уфы, свидетелем которых я бывала с детства. К маме подходили ее бывшие больные и со словами благодар-

ности жали ей руку. Мама помнила не только их фамилии, но и имена. О здоровье и самочувствии спрашивала деликатно: онкология тех лет гарантий не давала, а если и продлевала жизнь заболевшему, то, увы, ненадолго. Может быть, именно по этой причине из ее наград маме дорожке всех был подарок больной – картина, где изображена ваза с сиренью. Постаревшая Симуля с грустью глядела на натюрморт и говорила: «Вот, человека давно уже нет, а сирень все цветет».

Эхо из прошлого

Автору этих строк неоднократно доводилось принимать участие в военно-исторических реконструкциях в роли медицинской сестры. Занятие историей – дело интересное, познавательное, а после военной реконструкции остаются яркие впечатления от пережитого. Поскольку я постоянно веду дневник, не трудно восстановить хронику событий почти двадцатилетней давности.

«29 апреля 2004.

Прочитала в газете, что 26-27 июня нынешнего года близ села Красный Яр Уфимского района состоится военно-исторический фестиваль, посвященный 85-летию Уфимской операции, проводившейся в июне 1919 года. Фестиваль проводят Военный комиссариат Республики Башкортостан и военно-исторические клубы России.

Два моих деда и трое дядей сражались в 1917-1920-е годы на Украине и юге России, а бабушка Вера Николаевна Кулакова-Фадеева – служила сестрой милосердия в Уфимской земской больнице.

Мне всегда хотелось знать: что волновало тогда еще совсем молодых участников исторических событий? Во что они верили, на что надеялись? А почему бы и мне не испытать себя в бою? Где эта граница – между прошлым и настоящим? Здесь, под Уфой, на берегах реки Белой проходили кровопролитные сражения между красными и белыми.

Итак, решено: я еду в Красный Яр в качестве сестры милосердия.

18 мая 2004 года.

Моя «униформа» уже готова. Хочется как можно больше соответствовать тому образу, который я для себя создала. Парусиновые туфли, простая юбка из черной бязи, белые с красным крестом фартук, нарукавная повязка и платок. Сумка сшита из легкого брезента. Купила бинты, йод, вату, необходимые лекарства.

Странное волнение охватило меня, когда я увидела свое отражение в зеркале... Словно другой, незнакомый мне человек удивленно глядел из глубины давно прошедших лет. Я бросилась к бабушкиной шкатулке, где хранятся старинные фотографии. Лихорадочно перебираю снимки, выполненные на плотном картоне (паспарту), и наконец, нахожу то, что искала: фото моей бабушки – Веры. Милая бабуля! Она умерла задолго до моего рождения, но сейчас – мы рядом и... так похожи!

25 июня 2004 года.

Завтра я уже буду в Красном Яре. Я еду на войну! Странные испытываю чувства: мне тревожно и... весело. Хочется, чтобы непременно были труба и барабан. И слышалось эхо. Эхо выстрелов, разрывов гранат, криков «ура», эхо... 19-го года.

26 июня 2004 года (утро).

Мы с мужем (фотохроникер событий) приехали в Красный Яр около 10 часов. Зашли в краеведческий музей, познакомились с экспозицией. Освежив знания по краеведению и истории, пешком направились вдоль реки Белой к месту дислокации исторических клубов.

Представители военных ассоциаций из Москвы, Курска, Екатеринбурга, Перми и Уфы уже раскинули свои палатки в тени старых деревьев. Самарцы и башкирское телевидение прибыли вскоре после нас.

14 часов 30 минут.

Все было готово к бою: мундиры, сапоги, оружие, кинокамеры, фотоаппараты и... зрители. Я с отрядом красных ухожу на позицию. События развивались строго по сценарию истории: «...бойцы Красной Армии отбивали сильный натиск колчаковцев, идущих «волнами», порой о семи-восьми одна за другой».

Во время «боевых» действий перестаешь замечать зрителей и корреспондентов, взгляд выхватывает только участников «сражения». Все личное уходит на второй план. «Я» - уже чуточку не «я», и для всех это перевоплощение естественно, словно ту жизнь мы уже когда-то прожили, а то, что происходит сейчас – отражение, эхо уходящей эпохи. В пылу атаки были и «убитые», и «раненые». Звучали песни, которые многими нашими современниками уже давно забыты. После «боя» строем возвращались в лагерь. Шли вместе – белые и красные.

30 июня 2004 года.

Мы уже дома, в Уфе, хотя мысленно я осталась где-то там... на позициях, столь упорно нами защищаемых. Настольная лампа освещает старинные фотографии. Я листаю бабушкин альбом с рисунками, тем-

ными силуэтами и профилями, с пожеланиями близких друзей, подруг, с цитатами известных и неизвестных авторов. Перечитываю стихотворение Николая Николаева, написанное в альбом чьим-то витиеватым почерком, с ятями:

«Добрые, кроткие, русские лица...
Белый платочек и крест на груди...
Встретишь тебя, дорогая сестрица,
Легче на сердце, светлей впереди.
Молодость, силы и душу живую,
Светлый источник любви и добра, -
Все отдала ты в годину лихую, -
Неутомимая наша сестра!
Тихая, нежная... Скорбные тени
В кротких очах глубоко залегли.
Хочется встать пред тобой на колени
И поклониться тебе до земли».

Таймер-танго одной судьбы

Верочка родилась в 1926 году в Уфе. Её судьба - это частичка истории большой страны под названием СССР, которая прошла путь «от сохи до атомной бомбы». Ничего особо выдающегося сама Верочка не совершила, и даже свое участие в Великой Отечественной войне считала вполне рядовым событием. Прибавив себе два года, прошла она боевой путь с хозвзводом ефрейтором пехотинцем. Победу встретила в Берлине. И все-таки, сама жизнь этой красивой и отважной женщины удивительна и ничем не уступает по закрученности сюжета роману Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы».

Как заметил Ремарк: «Некоторые путают термины “смириться” и “сдаться”. Смирение - это принятие того что есть. Это активная позиция, которая предполагает созидание в новых условиях. Сдаться это отдаться на милость врага, времени, условий без каких-либо попыток повлиять на себя и свою жизнь. ... предательство себя и называется малодушием». В данном случае, «смирение» - это про Верочку.

Незаконнорожденная

В Уфе Зинаида осталась одна в шестнадцать лет. Её родители и младшие братья умерли от тифа ещё до революции. Приютил девушку старый еврей-лавочник. Его жена была хорошей портнихой, и Зиночка быстро научилась рукоделию: шила, вышивала, вязала; выполняла работу и по дому - мыла полы, стирала, топила печь. После революции лавку новая власть прикрыла и хозяева Зинаиды стали жить шитьем, а батрачку свою заставляли работать прачкой. Когда выяснилось, что Зина беременная, её просто выставили за дверь. Несчастливая девушка искала любую возможность заработать кусок хлеба. Родив девочку, Зинаида решила показать дочь отцу новорожденной. Старый еврей прослезился, вынес мешочек колотого сахара и отрез на платье для молодой матери. На том и расстались. Навсегда.

Одинокой женщине прокормить ребенка в 20-е - 30-е годы в России было весьма сложно. Трудно было найти работу, да и моральная сторона – «принесла в подоле», - пятно на биографии. Так едва появившаяся на свет Верочка оказалась в Доме малютки. Однако Зина не бросила свою дочь, она устроилась работать нянечкой, чтобы иметь возможность общаться с Верочкой.

Несмотря на суровые условия, девочка росла здоровой, смышленной и симпатичной. Зина, как могла, заботилась о ней, подрабатывая продажей вязаных скатертей и нарядных воротничков, которые весьма ценили тогдашние модницы. Однажды на толчке, который фактически был вещевым рынком, к Зине подошла красивая, нарядно одетая дама. Она долго рассматривала вязаные изделия, проявляя интерес к узорам и способу вязания той или иной вещицы. Молодые женщины разговорились, и выяснилось, что они обе мастерицы-рукодельницы, только Зиночка предпочитала заниматься вязанием, а её новая знакомая была искусной вышивальщицей. Они обменялись адресами. На розовой с мелкими незабудками визитке витиеватым почерком было написано: «Валентина Александровна Бахман-Фадеева».

Вторая жена деда

Отношения моей бабушки Веры Николаевны и деда Александра Андреевича Фадеевых были достаточно сложными. Дед периодически уходил из семьи, затем были покаянные речи, прощение... На какое-то

время супругов разлучали войны: Первая мировая, Гражданская. Много общего было у этих людей: происхождение, воспитание, любовь к музыке, поэзии, театру... И все же наступил день, когда они расстались. Александр Андреевич женился на красавице, значительно моложе себя по возрасту Валентине Александровне Бахман - немке, чьи родители были сосланы в Уфу ещё в царское время. Отец её погиб, сражаясь в армии Колчака, мать в начале 20-х ушла в магазин за хлебом, да так и не вернулась.

Как выживала в те годы молодая девица, можно только предполагать. Надо отдать ей должное, Валя свободно говорила по-немецки, слегка по-французски, много читала, умела шить, вышивать, имела манеры благородной барышни, но... голод и нищета сводили на нет все эти достоинства. Спасало положение наличие швейной машинки «Зингер» и свежесть юного тела.

История умалчивает, где и при каких обстоятельствах пересеклись пути моего будущего деда и Вали Бахман. Поженились они в 1924 году, а встреча Валентины и Зиночки произошла летом 29-го. Оказалось, что женщины живут недалеко друг от друга, а общие темы для разговора находились легко. После нескольких лет совместной жизни у Валентины и Александра Андреевича все ещё не было детей. Узнав о том, что Зина работает в детском приюте, супруги решили взять на воспитание какую-нибудь девочку лет трех-четырёх. Вскоре Зина привела за ручку очаровательную большеглазую Верочку, очень подвижную, веселую. Визиты повторялись; ребёнок и потенциальные родители с удовольствием проводили время вместе. Наконец, вопрос с новой семьей для девочки был решен. И тогда Зина призналась, что это её дочь.

Нет, Зина никогда не отдала бы свою малышку в чужую семью, но серьезная болезнь все чаще напоминала о себе. Прогнозы врачей были не утешительные, туберкулез прогрессировал. Вот тогда Зинаида и решила передать Верочку в хорошую семью, где долгожданный ребенок станет радостью и счастьем.

Прибавление семейства

В 1931 году выяснилось, что у супругов Фадеевых будет ребенок. В ноябре родился Георгий. Нянчиться приходила двадцатипятилетняя Нина - дочь Александра Андреевича от первого брака, старшая сестра моего будущего отца. Вскоре выяснилось, что Верочка - не просто чу-

жая, но и лишний рот; её решили вернуть в детский дом. К тому времени Зина уже умерла. Нина, несмотря на низкую зарплату машинистки, навещала Веру и всячески поддерживала. По воскресеньям Верочку забирала к себе семья моей бабушки Веры Николаевны. Девочку угощали сладостями, гуляли с ней в Видинеевском саду (ныне парк им. Сергея Аксакова), катали на качелях. Тезка Вера Николаевна шила из старых вещей элегантные жакеты, платья и кофточки для ребенка, учила её читать.

Можно сказать, что Нина и Вера Николаевна стали второй семьей для Верочки. В 1936 году произошла трагедия: Георгий пролил на себя кипяток и через несколько дней умер. Виной случившегося была легкомысленность Валентины, она попросила пятилетнего сына помешать кипятившееся в тазу бельё, а сама лежала на диване и читала. Ребенок неосторожно опрокинул таз на себя. После этого отношения между Валентиной и Александром Андреевичем испортились настолько, что они расстались.

Чувствуя вину перед Верочкой, мой дед опять стал появляться в своей первой семье, помогая деньгами и продуктами. Валентина, словно очнувшись, тоже периодически забирала Верочку к себе. В 1939 году умерла моя бабушка, в 1940, вернувшись с Финской войны, мой дед. Верочка перебралась на постоянное место жительства к Валентине. К тому времени девочка превратилась в стройную девушку, со сформировавшейся фигурой и пышными, волнистыми волосами. Казалось, жизнь для нее налаживается.

Завтра была война

В середине июня 1941 года Нина узнала, что Верочка попала в больницу; девочка пыталась отравиться. Бросив все дела, Нина побежала к ней. Разговаривать Верочка не хотела, только слезы текли по щекам. Она всхлипывала и повторяла: «Ниночка, миленькая, я хочу жить с тобой! Не спрашивай меня ни о чем!» Её планировали выписать 23-го июня, но 22-го началась война.

Уже дома у Нины Верочка рассказала о случившемся. Валентина завела себе нового кавалера. Вера мешала ей. Тогда женщина решила выдать её замуж за одноногого часовщика - сорокалетнего мужчину, с которым у Валентины были коммерческие отношения, проще говоря, занимались спекуляцией. Юная девушка приглянулась инвалиду, и он

предложил Валентине за нее комплект французского белья и золотые часы. Сделка состоялась, но «невеста» взбунтовалась и наотрез отказала. Тогда, пользуясь случаем, Верочку угостили вином. Наивная девушка проснулась уже в объятиях ненавистного «жениха».

Война притупила личную трагедию Верочки. Она рвалась на фронт. Однако возраст не позволял ей обратиться в военкомат. Почти год девушка работала на Уфимском моторном заводе, так называемом, почтовом ящике № 26. Трудовые будни отвлекли её от грустных мыслей, молодежный коллектив помог проявить себя не только в работе, но и в самодеятельности. Успевала бегать на танцы, особенно любила аргентинское танго, известное у нас как «Брызги шампанского».

И все же летом 1942 года, прибавив себе два года, Вера Фадеева добилась отправки санитаркой в прифронтовой госпиталь. С первого раза добраться до места назначения не получилось, воинский эшелон был атакован немецкой авиацией, и приступить к своим обязанностям пришлось прямо под обстрелом. Как потом рассказывала мне сама тетя Вера: «Я так напугалась рева двигателей, взрывов и криков раненых, что на первых минутах была парализована страхом и не могла ни двигаться, ни соображать. Нас собрал какой-то незнакомый офицер и приказал уводить или утаскивать в ближайший лес раненых. Я с подружкой Любой Кривилёвой таскала раненых на плащ-палатке. Потом появился военврач и мы помогали ему делать перевязки, готовили к операции тяжело-раненых, которых нельзя было транспортировать. Последнее, что помню, где-то к концу вторых суток мне налили крепкого чая и дали кусок хлеба. Я успела сделать несколько глотков, упала и уснула возле носилок».

На войне как на войне

Добраться до своего места назначения никак не получалось. В первых числах июля несколько девушек-санитарок отправили к врачам, оказывающим помощь раненым под Воронежем, в районе Миллерово. Здесь Вера и Люба получили очередную практику: под пулями перевязывали бойцов. В дальнейшем подружки воевали на Сталинградском фронте. Обстановка на этом участке была очень напряженной. Немецкие войска глубоко охватили оба фланга 62-й армии, вышли к Дону в районе Нижне-Чирской, где держала оборону 64-я армия, и создали угрозу прорыва к Сталинграду с юго-запада.

К тому времени под немцами оказались Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половина Воронежа. Представитель Ставки ВГК А.М. Василевский вспоминал: «Утро незабываемого 23 августа застало меня в войсках 62-й армии. В этот день фашистским войскам удалось своими танковыми частями выйти к Волге и отрезать 62-ю армию от основных сил Сталинградского фронта. Одновременно с прорывом нашей обороны противник предпринял 23 и 24 августа ожесточенную массовую бомбардировку города, для которой были привлечены почти все силы его 4-го воздушного флота. Город превратился в развалины. Телефонная и телеграфная связь нарушилась, и мне в течение 23 августа пришлось дважды вести короткие переговоры с Верховным Главнокомандующим открыто по радио».

Местное население всячески оказывало помощь в обороне Сталинграда; все, кто мог держать оружие, вливались в ряды воинов 62-й и 64-й армий, старики и дети возводили баррикады, ухаживали за ранеными. Ситуация усложнилась с приходом холодов. Не хватало продуктов, теплых вещей, медикаментов. Город держался из последних сил.

Психологические атаки

Одним из решающих моментов стал захват последнего аэродрома, через который осуществлялась связь 6-й немецкой армии с внешним миром. В ходе Сталинградского сражения особисты, представители НКВД успешно использовали психологическое давление на болевые точки немецких солдат. Так, в редкие минуты затишья на отдельных участках фронта пропагандисты через динамики, установленные неподалеку от позиций противника, передавали родные для немцев песни, которые прерывались сообщениями о прорывах советских войск в том или ином месте. Но самым жестоким и от этого самым действенным считался способ под названием «Таймер-танго». Суть такова: представители советской стороны передавали через громкоговорители равномерный стук метронома, который после седьмого удара прерывался сообщением на немецком языке: «Каждые семь секунд на фронте погибает один германский солдат». Затем метроном вновь отсчитывает семь секунд, и сообщение повторялось. Так могло продолжаться 20-30 минут, а потом над немецкими позициями оглушительно начинала звучать мелодия танго. Поэтому неудивительно, что многие из тех, кто был заперт в «котле», после нескольких таких «сеансов психотерапии» впадали в истерику и

пытались вырваться, обрекая себя, а порой и своих сослуживцев, на верную смерть.

Уже после войны Верочка рассказывала, как они - совсем юные девчонки, чтобы хоть как-то согреться и поддержать свой боевой дух, танцевали под это танго в сырых блиндажах.

26 января 1943 года после нанесения очередного удара в районе Мамаева кургана соединились наступавшие навстречу друг другу войска 62-й, 21-й и 65-й армий. Сталинградская группировка немцев была расчленена на две части. 31 января капитулировала южная группа, вместе с фельдмаршалом Паулюсом, а 2 февраля сложила оружие северная группа.

Бархатный сезон 43-го

Трудно представить, что война, которая прокатилась волной по огромной территории нашей страны, обошла стороной небольшие островки некогда райской жизни. Такими городами оказались Туапсе и Сочи. Курорт немцы берегли для себя, бомбили только транспортные узлы.

Именно в Сочи в середине сентября уезжала Любочка Кривилёва вместе со своим мужем - врачом, получившим назначение в один из военных госпиталей. Вера зимой 42-го - 43-го годов страдала ревматизмом. Стирая белье, отмывая больничный инвентарь на открытом воздухе, поморозила руки; суставы распухли, пальцы утратили гибкость. О лечении во время войны не могло быть и речи, не ранение ведь! Единственное, что удалось добиться мужу Любы - получить десятидневный отпуск для Веры. Так боевые подруги впервые увидели море.

Сочинцы тоже голодали. В день полагалось 200 грамм хлеба, 200 грамм крупы или жмыха, 50 грамм колотого сахара. Раз в неделю пачка чая из сушеных чайных веток. Ловили дельфинов; спускали жир, ели мясо. Выручали фрукты, ягоды, орехи.

С февраля 1943 года в Сочи начался этап специализации госпиталей; теперь каждый объект профилировался на определенных типах ранений и болезней. Верочка не сидела, сложа руки, помогала Любе ухаживать за ранеными, собирала орехи, которые подмешивали в муку, мох - его использовали вместо ваты, а в свободное время мчалась к морю. Несмотря на скудное питание, южное солнце и теплое море сделали свое дело: Верочка загорела, повеселела и... засобиравалась на войну.

«Было страшно и... весело»

Оказавшись на Белорусском фронте, Верочка продолжила службу в хозвзводе. Научилась запрягать лошадь, выполняла самые разные поручения: привозила почту, стирала белье, чинила обмундирование; при необходимости работала на кухне. Несмотря на относительную удаленность от фронта, вместе со своей частью несколько часов побывала в окружении и получила контузию.

Под командованием маршала К.К. Рокоссовского принимала участие в Рогачёвско-Жлобинской и Бобруйской операциях, освобождала Польшу, где велись боевые действия по удержанию и расширению плацдармов на реке Одер. В апреле-мае 1945 года после успешно закончившейся Берлинской операции, видела на улицах немецкой столицы маршала Г.К. Жукова. Проходя мимо девчонок в выцветших гимнастёрках с медалями на груди, он приветливо кивнул: «Как дела, бойцы?» Кто-то ответил: «Страшно и весело!»

День Победы отмечали с аккордеоном, с песнями, танцами. Девочки где-то раздобыли пудру и губную помаду, сделали прически, а потом со смехом рассматривали друг друга: «Ой, какие мы красивые!» Аккордеонист до войны вел кружок танцев. Вчерашние солдаты впервые слышали от него специфические танцевальные термины: «касса» - в танго - охота, преследование. Одна нога преследует другую; «коррида» - бег, пробежка, короткая последовательность шагов. И закружились счастливые победители в ритмическом аргентинском танго с русским названием «Брызги шампанского».

Лерик и море

В Уфу Верочка вернулась на недельку. Привезла подарки и «трофей» - мужа - симпатичного, русоволосого лейтенанта-связиста Валеру. Друзья так и звали эту неразлучную пару Лерка с Веркой. На уговоры остаться в Уфе Верочка ответила категорическим отказом. Мужтаганрожец соблазнял жену теплым климатом и морем. Маленький дом на берегу возле порта уцелел после оккупации. Молодоженов ждали сестра Лерки и две племянницы.

Лето 1945 года было самым счастливым в жизни Веры. Каждое утро супруги бегали купаться. Конечно, Азовское море не сравнишь с Чёрным, но зато сам Таганрог - старинный, очень уютный, солнечный

городок сразу поллюбился уфимке, привыкшей к суровым уральским зимам и холодной речной воде. Жизнь превратилась в праздник! Пospели ягоды, абрикосы, персики. Верочка писала Нине в Уфу: «Милая сестричка, у нас все хорошо! Еды хватает. Часто ходим на рыбалку, ловим бычков. На улицах всюду валяются созревшие абрикосы, а народ не торопится их собирать, идут, наступают на них... Я удивляюсь: такая вкусотища... и ничья! Жалко, не хватает сахара, чтобы варить варенье. Я абрикосы сушу. К зиме обязательно пришлю вам курагу и грецкие орехи. Валера устроился на завод, я работаю нянечкой в детском саду». Увы, испытания для бывшей фронтовички не закончились! Муж часто лежал в больнице; последствия от тяжелых ранений давали о себе знать. В 1947 году Валера умер.

С жильем в послевоенные годы было плохо, поэтому Вера не удивилась, когда придя после работы домой, увидела свой чемодан с вещами возле входной двери. Конечно, она могла вернуться в родную Уфу, но в Таганроге осталась её первая любовь – Лерка... и море, без которого она уже не могла жить. Поднявшись по узкой тропинке в гору, Верочка села на чемодан и расплакалась. «Эй, что случилось?!» - возле колонки остановился парень с ведром. Девушка посмотрела на его худые руки, острые, выступающие лопатки и военное галифе. «Фронтовик? А меня из дома выгнали. Идти некуда». Они всматривались друг в друга, словно угадывая свою судьбу. «Как звать?» - «Вера». – «А я Жора. Вон мой “ЗиС” на дороге. Радиатор нагрелся... Жара. Поедешь со мной? У меня комната есть и огород возле дома».

Через год в Уфу пришло письмо: «Милая сестричка Ниночка, прости, что давно не писала. Я теперь Позднякова. Мужа зовут Георгий. Нет сил писать о смерти Лерки! И ещё новость... На прошлой неделе у нас родился сын Валерик. Приезжай к нам в гости. Будем рады. У нас тепло, фрукты и море».

В Таганрог мы с тетей Ниной поехали только в 1963 году, когда мне исполнилось семь лет. Сестры (а Верочка и Нина считали себя сестрами) не виделись восемнадцать лет. На вокзале нас встречали дядя Жора, тетя Вера и смущенный Лерка. Народ со слезами на глазах наблюдал, как две женщины, всхлипывая, обнимались и целовались, повторяя: «Надо же! Ведь с войны не виделись!» Дядя Жора подхватил меня на руки: «Вот и племянница приехала! А это твой брат - Лерка!» Я рассматривала своих родственников и была рада, что тетя Вера в жизни та-

кая же красивая, как на фотографии. А её биографию - полную приключений, мне ещё только предстояло узнать.

P.S. Мелодию танго «Брызги шампанского» написал аргентинец Хосе Мария де Люкьеси. Вся его жизнь была связана с музыкой; сначала он преподавал в школе, а затем руководил оркестром. «Espuma de Champagne» он написал в 1935 году. Это единственная известная мелодия автора.

P.P.S. Средняя продолжительность жизни солдата в Сталинграде, будь то немец или русский, составляла 15 минут. Это означает, что любой человек, будучи внезапно заброшенным в город, едва ли имел шансы дожить до следующего дня.

Душечки

Человеческая память избирательна и своеобразна. Детские впечатления подчас бывают более яркими и запоминающимися, чем события, произошедшие в зрелые годы.

Среди моих многочисленных родственников были две прелестные старушки-близнецы – Мария Ивановна и Анна Ивановна Любопытовы. Жили они в полуподвале старинного деревянного дома по улице Фрунзе (ныне З. Валиди), недалеко от пересечения с улицей Воровского. Их окна находились на уровне с землей, и я, 4-5-летний ребенок, не наклоняясь, могла заглянуть в форточку. Услышав мой голос, Мария Ивановна и Анна Ивановна приподнимали тюлевую занавеску и хором восклицали: «Ах, Галочка-душечка пришла!» - и спешили открывать дверь.

«Лапочка-Костенька (это уже относилось к моему отцу), проходи, голубчик!» Старушки троекратно нас целовали и вели в комнату. Одна из хозяек шла на кухню, а другая усаживала гостей на диван, и начиналась беседа, которая напоминала мне старинное кружево. Перечислялись какие-то имена, фамилии, передавались приветы. Из шкатулки извлекались письма и фотографии, полученные от общих знакомых и родственников. Плетение из слов, воспоминаний, восклицаний и умилений – завораживало меня. Я не понимала смысла разговора, но теплота атмосферы, дружелюбие, ласковость и внимание к мелочам – согревали душу и, словно бабушкина шаль, создавали уют и покой. Я играла слониками, цепочкой вытянувшимися на полочке дивана, или рассматривала много-

численные цветы, которые занимали широкие подоконники, стояли в кадках возле двери и стола. Небольшая комната казалась светлой и солнечной от кружевных салфеток, розовых покрывал и большого абажура цвета лимона.

Я совершенно не различала Марию Ивановну и Анну Ивановну. Они были для меня чем-то единым – в белых кофточках и темных или клетчатых юбках. Их голоса я хорошо помню до сих пор. Эти милые старушки обладали удивительным и редким свойством – понимания, всепрощения и любви к людям.

Через несколько минут после нашего визита на стол стелили белоснежную с длинными кистями скатерть, и в вазочках появлялось варенье. Для меня, кроме сладостей, варили манную кашу или молочную вермишель.

Нюансы приготовления джемов, повидла и варенья обсуждали долго, со всеми подробностями. Любопытовское варенье или печенье по-любопытовски считалось в нашей семье наиболее вкусными, но все попытки самим создать кулинарный шедевр по их рецептам успехом не увенчались. По-видимому, продукты в руках Марии Ивановны и Анны Ивановны приобретали особенный, неповторимый вкус.

Прощаясь с гостями, сестры доставали из ящичков комода или буфета гостинцы. Анна Ивановна регулярно получала посылки от своего сына из Ленинграда. Нашего прихода дожидался целлофановый мешочек с несколькими грецкими орехами, парой фигурных пряников, двумя-тремя конфетками и маленькой плиткой шоколада. Такие подарки делались не от бедности, а чтобы оделить вниманием всех близких людей.

Старушки жили вдвоем, трогательно заботясь друг о друге. У них были одинаковые вкусы, взгляды и привязанности. Их идиллию нарушало лишь то, что они являлись поклонницами двух разных кумиров XX века – Лемешева и Козловского. Над кроватями Анны Ивановны и Марии Ивановны висели, вырезанные из журналов, фотографии их любимцев, а спор о великолепии и неповторимости этих теноров развел сестер-близняшек по разные стороны баррикад. В Уфе в 50-60-е годы меломанки делились на «лемешисток» и «козлисток», и Мария Ивановна с Анной Ивановной до слез и хрипоты отстаивали преимущества вокала именно своего кумира. Перемирие наступало временно и только с приходом гостей, для которых заводили патефон, и с заезженных пластинок звучали романсы и арии из опер в исполнении великих певцов России.

Когда Анна Ивановна заболела, и дни ее были сочтены, Мария Ивановна не падала духом; она постоянно придумывала маленькие семейные праздники, чтобы чаще собирать в доме людей и отвлекать сестру от грустных мыслей. Я запомнила два или три посещения... Мне тогда было лет восемь...

В комнате пахло лекарствами и ландышами – цветами, которые так любили обе женщины. Мария Ивановна готовила на кухне свой фирменный пирог с мясом и печенье. Кипел самовар, и чашки с красивыми китайскими беседками уже стояли на подносе. По щекам Марии Ивановны текли слезы, но когда она с подносом появилась в комнате, на ее лице сияла улыбка, а сестру она будила бодрой песенкой: «Соловей-соловей, пташечка...» Анна Ивановна улыбалась в ответ, а увидев меня, попросила подать ей салфетку с этажерки: «Деточка, душечка, возьми себе на память». Она приподнялась, тяжело опираясь на стул, как-то виновато посмотрела на меня, перекрестила и поцеловала в щеку.

Мария Ивановна пережила сестру на семь месяцев и умерла тихо, во сне.

Анна Ивановна и Мария Ивановна всегда помнили именины своих родственников и знакомых. Вот и эта фотография была подарена моей крестной в день ее Ангела. На обороте снимка, поделенного на две части, написано: «Душеньке-цыпочке Ниночке в знаменательный день с поздравлением и пожеланием... Вы сами знаете чего, - обязательно. Утро зимнее. 1940 г.27/1. От Марии Ивановны Любопытовой». И на другой половинке: «Ох, Ниночка, свет, скажи: любишь или нет? Я вас люблю, и Мария Ивановна вас очень и очень любит. Вспоминайте... Анна Ивановна».

Рождество на Пушкинской

Когда приближаются Новогодние праздники, я вспоминаю свое уфимское детство и все, что было связано с ёлкой, с катанием на горке, волнительную суету, ожидание встреч с дальними родственниками и знакомыми. Хождение в гости на Рождество означало для меня визит к милой и доброй тете Кате, жившей в маленьком деревянном доме на Пушкинской улице, недалеко от сада имени Луначарского; ныне сад носит имя нашего земляка Сергея Аксакова.

Уфа начала 60-х годов мало чем отличалась от какого-либо провинциального дореволюционного города. Старая ее часть сохраняла де-

ревянные одно- и двухэтажные домики, с покосившимися от времени ставнями, с окнами, на подоконниках которых цвели яркие герани, фиалки, гортензии. Такие дворики... с поленницами дров, с засыпанной снегом скамеечкой, с крыльцом, напоминающим сморщенный гриб, любят рисовать художники. Стекла веранды украшали причудливые морозные узоры. Отец поднимал меня на руки и я дергала медное кольцо, расположенное возле косяка двери. Раздавался веселый мелодичный звон, и скрип дверей и половиц мгновенно заполнял коридорчик и веранду.

Меня хватали, уносили в комнату, где перемешивались ароматы пирогов, домашнего печенья, мандаринов и пихты. Мою персону высвобождали из огромной маминой шали, толстого ватного пальто и кроличьей шапки. Валенки я стягивала сама и радостно мчалась в большую комнату. Под пихтой меня уже ждали подарки: тетя Катя снабжала нашу семью красивыми вязанными вещами, каждый раз изобретая что-нибудь новое, а ее супруг - дядя Саша мастерски делал шкатулочки из старых открыток, в которые клали конфеты, орехи, вафли.

Тетя Катя и моя мама сервировали стол, а дядя Саша отправлялся к соседям, у которых была девочка Оля - моя ровесница, приглашать в гости. Оля появлялась в сопровождении своей мамы, смущенно входила в комнату и садилась в уголке. Пока женщины раскладывали по тарелкам угощение, мы - четырех-семилетние барышни рассматривали друг друга. Однако через пару минут вся наша чопорность улетучивалась и мы носились по комнатам, визжа и хохоча от избытка энергии. Чтобы как-то нас утихомирить, дядя Саша звал нас в свой «теплый чуланчик», где хранились всякие столярные инструменты, а на небольшом квадратном столике лежали болванки-заготовки, которые, благодаря его умелым рукам, прямо на наших глазах превращались в ангелочков, миниатюрные ели, забавных скоморохов, клоунов, медведей, зайцев, собак, лошадей... Это превращение кусочка дерева в какое-либо существо вызывало у меня восторг и потрясение. Мы с Олей, забыв про все, внимательно следили за движениями металлических лопаточек (как я называла, ковырялок) в руках дяди Саши, но чудо рождения очередной деревянной игрушки происходило так быстро и ловко, что нам оставалось только вскрикивать: «Ой, зайчик!», «А это кошка!», «Ёжик!».

Дверной звонок извещал об очередном госте. Зажав в руках «фирменные» подарки, мы выскакивали в коридор. Приходили старушки-соседки, поздравляли всех с Рождеством, целовались, угощали нас с

Олей конфетами, пряниками. Мне запомнился визит высокого худоща-вого старика с аккуратно подстриженной бородой и чуточку насмешли-выми, по-юношески, блестящими глазами. Он опирался на массивную трость, шумно кашлял, грел руки возле печки и поглядывал на Олю. Олина мама взяла дочку за руку и что-то тихо сказала бородачу на ухо. Я любопытствовала у тети Кати: «Это Дед Мороз?» Тетка загадочно улыбнулась: «Нет, это добрый волшебник... доктор Владимир Алексее-вич. Он Оленьку лечит.»

По моим понятиям доктор должен был делать уколы и пахнуть ле-карствами, но Владимир Алексеевич благоухал хорошим одеколоном, который, впрочем, не перебивал запах крепкого табака. Оля с мамой и доктором удалились в спальню, а я, «на всякий случай», спряталась за сундук и с ужасом ждала реакции Оли на укол. Но вскоре я заснула, а проснулась от смеха тети Кати: «Ну-ка, вылезай скорей!»

Владимир Алексеевич Бабочкин (кстати, родственник известного артиста Бориса Бабочкина, сыгравшего комдива Чапаева в одноименном кинофильме) - бывший начальник и коллега тети Кати, имел огромный стаж врача-кардиолога. В начале 60-х ему было уже за восемьдесят лет, но он сохранял величественную осанку, ясность ума и тонкое чувство юмора. Куда бы ни направлялся Владимир Алексеевич, он брал с собой кожаный саквояж с лекарствами и медицинскими инструментами. А еще в этом саквояже находились несколько плиток шоколада, которые в тот раз достались нам с Олей. Консультации опытного кардиолога для де-вочки с пороком сердца стали лучшим Рождественским подарком; позд-нее, благодаря правильному режиму, дозированным физическим нагруз-кам и курортному лечению, Оля, не только победила болезнь, но и вы-полнила норматив мастера спорта по туризму.

А тогда... после застолья мамы хотели увести нас спать. Время бы-ло позднее, но Владимир Алексеевич сказал, что эта ночь необыкновен-ная и детям можно еще поиграть. Помню, все оделись и вышли во двор. Электрическое освещение на улицах в частном секторе почти полностью отсутствовало, но в небе мерцали звезды и снег блестел и искрился. Тетя Катя смела иней со скамейки, постелила на нее старый полушубок и мы с Олей уютно устроились возле крыльца. Несмотря на совсем юный воз-раст, мы чувствовали какую-то торжественность момента... В те годы не принято было говорить о Боге, о вере... Наша маленькая компания - две девочки и несколько взрослых просто наслаждались тишиной и покоем, переводя взгляд от звезд на снежный ковер и обратно, жадно вдыхая мо-

розный воздух и прислушиваясь к ночным звукам. За забором по улице быстро прошли несколько молодых людей, заскрипел под ногами снег, раздался приглушенный смех, где-то басовито залаяла собака, но через несколько секунд вновь стало тихо. Пахло овчиной и свежим снегом.

Владимир Алексеевич вынес из дома большой термос, поднос с эмалированными кружками и вазочкой с печеньем. Мы пили вкусный чай с медом, настоянном на травах и хрустели еще не остывшими ванильно-ореховыми ромбиками и звездочками. Все это походило на какой-то таинственный ритуал... Наконец, Владимир Алексеевич глубоко вздохнул, подхватил рукой охапку снега, протер лицо и, сдвинув шапку на затылок, размахивая в такт кружкой, продекламировал:

«В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?»

Мы с Ольгой внимательно слушали стихи, не понимая толком их смысла. Моя верующая тетка познакомила меня с некоторыми молитвами, но я повторяла слова автоматически. Здесь же из отдельных фраз в моей душе родилась светлая грусть, томящее чувство чего-то такого, чему я не могла дать определение. Неожиданно я расплакалась. «Владимир Алексеевич, это Вы что ребенка до слез довели?!» - всплеснула руками тетька Катя. Старик подхватил меня на руки и засмеялся: «Нууу... деточка, это хорошие слезы. Значит, душа твоя поэту сопереживает».

С той памятной встречи я не видела Владимира Алексеевича. Говорили, что он уехал в Харьков к сыну. Для меня и для Оли он присылал Рождественские открытки, которые сам рисовал. На одной из них изображены двое детей идущие через лес; деревья покрыты инеем, высоко в небе светит луна, а над головами юных путников два ангела молитвенно сложили ладони.

Последний раз на Рождество к тете Кате я приезжала в конце 60-х годов. Маленький домик на Пушкинской вновь объединил нас своим теплом и надеждой на лучшее. Мы опять выходили ночью во двор, пили ароматный чай с домашним печеньем и смотрели на звезды.

«... И мандаринами и бором в гостиной пахнет голубой»

Новогодние праздники - это время подведения итогов, время воспоминаний и планов на будущее. Вместе с коробками ёлочных игрушек я достаю с антресолей альбомы со старинными открытками, фотографиями, дневники своих родственников.

В нашей семье соблюдались традиции прошлых поколений. Ёлку устанавливали вечером 31 декабря, когда меня уже укладывали спать. Утром просыпалась от запаха хвои, свежееиспеченного печенья, мандаринов... Под ёлкой меня ждали подарки от папы, мамы, от тети Нины - старшей сестры отца, и от Деда Мороза. Среди подарков обязательно присутствовала книга для чтения, альбом для раскраски или рисования, что-нибудь из предметов одежды и какая-нибудь долгожданная игрушка. Сколько себя помню, мне всегда писали открытки... сначала печатными буквами, потом обычным почерком. От многочисленных родственников из других городов также приходили поздравления в виде ярких открыток и телеграмм.

Утро 1 января, как правило, было тихим; народ поздно засыпал после встречи Нового года, на улицах пустынно, снежно, морозно. Завтракали мы вчетвером, а потом начиналась забавная игра: на большой, пышной ёлке я искала свои любимые ёлочные игрушки, которые взрослые прятали где-то в глубине густых веток или, наоборот, вывешивали на самом видном месте. Я, в свою очередь, перевешивала игрушки и предлагала отцу найти зайчика в сиреневой жилетке, волка с фонариком, пару забавных щенков, прижавшихся друг к другу или золотистый колокольчик... В процессе рассматривания ёлочных украшений я обнаруживала подвешенную ириску, грецкий орех, маленькую шоколадку, яблоко... До Рождества мне не разрешали ничего кушать с ёлки, но искуса был велик. До святого праздника благополучно доживали лишь орехи, и то только потому, что разбить их самостоятельно мне было сложно.

Едва научившись писать, среди подарков к Рождеству я получала симпатичный блокнот или записную книжку для ведения дневника. Впрочем, изначально я просто фиксировала на их страницах, какие книги прочитала и коротко - впечатление от прочитанного. Мама дарила наборы для начинающих рукодельниц, самоучители, как делать цветы из бумаги, вырезать по лекалам, а потом склеивать терема, сказочные зам-

ки. Иногда мне дарили наборы цветных карандашей, акварельные краски или пачку разноцветного пластилина.

По вечерам взрослые уходили в гости, а я оставалась с кем-нибудь дома и занималась тихими играми. Правда, если со мной оставался отец, «тихие» игры заканчивались тем, что появлялись соседи снизу и озабоченно интересовались: «Кто это в вашей квартире топает, как слон?»

Времяпровождение с тетей Ниной носило более спокойный характер. Мы перебирали старые альбомы, перечитывали открытки и дневники моей бабушки и других родственников. Тетушка вспоминала, как в их детстве отмечали Новый год, как проводили зимние месяцы в середине 19-го начале 20-го веков. Мне разрешали самой отпереть замочки маленького стола под названием «бобик» и достать из ящичков прадедушкину печатку для сургуча, прабабушкины ножницы, черепаховый гребень, брошь с аметистом, стопку бабушкиных писем, белые перчатки-митенки (без пальцев), изящные, миниатюрные флаконы из-под духов, какие-то ленты, цветные нитки для вышивки, пожелтевшие от времени кружева, кошелек, вышитый бисером.

Вот и нынче я долго перебирала милые вещицы... Ароматы духов и одеколona навсегда покинули свои прозрачные кельи, но потускневшие строки дневников еще хранят мысли и чувства моих предков. «Прошлое - это родина человеческой души» - цитата Генриха Гейне открывает девичий альбом моей бабушки 90-х годов 19-го столетия. А вот описание одного из предпраздничных Рождественских дней 1912 года: «Обновили шпалеры в кабинете у Саши (мой будущий дед – Г.Ф.) и в зале. Удалось найти то, что хотела... В кабинет - цвета шартрёз, а в зале, как у Белюновых - ярко-голубые. Сегодня была на примерке. Платье получилось строгим, вроде формы гимназистки, но, я думаю, кружева его оживят. Можно добавить спенсер. Надо посоветоваться с Анастасией Павловной.»

«... С Дуняшей решали, что будет к столу. Как всегда, что-то традиционное, привычное - яблоки, мандарины и обязательно - холодец, а также паштет из рыбы, пряная утка с овощами. Пироги будем печь с сестричкой. Олюшка на днях обещала приехать из Казани. Да, подарки уже приготовила. Ниночке - куклу и теплый капор, Костюше - обезьянку и пальто, Воличке - погремушки, Лёле - деньги. Александр хотел чернильный прибор с охотником и борзыми.»

После революции сменился не только адрес моих родственников, стал другим и сам уровень жизни. В 1935-36 годах после периода борь-

бы с «пережитками прошлого», вновь разрешили праздновать Новогодние праздники. В Уфе было голодно, холодно, но моей бабушке удалось сохранить привычный уклад жизни. Вот записи из дневника тети Нины: «8 января 1936 года. (Еще не на все продуктовые и промышленные товары были отменены карточки - Г.Ф.) Ходили в гости к Троицким. Наконец-то согрели свои кости в жарко натопленной комнате. Варили картошку в «мундире», маме выдали на работе две селедки, мне удалось достать стакан постного масла. Троицким кто-то привез мёд и коровье вымя. Сделали гуляш. Получился сытный обед, закуска под водку и даже чай с мёдом и сушками. Дети играли в бирюльки, а мы сидели возле печки и слушали, как проникновенно, очень по-своему, Петя играл Шопена. Говорить не хотелось, мы молчали. Но это молчание объединяло нас. Мама обняла Петю за плечи, он встал, поклонился и отошел к окну с чашкой горячего чая. Мама села за пианино, пальцы осторожно коснулись клавиш... Она исполнила свой любимый романс «Нищая», потом все хором пели “Степь, да степь кругом...”»

В 60-е годы мы с тетей Ниной часто бывали в гостях ее старинных знакомых. В небольшом деревянном доме в районе Монумента Дружбы собирались любители русской словесности. Звучали стихи известных и малоизвестных авторов. Помню, как весело проводили мы очередной Старый Новый год. Готовилась целая концертная программа, участие принимали и дети. Кто-то изображал сценки, кто-то танцевал, пел или декламировал стихи. Все радовались праздничной обстановке, шутили... Один из гостей - пожилой мужчина, седой, с небольшим шрамом на щеке прочел:

«Мой календарь полуопавший
пунцовой цифрою зацвел;
на стекла пальмы и опалы
мороз колдующий навел.
Перистым вылился узором,
лучистой выгнулся дугой,
и мандаринами и бором
в гостиной пахнет голубой.»

Тетя Нина сидела на валике дивана, смотрела на маленькую пихту в уголке комнаты, а по щекам текли слезы. Я подбежала к ней, заглянула в глаза: «Почему ты плачешь? Тебе плохо?» Тетушка погладила меня по голове: «Нет. Всё хорошо. Я детство вспомнила...»

С тех пор прошло много лет. Я узнала, что эти поэтические строки принадлежат Владимиру Набокову. Познакомилась и с дневниками бабушки, где так подробно описаны предпраздничные хлопоты и «ярко-голубые шпалеры» (обои) гостиной.

Стол «бобик». Подобные столы впервые появились в эпоху рококо во Франции. В русский быт «бобик» вошел только в третьей четверти 18-го столетия. Свое название получил от конфигурации верхней доски – столешницы, похожей на форму боба. Подобные переносные столы использовались чаще всего на женской половине. За ними дамам в пышных юбках удобно заниматься рукоделием, писать письма, пить утренний кофе. А при случае, столик, как собачка, мог легко последовать за своей хозяйкой. Такова еще одна версия происхождения названия.

Стол, как правило, были декорированы ценными породами дерева. Инкрустация выполнена в стиле маркетри (маркетри в переводе с французского – мозаика), то есть послойной мозаики с применением кусочков деревянного шпона, стружки, сухих лепестков, цветов, блесток и всевозможных бусинок.

В нашей семье был очень похожий столик «бобик», доставшийся по наследству от казанской прабабушки. С годами сей мебельный антиквариат утратил ножки, облупился с боков, но сохранил былую породу. Миниатюрные ключики исправно, с каким-то мелодичным звуком, открывали ящички, в которых хранились различные предметы с богатой биографией.

В моем распоряжении было два нижних ящичка и столешница, на которой располагались плюшевые игрушки, а затем и канцелярские принадлежности. В начале 70-х годов, приобретая новый гарнитур, отец выбросил верного «бобика» на помойку, и только изящные ключики остались напоминанием об ушедшей эпохе.

УльТим... где-то в районе души

Перебирая старые фотографии из маминого альбома, вспоминаю её рассказы о наших родственниках, которых, к сожалению, я не застала в живых. В 60-е - 70-е годы, когда зацветали сады, мама любила водить меня на прогулку «к бабушке Уле». То есть, конечно, бабушки уже не было на свете, но ещё существовал её дом на одной из маленьких улочек наискосок от проходной завода РТИ.

Пространство и время

Нынешней весной я выбралась в те края, посмотреть, что осталось от былых времен. Современная стройка смела все сады. Впрочем, уже и от заводских корпусов ничего не осталось. Появились высотные жилые здания, ресторан. Я прошла по территории бывших частных усадеб... В воскресный день было тихо и безлюдно.

Впечатления далекого детства... аромат цветущих садов, хриплые крики петухов, звук пилы. Близкое соседство большого завода не нарушало почти деревенской идиллии. По некоторым проулочкам в те годы можно было проехать только на телеге или велосипеде.

Ульяна Игнатьевна Топоркова была старшей сестрой моей бабушки по линии матери. Было у нее с супругом Тимофеем Карповичем семеро сыновей и две дочери. Двое старших сыновей погибли ещё в Первую мировую, один - в Гражданскую. Двое уехали в 20-е годы в Петроград, как тогда говорили, «в поисках лучшей доли», да там и остались. Моя мама, будучи подростком, в тридцатые годы знала предпоследнего из сыновей - Аристарха, он работал на паровозоремонтном заводе вместе с моим будущим дедом (маминым отцом), уже замужних Ольгу и Катерину и самого младшего - Ивана.

Когда в конце 60-х мы с мамой «навещали родные места», я имела возможность представить, как здесь жили в начале 20-го века. По сути это была окраина Уфы. Здесь селились небогатые граждане. Дома особо не отличались архитектурой, хотя и имелись свои изыски. У одних - мезонин или небольшой балкончик, у других большое крытое крыльцо или расписные ворота и узорчатые ставни.

Многие деревянные строения перекошились под тяжестью лет, вросли в землю. Парадный вход утратил свое назначение и был наглухо заколочен. Отлетела резьба с наличников, потемнели бревна. После смерти Тимофея Карповича в 1957 году, Ульяна Игнатьевна продала ульи, а вскоре и сама перебралась по соседству к супругу на Ново-Ивановское кладбище (ныне сквер в районе Аграрного университета).

Когда деревья были большими

В 1922 году моей маме - Серафиме Андреевне было четыре года. Она впервые со своей старшей сестрой оказалась в гостях у бабушки Ули. Огромный сад и огород, жужжащие пчелы, кудахтающие куры, за-

пахи крапивы, мяты... Вся эта пульсирующая жизнь находилась совсем близко, достаточно присесть на корточки или плюхнуться в высокую траву... И вот уже ноги ласково щекотит подбежавший котенок, а куры с удивлением рассматривают незнакомую хохотушку, ползающую на коленках и собирающую ромашки.

Гордостью Топорковых были яблони. Несколько сортов. Огород, конечно, главный кормилец семьи, но яблони поражали своим разнообразием и ароматом. Под ними располагался длинный обеденный стол. Иногда во время трапезы тяжелые плоды падали кому-нибудь на голову, что вызывало ребячий смех. Тимофей Карпович в таких случаях крестился и аккуратно складывал яблоки в стоящую поблизости корзину.

Плетение корзин - семейное хобби Топорковых. Моя мама долго берегла корзину-лебедь с крышечкой для хранения всяких рукоделий. Можно с уверенностью сказать, что бабушка Уля и дед Тимофей умели всё. В огромном самодельном ушате-ванной в жару плескались дети. Без машинки, на руках бабушка шила платья, рубахи, брюки. Из старых ниток вышивала целые картины, со сложными пейзажами. Дед шил из кожи обувь, сбрую для лошадей.

Кроме ягод и овощей, дед выращивал цветы. Соседи подтрунивали над любовью Тимофея к георгинам, считая это глупым баловством. Однако дед говорил: «На свете много всякого, что нам жизнь портит, а цветы на радость даны, как напоминание о Рае».

Мама частенько вспоминала, как она - ребёнком заблудилась среди огромных георгинов. Ей казалось: какие-то великаны окружили её и укоризненно качали головами. Но слёзы испуга быстро высохли, когда «спасённой» Симочке вручили кусок белого хлеба с душистым мёдом. Из гостей, как правило, возвращались с гостинцами: кузовком полным яблок, туесками с ягодами, медом, с сушеной рыбкой (дед любил порыбачить).

Великая Отечественная

Когда началась Великая Отечественная война, Ульяне Игнатьевне было 69 лет, Тимофею Карповичу 71. Проводив сыновей Аристарха и Ивана на фронт, супруги, несмотря на пенсионный возраст, пошли работать. Бабушка - в госпиталь, дед на завод резиновых технических изделий, который образовался от слияния двух эвакуированных заводов - Ярославского РТИ и Ленинградского «Красного треугольника». Заво-

дская проходная находилась в трехстах метрах от дома Топорковых, поэтому дед успевал прибегать на обед, кормил кур, хозяйничал в огороде.

Узнав, что в Первую мировую Тимофей служил в кавалерии, заводское руководство предложило ему поработать возничим на лошади. По срочным делам начальство ездило на автомобиле, а вот для обслуживания детских садов и школ вполне годился гужевой транспорт. Конюшни были при ипподроме, который занимал часть территории на участке между современным Бульваром Ибрагимова и улицей 50-летия Октября, примерно, там, где проходят трамвайные пути. Старый кавалерист быстро завоевал авторитет, ввел военную дисциплину, строго следил за здоровьем лошадей, за чистотой денников и трезвостью возничих. Как рассказывала бабушка Уля, за добросовестную работу, сохранность лошадей Тимофея Карповича наградили Почетной грамотой, кожаной курткой и галифе. Высокие сапоги собственного пошива дополняли портрет франтоватого ветерана кавалерии.

В свободное время Топорков с мальчишками из соседних дворов организовывал банные дни и чистку лошадей. За помощь давал ребятам покататься верхом на лошади, учил седлать, запрягать в телегу. Постепенно дети познавали азы выездки, обучались конкуру - преодолению препятствий, любили слушать истории из военного прошлого России, получали радость от физического труда, испытывали гордость за свою причастность к важному делу - приближению Победы.

После войны ещё несколько лет Тимофей Карпович почти каждый день приходил на ипподром к своим подопечным - любимцам Жемчугу, Чижикю и Орфею, наблюдал за тренировками, не пропускал соревнования.

Сыновья вернулись живыми. Аристарх с женой перебрался жить на Кавказ, работал в санатории. Иван продолжил военную службу до 1948 года в Германии, затем работал в военкомате Нальчика.

Яблоки от УльТима

В 80-е годы территория завода РТИ начала расширяться, строились новые корпуса. Жителей частного сектора переселяли в новые благоустроенные дома, а фруктовые сады продолжали одаривать своими плодами. Мы с мамой собирали яблоки с уже покинутых усадеб. Иногда кто-нибудь из старожилов попадался на дороге, и мама подолгу говорила с ними, перебирая имена и памятные события далекого прошлого.

Из яблок мы варили варенье, сушили для компота, делали пастилу по рецепту бабушки Ули. В Уфе проживала единственная из детей Топорковых - Катерина. Она всю жизнь проработала поваром, в том числе и на заводе РТИ. Именно благодаря Катюше появилось слово, объединяющее родителей, дом и даже местечко в районе улиц Пархоменко и Бульвара Ибрагимова, - УльТим - Ульяна, Тимофей.

Когда в начале нового тысячелетия мы покупали маме квартиру, она предпочла знакомые с детства улицы, выбрав девятиэтажку на Ибрагимова. За последние двадцать лет произошло столько перемен в стране и в нашем городе... Исчезли с лица земли старые домики, покинули этот мир родные люди. Не осталось ни одной яблони из сада Топорковых, не нужным оказался завод, а по бывшему Ново-Ивановскому кладбищу ездят трамваи. Правда поблизости от могилки Ульяны Игнатьевны и Тимофея Карповича появилась часовня, но это культовое сооружение не работает по назначению, оно всего лишь выполняет роль памятника... Кому или чему? Наверное, ушедшей эпохе.

«И страсти голос благородный...»

Человеческая жизнь, словно мозаика, складывается из маленьких фрагментов... увиденных пейзажей, прочитанных книг, встреч с интересными людьми, собственных ошибок, опыта побед и поражений. Очень важно научиться с детства наблюдательности и анализу, умению слушать, понимать и делать правильные выводы. Процесс воспитания, познания - не диктат, это увлекательное путешествие в неизведанное; и очень важно, чтобы проводниками оказались умные, внимательные учителя, тактичные, с чувством юмора.

В этом отношении мне повезло: среди моих родственников были неординарные личности, увлечённые, способные повести за собой в мир истории, спорта, литературы или просто отправиться со мной в небольшой вояж. Особенности отношения сложились у меня с сестрой моей бабушки по отцовской линии Надеждой Николаевной Кулаковой. Она родилась в 1890 году и, будучи моложе моей бабушки на двенадцать лет, пережила её почти на сорок. Я помню тётю Надю с начала 60-х годов, когда она приходила к нам в гости. Это была худощавая, очень милая старушка, с неуёмной энергией и потрясающе широким кругозором. К её визиту я учила очередное стихотворение и с максимальным артистизмом читала его.

Знакомство с родственниками

В зимние каникулы 1964 года тётя Надя взяла меня с собой в Москву на день рождения какой-то нашей родственницы. Компанию мне составила внучка тёти Нади - моя одногодка - восьмилетняя Катюша. Пока мы ехали в поезде, репетировали концертную программу: Катя весьма прочувственно исполняла отрывок из пушкинского «Евгения Онегина» - письмо Татьяны, а я - стихотворение «Бородино» Лермонтова. Тётя Надя подыгрывала нам, изображая то гордого Онегина, то простоватого «дядю», к которому я обращалась: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»

На следующий день после приезда в Москву, тщательно причёсанные и одетые в бархатные платья (Катя в голубом, я в бордовом), мы вышли знакомиться с хозяйкой Калерией Константиновной. Её сын Евгений, который встречал нас на вокзале с Вулканом - гладкошёрстной таксой не лучших кровей, предпочёл заранее подружить нас с этим хитрым и своенравным псом. Тётя Надя была заядлая собачница, давняя знакомая Вулкана, поэтому до официального прибытия гостей цоканье собачьих когтей раздавались по всем пяти комнатам огромной квартиры. Катя, очарованная многочисленными картинами на стенах, особого интереса к Вулкану не проявила, я же с вечера несколько раз угощала его холодной котлетой и печеньками.

Калерия Константиновна Репнина была искусствоведом, немножко музыкантом, прекрасно владела итальянским языком и частенько собирала у себя людей искусства. Тётя Надя и хозяйка роскошной квартиры расцеловались, потом подошли мы с Катей. «Ну, как вы устроились, девочки?» - пропела бархатным контральто Калерия Константиновна. Катя выразила своё восхищение картинами, а я спросила, можно ли поиграть с Вулканом? «Можно. Только недолго. Сегодня среди гостей будет Ольга Сергеевна... Они с Вулканом не ладят, поэтому собаку закроют в кабинете.»

«А Ираклий Луарсабович обещался быть?» - включилась в разговор тётя Надя. «Да! Они с Женей за шампанским поехали.» «Кто это?» - полюбопытствовали мы с Катей. «Это Андроников. Очень интересный человек!»

Сложные имена

Улучшив момент, я обратилась к тётё Наде с вопросом: «А где лошади?» - «Какие лошади?» «Если тётя - Кавалерия, значит, она на лошади ездит,» - пояснила я. Тут нам с Катей пришлось выслушать небольшую лекцию по антропонимике - науке об именах. Когда же выяснилось, что выговорить имя Ираклия Луарсабовича мы не можем вообще, тётя Надя увела нас в спальню и дала урок по артикуляции. Довольно быстро мы усвоили правильное произношение и до появления первого гостя успели поиграть в догонялки с Вулканом.

Среди первых визитёров оказалась солидная дама в меховом манто с мальчиком лет одиннадцати в какой-то девчачьей цигейковой шубке с капюшоном. Раздевшись, перед нами оказался весьма симпатичный отрок с длинными, вьющимися волосами цвета спелой пшеницы. Он решительно подошёл к нам с Катей и представился: «Адольф Берг.» «Адооольф!» - удивилась Катя. «Это как Гитлер что ли?» - уточнила я. «Дуры! Меня в честь деда Адольфом назвали. Он известный математик и шахматист.» «А меня папа научил в шахматы играть, - похвасталась Катя. Здесь есть шахматы... в кабинете. Сыграем?» Мы втроем пошли в кабинет.

Катя с Адольфом расставили фигуры и занялись игрой, а мы с Вулканом уселись в кресло. Когда пёсик понял, что у меня только одна конфетка в кармане, потерял ко мне интерес, прыгнул на подоконник и стал наблюдать за медленно падающими снежинками. Вскоре нас позвали в зал. Гости сидели за длинным столом и, судя по всему, уже ожидали второе блюдо. «Дети, - обратилась к нам Калерия Константиновна, порауйте нас, расскажите какое-нибудь стихотворение или басню.» Адольф поправил свой пиджачок, быстро подошёл к роялю и звонким голосом объявил: «Бетховен. “К Элизе”». Уверенное исполнение известной пьесы привело всех в умиление. Затем мальчик читал стихи Эдгара По и Маяковского.

После столь блистательного выступления молодого человека Катьюша, слегка смущённая, тихим голосом начала: «Я к вам пишу - чего же боле?» Пышные волосы, робкий взгляд, румяные от волнения щёки вполне соответствовали образу пушкинской героини. Наступила полная тишина. «Кончаю. Страшно перечесть...» Раздались громкие аплодисменты, крики: браво! Взволнованная девочка стремглав выбежала из зала. Общество обратило свои взоры на меня.

«Скажи-ка, дядя...»

Я набрала побольше воздуха в лёгкие: «Лермонтов. “Бородино”». К тому времени я полностью находилась под впечатлением фильма «Гусарская баллада», который успела посмотреть несколько раз и многие диалоги знала наизусть. В стихотворение Лермонтова описывалось та же эпоха, что и в фильме, а военная тема близка мне по духу. «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» Сначала я обращалась к воображаемому «дяде», но, заметив, как оживился мужчина сидевший ко мне в профиль, поняла, что нашла в его лице благодарного слушателя. Я увлеклась, размахивала руками и топала ногами:

«Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут...»

На лице моего визави был написан ужас! Казалось, что французы двинулись именно на него. Он слегка прикрыл лицо ладонью, словно хотел защититься от натиска врага, а я просто захлёбывалась в упоении страстью описываемого боя.

«Да, были люди в наше время...» Мой взгляд полный величайшей скорби скользнул по лицам сидящих за столом и вновь встретился со столь впечатлительным слушателем. Он кивал мне головой и дружески улыбался.

Когда смолкли аплодисменты, пышная дама с длинными серьгами и крупными бусами кокетливо погрозила мне пальчиком: «Деточка, это стихотворение больше подходит для исполнения мальчику. А тебе лучше выбрать что-то лирическое.» - «Ах, Ольга Сергеевна, позвольте не согласиться с вами! - вступился за меня “мой слушатель”, - В Наполеоновских войнах участвовали и женщины. Вспомните партизанку Василису Кожину! А кавалерист-девица Дурова?! Это как?! Молодая женщина в военном мундире... на коне... фехтует, стреляет, жизнью рискует, и ни тени робости! Героиня!» Ольга Сергеевна как-то странно подпрыгнула на стуле и вдруг истошно завопила низким, прокуренным голосом: «Ааа... Вулkaa...ан! Новые чулки! Боже мой!» Срочно отодвинули стулья. Калерия Константиновна и Женя ловили извивающуюся таксу, которая успела прихватить зубами ещё двоих гостей и пулей пролетела в сторону кухни. Укушенный мужчина потирал лодыжку и, глядя на хозяйку собаки, недоумевал: «У вас странная такса. Обычно они очень

шумные, много лают... А это - втихаря взять и тяпнуть... Подлость какая-то!»

Притяжение тайны

Пока Калерия Константиновна и тётя Надя искали йод, Ираклий Луарсабович, а именно он оказался «моим слушателем», усадил меня на диван и заговорщическим голосом спросил: "А ты знаешь, что троюродный брат Лермонтова - тоже Михаил Лермонтов, принимал участие в Бородинском сражении? Он был старше своего тёзки на 22 года, служил на морском флоте мичманом, но в составе отряда армии Баркляя-де-Толли, воевал на суше.» «Значит, это его Лермонтов называл "дядей", его расспрашивал?» - заинтересовалась я. «К сожалению, утверждать сей факт с уверенностью - невозможно. Бабушка Михаила Юрьевича всячески препятствовала общению своего внука с родственниками по линии отца. Но, думаю, что они всё-таки виделись. По крайней мере в те времена люди старались поддерживать родственные отношения, даже с самой дальней роднёй.» - «Бабушка была злой?» - «Нееет! Бабушка очень любила внука, но она хотела, чтобы Михаил Юрьевич любил только её и её близких.» - «А может быть Лермонтов, когда писал "Бородино", специально назвал своего троюродного брата - дядей? Чтобы бабушка не догадалась...» - высказала я своё предположение. - «Возможно. Вокруг Михаила Юрьевича происходило много загадочного. И сам он был человеком противоречивым, со сложным характером. Его биография, разносторонние таланты, поступки, его совершенно нелепая гибель... - всё тайна.»

«Уважаемые гости, прошу к столу, - Калерия Константиновна торжественно внесла поднос с жареным гусём и пирожками. - Простите нас за выходку Вулкана. Кто-то отодвинул стул, удерживающий дверь кабинета, и, конечно, этот хулиган воспользовался моментом.» Тётя Надя позвала меня на кухню, где для детей специально сервировали маленький стол. Поправив воротничок моего платья, она спросила: «О чём с тобой говорил Ираклий Луарсабович?» - «Оказывается, Лермонтов - весьма загадочная личность. Что бы он ни делал, всё окутано тайной. Даже бабушка его как-то странно любила...» Тётя Надя пристально посмотрела на меня, погладила по голове: «Да, в жизни Михаила Юрьевича много странного, загадочного.»

Через три месяца на свой день рождения я получила от тёти Нади подарок - книгу Ираклия Андроникова «Рассказы литературоведа». Родители подарили грампластинки с записями Ираклия Луарсабовича. Передо мной вновь предстал талантливый исследователь, замечательный рассказчик, страстно увлечённый, эмоциональный, артистичный человек, очень добрый, способный по-детски, радоваться маленьким открытиям и находкам. Для меня же судьба Лермонтова стала настолько привлекательной в плане психологии, что поездки по лермонтовским местам и изучение его творчества превратились в хобби. Впрочем, это уже совсем другая история.

Киевский торт

В 70-е годы наша семья частенько получала гостинцы от родственников из Киева через маминого племянника Петю Бутенко. Сначала он ездил на фирменном поезде в качестве официанта, потом заведующим вагона-ресторана.

Можно много рассуждать о воспитании в семье, об идеологии подрастающего поколения и народа вообще, но события в семье Бутенко могли бы послужить основой для пьесы в духе «Дни Турбинных» Михаила Булгакова.

Украинские родственники

Мамина старшая сестра Александра Андреевна Окунева вышла замуж за офицера СМЕРШа Григория Александровича Бутенко в конце войны. Биография этого удивительного человека заслуживает отдельной статьи. Он начинал свой трудовой путь батраком украинского помещика, совсем юным определился на службу в ЧК. Тетя Шура из работящей семьи уфимских мещан. Выйдя замуж, она полностью посвятила себя воспитанию детей. Старшая дочь Нора родилась в 1946 году в Германии, где до 59-го года служил дядя Гриша. Там же в 1949 и 1951 родились Валерий и Пётр. Старшие дети свободно владели немецким языком. В дальнейшем, уже в Киеве Нора окончила иняз и работала учителем иностранного языка, переводчицей. Валерий возглавлял небольшое автопредприятие, а Петя после кулинарного техникума работал в пищевой промышленности.

В 1960 году Григорий Александрович уже на Украине отлавливал бандеровцев, потом был направлен на борьбу с остатками банд «лесных братьев» в Прибалтику, которые существовали до середины 60-х годов.

Воспитание в семье Бутенко было жестким или, как выражалась тетя Шура, армейским. Сомнительные знакомства пресекались самым категорическим образом; культ отца, его авторитет были непререкаемыми. Не позволялись никакие спиртные напитки, курение, нецензурные выражения, увлечение западной модой. Самое страшное ругательство от дяди Гриши: «Бандера недорезанная!»

Очень строго подбиралась литература для детского чтения. Да и в юности интерес к французским романам и танцам не поощрялся. Единственная слабость Григория Александровича – красивая посуда трофейных германских сервизов. Словно компенсацией за долгие голодные годы он любил посиделки с многочисленными блюдами украинской кухни на богато сервированном столе.

Дядя Гриша с тетей Шурой каждый год приезжали в Уфу. В моих детских воспоминаниях встречи с дядей остались яркими праздниками. Веселый, шумный, острый на язык, но тактичный, элегантный... в военной форме, мне он казался идеалом настоящего мужчины. Он мог рассказать забавную, почти анекдотическую историю из своей боевой жизни, но никогда не опускался до пошлости, не подвергал критике действия руководства страны и армии. Если в дружеской беседе кто-либо провоцировал Бутенко двусмысленным замечанием по поводу работы СМЕРШевцев, он крепко брал такого человека за грудки, и, глядя в глаза, тихо пояснял: «Я в первую очередь, коммунист, и только во вторую очередь, оперативный работник. Поэтому, полагаю, ты сделаешь правильные выводы».

Григория Александровича не стало в 1967 году.

Новые отношения

Тетя Шура по-прежнему навещала своих уфимских родственников. Она прилетала самолетом, привозила сестрам по знаменитому фирменному киевскому торту, жаловалась на то, что дети «не устроены»; Нора занята школой, учениками, Валера не желает официально оформлять отношения с сожительницей, не хочет обзаводиться детьми, Петька ищет большие деньги...

В конце 70-х мама сестра Евдокия ездила в Киев в гости. У меня сохранились фотографии тети Дуся с Валерой. Даже по нескольким снимкам видно, что между родственниками нет душевной теплоты; молодой мужчина стоит боком к своей тетушке, словно подчеркивая, что он – такой богатый и модный, не имеет ничего общего с этой пожилой женщиной в платочке.

Уже в Уфе тетя Дуся со смехом рассказывала, что для киевских племянников мы оказывается, «кацапы». А по улице Валера и Петя ходили на некотором расстоянии от своей небогато одетой родственницы.

В те годы мы не придавали значения этим, в общем-то просто неделикатным отношениям молодого поколения украинцев к русским. Хотя... украинцами наши племянники были только наполовину.

Тетя Дуся посмеялась, но сделала вывод, что «без Гриши делать в Киеве нечего. Дисциплина в семье расшаталась, а Валерка с Петькой – прямо “бандера недорезанная!”»

Когда в 1986 году умерла тетя Шура, связь с Киевом стала односторонней, то есть из Уфы один-два раза в год тетушки звонили племянникам, изредка отправляли поздравительные открытки, но постепенно и эта тоненькая ниточка оборвалась.

Когда старшее поколение ушло в мир иной, я в конце 90-х сделала попытку восстановить с Киевом родственные отношения. Телефон Бутенко был отключен, на телеграммы никто не реагировал.

Гостья из Киева

Прошлой зимой, в Новогодние праздники мне захотелось навестить своих друзей, погулять по уфимским улицам, наблюдая суету, фейерверки, тихо падающий снег и деревья в инее. Парк имени Ивана Якутова - одно из моих любимых мест, с которым связаны детские забавы - катание на паровозе, на карусели и занятия физкультурой - в юности. Моя приятельница - Полина Павловна уговорила меня на вечерний моцион, когда аллеи освещены разноцветными огоньками.

Мы не спеша прогуливались вокруг замёрзшего озера, когда позади нас раздался удивлённый голос: «Ой, все старые дома снесли! И места не узнать!» Мы оглянулись. Худенькая, пожилая женщина, лет под восемьдесят, рассматривала соседствующую с парком территорию. «Давно снесли!» - откликнулась Полина Павловна, уже более полувека живущая в этом районе. «А я в Уфе сорок два года не была. Мы с мужем

сначала в Молдавии жили, потом на Украине. Он военнослужащий.» Так, разговаривая и вспоминая прошлое, мы втроём вышли на главную аллею парка, и Полина Павловна предложила зайти к ней в гости, тем более живёт она рядом, на улице Ленина.

После морозного воздуха домашнее тепло и аромат свежей выпечки настроили нас на ретро-программу. Супруг Полины Павловны вскипятил большой чайник, а стол был уже сервирован. Эффектно вылетела пробка шампанского, и мы как-то сразу прониклись дружеской обстановкой праздничного застолья. Нашу новую знакомую звали Гузель Шамильевна Крецу, по профессии она учитель английского языка. С конца 80-х годов со своей семьёй живёт в Киеве. Судьба этой милой женщины показалась мне достойной внимания и в плане её личностных качеств, и в связи с событиями, которые последние годы происходят на Украине.

Мужа Гузель Шамильевна похоронила несколько лет тому назад, в прошлом году погиб её единственный сын - тоже военнослужащий. Погиб, как она выразилась, на Донбасском фронте. С грустной иронией наша бывшая соотечественница рассказала о том, как у неё - башкирки и её мужа - молдаванина - сын считался русским, а вот обе внучки, когда получали паспорта, превратились в украинок. Дома все говорят на русском языке, на работе и в учебных заведениях, предпочтительнее, на украинском. - Тяжело ли жить? - В общем, нет. Но чувствуется какое-то напряжение, как будто воздуха не хватает.

Единственное, что удерживает Гузель Шамильевну в Киеве, это любимые внучки. Девочки учатся в Университете на факультете иностранных языков. Их, как очень способных студенток, уже дважды отправляли на практику в Англию.

Наша познавательная беседа перешла на уфимские темы. Выяснилось, что младшая сестра Гузели Шамильевны была сокурсницей Полины Павловны в Башкирском мединституте. К сожалению, в Уфе родственников у неё не осталось... Одни переехали в другие города и даже за границу, а некоторые уже умерли.

Провожая нашу украинскую гостью на съёмную квартиру, мы условились, что непременно придём к ней в гости завтра попробовать знаменитый киевский торт.

Как бы мы ни старались избегать политических тем, но отношения между Россией и Украиной, между русскими и украинцами вновь и вновь всплывали за столом. Создавалось впечатление, что Гузель Ша-

мильевна хотела выговориться, поделиться наболевшим со своими бывшими земляками. Она показывала нам фотографии внучек, и слёзы текли по её щекам. «Знаете, у девочек полностью отсутствует чувство патриотизма. Все мысли: закончить образование и уехать за рубеж. Постоянно обсуждают варианты сожительства с иностранцами, с последующим замужеством и переездом за пределы Украины.»

Гузель Шамильевна с гордостью похвасталась, что эти два фирменных киевских торта внучки пекли сами, что умеют они шить и вязать, а Диккенса ещё в школе читали в оригинале. «Вот, хотела им Уфу показать, но некогда им, да и желания особого не имеют. Иногда про Россию такое спросят, что не знаешь, как объяснить? Как ответить, почему все народы СССР, поднялись против фашизма? Почему в одной могиле лежат погибшие красноармейцы - русские, белорусы, украинцы, грузины, евреи... А теперь выясняется, что «фашисты помогали украинцам освободить Украину от большевиков»?! Как растолковать, что их прадедушка, мой отец был настоящим коммунистом... Он отказался от своей очереди на бесплатную квартиру, когда узнал, что по соседству многодетная семья ютится в сыром бараке. А до следующей очереди он просто не дожил. Так мы и выросли в покосившемся домике без удобств недалеко от парка Якутова.»

Но, словно спохватившись, женщина начала вспоминать свою молодость, когда они с мужем в 60-е годы жили в военном городке в Молдавии, и сын одновременно начал говорить на молдавском, башкирском и русском языках. «Какая романтика была! Концерты самодеятельности устраивали... Татары, литовцы, армяне, чувашаи... Каждый что-то своё демонстрировал. Да и повара часто готовили различные национальные блюда. Как одна семья жили! И вот... словно и не было этих трудных, но счастливых лет большой многонациональной страны!»

Мы ещё долго говорили о прошлом, перебирая даты-события истории и кадры-моменты наших биографий. Прощаясь, Гузель Шамильевна подарила нам с Полиной Павловной киевский торт, которым она хотела угостить своих подруг, но встреча с ними не случилось.

Через три дня, уже в аэропорту, расставаясь с нашей украинской гостьей, мы вручили ей пакет с домашними беляшами и чак-чаком. Обнялись, как близкие, родные люди. Вероятно, мы уже никогда не увидимся... Некоторое время все держались за руки, затем Гузель Шамильевна повернулась и медленно направилась к стойке регистрации. Она улетала домой... в чужую страну.

P.S. Благодаря интернету наша связь с Крецу продолжилась. По моей просьбе Гузель Шамильевна пыталась найти кого-нибудь из семьи Бутенко. По свидетельству соседей квартира их уже несколько лет закрыта. Изредка в ней появляется Пётр Григорьевич, но долго не задерживается. Нора Григорьевна давно умерла. Про Валерия Григорьевича соседям ничего неизвестно.

P.P.S. Уже вторую неделю Крецу не отвечает на мои письма. Хочется верить, что это временно.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Какой у мишки хвостик?

Кукольный театр для любого человека начинается с детства, с первой игрушки. Моей первой игрушкой был плюшевый мишка, который старше меня на полгода, его день рождения где-то в первых числах ноября 1955 года. Потом компанию ему составили собачка и зайчик. Так троим они и ждали моего появления. Впрочем тоже самое бывает и в театре... Артисты готовятся, репетируют и, наконец, происходит встреча со зрителем.

Мы жили на улице Кирова в двухэтажном деревянном доме, в маленькой комнате. За фанерными перегородками жили соседи; если они начинали разговаривать чуть громче, то их хорошо было слышно. Когда родилась я, слышно было только меня. Нянчились со мной все по очереди; одни пели колыбельные песенки, другие качали мою коляску на веранде, третья читала вслух лекции по истории КПСС (студентка готовилась к занятиям в институте). Забавный прием утихомирить меня придумала наша соседка: она дула в большую морскую раковину и приставляла ее к моему уху. Я широко раскрывала глаза и слушала шум. Слушать я могла долго, пока не засыпала. Именно под этот звук - то ли метели, то ли морских волн мне стали читать стихи Пушкина: «Буря мглою, небо кроет, вихри снежные крутя...», «Прощай, свободная стихия!» и другие. Я, конечно, ничего не понимала, но слова меня завораживали. Потом мне рассказывали сказку «О рыбаке и рыбке». Я запомнила слова, наблюдала за мимикой рассказчицы и прижимала к уху раковину.

Когда я подросла и требовала к себе внимания, мама занятая домашними делами, укладывала возле моего уха плюшевого мишку - Миху и тихо говорила: «Закрой глазки, мишка тебе что-то рассказать хочет.» К пяти годам я уже умела не только слушать, но и с удовольствием придумывала забавные сценки со своими игрушками. Были среди действующих лиц и куклы, но звери меня интересовали больше. Особенно волновал меня один вопрос: «Какой у мишки хвостик?» Знакомые мне собаки все имели хвост, были хвосты у кошек, у моих плюшевых зайца и пёсика Топсика. А у мишки Михи хвост вообще отсутствовал. Родители, мои тетушки, знакомые моих родственников - все утверждали, что хвост у медведей имеется, только совсем маленький; но зоопарки тогда в

Уфу не приезжали, и найти подтверждение словам взрослых мне никак не удавалось.

В детский сад меня отдали поздно - в пять лет. Это был садик строительного треста № 21, расположенный недалеко от Дворца имени Серго Орджоникидзе. Громкие детские голоса, шум и гам большого детского коллектива действовали на меня удручающе. Моими любимыми занятиями были прогулки по территории детсада в одиночестве или лепка из пластилина различных зверюшек. Книжки, которые читала нам воспитательница, я знала наизусть, но могла и сама по слогам читать.

Существовал в детском саду и свой кукольный театр, где артистами были картонные герои сказки «Репка». В свободное от театральной жизни время «действующие лица» лежали в большой картонной коробке. Я как-то заглянула под крышку и долго перебирала фигурки на длинных палочках. Увы, мне эти персонажи больше напоминали картинки в книжках, а не живых бабку, дедку, внучку, Жучку и других участников вытягивания репки. Но однажды случилось волшебство... Нас построили парами и повели во Дворец Орджоникидзе на спектакль НАСТОЯЩЕГО кукольного театра.

Название сказки, в моей детской памяти не сохранилось. Однако некоторых героев этого спектакля - Мишку, Лису и Волка я запомнила очень хорошо. Лиса была в красном сарафане, Волк в белой рубашке и серых шароварах, а Мишка в голубых штанишках на ляпочках. О сюжете происходящего на сцене ничего вспомнить не могу, но сами зверюшки произвели на меня очень сильное впечатление. Созданные образы: одежда, голос, интонации, даже жесты лапками, поворот головы, походка - всё работало на характер героя. По крайней мере, именно такими я и представляла себе зверей. Совершенно очаровал меня мишкин хвост: маленькая коричневая помпошка, судя по всему, пришитая к штанишкам.

Я сидела, примерно, в пятом ряду, детей было много, все они переговаривались между собой, вертелись, стучали сиденьями. Мне же хотелось оказаться поближе к зверюшкам. Я подошла к самой сцене, где над высокой ширмой разворачивались события. Запомнился мягкий темно-синий бархат ширмы, запах пыли и какой-то особенный воздух закулисья. Насладиться рассматриванием действующих лиц на близком расстоянии любопытной Варваре не позволили. Воспитательница сердито дернула меня за руку и отправила на место.

Совершенно выпало из памяти, как мы возвращались в садик. Нас ждали накрытые к обеду столы и так ненавистный мною гороховый суп. Я вспоминала, чем питаются зверюшки... Ужас! Я не смогла представить никого, кто бы ел гороховый суп! Выпив чашку компота, я прихватила с собой косточки от урюка и осторожно выскользнула в раздевалку.

Переполюнявившие меня чувства требовали выхода. Прекрасно ориентируясь в городе, я села в трамвай, идущий в сторону стадиона имени Гастелло, и через двадцать минут появилась на работе у папы.

На обратном пути я успела сообщить отцу про гороховый суп, и, захлебываясь от эмоций, рассказать про Волка, Лисичку и Мишку, подробно описав хвостик последнего.

В детсаду нас встретили трое разгневанных женщин. Воспитательница кричала про «вымотанные нервы» и «третий побег за год», заведующая прижимала руки к декальтированной груди и лисьим голосом выговаривала: «Девочка, конечно, у вас развитая, но, поймите, это не детсадовский ребенок! Она живет какой-то своей жизнью!» Третья женщина оказалась из милиции. Она что-то долго объясняла отцу про режим и дисциплину. Наконец, все трое дружно вздохнули, и заведующая потребовала, чтобы я дала слово никуда больше из садика не убежать. Я почему-то представила ее в красном сарафане и, засунув руки в карманы, философски заметила: «Никто не знает, что будет завтра.»

В связи с моим «несносным» характером, папина старшая сестра, едва достигнув пенсионного возраста, вынуждена была уволиться и заняться моим воспитанием. Первое, что мы с ней сделали - пришили плюшевому Михе хвост-помпошку, чтобы было как у настоящего медведя.

«Аз, буки, веди...»

В начале 60-х годов борьба с религией была еще в самом разгаре. Уничтожались культовые сооружения, проводились всевозможные лекции, диспуты, просветительские мероприятия.

С самого своего рождения я была приобщена к церкви. Моя тетя, ставшая моей крестной, учила меня молитвам, часто брала с собой на богослужение. Несмотря на торжественную обстановку и все великолепие зрелища, моя душа тянулась к другому: я выходила на улицу и угощала гостинцами не нищих, а бродячих собак. Возле меня собиралась разношерстная компания, прибегающая из ближайших дворов Старой

Уфы. Крупные экземпляры собачьего племени были со мной почти одного роста. Меня это не смущало. Я добросовестно делила на всех булочки, пирожки, сушки.

Чувствуя какую-то двусмысленность религии, я искала чистой, рафинированной любви. Эта любовь являлась ко мне в виде грязных, голодных животных. Кто-то из них имел пристанище в частных домах, но большинство были беспризорными, бездомными бродягами. Их глаза выражали внимание и благодарность.

Когда угощения съедались, собаки не уходили. Они окружали меня и норовили хоть как-то выразить свою признательность. Мне лизали руки, ноги, лицо. Я с восторгом заглядывала им в морды, перебирала пальчиками их шерстку и целовала пахнущие псиной ушки. Я была совершенно счастлива!

Нужно отдать должное моей крестной: меня никогда не ругали за то, что белое платье было испачкано собачьими лапами, а бантики на косичках развязаны и изжеваны в знак большой любви.

Крестная не оставляла надежду пробудить во мне чувства покорного христианина. Частенько меня водили в дом одного священника. Жил он недалеко от сада им. Луначарского (ныне парк им. Сергея Аксакова) в маленьком деревянном домике, который одним боком сползал в овраг. Однажды нас встретила матушка и проводила в светлую комнату, где было много икон, и горели лампы.

Батюшка и крестная о чем-то говорили, но я была поглощена тем, что происходило на кухне: забавная толстая собачонка кормила троих щенков. Я села на корточки и сидела так до тех пор, пока меня не окликнули. Обычно батюшка гладил меня по голове, благословлял, и мы выходили на крыльцо. И вот тогда начиналось то, чего я с нетерпением ждала. Батюшка хорошо поставленным голосом звал собаку: «Альма! Служи, Альма!» И песик принимал стойку, напоминающую зайчика на задних лапках. На нос ей клали кусочек сахара, и батюшка, чуть растягивая слова, говорил: «Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть!» При слове «есть» Альма подкидывала сахар и ловко его ловила. Я смеялась и хлопала в ладоши. Батюшка гладил меня по голове и произносил непонятную мне тогда фразу: «Всему придет свой час. Не может быть безбожником человек, так любящий животных».

«Пробуждение» из тируара

Домашнее воспитание в 50-60-е годы прошлого столетия ещё сохраняло традиции дореволюционных гимназий и практицизм первых лет советской власти. По крайней мере я могу утверждать, что изучение буквара и первые уроки по технике лыжного хода я познавала уже в четыре года. Отец - 1908 года рождения, поставил меня на лыжи в скверике возле дворца им. Серго Орджоникидзе и в течение 30-40 минут прогуливался параллельно лыжне. Его старшая сестра - тётя Нина, будучи на два года старше моего отца, по вечерам учила меня азам рисования, лепки, преподавала гуманитарные науки. Делала она это ненавязчиво, легко, как когда-то обучали и её.

«Волшебные» слова

Красивым фигурным ключиком тётя Нина открывала выдвигной ящик старинного письменного стола. Ящичек этот назывался тируаром (от французского глагола tirer - тянуть, вытягивать). Далее она извлекала из его глубин несколько литературных журналов, толстый блокнот и прабабушкин, вышитый бисером бювар (от французского buvard - папка или род портфеля для канцтоваров). Меня завораживали незнакомые слова, и я с любопытством заглядывала в этот самый «бювар». Фактически в моих руках был самодельный, искусно сшитый портфель, в котором хранились чистые листы бумаги, письма бабушки и дедушки, дамский альбом для рисунков и дружеских пожеланий, карандаши, точилка, миниатюрные записные книжечки, нож для разрезания бумаги, перья для ручек и два гусиных пера, которыми писали в 19-ом веке.

Слова «тируар» и «бювар» казались мне какими-то сказочными, вроде, «крибли крабли бумс», и я ожидала встречи с волшебством. Тётя Нина клала передо мной конфету или пару грецких орехов, (мяч, яблоко, плюшевого медведя...). Сначала на листке бумаги я рисовала предложенный предмет, потом печатными буквами переписывала название нарисованного. Со временем задания усложнялись. К школе я уже умела считать, читать, писать печатными буквами, но главное, к чему я так страстно стремилась... я пробовала писать гусиным пером! Перед моими глазами была фотография прапрабабушки с дарственной надписью на паспорту моей будущей бабушке: «Дорогой внученьке Верочке от бабушки А. Орешниковой. г. Казань. Снималась Октября 2 1858 года». Ви-

тиеватый почерк с завитушками, с угловатыми росчерками казался оригинальным узором, который мне хотелось повторить. Пока я осваивала гусиное перо и старательно выписывала своё имя, имя бабушки, прапрабабушки, тётя Нина рассказывала мне о днях, проведённых ею у своих родственников в Казани.

Настоящим образцом каллиграфического почерка являлись записи, сделанные бабушкиным кузеном Сергеем Курчеевым на страницах её альбома. Завитушки и росчерки здесь отсутствовали, но зато ровные строки написанного легко могла прочитать и я. Скопировать эту красоту мне, к сожалению, не удалось, однако, благодаря своему любопытству, я заочно познакомилась с дядей Серёжей, а заодно и с поэзией Фета и Тютчева, чьи стихи он цитировал.

Старые журналы

Достаточно потрёпанная стопочка литературных журналов дореволюционной поры прошла через детские руки моего отца, его сестры Нины, младших братьев и сестёр. Начиная со «Светлячка», «Жаворонка», «Задушевного слова» и заканчивая «Нивой» с приложениями, развитие детей тех лет предусматривало постепенное знакомство их с миром животных, растений, русских сказок, религиозных праздников, подводя девочек и мальчиков к самостоятельному осмыслению исторических событий, пониманию своих обязанностей как гражданина. Тётя Нина повела меня знакомым ей путём.

Я быстро запомнила набранные крупным шрифтом сказки, легко пересказывала их, а вскоре уже самостоятельно могла читать. В журналах, кроме литературных жанров и рекламных объявлений, публиковались иллюстрации, рисунки и портреты известных личностей. В журнале «Пробуждение» за 1915 год моё внимание привлекла фотография красивого военного с аксельбантами. Это был поэт К.Р. Под инициалами скрывался Константин Константинович Романов - внук Николая Первого - талантливый поэт, переводчик, драматург. Здесь же помещено его стихотворение: «Я баловень судьбы. Уж с колыбели...» Небольшое по размеру, очень милое произведение, слегка пафосное... Почему-то оно привлекло моё внимание, и я его заучила.

Политическая оттепель середины 60-х годов прошлого столетия носила весьма условный характер. По-прежнему, церковь была отделена от государства, царские династии в школах не изучались, а за посещение

культовых заведений можно было лишиться партбилета. В нашей семье партийных людей не было, однако иконы в уголке спальни во время визита гостей на всякий случай закрывали белой шторкой.

«Я заслужу доверье и любовь.»

День рождения отца всегда отмечали шумно, большой компанией, с музыкой и танцами. Была середина лета 1965 года, окна распахнуты настежь. Среди гостей - папины друзья - егерь и инспектор рыбнадзора, двоюродный брат - преподаватель на курсах марксизма-ленинизма, кто-то из сослуживцев отца с жёнами и соседи. Когда вышли из-за стола и перешли к культурной программе, между танцами и дружным исполнением песни «Из-за острова на стрежень...» тётя Нина решила похвастаться моими успехами. На суд общества вынесли мои поделки из пластилина: Маша и три медведя. Преувеличенно восторженные комплименты воодушевили меня, и я решила почитать дядям и тётям стихи. Вообще репертуар у меня был достаточно солидный и на любой вкус, но тут торжественность момента требовала чего-то из гражданской лирики. Не объявляя автора, я начала читать стихотворение К.Р. Разговоры постепенно стихли, раскрасневшиеся лица обратились в мою сторону. Последнее четверостишие прозвучало при полной тишине:

«Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь.»

Наша соседка - парторг районной поликлиники удивлённо вскинула брови. Отец кашлянул и предложил выпить. Далее - как в плохом театре... Тётя Нина схватилась за сердце и медленно опустилась на диван. Мама сердито покосилась на неё и прошипела: «Макаренко!» Я решила уточнить: «Это не Макаренко! Это Константин Романов написал, внук Николая Первого.» Тут уже не выдержал специалист по марксизму-ленинизму: «Галочка, ты ведь наверное пионерка? Нет ещё? Ну, всё равно ты должна знать, что с царями, слава Богу, мы покончили. Тьфу! Я хотел сказать, что силами большевиков, мы покончили. Как тебе не стыдно читать стихи ... тиранов, эксплуататоров?! Где ты нашла эту мерзость?» Поняв по моему вдохновлённому лицу, что я сейчас расскажу не только «где нашла», но и продолжу выступление с произведениями явно не советского периода, тётя Нина схватила меня в охапку и утащила на

кухню. «Попей чай с пирогом и сразу же в постель. Дёрнула тебя нелёгкая с Романовым этим окаянным?! Не те здесь люди собрались, девонька! Не те ...» Тётушка погладила меня по голове и суетливо перекрестилась: «Господи, спаси, сохрани и помилуй нас!»

Всё проходит... и возвращается

После того дня рождения отца тётя Нина спрятала старинные журналы в большую дорожную корзину, которая запиралась на замок. Я уже позабыла об их существовании, но когда после смерти моей тётушки отец выбрасывал её вещи, среди прочих, как ему казалось, ненужных бумаг и книг я обнаружила знакомые журналы. К сожалению, мне удалось спасти лишь небольшую часть Записок деда, дневники бабушки и тёти Нины, несколько экземпляров журнала «Пробуждение» и «Задушевное слово». Прабабушкин бювар почти полностью потерял форму, бисер рассыпался. Но сохранилось его содержимое: письма и всякая канцелярская мелочь.

Недавно в интернете я узнала, что дореволюционные журналы выпустили репринтным изданием. Можно спорить о современных методах воспитания детей, критиковать или не критиковать образование царской России, но... Никто не отменял вечные ценности: патриотизм, доброту, ум, смелость, любовь, умение сопереживать... Всё это отражено в произведениях известных и мало известных авторов, печатавшихся в этих журналах.

В моём (уже современном!) тирауре по-прежнему хранятся дорогие сердцу вещицы. Их касались руки моих предков, они сохранили «аромат» своей эпохи. Листая пожелтевшие от времени страницы журналов, с улыбкой вспоминаю первые впечатления от прочитанного, реакцию подружек, с которыми я делилась мыслями, слова взрослых, для которых детская периодика дореволюционных лет казалась чем-то враждебным. Мне повезло, я выросла среди людей, получивших образование в царских гимназиях и институтах. Они чуточку по-другому говорили, одевались, их поступки в советское время были не всегда понятны строителям социализма... И ещё. Этим замечательным людям удалось, если так можно выразиться, реанимировать мою историческую память и привить любовь к Старине.

Дом на изволоке

С возрастом Новогодние праздники это не столько возможность повеселиться в кругу родных и друзей, сколько повод для воспоминаний, подведения промежуточных итогов прожитого-пережитого. Падает снег... как падал он в прошлом году, пятьдесят и двести лет тому назад... Кружатся в воздухе снежинки, ложатся инеем на деревья и кустарники, устилают мягким ковром землю. Я смотрю на небо и узнаю этот хаотичный полёт снежного конфетти... Полёт из далёкого детства в вечность.

Маленькое путешествие

В начале 60-х годов прошлого века уфимцы ещё засаживали городские пустыри картофелем, луком. Помню наши две сотки на месте нынешнего Дворца спорта. Собранный урожай размещали у родственников в подполе частного дома на улице Пушкина. Нанимали знакомого шофёра, который помогал доставить мешки с картофелем к тётке Кате и дяде Пете Копыловым. По дороге уточняли: «Дом на изволоке». Я ехала с отцом в кабине грузового «ГАЗ-51» и меня очень забавляло слово «изволок». Позднее выяснилось, что «изволок» - это пригорок с затяжным подъёмом, а нужный нам дом располагался в районе нынешнего торгово-сервисного комплекса «Пушкинский», недалеко от керосиновой лавки.

Рождество или старый Новый год мы отмечали в гостях. Предварительно списывались, договаривались: кто что готовит, и с подарками приезжали гостить на два-три дня. У Копыловых дочь умерла молодой, единственный внук служил в Ленинграде, в Уфу выбирался только в отпуск и то не каждый год. Свою любовь Тётя Катя перенесла на маленьких племянников, в том числе на меня, мужественно терпела мой воинственный характер и разрешала гонять двух её любимых котиков по всему двору или бороться с огромной лохматой дворнягой Чучиком. Мне - живущей в квартире со всеми удобствами, было радостным приключением пожить в деревянном доме, с печкой, с дровами, с баней и прочими «прелестями» во дворе. Чистый снег завораживал. Раскинув руки, я падала в сугроб и смотрела в высь. Дым из труб смешивался с морозным воздухом и поднимался к облакам, превращаясь в распущенные гривы сказочных лошадей.

Подарки

Копыловы занимали третью часть дома. Сколько себя помню, у них всегда ночевали какие-то родственники, гости. Вот и в тот наш визит к дружной компании присоединились живущие в мезонине мальчик Виталик с мамой. Мы с Виталиком - шестилетки, во всём соревновались друг с другом, спорили обо всём, но главный предмет дискуссии: существует ли Дед Мороз? Мои предположения на этот счёт сводились к тому, что Дед Мороз - хороший знакомый моего отца. Они встречались где-то в условленном месте, и как-то договаривались о подарке для меня. Определение «Мороз - красный нос» наводило меня на размышления о душевном застолье, апофеозом которого было развязывание мешка и извлечение из него давно ожидаемого сюрприза.

У Виталика оказалось более прозаическое понимание явления Деда Мороза. Со слов своей матери мальчуган утверждал, что сей персонаж отнюдь не Новогодний, а вполне круглогодичный, подарки он делает ежемесячно - в рублях почтовым переводом. Если Виталька начинал капризничать и вне праздника требовать какую-нибудь игрушку, мать резко обрывала его фразой: «Дед Мороз-зараза, подарок ещё не прислал. Не до игрушек пока.»

Тётя Катя и дядя Петя готовили подарки для всех гостей. Кто-то получал красивую вышитую салфетку, вязаные варежки или книгу. Мне тогда достался мяч и альбом для раскраски, а Виталику - кегли. На праздничном столе нас ждало жаркое из домашней курицы, пирожки с ливером, с капустой, ореховое и ванильное печенье, разнообразные салаты. Для взрослых в специальном ведёрке охлаждалось шампанское, а детям тётя Катя сварила черносмородиновый компот, который красиво отливало тёмно-бордовом цветом в узких хрустальных фужерах.

Полумрак и тишина

И всё-таки, главное достоинство таких выездных новогодних праздников в частном секторе - это близость природы, удалённость от основных автомагистралей, тишина. Всё в доме говорило об удивительно уютной атмосфере живого тепла, которое дарила пышущая жаром печь и неторопливый доверительный разговор. Небольшая пихта в полумраке подмигивала цветными лампочками, на столе кипел большой самовар. «Детоньки, сметанку из махотки берите. Свежая сметанка! Вон

как загустела!» - тётя Катя подвинула нам с Виталиком аккуратный глиняный горшочек. «Это “махотка”?» - уточнила я, и даже само слово показалось мне необыкновенно тёплым.

На другой день мы с Виталиком катались на санках. Прямо от дома по старой мостовой неслись в сторону железной дороги. Автомобили в те годы здесь почти не ездили, да и прохожих было мало. Сопровождал нас игривый Чучик, который норовил запрыгнуть в сани и лишний раз лизнуть в лицо. К обеду вся троица обрастала ледяными колтунами, в валенки и в рукава забивался снег и мы - разгорячённые, наконец, вбежали во двор. Чучик мчался к своей миске, а нас ещё долго чистили веником от снега, вынимали из валенок и тащили, как говорила тётя Катя, разболочаться в комнату.

После пирогов с бульоном и горячего чая клонило в сон. Мама Виталика забрала сына домой, а я устроилась на угловом диване возле окна и наблюдала, как Чучик старательно вылизывает миску и оглядывается на дверь: не предложат ли добавку?

В деревянном доме особенный дух... Всё в нём живое: широкие скрипучие половицы, стены, долго сохраняющие тепло, маленькие окна, разделяющие вселенную на Дом и Планету. Сидя на высокой подушке, я дышала на стекло, и морозный узор растекался, открывая глазок на улицу. Мне любопытно, что происходит за окном. К вечеру усилился ветер, закружила лёгкая позёмка. По очереди - то левым, то правым глазом я наблюдала за тем, как медленно сгущаются сумерки, на сугробы падают сиреневые тени, а снег на соседской крыше отсвечивает розовым перламутром.

Давно нет на свете Копыловых, нет и дома, в котором мне было так хорошо. Но... остались в памяти запахи холодного погреба, куда я лазила за картошкой, квасом или банками с солёными огурцами... аромат горячих пирогов и свежего январского снега. И всплывает из какой-то другой жизни Бунинское:

«Помню - долгий зимний вечер,
Полумрак и тишина...»

День автомобилиста

«А дорога серою лентою вьётся...»

Каждому человеку любопытно заглянуть в то своё далёкое прошлое, которое уже может называться началом пути, но которое скрыто от него по причине малолетства. Мне повезло: старшие сестры родителей были незамужними и бездетными. Одна из них - тетя Нина вела подробный дневник, а другая - тетя Дуся всячески опекала мою маму, и опека плавно перешла на меня.

Ирина-Галина

В 50-е годы УЗИ не было, поэтому пол ребенка узнавали при рождении. В отношении меня всё было просто: ждали только девочку. И даже имя выбрали - Ирина. Из роддома, что располагался на улице Пушкина (ныне музыкальная школа), домой на Кирова, 15 меня несли обе тётушки по очереди. Родители отстали и были заняты разговором.

Уфа середины 50-х сохраняла всю прелесть провинциального города... с мостовыми, деревянными домиками с садами и огородами. В воздухе витали не только ароматы черёмух и сиреней, цветущих яблонь и свежей крапивы; терпко пахло дёгтем, конским навозом, тиной заплесневевшей воды из ближайших оврагов.

Наш деревянный двухэтажный дом, где первый этаж занимала какая-то контора, был вторым или третьим от перекрестка с улицей Ленина. Во дворе в большом сарае размещался конторский гараж на два автомобиля: грузовичок-полупорку и легковую «ГАЗ - М1» - знаменитую «Эмку». Полупорка часто ездила по районам и отсутствовала в гараже неделями, а «Эмка» возила начальство по городу; её громкие, словно ружейные выстрелы, хлопки глушителя и нездоровое чихание мотора будили по утрам всю округу.

Несмотря на опасения тёти Нины: - «Ребёнку покоя не дадут!», - спала я крепко и на посторонние шумы не реагировала. Когда отец показал меня Ивану - водителю «Эмки», тот, ковыряясь в двигателе, заметил: «О, пятая Ирина в нашем дворе!» В тот же день на семейном совете, при участии соседки-театрала, постановили: назвать меня Галиной... В честь знаменитой балерины Галины Улановой. Иван посмеялся над быстрой

сменной имени новорожденной, но с тех пор величал меня Иринка-Галинка.

«Колёсики-колёсики»

Кто скажет, что оказывает влияние на судьбу человека? Как, в какой момент узенькие тропочки случайных событий выводят нас на дорогу, по которой предстоит шагать или ехать все последующие годы?!

Уже через месяц после моего рождения мама вышла на работу. Ездить приходилось далеко - в Черниковку на Третий лагерь. Именно там находился онкологический диспансер, где она работала медсестрой. Отец тоже ездил в другой конец города - на Черниковский нефтеперерабатывающий завод. Выручал трамвай. Но это в хорошую погоду. Зимой, когда морозы доходили до -40, такая поездка превращалась в опасное приключение. Метель заметала рельсы, трамваи превращались в морозильники на колесах или не ходили вообще. Бывало, добирались на паровозе, но для этого нужно спускаться на железнодорожный вокзал. Более приемлемым вариантом являлся автобус, однако влезть в него, проталкиваясь сквозь толпу, - не каждому под силу.

Мама и отец работали по графику. По воскресеньям выручала тётя Нина. Она брала меня на руки, и мы гуляли по улицам, рассматривая витрины магазинов. На Ленина, за углом от нашего дома уже открылся известный в Уфе магазин «Спорттовары», где в окнах выставили кожаные мячи, разновесовые гантели, поблёскивали спицами велосипедные колёса. Тётка поднимала меня к самому окну и весело повторяла: «Посмотри-ка, вот колёсики, колёсики!»

Когда было прохладно, я спала на общей веранде под присмотром соседей. В теплое время, меня в коляске оставляли во дворе на попечение дворника-сторожа Шарифьяна. Если шоферам, ремонтирующим автомобиль, нужна была помощь, Шарифьян закатывал коляску под навес и, засучив рукава, подавал нужные им инструменты, что-то поддерживал, прихватывал, всячески стараясь быть полезным. Для меня это был настоящий спектакль, за непредсказуемым сюжетом которого я следила, забыв про игрушки.

«Самая лучшая профессия»

Поездка в детский сад казалась мне удивительным путешествием. Небольшой автобус строительного треста № 21, где работала тетя Нина,

поджидал нас у магазина «Спорттовары» и, собирая по пути сотрудников, доставлял к месту дислокации треста - в посёлок Аварийный. О, сколько счастья и восторга бушевало в моей душе за время этого вояжа через весь город! Сидя на переднем сиденье на коленях у тётушки, я наблюдала за действиями водителя. Натужный звук двигателя казался мне красивейшей мелодией, а неистребимый запах бензина волновал как аромат французских духов кокетку-модницу. Каким-то изящным, королевским движением с помощью ручки-рычага шофёр открывал и закрывал дверь, и насквозь промёрзший «Газик» отправлялся в дальнейший путь. Нас с тётушкой высаживали раньше остальных пассажиров - на Кольцевой за дворцом имени Серго Орджоникидзе и мы бежали в детсад.

Вскоре нашей семье дали отдельную двухкомнатную квартиру на улице Калинина. Поездки на автобусе прекратились. Но только на полтора года. В дальнейшем мы получили трехкомнатную квартиру на активно застраиваемом проспекте Октября, и знакомый трестовский автобус с эмблемой - треугольничком на двери и цифрой 21 вновь стал предметом моих ожиданий. Сейчас уже трудно представить зимний проспект начала 60-х с редкими тусклыми фонарями едва видимыми в вихре снежной метели и одинокие автомобили, словно призраки, возникающие на горизонте и исчезающие в утренней дымке.

Все наиболее яркие впечатления моей ещё совсем маленькой жизни были связаны с дорогой, с автомобилями. Работа за «баранкой» казалась мне самой интересной, самой привлекательной профессией!

Первая любовь

В семилетнем возрасте после увиденного фильма «Королева бензоколонки» мои автострасти достигли апогея! Я была влюблена не в главного героя - автобусника-красавчика в исполнении Юрия Белова, а в водителя «БЕЛАЗа» - «настоящего шофёра» в кожаной куртке и кирзовых сапогах. Никакие легковые автомобили меня не прельщали. Только грузовики! Бывая на работе у тёти Нины (она занимала должность секретаря управляющего трестом), я имела возможность познакомиться с различными марками автомашин и их водителями, которые отмечали свои путевые листы в приёмной. Совершеннейшее умопомрачение вызывал у меня самосвал - ЗИС-150 Василия Ивановича - мелкого мужичка в круглогодичной телогрейке и кепке. Мне позволяли проехать на пер-

вой передаче, стоя за рулём, по прямой метров двести. Затем я присутствовала при мелком ремонте или техобслуживании двигателя, а уж если приходилось помогать чем-либо - это был настоящий праздник!

Стоит ли говорить, что мотоцикл с коляской моего дяди Вилли я легко освоила уже в двенадцать лет?! Страсть к укрощению техники доводила меня до безумия! Первые права на вождение мотоцикла получила в семнадцать лет. Первая работа - водитель электрокары на Уфимском моторостроительном заводе. По вечерам училась на водителя-профессионала широкого профиля. Старалась практиковаться на автомобилях разных марок: «ГАЗ-51», «ЗИЛ-130», «ГАЗ-66» и «Жигули». В двадцать лет стала шофёром третьего класса и перевелась в гараж УМЗ.

Ну, поехали!

За мной не спешили закреплять конкретную машину. В большом коллективе всегда кто-то болеет, уходит в отпуск или... появляется на работе не совсем трезвым. Меня оставили на подмене. Первый самостоятельный день за рулём бортового «Газ-51» запомнился мне в деталях. Механик извиняющимся голосом попросил: «Слышь, Фадеева, вот тебе адрес на Невского... Мастера нашего хоронят. Ты уж там... аккуратненько, не гони. В столовке на поминках и пообедаешь.»

Коллеги смотрели на меня с сочувствием... Ещё бы! Первый день - и сразу на похороны! Не обошлось и без чёрного юмора: «Не бойсь! В случае чего, мертвецу хуже не будет.» А надо заметить, что в 70-е годы транспорта на дорогах было мало, похоронные кортежи двигались по улицам медленно, отдавая дань уважения усопшему.

Толстый дядька, грузно плюхнувшийся рядом на сиденье, скептически смерил меня взглядом: «Ну, поехали, что ли...» Хоронили на Северном кладбище в Тимашево. Как ни старалась ехать медленно, ничего у меня не получалось. Дядька недовольтно сопел, хмурился и повторял: «Куды ж ты отрываешься?! Степан Тимофеевич почти тридцать годков в коллективе проработал, а ты тут... единоличничаешь! Убавь прыти-то...»

«Прыть» убавить не удалось и у въезда на кладбище мы с покойником оказались минут на пять раньше других сопровождающих. Зато на обратном пути наиболее жаждущие принять участие в поминках лихо соревновались в скорости и возле столовой оказались раньше нас.

Благоприятные дни

Сейчас мало кто поверит, что в 70-е годы в транспортном цехе УМЗ на каждого водителя была заведена специальная карта-график, где с учётом даты его рождения определялось физиологическое и психологическое состояние на каждый день. Так, перед выходом в рейс, даже при нормальном артериальном давлении, врач мог сообщить о неблагоприятном для данного шофёра дне и предлагал взять выходной. Большинство сознательных советских водителей скептически относились к этому, как тогда казалось, мистически-астрологическому графику. Однако находились отдельные граждане - пожилые или с похмелья, кто пользовался возможностью отдохнуть. Но и те, кто не воспринимал всерьёз научные разработки, получив соответствующее предупреждение, внимательнее относились к своим обязанностям.

Для меня тогда все дни казались благоприятными. Уже проработав больше года на разных марках автомобилей, я продолжала числиться «безлошадной». Однажды вызывает к себе начальник колонны. «Галина, тут такое дело... Кагарманов ногу сломал. Перелом сложный. Хочу тебя на его «ГАЗон» посадить. Только сразу предупреждаю, придется спиртное в магазины доставлять. Будут тебе «на бой» пару бутылок давать... Мужикам в гараж не вози. Лучше бате своему или знакомых угости. Поняла?»

Такой чуткости и нежности от представителей мужского пола я больше никогда не видела! При каждом удобном случае кто-нибудь непременно делал мне комплименты, как бы невзначай расспрашивая о перевозимых грузах. Автослесарь «вдруг нашёл» для «ГАЗика» совершенно новые «дворники», водитель автопогрузчика, не вылезавший с территории завода, навязчиво одаривал яблоками из собственного сада. Механик многозначительно подмигивал.

Жизнь удалась!

Через три недели все мои родственники были затарены продукцией, предназначенной «на бой». Отец стал трепетно относиться ко всем официальным и неофициальным праздникам. В гости повалили знакомые, о существовании которых мы давно забыли. Наши близкие с воодушевлением готовились к Новому году. Все грандиозные планы сломал вернувшийся с больничного Кагарманов.

Морозы в те годы чередовались с потеплением. Вьюжило. На улицах росли сугробы. Меня «бросили на снег». Несколько дней на самосвале «ЗИЛ-555» я возила при заводской почерневший снег за город. Эти одинокие поездки настраивали меня на романтическое настроение. Желание «погонять» на пустынной дороге сдерживалось воспоминаниями о моем инструкторе по вождению Петре Ивановиче Соловьёве. Он был строг, но терпелив и снисходителен. Его девиз: «Сел за руль, считай, что другие водители - сплошные идиоты, а пешеходы просто мечтают закончить жизнь под колесами твоего автомобиля.» Это уже много лет спустя, я поняла, что Пётр Иванович учил меня не только водить автомобиль, он учил выживать в сложных дорожных ситуациях. И вне дорожных тоже.

Привычка фиксировать события на бумаге осталась с детства. А вот родничок рифмованных строк оживился и набрал силу под впечатлением дальних поездок. Первое моё стихотворение опубликовано в журнале «За безопасность движения»:

«Я люблю уставать за рулём
От кроссвордов больших перекрёстков,
От огней, словно дремлющих днём,
И ночами светящихся жёстко.»
И так далее.

Шофёрские будни

Водитель-женщина в мужском коллективе... Есть в этом свои плюсы и свои минусы. Минусов больше. То, что легко прощают мужчине, женщине не простят никогда. В лучшем случае обсмеют. Поэтому важно всё: безаварийность работы, умение быстро ликвидировать поломку, самостоятельно разобраться с заданием, а также - как одета, наличие или отсутствие косметики, культура речи. Да! Совершенно ошибочно мнение, что женщина-водитель грузовика - это нечто грубое, курящее, ругающееся матом и пьющее водку стаканами.

Чаще других меня с машиной посылали дежурить в военкомат и в ГАИ. Общение с людьми шло на пользу. Умение разбираться в психологии очень пригодилось в жизни. Пассажиры были корректны, их вполне устраивали моя исполнительность и педантизм. Никаких «приставаний» не было, но многие старшие по возрасту, ещё до поездки, заботливо спрашивали: обедала ли я? Случалось, что в дороге мой спутник делился

со мной бутербродами и чаем из термоса или оплачивал обед в придорожном кафе. Попутно со мной вели непринужденный разговор, посвящая в некоторые личные тайны. Мне нравились эти своеобразные отношения, когда солидные мужчины, как бы между делом, интересовались моим мнением по тому или иному вопросу, делились своими радостями и печалью.

Как ни странно, у шофёра всегда есть время почитать. Детективы, приключенческая литература - самое подходящее чтение в свободную минутку. Помню, как в каком-то романе находчивость разведчика, мгновенно переключившего внимание своего врага, спасла опасную ситуацию. Нечто подобное было и в моей шоферской практике.

Встречи в пути

Поворачивая на перекрестке, не пропустила одинокого пешехода. Раздался свисток. Подходит гаишник, объясняет в чем моя вина. Я уточняю, что поворачивала по крайней левой полосе, а пожилой мужчина с тростью очень медленно шагал по первой полосе. Мой автомобиль ему никак не помешал. Через пару минут стало понятно: весьма юный постовой не намерен дискутировать. Он уже поднес компостер к моему девственно чистому техническому талону, чтобы сделать прокол, и тогда я завопила: «Ой, дяденька, пожалуйста, не надо! Я не буду нарушать!» «Дяденька» не выдержал, бросил на меня суровый взгляд и... расхохотался. Расстались мирно.

Сейчас вспоминаю 70-е-80-е годы с ностальгической грустью. Взаимовыручка на дороге была вполне обычным явлением. Мы бесплатно помогали застрявшему в снегу или в грязи коллеге, делились бензином с новичком, забывшим вовремя заправиться, буксировали сломавшийся автомобиль совершенно незнакомого человека. Никогда не забуду седенького старичка на обочине дёмской дороги. Он отчаянно махал руками, прося о помощи. Его «Москвич» заглох и никак не хотел заводиться, а у водителя в тот день был юбилей - 75-летие. Весь салон «Москвича» оказался заполнен ведрами и корзинами с крыжовником, смородиной, редиской, морковью и всякой зеленью с садового участка. Дома вот-вот соберутся гости, а тут вот такое несчастье... Подцепила я его «Москвич» на трос и оперативно доставила по названному адресу. Вот только отпустил меня шустрый старичок не сразу. Пришлось подняться в квартиру, где нас уже ждали многочисленные родственники.

Так я оказалась чуть ли не самым почётным гостем. А провожали меня, заполнив сумки свежими овощами, ягодами, пирогами и конфетами.

Жизнь продолжается...

Жизнь - коротка, и человек не всегда успевает реализовать себя в той сфере, которая близка ему по духу. Перестройка и её последствия внесли сумбур в головы людей. Дороги заполнили многочисленные автомобили, снующие по делу и просто, чтобы показать окружающим состоятельность их владельца. О нравах современных водителей не хочется и говорить... Я вернулась к своим спортивным увлечениям, работала инструктором по спорту, последние годы - журналистом.

У нас с мужем на двоих более пятидесяти лет шофёрского стажа, но мы никогда не имели и не хотели иметь собственный автомобиль. Мы - профессионалы. Это была наша любимая работа. А для досуга есть много других полезных занятий. Прошлое осталось на страничках моих дневников, в воспоминаниях... Но и в настоящем... нас снова ждут дороги. Что может быть лучше прогулок на велосипеде?!

Вот такое кино!

В 30-80-е годы прошлого века роль кинотеатров в жизни советских людей трудно было переоценить. Девушки обожали музыкальные фильмы, подражали причёскам и фасонам одежды известных актрис, юноши равнялись на отважных лётчиков, моряков, разведчиков, которые частенько становились главными героями кинофильмов.

В Уфе было много кинотеатров, клубов, где можно не только посмотреть интересный фильм, но и послушать перед сеансом живую музыку, потанцевать, перекусить в буфете. Наверное, у каждого уфимца имелся в те годы любимый кинотеатр. Мы с мамой в начале 60-х годов частенько ходили в кино к маминой крёстной тёте Марусе, которая работала контролёром в летнем кинотеатре «Идэль».

«Идэль» находился в парке имени Александра Матросова (ныне парк им. Ленина). Строение было деревянным, с большой лестницей, высокими окнами и красивыми башнями по углам здания. Хорошо помню лёгкий скрип ступеней, запах свежей краски, ощущение простора в светлом вестибюле и детское ожидание волшебства. В начале 60-х я только пошла в школу, и мама выбирала для меня фильмы с лёгким, ве-

сёлым сюжетом. Приходили мы минут за сорок до начала сеанса, пока для зрителей вход был закрыт. Нас встречала тётя Маруся в строгом тёмном сарафане и белой нарядной блузочке. Всегда серьёзная, прямая, гладко причёсанная, с черепаховым гребнем в волосах... она наливала мне травяной чай с карамельками и усаживала за маленький служебный столик. Мама в свою очередь приносила крёстной кастрюльку с горячими пирожками или ватрушками, и пока тётя Маруся кушала, они тихо разговаривали.

Именно в «Идэле» я впервые увидела фильм «Тимур и его команда», где главную роль Тимура сыграл Ливий Щипачёв - сын известного советского поэта Степана Щипачёва. Фильм вышел на экраны в 1940 году. В дальнейшем планировалось снять продолжение фильма «Клятва Тимура», но помешала война. Всю киностудию эвакуировали в Уфу. Так что репетиции второй части фильма проходили в нашем городе.

После просмотра «Тимура и его команды» я рассказала о благородных поступках пионеров своим друзьям во дворе, и мы тоже с энтузиазмом стали помогать пожилым людям, наводили порядок на придомовой территории, сажали цветы. Но особенно сильное впечатление произвёл на меня фильм «Вратарь». Я всегда с удовольствием принимала участие в подвижных играх, и футбол являлся моей главной страстью. Конечно, я слышала о знаменитом вратаре Льве Яшине, ведь именно это амплуа больше всего привлекало меня. Тётя Маруся, зная о моих не девичьих интересах, словно поддразнивала меня песенкой Дунаевского из фильма: «Эй, вратарь, готовься к бою! Часовым ты поставлен у ворот...» Я тут же подхватывала припев:

«Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!»

Мы с мамой несколько раз посмотрели «Вратаря», где главную роль Антона Кандидова исполнил артист Григорий Плужник, и... мне купили настоящие вратарские перчатки с «пупырышками», - чтобы мяч не соскальзывал.

Почти каждый вечер мы с отцом выходили на ближайшую полянку, где он бросал мне мяч руками или бил по импровизированным воротам ногами издали. «Уроки» Антона Кандидова я усвоила и с мальчишками во дворе ловко демонстрировала приобретённые навыки.

Как-то... жарким июньским днём мы с мамой прогуливались в парке имени Луначарского (ныне им. С. Аксакова), и я обратила внимание на группу мальчишек (девочек-футболисток в те годы ещё не было), играющих в футбол под руководством тренера. Мне было тогда лет восемь-девять, я была в шароварах, с короткой стрижкой. Моя заинтересованность игрой не осталась без внимания тренера. Он подошёл ко мне с вопросом: «А ты что, мальчик, с нами не играешь?» Мама загадочно улыбнулась: «Иди, “сынок”, поиграй!»

Выяснилось, что детская футбольная секция под руководством Вячеслава Александровича тренируется три раза в неделю в парке. Принимают всех желающих. Так я стала футболистом. Правда тренер видел во мне нападающего, но я упорно добивалась места в воротах. В конце концов, видя мою настырность и отдавая должное хорошей реакции, мне доверили «пост № 1» и внесли в списки команды. Догадываясь, что девочку мальчишеская команда не примет, я назвалась Шуриком, но оставила свою фамилию.

Зимой мы не только играли в футбол, но и катались на лыжах, на коньках. Моё разоблачение произошло весьма прозаично: на городских соревнованиях по лыжным гонкам я заняла третье место по своей возрастной группе, а среди награждающих оказался и Вячеслав Александрович. Пожимая мне руку, он долго смеялся и приговаривал: «Это оказывается, не ты Шурик, а я! Так опростоволосился!» В тот год на экраны страны вышла знаменитая комедия Гайдая «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», и я поняла, что имел в виду мой тренер.

Как позднее выяснилось, Вячеслав Александрович Солдатов не был профессиональным тренером, но всю жизнь посвятил физкультуре и спорту, работая инструктором на заводе. Уже, будучи на пенсии, он на общественных началах собрал местных мальчишек и вместе со своим племянником взялся их тренировать. Мы остались добрыми друзьями; иногда наши пути пересекались на лыжне, а бывало, я специально приезжала на тренировку к Вячеславу Александровичу «попинать мячик». Вот такое кино!

«Нам не дано предугадать...»

За последние годы мне ни разу не попадались воспоминания современников о школьных годах, об учителях. Да и на страницах газет

подобные темы редко возникают. Педагоги, психологи ведут споры о новых методиках обучения, о необходимости изучать те или иные предметы, но вот обычные рассказы о взаимоотношениях учащихся и их наставников практически отсутствуют.

В судьбе каждого человека встречается некто, повлиявший на его мировоззрение, характер, на выбор профессии или жизненного пути. Бывает, что такой старший друг сопровождает нас годами, но случаются и недолгие периоды жизни, когда в нужный момент надёжный товарищ поддержит советом и делом. В моей жизни таким человеком оказался учитель русского языка и литературы Анатолий Михайлович Швецов. Впрочем, обо всём по порядку.

Родом из детства

Первые два класса я закончила в уфимской средней школе № 93. Свою первую учительницу помню смутно. К школе я уже умела читать и писать печатными буквами, могла считать на начальном уровне. Самое яркое впечатление от первых уроков в школе начала 60-х годов... длинный светлый коридор, по которому я любила пробежать-пролетать после занятий физкультурой. Уроки в классах ещё продолжались, коридор был пуст, и я на носочках мчалась к своему классу. Запомнился именно этот захватывающий дыхание бег и чувство необыкновенной лёгкости.

Мы сменили квартиру, и в девять лет я перешла в школу № 106 - наискосок через дорогу. Примерно, с шестого-седьмого класса интерес к школьным занятиям стал постепенно угасать. Математика стала казаться мне какой-то странной наукой с непонятными формулами, правилами, соединёнными с цифро-буквами, а тут ещё появилась физика, химия... Я внимательно слушала преподавателей, смотрела на доску, но мне казалось, что я нахожусь в загадочной стране, где люди говорят на непонятном мне языке. И чем старательнее я пыталась вникнуть в эти записи в учебниках и на доске, тем легче мои фантазии уносили меня к любимым литературным героям, к военной истории, где для меня всё было предельно ясно: это - враги, а это - наши, этот - трус, а этот - герой. Прочитанные дома книги продолжали волновать меня и в классе. Я ставила себя на место того или иного героя, погружалась в другую эпоху и... к действительности меня возвращал только звонок.

«Откуда списала?!»

Наверное, логично, что сочинения я писала с удовольствием, на любую тему и в любом объёме. В восьмом классе русский язык и литературу преподавала... назовём её Людмила Дмитриевна; она же являлась и классным педагогом. Возможно, это был неплохой человек, но вот профессию она выбрала явно не по призванию. Понять детскую психологию ей не удалось, а значит и отношения с учащимися были формальными. Сущность моя не вписывалась в привычные рамки «нерадивого ученика; «пятёрки» и «четвёрки» по гуманитарным предметам соседствовали с «двойками» по математике. Меня оставляли после уроков, я занималась с репетитором, и даже, как казалось, начала успешно решать какие-то задачки, но проходило три-четыре дня и алгебра с геометрией опять становились для меня «китайской грамотой». Занятия спортом Людмила Дмитриевна воспринимала как отлынивание от учёбы, а прогулки в окружении стаи бродячих собак - как безнадзорность. К нам в семью направили инспектора по делам несовершеннолетних. Увы! Молодая женщина не могла понять, какие методы воспитания применить в данном «трудном» случае. Я часто бывала в театре, занималась лыжами и лёгкой атлетикой, училась на курсах кинологов, а говорить о Лермонтове, Чехове или войне 1812 года могла часами.

Однажды вместо оценки домашнего сочинения, я получила резюме Людмилы Дмитриевны: «Откуда списала?» Моё потрясение подобным подозрением оказалось столь велико, что я перестала посещать школу и пожелала остаться на второй год.

«Мне интересны твои мысли»

Следующий учебный год оказался для меня самым продуктивным; в нашем классе русский и литературу вёл Анатолий Михайлович Швецов. Это был худой, слегка сутулый мужчина, лет около тридцати, с глухим голосом и внимательным, чуточку насмешливым взглядом. Он не старался понравиться ученикам, не упрощал лексику, не пытался дать однозначную оценку тому или иному художественному произведению или герою. Привычные «пятёрки» по литературе опять появились в моём дневнике. Однако, очередное моё сочинение почти полностью было перечёркнуто красными чернилами. После уроков нас осталось человек семь, к кому у Анатолия Михайловича возникли вопросы. Быстро разо-

бравшись с учениками, учитель сел напротив меня, подперев голову руками, и некоторое время молчал. Наконец, он задал мне неожиданный вопрос: «Ты читаешь газеты?» - «Да!» - ответила я почти с гордостью. Опять воцарилось молчание. – «Видишь ли, мне интересны твои мысли, но язык, которым ты их излагаешь, не литературный. Так пишут в газетах о победах в социалистическом соревновании, о полётах в Космос, об открытии очередной выставки... Пойми, нельзя писать одними красками и в одной тональности натюрморт и портрет человека. Вспомни, как Гоголь рисует образ Манилова или Собакевича? Но и Коробочка не похожа на Плюшкина, хотя есть в их натуре какие-то схожие чёрточки!» Я пробежала глазами по строчкам своего сочинения. – «У тебя своеобразный, я бы сказал, фадеевский взгляд на мир. Сейчас твоя задача: излагать свои мысли своим языком. В журнал я тебе поставил “пятёрку”, но, учти, это только за твои мысли.»

Когда Анатолий Михайлович узнал о моих «успехах» в математике, обо всех сложностях и «подводных рифах» в изучении физики и химии, он дал мне мудрый совет: перейти в вечернюю школу. Свободное время я посвятила чтению и занятиям спортом. В вечерней школе меня уважали, без всяких скандалов отпускали на соревнования, разговаривали в спокойном тоне, а тройки по математике я заработала, выступая с лекциями по истории России ко всяким праздникам и юбилеям.

P.S. Профессия учителя - это нечто большее, чем профессия. Педагогика, на мой взгляд, это архитектура души, а кирпичиками является слово. Вот только обращаться со словами учитель должен деликатно. Как писал Фёдор Тютчев:

«Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовётся...»

То был наш маленький Париж...

Хорошо, когда воспоминания о далеком прошлом можно обсудить с кем-либо из участников тех событий. К сожалению, люди переезжают, теряются или уходят навсегда. Где-то в Германии проживает Олег Базаров, в Тюмени - Зилия Гимранова, и только мы с Таней Дударь остались в Уфе. В конце 60-х я, Таня, Зилия и Олег вместе с другими ребятами 12-15 лет занимались лыжными гонками. Впрочем, тогда не было жесткой специализации. Когда таял снег, тренер пересаживал нас на байдарки,

велосипеды, мы бегали по горам, ездили в деревню на сенокос. А ещё занятия со штангой в спортзале, и, конечно, футбол.

Если хочешь быть здоровым...

Так получилось, что в группе лыжников я оказалась самой младшей, мне было одиннадцать лет. Никаких высоких результатов я не показывала, в перспективных гонщиках не числилась, но отличалась выносливостью и, как говорил тренер, упёртостью. Мы с Таней четыре раза в неделю ездили от Горсовета к стадиону «Динамо»; на Центральном рынке к нам присоединялись Зиля и Олег, все старше меня на два года.

Когда крупные льдины унесло течением, и Белая почти очистилась от ледяных осколков, мы сели в байдарки. На первой весенней тренировке спасательный жилет особой уверенности мне не добавил. Одноместное юркое суденышко было так неустойчиво, что от ужаса у меня свело скулы. «А вдруг перевернусь?!» - пролепетала я, глядя в глаза помощника тренера. «Зачем переворачиваться?! Вода холодная... Где сушиться будешь?» - резонно заметил он и легонько оттолкнул нос байдарки от причала спасательной станции «Юность». Как ни странно, перевернулась я только на пятой или шестой тренировке, когда мысленно уже почувствовала себя морским волком. Переодевшись в сухой костюм, побегала по набережной и, разогревшись, присоединилась к группе велосипедистов.

Не я одна оказывалась в ледяной бельской водичке, но не помню случая простуды, не говоря уж о более серьезных заболеваниях. То ли спасала быстрая перемена белья и верхней одежды, то ли целебный травяной чай с медом и ромом из огромного тренерского термоса.

А нагрузки у нас были не детские! Где-то до середины 70-х годов ещё существовала крутая деревянная лестница от набережной к живописной беседке в саду имени Н. Крупской (ныне парк им. Салавата), по которой мы бегали туда-сюда 2-3 раза. Между пробежками - отжимания от горизонтальной поверхности 4-5 серий по тридцать раз и бесконечный кросс, с ускорениями по 150-200 метров.

Утренние маршруты

Кроме тренеров, за нами частенько наблюдали пожилая худенькая женщина с короткой стрижкой и её внучка - Варя, которая устраивалась недалеко от лодочной станции с мольбертом и красками. Пока девочка

рисовала, женщина прогуливалась по набережной, перебрасывалась словами с нашими тренерами, а бывало, совершала короткие пробежки вместе со спортсменами. Запомнились её блестящие черные глаза и небольшой тонкий нос с горбинкой, который придавал лицу энергичность и загадочность. Девчонки обращали внимание на её модные зауженные брючки, яркую футболку и белоснежные кеды. В те годы мы были заняты собой, своими маленькими достижениями, но каждое появление этой женщины воспринималось нами как утренний лучик солнца. Казалось, светит оно, словно так и должно быть, а нет его, - и какой-то дискомфорт в душе. Её ободряющая улыбка помогала терпеть боль, заставляла с каким-то артистизмом выполнять упражнения, фиксируя боковым зрением её внимание к нам. Тренер по очереди подзывал спортсменов и считал пульс. Женщина наблюдала за происходящим, вглядывалась в лица, как будто и ей было крайне важно слышать стук наших сердец.

После тренировки у нас было два маршрута. Первый - вверх по лестнице, проходил через сад и выводил к Новомостовой на троллейбус. Второй - через Архиерейку и парк имени А. Матросова к стадиону «Динамо». В Архиерейке, а она представляла собой ещё дореволюционный частный сектор, нас ждали разного рода неожиданности, вроде участков с непролазной грязью, злых собачонок или жаждущих подраться местных пацанов. Девочек, как правило, не обижали, но деньги могли отнять.

После тренировки мы залпом осушали литровую кружку кваса и забегали в кафе на улице Ленина по соседству с книжным магазином «Знание» или на Карла Маркса, рядом с народным судом Кировского района. В этих кафе меню было одинаковым. Мы брали по два бутерброда с колбасой, пончик и кофе. Если не надо было идти в школу, маршрут менялся и включал в себя визит к моей тете Зине.

Дореволюционные пейзажи

Тетя Зина жила на улице Октябрьской революции в частном доме, возле оврага. В доме была холодная вода и газ. На этом «удобства» заканчивались. Но... в остальном у тети Зины было «всё»! В сараюшках обитали кролики, куры и кабанчик. Сам дом находился как бы на двух уровнях, так как одна комната уже начинала съезжать в овраг. В самом овраге жила коза Буся и собака Треф.

У тети Зины было такое понятие, что «магазинное» - это не вкусно и вредно, полезное - только то, что она готовила сама. Поэтому, когда

наша уставшая компания появлялась на крыльце, тетя Зина накрывала на стол вышитую скатерть и ставила огромные подносы с пирогами, булочками, кренделями и хлебом собственного производства. Ах, какая у неё была домашняя колбаса и соленое сало! А щи?! А уха?!

После тренировок аппетит был у всех волчий. Пока мы сметали угощения, тетя Зина смотрела на нас, подперев голову рукой, и причитала: «И какой же изверг вас так мучает?! Кожа да кости у детей! В войну мы лучше выглядели! Молоко козье пейте! Вечером ещё надою.» «Да нормальный тренер у нас!» - успокаивала я тетку, поглощая огромный кусок пирога. – «“Нормальный?!” Небось, своё дитё так бы не гонял!»

Старая Уфа - маленький город. Не удивительно, что с бабушкой юной художницы Вари судьба вновь свела меня, но тремя годами позже. Мы с мамой гуляли в районе Монумента Дружбы. Спускаясь к пристани, увидели пару неспешно бредущую нам навстречу. Мама приветливо махнула рукой: «Здравствуйте, Антонина Кузьминична! Рада вас видеть! Это ваш супруг?» Высокий седой мужчина с тростью в руке старомодно раскланялся. «Вот Пётр Сергеевич после инфаркта... начал потихоньку ходить. Сегодня уже с километр нашагали.» Мы присели на скамейку. Из разговора я поняла, что Варя живет и учится в Ленинграде. Антонина Кузьминична сейчас не работает и полностью посвятила себя мужу. «А как лыжница поживает?» - приветливо улыбнулась мне мамина знакомая. «Пока только второй разряд выполнила,» - поделилась я своими новостями. – «Пока?! Так ведь в тебе мясо-то с мышцами ещё неросло... Массы не хватает! Занимайся потихонечку. Через годик-другой обязательно на первый разряд бегать будешь.»

Движение к солнцу

«Мам, а ты откуда эту женщину знаешь?» - направляясь в сторону дома тети Зины, спросила я. – «Антонина Кузьминична - инструктор по лечебной гимнастике. Помнишь, я руку сломала? Упала очень неудачно, плечо болело, кисть долго разрабатывать пришлось. Тогда мы и познакомились. Удивительная женщина! Столько в ней энергии, желания помочь нам, встряхнуть, ободрить... На каждом занятии повторяла: “Утром, прежде, чем приступить к своим делам, потянитесь вверх, к солнцу. И не закливайтесь на грустном! Даже рядовые будни дарят что-то новое, удивительное!”»

Район Монумента Дружбы и Архиерейки ещё в 70-е годы сохранял патриархальные традиции. В небольших частных хозяйствах содержали домашнюю птицу, некоторые предприимчивые граждане умудрялись держать коров и овец. По пятницам-субботам топили баню. Летом спали у себя во дворе на проржавевших от дождей допотопных кроватях прямо под вишнями, яблонями. По утрам на берегу в сизом тумане можно было рассмотреть рыбаков с удочками. Причем много среди них встречалось пожилых женщин. Это не хобби, а вполне серьезная добавка к столу. Тетя Зина с мужем ездили на мотоцикле на «своё» рыбное место и всегда возвращались с хорошим уловом.

Река Белая издавна была кормилицей, но люди потребительски относятся к природе; обмелела река, не ходят по ней теплоходы, пропала рыба. Зато набережная приобрела вполне цивилизованный вид. Появились специальные велодорожки, тротуары для прогулок, дорожка для бега. Да и сама бывшая лодочная станция «Юность» - теперь это современный развлекательный комплекс с бассейном, кафе, ресторанами, площадками для принятия солнечных ванн. В один из последних жарких дней нынешнего лета я пробежалась по набережной, вглядываясь в некогда знакомые места. Как всё изменилось! Мысленно возвращаясь к годам моей юности, с улыбкой вспомнила события тех лет: байдарки в студеной воде, бег по лестнице, девочку с мольбертом, старинную, деревянную Уфу... В памяти всплыли строки Марины Подольской:

«А где дворы живые те?
Среди железа и бетона
Шумят на маленьком холсте
И на квадратике картона...»

ДНД

Эти глаза напротив

Организация Добровольных народных дружин – ДНД начала свою историю в 1959 году. В середине 50-х годов прошлого века на заводах по инициативе рабочих коллективов для охраны общественного порядка начали создавать народные дружины. Постановление об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране было принято в 1959 году, хотя само движение инициативных групп помощи милиции проявило себя уже вскоре после революции. В 50-е ДНД получило распро-

странение во всех республиках СССР на предприятиях, в учреждениях, в совхозах, колхозах, учебных заведениях и домоуправлениях под контролем и руководством партийных органов.

В середине 70-х годов я пришла работать на Уфимский моторостроительный завод. Буквально в первый же день ко мне подошёл комсорг цеха и спросил: буду ли я принимать участие в дежурстве ДНД? Я уточнила, каковы будут мои обязанности, и вечером вместе с другими дружинниками УМЗ на заводском автобусе отправилась в свой первый рейд по Черниковке. Так я оказалась в специализированной дружине комсомольского оперативного отряда.

Надо отдать должное нашему руководителю - заочнику юридического факультета Володе Ямаеву. В его внешности, в его горящих глазах было что-то от образа классического революционера. Он отличался смелостью, умением найти общий язык с самыми разными людьми, желанием помочь человеку, талантом оратора и вполне конкретными делами во благо общества.

Первый опыт

Мы следили за порядком на улицах и в парках города, выявляли несанкционированную продажу алкоголя в вечернее и ночное время, реагировали на драки, проверяли неблагополучные семьи.

Хорошо запомнила своё первое «дело». В парке Победы на танцплощадке возник конфликт между парнями. Танцующие разделились на две группы, и потасовка приняла массовый характер. Высокого брюнета с длинными кудрявыми волосами и большими, словно лопаты, руками, Володя лично вытащил из толпы и скрутил ему руки армейским ремнём (оружие и наручники в то время были только в арсенале милиционеров). «Ты, говорят, психологией интересуешься? - обратился ко мне Володя, - Вот тебе занятный экземпляр - Вячеслав Мануян. Составь предварительный протокол по образцу. Вообще... побеседуй с гражданином.»

На меня с усмешкой смотрели чёрные блестящие глаза. Парень с внешностью артиста и фигурой атлета явно наслаждался моим смущением. И вдруг я расхохоталась. Всё дело в том, что за свои неполные девятнадцать лет я много где побывала, но вот танцплощадки как-то не входили в круг моих интересов. Мне было смешно наблюдать за освещённым пяточком, на котором топтались вспотевшие люди. Тем более забавным казалась столь бессмысленное времяпровождение человеком с

такими спортивными данными как у Мануяна. «А вы не пробовали спортом заниматься?» - озадачила я своего визави. – «Я на работе ишачу. Давай, пиши свой протокол!»

Зачинщиков драки развели подальше друг от друга, а танцы мирно продолжились. Местный вокально-инструментальный ансамбль исполнил песню из репертуара Валерия Ободзинского «Эти глаза напротив - калейдоскоп огней...». Пронзительная, какая-то жарко-чувственная мелодия придавала уфимскому августу аромат южной ночи. Заполнив анкетные данные, наш с Вячеславом разговор перешёл в другую плоскость. Я узнала, что его и двух младших сестёр воспитывала одна мать. Отец часто отбывал срок в колонии, где несколько лет тому назад умер. Парень без троек закончил школу, поступил в военное училище, но за драку был отчислен и вернулся в Уфу. Он токарь и слесарь высшего разряда. Девушка была... Поссорились. Темперамент и характер Славке от папы достался. Спиртным не злоупотребляет, не курит. Книжки про войну любит читать. Как дальше жить? На ближайшие пятнадцать суток всё известно, а потом... Сестрёнок на море хочет свозить.

Милицейский «Газик» патрульно-постовой службы лихо завернул к танцплощадке. Зачинщиков конфликта с нашими протоколами отправили в райотдел.

Первый труп

Тёплый сентябрь слегка разбавил зелень желто-бордовыми красками. У меня уже почти полностью исписан толстый блокнот. В нём на отдельной страничке крупными цифрами номера автомобилей и мотоциклов числящихся в угоне. Транспорта в Уфе в те годы было немного, поэтому я уже легко различала марки проезжающих машин, держа в памяти номера и серии «потеряшек».

Володя поощрял мои записи; только просил не указывать настоящие фамилии действующих лиц и не спешить с выводами. Даже за короткое время в пути наш руководитель успевал ненавязчиво объяснять, что «при разговоре с людьми нужно смотреть им в глаза, вопросы задавать спокойным голосом. Сами вопросы формулировать коротко и конкретно, правильно расставляя акценты.»

Оставив дежурный автобус возле стадиона им. Гастелло, мы разделились на группы по три человека и направились по своим маршрутам. Уже темнело. От здания заводоуправления, оглядываясь, с криками бе-

жала женщина: «Артур, Артур! Мальчик мой!» Увидев дружинников с красной повязкой на рукаве, она бросилась нам навстречу: «Помогите, пожалуйста! Моё солнышко, мой малыш пропал!» Её глаза с мольбой смотрели на нас. Володя особенно трепетно относился к происшествиям с детьми. Не теряя времени, он спросил: «Сколько Артуру лет? Примечты?» - «Ах, боже мой! Четыре годика. Весь рыженький... и ошейничек такой... с блестящими кнопочками. На пуделька похожий.» Видя искренние переживания хозяйки пропавшей собаки, Володя стал допытываться, где, в каком месте и при каких обстоятельствах потерялся пёсик. Выяснилось, собаку напугала большая бесхозная дворняга, которая погналась за Артуром. Они завернули за угол и «словно в воздухе растворились».

Тут мне пришла в голову идея: «Володя, давайте за моим Дозором домой заедем! Мы с ним через месяц экзамены сдаём. Он умеет ходить по следу.» - «А что ж ты его на дежурство не берёшь? Вези быстро!» Хозяйка Артура осталась с дружинниками, а я запрыгнула в автобус, и мы с водителем помчались по опустевшим улицам.

Возвратившись на место происшествия с восточно-европейской овчаркой, наш усиленный четвероногим помощником отряд внимательно обследовал ближайшие дворы. Дозору давали нюхать поводок Артура, пёс волновался, метался из стороны в сторону, но вдруг уверенно потянул меня в направлении садов. Хозяйка всё с большим отчаянием звала своего маленького друга, но только громкое дыхание Дозора и сопровождающих его людей оживляло пустынную улицу. Неожиданно наша ищейка свернула к забору и остановилась возле какой-то грязной тряпки. Володя осветил фонариком. Перед нами был труп рыженькой собаки с прокусанным боком и выпавшими кишками. Хозяйка Артура застонала и схватилась за сердце. Володя поддержал ослабевшую женщину, а мы с Дозором помчались к ближайшему телефону вызывать «Скорую».

Спецзадание

У Насти был особый талант успокаивать человека. Она могла просто заглянуть в глаза, погладить по плечу и... душе становилось легко, словно от прикосновения ангела. Бывало, она подходила ко мне и молча вкладывала в руку листочек исписанный крупным, аккуратным почерком. Иногда это были стихи о Боге, о бабочках, муравьях, о природе; чаще - короткие фразы философской направленности.

Перед Новогодними праздниками Володя встретил меня возле заводской столовой. «Дело есть. Отойдём.» Явно чем-то озабоченный, он спросил: «Ты ведь дружишь с Настей со второго участка? Она тебя никуда не приглашала?» - «Приглашала. На какое-то собрание. Книжки почитать давала.» - «Эти?» - Володя достал из внутреннего кармана пальто маленькие книжечки. - «Ну, да!» - «Значит так! Пригласит - пойдёшь. Сама с разговорами ни к кому не лезь. Внимательно слушай. Выясни: кто руководит этой компанией, как часто встречаются. И самое главное - откуда к ним попадает эта вражеская литература?» - «Вражеская?! - удивилась я, - Да там ерунда всякая... про Бога, веру, про всепрощающую любовь...» - «Враги нашей страны активно пытаются развратить советских людей, заставить их верить в Бога, в мистику, зомбируют и отвлекают от реальной жизни. Задание поняла?»

Всю зиму я добросовестно ходила на собрания сектантов, слушала их проповеди, песнопения. Познакомилась с молодыми людьми, которые читали стихи и пели под гитару религиозные песни. Каким путём специальная литература попадала в руки верующих, я установить не смогла, но добросовестно составила список номеров всех автомобилей, которые видела возле частного дома, где проходили собрания. В марте меня поблагодарили за полученные сведения и я вернулась к дежурству в оперативном отряде дружинников.

Общение с Володей Ямаевым научило меня вдумчивому, добросовестному отношению к делу, развило интерес к такому своеобразному разделу психологии, как виктимология - наука о потерпевших. В дальнейшем я не стала профессиональным юристом, но моё сотрудничество с правоохранительными органами продолжилось в качестве общественного помощника следователя прокуратуры. Там мне вновь пришлось встретиться с тем самым драчуном с танцплощадки Славкой Мануяном. Впрочем, это уже другая история.

P.S. Имена и фамилии действующих лиц изменены.

К расследованию приступить

«Работа в милиции, как искусство, литература, призвана внушить людям непоколебимый оптимизм, веру в лучшие проявления человеческих душ, стремлений, желаний, помыслов. Самого сурового осуждения заслуживает всякое пробуждение жестокости, насилия, вандализма и варварства. Обуздать эти человеческие пороки - обязанность цивилизо-

ванного общества. И если говорить юридическим языком, произведения, прославляющие пошлость, порнографию, способствующие насилию, уже сами по себе представляют уголовные деяния.» Эти слова министра внутренних дел СССР Николая Щёлокова можно считать эпитафией к тем многочисленным художественным произведениям, книгам, к фильмам о буднях правоохранительных органов, которые в большом количестве появлялись в 60-е начале 80-х годов в нашей стране. Необходимо отметить, что именно Николаю Анисимовичу принадлежит заслуга в том, что начиная с середины 60-х годов резко вырос авторитет милиции и прокуратуры. Щёлоков много сделал для личного состава по социальной защищённости сотрудников МВД: были повышены оклады, строилось жильё, создавались новые школы милиции и Академия МВД. На юридических факультетах по всей стране был самый высокий конкурс абитуриентов. Профессии следователя, инспектора уголовного розыска волновали молодые сердца возможностью проявить себя в сложной ситуации, разгадать подлые замыслы преступника, защитить потерпевших. Опасность милицеской службы не пугала, но усиливала романтический порыв, желание найти своё место среди умных и мужественных рыцарей правопорядка. Я также проявляла интерес к сыску, криминологии, расследованию, прочитывая огромное количество литературы: художественной и научной.

Серьёзная организация

1976 год, середина июня. Мне 20 лет. «Ты завтра во вторую смену работаешь? - наш руководитель комсомольского оперативного отряда дружинников Володя Ямаев поджидал меня на проходной. - Вот тебе повестка в прокуратуру. Девятый кабинет, старший следователь Дементьев Михаил Александрович... поговорить с тобой хочет. Ты ведь Славку Мануяна помнишь? Он с вашей компанией даже в походы ходил. Вот ты и дашь этому туристу характеристику. По делу он проходит... пока как подозреваемый.»

- «Ааа... От Ямаева? Проходи.» - «Вы - Дементьев?» - «Да-да! Я сейчас допечатаю, а ты пока газеты почитай.» За столом сидел мужчина лет 45, шатен, с короткими седоватыми бакенбардами и седой прядью в волнистой шевелюре. Он выстукивал двумя пальцами текст, изредка отпивая чай из стакана. Я огляделась. Обычный кабинет, ничего лишнего... стол, несколько стульев, книжный шкаф, шифоньер, небольшой сейф.

Вот только настенный календарь как-то выпадал из служебной обстановки: на нём фото девочки сидящей на скамейке в лучах солнца в коротком платице, с голыми коленками, с косичками. И так это яркое солнышко и безмятежное лицо ребёнка не вписывались в суровые будни прокуратуры, что я невольно покосилась на хозяина кабинета. Михаил Александрович перехватил мой взгляд: «На дочку мою похожа... Такая же была... 15 лет тому назад.»

Вдруг дверь кабинета распахнулась, на пороге заплаканная девица с размазанной тушью на лице. «Что случилось?» - Дементьев нахмурился. – «У меня трусы украли!» - «Где?!» - «В автобусе. Народу - битком. Я пакет за последнее сиденье положила...» - «Я же тебе сказал, из рук не выпускать! Чёррт! Навязали стажёра! Иди домой! Завтра документами займёшься.» Я остолбенела. Когда дверь за девицей захлопнулась, Михаил Александрович вздохнул и решительно отодвинул пишущую машинку. – «Идём ко мне общественным помощником следователя?» Я презрительно хмыкнула: «Вы тут с нижним бельём по городу носитесь, а мы с отрядом порядок на улицах наводим. Володе на прошлой неделе зуб выбили.» Дементьев рассмеялся. «Ну, у нас тут зубы не выбивают, а вот доброе имя человеку вернуть, чьи-то козни распутать - для этого мозги надо. Трусы эти с биоматериалом. Марина на экспертизу везла. Барышня уже четыре месяца на практике, а никак не понимает ответственности. Ладно, я часть вещдока отрезал, ещё тут кое-что осталось...» - «Так вы мне предлагаете стать курьером по доставке трусов?» Следователь пристально посмотрел на меня: «Пошли в столовку? Пообедаем, поговорим.»

Характер не нордический

Домой я вернулась через три часа с книгой «Руководство для следователя», с закладками на нескольких страницах. Отдельно на листочке Михаил Александрович составил для меня с десяток вопросов, на которые, «хорошенько подумав и всё взвесив», я должна была дать ответы к 9 часам утра. Главные вопросы: 1. Мог ли В. Мануян убить Т. Горшенину? 2. Мог ли он убить её именно таким способом?

Славку Мануяна задержали, и уже несколько дней он находится в камере предварительного заключения. Его подозревают в изнасиловании и убийстве знакомой ему девушки Татьяны Горшениной. Года три тому назад молодые люди дружили, но поссорились из-за пустяка и расста-

лись. Обиду друг на друга не держали, а когда Таня собралась замуж, приглашение на свадьбу прислала и Вячеславу. За несколько дней до бракосочетания труп девушки обнаружили в беседке во дворе по улице Кольцевой. Убита она была ударом ножа под лопатку, лицо разбито, нос сломан. Жених с нервным срывом попал в больницу, поговорить с ним получилось с трудом; врач пустил следователя на десять минут. Родители погибшей - люди пьющие, не сразу поняли, что произошло, тело дочери из морга забирать не спешили.

Славка - человек импульсивный, подраться, конечно, мог, ударить от души - тоже мог, но бить женщину и, тем более воткнуть ей нож в спину - маловероятно. Помню его в походах... Неразлучен с гитарой, шумный, заводной, задиристый, но всегда готовый прийти на помощь. Никогда не чурался тяжёлой работы, не стеснялся посуду помыть, носки, рубашку постирать. У нас в походах был сухой закон; только один раз его нарушили: Славка где-то раздобыл бутылку французского коньяка и специально хранил её в рюкзаке, чтобы свой день рождения отметить. На семнадцать человек пришлось по глотку, но именинник с гордостью потом рассказывал, что двадцатипятилетие отметил с большой компанией, «все французским коньяком упились».

Одной группы крови

Не мог Славка убить! И тем более насиловать! Что-то не сходится в этом деле. Так я и объяснила Дементьеву. Он промолчал, какие-то бумаги в папку подшил, прошёлся по кабинету. – «Галина, просьба у меня к тебе... Марина ходила жителей того двора опрашивать... где убийство произошло. В нескольких квартирах дома никого не оказалось. Завтра суббота. Сходите туда на пару с Мариной ещё раз, с бабушками на скамейках побеседуйте.» - «А почему Мануяна задержали?» - «Видишь ли, несколько старушек сообщили, что в беседке парень с гитарой был, в тельняшке, с длинными волосами. Одна женщина с ребёнком гуляла, видела Мануяна с двумя бутылками вина, и направлялся он к беседке. Женщина эта Славку лично знает, так как он брат её ученицы, на собрание в школу приходил. Да не отпирается и сам Вячеслав... от того, что Горшенина ему свидание в беседке назначила; решили, видимо, прошлое вспомнить. Он взял две бутылки портвейна, шоколадку. Пустые бутылки с его и её отпечатками пальцев в кустах обнаружили. Но... рассталась парочка около 23 часов. Точнее, Мануян ушёл, а Горшенина ос-

талась. При обыске в квартире подозреваемого нашли тельняшку с застиранными пятнами крови. Группа крови третья. Третья и у Вячеслава, и у Татьяны. И третья же у жениха Горшениной - гражданина Коробицына Вадима.» - «Жених-то тут при чём?» - удивилась я. – «При том, что он вместе с Мануяном в славном городе Севастополе службу проходил. И в тельняшке Коробицын тоже любил пощеголять, но у него тельняшка “пропала”. Когда и при каких обстоятельствах Вадим не помнит. Говорит, в прошлом году ещё. А мать его уверяет, что тельняшку эту сын на прошлой неделе краской запачкал, когда на работе что-то красил. Ну, и вроде, выбросил. Кстати, вечером, в день убийства Коробицын вернулся домой поздно ночью, с синяком под глазом, пьяный. Объясняет, что запнулся, упал.» - «А зачем жениху свою невесту насиловать и убивать?» – «Я этого не утверждаю. Просто дал тебе информацию по совпадению группы крови. Для размышления.»

Необходимо заметить, что во второй половине 70-х годов молекулярно-генетические экспертизы ДНК не проводились, а видеокамеры ещё не получили широкого распространения.

Футболисты

Марина закончила юрфак с красным дипломом. С детства мечтала стать дознавателем или следователем. Внешность эффектная: высокая, с правильными чертами лица, носик с горбинкой, щёчки с ямочками. Всё при ней, даже голос - властный, не терпящий возражений. Я моложе неё почти на шесть лет.

Пришли во двор, где произошла трагедия. Возле детских качелей две женщины под грибком сидят. Мы прямиком к ним. Маринка своё удостоверение предъявила и тут же начала расспрашивать. Я направилась к мальчишкам, играющим в футбол. Силы у команд явно не равные, пока все события разворачиваются у одних ворот, вратарь другой команды лениво наблюдает издалека. Подойдя ближе, интересуюсь: «А вы часто здесь в футбол играете?» – «Всегда.» – «А в день, когда в беседке женщину убили, тоже играли?» - «Играли. Только я в тот день нападающим был.»

Беседка находится наискосок от футбольной площадки, в глубине двора, за кустами сирени. Я спросила мальчишек, кого они видели возле беседки в день убийства? – «Сначала никого. Слышно было как кто-то на гитаре играл, потом тётенька визжала...» - «В смысле, кричала?» -

«Неет, визжала, смеялась! - уточняет нынешний вратарь, - И мужик ржал... Слышно было. Потом тихо стало. Мы бегали к Витьке домой, мячик подкачивали, воду пили. Витьку мать на улицу не пустила, а мы решили ещё поиграть. У нас ничья была. Договорились, до первого гола играть. Вдруг из-за кустов мужик выскочил и мимо нас бегом. Ему мяч под ноги попался и он с ходу пробил. Пашка раззявился и гол пропустил. Марат с Пашкой сразу драться полезли... Ну, нечестно, когда чужой забил.» - «А тот, кто гол Пашке забил, в тельняшке был?» - «Какая тельняшка?! Это футболка у него полосатая такая, на тельняшку похожая.» - «А волосы у этого в полосатой футболке - длинные?» - «Не-а! Обычные, короткие.» - «Раньше вы его видели?» - Редко. Он хлеб в магазин на «ГАЗоне» привозит. Как-то у него радиатор закипел, он просил, чтобы мы ему ведро воды вынесли.»

- «Гала, пошли! Сидеть Мануяну лет десять! - Марина засунула блокнотик в сумочку, - Засветился он тут со своей тельняшкой.» - «А про длину волос ты спрашивала?» - «Ой, я тебя умоляю! Это ж свидетели! Одна говорит, с длинными патлами был, с гитарой, другая - про волосы не запомнила, но и гитару, вроде, не заметила. Ещё в четыре квартиры заходила... Там рано спать ложатся. Шум какой-то слышали, но, похоже, пацаны во дворе орали.» Я покосилась на Марину... Глаза горят, на щеках румянец. - «А по времени как выходит?» - «И по времени разница небольшая. Говорят, “около одиннадцати видели мужика в тельняшке”... Плюс-минус десять минут.» - «Маринка, за десять минут здоровый мужчина два с половиной километра пробегает. А здесь весь двор за минуту можно проскочить.» - «Ну, ищи бегуна своего, а я отдельное мнение изложу. Кстати, если у тебя время есть, в прокуратуру зайдём? Чубчик мне ключ оставил. Надо дела в порядок привести. Поможешь?» - «Кто это - “Чубчик?”» - «Дементьев. Его так коллеги прозвали. У него когда настроение хорошее, он песенку напевает: “Чубчик-чубчик, чубчик кучерявый!”»

Перекур

В субботний день в прокуратуре не рабочий день, но сотрудники частенько вынуждены заниматься канцелярскими обязанностями, так как в будни отвлекают посетители, нужно выезжать по делам, на экспертизы, и работать в кабинете не дают. Мы с Мариной заперлись на ключ.

Она печатала на машинке, а я подшивала дела. Окна открыты настежь. Жара.

- «Всё, Галина, перекур!» Маринка достала сигарету из лежащей на столе пачки «Столичные» и закурила. – «Это твой?» - «Дементьева. Закуривай! Стресс хорошо снимает. Или мама не разрешает?!» - «Как ты можешь?! Без разрешения?» - «Ну, это ты здесь “общественный помощник”, а я без пяти минут следователь. Михаил Александрович специально для меня сигареты на столе оставляет. Высоцкого хочешь послушать?» Марина вытащила из книжного шкафа катушечный магнитофон «Комета», водрузила его на место пишущей машинки и развалилась в кресле, положив ноги на край стола. Это можно было понять как вызов. Неспешно закурив, я прихватила с собой пепельницу и полулёжа устроилась на стульях, предоставив «без пяти минут следователю» стряхивать пепел в поддон из-под кактуса. Я всегда весьма спокойно относилась к творчеству Высоцкого, но народу нравится. Пачка сигарет была у нас уже на исходе. Владимир Семёныч выдавал очередной перл:

«Какие странные дела
У нас в России лепятся!
А как она ему дала,
Расскажут - не поверится...»

Мягко щёлкнул дверной замок. Дементьев как-то боком протиснулся в собственный кабинет. – «Занимайтесь, занимайтесь! Я на минутку.» Оцепенев от неожиданности, Маринка даже ноги со стола не убрала. Я перестала дышать и ждала, что будет дальше. Михаил Александрович достал папку из сейфа и молча исчез в клубах табачного дыма вырвавшегося за ним из кабинета. Некоторое время мы молчали. Наконец, Маринка обречённо произнесла: «Он же нас убьёт!» - «За что?!» - «За всё! И за сигареты, и за Высоцкого.» - «Так ты же сказала, что сигареты специально для тебя оставили!» - «Сказала, сказала! Пошутила я. А ты уши развесила.»

Нагоняй

В прокуратуру я смогла придти только во вторник к вечеру. Меня встретил взбешённый Дементьев. Он потрясал моим отчётом по опросу мальчишек, с их полными анкетными данными, который я, по аналогии с Мариной, написала ещё в субботу. «Ты понимаешь, что должна была немедленно доложить мне о появлении нового фигуранта в деле?! Не-

мед-ленно доложить! Даже, если я находился бы за пределами Уфы или в реанимации!» Михаил Александрович так ударил кулаком по столу, что ложечка едва не вылетела из стакана, а заглянувший в кабинет помощник прокурора поспешно ретировался. – «Ты соображаешь, что ты наделала?! Мануян в больнице! Он в воскресенье вены себе вскрыл. Чудом его спасли, понимаешь, чудом?!» Мне хотелось оправдаться, ведь я не имела даже четырёхмесячной, как у Марины, практики работы в прокуратуре. И вообще... я - казак вольный, не за деньги тружусь. Но вместо этих слов, я едва пролепетала: «Мне больше не приходится?» - «Приходить!!! Очень даже приходится!», - и Дементьев завернул такое многоэтажный оборот, что я смущённо опустила глаза. – «Ты в театре часто бываешь? - сбавил обороты следователь. - Завтра в 10.00 ко мне в кабинет. Без опозданий.» - «Завтра я в первую смену работаю.» - «На завтра у тебя освобождение на весь день. В связи со следственными действиями по делу... пока Мануяна. Повестку я тебе завтра выпишу. Сейчас можешь с материалами дела ознакомиться.»

Спектакль в ГАИ

Свою 21-ую «Волгу» Михаил Александрович водил виртуозно. Мы ехали молча. В салоне пахло хорошим одеколоном и табаком. – «А где Марина?» - подала я голос. – «Она теперь стажирруется у Ибрагимова. Мы с ней побеседовали. По-моему, профессия прокурора ей больше подходит. У девушки есть одно неудобное качество характера... Видишь ли, Марина ни в чём не сомневается, а работа следователя - это хождение по минному полю; осторожность нужна, деликатность, знания в самых разных областях, и... постоянно самого себя проверять надо: туда ли повернул, всё ли предусмотрел?» Мы подъехали к зданию ГАИ. Дементьев заглушил мотор и повернулся ко мне: «Значит так... Никакой инициативы не проявлять, в разговор не влезать. Сидеть, смотреть и слушать. Представь, что ты в театре.»

В просторном кабинете мы с Михаилом Александровичем расположились в уголке, спиной к окну. За длинным столом сидели два сотрудника ГАИ и заполняли какие-то документы. Прошло минут двадцать. Вдруг дверь распахнулась, на пороге крепкий мужчина, плечистый, с удивлённым, чуть испуганным взглядом: «Вот... повестка. Вроде ничего не нарушал.» - «Большаков, подойдите сюда,» - Дементьев произнёс это спокойным голосом. Воцарилась напряжённая тишина. Посе-

титель приблизился к нам. Михаил Александрович молча отбросил газету со стола. Под ней лежали несколько фотографий трупа убитой Горшениной. Большаков дёрнулся и побелел: «Я не убивал!» - «А вот нож, который вы с другими инструментами возили в бардачке своей хлебозовки. С вашими отпечатками пальцев и засохшей кровью потерпевшей. И то, что этот нож принадлежит вам, подтвердил ваш сменщик. Садитесь и пишите, как всё произошло.» Большаков ещё мял в руках повестку, когда Михаил Александрович попросил милиционера: «Пригласите сюда, пожалуйста, человек пять, чтобы провести опознание задержанного. И мальчиков - свидетелей с родителями в соседнюю комнату попросите.» И тут Большаков прыгнул на стол, затем на подоконник, но Дементьев и я одновременно вцепились в него. Милиционеры помогли скрутить сопротивляющегося Большакова и надели на него наручники.

- «Галина, я наверно ещё долго оформлять всё это буду. Вот тебе повестка. Отдыхай. А я вечером в следственный изолятор поеду Мануяна освобождать. Надо ещё к прокурору успеть заскочить.» - «А к Мануяну можно с вами? Я в старой части города как раз буду.» - «Ну, позвони мне часа в четыре.»

Почти рядовое дело

Славку Мануяна удалось освободить только в десятом часу вечера. Я впервые увидела Михаила Александровича в мундире советника юстиции. Он не любил официальности, но здесь ему хотелось подчеркнуть важность события: правда восторжествовала. Я ждала их в машине. Славка похудел, волосы ему подстригли, взгляд потух. Он сел на заднее сиденье и разрыдался.

- «А ведь это преступление вызревало, как чирый, - Дементьев посмотрел в мою сторону. Есть такая наука о потерпевших - виктимология. Так вот психологи, специализирующиеся по разделу виктимологии, полагают, что частенько будущая жертва своими действиями - осознано или неосознанно провоцирует окружающих на противоправные действия. Женщина распивает спиртные напитки в беседке. Мужчина, хоть и бывший, но её друг, оставляет даму - совершенно опьяневшую в беспомощном состоянии. Оказавшийся рядом с захмелевшей женщиной ранее судимый по статье “нанесение тяжких телесных повреждений” гражданин воспользовался сложившейся ситуацией. Цепь замкнулась.» Славка

молчал, но что-то подсказывало: случившееся с ним, как жестокий урок, не прошло даром. Выводы он сделает правильные.

Высадив Мануяна возле кинотеатра «Победа», Михаил Александрович ослабил узел галстука. Мы медленно ехали по вечернему городу. Было душно. – «Эх, чубчик-чубчик, чубчик кучерявый! Развевайся, чубчик, по ветру! Совсем забыл! У меня в багажнике бутылка “Боржоми” есть. Только стакан один.» Мы свернули в ближайший двор. – «Галина, ты меня извини, наорал тогда на тебя... Прокурор требовал, чтобы я Мануяна дожал, а я чувствовал: не Славка это сделал.» Я пила тёплую минералку, которая щекотала мне горло и нос, смотрела в рыже-карие глаза моего собеседника и сознавала свою причастность к чему-то хорошему, настоящему. «Уже поздно. Отвезите меня домой.», - попросила я. Деметьев плавно развернулся и поехал незнакомой мне дорогой. «Так по Первомайской - ближе,» - удивилась я. – «А в объезд дорога ровнее.» Мы рассмеялись. Ветерок откуда-то доносил запахи земляники и прогретого за день асфальта. Впереди было почти два месяца лета и целая жизнь.

Имена и фамилии действующих лиц изменены.

УФИМСКИЕ ИСТОРИИ

Французское имя

В начале 20 века ездил по Уфе красивый татарин. Продавал он уголь, привлекая к себе внимание протяжным криком: «Угля...я... Кому угля...я?» Звали татарина Ахметом, отличался он опрятной одеждой, высоким ростом, статью и... большими синими глазами. Мещанки, кухарки, всякая прислуга выходили с черного хода, отпирали сараи, и услужливый продавец ссыпал туда свой уголь.

В доме, где жили Костенька (мой будущий отец) и его старшая сестра Нина, няня Катя выполняла обязанности горничной. Заслышав скрип телеги и голос Ахмета, девушка отворяла окно и одаривала торговца ласковым взглядом. В жаркую погоду Катя выносила парню кружку клюквенного морса и с улыбкой наблюдала, как Ахмет степенно, причмокивая, выпивал непривычный для татарина напиток. По праздникам вместо морса его угощали домашней наливкой.

Однажды мой дед, увидев, как молодые обменивались взглядами, вышел на крыльцо и строго спросил: «Катя, что тут у вас?» Шустрая Катя, не растерявшись, торжественно пояснила: «Барин, это Ахмет с визитом». На что Ахмет замотал головой: «Нет-нет! Я один, а Визита не знаю!» Свидетелями сценки была и 9-летняя Ниночка. Она уже свободно говорила по-французски и поэтому оценила всю анекдотичность ситуации. Смущенный смехом господ, татарин пытался понять – о чем идет речь, а Катя решила его просветить: «Ахмет, какой ты бестолковый! «Визит» - это слово такое... французское...»

В 30-е годы, когда моя тетья Нина работала в Совнарком, к ней пришел рассылный с письмами и бумагами. Взглянув на плечистого, голубоглазого парня, она вспомнила свое детство, дом на Аксаковской улице и красавца Ахмета. Расписавшись в журнале за принятую корреспонденцию, тетья Нина не удержалась и спросила: «Твоего отца не Ахметом звали?» «Ахметом». Присядь. Сейчас чай попьем. Я хоть и маленькая была, но отца твоего хорошо помню. А тебя как зовут?» «Визит», - последовал ответ.

По улице Центральной...

Духовой оркестр - явление удивительное! Его звучание словно очищает легкие, волнует кровь, как бокал шампанского, поднимает на-

строение, создает праздник. Кажется, что сам воздух меняет свой состав, когда играют бравурные марши, старинные вальсы...

Моя бабушка - Вера Николаевна Кулакова-Фадеева получила хорошее домашнее воспитание, прекрасно играла на рояле, любила танцевать. У нее был абсолютный музыкальный слух и своеобразное чувство юмора. Будучи уже многодетной мамой, Вера Николаевна любила сопровождать музыкантов духового оркестра, маршируя вместе с ними по уфимским мостовым начала 20-го века. Нельзя сказать, что она была одинока в таком оригинальном самовыражении. Иногда компанию ей составляли еще две-три энергичные особы. Старшая сестра моего отца - тетя Нина вспоминала, как приходили к ним домой знакомые и сообщали, что видели Веру Николаевну размахивающей зонтиком, словно дирижерской палочкой, на Центральной улице (ныне ул. Ленина), где она, чеканя шаг, пристраивалась к трубачам духового оркестра Вольно-пожарного общества и шествовала с ними в сторону парка Народной трезвости (ныне парк имени Ивана Якутова).

Двухэтажное кирпичное здание пожарного депо с пристроенной каланчой на Центральной улице появилось в 1904 году. Вскоре к нему было пристроено одноэтажное бревенчатое. В кирпичном здании при клубе пожарного общества с 1907 по 1915 годы располагался кинотеатр «Муравей». Доходы от показа фильмов шли на содержание служащих общества и пожарного обоза. Кроме непосредственного дежурства, дружинники Вольно-пожарного общества занимались просветительской деятельностью, а также, по инициативе уфимского полицмейстера Генриха Бухартовского, создали духовой оркестр.

Парк Народной трезвости (тоже детище господина Бухартовского) был задуман как место для прогулок и развлечений вблизи озера, с чайной, библиотекой, каруселями и сценой. Отдыхающие могли поиграть в шахматы, в серсо, лаун-теннис, послушать лекции, небольшие импровизированные концерты. Именно в парке, на открытом воздухе духовой оркестр создавал особо торжественную обстановку; в программе наряду с популярными мелодиями тех лет, звучали и малоизвестные произведения: вальс «Влюбленный гимназист», веселый галоп «Барыня на ярмарке», быстрый танец «Жучка». Большим успехом пользовались военные марши и... вальс Марии Машковой «Усы». Ходили слухи, что сочинила его некая уфимская дама полусвета, к которой благосклонно относился усатый полицмейстер Бухартовский.

Для моего будущего отца Константина (а ему было в ту пору 5-6 лет) посещение парка сводилось к игре в мяч и катанию на карусели; потом ребенок умолял своих родителей навестить в депо пожарных лошадей. У них были забавные имена: Бульдог, Василь Василич, Водяной. Особой любовью Костика являлась темно-гнедая Доля. Лошадь при звуках марша красиво изгибала шею и в такт музыки грациозно перебирала ногами.

Зимой в парке расчищали дорожки и каток, и вновь под чарующие звуки духового оркестра народ совершал моцион вокруг озера или, как моя бабушка Вера Николаевна, скользил на коньках в ритме вальса. Кстати, ноты вальса Машковой «Усы» я как-то случайно увидела у ныне покойной Галины Бельской. Галина Александровна собирала материалы о Шаляпине, и среди старых театральных афиш оказались ноты Машковой. Я поведала ей историю любви моей бабушки к духовым оркестрам, легенду о создании вальса «Усы», и Галина Александровна тут же захотела послушать это произведение. Я позвонила своей знакомой пианистке, мы с Галиной Александровной перешли улицу Ленина и... словно на машине времени вернулись в прошлое. Рояль, конечно, не духовой оркестр, но мелодию, которая радовала и волновала сердца людей больше ста лет тому назад, мы приняли всем сердцем.

Уже поздно вечером, прогуливаясь по улице и все еще находясь под впечатлением воспоминаний, Бельская задумчиво произнесла, обращаясь ко мне: «Такое ощущение, словно, я когда-то... очень давно слышала этот вальс... В нем столько противоречивых чувств, настроений...» Я пожалала плечами: «А может быть, старые мелодии продолжают жить на улицах Уфы? Просто современные звуки и шум перекрывают их...»

«Воронки». Метаморфозы «Золотого места»

В начале 60-х годов, когда мы получили новую квартиру на проспекте Октября, наш дом был почти у самого леса. Парка имени Мажита Гафури еще не было, а поблизости располагались два пионерских лагеря и дачи КГБ-МВД. На территории одного из пионерских лагерей жила моя одноклассница Вера, с которой мы облазили ближайшие окрестности, бегая до железнодорожной станции «Воронки» и на «Висячий Ка-

мень». Но особенно нас интересовали чекистские дачи. Охрана была только возле ворот, а если обойти территорию с противоположной стороны и подлезть под колючую проволоку, можно оказаться на лужайке, возле деревянной сцены, где играли «дачные» дети. Из взрослых на нас никто не обращал внимания, и мы пользовались полной свободой: прыгали на скакалке, играли в мяч, разыгрывали представление на сцене или просто плескались в студеной воде местного родничка.

На территории вытянутой с севера на юг, где росли высокие сосны, дубы, берёзы располагалось 10-12 небольших домиков и один двухэтажный с балконом. Рядом с домами были небольшие огороды, росли яблоны, кусты малины и смородины. Ближе к осени прямо на открытом воздухе хозяйки варили варенье. Аромат перекрывал запахи цветов, крапивы, свежескошенного сена. Местные ребята щедро делились с нами – «пришлыми» хлебом со свежим вареньем. Иногда хлеб мазали густой сметаной или мороженым.

Дачи купца Васильева

Мода на дачную жизнь возникла в 19 веке, когда обеспеченные горожане стали переезжать на лето за город. Уфимские «Воронки» - красивейшее место на крутом косогоре. Именно здесь построил свою летнюю резиденцию купец Мартемьян Степанович Васильев, назвав её «Золотое место». А у него снимал двухэтажный дом другой купец Илья Платонович Алексеев со своим большим семейством. Здесь же под прикрытием веселых гостеваний и ухаживаний за его старшими дочерьми устраивали свои собрания революционеры. Рядом в маленьком домике под песни и игру на гитаре специалисты мастерили бомбы. Общую картину происходящего дополняла величественная красота природы. Участница тех «посиделок» Татьяна Александровна Евфорицкая вспоминала: «Уфа вся мерцала золотыми огнями, по реке Белой, она тогда была полноводной, часто ходили грузовые, пассажирские пароходы; проезжая мимо, гудками приветствовали нас, так как мы, стоя на балконе второго этажа, махали им платками».

В советское время с 1931 года дачи Васильева стали домом отдыха, а строения за парком им. Гафури (ныне там конюшни) и южнее - до современной Уфимской нефтегазовой компании «Газпромтрансгаз» вошли в зону санатория для представителей правоохранительных органов. В конце зимы 1932 года в дачном доме с мезонином поселили гостей из

Москвы. Одним из них был известный писатель, автор романа «Разгром» Александр Фадеев. Он приехал в Уфу для участия в республиканском съезде писателей Башкирии. В «Золотом месте» Фадеев продолжал работу над романом «Последний из удэге». Своей матери он сообщал: «Сейчас я много пишу, и настроение у меня хорошее и ровное. Здесь есть лыжи и верховые лошади, пью кумыс, часто бываю на воздухе. Мой адрес: Уфа, ГПУ, Погребинскому (полномочный представитель ОГПУ при СНК СССР по БАССР - авт.) для Фадеева». Рубленый домик самого М.С. Погребинского находился на другой стороне живописного оврага, через который был перекинут дощатый мостик.

В бурном потоке событий

О событиях послевоенных лет, происходивших на дачах КГБ-МВД, рассказала в середине 80-х Галия-апа - соседка моей знакомой по саду в Дудкино. Представители НКВД частенько старались набирать себе кадры из детских домов; юноши привлекались к оперативной работе, девушки в качестве обслуживающего персонала.

В 1949 году Галия Кадырова заканчивала ремесленное училище, когда её пригласили в кабинет комсорга. Там сидел мужчина в штатском с каким-то усталым, почти равнодушным выражением лица. Он спросил Галию об её родственниках и теперешним материальном положении. Узнав, что девушка совершенно одинокая и полностью находится на государственном обеспечении, мужчина усмехнулся и полувопросительно заметил: «Значит небольшой приработок тебе не мешает?»

Несколько дней ровно в 17.30 за Галией заезжал небольшой автобус, где уже сидели несколько мужчин; иногда с ними были их жены и дети. Потом Галие объяснили, что теперь она сама найдет дорогу, как там выражались, «к объекту», и девушка, дрожа от страха, пробегала через лес, не чуя своих ног. Её усердие, а главное, умение молчать, оценили. Уже работая на стройке маляром-штукатуром, она продолжала «калымить» на дачах.

Судя по рассказам Кадыровой, помимо барских «хором», где квартировало начальство, были построены ещё несколько небольших коттеджей на две-три семьи. Обстановка в них - совершенно аскетическая, из мебели только самое необходимое, и лишь в доме с мезонином в комнатах стояли цветы в кадках, имелись ковры, напольные вазы, красивая

посуда, тонкое кружевное постельное белье и в каждой комнате - радиоприемник.

Как-то, заканчивая уборку, Галия спешила переодеться и идти домой. Неожиданно к ней в закуток, где хранился всякий хозяйственный инвентарь, заглянул Володя - главный из охраны «объекта». «Сможешь на стол накрыть?» - спросил он, бесцеремонно с ухмылкой разглядывая заштопанную кофточку Галии. «Могу, коль надо». Из провизии, сваленной на столе, были колбаса, сыр, конфеты, рыбные консервы, несколько банок домашнего варенья, деревенская сметана в кастрюльке, соленые огурцы, хлеб и ящик водки.

Володя сел верхом на скрипучий стул, закурил, лениво наблюдая, как девушка аккуратно раскладывала продукты в вазочки, тарелки, салатницы. Во дворе послышались грубые голоса, смех. Володя быстро потушил окурок о подошву сапога и шикнул на Галию: «Кончай канитель!». Единственное, что осталось сделать - нарезать хлеб. Не мешкая, девушка сняла со стены овальное расписное блюдо и острым ножом, словно арбуз, разрежала душистый каравай на тонкие кусочки. «Это кто у нас тут хозяйничает?» Галия обернулась. В дверях, слегка покачиваясь, стоял высокий, широколицый шатен, с вьющимися, как у артиста, волосами. «Товарищ полковник, это... не обращайтесь внимания! Прислуга это...»

Все прибывшие были в штатском, но их военная выправка подсказывала девушке, что перед нею хозяева «объекта», и она смутилась. Шатен смотрел прямо в глаза Галии как змея, гипнотизирующая жертву. Затем он подошел ближе, присел на край дивана, налил половину граненого стакана водки, залпом выпил и налил ещё: «Пей! Заслужила!» Бедная Золушка с мольбой посмотрела на окружающих, но их лица остались непроницаемыми.

Очнулась Галия ранним утром в маленькой спальне под гогот пирующих в соседней комнате. Испугавшись, что опоздает на работу, девушка торопливо оделась и попыталась незаметно прошмыгнуть к выходу. Но беглянку заметили. Шатен схватил её в охапку и посадил рядом с собой на подлокотник кресла. «Какова ундина?!» Девушка стыдливо прятала свое лицо, прикрываясь длинными, густыми волосами. «Не бойся, отвезут тебя домой как комиссаршу, на авто!» – «Хозяин» небрежно приподнял её бледный подбородок и тут же брезгливо оттолкнул от себя.

В общежитии Галия упала лицом в подушку и так пролежала в каком-то оцепенении, пока не зазвонил будильник. В своей старенькой сумке она обнаружила две банки консервов и горсть карамелек.

А жизнь продолжается

Если следовать хронике, на территории пионерского лагеря в 80-е годы размещался летний детсадовский дом отдыха, а маленький островок скромных дач КГБ-МВД просуществовал до начала 90-х. Более четверти века тому назад исчезли с лица земли последние коттеджи. Дольше всех продержался дом с мезонином купца Васильева. Когда вокруг уже рыли котлованы под новые высотки (ныне это ул. Блюхера, микрорайон «Зелёный берег»), старая дача ещё доживала свои последние дни. Я стояла на зыбком, покосившемся балкончике, смотрела на Белую и среди грохота работающих экскаваторов пыталась услышать пение птиц и протяжные гудки теплоходов.

Время меняет и людей, и города, и природу. Обмелела река, и не ходят по ней теплоходы, знаменитый некогда «Висячий Камень» уже давно превратился в обычную скалу, завален мусором родник, на месте бревенчатых, с уютными мезонинами и флигелями дач выросли новые современные дома. А в Москве живет и работает военный врач, родившийся весной 1950 года в Уфе, Камиль Иосифович Кадыров.

Когда я поинтересовалась у Галии-апы, почему она дала такое отчество сыну, она ответила, как истинная дочь своего времени: «У нас тогда один отец был...»

Имена и фамилии действующих лиц изменены.

Шестой день уфимского футбола

Сейчас уже вряд ли удастся назвать точную дату, когда диковинная в начале 20 века игра - футбол впервые была представлена на обозрение уфимцев. Кто-то, наверное, вспомнит стадион «Динамо», где в 30-е годы проходили матчи первых организованных футбольных команд, но футбол существовал в Уфе ещё до революции.

Мой дед по маминой линии Андрей Васильевич Окунев, работая в Уфимских железнодорожных мастерских, любил, как он выражался, размять кости. Были у него самодельные гири, с удовольствием играл в

рюхи (типа «городков»), но особый интерес возник у Андрея Васильевича к футболу. В 1910-1918 годах на двух площадках нашего города, а точнее сказать, пустырях - в районе нынешнего стадиона «Динамо» и в саду «Народной трезвости» (теперь это парк имени И. Якутова) парни гоняли тряпичный мяч, стараясь забить его в самодельные ворота, сделанные из трёх жердей. Тон задавали архиерейские (по месту проживания - Архиерейка - ныне район за Башкирским драмтеатром). Их отличала агрессия и спайка. В саду «Народной трезвости» играли преимущественно железнодорожники или, как их тогда называли, «паровозники». Специальных тренировок не было, но заранее договаривались о сроках проведения матчей и по очереди играли то в том, то в другом месте. Постепенно футбольные поединки стали привлекать внимание зрителей, появились постоянные болельщики, точнее, «болеищики», как их тогда называли.

Мой дед по линии отца - Александр Андреевич Фадеев был человеком далёким от спорта, но любая игра увлекала его. Если учесть, что дом Фадеевых находился по улице Аксаковской, недалеко от Большой Ильинской (ныне Заки Валиди), где и проходили футбольные матчи, то легко можно себе представить, что мои будущие деды вполне могли видеть друг друга. У них были похожие судьбы: оба принимали участие в русско-японской войне и Первой мировой. Только вот Александр Андреевич служил при штабе, а Андрей Васильевич воевал в окопах, имел два Георгиевских креста. Поэтому не удивительно, что «паровозник» Окунев, несмотря на невысокий рост, играл в нападении, а болельщик Фадеев - элегантно одетый, с хорошей военной выправкой чинно восседал на складном стульчике, попивая принесённый из дома морс и покуривая папиросы. У обоих к тому времени родилось по трое детей, у обоих супруги были категорически против этой «дурацкой игры».

Архиерейские

Назвать какие-то конкретные имена и фамилии футболистов, к сожалению, почти невозможно. Да и пользовались они в основном кличками, прозвищами; так удобнее. Александр Андреевич часто вспоминал Бубу-Бубенца. Это был грузный брюнет высокого роста, с сильными ногами и длинными, цепкими руками. Он играл вратарём, но, если заводился, мог пройти через всё поле, ловко обвести несколько игроков и за-

бить гол. Соперники его боялись, но особенно страшен был Буба, когда его команда проигрывала с крупным счётом.

Чьё имя и фамилию я могу назвать точно - это Илья Любимов (на поле - Лёля). Он приходился дальним родственником Фадеевым и известному врачу Николаю Матвеевичу Любимову - уфимцу, ставшему первым выборным ректором Казанского университета. Лёля играл, как сейчас сказали бы, на позиции опорного хавбека, отличался выносливостью, виртуозным дриблингом, мог грамотно подстраховать товарища. Внешне футболист имел средние показатели роста и веса, обладал копной русых волос и светло-голубыми глазами. В его манере игры преобладала высокая техника владения мячом и деликатное отношение к соперникам, что резко отличало его от других архиерейских. Этому симпатичного молодого человека прекрасно знала моя будущая тётя, а тогда совсем юная барышня - Ниночка Фадеева. Она всегда заранее начинала готовиться к визиту Ильи: надевала самое красивое платье и просила, чтобы ей «закудрявили» волосы. Илья приветливо улыбался девочке, брал почитать из прадедовской библиотеки книги и, усевшись в глубокое кресло, казалось, забывал обо всём. Его тонкие, словно девичьи, пальцы осторожно перелистывали страницы, он выпивал две-три чашечки чая с вареньем или конфетами, а потом, словно спохватившись, расспрашивал хозяев о здоровье, говорил о погоде. Александр Андреевич уводил молодого человека к себе в кабинет, и вскоре оттуда доносились непонятные для женского уха слова: корнер, офсайт, пенальти...

День, когда к архиерейским на матч приходили «паровозники» вдохновлял моего деда, как концерт симфонического оркестра. Александр Андреевич уже с утра что-то напевал себе под нос, тщательно подбирал галстук к костюму, просил кухарку приготовить побольше морсу или чаю с ромом, рассовывал по карманам носовые платки, портсигар, коробочку с монпансье или изюмом.

Назначенный матч состоялся в любую погоду. Поэтому сын кухарки помогал Александру Андреевичу донести складной стульчик, зонт и питьё, устраивал его на удобной позиции, а в случае надобности, бегал домой за тёплым пледом.

«Паровозники»

Матчи в саду «Народной трезвости» собирали разномастную компанию болельщиков. Приходили военные, мастеровые, пожарные, мест-

ные жители. Были среди зрителей и женщины. Оба моих деда вспоминали трёх дам в небольших вуалетках, с лорнетами. По возрасту можно было предположить, что это мать с дочерьми, или дама с воспитанницами-компаньонками. В команде «паровозников» преобладали игроки более возрастные, дисциплинированные, менее выносливые, чем архиерейские, но достаточно техничные, способные по ходу игры менять тактику.

Извозчик Николай приезжал поддержать своего младшего брата железнодорожника Фёдора, который жил по соседству с моим дедом Андреем Васильевичем на Выселках (ныне район за Аграрным университетом). Фёдор играл опорного защитника, иногда заменял голкипера или арбитра. Сам Николай на матчи не выходил, но любил присутствовать на разминке, помогая футболистам дельным советом, или ассистировал, как теперь сказали бы, в наигрывании стандартов.

Самым старшим по возрасту среди игроков являлся Паря (Парамон) - коллега Фёдора. Он был старше Андрея Васильевича (примерно, 42-45 лет), высокий, крепко сложенный, с мощным, пушечным ударом с обеих ног. Его хорошо запомнили мамыны старшие сёстры. Они рассказывали, что футболисты - друзья отца - после игры частенько приезжали к ним в гости, устраивая складчину. Мать готовила «кайзеровский» омлет или жарила картошку на сале. Однажды после матча произошла драка; проигравшие – архиерейские - не стерпели разгромного счёта, и Буба врезал своим кувалдой-кулаком двум лучшим бомбардирам железнодорожников. Паря и мой дед дали отпор, но и сами пострадали. Делая им примочки, моя будущая бабушка сердито отчитывала обоих: «Парамоний, ты взрослый мужик! У тебя девять детей... (потом десять, двенадцать, тринадцать - Г.Ф.) Ты посмотри, на кого ты похож? Трёх зубов нет! Губы разбиты! Андрей, лежи спокойно! Эко ведь как глаз-то заплыл!»

Проходили дни, заживали раны, забывались обиды. На улице к Николаю подходил кто-нибудь из архиерейских футболистов, ловко запрыгивал в дрожки и «с сурьёзным видом» начинал разговор: «Дело есть... Можно встретиться у нас. После игры уха будет. Своим скажи, пусть день назначат.» Прошлым не попрекали; что было - прошло.

Измены-перемены

Настоящий кожаный мяч появился ещё до войны, в 1913 году. После Первой мировой в командах поменялись игроки: одни погибли на фронте, другие умерли от болезней; пришли более молодые любители футбола. Стали возникать стихийные команды гимназистов. Спорт - в трико или широких шароварах уже не казался чем-то эпатажным, на уфимских улицах можно было встретить велосипедистов, на открытых площадках в парках играли в теннис. Зимой активизировалось общество конькобежцев. Как-то возле играющих на снегу в футбол железнодорожников остановился длинноногий юноша с коньками в руках. Его пригласили играть. Парнишка быстро освоил правила и вскоре предложил свою методику тренировок; то есть, каждому игроку развивать не только общую физподготовку, но и специализироваться в каком-то амплуа. По тем временам - это было нечто совершенно новое, ведь футбол был ещё почти театральным зрелищем, оставляя результат матча как бы на втором плане. Звали этого новатора Комар (возможно прозвище от фамилии). Сам Комар хорошо зарекомендовал себя в нападении, благодаря высокому росту, результативно играл головой, был скоростным футболистом.

Революционные события внесли коррективы и в мир уфимского футбола. Первую серьёзную потерю понесли архиерейские. У Бубы-Бубенца красноармейцы пристрелили Янычара - крупного, чёрного кобеля, который уже много лет сопровождал хозяина на все матчи. В ход пошли знаменитые вратарские кулаки. За оказанное сопротивление Бубу расстреляли прямо возле его дома под яблоней.

В 1919 году, когда в Уфе у власти оказались колчаковцы, отличился Лёля-Илья. Он влюбился в дочь какого-то белогвардейского офицера и увёз её в неизвестном направлении. Всех родственников и знакомых Любимовых-Фадеевых допрашивали, производили обыски, но никаких следов беглецов обнаружить не удалось.

Свои трагедии пережила и команда железнодорожников. Два брата Николай и Фёдор оказались по разные стороны баррикад. Оба погибли в Гражданскую. Судьба Комара неизвестна, но... в 1939 году, будучи на русско-финской войне, Александр Андреевич оформлял документы на погибших. Ему в руки попали личные вещи уфимца Глеба Комаровского... записная книжка и две фотографии. На фото были пожилая пара с девушкой-подростком и юным гимназистом, на другой карточке краси-

вая молодая женщина с тремя девочками-погодками. Быть может, мой дед не зафиксировал бы в памяти эту фамилию, если бы не содержание книжки. В ней, кроме каких-то деловых записей и адресов, были начертаны схемы расстановки игроков на футбольном поле. В личном деле Комаровского указаны два адреса: харьковский - жены и уфимский - матери. Александр Андреевич отправил похоронку и вещи Комаровского в Харьков, но пакет вернулся с пометкой «адресат выбыл». К тому времени война закончилась, и мой дед решил лично встретиться с матерью Комаровского, тем более, что жила она недалеко... на улице Пушкина.

Что наша жизнь? Игра!

По приезду в Уфу в марте 1940 года Александр Андреевич узнал, что мать Глеба Комаровского умерла несколько дней тому назад.

В моих детских воспоминаниях запечатлелись слова тёти Нины: «Когда будешь приходить на кладбище к бабушке, ориентируйся по двум рябинкам, дойдёшь до могилки Комаровской, бабушкина - от неё - справа.» Дед скончался в конце 1940 года. Его вещи долгое время хранились у его старшей дочери Нины. Именно от неё я узнала о событиях далёкого прошлого; с любопытством перебирала старинные фотографии, альбомы, рисунки. Помню и клетчатую записную книжку Комаровского, заполненную аккуратным, убористым почерком, какие-то схемы, несколько шаржей, стихи. Тогда, увы, я не могла оценить прогрессивность мышления этого, безусловно, одарённого человека, понять его мысли в плане вариативности тактики футбола. После смерти тёти Нины многое из её архива просто выбросили.

В начале 30-х годов прояснилась судьба Ильи Любимова. Он с семьёй жил в Подмосковье, работал в леспромхозе и тренировал местную футбольную команду. Несмотря на загруженность делами и проблемы со здоровьем, Илья всей душой отдавался любимой игре. Вспоминаются слова английского писателя Энтони Бёрджесса: «Пять дней ты будешь трудиться, как говорит Библия. Седьмой день принадлежит Господу. Шестой день для футбола.»

Заветы бабы Тони

Об этой женщине я узнала совсем недавно, случайно. Она никогда нигде не училась, официально не работала, но всю жизнь занималась

домашним хозяйством, растила детей, внуков, правнуков, помогала племянникам. Ее жизненные принципы могли бы стать основой учения о доброте, трудолюбии, житейской мудрости.

Антонина Сергеевна родилась в Кушнаренковском районе в деревне Первушино в 1901 году. Семья была небогатой, но работающей, зажиточной. Достаток обеспечивали овощи-фрукты со своего приусадебного участка, скотина, а также мастерство девиц-рукодельниц.

Тонечке было 23 года, когда к ней прислали сватов из соседней деревни Кувыково. Миша Елизарьев только переглянулся со своей будущей невестой, а сваты уже сговорились и ударили по рукам. Девушка сама приготовила себе приданное: простыни с подзорами, наволочки, подушки, одеяла, вышитые сорочки, платки вязанные, носки, чулки. Все это было тщательно упаковано и привезено на телеге в дом мужа. Хозяйство у Михаила тоже оказалось крепкое, поэтому в 1933 году, при раскулачивании, семья Елизарьевых пострадала одна из первых: их просто выставили на улицу, а в освободившемся доме открыли школу. Тоня с мужем и тремя малолетними детьми перебрались в Затон, где они приобрели полуразвалившийся барак. Как могли, начали обустриваться на новом месте. Вскопали огород, посадили самое необходимое, рядом с бараком начали строить дом. Бревна вылавливали на Белой, возили их на санках, помогали родственники, дети. Семья трудилась, не покладая рук. Антонина жила по распорядку: чуть свет уже топила печь, готовила завтрак, провожала мужа на работу, потом обед, ужин, занималась шитьем. Заказчиками были соседи, знакомые. Тоня сама придумывала модные фасоны, кроила ткань, вязала кружева. Смело бралась за пошив костюмов, жакетов, пальто. Все это давало более-менее стабильный заработок.

В комнате у Антонины висели две маленькие иконки, но в церковь она никогда не ходила, лоб не крестила, хотя любую работу начинала словами: «Ну, с Богом!» Не любила женщина тратить время на безделье, не признавала, кроме Рождества и Пасхи, никаких праздников. Дни рождения и новомодные даты считала ненужным баловством, детей с раннего возраста приучала к труду, учила считать деньги и рачительно вести хозяйство.

Когда началась Великая Отечественная война, дети рано повзрослели. Старшая дочь Зоя в 15 лет пошла работать на 161-й завод токарем, Люба - первая помощница у матери по дому, а Вася с 12 лет подрабаты-

вал сапожником. В 1942 году их отец Михаил Елизарьев пропал без вести.

Несмотря на голодные и холодные военные годы дети находили время для игр: катались с горки в корыте, шили из тряпок куклы. Серьезным подспорьем в хозяйстве и, одновременно, развлечением были походы всей семьей на рыбалку, в лес по грибы, по ягоды. С шутками, а то и с песнями собирали несколько ведер опят, полные корзины земляники, по пути набирали букеты из различных целебных трав. Осенью ходили за желудями для свиней, запасали сено для коз. Дружно, без лишних напоминаний, работали в огороде.

Антонины Сергеевны не стало в 1989 году; дети и внуки запомнили ее серьезной и работающей, не любила она нежностей, никогда никого не целовала, но тепло ее любящего сердца ощущали все: и малыши, и взрослые. За столом бабушка частенько повторяла: «Не съедай последнюю ложку! Лучше чуточку недоесть, чем переесть.» Сама Антонина Сергеевна до самой смерти сохранила осанистую фигуру, легкую походку и здравый ум. А на ее фирменных пирогах и супах выросло три поколения Елизарьевых!

Вспоминает внучка бабы Тони Лидия Ивановна: «Сколько себя помню, рукоделием в нашей семье занимались все. Мальчики приучались к плотницкому делу, дрова рубили, девочки выполняли работу по дому, кормили скотину. В хозяйстве ничего не пропадало. Бабушка объясняла, как из подручных средств делать полезные, нужные вещи; распускали старые шерстяные одеяла, свитера и ткали ковры, вязали половички.»

Кстати, на днях в уфимской модельной библиотеке № 29 открылась выставка вышитых картин талантливой ученицы своей бабушки Лидии Сидоровой. Пока я беседовала с этой милой женщиной, ей несколько раз звонили ее сыновья, спрашивали, когда за ней приехать? Лидия Ивановна, слегка смущаясь, пояснила мне: «Вот сбылись заветы бабы Тони... Она нам всем твердила: живите дружно, помогайте друг другу... Не ленитесь, работайте, и все у вас будет!»

В театре Господа Бога

Желание самовыразиться, проявить свои таланты, изобразить что-нибудь эдакое свойственно людям разных национальностей, различных эпох. Особенный всплеск интереса к драматическому и вокальному ис-

кусству в России пришёлся на 19-й - начало 20-го веков. До 1861 года, пока не отменили крепостное право, даже не слишком богатые помещики могли позволить себе хор или труппу актёров из крепостных. По городам и весям гастролировали самодеятельные и профессиональные артисты: от примитивных ярмарочных шутов-скоморохов до известных трагиков и певцов с мировым именем. Мода на театр, поэтические салоны или драмкружки не обошла стороной и Уфу.

Накануне

Ещё до Первой мировой войны, в 1912 году моя бабушка, а тогда мама троих детей, - Вера Николаевна Кулакова-Фадеева была приглашена на литературно-музыкальный вечер, который организовали Леонид Сергеевич Калмацкий и его сын Леонид. Компания собиралась в доме на Пушкинской улице, недалеко от Видинеевского сада (ныне сад им. Сергея Аксакова), где Калмацкие снимали первый этаж старинного деревянного особняка.

Мой дед Александр Андреевич Фадеев являлся большим поклонником искусств, в частности поэзии, хорошо играл на гитаре, пел вполне приличным лирическим тенором романсы и шуточные куплеты. Он уже неоднократно бывал в семье Калмацких, хвастался в обществе тем, что его супруга Вера Николаевна - прекрасная пианистка и стихи читает... «аж до слёз пронзительно». Супруги прихватили с собой домработницу Нюру, которая помогала нести концертное платье Веры Николаевны и саквояж с другими необходимыми аксессуарами.

К сожалению, информацией о семье Калмацких я не располагаю, а сведения о драматических постановках и всевозможных тематических вечерах, которые проводились у них регулярно, черпаю из дневников моей бабушки и рассказов отца и тёти Нины. Любители театра составляли план на ближайшие полгода, два раза в неделю собирались на репетиции и ежемесячно устраивали спектакль-концерт, который могли посетить все желающие. Летом декорациями служил большой фруктовый сад, куда выносили стулья и скамьи, а сама сцена примыкала к чёрному входу дома. Зимой помещение зала расширяли за счёт открытых в соседние комнаты дверей.

Дебют Веры Николаевны у Калмацких прошёл успешно. Она исполнила на рояле несколько произведений Шопена, на два голоса с Александром Андреевичем спела романс на стихи Н. Грекова «Погоди!

Для чего торопиться?» и получила небольшую роль в комедии одного из участников местного драмкружка Николая Снегирёва «Ноев ковчег». Из той, дореволюционной труппы драмкружка на фотографии конца 20-х годов только четверо: в первом ряду в светлом платье моя бабушка Вера Николаевна, во втором ряду: крайняя слева Ксения Глебовна Беркович, второй справа, заложив руку за борт пиджака, сын Леонида Сергеевича - Леонид Леонидович Калмацкий и в последнем ряду слева (анфас) Алексей Алексеевич Беркович - очень умный, образованный человек, артист с широким амплуа, прекрасным баритоном и безупречной дикцией. Алексей Алексеевич был приятелем моего деда, некоторое время они вместе работали в банке.

«Уж ты плачь ли, не плачь...»

После Первой мировой войны семейная жизнь бабушки и дедушки всё чаще омрачалась размолвками. Александр Андреевич то уходил из семьи, то вновь возвращался. Как ни странно объединял их драмкружок, где они успешно соединяли свои таланты пианистки и певца на радость ценителям искусства. С какой-то отчаянной экспрессией исполняли они «Нелюдимо наше море...» на стихи Н. Языкова. У Веры Николаевны глаза в эти минуты блестели искрами дерзкого отчаяния, а у её супруга выступали слёзы умиления.

Репертуар самодеятельного театра составляли небольшие сценки, концертные номера, реже - пьесы А. Островского. Особенным успехом пользовалась комедия «На всякого мудреца довольно простоты», где роль Глумова блестяще исполнял Беркович, гадалку и предсказательницу Манефу - Вера Николаевна, а на роль Машеньки пригласили недавнюю гимназистку Ксению Глебовну. Долгие прогулки после репетиций по ночной Уфе не прошли даром: между Алексеем Алексеевичем и Ксенией завязался роман; вскоре молодые обвенчались.

Тем временем революционные события вносили сумятицу и неопределённость в жизнь россиян. Мой дед, демобилизовавшись в марте 1918 года, надел косоворотку и легко вписался в условия новой жизни. Бабушка категорически не приняла советскую власть, и в конце 1918 года уже с четырьмя детьми пыталась уехать за границу, но в дороге все заболели тифом, двое младших детей умерли. В Уфу вернулись весной 1919 года втроём. В городе Колчаковские войска только что выбили отряды красных. Кругом разруха, голод, перестрелки. Чудом удалось най-

ти жильё у знакомых на улице Бекетовской (ныне ул. Мустая Карима). Вера Николаевна, имея опыт сестры милосердия в годы русско-японской войны, смогла найти работу на фельдшерском пункте, обслуживающим Цыганскую поляну.

«Я помню старый дом»

В начале июня 1919 года в Уфе в очередной раз сменилась власть. Опять началась стрельба, грабежи, проблемы с продуктами. Удивительно, но драмкружок, претерпев кардинальные перемены, продолжил своё существование и при Советах. Пришли новые эстеты, поклонники Муз, а кто-то, увы, навсегда покинул сцену бытия. На улице среди бела дня на Калмацкого-старшего напали грабители, оглушили, забрали чемодан со старинной посудой 18-го века, который он нёс в скупку. Сердце старика не выдержало. А Калмацкий-младший женился на очаровательной Зинаиде Осиповне (на фото она в тёмном платье в первом ряду рядом с Верой Николаевной), сумевшей поднять уровень мастерства самодеятельных актёров на новый, более высокий уровень. Впрочем, и сам драмкружок превратился в театр «ЛеоЗи», по начальным буквам Леонида и Зинаиды Калмацких.

Сменились места жительства наших действующих лиц, их профессии. Неизменным оставались дружеские встречи, репетиции, выступления, которые теперь проходили под ненавязчивым наблюдением соответствующих органов. К визитам молодых людей в полувоенной форме, бесцеремонно входящим в квартиру Калмацких, уже привыкли. Супруги жили в доме на улице Гоголя, где они занимали две большие комнаты и уютный сарайчик, в котором хранились костюмы и примитивные декорации. Это не совсем желанное новоселье отметили супом из лошадиных мослов и крапивы. Вера Николаевна принесла флакон спирта и несколько картофелин. Из закуски на столе были солёные грибы и огурцы. В память о былом каждый из присутствующих исполнял что-либо по своему усмотрению. Леонид Леонидович с ностальгической болью, аккомпанируя себе на гитаре, спел романс «Затворница» на стихи Я. Полонского:

«В одной знакомой улице
Я помню старый дом...»

Всё прошло спокойно, но на следующий день за Калмацким пришли два вооружённых красноармейца и предложили «пройти для дачи

объяснений» в ЧК. «Далеко бежать собрались, гражданин?» - полубо-пытствовал остроносенький мужичок в тужурке. – «Никуда не собираюсь. С чего это вы решили?» Мужичок переложил несколько мелко исписанных листочков из папки ближе к свету лампы. – «Вот, извольте... “Она твердила мне о жизни неизведанной, о дальней стороне... Она, дрожа, шептала мне: "Послушай, убежим!”» - «Помилуйте! Это же стихи Полонского! Романс! Ну, приходите к нам на концерт!» - Леонид Леонидович был просто потрясён глупостью представителя власти, и сознавая трагикомизм ситуации, напел чекисту слова. Цензор почесал кончик носа, сделал пометку на листочке и уточнил: «Полонский-то ваш - эсер?» - «Он умер беспартийным в прошлом веке.»

«Слов забытых дальний ропот...»

Калмацкий с юмором описал своё пребывание в ЧК, но артисты «ЛеоЗи» сделали вывод: нужно быть осторожнее.

6 июня 1924 года, пятница. Эта дата отмечена и в дневнике моей бабушки, и в дневнике её, тогда 18-летней дочери - сестры моего отца - Нины, как «чёрная пятница». На репетицию театра мой дед Александр Андреевич пришёл с молодой женой Валентиной - дамой с внешностью богини, модно, но вульгарно одетой. Молодожёны были веселы, игривы, угощали всех домашним печеньем и леденцами. В перерыве Александр Андреевич сымпровизировал что-то на гитаре, а потом, встав на одно колено и обращаясь к Валентине, прочёл стихотворение Сергея Рафаловича:

«Слов забытых дальний ропот;
Ветра плач в трубе.
Сердца стук, тревожный шёпот
Мыслей о тебе» и так далее.

Вера Николаевна побледнела и отошла к окну. И тут с кресла поднялся мужчина, молча посещающий репетиции уже третью неделю. Оказалось, он до безобразия пьян. Пенсне повисло у него на одном ухе, рубашка неопрятно расстёгнута, и видна волосатая грудь. Он икнул, почесался и, покачиваясь, направился к Александру Андреевичу. Будучи на полголовы выше моего деда, неизвестный гражданин как-то панибратски прихватил его за локоть и что-то зашептал в ухо. «Вы что себе позволяете?!» - Александр Андреевич резко отстранился от него и бросил взгляд на Валентину. Потом, подхватив свою новую супругу под ру-

ку, с оскорблённым видом покинул дом. Воцарилась тишина. Таинственный незнакомец поправил пенсне и совершенно трезвым голосом отрекомендовался: «Фёдор Эмильевич Толле. (На фото он в третьем ряду второй справа). Простите этот маленький спектакль, но мне показалось, что появление гражданина с дамой не слишком строгих правил в приличном обществе - бестактным.» Ксения Глебовна кокетливо поправила свою причёску и несколько наигранно воскликнула: «Ах, господа, простите меня, пожалуйста! Но инкогнито Фёдора Эмильевича я сохраняла по его просьбе. Дело в том, что месяц тому назад вечером, когда я шла на репетицию, за мной увязались двое подозрительных мужчин. Я увидела прилично одетого господина с охапкой сирени в руках и попросила проводить меня. Он любезно согласился. Расставаясь, представился и подарил сирень. Я пригласила его на наши занятия... А дальше вы сами всё знаете. Фёдор Эмильевич тихо сидел в уголке и был самым благодарным зрителем наших творческих затей.»

«Ямщик, не гони лошадей!»

Жизнь частенько преподносит такие закрученные сюжеты, что не снились и писателям приключенческих романов. Мы уже никогда не узнаем, по своей ли инициативе человек с редкой фамилией Толле попал в театр «ЛеоЗи» или же «мужичок в тужурке» поручил приглядывать ему за вольнолюбивыми артистами как более культурному и проницательному сотруднику, дабы не попадать впросак из-за элементарной малограмотности?

Судя по военной выправке, владению иностранными языками и утончённой деликатности, Фёдор Эмильевич был из дворян, но после революции о своём благородном происхождении лучше было забыть. Служил он в отделе НКВД, который впоследствии стал называться научно-техническим. В театре проявил себя в амплуа трагика, великолепно изображал сумасшедших и пьяниц. Но особенно притягательным был образ Толле в жестоких романсах и игре на скрипке. Инструмент в его руках пел, разговаривал, жил какой-то своей, отдельной от музыканта жизнью. Особенно трогательным был момент, когда по окончании концерта, Фёдор Эмильевич с благодарностью целовал деку скрипки и низко склонял голову.

Однако имелся у Толле ещё один интересный пунктик. Он, безусловно, проявлял внимание к Ксении Глебовне. Это ни в коем случае

нельзя было назвать ухаживанием, а тем более навязчивой опекой. Между супругами Беркович существовала редкая гармония, сердечное взаимопонимание и доверие, но... Когда Фёдор Эмильевич басовым баритоном выводил: «Мне некого больше любить; ямщик, не гони лошадей!» и старательно уводил взгляд от сидящей поблизости Ксении Глебовны, она вдруг начинала искать глазами своего супруга и виновато улыбалась.

«Не говори, что сердцу больно»

Как ни странно, но возвращение моего деда Александра Андреевича в «ЛеоЗи» произошло раньше, чем ожидалось. Нет, Валентина больше не сопровождала его на репетиции, но изредка в качестве зрителя приходила на спектакли. Ниночка - любимица отца стала связующим звеном между бывшими супругами Фадеевыми. Ей удалось выстроить прекрасные отношения и с Валентиной - женщиной своенравной, взбалмошной, но хорошей рукодельницей, способной шитьём и вышивкой прокормить себя в трудное время, и с отцом, решившимся на резкий поворот в своей жизни.

Во второй половине 20-х годов Александр Андреевич уже не столь активно принимал участие в жизни театра. Вера Николаевна наоборот, искала утешение в игре, пытаясь прожить на сцене те счастливые моменты, которые не удалось прочувствовать в кутерьме послереволюционных событий.

Репертуар приходилось корректировать, считаясь с определённым политическим моментом. В стране усилилась борьба с контрреволюционными элементами, мещанством, безыдейностью, пошлостью. Мещанством называли всё, что до революции было предметом быта, элементарного удобства: мода, одеколон, начищенные штиблеты, кружевной носовой платочек и даже культура общения.

Разговоры за столом стали менее откровенными, страсти на сцене не столь яркими. Несколько человек театра «ЛеоЗи» просто исчезли из Уфы. Пропадать стали не только отдельные граждане, но и семьи. Както в конце 20-х годов руководитель труппы Калмацкий предложил всем сфотографироваться «на память». Из двадцати трёх человек основного состава пришли только семнадцать. Вскоре, как гром среди ясного неба... Арестовали автора пьес, весельчака-балагура Николая Снегирёва, потом супругов Беркович. Откуда-то стало известно, что два брата

Алексея Алексеевича служили у Колчака и бежали за границу. Концерты прекратились, артисты собирались раз в неделю попить чай, обменяться мнениями. Тягостное ожидание прерывалось празднованием чьих-либо именин, но и эти посиделки проходили, как вспоминала Вера Николаевна, «вполголоса, с болью в сердце».

Последний акт

Как рассказывал впоследствии мой отец, они со старшей сестрой Ниной изредка приходили встречать маму после репетиции. В тот поздний осенний вечер к ним присоединился Фёдор Эмильевич. Моросил мелкий холодный дождь. Толле галантно держал зонт над головой моей бабушки и говорил что-то о превратностях судьбы. «Вера Николаевна, простите меня, но я вынужден предостеречь вас... Вы слишком категорично высказываетесь о ситуации в России, о порядках в городе. Это опасно.» - «Ах, господин Толле! В моём возрасте самая большая опасность - заработать радикулит на холодном ветру. Оставим страхи нашим врагам.» - «И всё-таки... уважаемая Вера Николаевна, будьте благоразумны!»

Кто знает, может именно этот разговор помог Фёдору Эмильевичу принять определённое решение. Прошло несколько дней. Последние листья облетали с деревьев и тревожно шелестели во дворе дома на Бекетовской. Ниночка вышивала, Вера Николаевна что-то писала в дневнике. Раздался робкий стук в окно. Старая домработница Нюра пошла открывать дверь. На пороге стояла укутанная в шаль, продрогшая Ксения Глебовна. «Откуда вы, голубушка?!» - Вера Николаевна бросилась навстречу исхудавшей, полураздетой женщине. - «Меня прислал к вам Фёдор Эмильевич. Сказал, что вам я могу довериться вполне. Спрячьте меня на время.» - «Как вам удалось освободиться? Где Алексей Алексеевич?» - «Алёша расстрелян. Мне помог Толле. В ближайшее время он сделает документы и отправит меня в Баку. Там у него старенькая мать. Больше у него никого нет. Жена и дочь умерли от тифа.» Ксения Глебовна говорила короткими, отрывистыми фразами, словно ей не хватало воздуха.

На следующую ночь опять раздался стук в окно. Вера Николаевна не сразу узнала Толле, скрывавшего лицо под капюшоном. Он привёз документы для Беркович и деньги. «Ксения Глебовна, на улице ждёт пролётка. Немедленно вас доставят к надёжным людям и в ближайшие

дни посадят на поезд. Прощайте!» - «А как же вы?!» - «Мне нужно закончить дела. Я приеду на Рождество. Непременно приеду!»

На другой день Нюра, вернувшись с базара, рассказывала Ниночке, что на Малой Казанской (ныне ул. Свердлова) застрелили какого-то чекиста. Что, дескать, никакой он не чекист оказался, а бывший юнкер, который помог бежать из тюрьмы знакомой барыньке. Его самого арестовывать пришли, он в окно сиганул, убежать хотел, да не успел. Во дворе подстрелили... как куропатку. Бабы ходили смотреть. Тело уже увезли, а на верёвках прострелянные белые простыни сушатся... И всё в кровище!

Нина и мать переглянулись. Вера Николаевна закрыла лицо руками и застонала.

Из дневника моей бабушки: «19 октября 1930 года. Воскресенье. Вечером, не сговариваясь, собралась у Калмацких. На столе жареная картошка с луком, сало, водка. Зинаида Осиповна достала из футляра скрипку Толле, провела рукой по струнам: “А прошлое кажется сном...” Леонид Леонидович взял несколько аккордов на рояле. Вдруг погас свет. Пока искали свечи, кто-то продекламировал Гумилёва:

“Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы - смешные актёры
В театре Господа Бога.”

Странно... я не узнала голос. Зажгли свечи. Все молчали. Только дождь навязчиво стучал в окна.»

Сын своей страны

Приближались Рождественские праздники. Ксения мечтала о кукле, но денег не хватало на еду. Впрочем и продукты питания в 1933 году в Уфе были еще по карточкам. Старшая сестра Анна работала санитаркой в детской больнице, Ксения училась в четвертом классе.

Улица Зенцова утопала в сугробах, несколько дней стояли жгучие морозы с ветром. Аня резко отворила скрипучую дверь дома и, отряхнув в сенях валенки от снега, нырнула в маленькую, жарко натопленную кухню. «Ань, тише! Ребенка разбудишь.» Ксения сидела на сундуке, прижавшись спиной к печке и качала на руках какой-то сверток. Уставшая после работы сестра сбросила шаль, пальто, налила полную кружку чая и захрустела сахаром. И вдруг раздался громкий детский плач. Ксения покосилась на сестру: «Ну, вот... разбудила.» «Что это?!» - Аня застыла с

кружкой в руках. «Так я утром за водой пошла, а возле колонки в тряпочках что-то пищит. Я думала, котята... Развернула, а там ребеночек... Я схватила его, да быстрее домой. Вот, в пеленках записка: “Простите, меня непутевую! Не могу сыночка к себе взять. В людях живу. И кормить его нечем. А зовут его Василием.”»

Аня накинула телогрейку и, громыхая ведрами, помчалась за водой. От калиток к колонке вели извилистые тропки. По пути забежала к старшей сестре моей мамы - тете Вере. У нее был двухгодовалый сын Борис, а недавно родилась дочь Джемма. Объяснив ситуацию, Аня с тетей Верой побежали кормить и купать подкидыша. Когда малыш уснул, решили, что в такие морозы нести его в приют опасно, можно простудить. Василия, к радости Ксении, оставили на ее попечительство, освободив на время от занятий в школе. У тети Веры молока было много, хватало и дочке и приемышу. Вася, словно чувствуя неопределенность своего положения, вел себя тихо и напрасным плачем не докучал. Мальчик оказался здоровым, но с укороченной правой ножкой.

Морозы смягчились, начались метели. Вновь и вновь находились веские причины не отправлять Василия в приют. Соседи всячески помогали сестрам ухаживать за ребенком, делились продуктами. В детской больнице, где работали тетя Вера и Аня, собрали детские принадлежности, помогали с питанием. Ксения прогуливалась с мальчиком на руках у себя во дворе. Она уже научилась ловко пеленать и нянчить свою живую куклу, но мысли о расставании с таким, ставшим уже родным Васькой, приводили ее в уныние. Сестры откладывали этот грустный для них момент, пока тетя Вера не завела разговор сама: «Девочки, вам надо учиться, время тяжелое. Пока ребенок к вам не привык, нужно устраивать его будущее.» Ксения глазами полными слез посмотрела на сестру. Аня покачала головой: «Поздно, Верочка; не отдадим мы Ваську. В детдоме его - хроменького другие дети обижают будут. А с нами он не пропадет. Ксюха вон какая - боевая, ее мальчишки боятся. Как-нибудь выживем. Вы нам лучше помогите документы на мальчика оформить.»

В 1935 году отменили карточную систему, стали открываться продуктовые и галантерейные магазины. Уфа начала застраиваться новыми домами. В 1937 году по улице Ленина пустили первый трамвай. Привычных извозчиков потеснили автомобили. Тихий городок оживили клаксоны таксомоторов. Каждый день происходили какие-то события, и молодежь первыми откликались на субботники, на строительство того

или иного объекта, на старты в лыжных пробегах и участие в агитационных концертах.

Ваську отдали в детский сад, куда его и дочь тети Веры Джемму отводила Анечка. Ксения закончила Школу фабрично-заводского ученичества печатников на базе объединенной типо-литографии «Октябрьский натиск» (ныне «Полиграфкомбинат») и все свое свободное время посвящала воспитанию мальчика. Любимым развлечением детей стал импровизированный кукольный театр, где действующими лицами, точнее - тряпичными куклами были девочка Маша и Серый Волк. Сюжет создавался по ходу действия... Волк всегда оказывался добрым и сильным, он - то помогал Маше собирать хворост для печки, то искал вместе с ней грибы или спасал от грозы.

Ярким событием для маленького Василия стала поездка на трамвае. Уже, будучи старше, мальчик не утратил интереса к технике. Вместе с Борисом они мастерили воздушных змеев, которые в полете издавали протяжный свист или трещали, словно сотня кузнечиков, распугивая местных голубей. Из подручных средств делали самокаты и соревновались в скорости с трамваем.

Васька закончил первый класс, когда началась война. Аня и Ксения работали в госпитале, там же часто и ночевали. Дети посменно жили в семье тети Веры или приходили в госпиталь, помогали ухаживать за ранеными, читали им стихи. Раненые оставляли для ребят гостинцы, рассказывали о своей родине, о местах, где они жили до войны. Так постепенно мальчики познакомились с Кавказом, Дальним Востоком, Сибирью... Занятия в школе часто приходилось пропускать; мужчины ушли на фронт, а женщины большую часть времени проводили на производстве, в госпиталях. Раненые с удовольствием заменяли учителей: кто-то помогал с арифметикой, кто-то увлеченно делился знаниями по истории и географии.

Вечернюю школу Василий Носков закончил в начале 50-х годов, когда уже работал на паровозоремонтном заводе. Сначала хотел пойти на курсы водителей трамвая, но слишком уж короткими показались ему уфимские маршруты. Устроился помощником машиниста на паровоз, объездил весь Советский Союз; в середине 60-х годов женился и обосновался в Новосибирске. Я познакомилась с этим интересным человеком в 2002 году, когда он приезжал на 80-летний юбилей Ксении Николаевны.

Сейчас многие приемные дети ищут своих биологических родителей; нередко Василия Николаевича спрашивают: не пытался ли он искать своих родственников? В ответ - широкая улыбка и категорическое: «Нет. Мне повезло... не умереть на морозе. Но своей жизнью я обязан не только Ксюше и Анечке. Меня воспитывали соседи, друзья, малознакомые фронтовики... Я сын своей страны.»

Епархия тёти Поли

В Уфе первая публичная библиотека открылась 25 марта 1836 года, находилась она в здании Дворянского собрания. Фонд был беден, обстановка весьма скромная. Большею популярностью пользовались частные библиотеки. Но, несмотря на то, что к 1917 году в Уфимской губернии насчитывалось около 340 библиотек, имеющих различный статус, серьёзный подход к развитию и популяризации интеллектуального досуга и общей культуры народа наметился только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда повсеместно началась борьба с безграмотностью. Был издан специальный циркуляр ВЦИК и СНК РСФСР от 18.09.1924 года и постановление ЦК ВКП(б) от 11.11. 1929 года «Об избах-читальнях», которые определяли их основное направление и содержание работы. В первые годы становления Советской власти подобные «читальни» являлись центрами политической пропаганды и культурно-просветительской деятельности.

Одна из старейших

Уфимская библиотека № 1 начала своё существование в Архиерейке на берегу реки Белой в здании Всехсвятской церкви (к сожалению, уничтоженной в 1933 году). Вера Андреевна Федотова, тогда просто Верочка, работавшая в 30-е годы кастеляншей в располагавшейся по соседству детской больнице, была активной читательницей и хорошо помнила доброжелательную библиотекарьшу тётю Полю. Со слов дочери Федотовой Джеммы Петровны, молоденькие санитарки и медсёстры с удовольствием бегали «в церкву за книжками», ведь опытный и деликатный библиотекарь могла не только порекомендовать интересную литературу, поговорить по душам, но и ненавязчиво давала житейские советы.

В тёплые солнечные дни тётя Поля выносила деревянные скамейки на свежий воздух и устраивала чтения вслух. На посиделки собирались

местные жители, приносили с собой большой самовар, блины, яблоки, баранки. Старшее поколение с осуждением воспринимало такое пере-профилирование намоленного места, однако молодёжь потянулась в компанию с энтузиазмом, открывая для себя что-то новое, расширяя горизонты для светлого будущего. Тётя Поля не осуждала верующих, не проповедовала воинствующего атеизма, но всячески старалась на примере литературных героев помочь людям разобраться в данной исторической ситуации и найти своё место в современных условиях.

Фонд библиотеки составляли в основном книги дореволюционного издания. Библиотекарь своими словами передавала сюжет того или иного произведения и неподготовленному читателю было проще ориентироваться в материале. На злобные выпады стариков, недовольных закрытием храма, тётя Поля отвечала стихами:

«Вот за оврагом у моста
Библиотека... Слава Богу,
Народ находит к ней дорогу,
И не совсем она пуста.»

Проповедник добра

Бывало, тётя Поля, положив в саквояж несколько книг, два-три фунта карамели или домашнего печенья, шла в детскую больницу читать в палатах сказки Пушкина или «Записки маленькой гимназистки» Лидии Чарской. Слушать приходили все свободные от работы врачи и служащие больницы. Сама тётя Поля, в своей старомодной длинной юбке и кружевной кофточке напоминала повзрослевшую гимназистку... Толстые косы были уложены на голове высокой короной, лицо бледное, - казалось ещё бледнее от угольной черноты густых волос и больших, карих глаз, словно притенённых длинными ресницами. Закончив чтение, тётя Поля расспрашивала ребят об услышанном, отвечала на их вопросы. Как бы между делом, на листочке бумаги простым карандашом набрасывала портрет кого-либо из детей, и на прощанье дарила рисунок.

30-е годы в России время активной борьбы с религией, с инакомыслящими, с любым проявлением не только симпатии к дореволюционным порядкам и культуре, но и с чисто обывательской грустью о прошлом. Верочка частенько замечала в библиотеке мужчину в военной форме без знаков различия. Он сидел в уголке, читал газету (или делал вид, что читал), изредка посматривая на других читателей. Стал он появ-

ляться и на некоторых мероприятиях, проводимых тётёй Полей. Фамилию этого человека Вера Андреевна запомнила потому, что он оказался её однофамильцем - Федотовым. Когда вдруг отменялись какие-либо тематические встречи-посиделки, все знали: Федотов запретил. Никаких объяснений не давалось, просто - не разрешил и всё.

Три раза в месяц в библиотеке проходили занятия любителей художественной литературы. Тётя Поля делала небольшое сообщение о писателе и его творчестве, читала отрывки из произведений. Периодически проводились викторины и конкурсы. Тётя Поля сама рисовала Грамоты для победителей, а детям в качестве поощрения дарила конфеты, которые покупала на свою скромную зарплату. Джемма Петровна вспоминала леденец-петушок на палочке, который она - пятилетняя девочка получила за выступление на вечере, посвящённом поэзии Пушкина.

«Дворянское гнездо»

Как-то в конце 1932 или 33-го года Верочка с подругой зашли в библиотеку поменять книги. В церкви было холодно, печка-буржуйка не могла согреть большое помещение. Тётя Поля была закутана в пуховую шаль, на ногах валенки. Она что-то быстро писала. Увидев девушек, отложила ручку и поднялась им навстречу. Глаза тётёи Поли покраснели от слёз, но, словно отбросив неприятные мысли, она провела рукой по лицу и смущённая улыбка появилась в уголках её губ. Читательницы не спешили уходить... Перебирали книги, потом уселись на скамью, полистали газеты. Увидев стопки перевязанных верёвочкой книг, заинтересовались: нет ли чего-нибудь нового? – «Нет, - последовал ответ - эти книги... приказали сжечь.» - «Сжечь?!» - хором переспросили девушки. – «Они не соответствуют современной идеологии и, как сказал Федотов, морально устарели.» Тётя Поля зябко потёрла руки, на глазах её выступили слёзы. Едва слышно она прошептала:

«Душа пуста, в уме - ни мысли,
На сердце - странная тоска...
Какие темные нависли
Над нашим домом облака!»

В этот же день «крамольная литература» оказалась в детской больнице, где книги за несколько минут разобрали медработники и больные. У Веры Андреевны долгие годы хранилась хорошо иллюстрированная книжечка «Дворянское гнездо» Ивана Тургенева издание 1899 года.

Как сложилась дальнейшая судьба тёти Поли? Сначала забили досками церковь, где находилась библиотека. Нет! Сначала в детской больнице появился кот Кромвель. Он появился в Крещенские морозы. Принёс его молодой человек, назвавшийся сыном тёти Поли. Попросил позаботиться об их домашнем любимце, так как «маму забрали», а он сам уезжает... А через несколько дней старшую медсестру и завхоза пригласили в качестве понятых в библиотеку, то есть в церковь. Книги были упакованы в коробки, опечатаны. Две керосиновые лампы, деревянные скамьи, столы, печку-буржуйку и чернильный прибор по описи передали моложавой полной женщине, которая держала в руке связку ключей. Федотов и его помощники на санях перевезли «казённое имущество» в просторную избу, которую ещё недавно занимал священник. На заборе наспех прибили доску: «Библиотека». Федотов вытер пот со лба и довольный собой констатировал: «Вот это - настоящая библиотека! А то устроили тут, понимаешь, дворянское гнездо!»

Продолжение истории

И всё-таки... уфимская библиотека № 1 начала свою историю с Всехсвятской церкви. Храм снесли, а библиотека благополучно просуществовала в бывшем доме священника по адресу Местные Дубнячки, 38, ровно тридцать пять лет. В 1955 году заведующей стала Венера Хабибовна Хабибуллина; в 1963 эстафету приняла Мария Иосиповна Зюзько. Именно при ней в 1968 году библиотека получила новое помещение - по улице Шафиева, 6, в котором книжное царство располагается и в настоящее время.

Выяснить имена и фамилии первых библиотекарей, увы, не удалось; не сохранились архивы. До 70-х годов отдел кадров был единым для всех организаций культуры и разделялся только по районам, и даже зарплату библиотекари получали то в каком-нибудь клубе, то в музыкальной школе. Объединение библиотек в единую систему произошло в 1978 году, но сведения о довоенных кадрах в анналы уфимской библиоистории не попали.

«Первая» продолжает культурные традиции, заложенные тётёй Полей. Сменяются библиотекари, совершенствуются технологии... Нынешняя заведующая Лариса Ивановна Вахонина отмечает, что теперь на полках, рядом с классикой, мирно соседствуют воспоминания русских князей, белоэмигрантов, труды марксистов, мемуары известных полити-

ческих и военных деятелей разных лет, и тут же - эпатажные записки киллеров и «светских львиц». Свобода вкуса, свобода выбора.

А мне не даёт покоя образ тёти Поли. По одной строчке стихотворения: «Вот за оврагом у моста...» правнук Веры Андреевны Саша нашёл сведения об их авторе Александре Михайловиче Державине - священнике, богослове, поэте. Судьба этого удивительного человека, родившегося в 1871 году и прожившего трудную, долгую жизнь просветителя и подвижника в период гонения на церковь... достойна внимания и уважения. Безусловно, тётя Поля (Полина, Евлампия, Аполлинария?) знала, чьи стихи она цитировала. Что это было? Сиюминутное настроение? Тихий протест против новой власти? Желание встревожить чью-то душу работой мысли? Или она хотела противопоставить громкой плакатно-кумачовой правде - правду сердца? Тогда... в закрытом храме продолжала жить Вера. Вера в Добро, Милосердие, Вера в человеческую Душу.

Возвращаясь к житейской прозе и к современным библиотекарям с их более чем скромной зарплатой, можно понять, как много общего в их труде с миссионерами, несущими людям радость познания, открывающими новые пути к совершенству личности. У Александра Державина есть стихотворение, которое нельзя назвать шедевром поэтического мастерства, но оно, словно наставление тем, кто выбрал эту благородную профессию, словно благословение на подвижнический путь:

«Когда у вас есть цель святая
В давно обдуманном труде,
Когда работать начиная,
Вы твёрдо верите себе, -
То не нужна ни жизнь другая,
Ни бедность вам уж не страшна:
У вас цела душа живая,
Что дорогих даров полна.»

Стихотворение, как экслибрис, карандашный набросок профиля тёти Поли на страничке библиотечной книги. У нас нет фотографии этой загадочной женщины, мы так и не узнали её судьбу... Ни отчества, ни фамилии... Только Имя и Душа.

«Охота, брат, охота!»

В 30-е годы одна из моих тетушек служила домработницей в семье совнаркомовского чиновника. Хозяин – Григорий Валерьянович – мужчина симпатичный, с легкой сединой и гусарскими усами, был азартным, хотя и не очень удачливым охотником. По воскресеньям за рюмкой водки, он любил посмаковать недавно пережитые им приключения, а заодно посетовать на отсутствие хорошей охотничьей собаки. Впрочем, не было даже и плохонькой.

Однажды Григорий Валерьянович вернулся домой в сопровождении красавца пойнтера по кличке Берта. Как выяснилось позднее, годовалая сука прежде принадлежала известному (если не всей Уфе, то уж Архиерейке – точно!) физкультурнику Диме Поплавку. Дима занимался греблей и плаванием, а Берта сопровождала его, часами не выходя из воды. О том, что собака не имела даже приблизительного понятия об охоте, Григорий Валерьянович как-то не подумал.

Берта, которую стали звать Беби, или просто Душка, полностью завладела сердцами своих новых хозяев. Она валялась на диване, на коврах, ела со стола из специальной мисочки и нежилась на солнышке среди любовно выращиваемых хозяйкой цветов.

Наконец, Ниночка (это моя тетя) получила указание: приготовить охотничье снаряжение. Настоящий английский костюм был великолепен! Шляпа с небольшими полями, темно-коричневая, с многочисленными карманами, куртка, высокие болотные сапоги. В специальном сейфе хранились ружья «Чеко» и «Зауэр» и любимый Григорием Валерьяновичем курковый «Франкот» 12-го калибра. Бодрое настроение хозяина, его пение служили прологом к поездке на охоту.

Вот и в тот день Ниночка старательно уложила всевозможные кулечки и сверточки в рюкзак. Заботливо, предварительно завернув в газету, сунула в боковой карманчик бутылку домашней настойки. Берта в предчувствии длительной прогулки повизгивала и носилась по дому. Григорий Валерьянович тщательно расчесал усы, победоносно глянул на себя в зеркало и легко сбежал с крыльца.

... Первой с охоты вернулась Берта. Хозяин появился через сутки без шляпы, пьяненький, утомленный, но в хорошем настроении. Он рассеянно почесал затылок и, обращаясь к жене, воскликнул: «Представляешь, Душка сорвала с головы мою шляпу, бегала от меня, шалила... Я

це-е-лые сутки гонялся за ней... по лесам, по лугам...» Григорий Валерьянович икнул, сел на крыльцо и стал снимать сапоги. Хозяйка сре-зала в саду цветы и с удивлением заметила: «Но Берта вернулась еще вчера. Я так волновалась за тебя!» Супруг хотел что-то объяснить, но в калитку ворвался запыхавшийся дворник: «Ох, Григорий Валерьянович! Всю дорогу за вами бежал... Софья Павловна ... догнать вас велела... Вы ведь шляпу у нее забыли...»

Ключи от дома

«Дети войны и веет холодом,
дети войны и пахнет голодом,
дети войны и дыбом волосы,
на челках детских седые волосы...
Дети войны - боль отчаянна,
и сколько надо им минут молчания?!»
Людмила Голодяевская.

Своими воспоминаниями о первых месяцах Великой Отечественной войны Евгения Петровна Кунцевич поделилась с моей мамой еще в середине 80-х годов, когда они случайно встретились после долгих лет разлуки. Когда-то до войны они жили по соседству на улице Зенцова. 8-11-летняя Женечка прибежала в дом, где жила моя будущая мама, чтобы поиграть с её племянниками. Война раскидала людей по всей большой стране. Женечка, или, как её тогда звали, Жека, вместе со своим младшим братом Гришей и тетей Надей отправились в начале июня 1941 года в Минск. Муж тети Нади был кадровым военным, он предложил своим уфимским родственникам отправить детей вместе с его дочерью Яной в пионерский лагерь.

Каникулы 41-го

Детский лагерь «Городище» располагался под Минском. Май-июнь 1941 года были очень холодные. Черёмуха и сирень расцвели только в начале лета. Едва ребята обустроились, успели один раз искупаться, а через два дня - война. Яна была уже старшеклассницей, она взялась опекать юных уфимцев, помогала им собраться в дорогу. Детям

выдали наволочки, в которые насыпали крупу, сахар, раздавали консервы, печенье, конфеты.

Поезда спешно эвакуировали детей, женщин, раненых в глубь Советского Союза, а с неба пикировали фашистские самолеты и сбрасывали на вагоны бомбы. Очередная бомба попала в середину состава, вагоны перевернулись, пассажиры бросились к ближайшему лесу, но летчики из пулеметов расстреливали бегущих. Крики раненых сливались в сплошной вой, перекрываемый рёвом авиационных двигателей и грохотом от разрывов снарядов. Взрослые пытались прикрыть детей своим телом. Вдруг Жека услышала душераздирающий крик Гриши. Мальчику выше локтя оторвало правую руку. Яна замерла с широко раскрытыми глазами, но потом быстро сдернула с себя платок и туго перевязала рану, чтобы остановить кровь. Женщины подхватили Гришу на руки и побежали к опушке. Кругом уже лежали мертвые тела, пахло кровью и ... черёмухой. В лесу люди пытались хоть как-то похоронить своих близких; молодой парень - студент мединститута делал нуждающимся перевязки. Гриша был уже без сознания, когда подъехали несколько машин и тяжелораненых стали грузить в кузов.

Жека держала в руках какой-то предмет, завернутый в лопухи, и покачивала его, как ребенка. «Что это у тебя?» - спросила Яна. «Гришина рука. Её надо похоронить.» Яна побледнела, торопливо положила сверток возле цветущей черёмухи и закидала землей, сделав небольшой холмик.

Несколько дней дети провели в больнице ближайшего поселка, но немцы продвигались быстро и вскоре на окраине показались вражеские танки. Женщина-главврач оставила на тумбочке возле Гриши несколько карамелек и буханку хлеба, места для раненого мальчика в отъезжающих автомобилях не нашлось. В первую очередь спасали раненых офицеров и солдат.

Доктор Густав

Вскоре возле больницы притормозил легковой автомобиль, из него вышел стройный немецкий офицер с саквояжем и небольшой изящной шкатулкой под мышкой. Его сопровождали два автоматчика и старый, седой мужчина в военной форме без знаков различия. Они, как по команде, отряхнули с себя пыль и направились в здание, где на подоконнике, прижав носы к стеклу, сидели Яна и Жека. Неожиданно из кабине-

та сестры-хозяйки раздались выстрелы. В ответ прозвучали очереди из автоматов, и через пару минут всё стихло. Дверь, где находились дети, открылась: на пороге стоял немецкий офицер. Он цепким взглядом окинул палату, одиноко лежащего на койке ребенка и обратился к девочкам на ломаном русском языке: «Что вы здесь делаете?» «Наш братишка ранен. Ему недавно операцию сделали.» Мужчина открыл свой саквояж, надел белый халат, протер руки спиртом и приподнял одеяло. Кулья с окровавленными бинтами смутила офицера. Он обратился к седому, о чем-то попросил его, а потом подошел к Яне. «Меня зовут Густав. Я врач. Твоему брату нужно сделать перевязку. Я осмотрю его в операционной.» Девочки молча кивнули. «Только вы не уходите, будете ухаживать за своим братом, а также мыть полы. Сейчас сюда привезут раненых.»

Первые страхи прошли, девочки успевали наводить порядок в палатах, кормить тяжелораненых, получая за свой труд завтрак, обед и ужин. Раненые тоже старались угостить сестричек чем-нибудь вкусным, дарили забавные самоделки-безделушки. Гриша шел на поправку, начал улыбаться, а старый фельдшер учил мальчика рисовать левой рукой.

Палаты были переполнены ранеными. Гриша лежал в коридоре, возле веранды, девочки ночевали во дворе на обшарпанном диване под навесом из брезента.

Когда казалось, что самое страшное миновало, в госпитале начался тиф. Несмотря на предпринимаемые меры, люди стали умирать не только от ран, но и от болезни. Врачи и санитары сбивались с ног, не всем хватало лекарств, калорийного питания. Заболели и Гриша с Яной. Жека большую часть времени проводила с санитарями, собирая лечебные травы и ягоды, помогала запасать дрова. Однажды Жека пыталась достать занозу из ладошки. Возле нее остановился Густав. Он взял девочку за руку и повел в свой кабинет. Пинцетом аккуратно подцепил занозу, ранку обработал йодом и усадил Жеку в кресло. Затем немец достал фотоаппарат и, загадочно улыбнувшись, направил объектив на свою пациентку.

Прошло несколько дней. Жека, сидя на пенке, уплетала кашу, когда запахнулось окно, и Густав поманил девочку к себе: «Зайди! Я покажу тебе фокус.» Жека облизала ложку и помчалась по коридору к знакомой двери. На столе лежала фотография слегка озадаченной Женьки. «Это я?!» «Ты. А теперь посмотри сюда.» Густав повернул маленький ключик в своей походной шкатулке и достал несколько снимков с изо-

бражением девочки в белом кружевном платье. Жека была потрясена! Она увидела ... точную копию себя, с такой же, как и сейчас, короткой стрижкой, с тем же удивленным изломом левой брови и пухлыми губами. Доктор остался доволен произведенным эффектом! Он посадил Жеку себе на колени и стал рассказывать об Анне - о своей дочери, которая оказалась так похожа на русскую Женю. Когда познания Густава в русском языке закончились, он перешел на немецкий. Его лицо светилось, глаза горели, он читал какие-то стихи, потом стал напевать тихую песенку... Жека не понимала слов, но ей стало спокойно, как в мирное время, и она уснула.

Прощание

Жеку долгое время не пускали к Грише и Яне. Наконец, Густав сам позвал девочку за собой. Они спустились в подвал, где на старом сундуке лежал Гриша. Немец удержал Женю возле себя. «Он умер. Ему не хватило сил...» «А Яна?!» - крикнула Жека и вцепилась обеими руками в халат Густава. «Успокойся, маленькая, Яна будет жить. Ей уже лучше. Она была пациенткой моего учителя - доктора Альфреда. Это замечательный специалист!»

Яна попыталась встать, но Густав не позволил ей. Девушка обессилено опустилась на подушку. Наголо стриженная голова, бледное лицо... Жека едва узнала свою кузину. Густав присел на табурет и склонился к Яне: «Через неделю ты будешь ходить, а пока потерпи... Вот тебе витамины. Я распоряджусь, чтобы тебе увеличили порции еды. Ты веришь в Бога?» «Нет!» «А это что?» - Густав осторожно потянул черный шнурок на шее Яны. «Ключи. Ключи от дома. Большой от квартиры, а маленький от сарайчика... Там коза живет и куры. Мы из Минска.» Тонкие пальцы доктора скользнули по худым ключицам больной: «Поправляйся скорее! Вам нельзя здесь оставаться.»

И вот настал день, когда сестрички в сопровождении Густава сели в автомобиль. Проехав несколько километров, их спаситель вышел из машины. Он передал Яне мешок: «Тут галеты, тушенка, немного картошки, шоколад, кое-какие медикаменты. Идите по этой дороге... На пути будут деревни, где остались местные жители. Поживете у них или будете пробираться к Минску... сами решите.» Доктор вздохнул, погладил Женю по голове: «Запомните, вы - девочки рослые, высокие - таких от-

правляют на работы в Германию. Увидите военных, прячьтесь, где придется. Да поможет вам Бог!»

Когда пыль от автомобиля рассеялась, Яна и Жека бросились в объятия друг друга. Им казалось, что худшее они уже пережили, но впереди их ждали сгоревшие деревни, голод, опасности...

Уже наступал вечер, когда юные странницы вышли к околице большого села. Впрочем, домов почти не осталось, кругом пепелище и закопченные печи... Девочки брели по свежей, вскопанной земле. Кругом тишина, даже птиц не слышно.

Встреча

Остановились и вдруг заметили, что земля у них под ногами шевелится... Присмотревшись, сестры обнаружили присыпанные землей детские ноги, руки... Жека ойкнула и тихо присела. С горы к девочкам бежал парнишка... худой, в заплатанных штанах, в широкой рубахе, подпоясанный веревочкой. В руках у него была лопата и корзина, прикрытая лопухами. Не обращая внимания на незнакомок, мальчишка отчаянно заработал лопатой. Через несколько минут перед глазами девочек предстала жуткая картина: в яме друг на друге лежали тела женщин, детей, стариков... Яна бросилась помогать раскапывать людей, но большинство были уже мертвы или находились в агонии. Увидев длинные русые волосы, парень застонал и стал вытаскивать труп юной девушки на поверхность. «Машунька, сестричка, не умирай! Мамка тебе платье голубое сшила! Как ты хотела... с оборками», - детская фигурка вздрагивала от рыданий, парнишка вытирал рукавом кровь, залившую лицо погибшей. Яна помогла перенести труп на кладбище, которое находилось в нескольких метрах от этой братской могилы.

Сумерки почти полностью накрыли землю, когда сестры, сопровождаемые новым знакомым, подошли к хутору, затерянному в лесу. Их встретила высокая, смуглая женщина в темной одежде и в черном платке. Она ни сколько не удивилась гостям, только уточнила: «Беженцы? А идете куда? Как звать?» Пока девочки рассказывали свою историю, мальчик приоткрыл лопухи и достал из корзины кошку с перебитыми задними лапами. Сделав из щепок шины, он тряпками ловко перебинтовал сломанные кошачьи лапки, а затем плеснул в блюдце молока. Лучина слабо освещала избу. Яна угостила хозяев тушенкой и галетами. Всем

троим женщина налила по стакану молока, постелила старый полушубок на полу, и Яна с Жекой, обнявшись, вскоре заснули.

Яна проснулась с первыми лучами солнца, сладко потянулась, взглянула на Жеку и тут же закрыла рот рукой: за ночь одиннадцатилетняя девочка стала седой. Зеркал в доме не было, поэтому Жека не сразу поняла, как изменился цвет её волос. Только после стрижки она увидела на полу обрезанные концы белых волос и обратилась к тете Тоне с вопросом: «Я стала старенькой?»

Долгое возвращение

Тетя Тоня и её сын Кеша уговорили сестер не спешить с возвращением в Минск. Город с 28 июня был оккупирован войсками вермахта, там находились штабы полевых комендатур, жандармерия, местная полиция, а также отделы разведок. Проникнуть в Минск без документов было практически невозможно. Мама Яны работала медсестрой в городской больнице; где в первые дни войны находился отец, дочь не могла даже предположить.

Первая зима прошла почти без происшествий. Изредка приезжали полицейские и рота автоматчиков в поисках каких-либо продуктов. Тете Тоне удавалось откупиться от назойливых вымогателей яйцами, самогонном, овощами, не брезговали фашистские холуи и старыми вещами. О существовании беженков на хуторе никто не догадывался, а Яна и Жека научились быстро прятаться на чердаке. Весной пьяные полицаи забрали у тети Тони единственную корову, переловили кур, семья начала голодать. Выручала появившаяся зелень, ягоды, грибы, крапива... В доме стоял чугунок теплой крапивы, можно было похлебать, но такой суп сытости не давал.

У Жеки от слабости кружилась голова, появилась апатия. Девочка часами лежала неподвижно на солнышке, а Яна читала ей детские книжки, учебники Кеша. «Почитай про еду!» - просила Жека, и сестры, в который раз, перечитывали главу гоголевских «Мертвых душ», где подробно описывались яства на столе помещика Собакевича. Тетя Тоня, уткнувшись в платок, тихо плакала. А вечером... на столе появились маленькие, тоненькие котлетки. Давно забытая еда была с душистым перцем, с добавлением каких-то ароматных трав. Дети сели за стол и долго не решались съесть это сказочное чудо. Наконец, Жека осторожно отломил крохотный кусочек, её примеру последовала Яна. Кеша разделил

свою котлетку на три части: матери и девочкам, сам же попил травяной чай и, обращаясь к матери, прошептал: «Ну, не могу я...» Женщина горестно вздохнула: «Война, сынок». Яна уже доела свою порцию, когда поняла, откуда взялось это мясо. Она вышла в коридор и заглянула в закуток, где обычно спала кошка. Её там не было. «Жеке не говори. Она расстроится», - тихо произнес Кеша и выскользнул на улицу.

В конце сентября Кеша принес мешок картошки, соль, кусок сала, сухари... и листовки. Про листовки знали только он и Яна. В окрестных лесах стали формироваться партизанские отряды. В школе Яна занималась в спортивных секциях, имела разряды по бегу и лыжным гонкам; эти навыки, выносливость оченьгодились, когда её стали использовать в качестве связной. На следующий год к сестре подключилась и Жека. Девочкам сделали документы, они ходили по деревням, рассказывая, что ищут своих родственников, а на самом деле наблюдали за происходящим, вели разведку, распространяли листовки.

3 июля 1944 года Минск был освобожден от немецких захватчиков, а в начале августа по улицам разрушенного города шагали две девушки в выцветших от солнца платьях, в тяжелых кирзовых сапогах, с рюкзаками за плечами. Они шли, не узнавая улиц, на которых почти не осталось целых домов, не зная о судьбе своих родных и близких. Они шагали в направлении Немигской улицы, туда, где до войны жила семья Яны. «Смотри, Жека, наш дом!» - Яна уже бежала, схватив сестру за руку. Перед их глазами были три полуразрушенные стены, двухэтажного здания старинной постройки. Можно было свободно пройти вовнутрь, используя отсутствующую стену, но Яна, войдя в подъезд, остановилась перед массивной дверью на первом этаже. Сбросив рюкзак, девушка сняла с шеи шнурок с ключами и осторожно открыла замок. Они вошли, взявшись за руки... Среди битого кирпича, искореженных железных кроватей, покрытых слоем пыли, осколков посуды, досок, сидел большой плюшевый медведь. Яна и Жека упали перед ним на колени, обняли, как живое существо, и заплакали: «Мишка, мишутка, медведик, мы вернулись! Мы дома!»

Впереди были еще девять месяцев войны, но для этих двух девочек их война закончилась. Они вернулись домой.

По законам военного времени

Великая Отечественная война для уфимцев, также как и для всех граждан Советского Союза, началась с речи Молотова и очередей в военкоматы. За несколько недель с полок продовольственных магазинов исчезли стратегически важные товары, люди старались сделать хоть какие-то запасы. Уфа перестраивалась на военные рельсы: здания школ, других учебных заведений переоборудовали под госпитали, готовились принимать раненых. В столице Башкирии действовало двадцать госпиталей.

«Экспроприация» и мобилизация

Утром 22 июня 1941 года моя, тогда ещё будущая, мама - Симочка Окунева спешила на улицу Пушкина в роддом навестить старшую сестру. Накануне у той появился на свет сын. Весть о войне быстро облетела город, и народ обсуждал эту тему в магазинах, на улицах, в больницах. Притихли детские голоса, посуровели лица взрослых. Прозвучали слова о бомбёжках. Мальчишки с энтузиазмом стали готовиться к военной службе.

Мало кто знает, что в действующую армию мобилизовывали не только людей, но и животных: собак - в качестве связистов, миноискателей, подрывников танков, перевозчиков раненых. Мобилизации подлежали лошади, личные автомобили, мотоциклы. К младшему брату моей мамы Виктору пришли трое военных в форме НКВД и забрали из его голубятни несколько птиц. Парнишка был ужасно расстроен, и тогда старший офицер переложил документы из полевой сумки в портфель и подарил Виктору свой новенький кожаный планшет.

Осенью 1941 года большинство старшеклассников так и не сели за парты; одни, прибавив себе возраст, ушли на войну, другие, заменив своих отцов и старших братьев, призванных на фронт, встали к заводским станкам. И взрослые, и дети старались внести посильный вклад в приближение победы. Но недаром существует в народе поговорка: кому - война, а кому - мать родна. В Уфе орудовали воры-домушники. Тащили всё, что под руку попадётся. В военное время катастрофически не хватало самого необходимого: хлеба, мыла, обуви, тёплых вещей. На базар несли золотые украшения, книги, старые пальто, сапоги, новые ши-

нели, лекарства и даже холодное и огнестрельное оружие, в общем всё, что можно было продать или обменять на еду.

Моя мама рассказывала, что пришлось пережить ей, двум её сёстрам и их матери, когда, возвратившись домой на улицу Зенцова из госпиталя, где они работали, обнаружилось разбитое окно и открытая дверь, через которые воры вынесли всё... мебель, зимнюю одежду, продукты. Был конец октября, начинались холода. Семью в какой-то мере спасло то, что продуктовые карточки воры не нашли, а из одежды уцелели три юбки и два шерстяных платья, которые мамина мама брала с собой постирать в прачечной. Положив узел с выстиранной одеждой на пол, женщины поплакали, вскипятили воду в старом тазу и, одолжив у соседки кружки, попили чай со зверобоем. Кое-чем из одежды поделилась старшая мамина сестра, которая жила поблизости. Однако, когда начались морозы, лёгкая одежонка помогала плохо.

В госпитале

Жизнь в госпитале, словно жизнь всей страны в миниатюре: радость от долгожданных писем, тяжёлые операции, демонстрации фильмов, концерты профессиональных артистов и выступления школьников, неожиданные романы и извещения о гибели близких.

Эвакуационные госпитали № 1019 и 5913, где работала моя мама и её сёстры, располагались в зданиях бывшей Совбольницы, ныне Республиканской клинической больницы имени Г. Куватова на улице Достоевского и на Карла Маркса, 15. В госпиталях не хватало медицинского персонала, медсёстрам частенько приходилось ночевать на работе, чем и пользовалась моя мама. Свою телогрейку она отдала младшей сестре, с которой по очереди носили мужскую каракулеву шапку с одним ухом и валенки. Когда термометр опускался ниже отметки 30 градусов, приходилось просить у сестры-хозяйки ватное одеяло и заворачиваться в него, как в плащ-палатку.

Несмотря на то, что до 1943 года военнослужащими в госпиталях были только начальник и комиссар, а остальные сотрудники, включая врачей, медсестёр и санитарок - вольнонаёмными, для всех регулярно проходили учения в Алкино. Тренировались в стрельбе из винтовки, учились кидать гранаты, оперативно эвакуировать условно-раненных, оказывать первую помощь, делать перевязки.

Серафима перед самой войной с отличием окончила курсы медсестёр. Её на некоторое время оставили в госпитале, но старательная девушка прекрасно зарекомендовала себя в качестве операционной сестры и военврач второго ранга Г.Г. Флейшер обеспечил ей бронь до конца войны. Впрочем, особого разделения труда в госпитале не существовало. По очереди медсёстры и санитарки ездили на железнодорожный вокзал встречать эшелоны с ранеными. Сначала эвакуировали тяжелораненых, затем остальных. Уже в госпитале происходила санобработка людей, их одежды, помывка и первичная обработка ран или непосредственно - операция. Вот об истории санобработки и бани для раненых мама вспоминала с грустной улыбкой.

Русалочья работа

В целях экономии дров помывочную - небольшую специальную комнату хорошо протапливали. Большинство прибывших фронтовиков плохо передвигались, бинты присыхали к ранам, у кого-то были вши, раненые истощены и ослаблены потерей крови. В санпропускнике их обслуживали десятки девушек... совершенно голых, в одних клеёнчатых фартуках (одежда быстро сгнивала от сырости, а в годы войны приобрести лишний комплект белья или платье - дорого и почти невозможно).

Мама признавалась, что поначалу она не снимала длинную рубаху, но через несколько дней одежда превратилась в рваную тряпку и ... пришлось «стать русалкой». Девушки быстро брили заросших красноармейцев, усаживали в небольшие тазы или ванночки и отпаривали от многодневной грязи. В процессе обслуживания среди стонов и мата слышались и шуточки. Особенно острой на язык была циркачка Расима - толи крымская татарка, толи узбечка. В уфимском госпитале она оказалась с раненым отцом. Поезд с московскими артистами попал под бомбёжку, у Расимы погибли два брата циркачи-вольтижировщики, а отец и сама девушка получили осколочные ранения и контузию. Трудолюбивая артистка, едва поправившись, начала помогать санитаркам ухаживать за тяжелоранеными, в свободное время устраивала концерты: изображала пантомиму, танцевала индийские танцы. В бане, чтобы как-то прикрыться, она распускала свои длинные вьющиеся волосы и невольно смущала естественной красотой и грациозностью уставших от тягот войны мужчин.

Особой симпатией у Расимы пользовался высоченный грек с большими карими глазами. Он получил тяжёлое ранение плеча, задето лёгкое, а также перелом бедра. У грека было какое-то сложное имя, но все звали его по-русски, Вася. Он служил в полковой разведке и уже за первые месяцы войны имел несколько медалей. Несмотря на сильные боли, разведчик не унывал, рассказывал всякие байки и даже изредка пел весёлые, плясовые песни. А бывало, Вася просил: «Расима, почитай нам книжку. Садись сюда на стул. Только волосы по плечам распусти, мы будем на тебя любоваться.» Читали «Овода», главы из «Войны и мира», стихи современных поэтов.

Немецкий журнал

Когда Василий выписывался, он подарил Расиме «на память» складное зеркальце и красиво иллюстрированный немецкий журнал. В журнале были портреты Гитлера, министра пропаганды Геббельса, модные фасоны платьев, причёсок, рецепты домашних тортов и фотографии пленённых советских солдат. Журнал ходил по рукам. Большинство раненых никогда не видели портреты руководства Третьего рейха. Правда, на снимках у главарей-фашистов были выколоты глаза и пририсованы рожки, но в целом вполне можно было составить впечатление.

По воспоминаниям моей мамы, она поливала цветы в палате выздоравливающих, когда в коридоре раздался душераздирающий крик: «Володечка?! Сынок!!!» Мама и несколько раненых побежали смотреть, что случилось. Дежурная медсестра Валя среди пленных солдат на фотографии узнала своего младшего сына. Парня - совсем юного, в окровавленной гимнастёрке, едва живого поддерживал пожилой красноармеец. Тонкая струйка крови стекала от виска к подбородку с ямочкой. Рядом стоял немец, который за волосы приподнял голову Володи, и с самодовольной улыбкой позировал фотографу. Безутешную мать успокаивали, как могли: сделали укол, дали нашатырки понюхать. Санитарки шептались: «Бедняжка, на прошлой неделе похоронку получила... на старшего.»

Расиму разбудили в шесть утра. Возле неё стоял комиссар госпиталя и представитель НКВД. «Это ваш журнал? Пройдёмте!» Часом раньше на «воронке» почти в бессознательном состоянии увезли Валю.

P.S. Расима вернулась в госпиталь через месяц... тихая, с потухшим взглядом; продолжила работать санитаркой. Её отец, подлечившись,

устроился конюхом, возил дрова, продукты до конца войны. В госпиталь за вещами Валентины пришёл её отец - полуслепой старик, которого сопровождал соседский мальчик. На вопрос: «Что с Вале́й?» Он еле слышно прошептал: «Померла на допросе. Сердце не выдержало.»

Дожить до Победы

Что такое блокада Ленинграда, я знала уже в семь лет. Моя крёстная рассказывала мне о своей двоюродной сестре Зинаиде Михайловне Коршиковой, которая с семьёй проживала в этом славном городе.

Когда в 1937 году мужа тётки Зи́ны - военного инженера-строителя Георгия Павловича направили в северную столицу, радости у всех не было предела. Во-первых, семье предоставили двухкомнатную квартиру со всеми удобствами (в Уфе они жили в бараке), во-вторых, для дочери - Леночки можно было найти хорошего музыкального педагога. А в-третьих, наша семья стала получать бандероли с интересными книгами и фотографии старинных архитектурных памятников Ленинграда.

Вскоре, в том же 1937 году в семье Коршиковых родился сын Сергей. Георгий Павлович часто ездил по командировкам, бывал и в Уфе. Мой отец и крёстная заранее готовились к встрече с ним, собирали посылки: мёд, шерстяные носки, самодельные мягкие игрушки, вышитые салфетки, скатерти. Из Ленинграда привозили посуду (в Уфе тогда выбор был невелик), книги, изредка пряжу для вязания.

Полная солонка... хлеба

Тётя Зина работала чертёжницей на заводе. Когда пришло время выходить из декретного отпуска на работу, нянчиться с внуком приехала мама Георгия Павловича - Виктория Константиновна. Педагог с большим стажем, она приняла на себя обязанности экономки и няньки одновременно. В просторной квартире на проспекте 25-го Октября (ныне пр. Невский) места хватало всем.

Когда началась Великая Отечественная война, Георгий Павлович перешёл на военное положение и дома появлялся очень редко. Зинаида Михайловна работала в госпитале. Карточки на продукты ввели уже с сентября 1941 года. Но была надежда на эвакуацию. То, что семья продержалась первые месяцы войны без особых затруднений, заслуга бабушки - Виктории Константиновны. Она успела запастись крупами,

консервами, засушила сухарей; гуляя с детьми в парке, собирала целебные травы.

Эвакуация по разным причинам откладывалась. Первая блокадная зима словно испытывала людей на прочность; морозы стояли жестокие - около тридцати градусов. Обстрелы города превратили жизнь ленинградцев в настоящий ад. Население начало вымирать от голода, холода, бомбёжек. Очень скоро более-менее ценные вещи Коршиковым пришлось обменять на продукты. Не хватало дров... Стали жечь мебель, книги. Тётя Зина рассказывала, что самое страшное началось тогда, когда заболела Виктория Константиновна. Бабушка делила свои 125 гр хлеба на три части: Серёже, Леночке и себе. Зинаида Михайловна прибегала домой через два-три дня, оставляла кое-какие продукты и снова шла на дежурство в госпиталь.

Старинную посуду обменяли на продукты в первую очередь. От большого германского обеденного сервиза на двенадцать персон осталась только маленькая изящная солонка в виде корзиночки с двумя отделениями. Виктория Константиновна делила порции хлеба (дети и иждивенцы в самый тяжёлый период блокады Ленинграда получали по 125 гр) на завтрак, обед и ужин. Эти миниатюрные кусочки для 12-летней Лены и 4-летнего Серёжи она аккуратно укладывала в солонку. К определённом часу кипятили большой самовар, заваривали смесь трав ромашки и мяты (потом пили уже только горячую воду) и все усаживались за стол. Лена, чисто символически, получала на несколько больших крошек больше Серёжи; этот дополнительный «паёк» полагался ей за то, что она каждый день ходила за водой. По пути девочка собирала щепки, а если подвернётся удобный случай, залазила в разбитые дома и привозила на санках стул, стопочку книг, детские игрушки.

Серёжа очень рано научился считать, читать по слогам, но больше всего ребёнка интересовали часы. Он точно знал, когда в солонке появятся заветные кусочки, и внимательно следил за стрелками. Настоящим праздником было появление отца или посылка от него, переданная через сослуживцев. Банку тушёнки растягивали на неделю, варили бульон. А Серёжа с восторгом вспоминал, что «хлеба было полная солонка!»

Находки и потери

С февраля 1942 года порции хлеба были увеличены. Однако, для людей, ослабленных голодом и болезнями, это мало помогало. Виктория

Константиновна уже не могла ходить. Зинаида Михайловна так уставала в госпитале, что на дорогу домой и обратно у неё не хватало сил. Лена сама навещала маму. Иногда её сопровождал Серёжа. Уже в конце апреля, когда Лена искала что-нибудь на дрова, в разрушенном доме она увидела старинный живописный портрет девочки со светлыми кудрявыми волосами, в розовом платье с куклой в руках. Лену заинтересовала не только реалистичное, в рост, изображение, но и массивная деревянная рама. Пока девочка размышляла, как ей дотащить такое богатство до дома, Серёжа нашёл маленький чёрный мячик, которым дети когда-то играли в лапту. Тем временем Лена перевязала портрет верёвками и взвалила себе на спину. Серёжа сзади помогал сестре нести сокровище. Через каждые 100-120 метров дети останавливались и отдыхали. Серёжа успевал несколько раз подбросить мячик, но голова у него начинала кружиться и он садился на корточки. И всё-таки, радость ребёнка требовала выхода, он торопился сообщить бабушке об удачных находках и первым поспешил в подъезд. Когда Лена со своей ношей добралась до четвёртого этажа, Серёжа сидел на ступеньке возле дверей квартиры. Спиной он прислонился к стенке, прижимая мячик к груди. Мальчик был мёртв. Не выдержало сердце.

В конце мая умерла бабушка. В сентябре пришло извещение о гибели Георгия Павловича. Лена перебралась к маме в госпиталь, где они и встретили тот счастливый день - 27 января 1944 года, когда полностью была снята блокада Ленинграда.

Испытание

Что такое «полная солонка хлеба», я узнала в 1964 году. Тётя Зина и моя крёстная не виделись с 1937 года. После долгой переписки, мы прибыли в Ленинград. Зинаида Михайловна жила всё в той же квартире на Невском проспекте, в которой сохранились некоторые старые вещи. Портрет неизвестного художника «Девочка с куклой» висел в зале. После войны для него заказали новую раму. Увидела я и ту самую солонку-корзинку, в которую бабушка Виктория Константиновна выкладывала порции блокадного хлеба. 12-сантиметровая фарфоровая вещь вмещала в каждую половинку не больше 70 грамм хлеба. «А ты могла бы хотя бы сутки на таком пайке продержаться?» - спросил меня мой одиннадцатилетний кузен Серёжа - сын Лены. «Угу, - не очень уверенно ответила я. - А хлеб с чем?» - «Ни с чем. Просто хлеб и вода. Я выдержал це-

лые сутки. Вот, у бабули спроси.» Самолюбие восьмилетнего ребёнка взвырвало, и я согласилась на испытание. Серёжа, как галантный кавалер, из чувства солидарности решил поддержать меня. Тётя Зина аккуратно поделила на двоих маленький кусочек чёрного хлеба и положила в солонку. Обед с такой же порцией ждал нас через четыре часа. Да! Время нам отсчитывали те же довоенные часы, по которым ориентировались Леночка и её брат Серёжа. Первое время, заигравшись, мы не особо наблюдали за стрелками, но голодные желудки напоминали о себе громким урчанием. Часа через два в солонке оказались четыре изюминки. Это тётя Лена решила нас порадовать. Вторая и третья порция хлеба прошли для наших молодых организмов как-то совершенно незаметно. Правда, на ночь нам милостиво позволили выпить по стакану слегка подслащённого чая.

Утром мы проснулись от бравурного марша, который наигрывала на рояле тётя Лена. Нас с Серёжей поздравили с успешным завершением испытания. А на столе всех ждал полноценный завтрак: манная каша, сыр, масло и белый хлеб.

Дорога жизни

С 70-х годов в Ленинграде стали проводить зимний лёгкоатлетический марафон, посвящённый очередной годовщине прорыва блокады. Тётя Лена, выйдя на пенсию, занялась оздоровительным бегом и почти каждый год принимала участие в этих соревнованиях на дистанции 5 или 10 км. Женщины тогда ещё не бегали более длинные дистанции, но за рубежом некоторые представительницы прекрасного пола уже успешно покоряли классические 42 км 195 м. Занимаясь лыжными гонками, я неоднократно преодолевала 30-километровую дистанцию, поэтому переключиться на длительный бег по асфальту для меня особого труда не составило.

Тётя Лена в письмах подробно рассказывала о трассе, по которой проходит марафон (от Ладожского озера в сторону Ленинграда), о том, что погода в конце января обычно не холодная («Уж такие морозы, как у вас в Башкирии, у нас редкость!»). Таким образом, морально подготовленная и воодушевлённая предстоящей летней Московской олимпиадой, я в январе 1980 года приехала в Ленинград покорять (для начала!) полумарафон - 21 км. Мороз - 28-30 градусов держался уже несколько дней. Блокадники вспоминали первую военную зиму, с лютыми морозами, го-

лодом, налётами вражеской авиации... Были блокадники и среди участников марафона. И вдруг... организаторы соревнований и судейская коллегия «в связи с погодными условиями» решили сократить 42 км до 30 км, а другие дистанции оставили на выбор участников.

Тётя Лена - человек смелый и даже отчаянный, поэтому, мою авантюру - бежать 30 км, а не 21, как я планировала, («Подумаешь, ещё 9 км!») поддержала. Отговаривать попытался Сергей. Но тот факт, что именно он в качестве дежурного врача на машине «Скорой помощи» будет обслуживать это спортивное мероприятие, и укрепило меня в решении стартовать на «тридцатку».

О той трассе, о моей Дороге жизни я могла бы написать небольшую повесть. Были марафонцы, которые сошли с дистанции, были те, кто выдержал пронизывающий холод, ветерок, гуляющий вдоль дороги, и показали вполне приличное время. Я оказалась в компании четырёх мужчин пожилого возраста, двое из которых, подростками пережили блокаду. Судя по их лицам, капитулировать они не собирались. Позади нашего арьергарда на деликатном расстоянии двигалась «Скорая». На последних километрах худенький, слегка прихрамывающий мужичок стал потихоньку уходить вперёд. У меня мелькнула мысль: надо чуточку прибавить, потерпеть... там, на финише горячий чай, гречневая каша и тёплые автобусы. Только закончив дистанцию, я оглянулась... Мой компаньон тяжело дышал мне в затылок, оставшей троице предстояло бежать ещё метров триста.

После финиша я просто рыдала! Мне не верилось, что этот ледяной ужас закончился! Меня распирала гордость: я смогла! Смогла!!! Зубы стучали о край стакана, кто-то накинул на меня согретый полушубок, а вокруг притоптывали улыбающиеся люди, у которых по щекам текли слёзы. Впрочем, это наверное таял снег...

Тётя Лена приготовила шикарный ужин - курник, салаты, шампанское... «А это тебе - памятный подарок...» - Серёжа поставил передо мной небольшую коробочку, перевязанную лентой. Я открыла... В ней оказалась знакомая мне солонка, наполненная изюмом.

Ягода-малина

Одиннадцатилетняя Дуся Солодовникова со своей старшей сестрой Катей впервые поехали в гости к родственникам в белорусский городок Россоны. Юные уфимки были счастливы: впереди долгие летние кани-

кулы, вольная жизнь в просторном доме с верандой и садом. На календаре начало июня 1941 года.

Дусик - так прозвали свою кухню белорусские братья. Старший Павел служил в милиции, младший Василий заканчивал техникум. Тетя Груня каждый день готовила что-нибудь вкусненькое для зеленоглазой непоседы и ее серьезной, молчаливой сестры. Всевозможные пироги, чередовались с блинами, драниками, комовиками, жаренкой. Девочки с аппетитом хрустели ядреными солеными огурцами из бочки или лакомились прошлогодним вареньем. Катя помогала тетке по хозяйству, Дуся получила полную свободу. Она целыми днями пропадала на улице, ловила бабочек для школьной коллекции, знакомилась с местными пионерами. Игры с соседскими детьми в мяч, в жмурки, в казаки-разбойники отвлекали от книг и только любимые Дусей сказки народов мира с красивыми иллюстрациями изредка оказывались в руках егозы-хохотуньи, прежде чем она крепко уснет.

В оккупации

Безмятежная размеренная жизнь маленького городка закончилась с первыми выстрелами опьяненным наступлением немцев. Россоны оказались оккупированными. Сразу же горожанам дали понять, что теперь установлен новый порядок. Не успевшие эвакуироваться вынуждены были решать, чем кормить детей, где жить, поскольку многие дома немецкие власти приспособили под учреждения и жилье для солдат и офицеров. Дуся и Катя переселились к бабушке в старый, покосившийся от времени дом. Дядя, тетя и Василий ушли в подполье, а Павел за несколько дней до начала войны уехал в командировку в Минск, и о его судьбе долгое время ничего не знали.

Катя устроилась работать уборщицей в комендатуру. Дуся с бабушкой собирали грибы, ягоды, сушили травы. Кое-что из продуктовых запасов удалось припрятать. В сентябре соседская учительница собрала девять мальчишек и девчонок 7-12 лет и стала с ними заниматься - сначала в своем саду, а когда похолодало - в баньке.

После войны Евдокия Дмитриевна рассказывала, что за 1941-42 годы она выучила много стихов русских поэтов и стала изучать немецкий язык, а практики разговорной речи хватало с лихвой. Учительница преподавала ребятам историю, литературу, географию, русский и немецкий языки.

В постановлении от 18 июля 1941 года Сталин потребовал от партийных комитетов «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». Катя изредка собирала молодежь «на посиделки». Дусю в таких случаях выпроваживали на улицу. Она обижалась, но беспрекословно подчинялась строгой сестре, которую даже бабушка слушалась. Однажды Катя ждала какого-то гостя. На печи стоял укутанный в одеяло чугунок с отварным картофелем, на столе тарелка с мелко нарезанными кусочками сала, пара луковиц, закрытый полотенцем хлеб и банка малинового варенья. Воспользовавшись случаем, Дуся решила попробовать варенье, да так увлеклась, что съела больше половины. Катя была вне себя от гнева; она трясла сестру за плечи и повторяла: «Эгоистка, паршивая! Это для больного человека приготовлено, а ты... без спроса... Эгоистка!» Дусю отправили спать за занавеску, но, услышав скрип двери, девочка слегка отодвинула полог. При тусклом свете лампы в дом вошел невысокий мужчина. Его лица Дуся в полумраке не рассмотрела, он сел к ней спиной и они с Катей заговорили шепотом. Девочка вскоре уснула, а утром ее разбудила Катя и, словно извиняясь за вчерашнее, погладила по голове: «Дусик, сходи к тете Нине, отнеси ей два клубка пряжи... носки связать. Да быстрее одевайся, ягода-малина!» Так у Дуси появилось домашнее прозвище, и с этого дня, пока ни о чем не догадываясь, уфимка стала партизанским курьером.

Летом-осенью исправный посыльный ходил с корзинкой полной щавеля, дикого лука, земляники, малины, ежевики, грибов. «Что бы ни случилось, корзину не бросай! - напутствовала сестренку Катя, - Если попросят, угости, но корзину отнеси туда, куда я тебе сказала.» Дуся замечала, что после выполнения таких поручений, Катя относилась к ней мягче, добрее, старалась лишний раз приласкать, пошутить, дарила безделушки.

Осенью 1942 года перед праздником Днем Великой Октябрьской социалистической революции Катя пришла с работы раньше обычного. Она принесла старое пальтецо, кое-где залатанное, надела его на Дусю и взволнованно, со слезами в голосе попросила: «Выслушай меня и запомни... Ты уже взрослая. В старину в 12 лет замуж выдавали. Ты пойдешь в Кривую балку. Помнишь пасеку заброшенную? Тебя там встретят. Ты должна дойти. Это очень важно!» Несколько секунд Катя в упор смотрела на свою сестру, потом торопливо обняла ее, поцеловала и... пе-

рекрестила. И вот тут Дуся испугалась. Если сама Катя, комсомолка Катя доверяется Богу, значит все очень серьезно, может быть даже опасно. Страх, леденящий душу ужас перехватил Дусе дыхание, но девочка справилась со слабостью и улыбнулась: «Я быстро.»

На пасеке ее ждал обросший мужчина: «А, ягода-малина! Здравствуй! Снимай пальто.» Незнакомец накинул на плечи Дуси свою пропахшую костром телогрейку, а пальто прощупал и, выдернув нитки, достал из воротника бумаги, исписанные мелким ученическим почерком.

Сколько таких поручений выполнила за годы войны хрупкая, отчаянная Дуся Солодовникова, она и сама не помнит. Были случаи, когда ее останавливали полицаи, немецкий патруль, но находчивый маленький конспиратор, широко улыбаясь, угощала их дарами леса, а немцам еще и стишок на их родном языке рассказывала. Солдаты смеялись, ели ягоды и приговаривали: «Гут, гут!»

Снегурочка никого не выдала

В Россонах периодически раздавались взрывы, горела немецкая техника, кто-то расстреливал полицейских, в окно ресторана бросал гранаты, на улицах появлялись листовки, сообщающие о событиях на фронте, призывающие вступать в партизаны и убивать фашистов.

Как-то в конце 1943 года, вернувшись с очередного задания, Дуся увидела, что на городской площади вешают местных жителей. Она подбежала ближе, но не сразу узнала Катю. Девушка была жестоко избита, через разорванную одежду виднелось голое, окровавленное тело, лицо распухло. Толстый немец на ломанном русском языке говорил о красных «бандитах»; его розовые, по-женски, пухлые щечки покраснелись на морозе, он промокал лицо носовым платком, горячился, топал ногами и, наконец, не выдержав, сам стал набрасывать петли на шеи несчастных. Когда из-под ног выбили табуретки, у одной из жертв упала шаль... Дуся вздрогнула: худенькое тело бабушки, словно маятник, раскачивалось справа от Кати. Девочка бессильно опустилась на снег, хотела закричать, но из горла вырвался только стон. Что было дальше, Дуся помнила плохо. Ее обняла за плечи учительница, укутала своим теплым, пуховым платком, сунула в руку сверток и прошептала: «Уходи в лес немедленно! Передай: “Снегурочка погибла, но никого не выдала.”»

Дуся очнулась в лесной чаще. Припрятанные на старой пасеке лыжи, уносили ее все дальше и дальше от города. Темнело. Девочка присе-

ла на поваленное дерево, развернула сверток - кусок хлеба, пропитанный постным маслом, показался сказочным лакомством. Откуда-то из-за елей послышался скрип снега - на просеку вышли трое парней на лыжах, с автоматами, обвешанные гранатами. «Ты кто?» - хриплым, простуженным голосом спросил один из них. От усталости и пережитого горя силы оставили Дусю и она потеряла сознание.

Утро следующего дня Солодовникова-младшая встретила в партизанском отряде имени Н. Щорса. Возле нее сидели кузен Василий и тот коренастый мужчина, с которым Дуся встретилась на пасеке и который, как позднее выяснилось, приходил к Кате. Девочка не понимала, почему эти двое смотрели на нее с такой болью в глазах, ведь она им еще ничего не сказала. У нее хватило сил приподняться на руках и, переводя взгляд с одного на другого, спросить: «А кто такая Снегурочка?» «Что с ней?» - вопросом на вопрос ответил кузен. Дуся повторила слова учительницы. Воцарилось молчание. Партизан, к которому брат обращался по имени «Николай», обхватил голову руками. Василий всхлипнул и выскочил из землянки. Его друг поправил на столе свечу и заглянул в лицо девочке: «Снегурочка - это Катя. Она сама себя так называла, потому что зиму любила, снег, иней на деревьях. А ты поспи еще, сейчас каша поспеет.»

Прозвище Ягода-малина за Дусей так и закрепилось. Она стала любимицей отряда, ее баловали, угощали сладостями, а она сердилась и рвалась в бой. Мужчины долго не решались дать Дусе зеркало: ее некогда каштановые волосы побелели за один день, озорной взгляд потух. Но война продолжалась, и Дуся категорически отказалась эвакуироваться в тыл. Двигаясь вместе с партизанским отрядом, юная связная еще не раз выполняла опасные поручения в оккупированных немцами населенных пунктах. В 1944 году 14-летнюю уфимку наградили орденом Отечественной войны второй степени, и после лечения в госпитале (у нее было ранение в руку и тяжелая контузия) она вернулась в Уфу.

Евдокия Дмитриевна всю жизнь проработала парикмахером. Она до сих пор поддерживает связи со своими оставшимися в живых родственниками в Белоруссии, но уже не ездит на встречи партизан. Годы и болезни дают о себе знать. Однако день Победы Солодовникова встретит со своими внуками за праздничным столом. И обязательно с малиновым вареньем.

«Празднично-победный» платочек

В день Победы в старой части Уфы ежегодно проходит легкоатлетическая эстафета. Когда я училась в школе, мне доставался самый трудный этап - подъём по улице Фрунзе (ныне Валиди) от парка им. Матросова до стадиона «Динамо». Мама в своём, как она называла, «празднично-победном» платочке приходила «болеть». После соревнований мы с ней гуляли по городу, и она вспоминала, как уфимцы жили в годы войны, как встретили Победу. Позднее, уже с ветеранами спорта я участвовала в «Забеге Мира», проходящем по тому же маршруту, что и эстафета. Эта праздничная традиция сохранялась у нас с мамой долгие годы.

9 Мая - особенный для России день. Победа над фашистской Германией - это победа не только на фронтах войны, но и победа в тылу над голодом, холодом, над слабостью и болезнями. Моя мама Серафима Андреевна Окунева всю войну проработала медсестрой в госпитале. Часто приходилось ночевать на работе; не было времени добираться четыре квартала до дома, да и спокойнее подремать в тепле (дома не хватало дров, топили редко). В случае, когда приходил эшелон с ранеными, медсестёр срочно вызывали в приёмный покой, где начиналась сортировка поступивших военнослужащих, их санитарная обработка, оформление документов. Дежурство заканчивалось только тогда, когда последний раненый получал всё необходимое и был размещён в палате.

Жизнь в госпитале, словно жизнь всей страны в миниатюре: радость от долгожданных писем, тяжёлые операции, концерты профессиональных артистов и выступления школьников, неожиданные романы и извещения о гибели близких.

Весной 1944 года в маминой палате оказался тяжелораненый Виктор Толстой. Парень родом из-под Винницы получил осколочное ранение в живот и в ногу. Раны обработали в полевых условиях, не стерильно. В общем, на кровати лежал скелет, который едва-едва шевелился и очень медленно приходил в себя после всех медицинских процедур. Виктора выздоравливающие острословы тут же окрестили "Толстым" и всячески пытались поднять ему настроение.

Молодость взяла своё. Забота, питательные бульоны и письма от родственников укрепили жизненные силы Вити. Но больше всего радовался он весточкам от круглолицей Агашки, чья небольшая фотокарточ-

ка стояла на прикроватной тумбочке. Агафья - невеста Виктора жила в Ташкенте, в эвакуации и каждую неделю писала своему возлюбленному длинные письма. Виктор отвечал и тут же начинал ждать очередное послание.

Откуда-то в палате появилась гармонь. Раненые с удовольствием слушали, как играл Толстой. А потом он и запел. В репертуаре советские, русские и украинские песни. Особенно часто исполнял «Синий платочек». В отличие от Клавдии Шульженко, лирический баритон звучал более мужественно. В палату собирались раненые и медицинский персонал, просили спеть ещё и ещё.

Ослабленный ранениями организм потихоньку восстанавливался, но обострились боли в сердце. Требовался долгий восстановительный период. Агаша обещалась приехать, чтобы решить, как быть дальше. Виктор оживился, заблестели карие глаза. Кто-то принёс ему для подарка невесте красивый шёлковый платочек цвета морской волны. И вот долгожданное письмо: Агаша выехала в Уфу. А вечером у Виктора случился инфаркт. Врачи были заняты в операционных. Пришлось моей маме оказывать первую помощь и вести бой со смертью до подхода врачей. Виктор выжил. Вся палата радовалась этой победе, а мама рыдала. Как она потом пояснила, со страха и от пережитых волнений.

Через три недели Агаша и Виктор уезжали в Ташкент, к родственникам невесты. А синий платочек в качестве награды подарили сестре-спасительнице. Мама очень дорожила подарком, надевала его редко, но обязательно повязывала на шею в день Победы. Так и называла, «празднично-победный» платочек.

Оборванные струны

Послевоенная Уфа еще долго хранила отпечаток тяжелого времени, полуголодного существования, нищеты, людского горя. Жизнь налаживалась постепенно. Несмотря на то, что город не подвергался вражеской бомбардировке, не хватало жилья, плохо работал транспорт, улицы не успевали очищать от снега, а весной образовавшиеся ручьи стекали в низины, превращаясь в небольшие озера. По улицам торопливо шагали бледные, с серьезными лицами «граждане и гражданки». Форма одежды... Преобладали шинели, ватные телогрейки, перелицованные старые пальто, брюки-галифе, гимнастерки, армейские сапоги... Но среди темных серо-зеленых цветов, по грязным мостовым уже стуча-

ли лаковые туфельки на каблучках, мелькали светлые платья, банты, ко-
сынки ...

Груздевы

Семья Груздевых жила на углу улиц Кирова и Ленина в обычном двухэтажном доме барачного типа. До войны их семья из шести человек занимала 28-метровую комнату на первом этаже с тремя окнами в сад. Глава семьи пропал без вести в сорок втором. В том же году на фронт ушел единственный сын Груздевых - Леонид, а в сорок третьем, прибавив себе два года, уехала с санитарным поездом - младшая из сестер - Фрося. Дома остались - старшая - Антонина с мужем и с мамой Верой. Тетя Вера, как называл ее мой, тогда еще будущий отец, уже несколько лет страдала туберкулезом, соседи помогали доставать необходимые лекарства, делились продуктами. Многие жители ближайших домов работали в Первой совбольнице (ныне республиканская клиническая больница имени Г. Куватова), а затем в эвакогоспитале № 5913. Существенным подспорьем были огороды: сажали картошку, лук, морковь, свеклу, репу, зелень. На огородах трудились дети-подростки, они носили воду на коромысле, поливали грядки, пололи. Жили все дружно, вместе переживали радости и горести.

Посиделки

Мой отец вспоминал, как в мирные годы народ собирался у них во дворе на посиделки. Первый этаж дома занимала какая-то контора, а на втором этаже было четыре комнаты, в которых жили четыре семьи. Кухни, как таковой, не было, но имелись две печки-буржуйки и одна русская печь. Еду готовили на примусах или керосинках. В русской печи хозяйки по очереди пекли хлеб и пироги, устраивая соревнование: у кого вкуснее получится.

На посиделки собирались не только молодые, но и взрослые, приходили со своими табуретками старики. А главной притягательной силой этих собраний была Нелли Феокистовна Басаргина из комнаты номер три. В ее крошечном закутке, кроме узкой железной кровати, сундука, тумбочки и обеденного стола, был кабинетный рояль. Часто из распахнутых настежь окон звучал Шопен, Лист, мелодии русских романсов. Под окнами на скамеечке или на бревнах усаживались Валерка по кличке Пароход - с аккордеоном и Лёнька Груздев с гитарой. Вокруг распо-

лагались слушатели... одни занимали места на ступеньке крыльца, другие усаживались на траву. Женщины затягивали что-нибудь печальное... Лёнька мгновенно подхватывал мелодию, затем вступал аккордеон, и, словно эхо страдающего сердца, отзывался рояль. Праздники отмечали весело: с частушками, с танцами, крутили пластинки на патефоне; приносили столы, угощение... у кого что было; звенели граненые стопочки, пахло квашеной капустой, жареной картошкой... Перед тем как разойтись по домам, Нелли Феоктистовна сама брала в руки гитару и исполняла «на дорожку» какую-нибудь ямщицкую песню. В такие моменты казалось, что листва переставала шелестеть и даже проезжающие по мостовой лошади не так громко стучали копытами. Томное контральто волновало, тревожило, сжимало невидимые струны души и легким дыханием растворялось в наступающих сумерках.

Чувства

Как-то неожиданно очаровала всех юная Фрося. Брат показал ей основные приемы игры на гитаре, а абсолютный музыкальный слух помог девочке в совершенстве овладеть инструментом. В конце 30-х годов Нелли Феоктистовна, несмотря на занятость в школе (она преподавала историю и географию), стала учить Фросю нотной грамоте. Когда на школьных вечерах выступали гитаристы брат и сестра Груздевы, вторую гитару одалживал им одноклассник Леонида Ильи. Двенадцатилетняя музыкантша смущалась при встрече с русоволосым, голубоглазым Илюшей, который был старше девочки на три года, но даже мимолетный его взгляд вдохновлял Фросю, и гитара в ее руках звучала особенно проникновенно.

Старшая из детей Груздевых Тоня работала официанткой в столовой. Симпатичная, бойкая на язык девушка имела множество поклонников, обожала танцы, смело флиртовала с кавалерами, имея в качестве личной охраны брата и его приятеля Илью. Мальчишки выглядели старше своих лет: плечистые, с хорошо развитыми бицепсами (занимались плаванием и греблей), они как-то сдерживали накал страстей, пока, наконец, не появился ... милиционер. Страж порядка был холодно-сдержан, строго-официален и только карие глаза из-под низко надвинутого козырька фуражки блестели не по уставу весело и с явным интересом к даме. В свободное от службы время милиционер превращался в доброго малого, остроумного собеседника, ловкого танцора, а потом...

стал мужем Антонины. Лёнька понял: кончилось детство, и сестра больше не нуждается в его защите. А вот Илья расстроился не на шутку! Он даже пробовал начать курить и сделал себе наколку на руке в виде якоря. Парнишка где-то прочитал, что якорь - это символ разбитых надежд. Лёнька успокаивал друга: «Ну, что ты?! Тонька - хороший человек, но вертихвостка. Да и старуха она для тебя! Вот, Ефросинья подрастет... Она человек серьезный! И профиль у нее, как у римской богини. Сама Нелли Феоктистовна сказала!»

Обыск

Когда лето 1941 года вступило в свои права, мальчишки целыми днями пропадали на лодочной станции, Фрося занималась музыкой. Известие о начале войны молодежь встретила с воодушевлением; казалось, вот оно - время подвигов, славы, побед! Комсомольцы толпами шли в военкоматы; мужчины, энергично жестикулируя, спорили о сроках окончания войны и только старики печально качали головами, шурились и вздыхали, посасывая «козью ногу» с едрёным самосадом.

В начале октября ночью моего отца и его сестру пригласили в качестве понятых в комнату их соседки Нелли Феоктистовны. Двое работников НКВД объяснили, что будет производиться обыск. Хозяйка комнаты присела на кровать и молча наблюдала за происходящим. Военные перебирали учебники, атласы, тетради, рылись в сундуке, заглядывали в кастрюли. «Встаньте, Басаргина! Я должен осмотреть кровать.» «Владимир Кириллович, да вы меня прекрасно знаете! Я же ваших детей учу. В чем моя вина?!» «Гражданка Басаргина, у меня приказ. Ваша девичья фамилия Бергер? Родители - немцы?» «Ах, вот оно что... Но их уже давно нет в живых, - Нелли Феоктистовна зябко повела плечом, - никого нет... муж погиб, сын умер от голода.» «Кстати, о вашем муже... Он ведь царский офицер?» «Капельмейстер.» «Это детали.»

Не найдя каких-либо компрометирующих материалов, чекисты попросили понятых ознакомиться с протоколом и расписаться. Затем один из них вышел, а другой, глядя в темное окно, спокойно произнес: «Гражданка Басаргина, вы пойдете с нами. На сборы десять минут.» Нелли Феоктистовна собрала небольшой чемодан, завернула в простыню зимнее пальто: «Я могу что-нибудь понятым на память оставить?» Владимир Кириллович неопределенно пожал плечами: «Я жду вас в коридоре.» «Вот, возьмите патефон и пластинки! Мои любимые вальсы! И чу-

гунок... В нем и супы, и каши особенно вкусно получаются.» Нелли Фектистовна быстро сунула в чугунок мешочек с мукой и несколько кусков сахара.

Комнату Басаргиной опечатали, а на другой день какие-то военные увезли рояль. Вскоре в комнате появились новые жильцы - беженцы из под Могилева - женщина с двумя девочками.

Возвращение

Немного не дожидая до Победы тетя Вера Груздева, скончалась она в марте 1945 года. Перед Новогодним праздником Лёнька прислал домой письмо и фотографию, где он изображен при полном параде: фуражка набекрень, грудь в орденах и медалях. Потом была тяжелая контузия, а в апреле после лечения в госпитале младший лейтенант Груздев вернулся в родную Уфу. Возвращение домой Фроси в конце июня повергло близких и знакомых в состояние близкое к панике. Трофеями девушки были германский чайный сервиз с розовощекими амурами, гитара в изящном кожаном чехле и ... белокурый мальчик лет четырех, говорящий с немецким акцентом. «Ты, чтоо...о?! Фрица привезла!!!» - красная, пьяная физиономия Лёньки просто побагровела от ярости. Девушка легко подняла на руки худенькое, болезненно-прозрачное тело ребенка, и, отбросив со лба прядь своих густых волос, властно произнесла: «Не смей говорить со мной в таком тоне! Мы воевали с фашистами, с захватчиками! А он... - Фрося сильнее прижала малыша к своей груди, - Ваня остался один, его родители погибли, мы его от бродячих собак едва отбили. Теперь - это мой сын.» Лёнька застыл с открытым ртом: левая половина лица сестренки была изуродована ранением, глаз отсутствовал.

На вечернем совете муж Антонины решительно заявил: «Фрося, в первый же выходной я отвезу тебя с сыном в деревню к своей тетке. Пока не научишь Ваньку нормально говорить по-русски, на люди его не выводи. Вообще-то деревня татарская, но ... береженого бог бережет. Пусть лучше с татарским акцентом разговаривает.»

Через три года, когда Ване нужно было идти в школу, мальчик свободно владел и русским, и татарским языками. На свежем воздухе, на парном молоке, на травяных отварах с башкирским медом организм ребенка окреп, и в Уфу приехал симпатичный, улыбчивый паренек, подвижный и любознательный. Фрося устроилась нянечкой в детский при-

ют. Тоня с мужем получили отдельную квартиру, а на старой остались Лёнька и Фрося с Ваней.

Встречи

Однажды, прогуливаясь с сыном по Ленина, Фрося увидела знакомое лицо... «Илья? Ты? Где работаешь? Что к нам не заходишь?» Мужчина смутился: «Да неудобно как-то... Я мастером на заводе работаю, учусь на вечернем. Леонид пьет... Наши пути разошлись.» «Это его война не отпускает; после контузии сильные головные боли. А ты к нам с Ваней приходи. Помнишь наши яблони? Я пирог испеку, пастилу сделаю. Придешь?» Илья скользнул взглядом по изувеченному лицу девушки, закашлялся и стал торопливо прощаться: «Забегу... как-нибудь...»

29 июля 1953 года запомнился моим родителям не только потому, что они отмечали свою помолвку и день своего рождения; они оба родились в один день, только мама на десять лет позже. Жили они в той же комнате, того же старенького двухэтажного дома на углу Кирова и Ленина. Столы накрыли во дворе; собрались родственники и соседи. Народу было человек двадцать. Выпили, закусили, выпили еще раз... Отец вынес на крыльцо патефон, начались танцы. Быстро захмелевший Лёнька подхватил соседскую бабку и начал выделять кренделя под страстное аргентинское танго. К ним присоединились мамы сестры с мужьями. Фрося резала холодец на порции, когда ее обнял Ваня: «Мамуля, там какая-то тетя у ворот стоит...» Фрося быстро вытерла руки и подошла к нерешительной гостье. Это была пожилая женщина в старомодном пенсне, с небольшим саквояжем и стопкой книг, перевязанных веревочкой. Фрося на мгновение замерла... «Ой, Нелли Феокистовна! Милая! Как я рада!» Подбежал Леонид, другие соседи; мой отец был расстроган до слез. Нежданную гостью усадили за стол, накормили, угостили вишневым настоем, познакомили с новыми жильцами. «Так! - Леонид хлопнул ладонью по столу, - а где же теперь Нелли Феокистовна жить будет? Ведь комната ее занята?!» Срочно отправили делегацию в контору, занимающую первый этаж. На первых порах вновь прибывшей предложили чуланчик, в котором хранились ведра, лопаты и другой хозяйственный инвентарь. После оформления в домоуправлении необходимых документов, Басаргина получила прописку. Мужчины быстро сколотили ей деревянный топчан, столик, а женщины принесли одеяло и подушку. Кто-то из моих теток подарил медный чайник, Фрося постели-

ла на стол вышитые своими руками салфетки и торжественно поставила на них пару трофейных чашек с амурами. Нелли Феоктистовна всплеснула руками: «Ах, как всё удачно устроилось! И не надо карабкаться по крутой лестнице на второй этаж! И даже окошко есть!»

Импровизация

Теперь после работы Фрося частенько заходила к своей старшей подруге «на чай». Они говорили обо всем, словно между ними не было разницы в возрасте. Их разлучила война, их объединила война, они говорили на одном языке, у них у обеих было надорванное болью сердце. Постепенно учительница и ее ученица возобновили занятия музыкой. К сожалению, Нелли Феоктистовна страдала ревматизмом, болели суставы рук, колени, но талантливая ученица уже сама поднималась по ступеням мастерства, давала уроки сыну, и совета умного педагога вполне хватало для практического воплощения.

Иногда, прихватив корзину с гостинцами, жильцы дома, где жила Басаргина, переходили улицу и небольшой компанией собирались в доме Груздевых. Пили чай с сушками, с вареньем... Играл патефон. По несколько раз слушали записи Руслановой, Утёсова, Шульженко. Однажды Нелли Феоктистовна выбрала из коробки одну пластинку, поставила на патефон, потом почему-то обернулась к Леониду: «Это мой самый любимый вальс.» Играл духовой оркестр. Музыка плавно поднималась, как огромная невесомая бабочка, кружилась под потолком, заполняя собой пространство, о чем-то вздыхала, потом начинала метаться, биться о стены, рваться в форточку, пытаюсь вырваться из этой комнаты, и вдруг стремительно падала, рассыпаясь блестящими искрами, словно осколками разбитого стекла. Некоторое время стояла тишина. Лёнька, почему-то на цыпочках, подошел к шкафу и бережно достал из глубины свою гитару. Осторожно перебрал струны, взял несколько аккордов, взглянул на Нелли Феоктистовну. Она одобрительно закивала головой. Через несколько минут мелодия вальса ожила в интерпретации гитариста. Казалось, звучала та же мелодия, но появилось в ней что-то еще... как будто в общую тему влился сюжет еще одной души. Фрося достала из чехла трофейную гитару и поддержала брата. Импровизация получилась настолько удачной, что некоторое время слушатели не могли выразить эмоции. Фрося побежала разогреть самовар, а Нелли Феоктистовна обратилась к Ване: «Понравилось? Что ты чувствуешь?» Мальчик про-

вел тонкими пальчиками по струнам маминой гитары... «Мне как-то тревожно и легко... Так бывает, когда зимой с крыши в сугроб прыгаешь.» Леонид бережно взял в руки пластинку: «Старинный вальс «Оборванные струны». Автор Пётр Гапон.»

Драма

Когда мне исполнилось четыре года моим родителям дали отдельную квартиру в новом доме, но еще несколько лет мы приезжали на улицу Кирова, в гости к нашим бывшим соседям и друзьям. Я прекрасно помню шумные посиделки во дворе, помню запах духов Нелли Феоктистовны, незабываемую игру на гитаре дяди Лёни и тёти Фроси Груздевых.

В середине 60-х годов стали сносить нечетную сторону улицы Кирова от угла, где уже тогда в доме сталинской постройки располагался магазин «Спорт». Одной из первых ордер и ключи от новой квартиры получила Нелли Феоктистовна. Как она была счастлива! Вместе с моими родителями ходила смотреть СВОЮ однокомнатную квартиру на втором этаже пятиэтажного дома в районе Центрального рынка. Мама помогала упаковывать вещи; купили и привезли в пустую еще комнату новый книжный шкаф. Наконец, ранним утром Леонид, Ваня и мой отец на грузовике заехали во двор нашего бывшего дома. Ветер теребил занавеску на открытом окне Нелли Феоктистовны, комнату освещала настольная лампа. На стук в дверь никто не отозвался. Ваня подтянулся на руках и заглянул вовнутрь. Хозяйка в темно-бордовом халате полулежала на кровати, опираясь на подушку; на коленях раскрытая книга. Ваня перелез через подоконник и отодвинул щеколду. Мой отец пощупал пульс... и опустил уже холодную руку. Сквозняк перелистывал страницы книги, шевелил седые волосы Нелли Феоктистовны; казалось, что женщина просто задремала, а на лице застыла слегка смущенная улыбка.

Грусть

Недавно в интернете я обнаружила фотографию, где запечатлен уголок моего детства. С этого ракурса у нашего дома видна только крыша, но дом, где жили Груздевы, а также каменный двухэтажный дом, где жила мама подруга, познакомившая моих родителей, получились очень хорошо. По этим улицам я училась ходить, здесь жили люди, которых долгие годы я считала своими родственниками, ведь нити их су-

деб пересекались с нашими, мы учились друг у друга, помогали друг другу, дышали одним воздухом. Я рассматриваю, ставшую уже исторической, фотографию, вглядываюсь в фигуры редких пешеходов, словно пытаюсь узнать среди них дорогих моему сердцу людей. Мне грустно, но грусть моя легка..., как звуки старого вальса.

Послесловие к войне

Война - это индикатор человеческих сил, чувств, волевых качеств. Она разъединяет людей или, наоборот, сводит их, чтобы испытать, проверить голодом, болью, страхом... История, которую я хочу рассказать, произошла уже в конце Великой Отечественной войны, но именно последствия её трагических событий закрутили этот житейский сюжет.

Уфимка Евдокия Петровна Крапоткина жила с моей бабушкой Прасковьей Игнатьевной по соседству на улице... Впрочем, это не важно. Осенью 1943 года Евдокия получила похоронку на своего мужа Анатолия Николаевича. Женщина поделилась горем с подружками, поплакали вместе, повздыхали... Не она первая вдовой осталась. Нужно было растить детей: тринадцатилетнюю - Олю и десятилетнего - Володю.

Возвращение

Каково же было удивление соседей, увидевших «погибшего» Анатолия, ковыляющего на костылях в компании шустрой молоденькой женщины?! Был конец 1944 года. Война всё дальше откатывалась на запад. Разговоры о появлении мужа Евдокии в Уфе быстро дошли до несостоявшейся вдовы. Вскоре стал известен и новый адрес Крапоткина.

Евдокия Петровна собрала детей и отправилась на переговоры к законному супругу. Дверь открыла приветливая хозяйка в домашнем халатике, обтягивающим её уже хорошо заметный живот. Анатолий сидел на полу, стругал лучину, пытаясь растопить печь. В доме было холодно, неуютно. Из мебели только грубо сколоченный стол, две длинные лавки, сундук, да большие корзины с грязным тряпьем. Увидев жену, Анатолий смутился и робко начал оправдываться: «Прости меня, Дуся. Вот, познакомься: Надюша, медсестра, выходила меня... Почти семь месяцев в госпитале провалялся. Виноват я перед вами. Хоть прокляните, но Надю не брошу. Тем более уфимская она, нашенская!»

Володя с недоумением поглядывал на отца, а Оля, по-взрослому, поджала губы и упавшим голосом спросила: «Значит мы тебе не нужны?!» Анатолий всхлипнул, в горле что-то заклокотало, он закашлялся, хотел подняться, но не удержался и упал. Обе женщины кинулись его поднимать. Сын заплакал, и только Оля исподлобья осуждающе смотрела на происходящее.

На другой день Прасковья Игнатьевна со своей старшей дочерью собирали «приданое» для будущего малыша, а Дуся повторяла: «Вот девка - дура! В доме полотенца нет, рейтузов на смену не имеет, а туда же... рожать собралась! Тетя Паша, я вот думаю, надо и чулки Надьке связать; холода-то какие!» Прасковья Игнатьевна тяжело вздохнула: «Да разве у молодых ум есть?! Под семейного мужика залезла... Ты возьми вон пару поленьев. Небось, трясутся там, как цуцыки, и любовь не спасает?!»

Соседи, обсудив со всех сторон пикантную ситуацию, постепенно натаскали пелёнки и даже стеганое детское одеяльце с кружевной подушкой нашли, помогли дровами. Новорожденную, появившуюся на свет в первый день весны, назвали Мартой. Надя вскоре пошла работать на завод, а с дочкой нянчился Анатолий. Ноги у него были сильно покалечены, и в голове осколок остался. Дали ему инвалидность, но он всегда находил - куда руки приложить: подрабатывал по сапожной части, утюг или самовар мог починить, а то и, сидя на низкой скамеечке, умудрялся дров наколоть.

Надя окончила вечернюю школу и поступила в авиационный техникум. Старательная девушка успевала работать и учиться. Вот только на дочку времени не хватало. Марта частенько гостила в семье Евдокии Петровны. Тяжело приходилось Анатолию... Он и прачка, и повар, и нянька! Положение его было странным: с первой женой так и не развелся, со второй не зарегистрировался. В 1953 году, получив диплом, Надя тихо собрала свои вещи и отбыла в неизвестном направлении. Правда записку оставила. Просила понять её и простить. Замуж собралась.

И жили по соседству

Комнату, которую занимала Надя, оставили за Крапоткиным с дочкой. Пытался он вернуться к Евдокии, да не приняли его. Повзрослевшая Ольга так и сказала: «Мы тебя, отец, не бросим. И Марта нам родная. Только выбор ты сам сделал. С этим и оставайся.»

Тетю Дусю я помню очень хорошо. Когда в начале 60-х годов приходила с родителями к бабушке, меня «подкидывали» соседям Крапоткиным. Пока у Прасковьи Игнатьевны шла сервировка стола, мною занималась старшеклассница Марта. Удивительное дело, девочка была очень похожа на первую жену Анатолия... Та же серьезность в лице, добрый, но чуточку укоризненный взгляд, и даже такая же прическа - аккуратно уложенные короной косы.

Вскоре певучий голос моей бабушки зазывал всех «до хаты пожаловать». Тетя Дуся прихватывала свои фирменные соленые грибочки, шмат домашнего сала или пирожков, и мы втроем шествовали через их огород, по пути обрывая спелые помидоры.

К тому времени Ольга уже вышла замуж и жила в Мурманске, а Володя работал где-то в Крыму с археологами. Дядя Толя так и жил один, под опекой Евдокии и Марты. Его обстирывали, наводили порядок в доме, всячески поддерживали, но о полном перемирии не могло быть и речи. Бывший муж в любое время имел возможность обратиться к бывшей супруге за помощью; его всегда приглашали на семейные праздники, и... не более. Это были своеобразные отношения простых, но уважающих себя людей. Всё вращалось вокруг Евдокии Петровны. К ней приходили за советом и молодые, и старые. Всегда у нее можно было деньги до получки занять или попросить помочь на кухне: пирогов испечь, капусту посолить. К ней приходили с радостями и печалью. Могла она и роды принять, и покойника в последний путь собрать. Так получилось и с Анатолием. В 1969 году перенес он инфаркт, затем инсульт. С постели не вставал. Ухаживали за ним сын Володя, специально вернувшийся для этого в Уфу, Марта и Евдокия Петровна. Сутки были поделены так, что Крапоткин-старший один не оставался. Все шло по графику, по расписанию: утренний туалет, завтрак, чтение вслух газет и книг, обед, после обеда, если позволяла погода, его выносили в садик, где росли разноцветные мальвы и «золотые шары».

Вспоминаю, как в 1970-м я читала дяде Толе Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Помню, как вместе мы хохотали над приключениями героев, как у него от смеха текли слезы по щекам, а тетя Дуся промокала ему глаза платочком и шутливо выговаривала: «Ну, друзья, что-то вы совсем разошлись! Угломонитесь маленько. Я сейчас чай с молоком принесу. Марта блинчики напекла». А в декабре дядя Толя умер.

Во время похорон я увидела, как много орденов и медалей было у Анатолия Николаевича. Он никогда не рассказывал о войне, о том, где и

в каких войсках служил. Среди прощающихся с ним были представители Башвоенкомата, соседи и родственники. Играл духовой оркестр. Ни долгих речей (был сильный мороз), ни слез... Уже после поминок, когда провожали соседку, тетя Дуся присела на скамейку возле дома и разрыдалась. Соседка-старушка поправила на ней шаль, обняла за плечи и выдохнула: «А всё война, проклятая!»

Чёрные розы Эльгена

В конце апреля 1964 года мы с мамой пошли к портнихе Райке-цыганке. На самом деле Раиса самая настоящая русская, но чёрные вьющиеся волосы и тёмно-карие глаза делают её похожей на цыганку. Жила она в двухэтажном доме на улице Чернышевского в коммунальной квартире, где по соседству проживала мамина сестра Дуся. Повод для визита был весьма существенный: мама «достала по случаю» симпатичный штапель на платье - мне и себе.

Если Райка была дома, то на подоконнике обязательно находился проигрыватель и новомодные песни и мелодии оглашали ближайшую округу. Так было и в тот раз. Девушка провела нас в небольшую комнатку, где возле окна стояла ножная швейная машинка, а на диване с книжкой сидела младшая сестра Раисы Женька.

Обновка

Рая ловко собрала свои волосы в пучок и закрепила их гребнем, затем развернула принесённую ткань. «Угу. Симпатичная расцветка! Рукав длинный будем делать?»

Раисе шёл 23-ой год, но выглядела она старше; высокая, слегка полная, с быстрыми, уверенными движениями, с насмешливым взглядом. Работала в швейном ателье, но подрабатывала и на дому, за что изредка штрафовалась участковым. Однако представитель правопорядка не зверствовал, так как среди заказчиц у Раисы была его супруга. Женька охотно помогала сестре, хотя Раиса в первую очередь требовала от неё серьёзного отношения к учёбе в школе.

Через несколько дней мои именины. Мама попросила сшить нам обновы побыстрее. «Ну, Галке-то я при вас сошью. Не торопитесь?» Мама пошла к тётке Дусе, помогать делать пирожки, а Женька развлекала меня рассказами о Шерлоке Холмсе.

За стол я уселась уже в новом платье. Ароматные пирожки на цветастом блюде, несколько видов домашнего варенья в высоких вазочках и чай с душицей... Тётя Дуся добавила к этому натюрморту бутылку с вишнёвой настойкой и три стопочки. Разговор шёл о жизни Раисы и Жени в каком-то лагере. Мама подробно расспрашивала Раю, а та с шуточками отвечала. Но чем больше девушка рассказывала, тем печальнее становились тётя Дуся и мама. Женя отрешённо смотрела в окно, где всюду цвела черёмуха и душистые ветви робко заглядывали в открытую форточку.

«Какой ужас! Ведь вы были совсем маленькие!» - мамины глаза наполнились слезами, а тётя Дуся горестно вздохнула и в очередной раз побежала на кухню за свежими пирожками.

Уже спустя годы, будучи старшеклассницей, довелось мне услышать от Раи более подробную информацию о ГУЛАГе - системе лагерей для заключённых, а также проникнуться судьбой двух девочек, оказавшихся вместе с матерью в колонии.

Впрочем, сначала они ехали вдвоём: мама - Алевтина Прокопьевна Вешкова и четырёхлетняя дочь Рая. Женщину осудили на четыре года за кражу 300 грамм фарша из столовой, где она работала. Шёл 1944 год.

Первые воспоминания

Свой первый барак Рая не помнила. С мамой её разлучили, а встретились они снова через несколько месяцев, когда их направили к новому месту заключения. За драку, в результате которой погибла заключённая, Алевтине добавили ещё шесть лет и этапировали в Магаданскую область в известный лагерь Эльген.

По сути это было государство в государстве. Со своей инфраструктурой, развитым сельским хозяйством, животноводческими фермами, детским комбинатом и даже со своим театром. Проработав некоторое время на лесоповале, Алевтина пустила в ход главное оружие: красоту. Несмотря на жуткую антисанитарию, ей удалось сохранить длинные волосы, здоровый румянец, а ватные штаны и телогрейка не портили крепкую, по-девичьи, стройную фигуру. У Али появился «свой» охранник, с помощью которого женщине удалось перебраться в швейный цех. Этот барак располагался недалеко от деткомбината, и маме удавалось на несколько минут встречаться с дочкой. Как вспоминает Раиса, мама всегда появлялась неожиданно, быстро совала в её руку твёрдый, как камень, пряник или конфетку, целовала в щёку, и словно боясь проявления ка-

ких-либо чувств ребёнка, поспешно отталкивала девочку от себя и, не оглядываясь, убегала. Рая подставляла табуретку к окну, вставала на подоконник и долго смотрела вслед удаляющейся фигурке.

Жестокость детей ни в чём не уступала жестокости взрослых. Разновозрастные (от грудничков до 14 лет) девочки и мальчики подвергались физическому насилию, издевательствам со стороны других ребят и нянечек-надзирателей. Детей «врагов народа» частенько избивали дети уголовников. Среди юных садистов была популярна игра в карты «на метку». Заранее выбиралась очередная жертва среди малышек. Проигравший ставил «метку» раскалённым гвоздём на теле ребёнка. Рае повезло; она отличалась драчливым характером. В её маленьком, худом теле жил сущий чертёнок, который в минуты опасности превращался в дьявола. С ней старались не связываться.

Радости и печали

Алевтина участвовала в самодеятельности, лихо выдавала русские народные и цыганские танцы. Однажды Рая увидела на простом сером халате матери изящную, сделанную из чёрной кожи, розочку. «Цветок?!» - девочка осторожно прикоснулась к самодельной брошке. Алевтина погладила её по голове, поцеловала. Следующая встреча запомнилась Рае, как веха, с которой она стала помнить и осознавать происходящее. Алевтина присела перед дочкой на корточки и достала из-за пазухи тряпичную куклу с тёмными нитяными волосами, в сером халатике и с миниатюрной черной розочкой на груди. Рая завизжала от восторга, а мама прикусила губу, из глаз её градом текли слёзы... Она пыталась сдержаться, но эмоции душили женщину: «Тебе сегодня семь лет исполнилось. Это тебе на день рождения». Аля торопливо гладила дочку по лицу, по плечам, захлёбывалась слезами и тихо стонала, как от сильной боли. Прижав куклу к груди, Рая впервые ощутила чувство близости с родным человеком. Эта примитивная копия матери стала ей так дорога, что девочка не расставалась со своим сокровищем ни на минуту. Увы! Именно эта привязанность обратила на себя внимание мальчишек. Улучшив момент, они схватили куклу, перебрасывали её друг другу, потом бросили в костёр.

Потрясение Раи была настолько сильным, что она несколько дней провела в беспамятстве, находясь между жизнью и смертью. Детская смертность в лагере воспринималась как что-то обыденное. Уже два

прозрачных трупика, двух соседей по палате унесли от Раи, а её организм продолжал бороться за жизнь.

Полностью сознание вернулось к девочке с приходом матери. Алевтина явилась не одна. У неё на руках был маленький свёрток. Мама откинула уголок одеяльца, и на Раю глянули два больших чёрных глаза. «Рая, смотри! У тебя сестрёнка родилась – Женечка».

Детей старше четырёх лет готовили к отправке в детдом, за много километров от Эльгена. Алевтина боялась потерять старшую дочь и всеми силами пыталась привлечь к себе внимание начальника лагеря, заслужить его благосклонность. Ей это удалось. Периодически только что родившую женщину вызывали в кабинет. Иногда высокопоставленный хахаль приходил к Алевтине на работу и уводил её в сарай, где хранились мешки со спецодеждой. Другие заключённые с завистью смотрели на свою товарку, которой после таких свиданий перепадали банка тушёнки или сухое молоко, печенье. Раю оставили при местном деткомбинате помощницей нянечки. До пяти лет Женька росла при ней.

Амнистия

Вскоре после смерти Сталина - 28 марта 1953 года в газете «Правда» объявили об амнистии для половины узников ГУЛАГа. На воле оказались более миллиона заключённых: политических и уголовников. Прознав об указе, возле ворот Эльгена собралась толпа «женихов» - вольнонаёмных и только что освободившихся мужиков, работавших на лесоповале... опьянённых свободой и изголодавшихся по женскому телу. Алевтина с фанерным чемоданчиком и Рая с узелком крепко держали Женю за руки. Толпа женщин напирала сзади. Ворота распахнулись. Мат, крики, вопли смешались с плачем детей. Последнее, что услышала Рая: «Береги Женьку!» Девочки побежали. Вдруг истошный крик матери остановил Раю. Чёрные ватники распластали на снегу Алевтину и сдирали с неё одежду. Группа женщин бросилась обратно к зоне. Их ловили пять-шесть мужиков и волокли свои жертвы, словно стая хищников. Рая посадила Женьку на чемоданчик, а сама ринулась на помощь матери. Алевтина зубами вцепилась в лицо навалившегося на неё бугая, но другие уже держали её за руки, за ноги. Раю несколько раз, как щенка, отбрасывали в сторону, но она опять кидалась в толпу, пока не получила кулаком в ухо.

Очнулась от того, что Женька теребила её за плечо и тихо всхлипывала. Рая поднялась; кружилась голова, по ноге текла струйка крови. И тут она увидела, как женщины на мешковине волокли несколько истерзанных тел. Рая бросилась к ним. Лагерные прачки тащили Алевтину... От лица осталось кровавое месиво, один глаз выпал и висел на тонком сосудице. Тело подпрыгивало на неровностях и голова болталась из стороны в сторону. «Мамочка!!!» - закричала Рая и упала ей на грудь. Кто-то поднял девочку на руки, но она с остервенением выдиралась: «Пустите! Пустите меня! Я мамочке глазик поправлю!»

На следующее утро Рая вернулась на место трагедии. Она бродила по полю, словно пытаясь вспомнить события вчерашнего дня. Вдруг в снегу она увидела, втоптанную в жёсткий наст, чёрную розу. Девочка прижала мамину брошку к губам и беззвучно заплакала. Погибших, спустя несколько часов, опустили в приготовленную яму и засыпали мёрзлой землёй.

Летом 1953 года из Уфы за сиротками приехала бабушка. Худенькая старушка и два ребёнка долго стояли возле деревянного креста с прибитой к нему чёрной розой. Начиналась другая жизнь. Рае и Жене предстояло стать просто детьми. Вот только забыть взрослую жизнь, предшествующую их детству, маленьким заключённым так и не удалось.

Уроки из прошлого

Моя хорошая знакомая Мария Петровна Шмакова уже в том возрасте, когда воспоминания потянут на солидный том, а пережитое волнует и удивляет своей актуальностью. Вот звенит очередной «последний звонок» для выпускников, а память возвращает её - преподавателя русского языка и литературы в послевоенные годы.

Для старательной Маши учёба в школе являлась весьма ответственным делом. Сначала - уроки, чтение художественной литературы, и только потом девичьи игры, развлечения. Одноклассникам такой серьёзный подход к учёбе казался странным, девочку считали «зубрилкой». Маша переживала и со слезами приходила к своей тёте Марусе, поделиться обидами, поговорить по душам.

Как рассказывает Мария Петровна: «Тётя Маруся внимательно слушала мой монолог о том, с каким старанием выполняла я домашние задания, всегда готова к урокам, смело выхожу к доске и получаю “пя-

тёрки”. Одноклассники смеялись и хвастались тем, что вообще “ничего не зубрят, а учатся не намного хуже.”» И тогда тётя Маруся поделилась со мной своей историей. Я помню её почти дословно.

Во время Великой Отечественной войны портних собрали в артель, чтобы они шили для фронтовиков бельё, рукавицы и т.п. Работали одни женщины. Психологическая атмосфера в таких коллективах всегда одинакова: хочется поболтать, посплетничать, поплакаться в жилетку. Тётя Маруся в перепалках и обсуждениях участия не принимала. Пока женщины готовились к работе, она садилась за машинку и шила. К тому времени, когда остальные работницы только начинали своё дело, у неё уже была готова пара или две рукавиц. К концу дня норма всегда была перевыполнена. Начальство тётю Марусю хвалило, ставило в пример, коллеги завидовали.

В конце дня, когда начинали собираться домой, - опять болтовня, сплетни. Тётя Маруся молча готовила машинку на завтра: получит на складе нитки, чтобы не бегать утром за ними, наматает заранее шпульки, проверит иглу, смазку. На следующий день, когда работницы начинают беготню в поисках того-другого, шум, крики, обиды, - она уже трудится, и опять перевыполняет норму. Старалась не за ласковый взгляд начальства, не за награду; за воротами - война. Руководствовалась простым правилом: пришла на работу - работай! Разговоры - потом.

Конечно, были завистники; как же без них! Научилась не обращать внимания на косые взгляды и злобный шепоток.

«Вот и я сделала вывод для себя на всю оставшуюся жизнь, - продолжила свой рассказ Мария Петровна, - если завтра-послезавтра трудное дело: открытый урок в школе, гости, какое-то важное мероприятие - мелкую, трудоёмкую работу делаю заранее, накануне, чтобы в ответственный момент сосредоточиться на главном.»

От себя хочу дополнить: более дисциплинированного и обязательного человека, чем Мария Петровна, я в своей жизни не встречала. Уже подводит здоровье, маленькая пенсия и больной брат, требующий ухода, не дают ей возможность путешествовать, но... есть книги, домашнее хозяйство, в котором всё на своём месте, есть рукоделие и прогулки по старым, с детства знакомым улицам. Когда бы я ни позвонила Марии Петровне, всегда слышу её бодрый, уверенный голос. Не в её правилах жаловаться на судьбу (а жизнь-то не баловала!), и именно тяжёлые испытания, умение преодолевать свои слабости, требовательность к себе и

огромное трудолюбие помогают Марии Петровне жить и поддерживать других в наше такое непростое время.

На качелях истории

Помню свое детство... конец 50-х прошлого столетия; первые месяцы, когда я уже уверенно стояла на ногах и пешком знакомилась со своим родным городом - Уфой. Дома тогда были преимущественно одно- двухэтажные, большинство - деревянные, реже каменные. Особенностью того времени можно считать весьма редкое строительство многоквартирных зданий, преобладали строения конца 19-го - начала 20-го веков и, так называемые, сталинские временки барачного типа; трех-пятиэтажных домов - большеметражных, с высокими потолками и со всеми удобствами было совсем мало.

Мы жили в столетнем доме в исторической части Уфы на улице Кирова, свои первые шаги я делала по улочкам, утопающим в цветущих садах, среди которых крыши одноэтажных домиков казались почти игрушечными. Дороги не везде имели асфальтовое покрытие, а стук копыт по мостовой снится мне до сих пор. Впрочем, я застала и совсем узкие, пыльные дороги, с ухабами, с текущими вдоль улицы нечистотами, с лужами, похожими на болота, и плавающими в них гусями и утками.

Столь самобытные пейзажи, разнообразная архитектура, сочетание уютных фамильных особнячков, небольших внутренних двориков и бараков, заселенных сомнительными приезжими, где запах перегара, казалось, намертво прилип к штукатурке обшарпанных стен, соответствовал послевоенному периоду, когда переселенцы и жители сельской местности перебирались в города на стройки, заводы, фабрики - поднимать разрушенную промышленность страны.

Среди наших знакомых были люди весьма своеобразные, большие оригиналы, достойные пера самого Гоголя и люди, живущие новыми, советскими идеалами, трудолюбивые работяги, добропорядочные семьины.

«Из бывших...»

Количество швейных ателье в Уфе 50-60-х годов можно было пересчитать по пальцам. Уважающие себя дамы как правило пользовались услугами частных мастериц. Большинство из них работали нелегально,

спасало их то, что среди клиенток были родственники представителей власти или больших начальников. Слухи о модистке Евгении Дмитриевне Ливич ходили самые противоречивые. Одни судачили о том, что Ливич - ссыльная - из левых эсеров, другие, якобы, имели «точные сведения» будто она - графиня, и бежала из Петрограда из-за какого-то семейного скандала.

Жила Евгения Дмитриевна на улице Бекетовской, переименованной в Социалистическую, ныне Мустая Карима, в полуподвальном помещении старого деревянного дома. Мне было три года, когда я со своей тётёй Ниной спустилась по узким каменным ступеням, кое-где поросшим мхом. На мелодичный звонок открылась массивная дверь и в проеме я увидела худую высокую женщину, в наброшенной на плечи шали. В комнатах царил полумрак, но нас пригласили в маленькую кухню, где окно оказалось выше уровня земли. Меня усадили на детский стульчик, а женщины о чем-то тихо заговорили. Ко мне подошел большой черный кот с белой манишкой, и я полностью отдалась счастью общения с четвероногим хозяином дома.

Закончив визит, мы с тётёй Ниной вышли в садик, где росли акации и высокие разноцветные мальвы. К старому, ветвистому дубу были привязаны качели. Тётушка посадила меня к себе на колени и Евгения Дмитриевна стала раскачивать нас. На прощание мне подарили вязаную бело-коричневую шапочку на завязочках, а кот, важно распушив хвост, проводил нас до калитки.

Шли годы. Наши встречи с Ливич стали более продолжительными. Я могла самостоятельно развлекать себя детскими книжками, которые лежали на журнальном столике, играла с котом Фаустом или шла кататься на качелях. Когда мне исполнилось семь лет, свершилось чудо... На Новый год Евгения Дмитриевна предложила сшить мне гусарский мундир. В 1962 году с оглушительным успехом прошла премьера музыкальной комедии Эльдара Рязанова «Гусарская баллада»; я просто бредила той героической эпохой! И вот... с меня сняли мерки и творчество началось. Правда стоит уточнить, мой мундир шили по образцу конца 19-го века, именно в таком мундире был изображен красивый военный, чей портрет украшал изящный дамский альбом нашей модистки. Долго возились с кивером, у знакомого Евгении Дмитриевны заказали кавалерийские сапоги, специальную сумку - ташку и муляж сабли. Счастьем моему не было предела!

Ливич всячески поощряла мой интерес к военной тематике. К моему приходу она подбирала интересные книги по истории России, с цветными картинками, с фотографиями. Потом мы обменивались с ней впечатлениями о тех или иных событиях, о полководцах, писателях, поэтах. Изредка она читала вслух стихи, и я догадывалась, что ее переживания созвучны состоянию души автора. В ее лице я замечала скрытую грусть, словно эхо давно случившейся боли.

Каждую первую и третью субботы месяца Ливич собирала небольшое общество. В основном это были пожилые женщины, хотя изредка компанию им составлял импозантный мужчина с чеховской бородкой и с таксой Шевалье (или просто Валька) на поводке. Их появление вносило некоторую сумятицу в привычный распорядок: Фауста запирали в кладовку, для Вальки ставили специальную миску с угощением, а возле печки стелили мягкий коврик.

Часами играли в лото, в буриме (сочинение стихов на заданные рифмы), пили домашнее пиво, чай с бутербродами, с фирменным пирогом с капустой, особой популярностью среди гостей пользовались деревенская сметана, конфеты «Гусиные лапки» и пирожные безе с толчеными орехами. Пели романсы, русские народные песни. Заслышав звуки гитары, появлялся сосед сверху. Бутылка водки, луковица и неизменные кильки в томате занимали свое место на белоснежной скатерти. Сосед работал в милиции, поэтому бесцеремонность считал частью русской души и требовал от окружающих откровенности как на допросе. Его терпели, прощали пошлые шутки, а когда бутылка водки пустела, взаимоотношения сидящих за столом как-то сглаживались.

Я хорошо знала многие песни, арии из опер и романсы, но репертуар компании Ливич был мне незнаком. Особенно запал в душу романс на стихи Василия Жуковского «Цветок»:

«Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел -
От нас веселье отлетает.»

Бывая с мамой на базаре, а он в ту пору располагался на территории, которую теперь занимает Уфимский государственный авиационный технический университет, мы частенько встречали Ливич. Она выделялась своими длиннополыми платьями, с плавно обвивающими ее стройную фигуру мягкими складками, и совершенно романтическими широкополыми шляпами с яркими лентами. Женщины, провожая ее критически-завистливым взглядом, шептали: «Ишь, барыня пошла... Говорят, она из бывших... Жена графа какого-то...» «А граф-то куда подевался?» «Вроде, как за границу утёк...»

Продавцы с удовольствием обслуживали симпатичную «барыню», которая покупала товар понемногу, но выбирала тщательно, уточняя, что собирается готовить. Запомнила я необычную встречу с Евгенией Дмитриевной... в цирке, примерно, в 1964 году. Шапито частенько располагался тут же на базарной площади и через каждые два-три часа проходили небольшие представления. Как правило, в программе выступали мотоциклисты на вертикальной стене, танцующие под русскую плясовую медведи, борцы, клоуны, силачи, жонглирующие гириями и акробаты. Мы с мамой расположились на самой верхотуре, Ливич сидела возле прохода с огромным букетом полевых цветов. Её белое платье и скромная белая шляпка с розовым цветком выделялись на фоне темно-серой массы зрителей. Зазвучала бравурная музыка, на манеж выехала тройка, запряженная бурыми медвежатами-подростками, а в коляске сидел удалой купец-молодец в обнимку со взрослым медведем. Тройка сделала несколько кругов и остановилась в центре манежа. Оркестр заиграл веселую кадрили и «купец» с медведем стали выделять танцевальные па, а под конец пошли вприсядку. Когда номер закончился Евгения Дмитриевна легко вспорхнула на барьер, а «купец» бросился ей навстречу. Женщина передала ему букет, обняла и поцеловала в потную щеку. Когда представление закончилось и зрители вышли на улицу, я увидела за цирковым вагончиком «купца»-дрессировщика, разговаривающего с Ливич. Он что-то тихо говорил, целовал ее руки, а она повторяла: «Это ужасно, ужасно!» и плакала.

Вскоре моя тётушка надумала к своему дню рождения сшить блузку и мы вновь отправились в знакомый полуподвальчик. У Ливич был гость - тот самый мужчина с таксой Валькой. Нас пригласили к столу. На сей раз была уха и бутерброды с икрой, а к чаю домашняя коврижка. Я деликатно попробовала угощения (икру я вообще видела впервые в своей жизни!), а потом с разрешения хозяина пошла с собакой в садик.

Когда же знакомый Евгении Дмитриевны, закончив визит, удалился, я, листая журналы мод, как бы между прочим, спросила: «Тётя Женя, а почему вы плакали в цирке? Вас обидел дрессировщик медведей?» Ливич побледнела и пристально посмотрела на меня: «Ты тогда меня видела?!» Её руки стали судорожно перебирать лекалы, мелки, ножницы... «Это мой хороший знакомый, с которым мы давно не виделись... Ты уже большая девочка, запомни, нехорошо подглядывать за такими... моментами в жизни посторонних людей. А сейчас я прошу тебя... Прошу, как взрослую, забудь того человека и ту сцену навсегда.» Ливич прижала ладони к своим щекам и вдруг перекрестилась сама и перекрестила меня: «Обещай, больше никогда и нигде не вспоминать... об этом.» Я дала честное слово.

В день примерки тётушка и Евгения Дмитриевна долго обсуждали длину рукава и форму воротника новой кофточки. Я же, наскучив листать знакомые книжки, заглянула в соседнюю комнату. Это была маленькая спальня со старомодной никелированной кроватью с четырьмя блестящими шариками на спинках, с пышной периной и узорчатым подзором, прикрывающим низ. Над кроватью, между большими подушками на стене я увидела две фотографии: на одной был изображен симпатичный мальчик, сидящий на деревянной лошадке, а рядом стояла девушка, очень похожая на Евгению Дмитриевну. На другой... тут я потеряла дар речи... Несколько секунд я молча вглядывалась в такие знакомые черты моего деда Александра Андреевича Фадеева, сфотографированного в обнимку с молодой Ливич на тех самых качелях, на которых я так любила кататься со своей тётёй Ниной. Что связывало незнакомую мне тётю Женю и моего деда, умершего в 1940 году? Пока я мучительно размышляла над тем, как мне поступить, дрогнули кисти бархатной шторы и на пороге появилась Евгения Дмитриевна. По моему лицу она поняла, что должна дать какое-то объяснение. Её нервные, сильные руки легли мне на плечи, я почувствовала тонкий аромат духов и услышала прерывистое дыхание: «Девочка, я ни в чем не виновата перед тобой, перед памятью твоей покойной бабушки... Когда-нибудь... Ниночка... твоя тётя Нина ответит на все твои вопросы. А пока ты должна мне просто поверить: твой дедушка был для меня самым дорогим человеком. И останется таким навсегда.» «А как же тот... дрессировщик медведей?» - спросила я. Ливич улыбнулась одними губами, в глазах появились слезы: «Воо...он... на фотографии видишь мальчика на лошадке? Это мой брат

Фёдор, он же теперь дрессировщик медведей. Больше я тебе ничего не скажу. И помни про своё обещание!»

Быть может слишком рано я оказалась посвященной во взрослые тайны, но мой аналитический ум требовал пищи, а детские забавы казались мне слишком примитивными. Однажды Ливич спросила меня, знаю ли я, что такое день Памяти? «Вы имеете ввиду поминки по умершему?» - уточнила я. Евгения Дмитриевна склонила голову набок: «Не совсем... Мы будем вспоминать всех, ушедших от нас в мир иной... Родных, знакомых, любимых... тех, кто продолжает жить в нашем сердце.»

День Памяти

В 60-е годы не было принято торжественно отмечать День Победы, поэтому и 9 мая, и 22 июня проходили буднично. Но именно в день начала Великой Отечественной войны у Ливич собирались люди, чтобы почтить память погибших или умерших в войне 1941-1945 годов, а также в Первую мировую, в Гражданскую, Финскую...

Меня одели в синюю юбочку, белую рубашку с погончиками и я с гордостью повязала красный пионерский галстук. Тётя Нина была в черном сарафане и в сиреневой с белым воротничком и манжетами блузке.

Дверь полуподвальчика оказалась гостеприимно приоткрытой. Пахло свежими пирогами, щами и лимоном. За столом сидели пятеро: четыре пожилые женщины и хозяин таксы, которого, как выяснилось, звали Вадимом Леонидовичем. Гости потеснились, из кухни принесли еще один небольшой столик и Евгения Дмитриевна поставила на него блюдо с куском запеченного мяса, две запотевшие бутылки водки и кувшин с квасом. Тётя Нина и Ливич разлили по тарелкам щи, нарезали тонкими ломтиками мясо. Желаящим предложили добавить сметану или кусочек лимона. Маленькие серебряные рюмки наполнили водкой, мне в синий бокальчик налили квас.

Мне приходилось бывать на поминках, поэтому я ожидала услышать речи, увидеть плачущих людей, но здесь был совершенно другой сценарий. Первым поднялся Вадим Леонидович. Он оглядел присутствующих, слегка потеревил бородку, вздохнул и, словно рассуждая вслух, прочитал четверостишие:

«Что-то и я загрустил...
Вспомнил о ближних, о дальних:
Память, стучусь я, - впусти,
Я твой смиренный печальник.»

Все молча выпили и стали неторопливо закусывать. Потом встала седая, с глубокими морщинами на лице, старушка. Она сняла с себя медальон, открыла его и дала каждому рассмотреть миниатюрный портрет белокурого юноши: «Сашенька... младшенький...» Женщина прижала медальон к своей груди:

«И Ваши очи... Ваши очи...
Смертельно раненной любви,
И все мои глухие ночи
И дни все тише, все короче...
О сердце, сердце, не зови!
Мне всё равно. Вы всё убили.
Я не живу. Я не живой...
Какой ценой Вы победили,
Какой неслыханной ценой!»

Многие стихи Гюнтера Тюрка, Александра Вертинского, Алексея Толстого, прозу, воспоминания я осознала уже по более поздним рассказам моей тётушки. Тогда же меня завораживала сама обстановка... Люди делились своей болью, какими-то яркими страницами давно прошедшей жизни, историями о своих любимых... братьях, сестрах, детях, мужьях, но это звучало не прямым текстом, не сухими датами их биографий, а проникало в душу сложной симфонией, кровавым коктейлем страстей поэта, чтеца, композитора, исполнителя...

Когда же очередь дошла до хозяйки, она взяла в руки гитару, пересела на маленькую скамеечку возле моей тёти Нины и взяла несколько аккордов. Евгения Дмитриевна заглянула мне в глаза, кивнула, словно приглашая куда-то за собой, и едва слышно выдохнула: «Это любимый романс твоего дедушки.» Пальцы ласково скользнули по струнам...

«Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,

Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.»

Ливич и тетя Нина пели на два голоса. Изредка их взгляды встречались и тогда грустная, загадочная улыбка блуждала у обеих на устах. День Памяти плавно перешел в вечер. Меня уложили на ту самую кровать, над которой я когда-то обнаружила фотографию своего деда. Я прекрасно знала его образ по старинным фотоснимкам, где он запечатлен еще молодым человеком, ухаживающим за моей будущей бабушкой, затем уже ее мужем, но этот... на качелях... казался мне совершенно другим. Его улыбка, поза, то, как уверенно и ненавязчиво лежит его холеная рука на плече Евгении Дмитриевны вызывали во мне стыд и ревность одновременно. Уже смеркалось, откуда-то со двора проникал тусклый луч света. Я вглядывалась в лицо деда и мне было ужасно досадно и обидно за бабушку...

Я пыталась размышлять: дедушка с бабушкой расстались много лет тому назад. Дед женился второй раз. Вторая жена больше напоминала артистку, слыла дамой весьма эффектной, но с крутым характером. Ливич - третья. Мне не довелось застать ни бабушку, ни дедушку, которые умерли в 1939 и 1940 годах соответственно. Однако я была прекрасно осведомлена о своих ближайших родственниках, и по фотографиям могла подробно рассказать биографию того или иного персонажа нашей семейной хроники.

Гости ушли поздно, тётя Нина не стала будить меня и прилегла рядом, благо перина - огромная. Утром, я проснулась от взгляда моего деда. Он по-прежнему, покачивался на качелях с Ливич, обнимал ее и хитро улыбался мне. Я дотянулась до портрета, сняла его со стены. Фото сделано до Финской войны, а в кадре та же сирень возле качелей и кривая береза между сараями. На обороте фотографии стихи... что-то про качели. Я узнала руку деда: удлинённые хвостики букв «у», «д» и «в», летящая, куда-то по диагонали, «б», и «р» - с острой, как клинок рапиры, палочкой.

С того дня прошло больше года. Возвратившись как-то зимним вечером из школы, я застала маму и тетю Нину за странным занятием: они перебирали страницы обгоревшего альбома. Старые фотографии и открытки были повреждены огнем или залиты водой. «Что это?» - спросила я. «Ты помнишь Евгению Дмитриевну? Случилась беда, она погибла. Ночью в их доме был пожар.»

Я сама решила идти на похороны. Провожающих Ливич было немного, человек 10-12 знакомых, соседи и наша семья. Прощание состоялось в здании конторы, где Евгения Дмитриевна по утрам мыла полы. Ее такой уютный полуподвальчик выгорел почти полностью. Мы с тетей Ниной пытались найти фотопортрет деда и Ливич, который висел в спальне, но всё было покрыто пеплом, сохранился лишь остов железной кровати. Частично пострадала и квартира соседа - милиционера. Кстати, это он вытащил Евгению Дмитриевну из огня, но спасти ее уже не удалось. Кот Фауст не захотел оставлять дом и решительно перебрался под покровительство семьи милиционера.

Несколько дней мы пытались реставрировать пострадавшие при пожаре фотографии: одни сушили, используя бумагу и утюг, другие пришлось частично обрезать ножницами, по возможности сохраняя лица. Я поинтересовалась у тётушки: «А почему на похороны не приехал брат Ливич Фёдор?» Тётка долго молчала, стараясь уйти от ответа, но я проявила настойчивость. «Деточка, он уехал за границу. Навсегда. Тогда... возле шапито ты видела, как брат и сестра прощались. Он уехал с гастролями и ... не вернулся.»

Интуитивно я догадывалась, что существовали темы, которые в нашей семье деликатно обходили, и я вынуждена была принять эти условия. Энергия тёти Нины не знала границ. Она являлась участницей кружка любителей русской словесности, организатором и руководителем которого была еще ее мама - моя бабушка Вера Николаевна Кулакова-Фадеева. После ее смерти бразды правления взял на себя Вадим Леонидович Троицкий. Это был удивительный человек! В середине 60-х ему было уже за семьдесят, но он выглядел весьма молодо, одевался элегантно, имел легкую, юношескую походку и манеры настоящего джентльмена. Жил он с больной дочерью, которая редко выходила из дома, была глуховата и страдала дефектом речи. Их дом находился на узенькой улочке, спускающейся от улицы Сочинской к реке Белой. Мне довелось побывать на нескольких литературных вечерах, которые проходили один раз в два месяца.

Помню, конец февраля, огромные сугробы, узкую тропочку между ними и струйки дыма из печей. Нас ждал вёдерный самовар, чай с травами, домашний мёд, яблочное варенье и большой чугунок оладьев, укутанный полотенцами. Вот тогда я второй раз в своей жизни услышала стихи Гюнтера Тюрка.

Вадим Леонидович встал, застегнул пуговицы пиджака и отошел к окну. Он прокашлялся: «Кто-то из присутствующих любопытствовал о моем самочувствии?» Троицкий слегка откинул голову назад, подёргал себя за бородку, затем прижал руку к груди и на одном дыхании продекларировал:

«Со всем примерён и утешен,
Свободен от мук и утрат,
Как солнечный зайчик, безгрешен,
Как вольная ласточка, рад.»

Начались разговоры, которые мне были мало понятны. Кто-то из гостей обратил внимание на немецкое имя поэта, но Троицкий пояснил, что, несмотря на германские корни, семья Тюрков считалась давно обрусевшей, а отец Гюнтера - Густав пострадал за то, что состоял членом Общества любителей русской старины и пропагандировал толстовские идеи. Его сослали на Соловки и в 1937 году расстреляли. Сын Гюнтер отбыл в тюрьмах и Мариинском лагере десять лет, а в 1946 году его отправили в ссылку в город Бийск, где Вадим Леонидович работал врачом. Тюрк-младший тяжело болел, истощенный организм уже не мог сопротивляться. Но в периоды, когда коварная болезнь ослабевала свою хватку, врач и пациент подолгу гуляли по старинным улицам города, говорили о литературе, Гюнтер читал свои стихи. Троицкий называл своего друга «печальником». «Знаете, - рассуждал Вадим Леонидович, - вот у Лермонтова, например, преобладает грусть... Она у него такая утонченно-поэтическая! А вот у Гюнтера - мантия печали просто приросла к телу»:

«Кружится пепел седой,
Месяц над ночью так светел.
Пыль на дороге степной -
Это души моей пепел.»

Шумно распахнулась входная дверь, послышался топот собачьих лап, визг, лай. Валька - такса Троицких рванула с дивана в коридор встречать подругу - спаниеля Плаксу. Вслед за Плаксой появился высоchenный дядька в белом овчинном полушубке, шумный, с раскрасневшимся лицом. Он поставил круглую корзину на скамеечку: «Граждане, жена вот тут перцовочки прислала и закусь какую-то...» В центре стола

воцарилась черехгранная зеленобокая бутыль, банки с соленой капустой и мочеными яблоками. Зазвенели рюмки. Вадим Леонидович пригласил желающих «причаститься».

Начались споры о том, как правильно мочить яблоки, какие специи добавлять, каковы особенности заготовки яблок в Сибири и на Урале.

«Синички прилетели!» - сообщил кто-то из гостей. Все накинули на себя верхнюю одежду, шапки, платки и вышли во двор. Возле форточки веранды была сделана специальная кормушка для птиц. Она имела с одной стороны защиту от ветра, а с другой - под навесом маленькие деревянные тарелочки для корма; тут же имелись жердочки-скамеечки, на которых птички могли переждать ненастную погоду. Вадим Леонидович познакомил нас со своей любимицей Симой. Она старательно поддвигала зернышки другим синичкам, а потом еще и заглядывала им в глаза: дескать, как, вкусно ли?

Моей судьбы предначертанья...

Бывая летом в доме Троицких, я любила, усевшись на низенькой скамеечке в большой комнате, через распахнутую настежь дверь смотреть в сад. Меня восхищал фокус: по левую руку от меня в простенке висела картина, занимавшая пространство от потолка до пола, где была изображена часть сада... которого не существовало на самом деле. В реальности садик и огородик занимали небольшой клочок земли, там же стояли два улья, маленький летний столик со скамейками и чуть в низине - банька. Но всё это располагалось в правой части усадьбы. В левой же стороне был своеобразный сарайчик-мастерская, где держали дрова, стоял верстак, а на полочках хранились всякие инструменты.

На картине вместо сарайчика и забора очень логично продолжался фруктовый сад, в глубине которого на качелях каталась какая-то женщина в белом платье и белой шляпке. История этой картины весьма необычна... У нее три автора: сама идея композиции принадлежала Вадиму Леонидовичу, он же карандашом обозначил формы деревьев и качели с женской фигурой, мой дед Александр Андреевич очень старательно в стиле реализма оживил сад в красках, а вот девушку на качелях полностью живописал дядя Толя - хозяин Плаксы.

Услышав историю о том, как дочь Троицкого позировала художнику, я оценила формы натурщицы и уверенно заявила, что точно знаю: кто изображен на качелях... Это тётя Женья; только здесь она без моего

дедушки. Лицо Вадима Леонидовича покрылось красными пятнами, он хотел что-то возразить, но столь эмоциональная реакция выдала его тайну. Он нелепо взмахнул рукой и... пригласил всех в сад пить чай. Тётя Нина сердито толкнула меня в спину и назвала «глупой девчонкой». Я понимала, что дело здесь не в моей «глупости»... Вспомнив, как предупредительно внимателен и вежлив был Троицкий по отношению к Ливич, как он старательно избегал ее слегка насмешливого взгляда... я догадалась о тех сложных взаимоотношениях, которые долгие годы тлели где-то в глубине их сердец. Что помешало этим людям быть вместе? Евгения Дмитриевна любила и всегда была верна одному человеку - моему деду.

Среди развлечений любителей русской словесности было катание на вёсельных лодках. На одной лодке, где основным гребцом являлся мой отец, располагался Вадим Леонидович с Валькой, две сестры Уржумовы - старые девы, - певчие Покровской церкви и заядлые рыбачки, и я с тётей Ниной. На другой лодке с дядей Толей и его взрослым сыном с Плаксой размещались еще три-четыре человека. Бывали случаи, когда лодок нанимали три и даже четыре. Уплывали выше по течению, находили уютное место для пикника и проводили там весь день. Играли в интеллектуальные игры, когда две команды соревновались в угадывании по одной цитате из прозы или одной строчке стихотворения - автора и само произведение. Проигравшие писали хвалебную оду победителям или сочиняли четверостишия, посвященные каждому из победившей команды. Если позволяла погода, купались, загорали, играли в мяч или в бадминтон. Мне же очень нравилось хоровое пение всей нашей дружной компанией. Исполняли популярные советские песни военных лет, из кинофильма «Верные друзья», знаменитые «Подмосковные вечера» и другие. В такие минуты Плакса мирно дремала в тени кустиков или под навесом, а вот Валька старательно «подпевал», на что сестры Уржумовы реагировали весьма сердито. Дабы успокоить четвероногого меломана на него прыскали водой, отвлекали игрой в мячик и даже осеняли крестным знамением. На некоторое время такса делала вид, что она совершенно потеряла интерес к вокалу, но, побегав минут десять вдоль берега по своим делам, пёс усаживался на самое высокое место и рулады собачьего альта вновь оглашали местные пейзажи. Иногда Валька просто шантажировал людей, требуя к себе внимания. Мы поочередно чесали его за ушками, щекотали животик или просто брали на руки. Единственная песня, которая приводила Вальку в спокойно-созерцательное состояние -

это «Вечерний звон». Под этот дивный напев мы возвращались домой. Мерно под вёслами плескалась вода, над рекой стояла какая-то особенная тишина, словно сама природа внимала этим звукам:

«Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом...»

Прекрасно помню путешествия нашей компании в Ключарёво или в Юматово на электричке. Ездили за лечебными травами, за ягодами или просто послушать пение птиц. Дядя Толя весьма похоже имитировал трели соловья, песню жаворонка, криканье диких уток, какие-то пощёлкивания, раскаты, стрекотанья, посвистывания... Пернатые мгновенно реагировали на этот талантливый обман и лес оглашался птичьим гомоном. У знакомых в Юматово мы покупали домашний хлеб, сметану и молоко. На лесной поляне устраивали привал, кушали, потом собирали букеты полевых цветов и неспешно возвращались в сторону железнодорожной станции.

Период моего отрочества закончился в начале 70-х. Заболела тётя Нина и вскоре умерла. Я перешла в вечернюю школу, чтобы больше времени уделять спорту. Любовь к природе, к животным, потребность в чтении, интерес к путешествиям навсегда вошли в мою жизнь. Тётушкин наказ: не покупать телевизор, пока не прочитаешь все книги в своем книжном шкафу, я выполнила с лихвой. Даже спустя несколько лет после замужества я добросовестно ждала, когда же и муж ознакомится с русской классической литературой и лучшими произведениями советских писателей.

Как в дальнейшем сложились судьбы людей, чьи образы так ярко запечатлелись в моей детской памяти и серьезно повлияли на мои интересы, на мою жизнь? Посещая могилу тёти Нины, случайно обнаружила свежий холмик с табличкой «Вадим Леонидович Троицкий 1894-1992гг.». Он пережил моего отца на одиннадцать лет. Дядю Толю я встречала на базаре в начале 90-х, он, конечно, состарился, но был еще бодрым, продавал грибы, травы.

Как ни странно, но в середине 70-х, прогуливаясь с мамой по Социалистической, мы видели в окне дома, где когда-то жила Ливич, кота Фауста. По моим подсчетам, ему тогда было около двадцати лет. Кот

сидел неподвижно между горшками с цветущими геранями и смотрел куда-то поверх наших голов. Мама рассмеялась: «Вот что значит Фауст! Над ним и время не властно!»

И все-таки время летит быстро. Со многими родственниками и знакомыми, с которыми связано мое детство, я уже сравнилась по возрасту. В 90-е годы почти все они покинули этот мир. Трудно узнать те места, где мы гуляли, устраивали пикники; обмелела река Белая. Изменилась Уфа. Навсегда исчезли старинные усадьбы, цветущие сады, извилистые улочки с деревянными домами в кружевных наличниках, с резными балкончиками и уютными верандами. Теперь это крупный промышленный город с широкими проспектами, высотными домами, перегруженный автотранспортом и вечно спешащими людьми. Появилось много различных магазинов, развлекательных комплексов, спортивных сооружений. Люди пользуются мобильными телефонами, интернетом, почти в каждой семье - автомобили, уже не редкость - частные самолеты... Но... всё реже встречается душевность, чуткость, скромность, умение радоваться мелочам, желание развиваться духовно. Эти понятия уходят из нашего обихода, оставаясь лишь в воспоминаниях старожилов. На память приходят строки Фёдора Сологуба:

«И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньям,
Переношусь попеременно
От безнадежности к желаньям.»

Катание с гор

«Луиза, хватит кататься! Пошли! Мы ждем тебя!» - женщина в расстегнутой шубке призывно махала рукой девочке лет десяти, которая лихо мчалась на «ватрушке» с горки. «Мам, ну, еще разок!»

Я остановилась, наблюдая, как Луиза суетится, толкаясь с другими детьми. Ее шапочка с большим помпоном сползла на бок, и черные волосы рассыпались по плечам.

Брат и сестра

Был вечер. Новогодняя иллюминация освещала площадь возле русского драмтеатра. Кружился снег, где-то вдалеке негромко играла музыка. Воспоминания далекого прошлого ожили передо мной.

Начало 60-х годов. Проспект Октября только-только начал застраиваться. Школ было мало. А железнодорожная станция Воронки находилась, примерно, в двух километрах от ближайших домов.

«Теперь о Глазычевых (фамилия изменена – Г.Ф.). Что там у вас, Лидия Дмитриевна?» - директор школы устало подняла глаза на классного руководителя шестого «б». Нервно проведя по волосам рукой, классная дама хорошо поставленным голосом отрапортовала: «После предыдущего педсовета Валера и Луиза занятия не пропускают. Участвовали в сборе макулатуры. Двойки по математике и немецкому языку исправили». Директриса поморщилась и прервала ее бодрую речь: «Вы домой к ним ходили? Что там делается? Как Флюра?»

Лидия Дмитриевна спокойно и убедительно начала объяснять, что добраться до Глазычевых невозможно по вполне объективной причине: выпало много снега, дороги к их дому на Воронках нет, а идти одной на лыжах через лес...» - «А дети как в школу ходят?» Классная глубоко вздохнула: «Так и ходят... на лыжах... вдвоем. Когда сильный мороз или пурга, уроки пропускают. В интернат категорически не хотят оформляться».

Несмотря на то, что с Глазычевыми я училась в одном классе, Луиза была старше меня на год, а Валера на два. Оба оставались на второй год. Их старшую сестру Флюру я не знала, но слышала, что девушка родила в пятнадцать лет и учебу забросила.

Брат с сестрой всегда держались вместе; редко играли с кем-либо на переменах, на уроках были лениво-равнодушны. Их худые, бледные лица редко оживляла улыбка, а глаза с тяжелым недетским взглядом по долгу оставались устремленными в пространство. Эту пару можно было назвать близнецами, так удивительно похожи они друг на друга, лишь хрупкость и болезненная худоба отличали Луизу от ее ширококостного и более крепкого по сложению брата. У обоих проблемы со здоровьем, хронические заболевания. Их школьная форма всегда была мятой и пропахшей давно немытым телом и дешевым табаком, хотя сами дети не курили.

Лыжники

Какой-то особенной дружбы с Глазычевыми я не водила, но с удовольствием составляла им компанию на лыжных прогулках. Особенно мы любили кататься с горы от железнодорожной насыпи в сторону реки Белой. Угол склона была настолько крутой, что наверх приходилось подниматься с лыжами в руках.

А еще Луиза любила рисовать. Один раз в неделю желающие могли заниматься на факультативе акварельной живописи. Нам предлагали натюрморты с вазочками, чайниками, расписными подносами, яблоками, орехами... Но Луиза упорно рисовала лес, цветы, избы с непременным дымом из трубы и детей, катающихся с горки. Валера не интересовался рисованием, но, как верный рыцарь, терпеливо ждал сестру, сидя за последней партой. Изредка он вставал, на цыпочках подходил к Луизе и замирал, глядя ей через плечо. Девочка низко склоняла голову, ее черные, с синеватым отливом волосы падали на лицо и словно отгораживали ее от этого мира. Периодически рисовальщица небрежно откидывала непослушные пряди, и тогда на несколько секунд появлялось узкое, сосредоточенное лицо с полуоткрытым ртом и мелкими, гнилыми зубками.

Особенно старательно Луиза вырисовывала фигуры катающихся детей. Валера уточнял: «Это Марат?» - «Нет! Сашка Котов. У него куртка с пояском».

Было что-то удивительно трогательное в отношениях Глазычевых. После уроков брат складывал книги и тетради сестры в свой рюкзак, и до самого леса нес обе пары лыж. Луиза не спеша шагала рядом, с лыжными палками в руках. Возле большой ели они останавливались, надевали лыжи и вскоре их фигуры исчезали в сумраке зимнего леса.

Как-то Лидия Дмитриевна задержала меня после уроков. «Галя, ты ведь знаешь, где живут Глазычевы?» - «Знаю». – «Давай в воскресенье навестим их? Опять они пропускают занятия. Тропинка-то к их дому есть?» - «Нет! Все замело. Но есть лыжня». – Хорошо, я возьму у физрука лыжи. Ты подходи часам к одиннадцати в школу».

На Воронках

После нескольких падений Лидии Дмитриевны, выковыривания снега из-за шивороты, поисков отцепившегося кольца от лыжной палки,

мы, наконец, добрались до покосившегося почерневшего бревенчатого дома. На наш стук никто не откликнулся, но я догадалась толкнуть дверь. Она оказалась не запертой. Мы очутились в холодных сенях среди каких-то ящиков, досок; тут же валялись старые калоши, несколько пар валенок и высокие резиновые сапоги. Переглянувшись, мы одновременно взяли за ручку обитой дерматином двери. Сделав несколько шагов внутрь, наткнулись на стену табачного дыма и устоявшегося запаха кислушки. Навстречу, протягивая к нам костлявые руки, двигалась пьяная старуха, с распущенными волосами, в ночной сорочке. Ее пыталась удержать более молодая, но такая же пьяная, в коротком цветастом халатике. Из дальней комнаты доносились громкие мужские голоса и хохот. Мы с ужасом попятились. Неожиданно, откуда-то сбоку из-за занавески появилась полная, круглолицая девушка с маленьким ребенком на руках. Ее темные блестящие глаза, кажущиеся совсем черными в полумраке этого ада, смеялись. Она поудобнее устроила ребенка на руках и обратилась к Лидии Дмитриевне: «Здрааа...сте! Просим к столу». Затем она обернулась к женщине в халатике: «Мать, иди, поспи! Это училка Валеркина. Я сама с ней поговорю». Лидия Дмитриевна взяла себя в руки и строго спросила: «Флюра, а где Луиза и Валера?» - Лизка у соседей, а брат в сарай за дровами пошел». Мы присели на лавку в маленькой кухне, где закипал медный ведерный самовар, пахло пеленками и кошачьей мочой.

Стало понятно, что ничего хорошего здесь нас не ждет, но требовалось прояснить ситуацию. Распахнулась дверь, и охапка дров с грохотом упала на пол. «Валерка, а к тебе гости пришли!» - пропела грудным голосом Флюра. Парнишка поздоровался, сбросил телогрейку и присел возле печки. «Ну, я вообще-то, со старшими хотела поговорить. На родительские собрания никто не ходит...» Валера как-то рассеянно взглянул в сторону, встал, снял с веревки пеленки и положил их на тумбочку. Так же аккуратно достал из шкафчика заварной чайник, бросил в него несколько щепоток какой-то травы, залил кипятком, и, накрыв полотенцем, уселся напротив нас, положив большие, мозолистые руки на колени. Вот также он сидел на педсоветах и терпеливо принимал очередную порцию критики в свой адрес, но сегодня его никто не ругал. Лидия Дмитриевна была потрясена увиденным, хотя и не подавала вида. Мы молчали. Вдруг хлопнула дверь и в комнату вбежала Луиза со свертком в руках. Флюра окликнула сестру. Мы тоже вышли к ним. Учительница никогда не видела свою ученицу такой... Румяные от мороза щеки, глаза

светятся радостью, улыбка совершенно счастливого человека! На ней была старенькая, дырявая шаль, наброшенная поверх ситцевого платья и заплатанные шерстяные носки на босые ноги. Улыбка моментально исчезла с лица Луизы, когда она увидела нас. Флюра передала ребенка брату, а сама взялась за сверток: «Сшили? Тетка Валя помогала?» Флюра рассматривала детские распашонки, Валера покачивал ребенка, глядя куда-то в угол, и только Луиза в упор смотрела на Лидию Дмитриевну. Судя по всему, мы были лишними в этом большом, уютном, жарко натопленном доме.

А снег кружил и падал...

Возвращались с Воронок молча. Подниматься в гору было тяжело, но все-таки, сподручнее, чем нестись по склону, лавируя между деревьями и сугробами.

На другой день Глазычевы опять не пришли в школу. Не появились они и через неделю. Валеру мы увидели почти через месяц, в середине февраля. Он зашел в класс, когда уже начался урок. Запорошенный снегом, в огромных валенках... осунувшийся, с трясущимися губами. «Явление Христа народу!» - пошутила молоденькая учительница математики. Дети засмеялись. Валера снял шапку и, переминаясь с ноги на ногу, произнес: «Луиза умерла. Помогите похоронить».

Позднее выяснилось, что ребята катались на лыжах с горы. У Луизы за что-то зацепилась лыжа, и девочка на большой скорости врезалась головой в дерево. Брат вез ее на санках до проспекта Октября. Пока они добрались до телефона, пока приехала «скорая», потеряли много времени. Через несколько дней в больнице Луиза умерла.

Я хорошо помню тот зимний день, когда всей школой хоронили погибшую девочку. Школьники у гроба притихли и растерянно поглядывали друг на друга. Что-то говорили директор, учителя... Совершенно не сохранились в моей детской памяти родители Глазычевых. Я вглядывалась в знакомые черты Луизы, и казалось, легкая улыбка пробежала по ее застывшему лицу. Было холодно. Снежинки плавно опускались на бледные щеки покойницы, и не таяли.

«Луиза! Поздно уже... Мы с папой замерзли!» - женщина отряхивала снег с воротника и притоптывала ногами. Подошедший папа ловко выловил девочку за капюшон, и, взяв подмышку, понес к машине. Луиза

хохотала и дрыгала ногами, стараясь вырваться. Мама, подхватив «ватрушку», едва поспевала за ними. «Лизёнок, завтра у бабушки день рождения, а ты не дорисовала подарок для нее!» - женщина что-то объясняла дочке, но ребенок был еще в азарте игры.

Прежде, чем идти домой, я вновь оглянулась на ярко освещенную елку, на толпу катающихся с горки детей. Среди многочисленных голосов, веселых криков и смеха я вдруг явственно услышала тихие голоса из прошлого: «Это Марат?» - «Нет! Это Сашка Котов! У него куртка с пояском».

Красная смородина

Эта история произошла в середине 60-х годов в одной из уфимских школ. Мне было тогда 12 лет. В нашем классе училась Катя Троицкая – девочка начитанная, добрая и тихая. Она сидела позади меня, а так как мои познания в математике можно считать весьма относительными, я частенько заглядывала к Кате в тетрадь. Мы не были с ней подругами, и наши интересы находились в разных плоскостях. Единственное, что роднило нас, - это художественная литература. Иногда Троицкая приходила ко мне домой, но чаще я забегала к ней. Меня приветливо встречала ее бабушка Ксения Константиновна и тут же усаживала пить чай. Родители Кати часто ездили по командировкам, поэтому воспитанием девочек (у Кати была старшая сестра) занималась бабушка. Бывший заводской мастер, Ксения Константиновна напоминала фею из сказки. Длинные густые волосы она укладывала короной; лицо круглое, с ямочками на щеках и большие карие глаза, светящиеся мягким светом, невольно располагали к себе. Фирменным угощением Троицких, подаваемым к чаю, был торт с красной смородиной, испеченный Ксенией Константиновной и украшенный крупными сочными ягодами.

У Троицких в Алкино был сад. Катюша часто угощала ребят ягодами, яблоками, помидорами «дамские пальчики». Особенно вкусной казалась нам красная смородина. Упругие ягоды, посыпанные сахарной пудрой, взрывались во рту маленькими бомбочками, и кисло-сладкий вкус в начале осени напоминал о прошедшем лете.

В тот год 1 сентября все классы, как всегда, выстроились во дворе школы на торжественную линейку, посвященную началу учебного года. По окончании ее под барабан и звуки горна учащиеся строем направились к зданию школы. Когда мы поравнялись с завучем Ниной Василь-

евной, она обратилась к нашим родителям с просьбой зайти в класс. Нина Васильевна плотно закрыла за нами дверь и строго окинула взглядом собравшихся. «Уважаемые родители и дети! – завуч выдержала театральную паузу и продолжила. – Во время летних каникул, в августе я столкнулась с фактом вопиющего безобразия. Я не стала говорить об этом на общей линейке, но замалчивать такое мы не имеем права. Ученица вашего класса Екатерина Троицкая со своей бабушкой торговала на базаре! Я понимаю: Ксения Константиновна - человек другой эпохи, но как могла пионерка оказаться за прилавком с торговками, со спекулянтками?! Стыд!» Ребята зашушукались, стали оглядываться на Катю. Нина Васильевна поправила очки, откинув голову назад, как она всегда это делала, когда читала стихи о Родине, и приговорила: «Таким не место в детской коммунистической организации! Завтра твое поведение будет обсуждать совет дружины, а сейчас – сними галстук! Ты опозорила звание пионера!» Катя медленно поднялась из-за парты и подошла к Ксении Константиновне. «Не волнуйся, Катюша, все уладится», - бабушка обняла внучку за плечи. Воцарилась напряженная тишина. Девочка сжала губы, посмотрела на бюст Ленина, заваленный букетами цветов, и, глядя Нине Васильевне в глаза, крикнула: «Я ненавижу вас! Не-на-вижу!» - и выбежала из класса.

С тех пор я не встречала ни Катю, ни ее бабушку. Говорили, что их семья переехала куда-то в другой район или в другой город. Летом, в середине 90-х годов, покупая редиску на Центральном рынке, я оглянулась на громкий, призывный клич: «Подходите, покупайте! Ягодки свежие, только что с куста!» Мое удивление перешло в настоящий шок, когда в голосистой продавщице я узнала бывшего завуча Нину Васильевну. Крупные ягоды белой и красной смородины в изящном фужере, в хрустальной вазочке, в красивой плетеной корзине манили и соблазняли. Я подошла и, овладев собой, поздоровалась, назвав по имени и отчеству некогда страстного борца с частной собственностью. И тени смущения не мелькнуло на ее лице. Вряд ли она узнала меня, но я решила напомнить ей о Катюше Троицкой. В это время к смородине начал прицениваться покупатель. Высокая цена смутила его, но красноречие бывшего парторга победило. Пока между ними происходил расчет, я успела рассмотреть старенькое, заштопанное платье Нины Васильевны, ее изуродованные артритом руки, дряблую кожу и какое-то злобно-затравленное выражение лица. Жизнь не пощадила эту женщину, и нанести ей еще один удар я не имела права. Уже в автобусе, не утерпев, я достала из ку-

лечка самую крупную смородину; кисло-сладкая бомбочка, как в детстве, взорвалась у меня во рту, и на глазах выступили слезы.

Имена и фамилия действующих лиц изменены.

Толчок

Нюрка-Краля

Слово «толкучка» в словаре Ожегова поясняется как «рынок, где торгуют подержанными вещами». Само это явление - перепродажа старых вещей, своего наивысшего расцвета достигло в период НЭПа и в послевоенные годы, когда люди пытались устроить быт, создавая хоть какую-то видимость комфорта или относительной роскоши.

В дореволюционный период и в первые годы Советской власти куплю-продажу подержанного товара осуществляли на базарах, в специально отведенных для этого местах. Позднее возникла потребность изолировать продавцов торгующих, как теперь сказали бы, «сэкэнд-хэндом» от других продавцов. Так появились «толкучки», где работникам правоохранительных органов было легче контролировать деятельность спекулянтов, то есть, «несознательных граждан», которые сделали перепродажу (случалось, и краденых вещей) своей основной профессией.

Еще в довоенные годы на уфимской «толкучке» (тогда она располагалась на улице Зенцова, недалеко от бани) раскрылись многочисленные «talанты» бойкой красивой женщины Нюры по прозвищу Краля. Нюрка была высокой яркой брюнеткой; по-французски, худощавой, с легкой танцующей походкой. Ее густые иссиня-черные волосы, заплетенные в косы и уложенные изящной короной на голове, делали ее еще выше, а быстрые зелено-карие глаза смотрели на мир царственно-надменно с кокетливым прищуром из-под длинных ресниц. Нюрка жила в районе улиц Карла Маркса и Чернышевского в деревянном доме на нескольких хозяев. Числилась она где-то уборщицей, но всю свою неутомимую энергию направила на спекуляцию, самогоноварение, не брезговала и мелкими кражами. В фаворитах у нее ходили воры-рецидивисты, складские работники, инкассаторы и даже директора магазинов.

Одна из старших сестер моей мамы жила на общей кухне с Нюркой. Мне едва исполнилось пять лет, когда я впервые увидела «торговку» Кралю в теткинском саду, где она варила малиновое варенье. Стрель-

нув в мою сторону глазами, Краля положила в вазочку свежие ягоды и пригласила меня к небольшому, сбитому из досок, столу под яблоней. Пока я угощалась, Нюрка сидела рядом со мной, подперев голову рукой, чему-то улыбалась, показывая несколько золотых зубов, и тихо напевала: «Шумел камыш, дере...евья гнулись...»

Все дефицитные товары, а в 50-60 годы многое приходилось «доставать», приобретались либо «по блату» с «черного хода» магазина, либо «на толчке». В 60-е годы уфимская «барахолка» находилась между улицами Кирова и Чернышевского, поблизости от кинотеатра «Йондоз» (ныне вновь открытый Рождество-Богородицкий храм). На огороженной территории, под открытым небом, рядами стояли узкие столы, на которые выкладывался товар; но уже метров за 150-200, на подходах к «толчку» люди предлагали на продажу какие-то вещи «с рук» или, показывая кусочек товара из-под полы.

Нюрка занимала два стола, торговала с размахом, имея богатый ассортимент: тюль, байка, фланель, юбки, платья, брюки, хрусталь, сервизы, попадалась и на продаже краденого. Несколько раз за спекуляцию она отбывала срок в колонии, но неизменно возвращалась к знакомому ей ремеслу. Изредка «предпринимательница» сама ездила за товаром на Украину, где по дешевке скупала у сельских жителей кружева, вышивки, модные в те времена подзоры, накидки на подушки. Помню, в нашем доме - белоснежные с вышитыми анютиными глазками скатерти и салфетки «от Нюрки», мамины зимние сапоги, папино драповое пальто, мой детский белый свитер. До нынешних дней сохранилась необыкновенного зелено-желто-коричневого цвета вазочка для цветов. Торговала Краля словно играючи, красиво... ловко подбрасывала ткань на руке, поворачивая к солнцу так, чтобы выгодно смотрелся рисунок, узор; тонко льстила покупателю, артистично удивляясь: как идет ему тот или иной цвет, фасон. Ее звучный голос слышно было издалека. Нюрка сыпала шутками-прибаутками и, как фокусник, вынимала из сумок или мешков различные предметы: посуду, платки, обувь. Нередко говорливая спекулянтка умудрялась сбить некачественный товар - шаль, побитую молью, юбку, прожженную утюгом, или меховую шапку, которая вскоре после покупки расползалась по швам. В таких случаях били Кралю нещадно, но синяки-ссадины быстро заживали, и ее узнаваемое контральто опять привычно оживляло «толкучку».

Нехватка товаров и в 90-е годы прошлого столетия стимулировала энтузиастов-перекупщиков заниматься спекуляцией, только теперь сие

занятие получило официальный статус – «предпринимательство», а те, кого недавно презрительно называли «торгашами», стали бизнесменами, владельцами киосков, магазинов. Последний раз Нюрку за прилавком мы с мамой видели в середине 90-х годов на Центральном рынке, где неугомонная старуха торговала целебными травами, вязаными шарфами, варежками, соленьями собственного изготовления. Голос у Крали погрубел, но характер остался прежним. Как в былые времена, черные (видимо крашенные) волосы диадемой возвышались на гордо поднятой голове, подчеркивая матовую (словно в молодости) белизну лица. Острая на язык, постаревшая торговка привычно подшучивала над своими товарками и над прогуливающимися по «вверенной им территории» - милиционерами. Однако, годы неумолимы. Последние восемь лет Нюрка была совершенно слепой и полностью зависела от дочери, которая дружила с моей мамой. В первых числах июля 2004 года Нюрка умерла; мы ходили проститься с нею как с целой эпохой, которую она представляла. В гробу лежала высохшая, маленькая седая старушка в белом ситцевом платочке. Хищно, словно птичий клюв, торчал тонкий орлиный нос, и только длинные пушистые ресницы напоминали красавицу-Кралю. Прожила она 102 года.

Уфимские страсти русского лото

«Богатыри», «Кочерга», «Барабанные палочки», «Валенки»... Под тихое бормотание «кричащего» в лото я засыпала. О том, что столь специфические названия имеют бочонки с цифрами 33, 7, 11, 66 соответственно, я узнала в семь лет, когда мне стали позволять присутствовать при игре взрослых.

Начало 60-х. В нашей новой трехкомнатной квартире два-три раза в месяц собирались гости. Это родственники, знакомые, соседи. Были среди них завсегдатаи, а бывали редкие визитеры. Со временем я уже знала многих игроков по именам, наблюдала за их реакцией на проигрыш-выигрыш или неожиданно обнаружившийся мухлѐж, угадывала их музыкальные пристрастия, поскольку выполняла роль, как теперь сказали бы, ди-джея... То есть ставила на проигрыватель пластинки.

Немного истории

Первой лотереей, где игроки сами выбирали числа, можно считать итальянскую «Lo Giuoco Code Loto», которая ведет свое начало от выборов в Генуе в 1476 году. Дело в том, что в Генуэзской республике выборы в главный орган самоуправления Великий Совет проводились по жеребьевке. После многоступенчатого отбора к последнему туру голосования допускались девяносто кандидатов, из которых надлежало выбрать всего пять человек. Выборы проходили так: каждому кандидату в члены Совета присваивался порядковый номер с первого по девяностый. Затем в урну закладывали девяносто пронумерованных шаров. После тщательного перемешивания из нее доставали пять шаров. Случай делал свой выбор.

Жеребьевка щекотала нервы. Вскоре Лото получило распространение как игра, и начала свой путь по миру.

В словаре Даля дано такое определение: «Лото – игра, где вынимаются жеребейки с числами, и каждый покрывает на своих картах эти числа; две клетки в строку покрытия называется амба, три – терна, четыре – кватерна, пять – квинта, которая и выигрывает.» Игра состоит в том, что играющие закрывают на картах номера от 1 до 90. Один из участников игры называет («кричит») номера, указанные на доставаемых из мешка «втемную» фишках. Выигрывает игрок, который раньше закроет все числа. Ставки обычно делают «от каждой карты» с возможностью игрока играть на нескольких картах. Победитель выкрикивал: «Bingo!», что означало – «выигрыш».

В Россию Лото привезли в 18 веке из Европы. Уже тогда игра приобрела тот вид и формат, который знает практически каждый современный человек.

Лотошный Интернационал

Моя мама не любила большие компании и азартные игры, поэтому она брала на себя приготовление ужина и оформление стола, с тем, чтобы потом быть свободной. На помощь ей приходила соседка чувашка тетя Валя – водитель трамвая и ее сын Миша – повар заводской столовой. В два тазика делали какой-нибудь салат и пекли маленькие кексики с курагой, изюмом или орехами. В зависимости от сезона, готовили фаршированные перцы, голубцы, холодец, жареную картошку с грибами

или колбасой. Для женщин покупали мадеру или кагор, мужчинам что-либо покрепче. Заранее собирали минимальную сумму на продукты; кто мог, вносил более серьезный вклад деньгами или приносил дефицитные закуски, дорогие вина.

Застолье носило символический характер. Главное - общение, а затем игра в лото. Среди постоянных игроков были две подруги: Варвара Павловна Коростылева 1894 года рождения – наша родственница по отцовской бабушке и ее ровесница Анна Станиславовна Хилькевич – выпускница Смольного института благородных девиц, педагог, знавшая несколько иностранных языков, отчаянная модница до самых последних дней своей жизни. В середине 60-х годов им обеим было за семьдесят. Анну Станиславовну изредка сопровождал ее моложавый супруг – красивый седоватый поляк Евгений Янович.

Весьма своеобразной личностью являлся Энгель Иванович Цыплаков - Цыпочка – крещеный татарин, лингвист, попавший к нам по рекомендации наших казанских родственников. Он преподавал немецкий и французский в техникуме, поэтому гости легко переходили на иностранные языки, деликатно уточняя на русском: о чем идет речь.

Не могу не вспомнить еще одного азартного игрока - добрейшего дядю Федю – нашего дворника, человека всегда готового прийти на помощь... касалось ли дело каких-то столярных вопросов или сантехнических. В свободное время он подрабатывал доставкой мебели в качестве грузчика и рикши. Автотранспорта тогда не хватало, а у Федора была самодельная тележка, в которую он впрягался и благополучно доставлял приобретенный товар до дома покупателя.

Бывало, к нашей компании присоединялась наша бывшая соседка по черниковской квартире еврейка Белла Самуиловна Коган с супругом или с дочерью. Все трое были стоматологами и, естественно, каждый из игроков-лотошников, хоть изредка попадал в умелые руки этих виртуозных специалистов.

Концерт по заявкам

Когда после ужина игроки разбирали карточки, я приступала к своим обязанностям. В предыдущий визит гости оставляли записки с пожеланиями услышать то или иное произведение. Нужные грампластинки заранее были выбраны из огромной отцовской фонотеки, которая занимала несколько полок в специальном шкафу. Игру начинали со

ставки в 15 копеек, но впоследствии ставка увеличивалась до 20 копеек, а изредка доходила до 1 рубля. «Кричали» по очереди. Больше всех горячился и суетился дядя Федя. Он был глуховат на одно ухо, поэтому менял свое место каждый раз, когда «кричащий» оказывался возле больного уха.

Энгель Иванович вдовел уже лет пять. Детей у него не было. После смерти жены, перебравшись из Казани в Уфу к сестре, он надеялся отвлечься от грустных воспоминаний, но сестра скоропостижно скончалась, и мужчина остался совершенно один в незнакомом городе. Наша «лотошная» компания пришлась ему по душе, он ценил эти встречи, всегда стараясь внести свой посильный вклад в общее дело. Ему было лет шестьдесят пять, и Анна Станиславовна дружески просила: «Энгель Иванович, Цыпочка, расскажите нам что-нибудь!» В ответ он смущенно улыбался и говорил: «Что ж рассказать?! Я на днях Гейне перечитывал...» Далее следовали лирические строки на немецком языке. Не понимая ни слова, по выражению лиц я угадывала возвышенное состояние духа присутствующих. Варвара Павловна вздыхала, тихо повторяла последние строчки стихотворения и, мешая русские слова с немецкими, выражала признательность. Моя тетушка Нина переводила с немецкого для Федора; Белла Самуиловна тете Вале и Мише. Игра возобновлялась. Фоном к происходящему звучали арии из опер или романсы в исполнении Бориса Гмыри, Сергея Лемешева, Надежды Обуховой.

После ухода гостей, помогая мыть посуду, тетя Валя качала головой и повторяла: «Душевно у вас! Не все понимаю, но тепло как-то...»

«Взвейтесь, соколы, орлами!»

Евгений Янович, приняв горячительное, впадал в игривое настроение: отпускал двусмысленные шуточки, демонстрировал фокусы, доставая бочонок с нужными цифрами из кармана соседа или, извиняясь, просил кого-нибудь из дам заглянуть в собственную сумочку. В процессе игры он характеризовал свое положение речитативом: «Не для меня пришла весна...» - если нужные цифры долго не назывались, и «Взвейтесь, соколы, орлами!» - если дело шло к выигрышу. Евгений Янович успевал рассказывать анекдоты, замечал промашку невнимательного игрока, отлучался к этажерке, где стояли бутылки со спиртным, тонко нарезанными ломтиками сала и солеными огурцами.

Меня несколько пугал его бурный темперамент, я побаивалась неожиданных вопросов, типа: «А, скажи-ка, любезная Галина, какой город является столицей Финляндии?» или «Как ты мыслишь, арбуз – это овощ аль фрукт?» Единственное в чем я симпатизировала Евгению Яновичу, это музыкальные пристрастия... Старинные марши и вальсы в исполнении духового оркестра я всегда включала в программу с огромным удовольствием.

Странная, трагикомическая история, которую я хочу рассказать, случилась в канун католического Рождества 1967 года. Игра в лото шла своим чередом. Отзвучали неаполитанские песни в исполнении Муслима Магомаева, я поставила любимое танго Варвары Павловны «Черные глаза»... Голос некогда популярного певца Петра Лещенко звучал с заезженной пластинки томно и проникновенно. Кто-то предложил повысить ставки. Находившийся уже в подпитии супруг Анны Станиславовны вдруг усмехнулся и заявил: «Ставлю свою жену!» Энгель Иванович удивленно вскинул брови: «При таких условиях я готов играть против вас... на все наличные!» Цыпочка вывернул содержимое своих карманов, - более ста рублей, а сверху положил золотые часы. Все замерли. Анна Станиславовна побледнела и что-то возмущенно сказала мужу по-французски. Ей по-русски ответил Энгель Иванович: «Прошу вас, не беспокойтесь! Евгений Янович, конечно, шутит. Вот только я не собираюсь шутить... Я был бы счастлив, если б вы оказали мне честь... до конца дней... В общем, я делаю вам предложение.»

Передаю происшедшее со слов моего отца и тетушки. Присутствующие восприняли инцидент как пьяную выходку Евгения Яновича, но, когда выяснилось, что он проиграл, Анна Станиславовна молча встала и подошла к победителю со словами: «Ну, Энгель Иванович, считайте, что я ваша.»

Не может быть!

Через несколько дней после этого происшествия Варвара Павловна – раскрасневшаяся и возбужденная шепталась с тетей Ниной на кухне. До меня долетали отдельные фразы: «Она перевезла к Цыпочке все свои вещи! Ужас!!! Ведь почти тридцать лет совместной жизни! ... Запил! Это просто бред или сон?! Ну, не может быть! ... Нина, как сторонний человек, ты должна вмешаться! Анна послушает тебя! Ради бога...»

Однако ничего уже не изменилось. Новый год по-старому стилю мы провели без Евгения Яновича. Готовили цыплят-табака, сельдь под шубой. Миша объяснял мне, как правильно размещать столовые приборы, какие тарелки используют для тех или иных блюд, какие рюмки идут под вина, а какие под водку или коньяк.

Опять звучали романсы, вальсы Штрауса... Всё было как всегда, но в воздухе витало напряжение. Разговор не клеился, гости смотрели в тарелки. Обстановку разрядил дядя Федя... Он принес записанную на «костях» (рентгеновская пленка) песню про черного кота. Варвара Павловна встрепенулась и всех пригласила танцевать. Пока народ был занят в зале, мы с Мишей первыми дегустировали на кухне пирожки. Похрустывая румяной корочкой, мой визави мечтательно произнес: «Она, конечно, не красавица, но есть какая-то притягательная сила в ее глазах, в манере говорить...» - «Ты о ком?» - «Об Анне Станиславовне.» - «Она же старая!» - «При чем тут возраст?! Маленькая ты еще... Вот, слышишь музыку?! Говорят, твист... неприлично! А мелодия захватывает и ты уже втягиваешься в этот ритм, сердце как бешенное бьется, и крутит тебя, крутит! Повезло Цыпочке! Не пропадет он с ней.»

Весной состоялась свадьба Энгеля Ивановича и Анны Станиславовны. Было свежо в цветущем саду возле дома, где накрыли столы. Усадьба находилась недалеко от уфимского железнодорожного вокзала. В воздухе витали ароматы сирени и пропитанных смолой шпал. До нас доносились гудки локомотивов, мерный стук колес и отдаленный голос диктора, объявляющего прибытие или отбытие очередного поезда.

Ближе к вечеру после торжественного обеда Анна Станиславовна пригласила всех на веранду. Достали лото. «Василь Василич» (88), «Половину просим» (48), «Чертова дюжина» (13)... «Граждане пассажиры, поезд Челябинск-Одесса прибывает...» Через несколько минут я уже крепко спала на кожаном диванчике, заботливо укрытая шерстяным пледом.

Нынче здесь, завтра там

Недавно попалась мне в интернете занятная фотография - передвижной лоток союзпечати. И сразу вспомнились старинные коробейники, которых на Руси ждали не только как магазин мод, но и в определенной степени, как ходячую газету новостей. В советские годы, когда города после Великой Отечественной войны восстанавливались и пере-

страивались на современный лад, киоски для продажи газет еще не везде нашли своё постоянное место прописки.

Мои первые детские впечатления, связанные с периодической печатью, относятся к концу 50-х годов. Мы жили на улице Кирова, недалеко от гостиницы «Башкирия». Именно в этой гостинице располагался ближайший стационарный уголок с печатными изданиями. Выход «за газетами» привлекал меня - четырехлетнего ребёнка тем, что я опять увижу «настоящего мишку». В фойе гостиницы, кроме бородатого швейцара в форменной одежде, меня поражало огромное чучело бурого медведя, стоящего на задних лапах. А ещё запомнился специфический запах свежих газет, табака и старого дерева, исходивший от массивных дверей и перил.

Будучи постарше, я уже сама покупала газеты, журналы, открытки в первых появившихся в Уфе киосках. Но... во многих киосках окошечко располагалось очень высоко и мне приходилось подставлять себе под ноги кирпич или просить других покупателей, чтобы меня приподняли. Другое дело, когда по городу стали появляться, так называемые, книгоноши. Чаще это были пожилые мужчины, но встречались среди них и женщины, перевозившие свой товар на тележке, которая трансформировалась в столик. Как правило, в ассортименте были несколько центральных газет, журналов и хороший выбор книг, в основном в мягких обложках. Такие коробейники часто появлялись возле проходных заводов, фабрик, возле рабочих столовых.

Среди моих первых покупок были открытки с изображением зверей. Потом меня совершенно очаровал номер журнала «Огонёк» с портретом поэта Михаила Лермонтова в гусарском мундире. Уже проживая на проспекте Октября, когда я научилась читать, деньги полученные «на мороженое», тратились исключительно на книги. Я быстро превратилась в постоянного покупателя тётки Вали, кочующей с рюкзаком и двумя стопками, перевязанных верёвочкой книг, вдоль проспекта. В хорошую погоду она раскладывалась на остановках общественного транспорта, а в дождь или сильный мороз находила приют в продовольственных магазинах, где всегда оказывалось много покупателей.

Как-то тёплым июньским днём 1965 года я появилась перед тёткой Валей, распаковывающей свой товар. Дождавшись, когда книги и газеты заняли своё место на шатком столике, я подошла ближе. «Вот, что тебе интересно будет,» - тётка Валя подала мне книжку Ильи Дворкина «День начинается утром». Полистав странички и убедившись в том, что «это

про войну», я ссыпала медяки в ладонь продавщицы и направилась в школьный двор, где в летние каникулы никто не мог нарушить моё уединение. История о том, как в одном южном городе мальчишки выслеждали шпионов и помогли их задержать, увлекла юную читательницу настолько, что отец уже отправился меня искать.

Именно тётя Валя снабжала меня приключенческими романами, а потом предложила ознакомиться и с «Литературной газетой». Наша семья выписывала много самых разных газет и журналов, но «Литературку» я неизменно покупала у тёти Вали, потому, что с этой умной, начитанной женщиной можно было обсудить произведения известных поэтов и писателей, печатавшихся в этой газете или просто поговорить по душам на любую тему.

Теперь, когда телевидение и интернет отодвигают книги и газеты на второй план, книгоноши на наших улицах - большая редкость. Их можно встретить в электричках, в поездах дальнего следования. А прошлым летом меня удивил водитель автобуса маршрута Казань - Уфа... Когда пассажиры расселись по своим местам, желающим почитать свежие газеты и журналы предложили обратиться к водителю-сменщику. У него же оказались в наличие и детективы Агаты Кристи, юморески Семёна Альтова, несколько детских книжек с картинками. Услуга бесплатная. Вскоре в салоне зашуршали газетами, коллективно начали разгадывать сканворды. Время в пути пролетело незаметно.

Первый блин – комам

Масленица - праздник своеобразный. Его отмечали даже в советское время, когда отношение к религии было категорически отрицательным. Конечно, комсомольцы и коммунисты не ходили по улицам в вывернутых наизнанку тулупах и не прыгали через костер, но некоторые элементы древних обрядов все-таки соблюдались. В парках играла музыка, водили хороводы, народ согревался горячим чаем и блинами. Соседи по-семейному приглашали в гости, родственники навещали друг друга, а дети получали вкусные подарки и возможность поиграть на свежем воздухе, покататься на санках.

Моя крёстная, будучи человеком верующим, старалась и меня познакомить с основами православной религии. Однако молитвы наводили на меня скуку, а описание жизни святых погружало в сон. Совсем по-другому воспринимала я религиозные праздники с подачи нашей хоро-

шей знакомой, бывшей соседки Нонны Федоровны. Масленицу она называла Медвежьим праздником и отмечали мы его как-то уютно и познавательно-творчески.

Нонна Федоровна преподавала русский язык и литературу, поэтому не удивительно, что ее маленькая комната в старом двухэтажном доме на улице Кирова была населена книгами, журналами, газетами, которые занимали книжные полки и подоконники. Для читателей младшего возраста книжки-раскладушки лежали на сундуке возле печки.

В начале 60-х годов прошлого века чтение было едва ли не главным развлечением; во всяком случае, большую часть информации народ получал из печатных изданий. Так, сидя на сундуке с внуком Нонны Федоровны Сашей, я узнала о том, что в стародавние времена медведь или, как его называли на Руси, ком считался прародителем людей, царем зверей. О нем сложены сказки, мифы. Русских по натуре сравнивают с медведем: с одной стороны, они нерасторопные и незлобивые, с другой - могут за себя постоять. Изображение медведя встречается на многих гербах старых русских городов.

Масленица - это прощание с морозами, буранами, это предчувствие тепла. Символ медведя связан с пробуждением сил природы. После зимней спячки мишки просыпаются и голодные вылазят из своей берлоги. Медведь имеет множество имен: рыкач, Потапыч, Топтыгин, костоправ, пчелух, ломака, косолапый, бер (отсюда пошло слово берлога). Ком - это Хозяин Леса, а еще дух дерева, ведь логово медведя часто расположено в основании ствола большого дерева. Именно поэтому низ ствола называется комель. В старину деревья всегда спиливали под комель, дабы не потревожить сам дух. Чтобы задобрить голодного мишку первые блины несли в лес и оставляли на пнях-комелях возле берлоги: «Первый блин - комам.» Вот, примерно, такие сведения узнали мы с Сашей, прежде, чем положить маленькие блинчики перед нашими плюшевыми медведями. Мой светло-коричневый медвежонок Миха отдавал предпочтение блинчику со сметаной, а мордастый, цвета ржавчины Сашин Трофим любил блины с вареньем.

Нонна Федоровна на Масленицу готовила блюда по старинным рецептам: всевозможные блины, гороховую кашу, курник, кулебяку с грибами, лососем и сыром, яблочный пирог, пирожки с маком, сбитень, морсы, овсяной кисель. После трапезы мы вспоминали известные нам литературные произведения, где упоминается медведь, перечисляли виды медведей, их рацион. Потом выходили во двор с большим подносом,

где лежали всякие сладости и угощали соседей. К нам присоединялись дети и их родители, начинались веселые игры. Кто-нибудь из мужчин назначался «медведем», наряжался в ватные штаны, телогрейку и начиналась беготня. «Медведь» старался кого-нибудь поймать, а мы все разбегались и пытались спрятаться. Те, кого «медведь заломал», должны были откупиться стишком, песенкой или танцем.

Однажды мы с крёстной остались ночевать у Нонны Федоровны; к вечеру из окна я наблюдала, как энергично и шумно проводят Масленицу более взрослые жители ближайших домов. А утром на всю округу раздался голос проснувшегося сторожа конторы, расположенной на первом этаже: «Это какая же скотина Шарика пивом напоила?!» Я выбежала во двор и возле дровяного сарая увидела забавную сценку: крупный бело-черный пёс, покачиваясь, брел к своей миске и пытался поест только что принесенный теплый суп. Попасть мордой в миску у Шарика никак не получалось, лапы его подкашивались, разъезжались и он падал на солому. Сторож присел на корточки и поднес миску к носу лежащего Шарика. Собака икнула и с аппетитом начала чавкать. Я вынесла Шарика свежий горячий блин, помазанный малиновым вареньем. Пёс проглотил его, не жуя, и тщательно облизал мне руки. Потом зигзагом добрался до своей будки, тяжело вздохнул и, гремя цепью, нырнул под брезент.

Из открытых форточек на улицу вырывались ароматы пирогов и блинов, в соседнем дворе кто-то играл на гармошке. В каждом доме из труб вился дымок. Возле колонки громко переговаривались женщины, гремели ведрами. Масленицу празднуют целую неделю. Выходными эти дни не являются, но даже в будни присутствует какое-то радостное возбуждение... Перезимовали! Скоро весна.

Пари

Мне подарили коробку французских конфет с ромом. Прекрасный сувенир из Парижа с изображением Эйфелевой башни, набережной и красивыми мостами. И вспомнилось одно пари, заключенное в конце 60-х годов между мной и нашей бывшей соседкой Агриппиной Аркадьевой Ильинской - заядлой театралкой, любительницей русской поэзии, учителем математики по-профессии.

Как и большинство советских подростков я увлекалась приключенческой литературой, и в частности книгами о героях-разведчиках. Мне было лет тринадцать, когда роман героя Советского Союза Дмит-

рия Медведева «Сильные духом» о легендарном разведчике Николае Кузнецове попал в мои руки. Своими мыслями и чувствами от прочитанного я спешила поделиться с окружающими, в том числе и с Агриппиной Аркадьевной. В её лице я нашла внимательного слушателя и доброго собеседника. Мы с ней попили чай с пирожками, перебрались на большой диван с фарфоровыми слониками на полочке и принялись обсуждать, восхищаться мужеством партизан, подпольщиков и, конечно, разносторонними талантами Николая Кузнецова, действовавшего на оккупированной Украине среди фашистов под именем Пауля Зиберта.

«А ты знаешь, Галочка, до романа “Сильные духом” существовала пьеса с одноименным названием? Эта пьеса в середине 50-х годов была в репертуаре нашего уфимского русского драмтеатра». – «Нет! Не может быть! - возразила я. - Ведь роман вышел в 1951 году?!» «Ты права. Только премьера пьесы состоялась в 1949 году в Воронеже, и написана она была в соавторстве Дмитрием Медведевым и кинодраматургом Анатолием Гребневым по повести Медведева “Это было под Ровно”.»

В ту пору Ильинской было около восьмидесяти лет. Почему-то я не поверила ей... Уж слишком мало подходил сюжет романа «Сильные духом» для театральных подмостков, слишком многоплановыми должны быть сцены, в которых задействованы десятки персонажей. Агриппина Аркадьевна достала большую картонную коробку, в которой хранились старые афиши, программки, билеты московских и ленинградских театров, а также всевозможные буклеты театров, которые были с гастролями в Уфе. Увы! Программки спектакля «Сильные духом» найти не удалось. Я торжествовала. Однако, мы заключили пари на... конфеты с ромом, которые так любила моя милая знакомая. В уфимских магазинах изредка появлялись небольшие коробки золотисто-бордово-коричневого цвета... Если не ошибаюсь, производства Польши.

Наверное, можно было обратиться в наш драмтеатр и уточнить факт наличия в его репертуаре спектакля «Сильные духом», но мне было некогда, а в 1972 году не стало Агриппины Аркадьевны. К судьбе героя Советского Союза разведчика Кузнецова я возвращалась неоднократно. Во-первых, в Уфе проживала родная сестра Николая Ивановича Лидия Ивановна Брюханова, во-вторых, в уфимской школе № 105 (ныне гимназия) существует музей этого выдающегося разведчика-самородка, и в-третьих, недалеко от нашего дома проходит улица, названная в его честь.

За последние годы написано много статей и сделано несколько телепередач посвященных чекисту и партизану Дмитрию Медведеву. Описывая боевой путь отряда «Победитель», которым руководил Дмитрий Николаевич, авторы всегда отмечают особую роль агента-диверсанта Николая Кузнецова, известного среди партизан под именем Николая Грачёва.

Кузнецов родился в деревушке Зырянка, находящейся в Талицком городском округе, ныне Свердловской области. С детства проявлял интерес к изучению иностранных языков, в особенности - немецкому. Получив языковую практику среди местных немцев, Николай в дальнейшем совершенствовался, общаясь с немецкими инженерами на заводе в Свердловске и в Москве.

В конце лета 1942 года он приступил к выполнению специальных заданий в оккупированном Ровно, превращенном фашистами в столицу рейхскомиссариата Украины. За шестнадцать месяцев активной работы Кузнецов лично ликвидировал 11 генералов и высокопоставленных чиновников нацистской Германии; выяснил местонахождение под Винницей полевой ставки Гитлера «Волчье логово», добыл информацию о подготовке теракта во время Тегеранской конференции глав стран участников антигитлеровской коалиции и сведения о предстоящем наступлении немцев под Курском. Погиб Николай Иванович в марте 1944 года, попав в засаду.

В преддверии 75-летия великой Победы я позвонила заведующей литературной частью Государственного академического русского драматического театра Республики Башкортостан Елене Поповой и спросила её о спектакле «Сильные духом». Она не только подтвердила слова, сказанные Агриппиной Аркадьевной о постановке этой пьесы, но и любезно предоставила ксерокопии программки за 1955 год. В ней сообщается, что «Сильные духом» - драма в 4-х действиях и 13 картинах.

Роль Николая Кузнецова исполнял Венедикт Гутман. Каково же было моё удивление, когда я узнала, что командира партизанского отряда играл Николай Дроздов (впоследствии заслуженный артист РСФСР). А ведь в середине 70-х годов я занималась под его руководством в драмкружке при Доме офицеров.

Вот так коробка конфет с ромом напомнила мне о споре из далеких 60-х. Жаль, что тогда наше с Агриппиной Аркадьевной пари так и осталось незавершенным. Но... остались воспоминания.

«Борман у аппарата»

Начало телефонной эры обогатило лексику новыми выражениями; появилась особая этика взаимоотношений между тем, кто набирает номер телефона, и тем, кому звонят.

Конец 19 – начало 20 века – это период, когда размеренное течение жизни проявлялось также и в телефонных разговорах. Как правило, человек взявший трубку звонящего телефона, называл себя; представлялся и позвонивший. Отчасти подобная вежливость была необходимой, поскольку связь абонентов осуществлялась через коммутатор, и, дабы не гадать напрасно, люди сразу же называли свою фамилию. Это правило сохранилось до наших дней в военных организациях и в милиции. Современные обыватели предпочитают безличностные отношения: «Алло!», «Привет!», «Как дела?» Бывает, подобным образом беседа длится минут пять, пока не выяснится, что звонивший просто ошибся номером. К сожалению, с появлением сотовых телефонов, культура общения стала сводиться к примитивизму. Люди в общественных местах, не стесняясь, в полный голос обсуждают бытовые и интимные дела, подчас не выбирая выражений.

В середине 70-х годов я получила отличный урок культуры ведения разговора по телефону. Дело обстояло так... Мы - семеро девчонок, в возрасте от 15 до 18 лет, собирались на соревнования в Пензу. Поезд из Уфы уходил поздно ночью, поэтому мы заранее отвезли свои вещи на квартиру одной из наших спортсменок - Татьяны, которая жила недалеко от железнодорожного вокзала. Необходимо заметить, что в это время весь советский народ буквально жил сериалом «Семнадцать мгновений весны». Не являлись исключением и мы. Итак, посмотрев очередную серию, моя подруга Светлана решила позвонить и узнать, подъехали ли наши девчонки к Татьяне. Набрав номер, Светка судорожно глотнула и с ужасом, отразившимся на ее лице, передала мне телефонную трубку. На мое «Алло!» мягкий басовый баритон, словно откуда-то из преисподней, произнес: «Борман у аппарата. Слушаю вас...» Мурашки пробежали у меня по спине; я, словно сомнамбула, осторожно положила трубку на рычаг. Несколько минут мы со Светкой смотрели друг на друга, потеряв дар речи. Наконец, шепотом я поинтересовалась: «Что это?» - «Наверное, я неправильно набрала номер», - одними губами ответила подруга.

Часы показывали полночь. Мы быстро оделись и на цыпочках, чтобы не разбудить родителей Светланы, вышли на улицу.

У Татьяны нас уже ждали. Взяв самые тяжелые сумки, Танин дедушка пошел нас провожать. Пересекая трамвайные пути, кто-то из девочек спросил: «Это не вы звонили в 12 часов?» Светка встрепенулась: «Мы. Но...» Истерический хохот эхом отозвался на пустынных улицах; дедушка смущенно улыбнулся: «Что же вы молчали?! Я вам представился, а от вас, кроме «алло!», так ничего не услышал!»

В ожидании поезда мы с любопытством выслушали историю Александра Генриховича Бормана - военного хирурга, прибалтийского немца, получившего образование в начале 20 века в Германии и долгое время проработавшего в военных госпиталях Риги, Новосибирска и Куйбышева. А я с тех пор, когда звоню по телефону, всегда называю свою фамилию.

Курица в шоколаде

В 80-е годы я подрабатывала ночным сторожем во вневедомственной охране. На работу ходила с интересными книгами по юриспруденции и психологии, однако судьба подарила мне знакомство с тремя женщинами, судьбы которых оказались настолько удивительными, что о книгах я на время забыла.

Пожилых вахтеров все называли просто по именам: тетя Тоня, тетя Женя и тетя Валя. Дежурили они со мной по графику, поэтому с каждой из них мне пришлось провести одинаковое количество смен. Признаюсь честно, делать записи я начала сразу, уж слишком захватывающими оказались сюжеты их биографий. Тетя Тоня большую часть жизни проработала... в тюрьме, тетя Женя до смерти своего мужа-кэгэбэшника не работала вообще, тетя Валя... вот тут одной фразой не отделаешься... Именно с тети Вали и начались мои записки.

В первую ночь дежурства меня встретила полная, круглолицая женщина, с умными, сине-голубыми глазами, с гладко зачесанными волосами и какой-то мягкой, чуточку смущенной улыбкой. «Студентка?» - вместо приветствия спросила меня вахтерша. «Хуже, - ответила я, - спортсменка.» Мы обе рассмеялись. «Садись, сейчас чай попьем.» То, что я увидела на столе, напоминало скромный банкетный натюрморт: пирожки, ватрушки, конфеты, полукопченая колбаса, порезанная тонкими ломтиками, два соленых огурца с чесноком и укропом, картофель,

сваренный «в мундире», несколько кусочков сала. Особенно меня поразило то, что вся эта красота размещалась на изящных фарфоровых тарелочках, а на заварном чайнике восседал симпатичный кот-грелка. «Вы ждете гостей?» - выдохнула я. «Нееет! - отмахнулась тетя Валя, - люблю вкусно поесть, и посуду люблю красивую. Вот на днях за сервизом несколько часов в ЦУМе стояла. Вишь, как глаз радуется?! И васильки, и ромашки, травка зеленая...»

Как-то совершенно естественно возник хрустальный графинчик. На мое классическое: «Не пью» последовало традиционное: «По чуть-чуть. Ты же первый день работаешь... Отметим. Это моя фирменная наливочка.» В тяжелые удлинённые рюмки налили грамм по пятьдесят напитка цвета бордо. Запахло свежими вишнями. «Грустно одной-то трапезничать. Ночь длинная. Рамиль-то, который до тебя работал, в университете учился на инфаке; по немецки стихи тут читал... Как начнет балаболить... А мне война вспоминалась... Всё опять перед глазами встает... - Тетя Валя провела рукой по лицу, словно, пытаясь сбросить видения... - Ты наливай чай покрепче, я с душицей завариваю...»

Мне не нужно было готовиться к лекциям, учить немецкий, а прошлое этой милой женщины оказалось столь трагическим, что я тут же уселась в старое, продавленное кресло в ожидании подробного рассказа. Тетя Валя не спешила, сходила проверить замки на дверях, закрыты ли окна, включила сигнализацию. Было тихо, звук редких автомобилей не проникал за толстые двойные стекла. «Ты видела когда-нибудь как волков травят?» - неожиданно спросила моя компаньонка. «Не приходилось. А что?» «Я родилась в деревне под Смоленском. В семье пятеро сестер и два младших брата. Тяжело жили. Мне едва шестнадцать лет исполнилась, мать сказала, что понравилась я солидному человеку, бездетному вдовцу... Он из наших деревенских был, но давно уже уехал в Смоленск. В то время там заведующим промтоварным магазином работал. Об отказе мама и слышать не хотела. Во...от. Через год Ванька у нас родился, а еще через три Любочка. Всё у нас было, сама я в детском саду нянечкой работала, дети при мне. Сергей Кузьмич - мужик хороший оказался, не пьющий, только деньги очень любил, каждую копейку считал. Частенько залежалый товар со своим замом вывозили в районы... Что-то они там, видать, мухлевали. Возвращались с деньгами, навар между собой делили. Правда нам тоже подарки привозил: детям - сладости, игрушки, мне - отрез на платье или из посуды что... Когда война началась, Сергей Кузьмич с товаром в пригород отправился, воспользовался

ситуацией, что-то выгадать хотел, да так и сгинул. Помню, как самолеты над городом летели, казалось, вот-вот крыши сорвет. Я в отпуске была. Соседка прибежала, говорит, немцы в городе; мальчишек старшеклассников возле Горсовета расстреляли.

Как собиралась, плохо помню. Самое необходимое в детскую коляску покидала. Ванька сестренку одевал, теплую одежонку в рюкзак положил, консервы, хлеб. Он большой уже был - семь лет исполнилось; дрова умел колоть, печку топить, читать научился. А Любаша слабенькая от рождения, худенькая. Во...от. Выскочили из дома; народ, как на демонстрации, идет, мы за ними. То с одной стороны взрывы слышно, то с другой... Первую ночь в лесу ночевали. Холодно. Костры боялись разжигать. Потом в деревнях останавливались, но немцы наступали, мы уходили за нашими войсками. Бывало так: последние беженцы только за околицу вышли, а с другого конца уже фрицы на мотоциклах въезжают. Нас - стариков и женщин с детьми человек сорок набралось; барахло обменяли на еду, осталось только то, что на себе носили. Шли неделями, ягоды собирали, грибы, иногда в деревнях детям стакан молока давали, а мы перебивались подножным кормом. Никогда не забуду, как грузовик с немецкими солдатами поравнялся с двумя девочками-близняшками лет по 14... Машина притормозила, два офицера из кабины выскочили, схватили сестренку за руки, за ноги и закинули в кузов к солдатам. Мать и братишка вцепились в задний борт, но им по пальцам ударили прикладами и грузовик скрылся в пыли.

Самое страшное пережили возле деревни Нижнее Грибово. У нас был один путь - в сторону Ржева. Кругом немчура, в деревни заходить боязно, старались лесом идти. А тут беда... Пьяные полицейские случайно сарай с сеном сожгли, в огне погибли три верховые лошади. Немцам сказали, будто это партизаны сделали. Тогда никаких организованных партизан не было; но отыгрываться стали на беженцах. Местные жители успели нас предупредить, еще и хлеба с картошкой дали, немножко гороху. Мы побежали в лес. Далеко уйти не смогли, с нами несколько стариков немощных было, больные дети. И вдруг слышим: собаки лают, ищек по нашему следу пустили. Мы, побежали, не разбирая дороги. Когда голоса преследователей немного стихли, огляделись и поняли, что вокруг нас болота. Темнело уже. Мы пристроились кто где мог и уснули, прижавшись друг к другу. Утром, едва перекусить успели, опять лай, выстрелы слышны, мы дальше в глубь продвинулись. Когда один из стариков стал тонуть в трясине, мы его пытались вытащить, но нас тоже

стало засасывать. У старика сил уже не хватало, а он вместо того, чтобы как-то бороться за свою жизнь, рукой себе рот закрывал: боялся закричать. Спасали нас густые заросли, кустарник, полчища комаров... Слышим, собаки близко, захлебываются от злости, автоматчики начали простреливать болота, а мы лежим в густой, липкой жиже, боясь пошевелиться. И тут Любаша моя закашлялась. У нее и так-то легкие слабые, а тут уже который день по лесам, по болотам лазили. Я ее к груди прижала и молюсь... Смотрю, на нас другие ребята глазенки в ужасе вытаращили; матери их собой стараются закрыть, а лай совсем рядом. Пули свистят, немцы орут что-то... но нас в этой грязи разглядеть не могут. До ночи мы не могли подняться, только когда стемнело, услышали гул моторов - поняли: уезжают наши мучители.»

Тетя Валя налила себе полную чашку чая и залпом выпила. Несколько минут мы сидели молча. Подо мной скрипнуло кресло. Рассказчица вздохнула и продолжила: «С первыми лучами солнца стали выяснять, кто живой? Ванюшка мой с соседским мальчиком среди каких-то коряг схоронились, правда, замерзли сильно. Несколько человек были убиты. Любочка умерла. Я держала ее холодное тельце и не могла понять: умерла ли она от переохлаждения или это я так сильно прижала ее к своей груди и она задохнулась?»

Хоронить мертвых не было сил. С опухшими от укусов комаров лицами, мокрые, грязные брели мы вдоль той дороги, по которой уехали грузовики с автоматчиками. Увидев одинокого старика на телеге, долго не решались окликнуть. Вызвался один из подростков, он поздоровался и спросил: в каких деревнях нет немцев? Старик окинул нашу компанию критическим взором: «Айда, за мной.» Расположились мы на окраине большого села, умылись, привели себя в порядок, доели остатки картошки... Вдруг, глядим, несколько грузовиков с немцами к нам едут, а с ними тот самый старик. Продал, сволочь!

Пригнали нас всех в лагерь под Сычевкой... Грязь, вонь, антисанитария, голод ужасный! Кормили пустой баландой с брюквой и гнилым картофелем; причем овощи даже от грязи не отмытые. Заключенные дизентерией заболели. А спали все на полу вповалку. Друг от друга заражались быстро. Как-то приехал незнакомый офицер, посмотрел, в каких условиях люди содержатся, распорядился нары трехъярусные сделать, таблетки раздал. С недельку этот фриц в лагере прожил, следил, как его приказ выполняется, а по вечерам на скрипочке играл. Жааа...алостные

такие мелодии наигрывал, прям, душу рвал. Видать, самому тошно было от того, что людей как скотов содержат.

Детей-то, что постарше, со взрослыми на работы гоняли, а малышей заставляли территорию убирать. Возвращаюсь однажды, еле ноги передвигаю, а Иванка-то мой кусок белого хлеба мне сует. - Откуда? - Герр офицер дал. - За что? - А я плакал. - А плакал зачем? - Музыку его слушал.

Построили отдельный барак для детей, вроде как детский сад. Отбрали более-менее здоровых ребятишек, начали их усиленно кормить. Мы сначала решили: одумались, вороги окаянные! А потом поняли - донорами их сделали, кровь качают. Ванька-то бледненький был, жилистый, его не взяли. Бабы, когда осознали, что с их детьми вытворяют, тигрицами на охранников бросились. Да разве спасешь?! Одной очередью из автомата мамок поубивали, а кто жив остался - притихли. Пробовали бежать... только всех ловили, потом вешали посреди лагеря. Трупы долго не снимали... для острастки. А народу все больше и больше привозили, мы уже по трое на нарах спали. Зимой тиф начался, хоронить не успевали. Где-то возле леса ров выкопали, туда мертвых на машинах свозили.

Жизнь шла как во сне или в бреду. Кое-как перезимовали, солнышко пригревать стало. Вши нас заедали страшно! А тут случай... соседка моя смоленская полы мыла у коменданта лагеря, а на столе у него семечки в миске, крупные, жареные. Взяла она горсточку в карман, а охранник увидел, выволок несчастную во двор, подтащил к чурбану, где дрова кололи, да руки по локоть топором и обрубил. Сынок ее зубами в этого гада вцепился, так тот мальчонку головой на чурбан положил и словно курёнка по шее рубанул. Вот тогда я уже решила: будь что будет, надо бежать. Месяца два еще наблюдала за происходящим: кто на каком посту дежурит, какие привычки у охранников. На деревьях появилась первая зелень, дороги подсохли. Случай подвернулся неожиданно. Приехали какие-то начальники, наши офицеры засуетились, а потом заперлись в доме совещаться. Вечером вроде как торжественный ужин устроили. Охранникам тоже угощение досталось. Вижу, с хозяйственного двора наши бабы дополнительные скамейки пронесли. Солдаты дрова колют, в дом коменданта носят. Схватила я Ванюшку за руку и потащила за свинарник, там ящики навалены, лопаты, ведра, баки с мусором. Под ящики залезли и давай подкоп делать.

Помнишь, я тебя про волков спросила? Вот у меня с начала войны было такое чувство, словно гонят меня охотники, флажками обкладывают, ждут, когда ослабею совсем. Откуда силы брались, не знаю. Бежали мы с сыном долго, переплыли какую-то речку, до лесочка добрались и упали без сознания. Через три дня блужданий по лесу вышли к дороге и увидели наших пехотинцев и кухню полевую. Подошли мы с Ванькой, трясет нас обоих от усталости, от голода. Солдатики фельдшера позвали, он взглянул на нас, всё понял. Налили супу жиденького, чтобы заворота кишок не произошло, и по кружке сладкого чая дали.

Что потом было? Фильтрационный лагерь в Рязани. Пять месяцев допрашивали меня СМЕРШевцы. И днем и ночью допытывались: как через линию фронта перешли, карту под нос совали... А я что? Баба малограмотная... Плачу, одно твержу: сына отдайте. Наконец появился угрюмый такой дядька... Форма вроде военная, только без знаков различия. Слушал он, слушал, потом тоже спросил имена и фамилии лагерных начальников, сколько месяцев я там пробыла, чем занимались? Помолчал. Глаза закрыл, сидит, руку свою поглаживает. Так, не открывая глаз, говорит: «Валентина, сейчас сына тебе приведут. У вас родня какая есть?» Я пояснила, что кроме смоленских, у меня тетка в Уфе живет.

Угрюмый дядька что-то сказал на ухо одному из следователей; тот вышел и вернулся с Ванюшкой и большой коробкой. Мы обнялись. Следователи собрали со стола бумаги, завязали папку и покинули кабинет. Угрюмый дядька подписал бумаги, удостоверяющие наши личности и сопроводительные справки, объясняющие наше пребывание на оккупированной территории и то, что мы прошли соответствующую проверку в спецлагере НКВД № 178. Дату поставил: 27 октября 1942 года. Затем пододвинул ко мне коробку: «Это паек вам... консервы, галеты, хлеб. Поешьте сейчас, минут через сорок за вами приедет машина. В ближайшее время отправим до Самары, а там Уфа рядом.»

Открыли мы банку консервов... Никогда ничего подобного не ела! Курица в шоколаде! Чудно! Это я уж потом узнала, консервы нам американцы по лендлизу поставляли. Как начали мы с Ванькой уплетать, не сразу и разобрали, что едим. На сыночка смотрю: глазенки горят, ложкой работает, причмокивает... И так мне любо на него смотреть! Сижу, а по щекам у меня слезы от радости текут. Вспомнила я наши мытарства, болота, леса, холод, голод, лагеря проклятущие... Не выдержала, в голос зарыдала!»

Ночь пролетела быстро. Тетя Валя, заново пережив далекое прошлое, уходила с дежурства задумчивой и грустной, а где-то через два месяца, на 7 или 8 мая она приготовила мне сюрприз: курицу в шоколаде. Мы с ней организовали маленький банкет по случаю Дня Победы, и я попробовала экзотическое кушанье. «Тетя Валя, а все-таки это не русская еда, - сделала я свой вывод, - сочетание какое-то странное...» «Не соглашусь с тобой, Галочка, - тетя Валя налила мне чашку чая и пододвинула еще теплые шанешки, - у нас в семье частенько к праздникам курицу готовили, а шоколад... он хоть и сладкий, но с горчинкой. Вот и получается: курица в шоколаде - самое наше блюдо - как праздник Победы с горьковатым привкусом. Людей-то сколько полегло?!»

Чья победа? или Искусство диалога в экстремальных ситуациях

Работая в 70-80-е годы общественным помощником следователя прокуратуры, мне приходилось общаться с разными людьми, знакомиться с нюансами сложных дел. Я была ещё совсем юной, поэтому тот опыт, который нарабатывался в процессе следствия, оказывал полезное влияние и на формирование моей личности. Конечно, основную и значимую роль сыграл ОН - старший следователь районной прокуратуры Михаил Александрович Дементьев, ставший для меня наставником и другом.

История на одну сигарету

Перегруженность работой не давала возможности вести праздные разговоры, но во время обеда мы с Дементьевым успевали коснуться тем психологии, криминологии и криминалистики. Я полагала, что самые интересные и трудные для расследования - это дела об убийствах. Однако Михаил Александрович возразил, заметив, что преступления интимного характера, как правило, бывают более запутанные и выводить подозреваемого и его жертву на откровенность - процесс, требующий особого такта и дипломатии.

Подвозив меня домой, мой следователь, перед расставанием выкуривал сигарету и рассказывал какую-нибудь историю из своей богатой следственной практики. Я на ночь получала любопытную информацию,

которую осмысливала, анализировала, а при следующей встрече задавала уточняющие вопросы и делала свои выводы.

Как-то поздним вечером, провожая меня до подъезда, Михаил Александрович спросил, смогу ли я завтра утром присутствовать при допросе потерпевшей? Я почувствовала в его голосе какое-то то ли сомнение, то ли досаду. «Вас что-то смущает?» - удивилась я. – «Если не торопишься спать, давай прогуляемся?» Мы шли по пустынным улицам. Редкие автомобили мчались навстречу, на мгновение ослепляя фарами и растворяясь в темноте. «Мне передали дело... начатое в позапрошлом году другим следователем. Попытка изнасилования. Ситуация осложняется тем, что инициатива возбуждения дела исходит не столько от потерпевшей, сколько от её матери. И ладно бы девица была несовершеннолетняя, а то - 27 лет! Ни побоев не было, ни криков о помощи... Я тебе сейчас вкратце изложу события, а ты к завтрашнему подготвь список вопросов к потерпевшей. Мне хотелось бы увидеть происшествие глазами постороннего.»

Дело было вечером...

В ресторане одной из уфимских гостиниц сидели две девушки лет под тридцать. Почти все столики оказались заняты, поэтому неудивительно, что к ним подошли двое мужчин средних лет и попросили разрешения составить компанию. Согласие было получено. Завязался разговор, состоялось знакомство. Ирина сразу нашла общий язык с крупным, спортивного телосложения Виктором, а Венера осторожно поглядывала на коренастого, голубоглазого, с пшеничными усами Алексея. Джентльмены заказали водку, закуску, фрукты. Венера от алкоголя отказалась, пила лимонад. Оркестр играл всё громче, посетители хмелели, становились веселее. После очередного танца Виктор с Ириной исчезли. Алексей расплатился за ужин и прихватив с собой бутылку водки, предложил Венере проводить её до номера. В лабиринте полутемного коридора он притянул девушку за талию и поцеловал в щечку. Вспыхнувшая Венера робко попыталась оттолкнуть кавалера, но сильные руки удерживали её. Так, находясь в объятиях, она открыла дверь своего номера и они со смехом плюхнулись на диван.

Было начало августа. Теплый ветер врывается в открытое окно, приносит запахи цветов и едва различимую мелодию песни «Арлекино» в исполнении Аллы Пугачевой. Алексей снял пиджак, плеснул в стакан

водки... предложил Венере. Девушка отказалась. Гость выпил, и словно только что увидев свою подругу, задумчиво произнес: «А ты красивая! Только волосы лучше распусти... вот так!»

Бутылка опустела наполовину. Мужчина посадил Венеру себе на колени и принялся жадно целовать. «Не надо! Пожалуйста, не надо! Пустите меня!» - уговаривала она своего обольстителя, отворачиваясь от его влажных губ. «Ну, чё ты?! Чё ты дёргаешься, как не родная?! Я вот сейчас за кипятком схожу... У тебя вон... кофе есть.» Алексей громко икнул и нетвердой походкой вышел из номера.

Делать было нечего...

Первый следователь спросил Венеру, почему она не закрыла дверь на ключ, когда Алексей вышел за кипятком? Она пояснила, что ждала возвращения своей подруги Ирины. Что это? Глупость совершенно трезвой девушки или кокетство, желание продолжить любовную игру? Наверное, задавая этот вопрос, нужно не только слышать ответ, но и видеть мимику, глаза потерпевшей.

Алексей приготовил кофе. Подавая чашечку Венере, слегка пролил содержимое ей на юбку. Пьяный гость начал полотенцем промокать кофейные пятна, осторожно проникая рукой под юбку. Завязалась шутливая борьба. Наконец, распаленный мужчина не выдержал и со словами: «Хватит кривляться!» - вlepил Венере пощечину. Не получив активного сопротивления, Алексей рванул кофточку, пытаясь навалиться на жертву. Девушке удалось выскользнуть из рук нападавшего. Она залезла на подоконник и предупредила, что если Алексей не оставит её в покое, она выпрыгнет в окно. Слова не произвели должного впечатления, мужчина попытался стащить Венеру с подоконника. И тут произошло неожиданное: резким движением потерпевшая оттолкнула Алексея, но, потеряв равновесие, начала падать наружу. Уцепившись за раму, Венера повисла на высоте четвертого этажа. Виновник пытался за кофту втащить её обратно, но не удержал и девушка сорвалась вниз.

Алексей, прихватив бутылку с остатками спиртного, вернулся в свой номер, где мирно спали Виктор с Ириной и, допив водку, уснул в кресле. Венеру в бессознательном состоянии рано утром на земле обнаружили прохожие, вызвали «скорую».

Женское оружие

До назначенного следователем Венере Сафиной времени оставалось минут сорок. Дементьев пробежал взглядом составленный мною перечень вопросов, удовлетворенно хмыкнул и поднял взгляд: «Значит, длина юбки потерпевшей, на твой взгляд, как-то оправдывает насильника?» - «Не оправдывает! Но может провоцировать на активные действия.» - «Ну-ну! Мыслишь ты правильно, но по жизни всего не предусмотришь. Существует мода. Не каждая девушка, отправляясь в ресторан, будет думать о “провокации”. Ей просто хотелось выглядеть эффектно.» «А каковы повреждения у потерпевшей?» - перевела я разговор в деловое русло. - «Упала на мягкую землю. Компрессионный перелом позвоночника, тазобедренного сустава, закрытый перелом руки, сотрясение мозга. Она не сразу рассказала о случившемся. Когда выяснились подробности, Сафина не имела претензий к Алексею Бочарову. Объяснила падение, как свою неосторожность. Ведь на самом деле её никто не толкал. Хотя... именно поведение насильника заставило девушку забраться на подоконник. Но опять возникает вопрос: если она не собиралась вступать в близкие отношения с пьяным мужчиной (а в 27 лет такие вещи уже понимать надо!), достаточно было закрыть дверь на ключ, когда Бочаров вышел. Возвратившаяся Ирина могла постучать... И вот фактик ещё один имеется. По заключению судебно-медицинской экспертизы, на тот момент Сафина была девственницей. Неужели она - совершенно трезвая, не понимала, что игрой в поцелуйчики это randevu не закончится?! Почему не оказала сопротивление, не кричала?! Тогда и соседей опрашивали... Стены тонкие, никто ничего не слышал. Да и сама потерпевшая признает, что на помощь не звала, “стеснялась”. Это уже после выписки из больницы, мать заставила Венеру изменить показания, чтобы взыскать с Бочарова компенсацию за лечение и моральный ущерб.» «А что из себя представляет Алексей?» - «38 лет, инженер-авиационник из Казани. Женат, двое детей. Характеризуется положительно. Не имел, не привлекался...»

Допрос

Допрос - это настоящее искусство. От культуры речи, от грамотной постановки вопросов, от умения манипулировать фактами и даже от то-

нальности голоса зависит доверительность отношений следователя и его визави. К допросу Венеры мы с Дементьевым подготовились оба.

В кабинет вошли две женщины. Михаил Александрович поднялся им навстречу. «Клара Фатиховна, прошу вас подождать в коридоре. Мне нужно поговорить с вашей дочерью.» - «Я заслуженный учитель... У меня стаж больше тридцати лет...» «Гражданка Сафина, я непременно выслушаю вас. Кстати, вот моя визитка. Если надумаете что-либо сообщить, звоните после 17.00. Сейчас попрошу выйти», - мягкий баритон звучал дружески и успокаивающе, но светло-карие глаза следователя приказывали.

Перед нами на стуле сидела высокая, слегка сутулая, миловидная девушка в юбке до колен и светлой кофточке с длинными рукавами. Она мяла в руках носовой платок и изредка бросала на нас испуганный взгляд. Дементьев полистал дело, неспешно закурил и подошел к открытому окну. Слегка присев на подоконник, он участливо спросил: «Венера Равилевна, как ваше здоровье?» Девушка быстро заморгала, улыбка мелькнула на её губах: «Спасибо. Я уже хожу на массаж и в бассейн.»

Потерпевшая тихим голосом повторила то, что уже рассказывала первому следователю. Свое пассивное поведение в номере гостиницы объяснила природной стеснительностью. «А потом я боялась...» - Венера облизала пересохшие губы. «Так вам Бочаров угрожал?» - подключилась я к разговору. «Боялись чего?» - уточнил следователь. «Ну, что Алексей ударит меня.» «А после того, как он пощечиной “приласкал”, почему не сопротивлялись?» Крупные слезы градом посыпались из глаз девушки, она уткнулась в платок и всхлипывая пояснила: «Думала, больнее бить будет.»

Михаил Александрович с силой раздавил сигарету в пепельнице и налил воды: Сафиной и себе. Я дописала протокол и Венера привычно вывела аккуратным детским почерком в конце каждой страницы – «с моих слов записано верно», и расписалась.

Дементьев отметил повестку и внимательно посмотрел на девушку: «Бочаров арестован. Он, безусловно, понесет наказание. Но, скажи мне без протокола, Алексей один виноват в том, что с тобой произошло?» Венера покосилась на дверь и решительно помотала головой: «Нет...»

Особенности поведения

Некоторое время мы ждали, что мама потерпевшей появится в кабинете, но, видимо, она удовлетворилась разговором с дочерью. Михаил Александрович взглянул на меня: «Получается, заслуженная учительница с тридцатилетним стажем не смогла подготовить свою дочь к взрослой жизни. Знаешь, Галина, мне кажется, что детей уже в раннем возрасте необходимо учить не только ставить перед собой цели и добиваться их, но и твердо усвоить, чего они категорически не хотят. Умение сказать “нет” в нужный момент, порой бывает важнее многих талантов. Девушка-то хорошая, скромная, воспитанная, а вот четко обозначить свои желания или нежелания... не смогла.» - «В данном случае пятьдесят процентов вины на Бочарове. Семейный мужчина завел интрижку с девушкой. Конечно, если бы он не был пьян, наверное, разобрался, что перед ним неискушенная в интимных делах особа.» - «Подозреваю, что жесткий контроль со стороны родственников превратил Венеру в комплексующего человека. В случившемся - есть доля вины матери... Контролировать - не значит подавлять. Между прочим трагедия коснулась и семьи Бочарова. Его жена подала на развод. Две дочки будут расти без отца. Лет шесть-семь они его не увидят.»

Это уголовное дело было показательным в плане практической психологии. В 70-80-е годы ещё существовали нормы морали. Сдерживающим фактором мог стать возраст девушки, да и сами отношения до свадьбы носили романтический характер.

Что ж это было?

В современном мире эмансипация раскрепостила женщин. Возможно, это не плохо. Женщины занимаются боксом, поднимают штангу, летают в космос, водят большегрузные автомобили... Изменилось поведение представительниц слабого пола и в интимной сфере. Уже открыто жрицы любви рекламируют свои услуги, несовершеннолетние барышни посещают мужские компании по, так называемой, «вписке». В телешоу юные девицы 12-14 лет подробно смакуют свои сексуальные приключения, а к совершеннолетию некоторые из них уже становятся многодетными мамами.

Скандално известная история, якобы изнасилованной, Дианы Шурыгиной послужила примером для подражания. Из обиженной плак-

сиво-кокетливой девочки она, благодаря стараниям режиссеров и ведущих телепрограмм, превратилась в хищную самку, требующую финансовое вознаграждение не только за постельные услуги, но и за появление её на телеэкране. Малолетние девочки, пострадавшие от насильников, почему-то не выглядят жертвами. Они уже уверенно ориентируются в законах, легко идут на шантаж, а их очные ставки с обидчиками напоминают ультимативные требования опытных дипломатов.

За последние годы стала более свободной трактовка понятий «домогательство», «изнасилование». Женщина, вступившая после корпоратива в интимные отношения с несколькими мужчинами на другой день пишет заявление об изнасиловании. Да, кое-кто из сексуальных партнеров нравился потерпевшей, но не все. Да, и те, кто нравились, вступили с ней в связь в извращенной форме. Впрочем, возможно не все... Да, у неё синяки по всему телу... Так это уже после всего... она сама «с лестницы упала».

В суде первой инстанции насильники получают реальные сроки. Суд второй инстанции выносит им оправдательный приговор (или наоборот). Вчерашние насильники требуют «разобраться по существу» и обвиняют потерпевшую в «домогательстве», от которого они не сумели спастись; пришлось им из последних сил удовлетворять агрессивную женщину. Это не ирония! Примерно так сейчас рассматриваются дела об изнасилованиях.

Вспоминаю Алексея Бочарова; дело сорокалетней давности. Получил «герой» семь лет колонии усиленного режима. А в довесок присудили весьма солидную сумму компенсации. Венера через несколько месяцев приходила благодарить Дементьева. После её визита Михаил Александрович долго сидел молча. Потом развел руками и процитировал Цветаеву:

«И все-таки - что ж это было?

Чего так хочется и жаль?

Так и не знаю: победила ль?

Побеждена ль?»

Имена и фамилии действующих лиц изменены.

Тётя Катя

Соседей не выбирают. Тетя Катя, Толька, Колька и маленький Толька Устюжанины были мамиными соседями до середины 80-х годов. Занимали они маленькую комнату в большой коммунальной квартире в старинном доме по улице Свердлова, 98. Дом был расположен напротив уфимского ЦУМа и хорошо знаком мне с начала 60-х годов прошлого века. Именно в это время моей маме Серафиме Андреевне Окуновой дали там, на втором этаже, комнату. Без всяких удобств, но с балконом, частично застекленным (на фото он хорошо виден).

Семейные страсти

Долгое и близкое соседство сближает людей настолько, что семейные тайны, как таковые, просто перестают существовать. Толька и Колька – сыновья Тети Кати. Толька-младший – сын умершей дочери тети Кати, то есть внук. Старшие Толька и Колька по очереди отбывали срок в колонии за всякие мелкие прегрешения, вроде драк или краж из гастронома, где они работали грузчиками. Толька-младший с горем пополам учился. Он был чуть моложе меня, поэтому не удивительно, что тетя Катя обращалась ко мне с просьбой помочь «оболтусу» написать сочинение. «Да шибко хорошо не пиши! – смущенно инструктировала она меня. – Не поверит училка-то».

Вечно голодному Тольке-младшему моя мама постоянно подсовывала яичницу с колбасой, которую он старался есть не спеша, изредка бросая взгляд в мою сторону. Вообще, этот худенький, бледный мальчик частенько искал повод составить мне компанию и мог подолгу листать многочисленные газеты и журналы, которые мы выписывали. Я же большую часть времени проводила на улице, занимаясь спортом. Во дворе мы играли в волейбол, в прятки, в футбол. У Толика был порок сердца; активные игры были ему противопоказаны. Он прятался от своих вечно пьяных дядей где-нибудь в уголке, возле сараев, наблюдал за происходящим, с радостью подавая играющим отскочивший мячик.

Двор, где проходило наше детство, это угол улиц Свердлова и Карла Маркса. В 60-е годы он полностью сохранил атмосферу начала XX века. Рядышком с трехэтажным и пятиэтажным зданиями с частичными удобствами благополучно существовали дома без воды и канализации. Бегая по улицам, нам не надо было подниматься домой, чтобы попить

воды; «кока-колу» и «пепси» вполне заменяла уличная колонка. А за сараями находился достаточно чистый деревянный туалет, которым пользовались и местные жители, и многочисленные покупатели ЦУМа.

История дома

Любопытна история маминого дома. Я бы сказала, его биография. Точная дата постройки не установлена, но по воспоминаниям современников, известно, что в апреле 1912 года здание уже существовало как доходный дом. Хозяевами данного усадебного участка с 1908 года значились товарищ директора Городского общественного банка Иван Степанович Глазырин и его супруга Алевтина Ивановна. Именно при них появился этот трехэтажный особняк на углу улиц Малой Казанской (ныне ул. Свердлова) и Александровской (ныне ул. Карла Маркса).

Дом Глазырина выполнен в стиле эклектики, но с явным преобладанием элементов модерна. Об этом говорят сплошное, почти на всю высоту фасада, остекление лестничных клеток, асимметричность здания, подчеркнутая в левом крыле небольшой башенкой-шатром, и высоченные витражные окна первого этажа.

Несмотря на то, что к дому уже давно подвели воду и канализацию, туалет был один на этаж, кран с водой – в туалете и на кухне. В каждой семье имелся свой раковина со сливным ведром, а для детей, больных или стариков где-нибудь под кроватью, за изящным подзором держали горшок. Ни душевой, ни ванны не было: мытье – в общественных банях.

Всего на общий коридор и кухню второго этажа приходилось шесть семей. Народ – самый разный. Рабочие, пожарный, врач, два педагога, медсестра, пенсионеры, дети... Кто-то из жильцов уезжал, приезжали новые... Маминими соседями с другой стороны были супруги Вера Павловна Осетрова и Насибулла Габдуллович Абдуллин – главврач Республиканского онкологического диспансера, где моя мама работала медсестрой.

В 60-е годы бывший дом Глазыриных еще не утратил самобытность внутреннего интерьера. Особняк сохранил парадный вход с большими дубовыми дверями, окна вестибюля имели цветные витражи, а литая чугунная лестница вполне могла бы украсить и более солидное здание.

Во двор можно было выйти через черный ход. Стены метровой ширины, высота потолков три метра. Зимой здесь хорошо держалось тепло, а в жару – прохлада.

В комнатах от былых времен оставались печи, хотя паровое отопление уже обеспечивало определенный комфорт.

Тогда же, в конце 60-х, провели первый капитальный ремонт. Длинный коридор поделили на три части, и на общую кухню приходилось уже по два хозяина. К сожалению, во время ремонтных работ была нарушена система водоснабжения и с тех пор в подвале периодически скапливалась вода, которую приходилось откачивать. Парадный и черный подъезды оказались изолированными друг от друга.

Вирази перестройки

Перемены в жизни россиян начались с восьмидесятых. С прилавков магазинов исчезли товары первой необходимости. Наличие денег не давало гарантии благополучного существования. Приходили в негодность вещи, мебель, старые коммуникации, ветшали особняки, представлявшие историческую ценность.

Мама вышла на пенсию и не работала. Тетя Катя частенько по соседски заглядывала в гости. Сыновья ее по-прежнему пили и дрались. Период времени, когда Толька с Колькой одновременно попадали в места не столь отдаленные, для тети Кати превращался, как она выражалась, в курортный сезон. Толька-младший часто лежал в больнице или в детском санатории, и тетя Катя собирала передачи то внуку, то мятежным сыновьям.

Однажды я зашла по делам в Дом печати. На площадке между этажами увидела тетю Катю. Она мыла полы. Женщине было далеко за семьдесят. Ее лицо в глубоких морщинах было спокойно и сосредоточенно, волосы убраны под косынку, рукава сатинового халата завернуты до локтя. Я задержалась на несколько минут: «Тетя Катя, разве вы еще работаете?» Старушка выпрямилась, приветливо улыбнулась: «Дык, оглодам-то не хватат... Колька ишо сидит, Толька опять запил... Участковый на днесь приходил... А внуку обутку справлять, пальто мало стало. Растет, не успеваешь покупать...»

Странное чувство вызывала во мне тетя Катя... Битая своими непутевыми сыновьями, полуголодная (пенсию отнимали на спиртное), она никогда не жаловалась на судьбу. Изредка, смущенно извиняясь,

просила мою маму подержать у нее в холодильнике ливерную колбасу или открытую банку консервов. Бывало, трапеза этой несчастной женщины состояла из пирожка или булки с кружкой воды из колонки. Но она никогда не побиралась, не просила милостыню. Если соседи, не выдержав криков и шума загулявших братьев, вызывали милицию, тишина воцарялась на пятнадцать суток. По возвращении Толька с Колькой опять отыгрывались на матери. Когда синяки сходили с лица тети Кати, я отмечала благородную, неброскую русскую красоту правильных черт стареющего лица, затаенную грусть серо-голубых глаз. Ее чуть сгорбленная фигура, тихая покорность обстоятельствам и какое-то чисто христианское смирение составляли единую композицию со старинным домом на Свердлова. По вечерам старушка, словно материализовавшаяся душа дореволюционного здания, сидела на высоких ступеньках общего коридора или стояла у окна, наблюдая за детьми, играющими во дворе.

Уходит эпоха

Примерно, в середине 80-х незаметно ушел из жизни Колька. Сейчас уже и не вспомню, в колонии ли помер или просто пропал без вести. Толька-старший в очередной раз мотал срок. Младший шабашил где-то в колхозе на стройке. Тетя Катя навела порядок в своей 14-метровой камерке, повесила ситцевые занавески, отремонтировала давно остановившиеся часы-ходики, принарядилась: купила вязаную кофту цвета спелой вишни; чаще стала бывать дома. А потом вдруг исчезла.

Вернувшийся после отсидки Толька на мой вопрос о тете Кате пояснил: «Умерла она. В больнице... Хоронила организация, где мамка работала...»

... Примерно тогда же на Свердлова, 98 обрушился балкон над парадным входом, откуда было так удобно наблюдать за происходящим на углу возле универмага. К тому времени уже изменился и двор. Снесли сарайчики, деревянные гаражи и спортплощадку, на месте которых построили современное здание. В конце 80-х дом Глазырина пережил еще один капитальный ремонт, перепланировку, обеспечившую жильцам отдельные квартиры. Люди, наконец-то, получили более просторное жилье (некоторым дали новые квартиры) и ванны. Но радовались старожилы недолго: затянувшийся в период перестройки ремонт проведен был некачественно: на стенах появились широкие трещины, а в подвале опять стала скапливаться вода.

В конце 90-х в исторической части Уфы предприимчивые бизнесмены стали активно скупать недвижимость. Вот и дом на Свердлова, 98 попал в круг их внимания. Если жители первого этажа согласились на переезд сразу, то владельцы квартир на верхних этажах совсем не торопились покидать родные стены.

Опустим долгие переговоры сторон, взаимные ультиматумы и прочие военные действия... В 2021 году некогда «доходный дом Глазырина» был полностью расселен и получил статус «Торгового дома».

Остается надеяться, что новые хозяева не обделены довольно редкой нынче генетической совестью, которая не пропала еще у большинства потомков коренных уфимцев. Обыкновенных. От тети Кати до...

«Ты ангелом будешь...»

Протяжный скрип калитки, тихий шелест листьев под ногами и запах яблок... В начале 60-х годов родители частенько привозили меня к тете Оле в небольшой деревянный домик на улице Пушкина. Совсем недалеко находился сад имени Луначарского (ныне парк имени Сергея Аксакова); свежий ветерок доносил ароматы цветов и звуки духового оркестра. Я бежала по узкой тропинке к открытой веранде, на пороге которой нас ждала приветливая пожилая женщина в кремовом платье и накинутом на плечи легком кружевном платке.

Голоса из прошлого

Ольга Кирилловна Ветошникова приходилась двоюродной сестрой моей бабушки по отцовской линии. Родилась она в Казани, училась в Петербурге, а после окончания Смольного института приехала в Уфу, работала портнихой в ателье. Ее супруг скончался вскоре после войны в 1946 году. Детей у них не было, поэтому основное внимание было направлено на меня.

Будучи третьеклассницей, я уже самостоятельно приезжала к тете Оле. Пока было тепло, мы проводили время в ее саду, где росли яблони, вишни, кусты смородины, малины, имелся небольшой огород. Особенно мне нравилась просторная летняя веранда с кожаным диваном и овальным обеденным столом. Помню, большой самовар, аромат сдобы, свежего варенья.

Тетя Оля выносила из дома старый патефон, и мы «крутили пластинки». Именно у нее, укутавшись пледом, я слушала записи Федора Шаляпина, Надежды Обуховой, Максима Михайлова, узнала, что поклонниц Ивана Козловского и Сергея Лемешева звали козлистками и лемешистками. «Тетя Оля, а вы, чья поклонница?» - поинтересовалась я. Моя собеседница достала из книжного шкафа канцелярскую папку и разложила передо мной вырезки из газет и журналов разных лет. Потом мы слушали арии из опер и романсы в исполнении красивого, сочного баритона. Так состоялось мое знакомство с певцом – обладателем удивительного по красоте голоса, Павлом Лисицианом. К его творчеству я потом возвращалась неоднократно, но первое впечатление от мягкого, теплого баритона, заполняющего пространство каким-то космическим светом, поразило и очаровало меня на всю жизнь.

Особенно любила Ольга Кирилловна романс Антона Аренского на стихи Михаила Лермонтова:

«Быть может, когда мы покинем
Навек этот мир, где душою так стынем,
Быть может, в стране, где не знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном стану».

Я очень рано познакомилась с творчеством Лермонтова, но это стихотворение для моего понимания было тогда еще сложно. Тетя Оля поставила на стол блюдо с фирменной шарлоткой, и с ногами уселась в старое кресло. «Видишь ли, девочка, мой муж Григорий Николаевич был знаком с композитором Аренским, даже некоторое время брал у него уроки игры на фортепьяно. Я была совсем юной, когда впервые услышала этот романс. Запомнился исполнитель – молодой мужчина с пышной шевелюрой и тонкими чертами лица. Он сам аккомпанировал себе на рояле. Было в его облике что-то трагическое. Мне почему-то подумалось, что певец безнадежно влюблен. Совсем не к месту я рассмеялась и, смутившись, убежала. А к дню Ангела, к именинам мне прислали подарок от какого-то господина Ветошникова – томик стихов Лермонтова.

Я уже закончила Смольный, когда состоялась вторая встреча с Григорием Николаевичем. Его тетушка снимала дачу по соседству с нами под Петербургом, а он изредка навещал ее. Однажды на прогулке я услышала звуки рояля, доносившиеся из распахнутых окон двухэтажного дома. Звучала незнакомая мелодия... тихая, словно чье-то воспоминание. Я замедлила шаги... Вдруг позади раздался мужской голос: «Что

ж вы не заходите?!” Я оглянулась. Мужчина с легкой сединой в небольшой бороде, улыбаясь, смотрел на меня. “Не Ольгу ли Кирилловну имею честь видеть?” Я сразу узнала своего визави: “Господин Ветошников?!” Мы разговорились, как старые знакомые. Потом часто совершали прогулки по окрестностям, принимали участие в домашних концертах. Это был умный, образованный человек, с богатым духовным миром! Это было прекрасное время!

Наша свадьба состоялась в 1914 году, перед отъездом Григория Николаевича на фронт».

Тетя Оля изредка доставала с антресолей большую коробку с письмами супруга, и мы погружались в чтение. Среди страниц, заполненных витиеватым, убористым почерком, в конвертах попадались засушенные цветы, миниатюрные зарисовки пейзажей, забавные карикатуры из армейской жизни. Ветошников участвовал и в Финской войне, и, несмотря на возраст, в Великой Отечественной. Попадались письма тети Оли – подробные, с описанием погоды, настроения, с цитатами из прочитанных книг и глубоко скрытой тоской по любимому «Григу».

Мы подолгу обсуждали прочитанное, рассматривали альбом со старинными фотографиями. Супруги Ветошниковы побывали во Франции, Германии, Италии. Григорий Николаевич служил горным инженером, знал несколько иностранных языков, неплохо рисовал и музицировал. Их фотографии на фоне каких-то старинных замков, горбатых мостов или величественных гор напоминали снимки модных журналов.

Я внимала эмоциональным описанием маленьких парижских кафе, погружалась в историю итальянских улочек или немецких легенд. Воспоминания прерывались чтением стихов. Тетя Оля любила Поля Верлена:

«Эта улица, город – как в призрачном сне,
Это будет, а может быть, все это было:
В смутный миг все так явственно вдруг проступило...
Это солнце в туманной всплыло пелене».

Встречи с тетей Олей частенько заканчивались в парке. Она любила прогулки на лодке, с удовольствием гребла сама. Во время катания один из нас декламировал какую-нибудь строчку из стихотворений русских поэтов, а другой должен был продолжить и назвать автора. Чаще всего предметом нашей игры был мой любимый Лермонтов.

«Осень жизни, как и осень года...»

Казалось, тетя Оля не имела возраста. Худенькая, грациозная, юношески, подвижная, скорая на подъем, увлекающаяся и ужасная сладкоежка! Мы с ней объедались мороженым, пирогами с вареньем, совершенно бесподобной яблочной пастилой, приготовленной по рецепту моей прабабушки, а трехэтажная вазочка с конфетами никогда не пустовала.

Мне казалось, что тетя Оля будет всегда. Она не жаловалась на здоровье, не рассуждала на тему своего будущего. Где-то в Черниковке жил ее дальний родственник или просто знакомый мужа по имени Семен, но я никогда не видела его. Он помогал Ветошниковым по хозяйству, чистил крышу от снега, что-то ремонтировал, красил.

В конце августа 1974 года я уехала на сборы, а потом на соревнования. Вернулась в начале октября. Телефонов тогда у нас не было, и я не сразу поехала к тете Оле. Была сухая солнечная погода. Дверь и окна дома Ветошниковых были распахнуты, а во дворе в металлической бочке догорали какие-то бумаги. Плечистый мужчина в темной спецовке сгребал метлой опавшие листья. Я бросилась в дом. Книги были увязаны стопочками, а весь архив – альбомы, письма, фотографии... все было уничтожено. «Ты на память хочешь что-нибудь взять? Я хозяйку на свои деньги хоронил, она меня здесь прописала. Так что...» «Вы Семен?» - «Угу, - промычал новый хозяин, почесывая черенком метлы за ухом. – Вон, вазочку хочешь?» «А можно маленький коричневый томик Лермонтова с дарственной надписью от Григория Николаевича?» – «Ишь ты, шустрая какая! Дореволюционные книги сейчас дорого стоят! Бери вазочку, пока не передумал!»

Я брела по улице, обливаясь слезами и прижимая к груди высокую хрустальную вазу, в которой должны были стоять любимые астры тети Оли. Поздно! Я не успела сказать дорогому человеку что-то очень важное... А в памяти всплывали строки Лермонтова: «Ты ангелом будешь, я демоном стану... Ты ангелом...»

Сердце на снегу

Когда живёшь в доме более пятидесяти лет, не обязательно общаться с соседями, чтобы знать их маленькие семейные тайны. Так сложилось, что с людьми за стеной, живущими в другом подъезде, я не зна-

кома вообще. Мне было девять лет, когда наша семья переехала в новый дом на проспекте Октября.

Под разговоры эмоциональных, с каким-то итальянским темпераментом соседей я засыпала и просыпалась. Бурное выяснение отношений происходило между родителями и их сыном Володей. В то время Володе было лет двадцать пять, а его престарелым родителям около шестидесяти. Смысл ежедневных споров сводился к тому, что молодой человек был влюблён в какую-то девушку, на которой хотел жениться, а его папа с мамой были категорически против. Сына по вечерам пытались удержать дома, но он рвался к подруге, на танцы. Изредка Володе, видимо, удавалось проводить время со своей девушкой, потому, что на недовольные реплики отца молодой человек миролюбиво отшучивался и только напевал модную тогда песню «Сердце на снегу»:

«Над морозной синевой
По дороге столбовой
Брошено в пургу
Сердце на снегу...»

Надо отдать должное, баритон у Володи весьма музыкальный, чем-то похожий на голос популярного во второй половине прошлого века певца Муслима Магомаева.

Я училась, занималась в спортивных секциях. Время летело. Незаметно ушли из жизни родители Володи. Он женился; не берусь утверждать, на той ли, из-за которой страдал в молодости или же избранницей стала уже другая. Вскоре родились у супругов две дочери погодки: Лена и Оля. Девочек опекали, строго контролировали их режим, и даже играли они только под окнами своей квартиры. Правда, баловали дочек дорогими вещами. Рано появились у них золотые серёжки, красивые куклы, редкие в советское время импортные наряды. Девочки оканчивали школу, когда наши соседи столкнулись с той же проблемой, что и некогда родители Володи: Лена и Оля поздно возвращались домой, и жуткие вопли обеих сторон вынудили нас с мужем перебраться спать в другую комнату.

Удивительная вещь: нецензурную брань мы слышали исключительно из уст супруги Володи, она же и начала «воспитывать» подросших дочерей, применяя физическую силу. В нашу стену летели какие-то предметы, девчонки визжали и лишь приятный баритон Володи пытался разрядить обстановку. На некоторое время воцарялась тишина, потом

слышалось посвистывание, покашливание и неоднократно повторяемый куплет песни:

«И только топот копыт,
Только песня летит
О замёрзшем в степи ямщике!»

Взаимоотношения между родственниками обострялась. Когда у главы семейства обнаружили серьёзное заболевание, оформили инвалидность; работать Володя уже не мог. Лена и Оля, получив школьные аттестаты, не спешили трудоустроиваться, а только исчезали на несколько дней из дома, чтобы «проветриться» в компании. Возвращение блудниц сопровождалось истериками матери и уже матом осмелевших дочек. Песенки в исполнении Володи звучали всё реже и реже. Именно по голосу я узнала своего соседа, когда он жаловался какой-то старушке на скамеечке возле подъезда. Это был уже седой мужчина с изможденным лицом, в застиранной рубашке и линялых спортивных штанах. В музыкальном баритоне звучала боль, его худые руки аккуратно отламывали кусочки хлеба и кидали голубям. Я подходила к двери своего подъезда, когда знакомый голос с безукоризненной дикцией обреченно произнес: «Жена нашла себе здорового. Леночка связалась с судимым за разбой! Как быть?! За что такое наказание?!»

Не знаю, что стало с Ольгой. Её голос я слышала редко. Она появлялась с маленьким ребёнком на день-два. Тогда в квартире начинались очередные скандалы и драки. Тот, кто «сидел за разбой», уже чувствовал себя хозяином в квартире, и выяснение отношений происходило так шумно, что крики и грохот падающей мебели можно было услышать при закрытой в нашу спальню двери. Сценарий жуткой пьесы достиг своего апогея, когда у пьющей Лены родились близнецы.

Где-то в 2002 или 2003 году «разбойник» вновь отбыл в места не столь отдалённые. Мы все вздохнули с облегчением. Близнецы - Боря и Настя росли с дедушкой Володей и мамой Леной, которая не теряла надежду найти себе нового сожителя. Увы, капризы и проблемы маленьких детей потенциальные женихи терпели не более месяца. Пенсии Володи не хватало. Лену я частенько видела роющейся в мусорных контейнерах. Соседи периодически собирали вещи для детей, помогали продуктами.

Две недели тому назад за стеной раздался громкий лай и незнакомый мужской голос. А на днях в магазине я встретила Володю. Он выбирал самую дешевую колбасу «для собачки» и буханку хлеба. Долго

пересчитывал мелочь, вздыхал, кашлял. Проходя через детскую площадку, я увидела Володю, сидящего на скамеечке и жующего хлеб с колбасой. Завернув остатки еды в пакет, он тяжело поднялся и, разговаривая сам с собой, направился к дому.

Мне вспомнилось, как полвека назад плохо слышащий отец Володи выговаривал ему: «Сынок, ты бы Диккенса почитал или Дюма... Какие времена были! Какие личности!» А все три окна наших соседей украшали цветущие герани, махровые фиалки и глоксинии, за отростками которых обращались даже незнакомые люди. Удивительно! Всё прошло... И только приятный баритон Володи сохранил узнаваемый тембр молодого Магомаева.

Имена действующих лиц изменены.

Отец и сын

Признаюсь честно, я давно хотела написать об этих людях, но никак не могла уговорить их предоставить свои фотографии и позволить назвать их подлинные имена. Дело здесь не в каких-то военных тайнах... просто так сложились обстоятельства, что афишировать свои отношения им не хочется. Однако, сюжетная линия человеческих судеб в данном случае столь интересна и поучительна, что не рассказать эту историю было бы несправедливо.

В зимний сезон 1985-86 годов я усиленно готовилась к лыжному марафону. Каждый день на тренировках приходилось накручивать по 18-20 километров. Уставала я ужасно, но упрямо использовала любую возможность пробежать более длинную дистанцию. В тот день, уже на исходе третьего часа тренировки, моя левая лыжа зацепила спрятавшийся под снегом корень дерева и я упала, подвернув ногу. Голеностоп опух за пару минут, и я с ужасом поняла, что добираться от станции Воронки, где это всё произошло, в район Горсовета будет весьма сложно. Пока я отстегивала крепление лыж и пыталась встать, рядом со мной поравнялись два лыжника: один - мужчина лет 60, второй - лет 35. Меня легко подняли на ноги, но выяснилось, что идти я не могу. Общими усилиями меня все-таки доставили до дома. К сожалению, тогда я не узнала имена своих спасителей, но на соревнованиях по марафону мне довелось встретиться со старшим. Им оказался Федор Топорков - рабочий одного из уфимских заводов, большой любитель лыжных гонок, турист, объез-

дивший весь Советский Союз. На Воронках он катался со своим сыном - Алексеем - военным летчиком, который приезжал к родителям в отпуск.

С Федором Прокопьевичем мы подружились и частенько встречались на тренировках. Позднее я познакомилась с его супругой - Евдокией Алексеевной, которая угощала нас горячим чаем с медом прямо на дистанции. По возможности, в Уфу навещался Алёша; тогда мы вместе бегали по пятикилометровому кругу, а после занятий меня приглашали «на пироги» к Топорковым.

Трагедия с Алёшей случилась в 1992 году. Военно-грузовой самолет совершил аварийную посадку, удар о землю был настолько сильный, что оба летчика получили серьезные травмы. Алексей и его друг - напарник Василий Дорошенко оказались в московском госпитале в одной палате. У обоих были повреждены позвоночники, имелись тяжелые черепно-мозговые травмы, переломы ног. Долгое время Алексей не сообщал старикам о своем положении, но, когда состояние здоровья резко ухудшилось, пришлось вызвать отца в Москву. Вот тогда сын взял с отца слово, что, в случае его смерти, он не оставит Василия и станет ему отцом, ведь друг Алексея вырос в детдоме, а впоследствии так и не создал семью.

Жена Алексея, увидев мужа в реанимации, больше в госпитале не появлялась. Федор Прокопьевич старался не травмировать больное сердце своей супруги, и всей правды Евдокии Алексеевне не сообщал. Надежда на выздоровление сына была, его состояние то ухудшалось, то, хоть и медленно, шло на поправку; спортивная закалка давала о себе знать. Крепкий организм молодого мужчины еще некоторое время сопротивлялся, но в конце зимы 1993 года Алёши не стало... А в начале лета мы простились с Евдокией Алексеевной.

Трудно представить, как пережил бы Федор Прокопьевич уход двух самых близких ему людей, если бы не ответственность перед другим сыном. О Василии я получала самые подробные отчеты... Как он заново учился говорить, шевелить пальцами, держать в руке ложку... Совершенно оригинальную методику восстановления координации предложил один из лечащих врачей: больному приносили пядьцы с крупной сеткой канвы и несколько иголок с разноцветными нитками. Для начала предлагалось вышить строчку крестиком. Ах, как непросто давались первые стежки! Пальцы, словно деревянные, не могли удержать тоненькую иглу, крестики не всегда получались, строчка то поднималась вверх, то каким-то зигзагом устремлялась вниз. Руки с непривычки были иско-

лоты до крови, но постепенно крестики, как солдаты на плацу, стали выстраиваться шеренгами, совершая переходы от одного цвета к другому.

В госпитале Василий провел почти целый год. Восстановление длилось долго. Тяжелее всего было осознать свое новое состояние и статус инвалида. Федор Прокопьевич до мелочей продумывал, как ему вести себя с ... «сыном Васенькой». Стоит заметить, что «Васенька» был младше Алексея на четыре года, то есть, в 1994 году, когда я впервые встретилась с этим человеком, ему был 41 год, а «отцу» - 68.

Бегая в парке, я часто встречала Федора Прокопьевича и Василия, прогуливающих по нашему пятикилометровому кругу. Создавалось впечатление, что они потихоньку увеличивали нагрузки. И вот однажды я услышала позади себя тяжелое дыхание. Отец и сын бежали рядом, плечом к плечу. Не берусь утверждать, что конкретно послужило успешному восстановлению здоровья Василия Андреевича, но через три года после выписки из госпиталя он начал активно заниматься спортом и вскоре увлекся йогой, различными восточными учениями.

Какое-то время мы встречались только на тренировках, но, привыкнув ко мне, Вася словно оттаял, стал вести себя более раскрепощенно, вступал в спор, демонстрируя весьма обширные знания о Древнем Тибете, о загадочной стране Шамбале. Когда же я сообщила, что мой муж посещает секцию карате, Василий, не без гордости, заявил, что в молодости имел первый разряд по самбо. А вечером у нас зазвонил телефон... Федор Прокопьевич таинственным шепотом попросил моего мужа. Из их разговора я поняла, что «сыночек» намеривается записаться в секцию карате... Естественно, «отец» умоляет не проводить никаких опасных приемов, «не бить по голове», «принять к сведению, что, по сути, Вася вернулся с того света», «что жить ему нужно осторожно, аккуратно, без стрессов, без травм». Конечно же, мой муж заверил, что никаких боевых приемов в отношении Василия демонстрировать не будут, и вообще «молодежь предупредят», а «тренер - педагог опытный и деликатный».

Василий Андреевич работал механиком в гараже, подрабатывал ремонтом автомобилей, но, когда в конце 90-х годов его приятель предложил совершить экскурсию в Тибет, денег на столь дорогостоящую поездку не хватило. И тогда настойчивость проявил Федор Прокопьевич; он снял со счета часть своих сбережений и уговорил «непременно воспользоваться случаем и отправиться в путь». Вояж затянулся, друзья прожили в обществе тибетских монахов больше восьми месяцев.

Наверное, я вправе сказать, что Василий вернулся домой совсем другим человеком; пропала беспричинная агрессия, раздражительность, сгладилась резкость в суждениях, появились спокойствие, уверенность, более осмысленное, более глубокое отношение к жизни. И еще... Он начал читать... Канта, Шекспира, Бердяева, Достоевского, а также литературу по садоводству и огородничеству, ведь у Топорковых уже много лет имеется сад и домик с видом на Дёму. Василий, выйдя на пенсию, вложил все свои таланты в реставрацию этого скромного жилища, надстроив второй этаж с балконом. А недавно появилось резное крыльцо и веранда.

Большинство соседей Федора Прокопьевича полагают, что Вася - его младший сын. Любопытно наблюдать за взаимоотношениями этих двоих, таких разных, и одновременно, чем-то похожих друг на друга мужчин. «Батя, садись обедать, я суп сварил». «Сынок, ты переодень рубашку, а то ветерок прохладный...»

Иногда я перехватываю взгляд Федора Прокопьевича, когда он смотрит на изуродованную шрамами спину «сынка»... Серо-голубые глаза старика наполняются слезами, по лицу пробегает гримаса боли. Разговоров о прошлом они стараются избегать, но, оставаясь со мной наедине, каждый сокрушается, что же будет с другим, если один из них умрет?! Они, по-прежнему, занимаются физкультурой, летом - плавают в Дёме, зимой - ходят на лыжах. Василий Андреевич считает, что физическую работу хорошо «разбавлять йогой», а Федор Прокопьевич, отметивший в феврале свое 90-летие, регулярно «балует» с гантелями», делает гимнастику. Их жизнь носит спокойный, размеренный характер: завершается очередной цикл, идет подготовка к следующему. И «батя», и «сынок», закончив дачный сезон, опять с нетерпением будут ждать первый снег, и мы вновь выйдем на свой круг.

«... Где до сих пор звучит аккордеон»

Жизнь порой дарит нам такие закрученные сюжеты, что впору писать приключенческий роман. Впрочем, отдельные личности сами становятся творцами удивительных историй. Яркий пример: моя знакомая Наталья Александровна Обухова. Библиотекарь со стажем более тридцати лет, женщина не может выбросить на помойку ни одной книги. Старые издания сама переплетает, подклеивает порванные странички. Ей, как в лечебницу, книги приносят соседи, друзья. Если кому-то соб-

ственная библиотека вдруг стала не нужна, Наталья Александровна передает книги в больницы, школы, раздает садоводам, чтобы можно было с пользой провести время в ненастную погоду.

Эта история началась в Новогодние праздники с поездки в автобусе 74-го маршрута. Обухова села на остановке «Авиационный техникум», чтобы доехать до «Универмага “Уфа”». Усевшись на свободное место, Наталья Александровна обнаружила между сиденьем и боковой стенкой автобуса книгу - военные повести: «Пароль – “Аделаида”». Хотела передать находку водителю, но из книги выпал паспорт на имя Виктора Эдуардовича Маркаряна, с пропиской в городе Челябинске. Будучи любительницей детективных историй, Обухова внимательно перелистала паспорт. В памяти всплыло далекое послевоенное детство, улица Кирова и старый дворик с вечной лужей-болотцем, где малышня пускала кораблики. Пока младшее поколение забавлялось, те, кто постарше, помогали родителям в огороде. И только первоклассник Нико был освобожден от повинности; мальчик сидел посередине двора на венском стуле и играл на аккордеоне бесконечные гаммы, этюды, небольшие пьески. Из-за инструмента были видны черные, как смоль, кудряшки, змейками сбегавшие на лоб, и большие черные глаза. Позднее Наташа узнала фамилию мальчика - Маркарян. Отец Нико был военным. Иногда вся семья (а у Нико была еще сестра Нинель) уезжала на роскошном «ЗИМе» за город. Соседи уже знали, что вернувшись, Маркаряны обязательно угостят всех ребятишек ягодами или пригласят «на пирог» с грибами.

Шли годы. Дети росли. Так получилось, что Наташа помогала Нико с русским языком и химией, а тот, в свою очередь, учил ее играть на аккордеоне. Мальчик писал на клавишах инструмента цифры: в какой последовательности их нажимать, и таким образом получалась мелодия. Правда, дальше «Катюши» музыкальные таланты Наташи не продвинулись, но не это было главным. Когда отец подарил Нико велосипед, юные Ромео и Джульетта стали ездить в сад имени Луначарского (теперь парк имени Сергея Аксакова) или купаться и загорать на водную станцию. Единственное, что удерживало ребят во дворе - это турниры по шахматам, которые устраивала мама Нико - Эмилия. Женщина обладала блестящим аналитическим умом, и никому не удавалось одержать над ней победу.

В начале 60-х отец Нико получил новое назначение на Украину, и семья Маркарян простилась с Уфой. Около года молодые люди переписывались, но постепенно другие интересы и дела увлекли их, переписка

прекратилась. Бывшие соседи говорили, что несколько раз Нико приезжал в Уфу, навещал свою учительницу музыки, спрашивал о Наташе, но встретиться друзьям детства не довелось.

Обухова вглядывалась в фотографию Виктора Маркаряна, но ничто не напоминало ей веселого черноглазого Нико. Уже подъезжая к своей остановке, Наталья Александровна решила найти телефон бывшей одноклассницы Нико, тоже аккордеонистки. Старинная приятельница обрадовалась звонку и, выслушав историю с найденным паспортом, спокойно уточнила: «Виктор Эдуардович? Это же внук Нико! Они периодически вместе с дедом к нашей учительнице Зинаиде Владимировне приезжали. Я сейчас ей позвоню.»

Когда взволнованная Наталья Александровна с приятельницей подходили к дому на Революционной, у подъезда их встретил молодой человек с лопатой. Он ловко закидывал снег на высокий сугроб, а увидев Обухову, заулыбался: «Я вас такой себе и представлял». Они поднялись в квартиру, где их встретила хозяйка Зинаида Владимировна - высокая, худощавая совершенно седая дама в темно-синем платье с белым кружевным воротничком. Несмотря на свой весьма преклонный возраст, она держалась прямо, опираясь на трость. Виктор представил женщин друг другу. Уже за столом Наталья Александровна передала юноше оставленную им в автобусе книгу и паспорт.

Ароматные пирожки с мясом, с картошкой, с грибами, несколько видов салатов на некоторое время отвлекли собравшихся от основной темы, но, когда бульонные чашки Виктор поменял на чайный сервиз, женщины обратили внимание на большую фотографию над диваном: совсем еще юная Зинаида Владимировна в обществе своих учеников. Наталья Александровна сразу же узнала Нико - мальчик лет семи в пышном жабо положил свою кудрявую голову на плечо учительницы. Было понятно, что это любимый ученик, хотя стайка из шести детей более старшего возраста тоже с явным обожанием окружили своего педагога, словно цыплята.

Виктор рассказал, что дедушка с бабушкой живут в Киеве. Дед перенес инфаркт, плохо видит, очень болезненно реагирует на события, происходящие на Украине. Сам Виктор с родителями живет в Челябинске, учится в музыкальном училище по классу фортепиано, однако в дальнейшем планирует поступать в медицинский университет. В Уфу навестить Зинаиду Владимировну приезжает обычно вместе с дедом, но вот... первый раз приехал один.

«Витенька, сыграй нам что-нибудь из своих произведений», - попросила Зинаида Владимировна и открыла крышку пианино. Пальцы молодого человека легко пробежали по клавишам, и зазвучала тихая, как бы вполголоса мелодия. Наталья Александровна сидела в кресле, и ей казалось, что звуки рождаются не инструментом, музыка плывет издалека, из каких-то глубин ее памяти. Она взглянула на серьезные, светлоглядые глаза Виктора, на его одухотворенное лицо, на нервные, тонкие пальцы музыканта и вдруг совершенно отчетливо увидела старый двор и Нико с аккордеоном на венском стуле.

«А все-таки, эти мальчики чем-то похожи...» - закончила свой рассказ моя приятельница.

Уфимские фонтаны

Движение воды – своеобразная магия. Мы невольно замедляем шаги возле ручейка или тихого лесного озера. А горный водопад или морская стихия – это целая симфония звуков, цвета, эмоций!

Вода не только утоляет жажду, она способна создать настроение, освежить тело и мысли. Об этом догадывались наши далекие предки и... начали строить фонтаны.

Немного истории

Фонтан (от латинского fontis – источник) струя жидкости или газа, выбрасываемая под давлением. Впервые фонтаны появились в Древней Греции. Они служили источниками питьевой воды, охлаждали и освежали воздух.

Первые гидротехнические сооружения, ставшие прародителями современных фонтанов, появились несколько тысячелетий назад в Древнем Египте и Месопотамии. Их основное назначение было связано с поливом декоративных растений и садовых культур. Первые известные нам изображения фонтанов сохранились на древнеегипетских фресках.

Семь столетий люди строили фонтаны по принципу сообщающихся сосудов. С начала 17 века фонтаны стали приводить в действие с помощью механических насосов, которые постепенно заменили паровые установки, а затем и электрические насосы.

Если в Средние века фонтаны служили только источником водоснабжения, то с началом эпохи Возрождения фонтаны становятся частью архитектурного ансамбля, а то и его ключевым элементом.

В России настоящей столицей фонтанов считается Петергоф – резиденция Петра Первого, ныне Петродворец. Прекрасные дворцы, сады и парки утопают в тысячах струй фонтанов.

«Блестящим солнцем осиян...»

Уфа тоже имеет свою историю фонтанов. Первые фонтаны появились в парках в начале 20-го века. Вот как в 1908 году писала пресса: «В Ушаковском парке (ныне парк им. Ленина – авт.) сооружается фонтан, диаметром 4-х сажен; он будет выложен из белого камня и скреплен цементом. Вокруг фонтана предполагается развести цветник и обложить его горными камнями». («Уфимский край». 1908 год. 20 июня). В августе та же газета добавляла: «Фонтан в Ушаковском парке окончательно отстроен, вышел очень красивый и хорошо работает. Тонкая струя воды бьет до 5 аршин. К сожалению, только бассейн засаривается, в нем можно найти и окурки, и спички, и скорлупу от семечков. Тут же около фонтана постоянно играет группа мальчиков, и их самодельные кораблики плавают по бассейну». На сооружение фонтана город затратил 1000 рублей. На зиму фонтан закрывают деревянным колпаком.

Встречались и маленькие, приусадебные фонтанчики. Младший брат моего деда Владимир Андреевич Фадеев, имевший дом на Пушкинской улице, был мастером на все руки. В 1912 году, чтобы удивить будущую жену Варвару Алексеевну, он соорудил в своем саду миниатюрную беседку в виде короны. Оказавшись с возлюбленной в центре этой беседки, Владимир Андреевич незаметно нажимал какую-то педаль, струи по диаметру короны мощно били вверх и опадали водяной пылью. Варенька визжала, стараясь найти место, где влага не попадала бы ей на платье, но при ветреной погоде сделать это было невозможно. Коварный ухажер, пользуясь случаем, накидывал свой сюртук на плечи девушки, декламировал стихи, а затем шептал ей на ушко: «А без поцелуя дождь не прекратится!» Варенька сердилась, но и в следующий раз в ожидании «дождя» опять робко переступала порог беседки.

Варвара Алексеевна любила вспоминать свою молодость. А эту историю, смеясь, называла «фонтанными страстями», цитируя те самые

строки Нестора Кукольника, которые Владимир Андреевич читал эмоционально, нараспев:

«Беги, фонтан, лети фонтан,
Алмазной пылью рассыпайся!
Блестящим солнцем осиян,
То опадай, то возвышайся!»

Плывут киты, танцуют журавли!

В 1956 году Черниковка официально стала частью Уфы и начала активно застраиваться. В этом же году был открыт классический, без каких-либо изысков, фонтан на площади перед Дворцом им. Серго Орджоникидзе. Его диаметр составлял 6 метров.

В начале 60-х годов мы жили в доме на углу Ульяновых и Калинина. Почти каждый день я с родителями гуляла по Первомайской аллее и обязательно подходили к фонтану. Хорошо помню каменное, гладкое обрамление бассейна, серого, холодного цвета. В жару мне нравилось прижиматься щекой к прохладному камню и ловить рукой извивающиеся змейки водяных струй.

В 70-е годы фонтан реконструировали, вытянув его на 10 метров по аллее, и выложили на дне мозаику в виде семи китов. А в 2015 году фонтан стал светомузыкальным: у него появилась лазерная подсветка и музыкальное сопровождение.

Фонтан «Журавли» был сооружен в начале 70-х годов по соседству с нынешним Городским дворцом культуры. Долгое время этот уголок располагался на фоне разросшихся зарослей, где любили собираться маргинальные граждане. Потом рядом с фонтаном началась стройка, и «Журавли» надолго были спрятаны за забором.

За последние годы фонтан преобразился. Радует глаз и вся благоустроенная территория за «Журавлями». Здесь появились детская площадка, скамейки для отдыха, уличные тренажеры, велопарковки, подключили Wi-Fi, посадили деревья.

«Журавли» - первый в Уфе плоскостный фонтан. Я бы назвала его самым романтичным и... демократичным. Завораживает взгляд скульптурная композиция двух пар танцующих журавлей. Они, словно по маговению волшебной палочки, застыли в грациозном танце, широко размахнув крылья.

Это фонтан-площадка, где, при желании, любой человек может пройтись сквозь коридоры бьющих вверх струй, освежиться в жаркую погоду. По сути – это целый мир играющей воды.

В прошлом году в один из дней, когда солнце безжалостно пекло, к фонтану подошла многолюдная свадебная процессия. Сначала молодые просто позировали на фоне «Журавлей», но соблазн освежиться был настолько велик, что невеста не выдержала и, сняв босоножки, пробежала между водяных струй. Жених, мужественно закатав штанины и разувшись, присоединился к своей юной супруге. Эта чета счастливых людей очень символично смотрелась на фоне двух пар танцующих журавлей. Какая-то пожилая женщина с улыбкой произнесла: «Вот так бы на всю жизнь... сохранить верность друг другу».

А по вечерам фонтан привлекает своей светомузыкой и особенным звуком живой воды. Впрочем, у любой воды свой язык. Просто его нужно уметь слушать.

Чужие цветы

Рано или поздно каждый человек теряет своих родных и близких. Кладбище в юности и в более зрелые годы жизни воспринимается по-разному. В молодости смерть кажется чем-то нереальным, словно баба Яга или Кашей Бессмертный. Вроде, осознаешь, что жизнь конечна, но конец этот теряется где-то далеко за горизонтом, а грустные мысли растворяются в теплом летнем дожде и в беззаботном смехе. К старости посещение кладбища превращается в своеобразную экскурсию с рассматриванием памятников и фотографий усопших. Невольно обращаешь внимание на место расположения чьей-либо могилы, особый уют маленького уголка с заботливо установленным столиком, скамеечкой, с печально склонившейся берёзкой или рябинкой.

Кладбище - это тоже город. Город мертвых и... живых. В нем действуют свои законы: писанные - уборка мусора и наведение порядка на своей территории, и не писанные - установка памятника, возложение цветов, регулярные визиты к могилам дорогих нам людей. Прах моих родственников покоится на четырех уфимских кладбищах: на Ново-Ивановском (ныне не существующем), на Сергиевском (ныне закрытом для захоронений), на Северном - в Тимашево и Южном - за Затонем.

Странная встреча

Эту женщину впервые я увидела на Сергиевском кладбище лет двадцать пять тому назад. Она бродила среди захоронений с каким-то отрешенным видом, вглядываясь в полустёртые даты на старых памятниках. Мне запомнились её глаза - большие карие, но какие-то не живые, потухшие. В руках был букетик полевых цветов. Она ступала осторожно, не слышно, словно на ощупь, совершенно не обращая внимания на редких посетителей.

Летом в конце девяностых моя знакомая Мария Петровна Жукова хоронила на Южном кладбище свою единственную дочь Евгению, погибшую в автомобильной аварии. Женечку провожали две иногородние тетки с сыновьями - сестры уже давно умершего мужа Марии Петровны и три студенческих подружки Жени. В нескольких метрах по соседству прощались с каким-то заслуженным строителем. До нас доносились пламенные речи сослуживцев покойного, тихий плач и разговоры многочисленных родственников. Вдруг из толпы тенью выскользнула фигура женщины в темном платье и легком кремовом платочке с двумя алыми гвоздиками в руках. Она, не мигая, смотрела на фотографию Женечки, шевелила губами, словно читала молитву, и вдруг поклонилась в пояс свежему холмику с новопреставленной. Затем положила гвоздики на основание ее памятника, перекрестилась и медленно пошла по аллее в глубь кладбища. Мы все переглянулись. Среди белоснежно-розовых венков две красные гвоздики выглядели как капли крови. «Кто это?» - спросила одна из тетюшек. Мы пожали плечами.

Уже дома я вспомнила, где видела эти большие глаза... На Сергиевском кладбище. Только тогда эти глаза были какими-то пустыми, а на могиле Женечки - наполненными хронической печалью.

Опасная кооперация

Мария Петровна через каждые два-три месяца привозила свежие цветы дочери. Иногда мы ездили на кладбище вместе; я к своей тетюшке, она к Жене. «Вы знаете, - как-то обратилась ко мне моя компаньонка, - я изредка нахожу возле памятника Женечки чужие цветы.» - «Может быть у нее был тайный возлюбленный?» - «Не-е-ет! Она всецело отдавала себя учебе. Еще и подрабатывала. А наши клумбы в саду?! Вы же видели?!»

Некогда ей было с молодыми людьми встречаться.» Мы вспомнили о странной женщине с гвоздиками. Кто она? Что делает на кладбище?

Некоторое время я не общалась с Марией Петровной. Встретились случайно в парке. «А ведь я кое-что проведала о той таинственной женщине с гвоздиками!» - вместо приветствия воскликнула моя знакомая. Из разговора с другими посетителями кладбища стало известно, что странную даму зовут Валентина. В 90-е годы, когда её дочь и зять открыли свой кооператив по продаже вязаных изделий, их дела продвигались весьма успешно. Супруги не только реализовывали изделия других производителей, но и сами наняли двух мастериц работающих на специальных вязальных станках. Дочь Валентины - Ксения на заказ создавала настоящие шедевры из шерсти и синтетических нитей - кофты, свитера, джемперы, детские комбинезоны и даже цветы ручной вязки. Через какое-то время деятельным кооператорам стали поступать угрозы; супругов за гарантию безопасности обязали платить дань местным рэкетирам. Требуемая сумма постепенно росла и достигла такого размера, что сам бизнес стал уже бессмысленным. И тогда супруги обратились за помощью в милицию. Участковый допрашивал обе стороны создавшегося конфликта, но ощутимых результатов не достиг. А через несколько дней дочь и зять Валентины бесследно исчезли.

Такое было время

90-е годы прошлого века остались в памяти россиян как время рухнувших надежд, пустых прилавков и бандитских разборок. Правоохранительные органы не справлялись с нагрузками. Десятки настоящих профессионалов из МВД подались в личные охранники или в рэкетирь. Если по фактам убийств и тяжких телесных повреждений дела открывались и худо-бедно доходили до суда, то дела о пропаже людей, чаще всего, оставались "висяками" и отправлялись в архив.

Валентина осталась одна. Частые визиты к участковому, в райотдел милиции, в прокуратуру отнимали много времени. Несчастливая женщина попала под сокращение и осталась без работы. На еду зарабатывала тем, что нянчилась с соседскими детьми, вязала носки на продажу.

По Уфе поползли слухи: то на одном, то на другом кладбище в старых захоронениях находят свежие трупы неизвестных людей. Валентина сначала изредка, потом всё чаще и чаще повадилась ходить на кладбища и присматриваться к могилам. Трудно сказать, в какой момент психика

безутешной матери не выдержала, и Валентина навязчиво начала искать дочь и зятя именно среди мертвых. Она появлялась рано утром с букетиком полевых цветов или парой алых гвоздик и долго блуждала между могил, рассматривая фотографии на памятниках. Если появлялась похоронная процессия, женщина молча присоединялась к сопровождающим и внимательно вглядывалась в лица. С собой у нее был небольшой рюкзачок, в котором имелся термос, бутерброды, яблоки, сухари. Утомившись, Валентина пристраивалась на какой-нибудь скамеечке и, расстелив белый платочек на коленях, трапезничала.

Другая жизнь...

Нет, она не побиравалась, с могил ничего не брала, но когда предлагали деньги, не отказывалась, смущенно благодарила. Кто-то видел, что летом она ночует в ближайшем от Южного кладбища лесу, кто-то утверждал, что она живет в барачном доме на Бульваре Славы. Женщина не выглядит бомжихой или пьющей. Одета чисто, опрятно, скромно. Ни к кому с разговорами не пристаёт. Назвать Валентину сумасшедшей, язык не поворачивается. Когда ее спрашивают, где тот или иной участок, она легко ориентируется, доходчиво объясняет. Человека нельзя считать душевно больным только потому, что образ его жизни не похож на общепринятый и приносит определенные неудобства лишь ему самому.

Бывало, Валентина принималась за уборку какой-нибудь заброшенной могилки, выдирала сухую траву, собирала листья, подправляла покосившийся памятник или оградку. В такие минуты она что-то эмоционально бормотала себе под нос... Извинялась за вторжение к незнакомцу? Подбадривала себя? Молилась? Трудно понять другого человека, если сам полностью погружен в свои дела, в свои переживания.

Еще раз я встретила с Валентиной в 2016 году, когда приехала на могилу к маме. Был июнь, тепло, солнечно. Я посадила цветы. «Вам воду надо?» - на дороге стояла худощавая женщина неопределенного возраста с пластиковым ведром. Ей можно было дать и пятьдесят и семьдесят лет. Я узнала ее. – «Спасибо. Уже полила. - Некоторое время мы молча смотрели друг на друга. - Сегодня три месяца, как не стало моей мамы. Помяните ее.» Я достала из сумки пачку печенья и упаковку сока. Валентина поставила ведро на землю, подошла, прочитала имя на памятнике, перекрестилась и, поклонившись, приняла угощение.

Последние два года Валентину никто не видел. Переехала ли она в другой город или сама уже нашла свой вечный покой на кладбище? Сложно сказать.

Каждую осень я приезжаю на кладбище, чтобы навести порядок после листопада. Прохожу с километр по извилистой дороге мимо уже ставших знакомыми памятников. Величественные монументы соседствуют с простыми деревянными крестами, пышные богатые венки с маленькими букетиками незабудок и ромашек. Вспоминаю Марию Петровну, «чужие цветы» на могиле ее Женечки... Какое странное выражение – «чужие цветы»?! Цветы - это просто цветы! На маминой могиле и у тетушки я оставляю разноцветные астры - маленькие осенние звезды. Уже ближе к выходу с кладбища поворачиваю на заросший тридцатилетними деревьями участок. Ничем не примечательный памятник, низкая ограда. Последний приют дорогого мне человека. Среди фиолетовых ирисов в утопленную в землю вазу я ставлю букет георгинов. Бордовых с белыми искрами... какие он любил.

Имена и фамилии по этическим соображениям изменены.

Сила искусства?

В Новогодние праздники у меня появился повод вспомнить один из эпизодов фильма «Двенадцать стульев», когда Остап Бендер и Киса Воробьянинов, будучи на Кавказе, отплясывали на дороге лезгинку в надежде заработать таким образом хоть немного денег. Если же проезжающие мимо пассажиры игнорировали самодеятельных артистов, танцоры нагло требовали: «Деньги давай!»

Мы с мужем на такси заехали за своей знакомой, чтобы вместе отправиться в гости. Снегу намело целые сугробы, поэтому, не доезжая до подъезда, наше такси остановилось возле площадки с контейнерами для мусора. С другой стороны к этой площадке подъезжал мусоровоз. Кругом были припаркованы частные автомобили, из-за чего водителю мусоровоза пришлось демонстрировать чудеса вождения. Пока мусоровоз лавировал между дорогами иномарками, непонятно откуда выскочила бабка в стареньком голубом пальто и сине-голубой лыжной шапочке. Она метнулась буквально под колеса пятившегося мусоровоза, но тут же, словно черт из табакерки, выскочила сбоку, упала в мягкий сугроб и

закричала диким голосом. Водитель мусоровоза направивший всё свое внимание на то, чтобы не зацепить чью-то машину, бабку не заметил. Когда же, услышав душераздирающие вопли, шофер выпрыгнул из кабины, взору его представилась жуткая картина: возле его «ЗИЛа» корчилась в муках маленькая старушка. Судя по тем конвульсивным движениям, свидетелями (а точнее сказать зрителями!) которых мы стали, конец «страдалицы» был близок.

Словно ужаснувшись происшедшим, двигатель «ЗИЛа» заглох сам собой, водитель в яркой спецовке замер возле старушки. Прошло несколько секунд, бабка приподнялась на локте и, прижав руку к сердцу, заголосила еще громче. У шофера мусоровоза подкосились ноги, и он упал на колени. Когда мы с мужем подбежали к месту «трагедии», старушка, сначала слабым голосом, потом более уверенным, заявила, обращаясь к бледному и трясущимся от волнения шоферу: «Ты меня инвалидом сделал! Деньги давай!» И тут произошло то, чего никто не ожидал; наш таксист подбежал к бабке, одним рывком за воротник поднял ее на ноги и, подставив ей под нос свой крепкий кулак, злобно прошипел: «Ах, ты ведьма проклятая! Опять промышляешь?! Опять кровь людям портишь?!» «Пострадавшая» ногтями вцепилась ему в лицо, таксист ослабил хватку и старушка галопом помчалась через сугробы.

Когда наша знакомая уже уселась в такси, водитель рассказал нам о том, как сам попал осенью в подобную историю. «Артистку» он узнал не сразу, но коронная фраза: «Ты меня инвалидом сделал! Деньги давай!» запомнилась ему очень хорошо. «Ой, так это тетя Фая из соседнего дома, - рассмеялась наша знакомая, - ее неоднократно поколачивали за такие представления, но проходит какое-то время и старушка опять ищет приключений. Говорят, она раньше в кордебалете выступала, так что искусство ей не чуждо.»

Маленькие радости дачной жизни

«А вы не хотите с мужем поехать на недельку в Татарию на дачу?» - озадачила меня на утренней тренировке давняя приятельница Наталья Михайловна Шабанова. «Так вы купили дачу?!» - воскликнула я. «Нет, дача у нас бесплатная. Соглашайтесь! Вечером с Алексеем Степановичем за вами заедем. Мы в Уфу на три дня вырвались, за продуктами и в квартире порядок навести, постирать кое-что...»

Эту поездку я бы назвала путешествием в прошлое. Сейчас не редкость пустующие дома в заброшенных деревнях. Вот и супруги Шабановы – туристы со стажем открыли для себя столь удивительный мир уединения на лоне природы.

Наше Простоквашино

После двух часов езды по трассе, мы свернули на плохо разъезженную грунтовую дорогу и еще минут сорок петляли по лесам и полям. Первые дома с заколоченными окнами и дверьми встретили нас на опушке. «Вот и наше Простоквашино!» - почти одновременно сообщили Шабановы. Усадьбы заросли не только бурьяном, но и деревьями. Крыши кое-где провалились, изгороди частично сгнили. Наш УАЗик-«буханка» притормозил возле крепкого домика, покрашенного свежей сине-белой краской. Из калитки вышел бодрый старичок и приветливо взмахнул рукой. «Здорово, Петрович! - Алексей Степанович открыл дверцу фургона, вытащил несколько пакетов с продуктами и новые цинковые ведра. – Принимай товар: консервы, колбаса, мука, крупы, мыло и хозяйственные мелочи. Все, как ты заказывал».

Мы проехали дальше, к соседнему дому. Оставив автомобиль у ворот, поднялись на крыльцо и открыли ключом деревянную, скрипучую дверь. В лицо пахнуло жаром прогретого июльским солнцем старого помещения. Кровати с кружевными подзорами, горки подушек, огромный кованный сундук, комод, резной буфет, этажерка с книгами, два стола, два венских стула, несколько табуреток, полка с посудой, маленький холодильник «Саратов».

«Располагайтесь! Вещи здесь чистые. Мы еще в прошлом году генеральную уборку провели, отмыли все, покрасили. Постельное белье, подушки, одеяла – это наше. Вот только подзоры и скатерть на комодке остались от прежних хозяев. Жалко такую красоту выбрасывать».

Во всей деревне остались три жилых дома. Дача Шабановых – четвертый. Из удобств только электричество. Газ баллонный, вода в колодце. За питьевой водой приходится с полкилометра ходить на родник. Но это на случай особый. А вообще колодезная вода тоже пригодна для питья. В сарайчике куры, за которыми в отсутствие хозяев присматривает рачительный 78-летний Петрович. Сам Петрович имеет «сурьезное хозяйство»: куры, гуси, козы, огромный огород, три улья. Помогают ему

сын и внуки, по очереди приезжающие из Челнов, как выражается дед, «на отработку».

Алексей Степанович зарезал курицу, и мы на костре сварили вкусный, ароматный суп-лапшу. Петрович принес свой домашний хлеб, свежую редиску, банку соленых огурцов и... «новости с полей»: сколько земляники собрал, какие травы «спели», кукушка в этом году не куковала... «от жары, небось, сморилась».

Всю неделю пребывания «на даче» мы не смотрели телевизор, не пользовались сотовым телефоном (чтобы появилась связь надо пройти несколько километров до соседней деревни). В нашем распоряжении был транзистор, который напоминал о цивилизации, и книги – русская классика по школьной программе, как наследство от прежних хозяев, и исторические романы из библиотеки Натальи Михайловны.

Петухи и... прошлое

Первое время от тишины у меня звенело в ушах. Щебетанье птиц, однообразный звук ручной пилы с «поместья» Петровича умиротворяли и настраивали на лирический лад. Пока Наталья Михайловна поливала грядки с огурцами и помидорами, срезала увядшие цветы, мы втроем расположились под навесом. «Эх, вы еще переключку местных петухов не слышали! У Татьяны Васильевны, это через пять дворов отсюда, совершенно удивительные петухи! Мало того, что красавцы – крупные, важные, огненно-рыжие, с гребешком-коронкой, так еще и певуны знатные! Кстати, наш Гренадер их родственник. Вот послушаете... Ну, прямо какое-то художественное разноголосье! - Алексей Степанович рассмеялся. – Я сразу детство вспоминаю... Батя в 60-е годы сезонно работал массовиком-затейником в Уфимском доме-отдыха; и я при нем – на каникулах. Там у сторожа небольшое хозяйство было: лошадь, корова, свиней держали, кур, уток... Вроде рядом с городом, а жили как в деревне. Дачи для отдыхающих без удобств, одно и двухэтажные дощатые, палаты на 6-8 человек. Но весело как-то было! Чуть свет, петухи утро приветствуют. Начинают вроде робко, словно спросонья, а потом в раж входят, никак угомониться не могут. Даже отдыхающие жаловались...» - «Я тоже в этом Доме-отдыха бывала. С мамой или тетушкой ездили. И петухов помню, и утреннюю зарядку под баян. После обеда взрослые собирались своей компанией, дети своей. В догонялки играли, в «вышибалы», в казаки-разбойники, а если погода дождливая, приходили в

клуб, рисовали, из пластилина лепили, а воспитательница нам книжки вслух читала».

Алексей Степанович принес самовар, сушки и мед «от Петровича». Наталья Михайловна поставила на стол оранжевые чашки в белый горошек и такой же заварной чайник. «Знаете, этот неполный сервиз остался в буфете от бывших хозяев. Я его отмыла и пришла к выводу, что расцветка очень позитивная, солнечная... И у посуды началась новая жизнь».

Травяной чай и родниковая вода превратили напиток в ароматный нектар. Жара спала, и вечерняя прохлада приятно освежала, добавляя запахи цветов и душистого сена. «Алеша, ты расскажи-ка нашим гостям про шахматные турниры, про Федьку – «гроссмейстера». – «А..а...а! Да, занятный феномен! А дело обстояло так... В каждый заезд в Домеотдыха проводили различные мероприятия и обязательным пунктом программы был шахматный турнир. Конечно, все это на любительском уровне, но... страсти кипели нешуточные. Участники соревнования менялись, не менялся только победитель. Это был местный конюх, он же разнорабочий при столовой, вечно пьяненький Федор – мужичок неопределенного возраста, какой-то дальний родственник сторожа. Слава о непобедимости «гроссмейстера» приобрела городской масштаб. В конце концов, дело было не в призе – флаконе «Тройного» одеколona, а в принципе: если ты не отдыхающий, не встревай в турнир! Федька уже стал отказываться от награды, но народ твердо стоял на своем: участники - только отдыхающие. Ситуация доходила до комедии! Кто-нибудь из шахматистов заранее договаривался с Федькой и тот во время игры, которая проходила в помещении столовой, как бы по делу, проходил через зал, бросив взгляд на шахматную доску играющих. Этим нескольких секунд ему было достаточно, чтобы оценить положение. Через минуту Федькин подопечный выходил на скамеечку покурить. Там его уже и поджидал «гроссмейстер» с подсказкой. Но даже с такой помощью игрок не всегда успешно мог завершить партию. Федька страшно возмущался; уже после окончания турнира расставлял фигуры и объяснял непонятливому шахматисту его ошибки. Кстати, именно Федька научил меня играть в шахматы. Вот только до уровня его таланта я так и не дорос» - закончил свой рассказ Алексей Степанович.

Мы не рискнули испытать свои скромные познания в древней игре, тем более с учеником «гроссмейстера». Да и ранние петушинные вокализы, переходящие в дуэты и квартеты, настроение нам не портили. Пока

летняя жара еще не набрала силу, мы пили кофе и отправлялись на прогулку по окрестностям. Обед варили на костре. Потом помогали по хозяйству, в огороде, читали, вспоминали прошлое. Наталья Михайловна устроила викторину по роману Льва Толстого «Война и мир». Увы, многое со школьных лет подзабылось! Мы по очереди находили любимые главы. Наталья Михайловна с чувством прочитала сцену, где князь Андрей, будучи в Отрадном, случайно услышал разговор Наташи и Сони: «Нет, ты посмотри, что за луна! Ах, какая прелесть! Ты поди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь? Так бы вот села на корточки, вот так подхватила бы себя под коленки – туже, как можно туже, натужиться надо, - и полетела бы. Вот так!»

Мы всматривались в ночное небо. На природе оно кажется совсем близко. Луна спряталась за облаками и лишь звездочки мерцали в бархатной тьме, словно присматриваясь к нам, живущим на земле.

«Мама, включи Шопена!»

Ко мне в гости приехала Наталья Евгеньевна Коржавина - кузина из Таганрога. Не виделись мы с ней почти пятнадцать лет. Приехала со своей младшей дочкой двадцатилетней Катериной. Само по себе событие вполне рядовое, если бы не история, которую поведали мне наши гости.

Усадьба Коржавиных на окраине города. Большой пятикомнатный дом вполне удобен для семьи из шести человек. Но в связи с последними событиями на Украине решено было потесниться и пустить пожить семьей из-под Мариуполя.

Квартирантами оказалась Лариса - молодая женщина с двумя девочками Оксаной и Татьяной – восьми и шести лет. Их привез волонтер на своей машине. Выгрузил четыре большие сумки и несколько пакетов – все уцелевшее имущество.

В первую очередь вся семья помылась в душе, покушали. Девочки были похожи на маленьких испуганных котят, которые жалась к матери и боялись упустить ее из виду. Им выделили самую большую комнату с верандой. Несколько дней никто не слышал голоса детей. Лариса тоже была немногословна. Там, на Украине недалеко от своего разбитого дома она похоронила мать и сына. Дедушка умер от осколочных ранений в больнице. Муж пропал без вести, когда поехал за продуктами. Несколько дней выжившие, вместе с другими людьми спрятались в подвале по-

луразрушенного здания. Ночью Лариса с соседским парнишкой пробирались к своему дому, пытались найти хоть какую-нибудь еду, теплые вещи.

Наташа, пересказывая мне историю этой украинской семьи, несколько раз восклицала: «Как эти люди будут жить дальше?! Что творится в душе этих маленьких беженок?! Какая тут политика?! Это подлость одна! Подлость!!!»

Как ни пытались мы с Наташей и Катей обсуждать наши общие дела, знакомых, прошлое, через некоторое время опять возвращались к квартирантам Коржавиных. Катя вспоминала, как она пыталась угостить девочек шоколадом, но они, молча, прятались за маму или за кресло. «Катюша, а ты помнишь этот жуткий, пронзительный крик Оксаны, когда она забежала в дом со двора?» - «Ой, у меня опять мурашки по спине...» «А дело было так. Над Таганрогом сейчас часто летают вертолеты, военные самолеты. И вот очередной усиливающийся звук моторов перекрыл всё и вся. Старшая из сестренок сидела на крыльце. Услышав эти приближающиеся звуки, она подумала, что опять начинается обстрел. И вот она распахивает дверь, бросается к матери и кричит: “Мама, скорее включай Шопена!” Тут же проснулась младшая и тоже прижалась к матери. Я замерла, не в силах что-либо понять. А Лариса обняла дочек и повторяет: “Тише, тише, это наши самолеты летят. Здесь не стреляют!” Я потом спросила у Ларисы про Шопена. Ее объяснение потрясло меня».

Стрельба, обстрелы то усиливались, то на короткое время стихали. Девочки, на глазах которых погибли брат и бабушка, находились в состоянии шока. Лекарств никаких нет. Ларисе удалось найти коробку с плеерами. Муж и жена Коржавины – имеют музыкальное образование. Лариса работала в детском саду. И вот, когда начинался обстрел, мама вставляла наушники в детские ушки и, как гипнотизер внушала: «Все хорошо. Включаем музыку, слушаем Шопена».

Надо заметить, что в мирное время перед сном Лариса играла детям вальсы и этюды Фредерика Шопена. Под звуки рояля они засыпали. Так мелодии Шопена стали антидепрессантом в период военных действий.

В комнате, где разместились семья с Украины, кроме мебели, было и старенькое пианино. Катя пояснила Ларисе, что та может играть в любое время. Но Лариса посмотрела какими-то пустыми глазами и помотала головой. Женщина не могла еще прийти в себя после пережитого.

Правда она тут же включилась в работу по дому: вымыла полы, перестирала детские вещи. Девочкам подарили игрушки. Однако испуганные сестрички смотрели на них совершенно равнодушно. Через несколько дней Катя обнаружила кукол и мягких зверюшек завернутыми в платочки, а поверх них кресты из прутиков. За последнее время дети видели в родном городе только слезы и похороны. Как рассказывала Лариса, хоронили во дворах, в скверике, поблизости от мест, где они сами прятались.

Телевизор при девочках старались не включать. В крайнем случае смотрели мультфильмы. Лариса читала им сказки или тихо напевала песенки. Из дома по делам мама с дочками выходили вместе. Если их на автомобиле возила Наташа или Катя, вся троица располагалась на заднем сиденье, прижавшись друг к другу.

Каждый вечер Наташа звонила в Таганрог, мужу, детям, внукам. Вчера она о чем-то долго расспрашивала мужа, потом молчала, зажав рукой рот. Слезы градом текли по ее щекам. Уже выключив телефон, кузина разрыдалась. Я стала расспрашивать, что случилось? В ответ она как-то неопределенно махнула рукой... «Все нормально. Лариса играет Шопена».

ПОРТРЕТЫ

И были схватки боевые! **(С.И. Елисеев)**

«Физкульт-ура! Физкульт-ура! Ура! Ура! Будь готов!

Когда настанет час бить врагов,

От всех границ ты их отбивай!

Левый край! Правый край - не зевай!» - поется в незамысловатой песенке о физкультуре. Слово это трактуется как «физическая культура» (по аналогии с терминами - сельскохозяйственная культура, массовая культура и т. д.). А это совсем не то, что спорт - высшее достижение физического мастерства. Физкультура предполагает массовость и гармонию. Как поется в том же «шлягере»:

«Чтобы тело и душа были молоды,

Были молоды, были молоды,

Ты не бойся ни жары и ни холода,

Закаляйся, как сталь.»

Перед вами рассказ о первых ласточках физкультурного движения в Уфе.

В конце 19-го начале 20-го века цирк стал ареной для поединков атлетов - борцов, боксеров, мастеров по поднятию всевозможных тяжестей. Были среди таких спортсменов потомственные циркачи, но встречались и самородки из крестьян или рабочих, чья карьера началась случайно и продолжалась недолго, но память об их успехах (в том числе и за границей) хранят архивы, газеты и журналы тех лет.

Наиболее известным среди уфимских физкультурников, а затем и профессиональных спортсменов конца 19 века являлся Сергей Елисеев. Он родился в 1878 году в семье, которая славилась физическим развитием и богатырским здоровьем. Сергей и его младший брат Александр работали слесарями в Уфимских железнодорожных мастерских. В свободное время их любимым занятием были упражнения с гирями и другими тяжелыми предметами. Жители улицы Миасской, которая упиралась в обрыв над уфимским вокзалом, часто наблюдали, как братья играючи крестились двухпудовыми гирями и легко жонглировали ими. Сергей к тому же очень любил борьбу. Равных ему по силе не находилось ни в мастерских, ни на соседних улицах. А однажды волею случая приобрел он и более широкую известность.

Ежегодно в окрестностях Уфы проводился национальный праздник сабантуй, и несколько лет подряд победителем уфимского сабантуя по национальной борьбе курэш становился Габдрахман Салихов. Стоя в широком кругу с традиционным кушаком в руках, он делал несколько мягких переступающих шагов, примериваясь к очередному сопернику, внезапно, словно железными тисками сдавливал ему ребра и, резко откинувшись назад, молниеносным броском переворачивал в воздухе и бросал на землю.

Так было и на этот раз. Расправившись с очередным противником, Габдрахман с усмешкой оглядел окружавших его болельщиков. Народ робко затих. Казалось, не сыщется больше смельчаков, готовых померяться силой с признанным чемпионом, но, раздвинув тесный круг зрителей, к Габдрахману подошел среднего роста юноша и протянул вперед соединенные кушаком руки для обхвата соперника.

Снисходительно улыбнувшись намерению очередного претендента на звание сильнейшего, прославленный батыр принял вызов, не сомневаясь в исходе поединка. И тут произошло неожиданное. Уже готов был Салихов применить свой коронный прием, как вдруг с ужасом почувствовал, что ноги его теряют опору, а в следующую секунду он лежал, поверженный. Это была первая большая победа Сергея Елисеева.

В то время еще не существовало специальных методик по подготовке тяжелоатлетов, и братья Елисеевы сами делали из подручных средств снаряды для тренировок и интуитивно определяли нагрузки для своего организма.

В апреле 1898 года в Петербурге прошел чемпионат России по тяжелой атлетике. Вот что сообщалось о нашем уфимце в газете «Петербургские новости»: «...Как выдающееся достижение с гирями, Сергей Елисеев показал следующее: он взял гирию в виде шара с ручкой весом в 152,5 фунта (62, 45 кг), поднял ее правой рукой за головой и на вытянутой руке медленно опустил сбоку, причем подержал некоторое время руку в горизонтальном положении. Рекорд этот считается мировым. Даже из атлетов-профессионалов никто не делал этого более чем с 120 фунтами».

Затем был Миланский турнир (в Италии), где Елисеев, простой рабочий парень из далекой захолустной Уфы, стал чемпионом и рекордсменом мира.

В России, занимавшей одно из последних мест в мировом спорте, известие о блестящем выступлении уфимца вызвало широкий общест-

венный резонанс. Сам главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения (такая должность существовала в царском правительстве) генерал Воейков счел необходимым сочинить на имя Николая Второго реляцию о представлении к награде жителя города Уфы Сергея Ивановича Елисеева за примерное служение царю и отечеству.

Мода на занятия физкультурой и спортом не обошла и Уфу. В нашем городе был открыт кружок любителей силового атлетизма и борьбы. Каждая тренировка - а проводились они два раза в неделю в помещении первой мужской гимназии - почиталась событием, о чем сообщалось в газете «Уфимские новости».

В 1900 году Елисеев переходит с любительского помоста в профессионалы - на цирковую арену. Он вошел в знаменитую в России труппу Жаннет Боровской как атлет-демонстратор силовых трюков и борец на поясах.

События 1905-1907 годов, известная «экспроприация больших денежных сумм из почтовых вагонов» на разъезде Воронки под Уфой, к которым член боевой дружины Елисеев имел непосредственное отношение, закончилось для него ссылкой на Север сроком на 20 лет.

В 1917 году революция освободила Сергея Ивановича, и он еще несколько лет проработал в цирке. С 1927 года Елисеев занимал должность тренера в Томском медицинском институте. В коллекции русского богатыря было много медалей и наград, но особенно ценил он часы в чугунной оправе - изделие каслинского завода. На вопрос о происхождении этого приза, слегка смущаясь, отвечал: «Это мне мои земляки подарили. Устроил я как-то в уфимском цирке небольшой переполох борцам-профессионалам. Вот и осталась память».

В тему. Каждый день мы получаем информацию о самых разных спортивных соревнованиях. Все новые и новые виды спорта включают в программу Олимпийских игр. Спорт превратился в Империю, где существуют свои правила, законы, традиции; где вращаются огромные суммы денег... для поощрения победителей, для подкупа судей и соперников, для оплаты инвалидности травмированным спортсменам. Все реже встречаются благородные рыцари в единоборствах и галантные противники в игровых видах спорта. Одни допинговые скандалы сменяются другими. Жестокость и обман стали нормой в спортивном мире. Но было другое время... Тогда человек просто получал удовольствие от физических нагрузок.

Уже в Лицее Александр Пушкин прекрасно фехтовал и ездил верхом, позднее - серьезно занялся стрельбой из пистолета и плаванием. То же самое можно сказать и о Михаиле Лермонтове. Интересно отметить, что у Пушкина и Лермонтова был один учитель фехтования - ротмистр Александр Вальвиль – «маэстро шпаги и рапиры».

Писатель Александр Куприн являлся создателем киевского атлетического общества, в котором получил первые уроки Иван Поддубный. А известный журналист Владимир Гиляровский, возглавлявший вместе с Антоном Чеховым Русское гимнастическое общество, сам выступал на состязаниях спортивных делегатов общества «Сокол» в Белгороде в 1897 году и завоевал специальный приз и звание «Наибольший витязь».

И все-таки спорт 19-го - начала 20-го века - это прежде всего приятное времяпровождение. Армии тех лет еще нуждались в хороших фехтовальщиках и опытных кавалеристах, а лица гражданские тренировались ради «мышечной радости», как говорил Иван Павлов, и еще потому, что стало модно... быть здоровым.

Эх, дорожка, фронтовая! **(В.В. Козлов)**

В конце 1968 года Уфа начала подготовку к празднованию юбилейной даты 50-летия освобождения нашего города от колчаковцев. И хотя до 9 июля было ещё далеко, нам - шестиклассникам дали задание: подготовить доклад по биографии и боевому пути кого-либо из героев Гражданской войны.

Я только что прочитала воспоминания личного шофёра командира 25-й стрелковой дивизии Василия Козлова «Рядом с Чапаевым» и находилась под впечатлением от героического образа его легендарного тёзки. Быть может мой доклад оказался бы похожим на десятки других, если бы мне не пришлось в голову написать автору этой книги письмо. Ответ пришел быстро, и у нас завязалась переписка.

Профессия шофёра в начале 20-го века носила такой же ореол романтики, как и профессия лётчика. Для того, чтобы научиться водить автомобиль и получить права, девятнадцатилетнему парню из Самарской губернии Василию Козлову пришлось в 1917 году ехать на частные курсы водителей в Москву. Конечно, поездка и учеба требовали денег, но

ради единственного сына отец - бедный крестьянин продал семейную корову - корову.

«Гулял по Уралу Чапаев-герой...»

Из переписки с Василием Васильевичем я узнала, что в Гражданскую войну уже достаточно активно на фронтах использовали автотехнику. Рядом с боевыми конями находились бронемашин, среди которых были настоящие монстры - английские десятитонные, «сухопутные броненосцы» «Гарфорд» и маневренные «Остины».

Закончив водительские курсы, Козлов услышал, что в Саратове формируется красногвардейский добровольческий отряд во главе с Чапаевым. Василий, не задумываясь, сразу же записался в него. Этот отряд и стал впоследствии костяком прославленной 25-й Чапаевской дивизии.

Василий Иванович Чапаев - личность неординарная. В мирной жизни - это был хороший семьянин, рачительный хозяин. Но он принадлежал к той категории людей, чей истинный талант раскрылся в экстремальных условиях смены государственной власти, межнациональных конфликтов и террора. Это был человек войны. Малообразованный, с крестьянской смекалкой, упрямым характером и живым умом он шел к цели напролом, с бесстрашием одержимого. Последствия тяжелого ранения в бедро, полученного им на Первой мировой войне, давали о себе знать постоянной болью. Чапаев ездил на иноходце - лошади, передвигающейся своеобразным аллюром, обеспечивающим более спокойное положение всадника. Когда появилась возможность пересест на автомобиль, Василий Иванович начал укомплектовывать свою дивизию современным, по тем временам, транспортом.

К весне 1919 года в Чапаевской дивизии имелся присланный штабом 4-й армии специальный 17-й автоотряд в составе нескольких бронемашин, грузовых автомобилей «Уайт», легковых «Стевер», «Паккард» и «Форд», несколько мотоциклов. Четырехместное авто «Стевер» оказалась маломощной машиной, поэтому начдив пересел на более солидный, шестиместный «Паккард». К сожалению, и этот автомобиль не выдержал испытание российскими дорогами, и тогда командир отряда предложил Чапаеву неприхотливый «Форд», который выжимал 70 верст в час по бездорожью. Именно на нем и работал Козлов. Как вспоминал Василий Васильевич: «“Фордик” с виду вовсе не шикарный, но выносливый, с надежным мотором, маневренный.»

Водителей начдив подбирал опытных, смелых. Поэтому когда перед ним появился худенький, невысокого роста парнишка, Чапаев нахмурился. Василий представился, доложил, что прибыл в личное распоряжение в качестве шофера. В то время Козлову приходилось подвозить к линии фронта боеприпасы, снаряжение, но в бою бывать не довелось. Чапаев покрутил свой ус, передвинул какие-то карты на столе, потом, хитрым взглядом оценил Козлова: «Ну, добре. Пока отдыхай, а часа через два поедем.»

«Если бы у моего “Фордика” был спидометр, - писал Василий Васильевич, - то показал бы он не одну тысячу верст, изъезженных с начдивом по уральским степям, на передовые позиции наступавших частей. Случалось быть и в самом пекле боя. И характерно отметить: только появлялся Чапаев, сразу поднималось настроение у командиров и красноармейцев. Настолько велико было среди них убеждение, что “где Чапай - там победа”. Вот и стремился Василий Иванович лично побывать в окопах, осмотреть театр военных действий, острой шуткой поднять настроение бойцов.»

Чапаев относился к машине бережно, зря никуда не посылал, но и не скупился, если кому из товарищей требовалось ехать по делу. Водителя он не понукал, доверял его профессиональным навыкам, был внимателен и заботлив.

Уфимская операция

В период Уфимской операции, начиная с первых наступательных боев, 17-й автомобильный отряд следовал своим ходом за дивизией, обеспечивая доставку войскам боеприпасов, фуража, продовольствия. 30 мая красные взяли узловую станцию Чишмы. 6 июня командующий Южной группой Восточного фронта Михаил Фрунзе приехал в штаб 25-й дивизии, чтобы ознакомить присутствующих с общей обстановкой и поставил перед дивизией задачу: взять Уфу, выделив для поддержки ударную группу под командованием Ивана Кутякова. В состав ударной группы вошли: 220-й Иваново-Вознесенский полк, 25-й кавалерийский полк, девять бронемашин. По предложению Кутякова было решено форсировать реку Белую, преграждающую путь на Уфу, у села Красный Яр. Для этого имелось два парохода, захваченные у белых. Тотчас же после совещания Фрунзе вместе с Чапаевым, Фурмановым, Кутяковым и другими командирами выехали к Красному Яру. А уже вечером к Красному

Яру подтянулись 74-я бригада Фёдора Зубарева и дивизионная артиллерия, занявшие позиции еще до наступления темноты.

В ночь на 8 июня красные без единого выстрела переправились на правый берег Белой, и на рассвете чапаевцы открыли артиллерийский огонь по проволочным заграждениям и окопам белогвардейцев. Как вспоминал Козлов, - «Василий Иванович руководил переправой; он то сопровождал пароходы, то носился по берегу на своем иноходце, выезжая к сражающимся частям. Противник не принял штыковой бой и стал отходить на восток - в лес. Было захвачено несколько пулемётов и человек сто пленных.»

Прошло около сорока минут с начала боя, росло количество раненых. Фронт изогнулся подковой - фланги оказались примкнуты к Белой, а линия огня проходила по шоссе. Полк с бронемашинами сосредоточили в оврагах и в лесу в районе деревни Старые Турбаслы, он находился как бы в центре дуги, образуя резерв.

После небольшой передышки Фрунзе приказал начать наступление. В шестнадцать часов по всему фронту части пошли в атаку. Ближе к вечеру позиции красноармейцев начали обстреливать пулеметы вражеской авиации. Осколками разорвавшейся бомбы была убита лошадь Михаила Фрунзе, он сам получил сильную контузию. В районе переправы пулей с аэроплана ранили в голову Чапаева.

Как выяснилось из допроса пленных, в течение двух дней против чапаевцев действовали шесть пехотных полков и два кавалерийских. Число раненых и убитых превысило семьсот человек. Солдаты убегали в леса, прятались в крестьянских дворах, офицеры уничтожали свои документы и срывали свои погоны, чтобы в случае пленения затеряться в солдатской массе.

Когда разгром колчаковцев стал очевиден, жители Уфы на своих лодках активно стали помогать красноармейцам переправляться с левого берега Белой на правый в районе железнодорожного моста. 9 июня власть в Уфе перешла в руки большевиков.

История одной фотографии

Мой доклад о герое Гражданской войны Чапаеве был уже готов. Я пошла к своей подруге Ольге, умеющей хорошо рисовать, чтобы она помогла мне красиво оформить написанное, ведь в моем распоряжении были только портрет легендарного полководца на почтовой открытке и

маленькое, подаренное мне фото, его личного шофера - Козлова, сделанное уже в годы Великой Отечественной войны. Наш разговор услышала мама Ольги. Она присела к нам за стол и посоветовала обратиться к их соседке Зое Николаевне Киселёвой. Её отец воевал в чапаевской дивизии. «Как воевал?!» - удивилась я. «Ну, я подробностей не знаю. Сами расспросите её. Она женщина душевная... поговорите.»

Дверь нам открыла знакомая мне тетя Зоя, у которой по утрам мы покупали молоко. Она приветливо пригласила нас с Олей на кухню, где жарились аппетитные пирожки. Уже за чаем мы услышали историю одной фотографии.

Вскоре после взятия Уфы чапаевцами, когда бойцы помылись в бане и привели себя в порядок, комиссар Дмитрий Фурманов подошел к начдиву с просьбой: сфотографироваться всем вместе на память. Василий Иванович потрогал перевязанную бинтами голову: «Это в таком виде, что ли?!» - «Ничего, зато памятнее будет!» Отправились на улицу Центральную (ныне Ленина) в фотосалон Бурсарда Шперлинга. Фотограф сначала испугался, увидев столько людей в военной форме, но когда понял, что они пришли фотографироваться, засуетился. Поставил в центре зала полукруглое кресло с высокой спинкой - усадил в него главного командира, принес диванчик, стулья. Одиннадцать человек сели, пятеро прилегли внизу на половик, остальные встали позади. Всего сорок один человек.

Тетя Зоя достала старый альбом, где среди фотографий лежала вырезка из газеты «Красная Звезда» с этой самой фотографией. «А который ваш отец?» - любопытствовала я. «Его среди них нет, - смутилась наша рассказчица, - Здесь командиры да комиссары, а мой отец рядовой был. Я про него ничего толком не знаю. Он через две-три недели с дивизией ушел и вскоре погиб. Мама в 1920 году после родов умерла. Деда арестовали за то, что керосиновая лавка у нас была. Вроде как буржуями посчитали. Только вы про это не пишите. Время такое было... А про фотографию ребятам расскажите. Это ведь исторический документ.»

Беспризорники (Т.Н. Петренко)

И были чувства остры, как лезвие клинка

7 декабря (20 декабря по новому стилю) 1917 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Главной ее задачей была борьба с контрреволюцией и саботажем. Также орган выполнял функции разведки, контрразведки и политического розыска. С 1921 года в число задач ВЧК входила ликвидация беспризорности и безнадзорности среди детей.

Экскурс в историю

С началом Первой мировой войны преступность в России резко скакнула вверх. По-настоящему плохо стало после падения монархии в ходе Февральской революции. В марте-августе 1917 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество убийств в Москве выросло в 10 раз, а грабежей – 14 раз. Сильно поспособствовала этому общеуголовная амнистия, объявленная правительством Керенского 2 марта, когда на свободу вышли матерые «урки».

В 1921 году по всей стране насчитывалось более четырех миллионов беспризорных детей. Осенью этого же года при ВЦИК была создана комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским по улучшению жизни детей (Детская чрезвычайная комиссия – ДЧК). Основным методом борьбы с беспризорностью было определение сирот в интернаты, где с детьми работали педагоги и врачи. Затем детей направляли в детские учреждения постоянного пребывания (дет. дома, интернаты, детские городки, колонии и т.п.), возвращали родителям, родственникам, более взрослых могли трудоустроить.

Уголовный кодекс 1922 года смягчил режим в отношении беспризорников: несовершеннолетие обвиняемого было отнесено к числу смягчающих вину обстоятельств, появилась возможность широкого применения к подросткам условного осуждения, замены судом уголовного наказания воспитательными мерами, которые считались достаточными для достижения задачи исправления виновного.

Одной из главных бед считалось влияние криминальной среды на сирот. Поэтому начали создавать специальные заведения для несовершеннолетних осужденных, малолетних правонарушителей, детей арестантов, а также нищих, брошенных и бездомных детей.

«Изъятие» беспризорников с улиц приняло характер военных операций, в которых участвовали сотрудники ВЧК-ОГПУ, милиции и угрозыска. После облав пойманных размещали в специальные приемники. Сирот передавали в семьи крестьян и кустарей. Чтобы заинтересовать опекунов, им предоставляли дополнительный земельный надел на каждого ребенка, освобождали от единого земельного налога на три года, выплачивали единовременное пособие, а ребенок получал право на бесплатное обучение.

Время назад

В 1978 году моему хорошему знакомому следователю Михаилу Александровичу Дементьеву по работе необходима была консультация специалиста разбирающегося в старинных часах. Ему дали адрес лекционера Петренко. Предварительно созвонившись, на встречу мы отправились вдвоем.

Любитель часов жил в Черниковке на улице Первомайской в пятиэтажке недалеко от Дворца машиностроителей. Нас встретил худощавый, спортивного вида мужчина, с небольшими залысинами, крупным орлиным носом и внимательными серыми глазами. «Трофим Николаевич, - представился хозяин, - Проходите в зал.» Все стены комнаты были заняты всевозможными часами. Они висели, стояли на полках в каких-то специальных застекленных витринах, часы-статуэтки украшали старинный комод и столик трюмо.

Получив необходимую информацию, Михаил Александрович поинтересовался, откуда взялась такая страсть к часовым механизмам разных стран и эпох? Петренко улыбнулся: «Это долгая история. Давайте продолжим беседу за столом.» Через минуту на белой, кружевной скатерти появилась кастрюля с борщом, густая деревенская сметана и пампушки. К нам присоединилась супруга хозяина Раиса Степановна.

«Первые часы я получил в 1924 году в качестве награды за успешно проведенную операцию по отлову малолетних преступников». Дементьев оживился: «Так мы с вами коллеги?! Вы где служили?» - «В

ВЧК-ОГПУ. В те годы беспризорниками занималось это ведомство. А попал я туда совершенно случайно».

Трофим Николаевич родился в 1901 году под Харьковом. В 16-ом, после смерти отца, мать с сыном и дочерью перебрались в Москву. Поначалу устроились весьма неплохо: профессор-историк по фамилии Бергер выделил им две небольшие комнаты на первом этаже своего двухэтажного дома. Мать служила прислугой, топила печи, убиралась, стирала. Трофим помогал по хозяйству, сестричка начала посещать гимназию.

Всё изменилось весной 18-го года. Сначала профессор отправил куда-то своих трех дочерей, потом уехала его мать и жена с внуком. Бергер распродал мебель, но желающих приобрести дорогие вещи в столь смутное время находилось мало. Историк ночами мерил шагами комнаты, горестно вздыхал, днем перекладывал одежду в чемоданах, словно не решаясь расстаться с модными рубашками и костюмами.

Однажды утром Трофим принес завтрак хозяину. Постучал в дверь спальни, но никто не отозвался. Осторожно заглянув внутрь, обнаружил профессора на кровати. Молодой человек склонился над ним, пощупал пульс, поднес маленькое зеркальце к губам лежащего... Бергер был мертв.

Как впоследствии выяснилось, у старика не выдержало сердце. Милиция и другие представители новой власти быстро провели осмотр всего дома. Чемоданы с одеждой и часть мебели увезли. Дом закрыли, прислугу выселили в каретник.

Буквально на следующую ночь воры залезли через окно и вынесли все, что можно было утащить. А через несколько дней во дворе появился мужчина в военном френче без погон. Увидев Трофима, который колот дрова, подошел ближе. «Я Федор Борисович - сын Бергера. Что вы здесь делаете?» - незнакомец сунул руку в карман галифе. Из каретника вышла мать, объяснила ситуацию. Бергер заглянул в каретник, достал из ящика небольшой ломик и ловко вскрыл дверь черного хода. В пустом доме несколько минут раздавались гулкие шаги его сапог. Федор Борисович вышел с небольшим свертком в руке; посмотрел на испуганную сестренку, на мать, достал из кармана кожаный портмоне и протянул Трофиму несколько купюр. Полагаю, отец не успел с вами рассчитаться... Это вам, на первое время хватит.

Деньги Бергера очень помогли, но голод не оставлял в покое. Матери посчастливилось найти работу санитаркой в больнице, Трофим перебивался случайными заработками. Так прошли четыре года.

Братья Епифановы

Как-то на рынке началась паника. Ловили вора. Шум, суета. Прямо на Трофима выскочили двое мальчишек в лохмотьях. За ними гнался мужчина в кожаной тужурке с портупеей: «Держи, дьяволенка!» Трофим схватил младшего - того, кто прятал что-то за пазухой. Старшего за воротник поймал подбежавший мужчина в кожанке. Пацаны, как в плохом театре, дружно заплакали писклявыми голосами. Расстегнув изъеденное молью пальто беглеца, обнаружили черную бархатную дамскую сумочку. Из-за спин любопытствующих послышался женский голос: «Моя! Моя сумочка! Там деньги в круглом кошелечке, пудра, два шелковых платочка и паспорт!»

Мальчишек повели в ближайший отдел ВЧК. Петренко записали свидетелем. Задержанными оказались братья Епифановы, 14-летний Аристарх и 10-летний Иван. Сняв отпечатки пальцев старшего на специальную картонку, следователь по формуле стал искать знакомые «пальчики» в картотеке. «Ага, братец, да ты уже на краже-то попадался?! Тут записано: Епифанов Аристарх Игнатов, он же “Пастух”, он же “Нога”; 1908 год рождения». Аристарх смачно плюнул и пробасил: «Так то когда было? А сейчас... не я! Ванька-Хомяк! Ну, виноват я: за шкетом не уследил!» - «Поедете сейчас в распределитель. Там с вами разберутся. В прошлой раз почему из детского дома сбежали? Одели вас, обули, накормили. Чего не хватало?» - «Воли!» «Вези их!» - чекист устало махнул рукой своему помощнику. «А ты где работаешь?» - оперативник обратился к свидетелю. «Как получится... По-разному». - «Нам людей не хватает. Оформляйся? Форму дадим, карточки на питание». Трофим вспомнил исхудавшую мать, опухшие от стирки руки сестренки, и согласился.

Две смерти

Постепенно в течение года Петренко приобрел опыт оперативной работы, научился метко стрелять, частенько приходилось вступать врукопашную с сильными, коварными бандитами. Работу с беспризорника-

ми в основном передали в милицию, хотя совместные с милиционерами облавы по задержанию безнадзорных продолжались.

В конце февраля 1924 года коллега Петренко позвал его в свой кабинет. Закурили. «Трофим, твою сестренку как звали?» - «Почему звали? Ксения она...» «Поехали в морг на опознание. Убили ее сегодня утром... возле Казанского вокзала. По виску чем-то ударили. Она успела сообщить... Мальчишки-беспризорники напали. Отняли узелок с бельем, пальто, шаль с нее сняли. Прохожие хотели потерпевшую в больницу отвезти, да извозчиков поблизости не было. А когда отыскался, твоя сестричка уже скончалась».

Трофим представил, что будет с матерью... Он обхватил голову руками и молча раскачивался из стороны в сторону. «Тебе начальство три дня выходных дает. С похоронами поможем. Сейчас в морг надо. Прости. Формальности. Сам понимаешь...»

Вспоминая события тех лет, Петренко встал, подошел к окну, приоткрыл форточку, словно ему не хватало воздуха. Раиса Степановна второй раз вскипятила чайник, наполнила чашки ароматной заваркой. «Что же было дальше?» - робко спросила я.

Трофим Николаевич сделал несколько глотков. «Дальше... Как в тумане... В морге среди нескольких мертвецов опознал я свою сестричку. Лежала она еще не раздетая, в своем бордовом платье. Тонкая струйка крови на виске, побледневшее лицо, губки в какой-то горькой полуулыбке. Попросил, чтобы меня отвезли на место, где все это произошло. Приехали вместе со следователем и оперативником. Открытое пространство, два старых дерева, кустики... В трех метрах от этих кустиков снег слегка примят. Под легкой порошей угадывалась кровь. Снежинки словно замаскировали страшное место, и капли крови стали похожи на раздавленные ягоды рябины. Постояли, покурили. Следователь по своим делам уехал, а мы с оперативником решили контингент вокзальный проверить. На перроне разошлись в разные стороны. Я направился туда, где бродяги под навесом от непогоды прячутся или отдыхают днем. Вдруг откуда-то из-за старого паровоза мелькнули две фигуры в лохмотьях. Я побежал за ними. На ходу наган из кобуры достал, кричу: «Стой! Стрелять буду!» Они еще быстрее припустили вдоль железнодорожных путей. Я выстрелил в воздух. Беглецы оглянулись, головы в плечи втянули и жару добавили. Я опять в воздух выстрелил и в свисток засвистел. Смотрю, со стороны вокзала милиционер навстречу бежит. А в это время по соседним путям поезд скорость набирал. Тот бродяга, что

поменьше ростом был, замешкался, а длинный решил на ходу под вагонами проскочить, да за рельс запнулся. Пока мы с милиционером добежали, последние вагоны уже перемалывали куски человеческого туловища в грязных тряпках. Картина жуткая!

Милиционер – мужичок преклонного возраста руками всплеснул и побежал за подмогой. Я присмотрелся к упавшему без чувств маленькому бродяге. Поднял, усадил его на шпалу. С головы пацаненка упал заношенный до блеска треух. Ба! Старый знакомый – Ванька-Хомяк! Опять сбежал?! Я запомнил его по темным оспинам на лице и шраму под левым глазом. Едва очнувшись, парнишка увидел окровавленные тряпки на путях и вдруг заголосил: «Это Бог покарал! За барышню красивую!» Я зажал пальцами его круглую, щекастую мордочку и упавшим голосом спросил: «Какую барышню?» - «Да утром... идем мы голодные и злющие! Кишки узлом завязываются! А тут эта идет... узелочком помахивает. “Нога” тюкнул ее легонько, а она еще брыкаться вздумала... Узелок-то не отдает. Тут уж и я не выдержал!.. Сняли мы с нее барахло буржуйское, узелок прихватили...» «Где вещи?» - стараясь не выдавать своей ярости, спрашиваю я. – «Продали. Пожрали от пуза! Еще и на марафету осталось!»

Неожиданное продолжение

Трофим Николаевич закурил, достал альбом с фотографиями. «Хотите на Ваньку-Хомяка взглянуть?» На снимке: пожилая женщина нежно обнимает молодого человека с оспинами на лице. Это он с моей матушкой. Забрали мы парня из КПЗ. Без старшего брата он совсем одичал, да и мать нужно было чем-то отвлечь. После гибели Ксюши она на грани помешательства оказалась. А с Ванькой договорились: о прошлом не вспоминать. Я ему, конечно, объяснил, кого они с братом убили. Для него это стало каким-то отрезвляющим потрясением. Даже я с такой нежностью и теплом к матери не относился, как Ванька. Любили они друг друга с каким-то безумным отчаяньем!

«А как в дальнейшем его судьба сложилась?» - поинтересовался Михаил Александрович. Закончил Ваня лесной техникум. В годы Отечественной войны служили вместе: собак – истребителей танков готовили. Потом наши пути разошлись. Однако в середине 50-х опять встретились. Мы с Раисой в Уфу перебрались, а Ваня недалеко от Миасса в лес-

ничестве трудится. Частенько к нему ездим. Места там замечательные, на лыжах хорошо кататься.

Кстати, была у меня еще одна интересная встреча. В 1951 году в Третьяковке обратил внимание на группу туристов из Франции. Знакомое лицо мелькнуло... Бергер-младший! Состарился, на отца похож стал. Я с младшей дочкой был, а этот мсье с девушкой. Улучил момент, подошел к нему, поздоровался. Федор Борисович меня не узнал. Напомнил я ему ситуацию возле каретника... Он рассмеялся, обнял меня, представил своей спутнице. Внучка его племянницы родилась уже во Франции, куда семья Бергеров перебралась почти вся. Отец только не успел. Мадемуазель зовут Анна, так же, как и мою дочку. Француженка по-русски хорошо говорила. Отошли мы в сторонку, словно старые приятели. Выяснилось, что у Бергеров в предместье Парижа пансион для детей русских эмигрантов. Пригласил он нас к себе в гостиницу кофе попить, но я вежливо отказался. Не мог же я сказать, что работаю в органах госбезопасности?!

Конечно, положено было доложить об этой встрече начальству, но что-то удержало меня. Ситуация в стране на тот период слегка накалилась. Опять пошли увольнения в нашей «конторе», подозрения в дружбе не с теми, с кем можно выстраивать отношения... И усталость накопилась! Махнул я на все рукой и попросился в отставку. 1952 год встречал уже гражданским человеком. Но дело наше продолжается: Анна Трофимовна сейчас в Москве, служит в милиции, трудным подросткам помогает к нормальной жизни вернуться. Сказать, что современные подростки добрее, чем в первые годы советской власти... не могу. Два ножевых ранения у Аннушки были. Одно весьма серьезное. Уговаривали на другую работу перейти... И слышать не хочет! У нее коронный прием имеется: устраивает своим хулиганам встречи с Ваней Епифановым, а он так...ие страсти рассказывает! И приврет, конечно... Но эффект потрясающий! Хотите, познакомлю?»

P.S. С Иваном Игнатьевичем Епифановым мы познакомились в январе 1979 года, когда у Михаила Александровича выдался краткосрочный отпуск. Долгие, многокилометровые лыжные прогулки среди покрытых инеем деревьев оставили незабываемые впечатления. Но и вечерние посиделки с хозяином уютной лесной избушки оказались яркими и познавательными. Впрочем, это уже совсем другая история!

За кремовыми шторами истории (К.М. Семавина)

В Уфе, на улице Мингажева еще сохранились старые дома. Большинство из них имеют вековую историю. В одном из них в конце весны мне довелось побывать.

Скрипнула деревянная калитка, грустный всхлип которой заглушил басовитый собачий лай. Запахло свежей крапивой, сыростью и тем особенным ароматом старины, так свойственным уходящим русским усадьбам. Перекошенное от времени крыльцо тяжело вздохнуло под моими ногами, распахнулась дверь и на пороге меня приветствовала хозяйка Татьяна Ивановна Дёмина.

Тени прошлого

Именно в старинных усадьбах особенно чувствуется связь поколений, легко прослеживаются исторические пласты и ощущается дыхание времени. Маленькая кухня и комната аппетитно пахли свежеиспеченной сдобой и черёмухой, огромный букет которой украшал красиво сервированный стол.

Татьяна Ивановна за чаем поведала мне историю об удивительной женщине - бабушке своего мужа Ксении Михайловне Семавиной, урождённой Нестеровой, долгое время работавшей в уфимской средней школе № 32 преподавателем немецкого языка.

Но начать рассказ мне хотелось бы с родословной Нестеровых-Семавиных, на семейном древе которых представлено шесть поколений. Большинство из родственников имеют творческую жилку, отличаются трудолюбием и умением выживать в самых тяжёлых условиях, не теряя человеческого достоинства. Я рассматривала фотографии родившихся в 21-ом веке и нашла в их лицах что-то общее с теми, кто появился на свет в 19-ом. Очень многие бывали в этом доме на Мингажева, многие родились здесь и жили. Старинная мебель ещё помнит руки первой хозяйки дома - дворянки, родившейся в 1898 году в собственном имении под Петербургом, Ксении Михайловны Семавиной и её сестёр. До нынешних дней сохранилось множество книг - главное богатство предыдущих поколений. Стены дома украшают современные портреты, пейзажи, написанные самобытной художницей - нынешней владелицей дома Татьяной Дёминой.

Особенный уют придают комнате кремовые шторы. Вспоминаются слова Лариосика из пьесы Михаила Булгакова «Дни Турбиных»: «Господа, кремовые шторы... за ними отдыхаешь душой...»

Институтские порядки

Ксения Михайловна была старшей из семерых детей. Всем хватало места в большом двухэтажном особняке, где русская речь перемешивалась с французской, звучало фортепиано, слышался смех и шум ребячьих игр. В семилетнем возрасте Ксению привезли в Петербург и определили в Смольный институт благородных девиц.

Как ни странно, у наших современников сложилось впечатление, что институт благородных девиц - это заведение, где обучались избалованные барышни из богатых семейств. На самом деле, в конце 19-го - начале 20-го века среди воспитанниц института было много девочек обедневших дворян и даже мещанок. Условия, в которых жили и учились смолянки, отличались строгостью, доходившей до абсурда, а иногда и ничем не оправданной жестокостью.

Первое, с чем пришлось столкнуться маленькой Ксюше, это грубое требование классной дамы: не завивать волосы. Но у девочки волнистые волосы были от природы. Ребёнка волоком таскали к рукомоюнику и мочили волосы холодной водой; однако, высохнув после такой процедуры, причёска Ксении становилась еще пышнее. Симпатичная воспитанница раздражала учителей не только своей внешностью, но и скромностью, терпением. Вся жизнь в учебном заведении проходила по звонку. Подъём в шесть утра. Час отводили на то, чтобы облиться холодной водой (таким образом девочек закаливали), причесаться, одеться (а «справиться самостоятельно с несуразной институтской формой - умудрялись лишь немногие»). В семь часов - молитва.

Кроме раннего пробуждения и холода, воспитанниц удручал и голод. На завтрак давали маленький тоненький ломтик чёрного хлеба, чуть-чуть смазанный маслом и посыпанный зелёным сыром, - этот крошечный бутерброд составлял первое блюдо. Иногда вместо зелёного сыра на хлебе лежал тонкий, как бумага, кусочек мяса. На второе давали крошечную порцию молочной каши или макарон. В обед - суп без говядины, на второе - небольшой кусочек поджаренной говядины из супа с водянистым картофелем. На третье - пирожок с брусникой, черникой

или клюквой. Утром и вечером полагалась одна кружка чаю и половина французской булки.

Уроки жизни

Что касалось непосредственно учебных занятий... классные дамы не поощряли интереса девочек к чтению или естественным наукам. Считалось, что девицам достаточно научиться изящным манерам, рукоделию, иностранным языкам и танцам. Для нравственности - религия: проповеди и бесконечные молитвы.

Внутренние помещения, спальни, коридоры, классы - всё было покрашено в один цвет. На стенах, кроме портретов царствующих особ, не было никаких картин, на подоконниках - ни одного цветочка или растения.

Надо отдать должное домашнему воспитанию Ксении. Пробыв в институте, в почти казарменной обстановке десять лет, девушка не утратила живости ума, оптимизма, умения сопереживать.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года разбросала сестёр Нестеровых по всей стране. Ксения Михайловна оказалась в Твери. В этом городе она начала свою педагогическую деятельность, здесь встретила черноглазого юношу - Михаила Семавина, который стал её единственной любовью, верным помощником и опорой в жизни. В 1926 году у них родился сын Анатолий. Увы, счастье оказалось недолгим; в 1933 году супруг Ксении Михайловны трагически погиб.

В тяжёлый период Великой Отечественной войны, когда немцы оказались на подступах к Калинин (Твери), Ксения Михайловна принимает решение ехать к сёстрам в Башкирию. В Уфе тоже было голодно, холодно, но рядом находились близкие люди, с которыми легче выживать, поддерживая друг друга. Жизнь постепенно стала налаживаться, устраивался быт. Ксения Михайловна пошла работать в школу учителем русского и немецкого языков.

Главное - милосердие

Ксения Михайловна никогда не делила учеников на сильных и слабых. Она признавала лишь одну методику: милосердие; не жалость, не снисхождение, а именно милосердие. Это слово было для неё самым главным. После уроков в школе Семавина спешила встретиться с родителями своих учеников. Будучи тонким психологом, она прекрасно по-

нимала, что очень многие проблемы можно решить уже на стадии обычной беседы. Для неё не существовало выходных и праздников; к ней постоянно шли люди. Школьники просили что-то подкорректировать в сочинении или помочь с переводом, соседи и знакомые обращались с просьбой написать заявление или просто посоветовать: как лучше поступить в том или ином случае. Отказа не было никогда.

Татьяна Ивановна вспоминает: «Всем, что имела Ксения Михайловна, она щедро делилась с окружающими. В период дефицита товаров, полученную в подарок коробку конфет, она выносила на улицу и угощала сладостями ребяташек.

Особая гордость Ксении Михайловны - сын Анатолий - геолог и талантливый художник-график, чьи работы часто публиковали в различных газетах и журналах, неоднократно отмечали на Фестивалях юмора в болгарском городе Габрово. От своей мамы Анатолий Михайлович унаследовал наблюдательность и острый ум».

Магия души

Своеобразие мировоззрения Ксении Михайловны проявлялось в её отношении к религии и идеологии. Она, не впадая в крайности, находила много общего в Кодексе строителя коммунизма и христовых заповедях. Считала, что человек, лишённый права на Исповедь, держит в душе какие-то сомнения, страдания, мелочные обиды, и тем самым провоцирует у себя появление таких заболеваний как хронический стресс и неврастения. На протяжении веков с детства народ приучали к Исповеди, как к проверке и очищению совести. Не всегда можно излить душу первому встречному или даже близкому человеку, чтобы не осудили, не задели интимные струны неосторожным вопросом, но к Ксении Михайловне люди шли... на исповедь. В откровенных беседах поднимали вопросы этики, религии, психологии отношений разных поколений, здоровья и даже магии.

«Да-да! Магия существует! - утверждала Ксения Михайловна, - Нас может до слёз растрогать музыка, взволновать или, наоборот, успокоить картина великого художника... А природа?! Смена времён года... А книги, в которых живут чьи-то мысли, судьбы?!»

О скольких судьбах, о каких переживаниях и трагедиях могла бы поведать в своих воспоминаниях бывшая воспитанница Смольного, пережившая революции и войны, советская учительница Ксения Семави-

на?! Однако дневников она не вела, а чужие тайны хранила надёжно. Её деликатность проявлялась не только в умении молчать, но и в недорогих, но приятных подарках, которыми она так любила одаривать родственников и даже малознакомых людей.

Ксения Михайловна ушла из жизни в конце февраля 1980 года. Проводить её в последний путь собралось около сотни людей: многочисленные родственники, коллеги, соседи.

Этот старый дом на Мингажева уже много лет собираются сносить. Именно по этой причине его жители не могут решиться на капитальный ремонт. Оседают фундамент, прогибаются балки... Годы берут своё. А за окном, как и сто лет тому назад, цветут яблони, вишни, на грядках появилась первая зелень. Не умолкая, щебечут птицы.

На диване сидит праправнук Ксении Михайловны - Илья. Он погружён в чтение, готовится к выпускным экзаменам. Мы с Татьяной Ивановной выходим во двор, вдыхаем ароматы запоздавшей весны и с грустью оглядываемся на окна с кремовыми шторами. Обычный деревянный дом... как осколок минувшей эпохи... эпилог исторической пьесы.

Игра в четыре руки (М.А. Дементьев и Б.Б. Овидис)

Чем отличается работа общественного помощника следователя от сыщика-профессионала? Во-первых, общественник не получает зарплату, - это, конечно большой минус. Зато, во-вторых, общественник может сосредоточиться на каком-то конкретном деле и быть свободным в выборе предлагаемой следователем деятельности, - это плюс. Немаловажное значение в успешной работе такой пары: профессионал и любитель играют совместимость характеров и темпераментов, интеллект и банальная симпатия. Мне повезло: с Михаилом Александровичем Дементьевым - старшим следователем районной прокуратуры мы как-то сразу нашли общий язык. Правда на первых порах мою инициативу и предприимчивость держали под жестким контролем, но со временем поводок несколько ослаб и в пределах разумного мои предложения и эксперименты в плане психологии допроса вполне благополучно применялись на практике.

Любители музыки

1976 год. Уфа. Середина осени. Я уже несколько месяцев совмещала работу на заводе и сотрудничество с прокуратурой. На столе под стеклом у Дементьева лежали несколько черно-белых фотографий. Меня заинтересовал снимок пожилого мужчины на скамеечке с книгой в руках. Фото где-то 60-х годов. Я неоднократно спрашивала о нем Михаила Александровича, но нашу беседу постоянно прерывали. Мне только была известна фамилия этого гражданина - Овидис.

И вот однажды в конце рабочего дня мой следователь полубопытноствовал: «Галина, а как ты относишься к классической музыке?» Вопрос озадачил. Прочитав удивление на моем лице, он хмыкнул: «Ну да! Ты наверное думаешь, что я только отпечатки пальцев сличаю и улики к делу подшиваю?!» Михаил Александрович закурил и оценивающе смерил меня взглядом. «Давай я тебя домой подвезу, ты переоденешься и мы поедем в филармонию на концерт симфонического оркестра. Билет лишний есть. Жена сегодня занята. А ты сможешь познакомиться с Овидисом».

В театральном буфете нас поджидал седоватый элегантный джентльмен, а-ля доктор Ватсон, лет восьмидесяти, с усами и небольшой бородкой, в хорошо сшитом костюме-тройке. Дементьев представил нас. «Борислав Богданович, - улыбнулся новый знакомый, - а про вас я слышан. Похвально, что вы любите классическую музыку». Я было уже открыла рот, чтобы возразить, но Михаил Александрович незаметно сжал мне мизинец. Впрочем, мои более чем скромные познания в оперно-балетно-симфоническом искусстве весьма скоро проявились, но были восприняты с пониманием.

После концерта Борислав Богданович предложил поехать к нему. Занимал он половину старинного дома на улице Цюрупа, расположенным в глубине двора. Внешний вид деревянного особняка был неказистый, но внутри меня удивили высокие с лепниной потолки и уютная планировка квартиры. Просторная кухня с большим обеденным столом, с диваном, огромным буфетом и телевизором. Большая гостиная условно поделена на спальню и кабинет высоким книжным шкафом. Из кабинета выход на веранду, опоясовшую часть дома и соединенную с крыльцом.

«Богданыч, - обратился к хозяину Михаил Александрович, - моя помощница очень хотела с тобой поговорить. Расскажи о себе, о детстве,

как в профессию попал... А я ужин разогрею». По тому, как мой шеф ориентировался в этом доме, я поняла, что бывает он здесь достаточно часто и чувствует себя свободно. Мы с Овидисом прошли в кабинет, где всюду лежали ноты, газеты, книги. На пианино стоял портрет красивой молодой женщины в армейской гимнастёрке, перепоясанной портупеей. «Анечка - супруга моя, - пояснил Борислав Богданович, - три года будет, как померла». Он протёр салфеткой свои очки. Мы помолчали. «Вы - музыкант?» - спросила я. – «Нет, что вы! Моя мама была музыкантом, а я получил домашнее музыкальное образование. Вот Михась училище музыкальное закончил. Вы слышали, как он Грига исполняет?» - «”Михась” “исполняет Грига”?! Дементьев?!» - «Дааа... Михась. Мне он как сын. Добрейшая душа. Умница и работяга». Моё потрясение оказалось столь глубоко, что я буквально потеряла дар речи.

Родом из Одессы

«Тогда кто же вы по-профессии?» - пролепетала я. – «Сыщик. Полковник в отставке».

Из кухни плыли ароматы гречневой каши и кофе. «Галочка, я хочу угостить вас моим фирменным блюдом: гречка с грибами. А оладьи меня Михась делать научил. Идёмте!»

Стол был сервирован как в ресторане. Михаил Александрович снял фартук и достал из холодильника салат. «Богданыч, - рюмки сполостнуть?» - «Есть коньяк и “Токайское”! Завтра суббота. Ребята, ночуйте у меня? Места всем хватит». – «Не возражаю. Жена у племянницы осталась. Дочка в Москве. Правда, в воскресенье у меня дежурство по городу. Но выспаться успею».

После ужина Михаил Александрович вымыл посуду, навел порядок на кухне и устроился в уголке дивана с журналом. Овидис принес альбом с фотографиями и, полистав его, начал рассказ: «Родился я в Одессе в 1895 году. Отец был служащим по торговому ведомству, мать - преподаватель музыки. Однако решающее влияние на моё будущее оказал мамин брат - адвокат Сергей Константинович Зайков. Именно у него обнаружил я богатую библиотеку, в которой было множество книг, описывающих приключения сыщиков. Позже, я, конечно, бывал у дяди на работе, слушал всякие разбирательства, вникал в хитрости человеческой души. До революции успел закончить Московский университет и поработать в Одессе инспектором в полиции. Работа нравилась. Бывало вся-

кое... Первое дело? Убийство. Обычное, как говорят, бытовое. Пьяный муж приревновал свою жену к соседу и ударил топором. Потом выяснилось, что подозрения его беспочвенны, а человека не вернешь. Помню, как убивался мужик, как винил себя... куча детей без матери остались. Запомнился старший парнишка лет четырнадцати; взгляд застывший, как у мертвого, а сам тощий, ребра пересчитать можно. Удивительно! Потом встретился я с ним лет через пятнадцать, он к нам в милицию работать пришел. Хорошим сыскарем стал. Утверждал, что именно тогда, когда мать зарубленную увидел, решил городовым стать, чтобы людей защищать».

«Фамильное дело»

«Богданыч, ты про “фамильное дело” расскажи. - Михаил Александрович половником налил нам в бокалы компот, - Как ты подзащитного дядиного в конце 20-х искал». – «Да-да! Было такое! Колечко с сапфиром и бриллиантами пропало... Случилось это в марте 1917 года. Жили в Одессе на Маразлиевской улице две сестры Александра Карпинская и Белла Вагнер. Александра была замужем, имела троих взрослых детей, а Белла - старая дева. Сестры были вполне обеспеченные и даже богатые. Отношения между ними считались дружескими, доверительными. Однажды у Александры пропало кольцо. Кольцо очень красивое и дорогое: сапфир в окружении нескольких бриллиантов редкого серо-розового цвета.

Обстоятельства пропажи таковы: Карпинская, проснувшись рано утром, сидела в ночном пеньюаре возле туалетного столика и причесывалась. Из шкатулки она достала серьги и то самое колечко. Вдруг в коридоре (а их восьмикомнатная квартира располагалась на втором этаже) раздался звон разбитой посуды и отчаянные вопли прислуги. Александра выскочила за дверь и увидела свою горничную с обваренными кипятком руками, а на полу осколки разбитого кувшина. В конце коридора скрылась фигура поварской дочери - десятилетней шустрой проказницы Агашки. На крики прибежал повар. Горничную отвели на кухню, полили ей на руки холодной водой и смазали гусиным жиром. Карпинская не пожалела свои кружевные салфетки, за которыми вернулась в спальню и самолично сделала перевязку. Возвратившись к туалетному столику, Александра обнаружила, что пропало кольцо. Менее дорогие серьги остались на месте. Горе усугублялось тем, что кольцо было фамильной ре-

ликвией и переходило от прабабушки к следующим поколениям и дарилось старшей из дочерей к свадьбе. Крики поднялись такие, что о происшествии мгновенно узнали соседи, в том числе и мои родители, наш дом находился буквально напротив. Шум и ругань слышны были на всю округу. В связи с чем отец мой решительно заявил, что хоть один труп у Карпинских наверняка имеется. Я бросил завтрак и, одеваясь на ходу, поспешил к месту происшествия.

Преступник не оставил следов

Карпинская заявила, что подозревает повара Тихона и требовала произвести у него обыск. Я попытался восстановить картину происшествия. Ни повар, ни его дочь никак не могли попасть в спальню Карпинской незамеченными. Да и по времени это сделать было невозможно. Единственный вариант: спуститься на улицу, обежать полдома и подняться с черного хода. Но на улице грязно, накрапывал дождь, а значит должны остаться следы. Никаких следов на красных ковровых дорожках я не обнаружил. В спальне Карпинской было приоткрыто окно, но в небольшое пространство пролезть было нельзя, а приоткрытую створку удерживала стопка тяжелых книг. На подоконнике также никаких следов не имелось. Осмотр тротуара под окнами результата не дал.

Минут через сорок подъехал начальник сыскного отделения, уточнил обстановку. Я - на кухне, мой начальник - в библиотеке вели допрос тех, кто в то утро находился в квартире Карпинской. Постепенно пришло осознание: я в тупике. Требую привести дочку повара. Зареванная Агашка ничего не слышит, скулит как собачонка, и только повторяет: “Я нечаянно на мадемуазель налетела и кувшин разбила... Не бейте меня, не бейте!”

Тем временем обыскали повара, всю кухню... Ничего. Я заглянул в библиотеку. Вопросительный взгляд начальника привел меня в уныние. Появилась заплаканная Белла. Она недавно проснулась и только что узнала о пропаже. Пока я расспрашивал её, она дала знак своей горничной и та принесла на блюде холодную телятину, графин с водкой и соленые помидоры. Повар водрузил на стол кипящий самовар и все деликатно удалились. “Борислав Богданович, что-то я момент один не пойму... Ну, взял вор колечко, а почему серьгами-то побрезговал? Ведь и они не дешевые?!” – “А может сама Карпинская колечко куда-нибудь переложила?” - выдвинул я предположение. – “Не...ет! Я не только её об этом

спрашивал, мы вместе с ней все шкафчики-шкатулочки перебрали. Чертовщина какая-то!”

Бричка

Через несколько дней я узнаю, что к дядьке моему - адвокату Зайкову обратился за советом молодой мужчина. Дескать, вызывали его в сыскное отделение и требовали объяснений: на какие барыши он – “голь перекатная”, новую рессорную бричку с откидным верхом приобрел? Дело в том, что “голью перекатной” был родной брат повара Карпинской Филипп. Занимался он извозом, приторговывал рыбой и марафетом. Деньги, конечно, у него водились, но чтобы сразу дорогую бричку купить, нужны накопления. Я в то время занимался бандой воров, и кражу кольца с бриллиантами начальник поручил пожилому инспектору Пискарю, который особо не рассуждал, а к цели шёл кратчайшим путем. Арестовал Пискарь Тихона и приказал бить его до тех пор, пока тот не “вспомнит”: в какой момент кольцо передал своему брату. Надо отдать должное этой версии; брат повара в то время уголь привез и сидел на первом этаже в дворницкой, чай пил. Я ещё тогда эту версию проверил, но опять-таки, всё упиралось в отсутствие времени у повара, ведь ему нужно было проникнуть на второй этаж через черный ход, снять грязную обувь, схватить кольцо (почему не взял и серьги?), обуться, забежать в дворницкую, отдать кольцо брату, обежать дом, через парадный вход подняться на второй этаж и предстать перед Карпинской, которая сама несколько секунд тому назад покинула свою спальню.

Пискаря не смущало, что кольцо не найдено. Прошло ещё три дня и избитые, насмерть перепуганные братья подробно давали показания, как они “спланировали кражу”, а затем Филипп “продал кольцо какому-то иностранному моряку”. Почему часть денег вырученных от продажи кольца не досталась главному, так сказать, организатору преступления?... Вопрос остался без ответа.

На волнах революции

Смена власти в Одессе после победы Февральской революции и свержения монархии произошла мирно. В апреле 1917 года на заводах города начали создаваться отряды Красной гвардии - рабочей милиции для охраны революционных завоеваний и для защиты от погромов. В первое время эти отряды были лояльны власти и в их руководство вхо-

дили меньшевики, большевики и эсеры. Летом 1917 года, в связи с освобождением из заключения множества уголовных преступников, бандитизм в Одессе принял угрожающие размеры. С августа город захлестнули погромы магазинов и складов, грабежи, перестрелки. Активизировались анархисты. Власть в Одессе менялась так часто, что жители ложились спать с одними лозунгами, а просыпались уже с другими.

В 20-е годы я работал в Одесском губернском уголовном розыске. Однажды, заглянул в магазин-скупку. Моему взору предстала такая картина: слегка помятая жизнью особа принесла на продажу брошь-стрекозу с полудрагоценными камнями. Вещь не дорогая, но работа весьма искусная. Я подошел поближе и вдруг увидел в витрине некогда бесследно исчезнувшее из спальни Карпинской кольцо с сапфиром и серо-розовыми бриллиантами. Подождав, когда посетительница уйдет, я обратился к продавцу. – “Откуда колечко? - переспросил сухонький старичок-продавец. - Так парикмахерши Марьи Бышковец сын Аркашка принес. Говорит, нашел. Где нашел, нам знать незачем, господин сыщик”. Я тут же отправился на Привоз, на пяточок, где собираются перекупщики, торговцы всякой мелочью. Аркашка на моё появление отреагировал спокойно. “Нашел я колечко. На Маразлиевской нашел. Чо мне врать-то?! Там ещё напёрсток серебряный был, пуговица какая-то, гвозди...” Я аккуратно взял Аркадия под локоток и отправились мы с ним на знакомую Маразлиевскую улицу, к самому дому Карпинской. На углу от него бурей свалило старое дерево, в расщелинах которого, как показал Аркадий, находился вороний схрон. С годами ствол начал гнить и птицы перестали обустраивать здесь свои гнезда. Дерево распилили на куски и остался от него лишь кривой пенёк.

Кстати, повар Тихон умер вскоре после своего ареста в 1917 году. Скоротечная чахотка. А брата его Филиппа я долго искал в 20-е годы, чтобы снять с них обоих все нелепые подозрения и извиниться. Вот только встретиться с ним удалось лишь в 1939 при весьма трагических обстоятельствах. По делу у меня проходил парнишка по кличке Шаман - перекупщик краденного. Подельники его уже сидели в камере, суда ожидали, а Шаман ускользнул. Вдруг узнаю, что по каким-то делам, связанным с торговлей оружием, Шаман находится в НКВД и занимается им следователь Филинов. Лично мне с этим следователем встречаться не доводилось, но о зверствах “Филина” вся Одесса была наслышана. Созвонившись, я подъехал к зданию НКВД. В специальную камеру приволокли Шамана, которого я не сразу узнал. Голова его распухла от по-

боев до неестественных размеров, из ушей текла кровь с гноем, глаза заплаыли. Его посадили на табурет, но обессиленное тело рухнуло на пол. Я потребовал врача и попросил пригласить следователя Филинова. Пока врач приводил в чувство арестованного, я задал несколько вопросов следователю. Передо мной был здоровенный мужик с квадратным лицом, мощным подбородком и тонкими, искривленными в презрительной усмешке, губами. В процессе беседы меня не оставляла мысль, что когда-то я уже говорил с этим человеком, но образ его не сохранился в моей памяти. “Простите, ваше имя-отчество?” - обратился я к Филинову. Он осклабился в улыбке: “Никак забыть изволили, господин Овидис?! Филипп Григорьевич меня звать. Небось, и брата моего Тихона не помните?” У меня застучало в висках, защемило сердце... Я вспомнил, как инспектор Пискарь выбивал нужные ему “признания” из этих двух братьев. Стыд и боль заставили меня покраснеть. Через минуту я уже пришел в себя и рассказал Филинову об упавшем на Маразлиевской улице дереве, об Аркаше, который это дерево распиливал, о найденном кольце... Я даже извинился перед Филиппом за Пискаря. Но... ужас того, что я тоже как-то причастен к жуткой деградации Филинова, избитого в революционном 17 году до полусмерти полицейским инспектором, разрывал мое сердце на части.

Приложив все усилия, я вытащил Шамана из лап этого садиста, но арестант умер в тюремной больнице».

Музыкальная суббота

Утром я проснулась от шума дождя и запаха жареной картошки. На кухне опять хозяйничал Михаил Александрович. «Давай, засоня, умывайся! Сейчас Богданыч с рынка придет. На завтрак у нас картошка с котлетами, а на обед - придется и тебе потрудиться, пельмени будем делать». – «Потрудимся. Но... я никогда не слышала, как вы на пианино играете». – «Ты умывайся, а я картошку дожарю».

Я смотрела на Михаила Александровича и не узнавала его. Он был абсолютно спокоен и погружен в себя. Голова слегка откинута назад, пальцы легко перебирали клавиши. Я смотрела на его руки... Это те же чувствительные пальцы, которые аккуратно обращались с вещдоками и уверенно, методично обыскивали трупы. Нет! Это были уже другие руки! Они наполнены другой энергией, они ЖИЛИ ПО-ДРУГОМУ!

«Михась, да кто же юной деве с утра Рахманинова играет?! - на пороге стоял Богданьч. - Утро надо с чего-нибудь легкого начинать. Пошли завтракать. Концерт потом продолжим».

Через полчаса Овидис аккуратно открыл крышку пианино и потерял руки. Улыбнувшись каким-то своим мыслям, он заиграл мелодию Фрэнсиса Лэя из кинофильма «История любви». Звуки поплыли, заполняя собой гостиную. Лицо старика просветлело, он все с большим воодушевлением растворялся в мелодии. Вдруг он повернулся к нам: «Михась, помоги, вот это место у меня плохо получается...» Михаил Александрович пододвинул стул и они продолжили вдвоем. Изредка Богданьч поглядывал в мою сторону, словно хотел поделиться радостью совместного творчества, или на полуфразе переставал музицировать, слушая игру своего друга.

Эти два человека были представителями разных эпох. Их разделяли тридцать семь лет. Но высокий профессионализм, культура, ответственность, понятие чести роднили их настолько, что они казались похожими и духовно близкими как отец и сын.

Вечером Михаил Александрович повез меня домой. Уже завернув во двор, он уточнил: «Ты в понедельник во вторую работаешь? Очень прошу, с утра в морге заключение заведи на Кинзягулова и Агишева и сразу в прокуратуру. Я на одиннадцать Протасовой встречу назначил, могу опоздать минут на двадцать... Поговори с ней. Нам с тобой это дело передали. Конфликт у потерпевших с предыдущим следователем вышел, так что... нам расхлебывать. Протасова - мать погибшего, её ещё не допрашивали. Но учти, она после инфаркта из больницы на днях выписалась. Твоя задача - женщину успокоить, отвлечь нейтральным разговором. Валерианка и корвалол в левом ящичке. Никаких записей не веди, голос не повышай. Ну, сыщик, до понедельника».

Девочка со станции Война

Война ужасна тем, что в нее вовлекаются не только мужчины, но и женщины, не только взрослые, но и дети.

Галине Фокиной в июне 1941 года не было и 14 лет. Детство и юность прошли недалеко от железнодорожного вокзала Уфы, на улице Карла Маркса в старом трёхэтажном доме. Когда голос диктора Всесоюзного радио Левитана тревожным эхом прозвучал в их Северной слободе, Галина плакала вместе с мамой. Девочка интуитивно почувствова-

ла - горести и трудности, словно тучи сгущаются и над ее головой. Отца, работавшего на паровозо-ремонтном заводе оставили по брони ремонтировать локомотивы, мать мобилизовали на военный авиационный завод № 26 (ныне УМПО), где она неделями трудилась в цеху, не имея возможности часто навещать детей. В семье Галина осталась за старшую, каждый день решая - чем кормить младших брата и сестру, как достать дрова для обогрева жилища, на какие средства приобретать лекарства.

Холодная осень усугубила сложное положение маленьких уфимцев. Галина продавала или обменивала на продукты различные вещи, одежду, посуду. Комната пустела: мебель шла на дрова, но этого было мало. Галя брала рюкзачок и шла на вокзал. В столовой она отоваривала продуктовые карточки, а потом собирала вдоль железнодорожных путей досочки, кусочки угля, подбирая все, что могло хоть ненадолго согреть троих изголодавшихся и замерзших детей. Иногда в столовой давали суп с несколькими кусочками картошки и капусты; на поверхности плавали два-три кружочка желтого жира размером с копейку. Хлеб получали сразу за пять дней вперед; каждому доставалось по 2.500 г, и дети, не имея возможности терпеть, съедали его за один день, ведь кроме этого бесценного хлеба никакой другой еды не было.

Быстро забылись детские игры. Санки превратились в транспорт, на котором можно привезти дрова; лыжи и коньки остались в сараюшке не востребуемыми. Проходя мимо парка имени Якутова, Галине казалось, что она слышит звуки духового оркестра; встряхивая головой, девочка убыстряла шаг, понимая, что от голода у нее просто звенит в ушах. Улицы опустели. Как-то сразу повзрослел соседский мальчишка, с которым вместе ходили на каток. Дети похудели и вытянулись, острые лопатки выпирали из-под тонких рубашек, темные круги под глазами и усталый печальный взгляд превращали 10-15-летних подростков в миниатюрных высохших старичков. Галя видела с какой жадностью брат и сестра наблюдали за тем, как другие ребята грызли сухарь или семечки. Девочка понимала: ей необходимо найти работу. Мама приезжала на паровозе 1-2 раза в месяц, привозила паек, но голодным детям хватало его только на один раз.

Галина с утра поднималась вверх по Карла Маркса, обходила госпитали, конторы, но никто не хотел принимать всерьез бледного истощенного ребенка. Тяжелый многочасовой труд валил с ног даже взрослого человека, а что взять с девочки, которой на вид не больше 11 лет.

Галя часто приходила на вокзал. Эшелоны с ранеными следовали один за другим. Девочка присаживалась на скамейку и думала... о Победе. Ей казалось, что Победа - это такая далекая красивая планета, где тепло и много всякой еды. От мыслей о вкусном горячем супе начинала кружиться голова. Спасение пришло неожиданно. В пустующую квартиру, по соседству, подселили эвакуированную из Белоруссии семью; сердобольные квартиранты делились продуктами с Галей, с ее братом и сестрой.

В конце 1941 года Галине удалось поступить на работу в артель имени 18-го партсъезда, которая шила одежду для фронтовиков. На первых порах новенькой доверили пришивать пуговицы, потом она научилась выполнять более сложные операции. Изредка юную швею премировали то простыней, то отрезом на платье или тапочками. Все это Галя меняла на продукты.

Война диктовала свои законы. Бывало, приходилось в срочном порядке разгружать баржи на пристани, пилить деревья, стирать окровавленную одежду, чинить ее, штопать. Галя одевалась очень легко: зимой носила старые, застиранные чулки, ватные носки, холодные галоши. Большая, подвязанная веревкой, телогрейка, выданная в артели, выглядела как длинное пальто. На голове тонкий платок. От холода тело покрывалось фурункулами. Отогреваться удавалось в подшефных госпиталях, где она помогала раненым писать письма, выступала перед ними с импровизированными концертами. Уставшие от боев фронтовики, со слезами на глазах благодарили эмоциональную, улыбчивую артистку.

Как-то квартиранты-белорусы подарили Гале синие брюки-галифе. Молодая швея самостоятельно сделала раскрой и вскоре уже щеголяла в отлично сшитой юбке. Со временем к юбочке добавился элегантный жакет. Девушка уверенно овладевала профессией портнихи широкого профиля. Результаты ее труда получили высокую оценку коллег.

Война подходила к концу. Советские войска вели бои далеко за пределами России. И вот, наконец, чуть взволнованный голос Юрия Левитана торжественно объявил о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Миллионы людей погибли в жестокой мясорубке сражений. В тихой провинциальной Уфе, на старинной улице, распахнув настежь окна, плакала и смеялась симпатичная девушка Галя - маленький человек, внесший свою лепту в долгожданную Победу большой страны.

В 1946 году Галина Фокина была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Крутой маршрут Валентины Трошиной

Прошлым летом на Южном кладбище я встретила давнего знакомого, бывшего нашего соседа Михаила Трошина. Он навещал могилу своей матери Валентины Афанасьевны, которая для меня была просто тетей Вале́й – улыбчивой, доброй, хлебосольной. Мы вспомнили 60-е годы, а потом продолжили общение в соц. сетях и по телефону.

Мы жили по соседству

После войны и до начала 70-х годов тетя Валя работала водителем трамвая. Когда работала в первую смену, раньше всех из нашего дома по проспекту Октября уходила на работу. Зимой, если снег заваливал дверь подъезда, она успевала прочистить тропочку до дороги. Все в этой женщине – лицо, глаза, походка были наполнены какой-то фонтанирующей энергией, радостью. Даже ее звонкий голос звучал весело и задорно, как трамвайный звонок.

У Трошиной было двое детей: старшая дочь Наташа 1943 года рождения и сын Миша – 1946 года. Наташу я почти не помню; она рано вышла замуж за военного и кочевала за ним по всей стране. Миша был старше меня на десять лет; в середине 60-х годов работал поваром в заводской столовой. Бывая у Трошиных в гостях, я с любопытством наблюдала за его действиями на кухне. Этот худенький, стеснительный парнишка умел всё: варил различные супы, пёк пироги, печенье, готовил холодец, консервировал овощи и фрукты, придумал свой рецепт шоколадных конфет, которыми угощал соседских ребятишек. Можно сказать, хозяйство полностью держалось на нем.

Тяжелой проблемой для семьи был ее глава – дядя Витя, участник войны, танкист, контуженый, горевший, раненый... Он имел вспыльчивый характер, работал сантехником в местном домоуправлении, страдал запоями и сильными головными болями. Миша настойчиво пытался успокоить отца, отучить от пагубной привычки, но ничего не помогало и пьяный дебош с битьем посуды и дракой периодически повторялись. Тетя Валя и Миша частенько ходили с синяками. Визиты участкового на

несколько дней отрезвляли домашнего тирана, потом всё возвращалось на круги своя.

Помню, как моя мама стелила постель для тети Вали у нас на диване. Женщине в четыре утра нужно уже на работу, а пьяный муженек, ломая мебель, всю ночь куражился и буянил.

В начале 70-х семья Трошиных переехала на другую квартиру. Подробности биографии тети Вали я узнала совсем недавно. В Новогодние праздники разговорились с Мишей по телефону...

Была война

Родилась Валентина Афанасьевна в 1927 году, на Западной Украине, в небольшой станице. Семья была большая: шестеро старших братьев и две младшие сестры. Братья рано начали работать, но голод был их постоянным спутником. Умер отец. Чтобы как-то облегчить жизнь матери, старший из братьев Григорий взял Валю в свою семью в городок Пирятин.

Когда началась Великая Отечественная война, всех братьев мобилизовали на фронт. Немецкую оккупацию местное население встретило без особого страха. Кое-кто даже успешно занялся коммерцией. Вале помогли устроиться рабочей в солдатскую столовую.

Летом 1942 года активизировали свои действия партизаны. Взрывы звучали и на железной дороге и в местах скопления немецких частей. Начались повсеместные облавы и аресты. Соседи припомнили, что Григорий был коммунистом, служил в милиции; донесли куда следует... Жену Григория Аглаю, Валю и двух ее малолетних племянников бросили в подвал гестапо. Били каждый день, требовали рассказать, что знают о партизанах, кто еще из коммунистов, комсомольцев остался в городе? Не выдержав пыток, Аглая повесилась. Ранним утром Валя проснулась от плача детей. Замерзшие малыши теребили уже окоченевшую мать и просили есть.

Взбешенные гестаповцы переключили свою ярость на Валю. Когда поняли, что ничего добиться не получается, 15-летней девушку изнасиловали и с группой местных жителей вывели за околицу на расстрел. Племянники прижимались к Вале, но уже не плакали, а тихо, словно щенки, скулили. Людей поставили на краю вырытой ямы, раздались выстрелы. Яму полицаи спешно забросали землей. Ночью Валя очнулась от холода, лицо и плечи были залиты кровью... своей и чужой. Ранение

в голову оказалось не опасным. Девушка с трудом выбралась из этой страшной могилы, надеялась обнаружить кого-либо живым, но тщетно.

Почти двое суток плутала по лесу, пока не встретила жену лесника, которая была связана с партизанами. Валю доставили в партизанский отряд, перевязали, отогрели, накормили. Когда выяснилось, что девушка беременна, ее перевели в другой – более крупный партизанский отряд, поддерживающий связь с Большой землей.

Поздней осенью Валю с тяжело ранеными вывезли в Москву. Психологическое состояние ее было ужасным! Родить ребенка от фашиста?! Раненые ее всячески поддерживали. Один уже немолодой партизан рассказал, как перед войной у него умерла единственная дочь Наташа. Девочка родилась слабой, еды не хватало. Прожила она семь лет. В начале войны в его родной Белоруссии погибла мать, жена, сестра с детьми. – «Не переживай, девонька! У тебя же родной ребеночек будет! Твой, и только твой! А про фашиста забудь. Жизнь – она долгая! Встретишь еще хорошего человека.»

Первого мая родилась у Валентины дочь. Молодая мама ни минуты не задумывалась, как назвать... Конечно, Наташа! Москвичка Наточка!

Пути-дороги

В конце войны Валя познакомилась с Виктором. Его демобилизовали по ранению. Парень рвался на фронт, но война для него закончилась. К тому времени стало известно: все братья Валентины погибли. Надеяться ей было не на кого. Молодые решили пожениться, а после скромной свадьбы отправились в Одессу. В этом теплом южном городе Виктор родился и после смерти родителей воспитывался в детском доме.

В 1946 году родился Миша. Город поднимался из руин, начал работать транспорт. Валя окончила курсы водителей трамвая, Виктор трудился на стройке. Раны и постоянная боль не давали покоя; бывший танкист начал пить. Сначала это было по праздникам, потом – чаще. Супруга терпела, лаской и любовью отвлекала Виктора от страшных воспоминаний о войне, но это только раздражало его.

В 1956 году, забрав детей, Валя отправилась в Уфу к родственникам своего отца. Сначала все ютились в маленькой комнате в бараке на улице Владивостокской, потом перебралась в коммуналку по соседству. Вскоре удалось устроиться в трамвайное депо водителем. Прошло два года. Неожиданно приехал Виктор. У него был вполне ухоженный вид

и... вконец расшатанная психика. Мужчина расплакался, попросил прощения и... был принят в семью.

В 1962 году Трошиным предоставили двухкомнатную квартиру в новом доме на проспекте Октября. Так до начала 70-х они стали нашими соседями.

Будучи на пенсии, Трошина полностью посвятила себя внукам Михаила. Но, когда в 1998 году, тяжело заболела старшая внучка Наташи, Валентина Афанасьевна немедленно отправилась в Одессу, где в 80-е годы обосновалась семья Наташи.

После операции правнучка долго восстанавливалась. Наташа работала продавцом, мыла полы в подъезде. Бабушка взяла на себя ведение хозяйства, заботу о семье. В это время в Уфе умер супруг тети Вали Виктор. Жизнь словно испытывала ее на прочность. Удивительно, но именно в этот трудный для нее период Валентина Афанасьевна увлеклась плаванием и закаливанием. Ездила на пляж почти каждый день и в любую погоду плавала по 30-40 минут. Трошина сплотила ветеранов Великой Отечественной войны Одессы, организовала клуб боевых подруг, устраивала встречи в День Победы, концерты, явилась одним из инициаторов движения Бессмертный полк.

Трагедия произошла в День Победы 2014 года. 2 мая после столкновения двух противоборствующих сторон, Одесса превратилась в военный город, с погибшими, искалеченными, сгоревшими заживо. Когда утром 9 мая ветераны стали собираться в Городском саду, чтобы почтить память погибших воинов, одетые в камуфляж и вооруженные дубинками мужчины, начали разгонять пожилых людей с орденами и медалями на груди, срывали Георгиевские ленты, избивали участников Бессмертного полка. На головы безоружных 80-90-летних стариков сыпались удары дубинок, кто-то упал и попал под удары тяжелых ботинок. 87-летнюю Валентину Афанасьевну с разбитым лицом довез до дома какой-то молодой человек, случайно проезжавший мимо. Кроме сотрясения мозга, у нее оказался сломанным нос, выбиты зубы, на спине и руках многочисленные гематомы.

В то время попасть в одесскую больницу для участницы Бессмертного полка было опасно: бесчинства в городе продолжались, агрессия ко всему советскому достигла своего предела. Лечил Трошину сосед – военный хирург в отставке, друг мужа Наташи.

В 2015 году внук привез Валентину Афанасьевну в Уфу. Восстановиться от пережитого ей так и не удалось. События военных лет для де-

вушки, испытавшей ужасы пыток в гестапо, навсегда остались в памяти, но то, что Трошиной довелось пережить на старости лет в Одессе, оказалось убийственным. В первые дни 2016 года ее тяжелый жизненный путь завершился легко... во сне.

Лушка-артистка

В годы Великой Отечественной войны происходило много трагедий – и на фронте, и в тылу. И все-таки человеческая душа, несмотря на горе, искала и находила маленькие радости – отдушины, помогающие выжить в самых жестоких условиях.

Живая душа

Всю войну моя мама Серафима Андреевна Окунева проработала медсестрой в эвакуационных госпиталях. Домой приходила редко. Жили по законам военного времени: пока не примут всех прибывших раненых, пока не окажут необходимую помощь, из госпиталя не отпускали. Отлучались только на короткий сон или перекусить в комнате для медперсонала.

Работая в госпитале № 1019 располагавшемся в зданиях бывшей Совбольницы, ныне Республиканской клинической больницы имени Г. Куватова, мама общалась с огромным количеством раненых, покалеченных войной людей. Были среди них и женщины. С некоторыми из них у мамы сложились дружеские отношения, которые впоследствии продолжились по переписке и в мирное время.

В 1942 году среди раненых оказалась девушка-санитар Лукерья-Луша Казаева (или Казеева). У нее было тяжелое осколочное ранение бедра, с повреждением тазобедренного сустава.

Едва оправившись после операции, Луша начала... петь. Репертуар у нее был богатый: романсы, популярные эстрадные и народные песни. Разговоры у раненой были о возвращении в свою воинскую часть, о том, что она должна встретиться с отцом, которого мобилизовали в первые дни войны. Часто Луша получала письма от подруг с фронта и от брата, который служил где-то на Дальнем Востоке. Письма перечитывали всей палатой, обсуждали события на фронте. Все госпитализированные девушки больше всего боялись, что война закончится без них. Никаких мыслей о возвращении домой ни у кого не было. Когда появилась воз-

возможность, Луша встала на костыли и отправилась помогать медсестрам сворачивать бинты или оформлять медицинские карточки.

Летнее солнышко заставило раненых выбраться из палат на скамейки, народ повеселел в ожидании тепла и перемен на фронте. Луша пропадала в хозблоке; в палату возвращалась с загадочной улыбкой, устало падала на кровать. Женщины донимали ее вопросами, но Лушка посмеивалась и обещала всем... сюрприз.

Маленький концерт

Примерно, в середине лета звонкий голос Луши позвал всех во двор со своими стульями и табуретками на представление. Кто мог передвигаться, расположились амфитеатром в тени тополей, другие открыли настежь окна и уселись на подоконники. Лушка театральным движением сбросила с себя просторный халат и предстала перед зрителями в эффектно подогнанных галифе и белой рубашке с широкими рукавами. Слегка отставив загипсованную ногу, она достала из большой коробки несколько разных предметов: стеклянные бутылки, панамку, небольшой резиновый мячик и деревянную указку. Поклонившись публике, девушка начала ловко жонглировать этими аксессуарами. Закончив номер, она громко крикнула: «Кузя, концерт!» От хозблока примчался больничный пес – аккуратно расчесанный, слегка подстриженный, в багетной «пачке» из крахмаленной марли и с бантом на шее. По команде он начал кружиться на задних лапах, крутить задом и подпрыгивать. «Кузечка, - обратилась к собаке Лушка, - а ты случайно не знаешь, какие песни сейчас Гитлер поет?» Кузя сел на задние лапы, поднял морду к небу и тоскливо завыл. Успех был оглушительный! Пришлось артистам повторять свой концерт почти ежедневно.

Выяснилось, что талантливая девушка занималась в цирковом кружке при ленинградском заводском клубе, была не только хорошим жонглером, но и гимнасткой-разрядницей.

А вскоре после этих событий на гастролях в Уфе со своей программой оказался артист и дрессировщик Юрий Дуров. Это был внук известного родоначальника российских циркачей Владимира Леонидовича Дурова. С ним была небольшая труппа: акробаты, фокусники, а сам он выступал с дрессированными лисой, енотом, собаками, кошками, курами и петухом. Для поднятия духа раненых представления проходили в различных госпиталях, в том числе и в госпитале № 1019. После спек-

такля раненые рассказали гастролерам про Лушку. Артистам стало любопытно взглянуть на самодеятельную циркачку, и тогда смущенной девушке пришлось продемонстрировать свою программу перед Дуровым. Профессионалы искренне аплодировали талантливому самородку, а сам Дуров подарил ей для выступлений концертное трико, расшитое блестками.

После выздоровления Лукерья вернулась на фронт, продолжила службу в санитарном батальоне, а после очередного ранения - в хозяйственной части; дошла до Берлина.

Встреча после войны

Изредка наша семья получала от Луши письма. В начале 60-х годов, когда в Уфе еще не было стационарного цирка, мама повела меня в цирк-шапито, который раскинул свои шатры в парке имени М. Гафури. В антракте к нам подошла худенькая женщина в спортивном костюме, с короткой стрижкой седых волос. К моему удивлению она бросилась в объятия моей мамы, обе плакали и повторяли: «Надо же, все-таки мы снова встретились! Сколько лет прошло?!» «Галиночка, это тетя Луша! Помнишь, я тебе про собачку Кузю рассказывала?!» Мы пошли за кулисы, где суетились люди в униформе, рычали в клетках медведи, нетерпеливо ржали и стучали копытами грациозные лошади. Луша оказалась ассистенткой дрессировщицы собачек. Под ее опекой были разнокалиберные дворняги, штук восемь боксеров и два пуделя – очень симпатичные, энергичные, готовые без усталости выполнять команды. На наших глазах четвероногие артисты преобразились: одних нарядили в сарафанчики и шляпки, другим солидный вид придали брюки на бретельках и цилиндры.

Второе отделение спектакля я смотрела с особым интересом, ведь выступали мои новые знакомые: Рекс, Пенелопа, Аракс, Фенимор и другие маленькие циркачи, танцующие вальс, разъезжающие в карете, запряженной огненно рыжим Кексом, взлетающие в ракете под самый купол цирка.

Через несколько дней Луша пришла к нам в гости. Ее сопровождал Аракс – кучерявый, словно барашек, черно-белый песик размером с лайку. Меня уложили спать, но было любопытно, что происходит в зале, и я подглядывала в щелочку. Женщины разговаривали тихо, обе то смеялись, то плакали. Когда за гостьей закрылась дверь, я вскарабкалась на

подоконник, чтобы понаблюдать за Араксом; коленкой задела горшок с геранью, и он с грохотом упал на пол. Мама вошла, не замечая упавший цветок, встала рядом и обняла меня. Мы смотрели вслед слегка прихрамывающей женщине с собачкой. «А ведь Луша совсем одна... - выдохнула мама. – Это война... Война!»

Приданое для Лизетт

Великая Отечественная война для Советского Союза была ожидаемой и неожиданной одновременно. В 30-е годы население нашей огромной страны целенаправленно готовилось к отражению агрессора, молодежь занималась в ДОСААФ, войска участвовали в учениях. И все-таки, на многих участках границы СССР не сразу поверили в то, что война началась без предупреждения.

В Тамани

К Левазе Абуевой мы с мужем попали случайно. Ранним июльским утром 1998 года приехали в станицу, расположенную на берегу Черного моря. Когда вышли из душного автобуса, вдоль дороги шагала энергичная загорелая пожилая женщина с английским спаниелем. Мы спросили, где можно отпускникам снять комнату на пару недель, и она предложила остановиться у нее. Так состоялось наше знакомство с тетей Лизой, как ее все называли.

Наша хозяйка быстро навела порядок в двух небольших комнатах, выселила своего внука с раскладушкой во двор, а мы расположились в комнатке с широким топчаном, небольшим столиком и старинным комодом. За окнами увитыми плющом, был огород, сарайчик с курами и собачья будка Чарлика, лающего таким хриплым басом, что посторонние боязливо переходили на другую сторону улицы.

Прошло несколько дней. Мы в качестве отдыхающих уже вполне освоились с Таманью, накупались в море, подружились с Чарликом. Однажды утром я проснулась от громкого, сердитого лая нашего четвероногого друга и крика женщины. Кого-то отчитывали... на немецком языке. Накинув халат, я вышла на крыльцо. Тетя Лиза гоняла своего пьяненького двадцатилетнего внука Азата хворостиной и ругалась по-немецки. Заметив меня, хозяйка извинилась за шум и пояснила, что внук пропал где-то два дня и вот под утро явился пьяный, а Чарлик не лю-

бит запах алкоголя и начал лаять. «Почему по-немецки ругаюсь? О, та с войны привычка осталась. Самый подходящий язык, шо бы душу отвести!»

Такая разная война

После обеда, когда солнце пекло со страшной силой, мы с тетей Лизой сидели в тени, ели арбуз и тихо беседовали. Мне было интересно узнать, как малограмотная женщина так хорошо овладела немецким языком, помнит его, спустя много лет? «Да я ж всю войну в Германии батрачкой прожила! Осенью 1941 года меня - четырнадцатилетнюю с Крыма вместе с другими молодыми ребятами и девчатами немцы в свой Фатерлянд погнали...»

На ноябрь 41-го была назначена свадьба Левазе, но быстрое продвижение немцев изменило мирные планы. За годы оккупации Крыма, где до войны жила наша милая хозяйка, было уничтожено более 130 тысяч человек, угнано в рабство более 85 тысяч. Жених успел уйти в партизаны, а невеста надеялась, что немцы ее не тронут. Маленькая, худая девочка выглядела на двенадцать лет: плоская грудь, ножки-палочки и только большие черные глаза смышлено блестели из-под широких бровей, да густая коса ниже пояса – все богатство. По национальности Левазе крымская татарка с узбекскими корнями.

Немцы планировали отправить пленных на военные заводы и в трудовые лагеря, но на одной из станций юго-западной Германии к эшелону подошли местные жители. Они просили за небольшое вознаграждение отдать им несколько человек для работы по хозяйству. Левазе оказалась на перроне. В первую очередь разобрали крупных, плечистых девушек, а на нее никто не обращал внимания. Наконец, какая-то женщина в темном платье сурово оценила «товар» и, безглаголиво заглянув Левазе в рот, дернула ее за руку. Покупательница протянула узелок с продуктами охраннику. Тот развернул угощение, оценил кусок жареной курицы, бутылку шнапса и буханку хлеба: «Гут!»

Левазе стала батрачкой в семье Магды Кюхлер. Первое время девушка ухаживала за скотиной, занималась тяжелым трудом. На ломаном русском языке фрау Магда объяснила, что за кражу даже одной морковки или картошки воровку повесят. Так и произошло с одной из попутчиц маленькой пленницы. Ее труп несколько дней жутко раскачивался на скрипучей виселице посреди деревни.

Усердие и чистоплотность Левазе были замечены. Фрау Магда подарила девушке юбку, кофту и передник с карманами. В редкие свободные минуты Левазе лепила из глины человечков и кукольную посуду, оставляя поделки на маленьком столике, где играли хозяйские дети. Пятилетние близнецы Адам и Генрих были в восторге от необычных игрушек, а одиннадцатилетняя Анна робко поглядывала издалека.

Старенькая бабушка первой начала усаживать Левазе за общий стол со всей семьей. «Лизетт, - окликала она работницу по-французски, - оставь дела, идем обедать!» В семье говорили на двух языках, а поскольку бабушку звали Эльза, то есть Елизавета – по-русски, имя Лиза Левазе стали произносить по-французски.

Не прошло и года, как Лизетт уже на равных с фрау Магдой стряпала на кухне, удивляя гостей экзотическими чебуреками, беляшами, различными блинчиками, хачапури. По воскресеньям все ходили в кино, а на ужин ели тушеное в чесночном соусе мясо с жареным картофелем и домашние пирожные. Дети были в восторге от своей горничной, которую они учили языкам, и весело хохотали, когда девушка что-то путала. Бабушка Эльза объясняла, как нужно крахмалить постельное и столовое белье, сервировать стол, делать прическу или красивый головной убор из обычного платка.

Через два года сын соседа подарил Лизетт янтарные бусы и пригласил в гости. Несчастливая пленница расплакалась и сообщила, что на Родине у нее есть жених, и она должна к нему вернуться. Фрау Магда красочно расхваливала хозяйство соседского ухажера и даже обещала подарить на свадьбу теленка, но... это только усиливало поток слез.

В конце концов несостоявшийся жених смирился со своей участью, однако продолжал навещать соседей, подолгу курил на скамеечке, наблюдая за хлопочущей во дворе Лизетт.

События на фронте говорили о приближающейся Победе советской армии. Фрау Магда шепотом делилась новостями со своей работницей, плакала и говорила, что детям будет очень тяжело расстаться с любимой Лизетт, ведь они стали единой семьей. Левазе тоже плакала, но это были слезы тихой радости в ожидании возвращения на Родину.

«Счастья тебе, девочка!»

Когда в конце войны в деревню приехали освободители, выяснилось, что это были американцы. Местное население словно вымерло.

Молодые веселые военные ходили со списком по дворам и собирали батраков на площади, где еще стояла виселица. Девушки со страхом озирались, но получив по пачке печенья, робко заулыбались. Среди американцев находился седой мужчина, прекрасно говорящий по-русски. Он поздравил собравшихся с освобождением и пояснил, что желающие могут вернуться домой. Он выдержал паузу, а потом объяснил бывшим пленникам их права. Можно выбрать любую страну для проживания, в том числе и США – «самую свободную страну в мире». На размышления дали два часа.

Как рассказывала тетя Лиза, эти два часа она проплакала, обнявшись с фрау Магдой и детьми. А когда пришло время опять собраться на площади, бабушка Эльза вручила Лизетт корзину с... приданым, где лежало новое кружевное белье, платье, чулки, шаль и пара шелковых платочков. Уже на площади к ней подошел сосед и сунул в руки узелок с домашним сыром и хлебом. Мужчина слегка поклонился и тихо произнес: «Счастья тебе, девочка!»

«А как же вы встретились со своим будущим мужем? Как нашли его?» - спросила я. – «Это он меня нашел! Я попала в фильтрационный лагерь... Долго допрашивали. Больше всего энкавэдэшников раздражала корзинка с приданым и то, что по сравнению с другими – изможденными работой и голодом пленницами, я выглядела вполне благополучно. Взбешенный капитан стучал кулаком по столу, матерился, обвинял меня в том, что я сытно жила, прислуживая нашим врагам, что я “немецкая подстилка, завербованная мразь, которую надо живьем закопать!” Я плакала, рассказывала про семью, где жила, но капитан только еще больше разъярялся и, наконец, ударил меня по лицу. Очнулась в бараке, среди таких же несчастных. Потом был суд. Приговорили к семи годам поселения. Вот уже в лагере под Ташкентом, куда я отправилась под строжайший надзор, меня и нашел мой дорогой Мидат. Ждал меня все семь лет. В 1952 году после освобождения поехали мы к его родственникам в Тамань, там поженились. В 53-м родилась у нас дочь Эльза, в 56-м сын Азиз. Вот только вместе с супругом недолго прожили, в конце 71-го года он умер, сердце не выдержало. Столько всего пережил?!»

«А из приданого ничего не сохранилось?» - полюбопытствовала я. – «Шаль со мной в лагере была. Грела больные кости, пока не украли ее. А остальное энкавэдэшники забрали! Помню, еще при Хрущёве, муж похожую шаль из Москвы привез. Так я радовалась! А вот кружевное белье не удалось поносить!»

Черно-белое кружево Зизы

В моем детстве, которое пришлось на конец 50-х начало 60-х годов, было трудно купить детское белье. Да и женское тоже. Только мне повезло. С мамой в больнице работала очень милая санитарочка Зиза – рукодельница и фантазерка.

И ангелочки, и наволочки...

Зиза – так любовно подруги называли Зинаиду Ивановну Зайцеву, участницу Великой Отечественной войны, человека с тяжелой судьбой, дважды раненую, несмотря на самую мирную профессию прачки, служившей в хозяйственном взводе.

Я любила прибегать к маме на работу, когда с ней в дежурство попадала тетя Зина. Закончив свои дела, она доставала корзинку, в которой хранила нитки, спицы, крючок и все, что было ей необходимо на данный момент.

Помню, свой детский лифчик и трусики, украшенные воздушными кружевами, ночную сорочку – больше похожую на платье невесты, панамку, связанную крючком и умелыми руками тети Зины. А еще от нее я получила в подарок кружевных ангелочков, зайчика, закладки для книг, наволочки, отделанные кружевом.

Уже позднее я узнала подробности биографии Зизы. Родилась она в 1919 году в Сибири, в маленькой деревушке, затерянной в лесу. В 30-е годы поблизости располагалась воинская часть, где служил ее будущий муж лейтенант Игнат Зайцев. Перед самой войной у супругов родился сын, который вскоре умер. Горе от потери малыша не заглушило даже известие о вторжении гитлеровской Германии на территорию СССР. Через несколько месяцев мужа Зины проводили на фронт. А следом за ним добровольцем отправилась служить и она сама.

Хозяйственный «будуар»

Прачка на фронте – это адский труд. Корыто, мыло - их оружие. Зиза рассказывала: «Телогрейки, гимнастерки, белье все стирали вручную. Вещи привозили пропитанные кровью, завшивленные. Иногда гимнастерка без рукава или с дыркой на груди, штаны с оторванной штаниной... Некогда белые маскировочные костюмы, маскхалаты –

красные или черные от старой крови. Тут же и бинты, словно черные змеи... Вонь жуткая! Зимой - ватники тяжелые от замерзшей крови.

Выделяли нам какую-нибудь избу или землянку. Мы сами воду носили, грели на кострах. После стирки, прежде, чем сушить, пропитывали вещи специальным мылом, чтобы не было вшей. Был дуст, но толку от него мало. А мыло-то черное, мерзкое! Запах от него резкий, аж глаза щиплет. У многих девушек от стирки, от тяжестей, от напряжения были грыжи, экземы рук от мыла, сходили ногти.

Помню, приехал старшина за выстиранными вещами. А мороз был градусов под тридцать. Мы уже все увязали в тюки: гимнастерки, брюки, ватники. Сидим в хате, греемся. Старшина – старенький, лет семидесяти. Увидал нас – девчонок-малолеток, и давай наши распухшие от стирок руки целовать. Мы смеемся, а у него слезы по щекам текут. «Простите, - говорит, - родненькие, что не бережем вас! Вам бы пирожные в кафе кушать, да на танцы бегать, а вы тут в холоде надрываетесь!»

Лучшим подарком для нас в то время было душистое туалетное мыло и одеколон. Вот только плохо они вонь дезинфицирующих средств перебивали!

Зато приятной неожиданностью стала для нас ткань от парашютов. Привезли нам несколько штук. Девочки быстро раскрой сделали, нашили бюстгальтеры, трусики, носки. Где-то нитки достали (иголки, спицы, крючок всегда с собой!), кружевом обнови украсили.

Однажды залетает наш лейтенант в избу и орет: «Вы что тут, елки-палки, будуар устроили?! На гауптвахту захотели?!» Мы ничего понять не можем, даже слово «будуар» отродясь не слышали. А оказалось, кто-то из штабного начальства мимо на машине проезжал и увидел, что наше девичье белье на веревке сушится. Сразили его кружева-рюшечки, словно автоматная очередь! Так потом и прозвали наш взвод «будуаром».

Всю войну Зиночка догоняла воинскую часть своего супруга. Чуть было не встретились в Кракове. Игнат утром из города выехал, а вечером Зина с девочками на той же улице в старом особняке расположились. Казалось, вот уже и война заканчивается, письма-треугольники были полны надежд на скорую встречу, но... судьба решила иначе. Игнат погиб в первых числах мая под Берлином.

Воспоминания глядят в глаза...

После войны Зиночка вернулась в свою родную деревню. Вскоре к ней посватался майор, бывший фронтовик, служивший в той же части, что и ее Игнат. Через шесть лет супруга перевели на новое место службы – в Уфу. Здесь он вышел в отставку, здесь и погиб, спасая людей на пожаре.

Детей у супругов не было. Зиночка осталась одна. В середине 60-х годов к ней приехала младшая сестра с племянником. Сестра работала на заводе, а Зина устроилась санитаркой в больницу. «Мне нравится среди людей! - Зинаида Ивановна озорно вскидывала голову, кокетливо поправляла прическу. – В больнице всегда как на фронте... Кому-то нужно судно подать, кого-то накормить или на бок повернуть. Только успевай, крутись!»

В моей памяти тетя Зина – Зиза осталась веселым, оптимистичным человеком. Она постоянно была занята: своей ли непосредственной работой или рукоделием, чтением или маленьким садом, который находился в районе нынешнего Госцирка. Именно она познакомила меня с журналом «Юность», с поэзией Эдуарда Асадова и Юлии Друниной.

На память об этой светлой женщине у меня остались кружевные закладки для книг и воротничок для платья. А еще ее любимое стихотворение Юлии Друниной:

«Я принесла домой с фронтов России
Веселое презрение к тряпью –
Как норковую шубку я носила
Шинельку обгоревшую мою.
Пусть на локтях топорщились заплаты,
Пусть сапоги протерлись – не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда...»

Судьба разведчика (А.И. Козлов)

Слова «военная тайна» имеют какую-то магическую власть над нашими умами. Всегда хочется если не раскрыть ее, то хотя бы приоткрыть завесу, развязав тесемочки на пыльной папке с грифом «Совершенно секретно». Мне повезло - я познакомилась с настоящим военным

разведчиком Александром Ивановичем Козловым, который является прототипом героя повести В. Ардаматского «“Сатурн” почти не виден». К сожалению, и литературное произведение, и фильм по его сюжету имеют существенные неточности. Во-первых, ведущая роль в них отводится советской разведке и контрразведке. На самом деле, главным действующим лицом, закрутившим интригу, был завербованный немцами лейтенант Красной Армии Козлов. Во-вторых, сами биография и психология героя явно подретушированы и идеализированы в духе советского реализма. Впрочем, обо всем по порядку.

В середине 90-х годов среди участников игры «Поле чудес» был Александр Иванович Козлов. Его рассказ о себе очень меня заинтересовал. Я написала ему письмо, и у нас завязалась переписка. В 1998 году Александр Иванович пригласил меня с мужем к себе в гости в город Горячий Ключ Краснодарского края.

Пароль не нужен

Наш поезд прибыл на перрон в четвертом часу утра. Маленькое здание вокзала было безлюдным. Вокруг - тоже ни души. Теплая южная ночь, полное безветрие и тишина. Муж пошел искать какой-нибудь транспорт, чтобы добраться до города. Я сидела на скамейке, когда ко мне из темноты вышел крепкий, подтянутый мужчина в широкополой шляпе. Он спросил: «Какой прибыл поезд?» На что я ответила вопросом: «Вы Александр Иванович?» Он рассмеялся, воскликнув: «Ах, это вы?!» Подошел муж, и мы втроем сели в стоящий за кустами старенький «Москвич». Козлов отвез нас на квартиру своей знакомой и пообещал приехать утром.

Первое впечатление об этом человеке показалось мне несколько странным... Казалось, что мы играем в какую-то игру. Александр Иванович говорил вполголоса, внимательно рассматривая меня. Мы, словно шахматисты перед матчем, пытались оценить друг друга. По лексике Козлова, цитатам и афоризмам я поняла, что передо мной - большой любитель не только исторической прозы, но и приключенческой литературы. Наши взгляды во многом совпали, и каждый из нас остался доволен интеллектом собеседника.

Правда, одна только правда

Я принадлежу к категории людей, которые воспринимают информацию, подвергая ее сомнению, проверке и анализу. Из всего, что рассказал мне Козлов, абсолютной правдой можно считать его биографию до немецкого плена.

Александр Иванович родился в 1920 году в селе Александровское Ставропольского края. Как и большинство мальчиков того времени, мечтал стать военным. Перед самой войной он закончил в городе Калининичи пехотное училище в звании лейтенанта. В октябре 1941 года, будучи комбатом 21-го стрелкового полка 7-й стрелковой дивизии, попал в районе Смоленска в окружение и с группой бойцов влился в партизанское соединение «Дедушка». Во время тяжелого боя в Кучеровских лесах Смоленской области Козлов получил ранение, контузию и вместе с гражданской женой Евдокией Вилковой - лейтенантом медицинской службы - и десятью бойцами 22 июня 1942 года попал в плен. Содержались они в Вяземском лагере. Офицеры абвера несколько раз посещали этот лагерь в поисках нужных для разведывательно-диверсионных целей людей. Абверовцу в чине обер-лейтенанта стало известно, что в плен попали женщина-военфельдшер и ее муж - офицер Красной Армии. Он разыскал их. На легковой машине супругов привезли в деревню Алексевка (в 8 км от Вязьмы). Здесь находилось подразделение «Абверкоманда-103», в котором производилась вербовка агентуры. Штаб «Абверкоманды» находился в Красном Боре - пригороде Вязьмы - и возглавлялся подполковником Герлицем. Ему были подчинены разведцентр «Сатурн» и разведшкола с одноименным названием в городе Борисове.

Писатель Ардаматский приписал к возрасту своего героя 10 лет, на самом деле, Александру Ивановичу было 22 года, когда он, измученный тяжелым ранением и контузией, предстал перед шефом «Сатурна». Необходимо отметить, что душевное состояние Козлова было еще более тяжелым: его жена - беременна, а будущее так неопределенно. Опытный психолог Герлиц признавал, что судьба подкинула ему великолепный шанс: использовать молодого советского офицера, удерживая в заложниках его жену и ребенка. Однако Александр Иванович был не по годам умен, достаточно начитан, имел неплохие артистические данные и был не менее талантливым психологом, чем его визави. Игра началась.

Его знали только в лицо

Взвесив все «за» и «против», Козлов решил дать согласие на обучение в разведшколе. Вот как впоследствии он объяснял мотивы этого решения: «... мне представлялся шанс продолжить борьбу с коварным противником, попытаться перехитрить его. В конце концов, я твердо решил проникнуть в абвер, пройти его школу, собрать сведения о разведцентре и, используя заброску за линию фронта, вернуться к своим.»

В школе ему сменили фамилию - он стал Меньшиковым. Первые шесть месяцев Александр Иванович обучался на радиста, а остальное время, до отправки в июне 1943 года на задание, привлекался для работы в качестве преподавателя строевой подготовки.

Июньской ночью, перед рассветом, со скоростного двухмоторного бомбардировщика «Дорнье-217» Меньшиков-Козлов был сброшен на парашюте в форме советского офицера - гвардии капитана. Он благополучно приземлился в районе Тулы с заданием передать двум абверовским агентам-радистам, действовавшим в районе Москвы, питание для раций, деньги в сумме 500 тыс. руб. и бланки различных документов.

Об обстоятельствах своего пребывания в тылу Красной Армии Козлов рассказывает следующее: «Спустился на парашюте близ воинской части. Встретился с армейскими людьми, не очень компетентными в этих делах... Но вскоре прибыл представитель контрразведки армии, и все встало на свои места. Потом мы с чекистом выехали на “Виллисе” в Москву. Там подробно информировал сотрудников госбезопасности о немецком разведцентре, нацеленном на Москву, школе абвера, об известных мне заброшенных в нашу страну агентах. Последовало предложение вернуться в “Сатурн” и продолжить разведывательную работу против него. Я согласился. И если до этого момента действовал по своей инициативе, то теперь мне предстояло действовать по заданию нашей разведки. Последовал подробный инструктаж. Мне дали пароль – “Байкал-61”.»

Годичное пребывание Козлова в разведшколе абвера не прошло напрасно. Обладая хорошей памятью и проницательным умом, он аккумулировал в голове все, что касалось гитлеровской военной разведки и контрразведки на центральном направлении советско-германского фронта.

После возвращения Меньшикова-Козлова в штаб «Абверкоманды-103» подполковник Герлиц был в приподнятом настроении; в присутст-

вии своих сотрудников обнял его, похлопал по плечу, затем пригласил всех в небольшую комнату на банкет. Вскоре Александр Иванович понял, что, несмотря на весьма лояльное, внешне почти дружелюбное отношение к нему господина Герлица, абверовцы ему полностью не доверяют. В беседах во время прогулок замначальника зондерфюрер Фурман как бы невзначай уточнял отдельные моменты его пребывания за линией фронта. Несколько раз Меньшиков-Козлов писал отчеты о «проделанной работе». Когда Александру Ивановичу присвоили звание лейтенанта немецкой армии, он понял, что получил хотя бы временную передышку от проверок и провокаций со стороны абверовцев. Его зачислили в штат разведшколы на должность преподавателя и наградили серебряной медалью «За храбрость».

«Байкал-61» выходит на связь

Органы госбезопасности СССР в течение месяца после возвращения Козлова в «Сатурн» не беспокоили немецких лазутчиков, затем арестовали их и заставили работать на советскую разведку. Началась радиоигра с «Сатурном», которая велась до конца существования этого разведоргана. Руководство «Сатурна» регулярно получало из Подмоскovie дезинформацию.

В период пребывания Александра Ивановича в советском тылу у него родился сын. Ребенок появился на свет слабым и умер, не прожив и месяца. Супруги встретились после долгой разлуки. Теперь Козлов поселился в одной комнате с женой. Он сообщил ей о «выполнении» задания «Сатурна» и о своей новой роли. Его супруга радостно встретила эту весть и согласилась помогать ему во всем.

В деятельности советского разведчика Козлова были, увы, и черные дни. Центр обещал прислать радиста, но в назначенный день и час он на явку не прибыл. Планировавшаяся связь с Центром сорвалась, и восстановить ее было непросто, тем более, что Козлов получил в Москве указание: ради соблюдения конспирации ни в какие контакты с партизанами и подпольщиками не вступать. Оказавшись без связи с Центром, Александр Иванович пошел на крайне рискованный шаг - решил привлечь для передачи в Центр информации из «Сатурна» кого-нибудь из посылаемых на задание агентов, использовав для этой цели свой, полученный в Москве пароль – «Байкал-61». Он стал тщательно, скрупулезно изучать каждого намеченного к отправке агента.

С большим мастерством выполнял Козлов трудную, опасную и ответственную работу разведчика, пребывая в течение трех лет в стане гитлеровского абвера - в постоянном напряжении нервов и готовности к непредвиденным действиям. В своих показаниях 29 декабря 1950 года разведчик В.М. Андреев (он же Антонов), прошедший обучение в «Сатурне», дал старшему преподавателю школы А.И. Козлову такую характеристику: «По отношению к агентам вел себя высокомерно, не допускал нарушения дисциплины, отдельных агентов наказывал. В то же время, засиживался с разведчиками за картами, играл в футбол, шахматы или беседовал... Своим положением в школе дорожил. Старался выслужаться перед начальством, был у него на хорошем счету.»

В связи с отступлением войск вермахта «Абверкоманда-103», разведцентр «Сатурн» и его школа переехали в начале 1944 года из Борисова в город Меве (Восточная Пруссия). Вместе с ними, следуя указаниям Центра, - и Меньшиков-Козлов с женой. Здесь же Александр Иванович был награжден орденом Боевого Креста с мечами (вручал сам Герлиц перед строем курсантов в присутствии сотрудников) и произведен в капитаны (гауптман) немецкой армии. Спустя несколько дней абверовцы сфотографировали Меньшикова-Козлова в мундире и при ордене, но фото на руки не дали, оставили у себя (эта фотография Козлова обнаружена в немецких архивах, захваченных Красной Армией при разгроме Германии).

Как вас теперь называть?

Немецкие войска продолжали отступать. Последнее место дислокации «Сатурна» - город Бисмарк на территории Германии. 12 апреля 1945 года город заняли американцы. Козлов в форме капитана немецкой армии сдался им в плен. Его жена перешла в советскую зону оккупации, назвала, как наказывал муж, командованию одной из воинских частей пароль «Байкал-61» и была отправлена в Москву. Сам же Козлов сначала содержался в лагере для немецких военнопленных в бельгийском городе Намюр, затем был переведен в лагерь близ Парижа. Ему удалось связаться с советской военной миссией во Франции и доложить о себе. Прибывший из Москвы на самолете сотрудник госбезопасности доставил его на Родину.

«За особые заслуги перед Рейхом» Меньшиков-Козлов получил в «Сатурне» шесть поощрений; чекисты награждать Александра Ивановича

ча не спешили. Казалось, все самое страшное уже позади, но... Козлову не доверяли. Некоторые откровенно говорили, что за долгое время пребывания в немецком окружении он мог сломаться и, еще хуже, оказаться перевербованным. В военном билете сделали запись: «Был в плену, прошел фильтрацию». В те годы это означало конец карьеры.

По возвращении в Советский Союз Козлов представил отчет о деятельности Борисовской разведшколы, назвал 29 человек официальных сотрудников школы и 57 агентов. Проживая в Ставропольском крае, оказал помощь органам госбезопасности в выявлении вражеских лазутчиков - им было опознано 12 агентов абвера. В феврале 1946 года «за невозможностью дальнейшего использования» Александр Иванович был демобилизован.

Психология и работа «бойцов невидимого фронта» имеют свои особенности. Разведчик как бы балансирует над бездной. Нельзя снабжать противника одними недостоверными фактами. Но где граница, переступив которую агент начинает работать на врага? Чем измерить тяжесть тех потерь, которые неизбежны при внедрении своего человека в лагерь противника?

Бой после победы

После окончания отечественной войны Александр Иванович долгое время не мог устроиться на достойную работу. Прошедших плен не брали на учебу в вузы, а гражданской специальности у него не имелось. Пришлось перебиваться случайными заработками - торговал квасом, был учителем труда, помощником лесничего. Сложности возникли и в личной жизни: Козлов расстался с первой женой; женитьбе на новой избраннице мешало темное прошлое бывшего разведчика. Отец невесты категорически возражал против союза дочери с человеком, прошедшим плен. И тогда Александр Иванович, нарушив подписку о неразглашении военной тайны, обратился за помощью к райвоенкому, с которым был в дружеских отношениях. Конечно, никаких подробностей он не рассказывал, но о том, что по заданию СМЕРШа забрасывался в тыл и работал в германской разведшколе, проболтался. Намекнул и на то, что оказывает советской контрразведке содействие до сих пор. Военком поверил и пообещал уговорить отца невесты изменить отношение к будущему зятю. Слово свое он сдержал. Свадьба состоялась. Скоро у молодых родился сын. Однако тесть сомнений своих не утратил и обратился в мест-

ное отделение Управления МГБ по Ставропольскому краю. В Москву полетела важная депеша: «“Байкал-61” расшифровался как агент органов МГБ.»

В мае 1949 года Александра Ивановича вызвали в госбезопасность СССР и в октябре 1950 по постановлению особого совещания заключили в исправительно-трудовой лагерь «за разглашение секретной информации». Освободившись в 1952 году, Козлов поступил в техникум на заочное отделение и всю дальнейшую жизнь строил дороги на Ставрополье и в Краснодарском крае. В 1964 году бывший разведчик был реабилитирован, а позднее награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 2-ой степени. В 1965 году ему присвоили звание «Почетный гражданин города Борисова».

Кто вы, гауптман Козлов?

Утром, едва мы с мужем проснулись, Александр Иванович был уже у нас. Я подробно записывала все, что он рассказывал о своем детстве, о «Сатурне», о тех сложных ситуациях, в которые попадал, из которых неизменно выходил победителем. Впрочем, тогда малейшая ошибка могла стоить ему жизни, и Козлов вживался в роль весьма талантливо. Глядя на Александра Ивановича, я поняла, что события тех далеких лет своей яркостью, опасностью навсегда врезались в его память, а напряженность нервов, внимания, концентрация духовных и физических сил превратили его в игрока. Слишком часто приходилось Козлову ставить на кон свою жизнь, и не только свою...

Александр Иванович вспоминал, что партизаны и местные подпольщики знали о существовании немецких разведшкол, но особый интерес у них вызывал преподаватель «Сатурна» Меньшиков; уж очень старательным, принципиальным, предусмотрительным и ловким был этот человек. За ним охотились, но хитрый гауптман всегда ускользал от них невредимым.

На другой день Александр Иванович пригласил нас с мужем к себе в гости. Занятная особенность присуща бывшему разведчику: он продолжает жить по законам военного времени. Его речь отрывиста и доходчива, словно он инструктирует не слишком усердных курсантов. В свои 78 лет он подтянут, выбрит, аккуратно одет, легок на подъем (по городу ездит на велосипеде). Он безошибочно улавливает настроение собеседника, его осведомленность в той или иной области. Оценки Коз-

лова достаточно объективны, но категоричны и безапелляционны. Абверовские «штучки» он до сих пор применяет и в повседневной жизни. Например, неожиданно может прервать свой разговор и задать какой-нибудь вопрос, чтобы выяснить, насколько внимательно слушает его человек.

Пришлось нам с мужем выдержать и еще одну «проверку», очень популярную в «Сатурне». К нашему приходу был накрыт огромный стол. Количества спиртных напитков вполне хватило бы на банкет небольшой разведшколы. Жена Александра Ивановича выпила «за знакомство» бокал шампанского и оставила нас втроем. Когда после коньяка мы принялись за водку, я поняла, что моего скромного опыта явно недостаточно для поединка с профессиональным разведчиком (как поведет Козлов, два раза в месяц немцы устраивали для курсантов дружеские пирушки с обилием спиртного, чтобы узнать мысли и планы своих подопечных). Продолжая внимательно слушать слегка захмелевшего хозяина, я изо всех сил пыталась удержать в памяти хотя бы примерное направление нашего местожительства. Полагаю, что, общаясь с нами, Александр Иванович вновь пережил свою полную приключений молодость, демонстрируя в беседе хорошую реакцию, остроумие и даже сарказм. Естественно, ему было любопытно, сможем ли мы сориентироваться в незнакомом городе и найти (уже почти в полной темноте!) дом, где мы остановились. Экзамен мы с мужем выдержали и довольно быстро добрались до знакомой калитки, где нас поджидала наша хозяйка. Собрав всю волю в кулак, мы твердым шагом поднялись на крыльцо, удачно попали в дверной проем и уже без чувств рухнули на свои кровати.

Часов в десять утра нас разбудил телефонный звонок. Александр Иванович бодро осведомился о нашем самочувствии и добавил, что приедет к нам через час. Я рванула в магазин за диктофоном, муж обреченно побрел за коньяком и закуской.

Вначале я давала возможность Козлову высказаться, но после третьей или четвертой встречи я уже старалась направлять разговор в нужное для меня русло. Если суммировать положительные отзывы о работе разведслужб двух противоборствующих государств, то отношение к людям, дисциплина, система поощрений и возможность продвижения по службе в Германии, по словам бывшего гауптмана, были гораздо рациональнее и справедливее, чем в СССР. Так, вернувшиеся из советского плена немцы получали отпуск, паек, а иногда и награды. В России же

даже мирные жители, пережившие оккупацию, получали клеймо неблагонадежных.

Многие мои вопросы Александр Иванович дипломатично обыгрывал, а некоторые просто игнорировал. Я прочитала о нем несколько документальных произведений; все они рисуют портрет разведчика только по его собственным интервью. Причем в разные годы он несколько иначе объяснял одни и те же факты своей биографии. Архивы КГБ пока хранят тайну Меньшикова-Козлова.

После десяти дней общения мое мнение о личности этого удивительного человека таково: безусловно, умен, хорошо овладевает различными профессиями, легко обучаем, способен к решительным действиям, коммуникабелен, обладает живучестью и умением приспосабливаться к сложным условиям с минимальными потерями, чему способствует обостренное чувство предполагаемой опасности. Любопытный факт: германские награды Александр Иванович получил за качественную подготовку агентов, советские награды - за партизанскую войну до немецкого плена. Служба Козлова как советского разведчика никакими поощрениями не отмечена. В 1997 году на ходатайство компетентных органов Краснодарского края перед президентом России о присвоении разведчику А.И. Козлову звания Героя России реакции не последовало.

Я спросила Александра Ивановича: «Если бы сегодня на календаре было начало апреля 1945 года, вернулись бы вы в Россию?» Козлов покосился на диктофон и пожал плечами: «Трудно сказать...»

«В этой аллее всегда тихо...» **(П.А. Бронников)**

О героях различных войн немало написано очерков, рассказов и даже романов. В наши дни постепенно открывают архивы с секретными документами, повествующими о профессиональных разведчиках, о разведчиках-нелегалах времен Великой Отечественной войны. Но есть группа людей, о деятельности которых нет объективной информации - это партизаны, подпольщики.

Историей одного такого разведчика или подпольщика, с которым мне довелось встретиться в детстве, я и хочу поделиться.

Угрюмый сосед

В 1963 году папина старшая сестра Нина привезла меня к родственникам - тете Вере и дяде Жоре Поздняковым в Ростовскую область, в портовый город Таганрог. Мне было семь лет, местной кузине Тане – девять. Мы быстро подружились. Были у нас веселые совместные игры, набегии в ближайшие сады и другие маленькие авантюры. Таганрогские дворы той поры напоминали старую Одессу, где люди жили открыто, с общими радостями и бедами. Вскоре я со всеми перезнакомилась. Единственный сосед, с кем никто не поддерживал отношений, был одинокий мужчина Петр Афанасьевич Бронников, проживавший непосредственно за стенкой.

Как мне сообщила Таня, при немцах он служил в полициях, за что и отсидел десять лет. На вид, как мне показалось, в тот первый наш визит в Таганрог, Бронников выглядел угрюмо. Его побаивались не только дети, но и взрослые. Как ни странно, и внешне, и по поведению он выгодно отличался от местных мужичков, которые щеголяли во дворе в семейных трусах, вели не слишком трезвый образ жизни, любили пошуметь и даже подраться. Свою ноту в общую атмосферу вносили и голосистые соседки, через двор обменивающиеся новостями. Однако бывший полицейский в разговоры не вступал и в дворовых дразгах не участвовал.

Быть может, и я оставила бы в забвении столь непривлекательный персонаж, но... очень уж интересный жил у него пес. Если собаки Поздняковых были известны всему микрорайону, то шоколадный доберман Бронникова, так же как и его хозяин, появлялся на людях редко и являл собою загадочную невозмутимость. Уже позднее я оценила взаимопонимание этой пары, великолепную дрессуру собаки; ведь холерическая натура добермана постоянно требовала регулярных физических нагрузок и работы с психикой.

Операция «Персик»

Помимо соседской собаки, в саду Бронникова меня интересовали сочные персики, которых в ближайшем окружении я больше нигде не наблюдала. На мое предложение Тане попробовать достать персик с общего забора, кузина отреагировала категорическим отказом. Некоторое время я довольствовалась созерцанием манящих желто-розовых души-

стых фруктов, но... заметив как-то, что монстр в собачьем обличье удалился за дом в тень, я все-таки взобралась на хлипкий штакетник. Один персик продегустировала прямо на заборе, потянулась за вторым и... упала в сад к «страшному» соседу. Я быстро вскочила и попыталась перелезть обратно, но позади раздался приглушенный, весьма угрожающий рык. Ноги мои подкосились, и я плюхнулась на землю. Звать на помощь бесполезно. Дядя Жора за такие проделки карал жестко, а то, что я залезла к презренному предателю за «его персиками», тем более грозило мне ремнем. Я сидела, прижавшись спиной к согретым солнцем доскам, не решаясь откусить таящий, сладкий трофей. Передо мной на расстоянии полутора метров сидел доберман и хищно поглядывал на меня своими фиолетовыми глазами. Сладкий персиковый сок липкой струйкой тек по моей руке, но я боялась пошевелиться.

Мне казалось, что прошла целая вечность, прежде, чем звякнула щеколда калитки и во двор вошел хозяин. Увидев попавшегося воришку, он подошел к собаке и взял ее за ошейник. «Не бойся. Брамс не укусит». Я впервые услышала голос соседа: мягкий, извиняющийся, словно это не я оказалась в его саду, а он был пойман на краже. Несколько секунд мы смотрели друг на друга. Кто-то, явно не моим голосом пролепетал: «Я никого не боюсь...» Бронников улыбнулся: «Не убегай. Я только Брамса отведу».

К Татьяне я вернулась с большим кульком полным спелых персиков. Каково же было мое удивление, когда тетя Вера с криком набросилась на меня: «Не смей ничего брать у этого фашиста! Выброси немедленно!» Я оторопела. Мне просто не приходило в голову, что для этих людей, прошедших войну, переживших боль и утраты, война в лице соседского полицая была совсем близко, буквально за стеной.

Я упрямо прижимала кулек к груди. «Валера, - обратилась тетя Вера к старшему сыну, - нарви крапивы!» Бешенство закипело во мне! Каа..к?! Меня никто никогда не бил, а тут какая-то тетка Верка собралась меня крапивой наказывать?! Пулей пролетела я через весь двор, выскочила на улицу, завернула за угол и уселась на самое безопасное место – на скамеечку, где курили милиционеры из местного райотдела. Отдышавшись, принялась за персики. Мне казалось, что весь Таганрог пропах этим пьяняще-сладким ароматом! Сок тек по моим рукам, я облизывала их и снова с жадностью впивалась в бархатные солнечные щечки южного фрукта.

Вечером шепотом на ушко я сообщила Тане, что оставила ей два персика. Мы прокрались в мастерскую дяди Жоры, и я достала коробку с инструментами, где прятала гостинец. Причмокивая, кузина съела угощение «Петьки-иуды» и только после того, как облизала пальцы, вынесла приговор: «Не смей больше к фашисту лазить! Он наших убивал, а ты...»

Тайна

У меня появилась тайна. Когда мы в общем дворе играли в мяч или прыгали на скакалке, я изредка поглядывала на соседскую территорию. Где-то сквозь ягодные кустарники за нами наблюдали внимательные глаза добермана. Оставляя от обеда кусочек жареной рыбы или котлеты, потихоньку ото всех я просовывала лакомство Брамсу. Вышколенный пес подачки не принимал, хотя его ноздри ходуном ходили от вкусного запаха. Вечером Бронников сметал угощение в совок и выбрасывал. Но... проходя мимо нашей детской компании, сосед, как бы невзначай, бросал взгляд в мою сторону. Его лицо, как всегда не выражало эмоций, но в глазах мелькал веселый огонек.

Однажды, на Набережной, загорая с Таней на диком пляже, я увидела приближающихся к нам Бронникова и Брамса. Полагаю, уже необходимо дать внешний портрет этого человека. Я не имею его фотографии, но детская память сохранила мельчайшие детали той встречи. К нам подошел уже не молодой мужчина, среднего роста, худощавый, брюнет, со сросшимися на переносице густыми бровями. Серо-голубые глаза приветливо смотрели на нас. Бронников, как всегда, был гладко выбрит; белую рубашку и кремовые брюки дополняла светло-серая шляпа. Таня демонстративно сделала вид, что не заметила соседа, побежала к морю и прыгнула в набежавшую волну. Брамс, приветливо завилял мне обрубок хвоста и всем задом. Петр Афанасьевич присел на валун и закурил. «Как тебе наш город, Галчонок?» - «Откуда вы знаете, как меня зовут?» - удивилась я. «Так я же не глухой. Да и Брамс мне частенько новости рассказывает. Ты ведь из Башкирии? Со мной парнишка на Дальнем Востоке служил из Стерлитамака. Все в гости к себе приглашал... Да не довелось.»

Мы наблюдали, как Брамс носился по берегу и ловил зубами морскую пену. «А почему Брамс не берет у меня вкусняшки?» - спросила я. – «Не берет? Давай попробуем!» Бронников достал из кармана кусочек

сухарика и протянул мне. Я подозвала собаку и раскрыла ладонь с угощением. Никакой реакции. «Ну, вот же...» - обиделась я. «Брамс, можно! Возьми!» Розовый язык мгновенно смел сухарик с моей руки. «Видишь ли, Галя, дисциплина – основа всего. Бывает, что собаке... или человеку очень хочется жить так, как хочется, но жизненные обстоятельства требуют совсем другого. И тогда выручает дисциплина. Следует команда, приказ, и необходимо подчиниться». – «А если не подчиниться?» - «Если каждый станет жить, не считаясь с другими, будет хаос». В то время слово «хаос» было мне незнакомо, но я поняла, что во всем должна быть дисциплина.

«А почему вас все не любят?» - «Ну... у, не все, наверное?! Жизнь – долгая, всякое случается: и любовь, и ненависть».

Петр Афанасьевич кивнул на прощание и свистнул Брамса.

В последующие годы наши случайные встречи с Бронниковым происходили в ближайшем гастрономе, куда я бегала за молоком и хлебом, и в городском парке. Мы не общались при свидетелях, выдавал нас Брамс, который открыто симпатизировал мне. Впрочем, я всегда была равнодушна к собакам и таганрогские родственники не догадывались о наших с Петром Афанасьевичем отношениях.

В парке Бронников любил прогуливаться по дальней, тенистой аллее, где еще сохранились довоенные статуи греческих богинь, и стояла пара скамеек. Брамс по команде легко перепрыгивал через скамейку, приносил брошенную хозяином палку, охотился за бабочками и стрекозами. Последние годы у Петра Афанасьевича болели ноги, он ходил, опираясь на трость. Наигравшись с доберманом, я усаживалась на скамейку, и у нас начинался разговор... обо всем.

Пароль в прошлое

После окончания школы мои поездки в Таганрог на несколько лет прервались. Тетю Веру я навестила только в середине 90-х, приехав уже с мужем. К тому времени при исполнении воинского долга погиб один из братьев Татьяны, умер дядя Жора. В квартире Бронникова проживала его дочь Евдокия Петровна – женщина пенсионного возраста. Она, также как и ее отец не пользовалась симпатией окружающих, хотя в годы войны была маленьким ребенком и отвечать за действия своего отца не могла.

Таня рассказала, что обстоятельства смерти Бронникова были известны всему городу. Он умер в 1975 году, сидя на скамейке в парке. К нему не могли подойти врачи: старый Брамс никого не подпускал к хозяину. Тогда вызвали милицию и собаку просто застрелили.

Для всех соседей Евдокия Петровна была дочкой «Петьки-иуды», с ней почти не общались, поэтому узнать какие-то детали о последних днях Бронникова мне было не у кого.

Однажды на рынке я покупала сумку и, приглядевшись, узнала в продавце Евдокию Петровну. Внешне она очень походила на отца: чернобровая, с густыми темными волосами, в которых было много седины. Ее не портил лишний вес, и в легком открытом сарафане она смотрелась почти величественно. «Вы дочь Бронникова?» - уточнила я. «Да, - приветливо улыбнулась женщина. – А вы его знали?» Я объяснила ситуацию, сказала, что даже не предполагала об ее существовании. «Папа не хотел лишний раз травмировать меня. Он сам изредка приезжал к нам в Ростов. После его смерти я переехала в его квартиру, а сына с семьей оставила в Ростове».

К тому времени я уже хорошо знала военную историю, меня заинтересовала судьба «предателя», служившего в полиции и получившего такой относительно небольшой срок за свои «преступные деяния». Как-то в выходной мы договорились с Евдокией Петровной встретиться в парке и поговорить.

Мои предположения относительно «добросовестной» службы Петра Афанасьевича в немецкой полиции оказались верными. Его дочь рассказала подробности событий тех далеких лет.

До войны Бронников с женой и дочерью жил в Ростове-на-Дону. Работал механиком на заводе, был на хорошем счету у руководства, вступил в партию; его назначили на ответственную должность - заведующим складом. Но вот после очередной ревизии выяснилась пропажа каких-то запчастей. Вникать в детали следствия особо не стали, суд приговорил Бронникова к восьми годам лишения свободы. Срок отбывал в Новочеркасске. А через два года началась война.

К заключенному Петру Афанасьевичу приехал сотрудник НКВД и, поговорив с ним по душам, предложил вернуться к семье, но перебраться на жительство в Таганрог. Ему создали легенду, по которой, Бронников, якобы обиженный советской властью и бежавший из лагеря, ждал прихода германских войск с тем, чтобы поступить к ним на службу.

Для связи дали пароль... Встречи должны были происходить в определенных часы, несколько раз в месяц в парке на аллее со статуями.

В полиции Петр Афанасьевич работал с документами, в карательных акциях не участвовал. Как-то, проходя мимо заглохшего «Опеля», который возил заместителя начальника местного гестапо, Бронников увидел, что раздраженный медлительностью своего водителя, гестаповец распекает его за разгильдяйство и нерасторопность. Двигатель никак не заводился, и тогда Бронников предложил свою помощь. Гестаповец бегло говорил по-русски, услужливый полицейский также на немецком. Через несколько минут автомобиль завелся. Немец дружески похлопал добровольного помощника по плечу, спросил о месте службы и фамилию. Через пару дней по распоряжению из гестапо Петр Афанасьевич был переведен в их гараж, где было три десятка грузовых автомобилей, четыре легковых и дюжина мотоциклов с коляской. В обязанности Бронникова входило обслуживание и ремонт транспортных средств, а также выполнение некоторых чисто хозяйственных работ. Общение с немцами и полицейскими давало ему возможность узнавать о планировании различных операций, имена и должности ответственных за их проведение. Сведения передавал через связного. Для экстренных случаев существовала определенная лавка на базаре, где за доской был тайник. Другой канал связи – официант в ресторане при бывшей гостинице «Петербургской».

В лицо Бронникова знали только двое. Конечно, в архивах НКВД должны были сохраниться сведения о нем, как об агенте разведки или подпольщике, оставленном в оккупированном Таганроге. Однако к концу войны выяснилось, что досье на него и некоторых таганрогских подпольщиков отсутствуют. Официант погиб при взрыве; человек, встречи с которым проходили в парке, перестал выходить на связь.

Как рассказывал Петр Афанасьевич дочери, не получив конкретного приказа о своих дальнейших действиях, он решил эвакуироваться вместе с немцами, но в Белоруссии при попытке установить контакт с партизанами, был ими взят в плен.

Основное обвинение Бронникову выдвинули по его непосредственной службе на немцев, в частности - ремонт автомобилей газваген, так называемых, душегубок, в которых газом одновременно умерщвляли (в зависимости от модели автомобиля) от 30 до 100 человек.

В послевоенные годы суд над теми, кто работал на немцев, был суров. Нюансы не рассматривали. Если человек служил в гараже, где ре-

монтировали душегубки, а документов, подтверждающих, что он являлся подпольщиком или партизаном нет, ему оставалось радоваться, что не приговорили к высшей мере.

Евдокия Петровна вспоминала, как люди кидались на мать и даже на нее – девятилетнюю девочку, когда судья вынес отцу приговор. «Мама тяжело переживала, но отец решительно заявил: «Разводись и устраивай свою жизнь. Дочке потом объяснишь... Я никогда не был предателем».

«Почему Петр Афанасьевич не уехал из Таганрога? - поинтересовалась я. – Ведь даже в 60-70-е годы к нему относились с ненавистью и презрением?» - Евдокия Петровна провела ладонью по лицу, глубоко вздохнула: «Вы не поверите... Он ждал связного. Того самого, с кем он встречался в парке на аллее со статуями греческих богинь, и который бесследно исчез. Это был молодой человек, певчий церковного хора».

От центральной клумбы мы прошли к дальней аллее, где еще во времена моего детства в тени зелени стыдливо прятались полуобнаженные гипсовые богини. В 90-е статуй уже не было, остались две скамейки с облупившейся краской да прибитый к дереву плакат, призывающий бережно относиться к природе. «В этой аллее всегда тихо» - заметила я. Евдокия Петровна пристально посмотрела на меня. – «А ведь вы назвали часть пароя! «В этой аллее всегда тихо. Даже птиц не слышно». Отзыв: «Когда ветер дует с моря, доносятся крики чаек». «Вы всерьез полагаете, что ваш отец столько лет ждал связного?» - «Не знаю. Одно могу сказать точно: мир очень хрупкий, война всегда близко».

Паровоз из моего детства (Н.И. Орлов)

Детские впечатления, как правило, очень яркие и запоминаются на всю жизнь. Паровозы в 50-60-е годы прошлого века еще трудились на благо человечества. Я хорошо помню их черные блестящие бока, пар, шлейфом стелящийся по земле и кучерявые клубы дыма из трубы, растворяющиеся в синем небе. Когда в 1953 году в парке имени Ивана Якутова открыли Детскую железную дорогу, свисток паровоза оживил тихие провинциальные улочки старой Уфы. Катание «на паровозе» превращалось в своеобразный ритуал. Сначала покупали билет, потом, в ожидании поезда, посещали небольшой зал - по соседству с кассой. В

этом зальчике располагался филиал музея паровозо-ремонтного завода. На нескольких длинных, узких столах стоял макет паровозика с вагончиками. Экспонат был выполнен близко к оригиналу, и казался нам - детям совсем как настоящий. Сама поездка по парку - маленькое путешествие. Я садилась к маме или к папе на колени и внимательно смотрела в окно. За стеклом проплывали деревянные дома, озеро, окаймленное плакучими ивами, статуи, клумбы с цветами, качели, уютное кафе, где делали вкусные оладьи... Я старалась увидеть паровоз, который тянул наши вагоны, но это удавалось только на крутых поворотах. В воздухе пахло углем, просмолёнными шпалами и дымом. После «путешествия» я опять прибежала в зальчик посмотреть макет паровоза. Меня удивляло, что у него не валил из трубы дым, что он почему-то не свистел и вообще... никуда не ехал. Но зато здесь можно было потрогать дверцу кабины машиниста, а если привстать на цыпочки, то и уткнуться носом в колеса с красным ободком. Потом паровозик исчез. Тогда я не знала, что в клубе ПРЗ под музей выделили специальную комнату. Впрочем, про тот музей мало кто знал. Впоследствии на смену паровозам пришли тепловозы, а музей ширился, пополняясь новыми экспонатами.

Музей тепловозо-ремонтного завода - это маленькое государство, в котором вещи, портреты, документы продолжают жить даже после смерти людей, владевших ими; они рассказывают о судьбе рабочих, об исторических событиях, о том как менялся завод и строился некогда маленький провинциальный город Уфа. Музей живет полноценной жизнью, сохраняя память для грядущих поколений.

Предметы экспозиций собирались на протяжении многих лет, и первые выставки в музее проходили еще в Советские годы. История завода ведет свой отсчет с дореволюционных времен, когда на месте нынешнего ТРЗ располагались железнодорожные ремонтные мастерские. Официальное их открытие датируется 15 августа 1888 года; начальником тогда назначен был А. Бломберг.

В 1955 году со станции Зима Иркутской области в Уфу приехал специалист-железнодорожник (выпускник Уфимского железнодорожного техникума 1951г.) Николай Орлов. Сейчас стаж его работы только на ТРЗ составляет 55 лет. Николай Иванович прошел славный путь от сварщика до начальника цеха. Но, кроме рабочих специальностей, этот любознательный, всесторонне развитый человек с большой любовью, вполне профессионально (в 60-е годы Орлов закончил исторический факультет Башкирского государственного педагогического института) со-

бирал и изучал материалы, связанные с историей родного завода. Параллельно со своими прямыми обязанностями Николай Иванович занимался просветительской деятельностью. Закончив школу лекторов при Обкоме КПСС, он периодически выступал перед заводчанами, школьниками, студентами. И, все-таки, создание музея - главная составляющая его жизни. Понимая, что история конкретного предприятия не ограничивается определенными рамками, этот неутомимый человек постоянно пополняет свои знания и фонды музея из самых разных источников - это партийный архив, периодика, книги, встречи с ветеранами войны и труда.

Выход на пенсию не стал для Орлова поводом для уныния и безделья. Он с энтузиазмом взялся за любимое детище. Второе рождение музея ТРЗ связано с приходом нового директора завода Винера Хусаинова. Николай Иванович получил моральную и материальную поддержку руководителя; на территории ТРЗ освободили здание бывшего общежития, и музей, состоящий из пяти залов, с огромным количеством архивного материала в нынешнем году уже отметил свое 10-летие. В экспозиции имеются данные и фотоматериалы по истории России, биографии ее героев, полководцев, тружеников тыла, работников искусства, артистов, художников. Причем, это не только сухие факты, собранные в папку... Обладая талантом рассказчика, заведующий музеем, он же экскурсовод так излагает события далекого прошлого, что начинает казаться, будто он сам являлся участником Бородинского сражения или выступал на сцене с Ольгой Воронец, сражался партизаном в лесах Белоруссии или стоял за мольбертом с известным живописцем. Со знанием дела Орлов говорит о знаменитых рабочих династиях ТРЗ Трясоноговых, Романовых, Вяловых, Изергиных, Хлопиных, Тюлькиных, Хабаровых, Улимаевых, Нугумановых, Осоргиных, Полинковых, Николаевых, Рыбниковых, Костюкевич, Вишонкиных и других. Суммарный стаж работы в этих семьях превышает двести лет! Даже представить трудно, какую бездну колоссального труда и сил вложили они в общее дело! Это целые жизни, отданные самоотверженной работе. «Я собираю самые разные вещи, - говорит Николай Иванович, - Люди помогают, приносят книги, документы, фотографии - все, что может пополнить экспозицию. У нас есть подлинные революционные листовки и жандармские документы, старинные фотографии, предметы скромного быта горожан начала и середины 20 века.»

Мало кто знает о выступлении певца Федора Шаляпина перед рабочими железнодорожных мастерских. Осенью 1904 года Федор Иванович был проездом в Уфе. Город он хорошо знал: некоторое время жил здесь, а потом приезжал на гастроли. В Северной слободе Шаляпин навестил своего друга - токаря железнодорожных мастерских Григорьева. Узнав о приезде артиста, рабочая делегация обратилась к певцу с просьбой выступить в клубе с концертом. Вечером хором пели «Дубинушку», русские народные песни. Концерт длился всю ночь, а восхищенные слушатели никак не хотели отпустить великого баса.

Отдельная тема - Великая Отечественная война. У заводских рабочих была государственная «бронь» - их не призывали на фронт. Слишком важную работу выполняли они на своих станках. Но все-таки тысячи человек ушли добровольцами. Вернулись, к сожалению, далеко не все. «Приходят к нам ветераны, постоянно собираемся, - продолжает свой рассказ Орлов, - Да только все меньше их становится. Есть у меня такой альбом - фотографии без подписей. Видно, что фронтовики, с медалями, а фамилии неизвестны. Стараюсь восстановить, расспрашиваю других ветеранов, старожилов. Часто бывает, что человека помнят, а вот имя его и фамилия в памяти не удержались. Но случаются и неожиданные находки...»

Изыскания заведующего музеем и его добровольных помощников ни на день не прекращаются. Не так давно любопытный факт вскрыли. Оказывается, один из первых уфимских профессиональных спортсменов - слесарь завода! Были такие - братья Елисеевы, тяжелоатлеты. В 1899 году один из них в Милане стал чемпионом мира по поднятию тяжестей.

Вообще Орлов может рассказывать об истории долго и подробно, не упуская деталей, смакуя подробности, вспоминая казусы, анекдоты, давая яркие характеристики людям. Он - музейщик от Бога. А ведь Николай Иванович еще и прекрасно рисует тушью, самостоятельно делает иллюстрации, трафареты, оформляет буклеты, витрины, создает макеты паровозов (в том числе и того... из моего детства), бронепоездов. Нужно наблюдать за процессом его творчества. Видя с каким увлечением, азартом, любовью Орлов работает над очередной экспозицией, посвященной Великой Отечественной войне 1941-45 годов, понимаешь, что умению трудиться молодое поколение должно учиться именно у таких замечательных людей. За свой многолетний добросовестный труд он неоднократно отмечен Почетными грамотами и Благодарностями. И сейчас, несмотря на свой 82-летний возраст, Орлов по-прежнему остается энер-

гичным искателем, собирателем, исследователем, Душой завода ТРЗ. В его добрых, чуточку лукавых глазах не гаснет огонек историка-краеведа. Он до сих пор выступает в учебных заведениях с лекциями-беседами, а двери музея ТРЗ всегда открыты для уфимцев и гостей нашего города, для всех, кто хочет знать и гордиться историей России.

Возраст сирени (О.К. Ветошникова)

У каждого человека свои ассоциации, связанные с родным городом. У одних это море или обилие зелени, у других величественные горы или уютные улочки со старинными особняками. Для меня Уфа остается в памяти городом цветущей сирени.

В 50-60-е годы, когда тротуары скрывались в тени деревьев, а автомобильные дороги в основном были двухполосными, Уфа казалась тихим провинциальным городом. Особенно мне нравились парки! Их отличала компактность своеобразных, зеленых уголков с небольшим фонтанчиком, скульптурой или цветущей клумбой, в окружении скамеек. Иногда такой закуток имел узкую песчаную дорожку вокруг огромного вазона с дивно пахнущими цветами или стендом со свежими газетами. Непременным украшением уфимских парков были акация, жасмин и сирень. Вечерами, когда в парках играл духовой оркестр, эти пьянящие ароматы словно усиливались от звуков старинных вальсов и танго.

На улице Пушкина, недалеко от сада имени Луначарского (ныне парк имени Сергея Аксакова) жила наша родственница Ольга Кирилловна Ветошникова. Она приходилась двоюродной сестрой моей бабушке по отцовской линии. Родилась она в Казани, училась в Петербурге, а после окончания Смольного института приехала в Уфу. Ее супруг скончался вскоре после войны в 1946 году. Детей у них не было, поэтому основное внимание было направлено на меня.

В начале 60-х я пошла в школу. На воскресенье с родителями мы приезжали к тете Оле в ее, слегка покосившийся от времени, деревянный дом. На веранде стоял овальный обеденный стол с большим самоваром, пахло сдобой и яблоками – осенью или сиренью - весной. Именно сирень пробуждает мои воспоминания о тете Оле, об Уфе моего детства.

Весной, когда на веранде было еще прохладно, мне на стул клали подушку. После чая я открывала альбом со старинными фотографиями,

где находила знакомые лица, и узнавала от хозяйки интересные истории из их биографий. Став постарше, я уже самостоятельно приезжала к тете Оле, и мы с ней гуляли по старым улицам, спускаясь к Белой, к паровой пристани, или отправлялись в сад Луначарского. В саду у нас была любимая скамейка возле фонтанчика, где мы сидели, ели мороженое и разговаривали обо всем на свете. Помню, как мимо нас пробежала стайка девушек в светлых платьях с портфелями в руках. «Студенточки! Все впереди! - тетя Оля грустно улыбнулась, - Самая лучшая пора: возраст сирени.» - «Как это: «возраст сирени», - удивилась я. – «А вот так... С восемнадцати и лет до двадцати пяти – возраст сирени. А потом возраст пионов и так далее.» - «А у меня какой?» - «Ты еще маленькая... До четырнадцати лет - возраст одуванчиков.»

В жаркие дни мы с тетей Олей брали на прокат лодку и катались по озеру. В те годы кусты сирени и акации представляли собой настоящие заросли, ивы своими ветвями склонялись к воде и давали спасительную от солнца тень. Было забавно наблюдать, как загорелая тетя Оля ловко управлялась с веслами. Ее седые волосы выбивались из-под соломенной шляпки, лицо светилось озорной улыбкой, глаза блестели. А ведь было тетушке далеко за семьдесят!

Изредка мы прятались под ветвями и, сложив весла, замирали, слушая шелест листьев, жужжание пчел, наслаждаясь пением птиц и запахами лета. Сад казался загадочной планетой, в которой находились отдельные острова: библиотека, ресторан, красивый летний театр, озеро... Уперев локти в колени, тетя Оля приглушенным голосом читала стихи. Чаще всего это были строки ее любимого Фета или Баратынского:

«Есть милая страна, есть угол на земле,
Куда, где б ни были: средь буйственного стана,
В садах Армидиных, на быстром корабле,
Браздящим весело равнины океана,
Всегда уносимся мы думою своей...»

Тетя Оля ушла из жизни в 1974 году, когда я едва вступила в «возраст сирени». Была осень. Несколько дней шли дожди. Отцветали последние астры.

«Гусару с пышными усами...» (Ю.В. Яковлев)

В последний день осени на 86 году ушел из жизни великий русский актер, народный артист СССР Юрий Яковлев. Его герои, совершенно не похожие друг на друга по характеру, темпераменту, социальному происхождению... жили в разных эпохах, странах, занимали высокие и ответственные должности, воевали, любили, страдали, интриговали... Каждый сыгранный Яковлевым персонаж запоминался зрителями сразу и часенько становился любимым. Достаточно вспомнить наивно-несчастливого Ипполита в «Иронии судьбы» и беспечного сибарита Стиву Облонского в «Анне Карениной», туповатого управдома Буншу и смышленного, радеющего за свое государство царя Ивана Грозного в комедии «Иван Васильевич меняет профессию». А поручика Ржевского из «Гусарской баллады» обожают все: герой-гусар стал настолько популярен, что его жизнь продолжилась в многочисленных анекдотах.

Мало кто знает, что начало трудовой биографии будущего артиста связано с Уфой. В 1994 году, будучи на гастролях с театром имени Вахтангова в столице нашей республики, Юрий Яковлев с благодарностью вспоминал, как в суровые годы Великой Отечественной войны Башкирия приютила его с родителями (отец был тяжело болен) в период с октября 1941-го по октябрь 1943 года. Сначала их разместили в селе Толбазы Аургазинского района. Мама начала работать медсестрой в сельской больнице, а Юра учился в школе. Потом они переехали в поселок Красный Ключ. В книге «Альбом судьбы моей» Яковлев пишет: «Нельзя сказать, что в Красном Ключе было сытнее и уютнее. Но здесь я мог учиться в нормальной школе». Сохранилась фотография шестого класса Чурашской неполной средней школы, где Юра вполне узнаваем.

Вскоре судьба привела Яковлевых в Уфу. Из воспоминаний Юрия Васильевича: «Уфа. Старый город на холмах у реки Белой. Вокруг редкой красоты природа. Но сейчас война. Голодно, раздето, разуте. Мы живем на улице Вокзальной. Мама работает в военном госпитале. Мне не до прогулок. Я исправно прихожу к маме, помогаю стирать бинты.»

Выросли цены на продукты. Денег не хватало, и Юрий в 13 лет устроился на первую в жизни работу: бегал по учреждениям и предприятиям Уфы рассылным Башгосбанка. Одежда и обувь быстро изнашивались. Мальчик долго пытался ходить в парусиновых туфлях, выбелен-

ных зубным порошком, но со временем подошвы почти исчезли. В дождливую погоду на паркетах разных учреждений и красивой чугунной лестнице госбанка оставались следы босых ног шустрого рассыльного. Наконец, это было замечено, и Юре выдали «служебную спецобувь» - деревянные сабо. Однако босиком бегать с казенными бумагами оказалось удобнее, а к сабо юный скороход «приучить себя так и не смог».

Мое заочное знакомство с артистом Юрием Яковлевым произошло в 1962 году, когда я впервые за свою шестилетнюю жизнь оказалась в кинотеатре. В тот год по экранам страны с оглушительным успехом шел музыкальный фильм «Гусарская баллада». С моей стороны потрясение увиденным было столь велико, что я категорически отказалась покидать здание кинотеатра, объясняя родителям свое решение просто: «Остаюсь на войне. Хочу быть гусаром! Хочу скакать на коне, стрелять и драться на саблях!»

К «Гусарской балладе» я возвращалась еще много-много раз, помню ее почти наизусть, со всеми деталями, нарядами, мундирами, интерьером, пейзажами, сценами погони, скачек, фехтовальных поединков, дуэлями... Поручик Ржевский в исполнении Юрия Яковлева стал для меня не только кумиром, но и примером для подражания. Повзрослев, я не изменила своей первой любви: выполнила разрядные нормативы по стрельбе и фехтованию. Позднее научилась скакать верхом, преодолевая препятствия. А моим главным хобби стала история войны 1812 года.

Так же, как и главная героиня «Гусарской баллады» Шурочка Азарова, я могу повторить слова песенки: «Гусару с пышными усами навеки сердце мною, сердце отдано!»

Когда в сентябре 1994 года я узнала, что среди артистов-вахтанговцев, приехавших на гастроли в Уфу, находится и Юрий Васильевич, я сразу же приобрела билеты на «Вечер водевилей», где Яковлев играл Аристарха Ивановича Пискарева по произведению Антона Павловича Чехова «Дипломат». После спектакля, волнуясь, я вручила цветы любимому артисту и попросила у него автограф. «Как Вас зовут?» - прозвучал где-то над моим ухом такой знакомый бархатный голос. Так у меня в небольшом буклете появилась короткая запись: «Галине. наилучшие пожелания. Ю. Яковлев».

Рыцарь школьной рулетки и авто (Е.А. Топучканов)

Физика для меня была сложным предметом, а вот преподаватель Евгений Александрович Топучканов запомнился своей незаурядностью и положительной энергетикой.

Евгений Александрович – первый, кто познакомил нас с русской рулеткой. Это было так. Открывается журнал, учитель отворачивается в сторону, и рука его бесстрастно ставит три или четыре точки в журнале. Те, возле чьих фамилий поставлена точка, сдают тетради с домашним заданием на проверку. «Тройкам» я радовалась от души, «четверки» вводили в тревожную задумчивость... Некоторая снисходительность физика по отношению к «глупым девчонкам» успокаивала. Я вполне реально оценивала свои возможности.

Эта школьная рулетка горячила кровь, сердце билось пойманной птицей или вдруг замирало в ожидании. Никогда не ощущала обиды на своего учителя, ни разу он не унизил, не оскорбил. Самым страшным приговором ученику была фраза: «Бред сивой кобылы в майскую ночь!!!» Становилось страшно. «Сивая» казалась жутким ругательством, а «майская ночь» вообще не поддавалась объяснению.

И вот спустя годы я снова встретила с Евгением Александровичем. Кто вы, мой учитель? Что волновало вас? Чем были заняты ваши дни?

Топучканов родился в 1931 году в селе Дуван, что на северо-востоке Башкирии; отец был председателем колхоза, мама – повар в столовой. В семье шестеро детей. Евгений – старший. С детства мальчик увлекался радиоделом. Любознательность брала верх над осторожностью, ведь во время Великой Отечественной войны категорически запрещалось иметь радиоприемник. Закончив физмат Челябинского пединститута, Евгений Александрович начал свою педагогическую деятельность в качестве учителя физики и одновременно учителя труда в Дуванской сельской школе.

Пятидесятые годы были временем, когда активно возрождались промышленность и народное хозяйство. После войны шофер или тракторист в колхозе были по популярности сродни летчику, и в некоторых селах наряду с учебными предметами дети обучались вождению автомобиля. Вот такие уроки труда и вел Евгений Александрович. Его лю-

бовь к технике не заканчивалась со школьным звонком. Молодой педагог читал специальную литературу, выписывал журналы и... пытался сконструировать свой автомобиль. Опыты оказались успешными. Евгений Александрович Топучканов является «отцом» четырех легковых машин и двух тракторов.

Первую из машин он назвал «Прима». Хоть и неказиста на вид была, но шустрая. Тут же принялся за изготовление второй. Руки оставаться без дела не могли. Колеса и недостающие детали приобретал на рынке, главное, чтоб чек был. Ну, а различных железяк в гараже полно. Второй была самая любимая «Секунда». Но, к сожалению, попал на ней в аварию (врезался в трамвай). Сейчас она в полуразобранном состоянии покоится в гараже рядом с «Трио». «Трио» - одна из его самых мощных моделей, изготовленная на основе вездехода. Четвертая «Кварта» - на зимней квартире в саду.

Помню, когда мы учились в школе, мальчишки пропадали в каптерке учителя часами, наблюдая, как «рождается» одно из его детищ.

Переехав в Уфу и работая уже учителем в 106-й школе, Евгений Александрович получил приглашение участвовать в автопробеге по городам Урала «Каменный пояс», но, будучи человеком скромным, пришел к выводу, что его «модификация» микролитражки не отвечает эстетическим требованиям времени. Пробег состоялся без Евгения Александровича, но медаль конструктора из Башкирии была отмечена главным редактором журнала «Техника – молодежи» Василием Дмитриевичем Захарченко. Его автограф украшает альбом с краткой характеристикой автомобиля «Секунда» - детищем Топучканова.

Я рассматриваю фотографию, на которой Евгений Александрович рядом со своей микролитражкой, и думаю, что годы, дни и даже секунды этот трудолюбивый человек потратил не даром.

Верный рыцарь «Белой Дамы» (Р.И. Аюпов)

10 августа нынешнего года ушел из жизни заслуженный тренер СССР и РСФСР, заслуженный работник физической культуры Башкирской АССР Рамиль Исмагилович Аюпов. Он являлся Мастером спорта СССР по фехтованию на рапире, чемпионом РСФСР, пятикратным чемпионом Башкирской АССР.

Заслуги, звания и награды Рамиля Исмагиловича можно перечислять очень долго. Его имя упоминается в Энциклопедии Башкортостана. Это был тренер, открывший для меня красивый мир фехтования.

Немного истории

Фехтование – один из старейших видов единоборств. Как спортивное состязание оно возникло в период позднего Средневековья. А уже в 18-ом веке произошло разделение по видам оружия, и поединки проводились по сабле, шпаге и рапире.

Фехтованию, наравне с верховой ездой, обучались не только молодые дворяне, готовившиеся сделать военную карьеру – достаточно серьезную «мушкетерскую» подготовку получало немало вполне штатских людей. Отношение к оружию в 18-19-х веках было почтительным и, можно сказать, возвышенным. Любимым кинжалам и саблям посвящали стихи, тайны сплавов для клинков передавались из поколения в поколение. Кавалергарды называли холодное оружие «Белой Дамой». Что ж, кому как не военным дано поэтизировать оружие, которое делило вместе с воинами тяготы, опасности и славу бранных дней. Наиболее отличившихся офицеров и полководцев награждали саблями и шпагами «За храбрость». Шпагу ломали над головой тех, кто лишался сословия и званий...

В наши дни звон клинков можно услышать только в спортзалах. Но как великолепно это зрелище! Как элегантно белые костюмы фехтовальщиков! Сколько азарта, тонкого ума и грации в этом старинном виде спорта! Увы, мне не удалось достичь на фехтовальной дорожке больших высот, но впечатления, которые я получила в «мирных боях», безусловно, повлияли и на мой характер, и на мои интересы, вкусы и образ жизни.

Начало

... К Аюпову я попала в том возрасте, когда другие спортсмены уже завершают свою карьеру. Усваивая азы фехтования, с любопытством наблюдала за тренером. Рамиля Исмагиловича всегда отличало фантастическое трудолюбие, граничащее с одержимостью. Его преданность любимому делу, ответственность за своих учеников заслуживают уважения. Фехтование – специфический вид спорта, и на индивидуальных занятиях наставник передает спортсмену знания и тонкости буквально

из рук в руки. Последовательность таких уроков и составляет рабочий день тренера. Рамиль Исмагилович мгновенно чувствовал малейшее изменение настроения детей. Он требователен до педантичности, но его критика действий какого-нибудь нерадивого мальчишки – всего лишь ветерок по сравнению с ураганом, который обрушивался на голову его старшего сына за неправильный выпад или кривую стойку. Мне всегда казалось, что отцовская требовательность доминировала в Аюпове над тренерской. Впрочем, многие его ученики чувствовали поистине отеческую заботу тренера. Кого-то он устраивал на работу, после которой (а то и прямо в рабочее время!) можно было полноценно тренироваться; кого-то «протаскивал» в институт или помогал в получении квартиры...

Первым учеником Рамиля Исмагиловича, достигшим спортивных высот, стал Анвар Ибрагимов – Олимпийский чемпион 1988 года в командном зачете. Младший сын Аюпова – Вадим – в 1995 году стал чемпионом Всемирной универсиады. Затем успех Реналя Ганеева на Олимпиаде в Афинах. Кстати, сопровождающим тренером молодежной сборной России на играх в Греции был Анвар Ибрагимов. И наконец, «золото» Артура Ахматхузина в командном зачете на Олимпиаде в Рио-де-Жанейро.

Когда Рамиль Исмагилович работал в Китае, предприимчивые китайцы буквально ходили за ним по пятам – ловили каждое его слово, записывали на видео даваемые им уроки. Что и говорить, Аюпов – это личность! По его биографии и методике работы с детьми можно писать научные статьи – это прекрасный пример «советско-российской» самоотверженности, когда при отсутствии необходимых для подготовки даже среднего уровня спортсменов условий Рамиль Исмагилович готовил мастеров международного класса.

В чем же состоял феномен тренера Аюпова? Наверное, в интуитивном знании психологии спортсмена, в тончайших взаимосвязях учителя и ученика, в том труднообъяснимом искусстве общения одним лишь взглядом, в возможности управления творчеством ученика в поединке одним только фактом своего присутствия. И в том, что Аюпов видел в своих учениках то, чего они, возможно, и сами о себе не знали.

А что знали спортсмены о своем тренере? С тех пор как я прекратила тренировки у Рамиля Исмагиловича прошло уже много лет. За эти годы я встречалась с ним мельком, перебрасываясь на бегу несколькими словами. Конечно, я следила за успехами его учеников, но личная жизнь

всегда оставалась «за кадром». И на просьбу «снять маску» мастер согласился, слегка смутившись.

Этапы большого пути

Рамиль – послевоенный ребенок. Родился в 1946 году в многодетной семье, где кроме него было две сестры и три брата. Отец работал извозчиком на лошади, мама – бухгалтером. Рамиль был старшим из братьев, и забота о младших была для него естественной домашней нагрузкой. И все-таки у него хватало времени и на учебу в школе, и на мальчишеские забавы. Рамиль Исмагилович с грустью констатировал, что чувство голода было постоянным, стакан кипятка с ложкой сахара частенько заменял обед. Но даже бедное детство было богатым на события и приключения. Одним из ярких воспоминаний 9-10-летнего Рамиля была история с покупкой лыж. Соседка продавала старенькие деревянные лыжи с креплениями для валенок, просила за них 6 рублей. Отец Рамиля сказал, что дороже чем за 3 рубля не купит. Соседка согласилась на 5, отец – на 4. Но из-за 1 рубля соседи так и не договорились. Сколько было пролито по этому поводу слез! А ведь улицы старой Уфы 50-х годов были словно специально созданы для катания с гор!

С шестого класса Рамиль подрабатывал учеником столяра. На первую зарплату купил табуретку, а оставшиеся деньги отдал бабушке. «Вечный троечник» в школе, Рамиль с гордостью носил футболку «10» - в футбольной команде уфимского «Спартака» он был нападающим. В послевоенной России царил настоящий культ футбола, и сейчас трудно представить, как, поддавшись уговорам своего приятеля, горячий поклонник футбола Аюпов оказался на тренировке в фехтовальной секции. Футбольный сезон был короток, а быстрые успехи в мушкетерском занятии воодушевили Рамиля на продолжение карьеры рапириста. Уже через полгода он отправился в свою первую поездку на соревнования в Кёнигсберг, нынешний Калининград. Сколько самых разных чувств испытал парнишка из далекой провинциальной Уфы! Это и гордость за отвоеванный у немцев город, и восторг от огромных белоснежных лайнеров, покачивающихся на балтийской волне, и радость от успешного выступления на соревнованиях (Аюпов занял 9 место среди 46 участников). Но больше всего ему запомнились талоны на бесплатное питание. Рамилю удалось их сэкономить, и он отправил в Уфу посылку с карамелью и леденцами для своих братьев и сестер.

В 1966 году Аюпов стал чемпионом БАССР. Осознав, что профессия тренера – его призвание, Рамиль поступил на заочное отделение Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта. Закончив его в 1972, работал инструктором в ДСО «ЛОКОМОТИВ», а с 1979 года уже был старшим тренером Центрального олимпийского спортклуба БАССР.

Характер человека с годами может меняться, но стержень – основа поведения – как правило, закладывается в детстве. Рамиль Исмагилович принадлежал к той редкой породе людей, которые создали себя сами. Он был уверен, что трудолюбие и целеустремленность – это половина успеха. Талант и хорошая техника фехтования – еще не гарантии побед. О своем сыне Вадиме Аюпов говорил как тренер: «Техничный, со способностями, но в нем нет фанатизма». Для Рамиля Исмагиловича фанатизм – это норма, а иначе зачем же приходиться в спортзал?

Я поинтересовалась, какова зарплата Заслуженного тренера СССР? Увы! Весьма скромная. Но творческая профессия давала дополнительные силы, ведь надо учесть, что из дома Аюпов уходил в 7.30, возвращался в 21.30. Выходные редки, а работа требует максимальной концентрации внимания. Плюс ко всему – ответственность за здоровье и безопасность детей, забота об экипировке спортсменов, организационная работа, поездки на всевозможные турниры, наконец, множество мелких бытовых проблем...

За годы своей тренерской деятельности Рамиль Исмагилович подготовил целую плеяду ярких спортсменов – более 30 мастеров спорта СССР и России, а также международного класса, чемпионов и призеров первенств Европы, мира и Олимпийских игр.

За свой многолетний добросовестный труд и большой вклад в развитие отечественного спорта тренер Аюпов награжден медалью «За трудовую доблесть», орденом Дружбы Народов, почетным знаком Олимпийского комитета России «За заслуги в развитии олимпийского движения в России», орденом «За заслуги перед Республикой Башкортостан» и другими высокими наградами. Но главное для педагога – его ученики. Встречаясь где-либо на соревнованиях с его воспитанниками, отмечаю, что и наши дети и наши внуки продолжают традиции уфимской школы фехтования. Не теряется связь поколений, начало которой положил человек огромной воли и трудоспособности – Верный рыцарь «Белой Дамы» Рамиль Исмагилович Аюпов.

Просто хороший человек (В.А. Скачилов)

Вспоминая людей, с которыми приходилось общаться, мы нередко используем фразу: это был хороший человек, но... Так вот, Владимир Анатольевич Скачилов был просто хорошим человеком. Без всяких «но»!

Первая встреча

Фамилию «Скачилов» я слышала с детства. Старшая сестра моего отца Нина Александровна Фадеева с конца 40-х годов прошлого века работала в Ново-Александровке машинисткой, а затем секретарем управляющего строительным трестом № 21 Константина Петровича Кузнецова. В те же годы начальником медико-санитарной части 21-го треста был Владимир Анатольевич Скачилов.

Моя тетушка постоянно делилась своими наблюдениями, воспоминаниями о тех годах. Ей, как секретарю, приходилось иметь дело с самыми разными людьми: рабочими, водителями, медиками, начальниками всех рангов. В рассказах тети Нины фигурировали имена известных впоследствии, и совсем неизвестных граждан. Описывала она грустные и смешные истории.

Мне – малолетнему ребенку, фамилия «Скачилов» казалась какой-то веселой, и я с интересом внимала очередной истории.

О моей первой встрече с Владимиром Анатольевичем рассказала мне мама. И это неувидительно! Ведь мне в ту пору было лет пять.

По каким-то причинам я несколько дней не посещала детский сад. А маму срочно вызвали подменить на дежурстве заболевшую медсестру. Работала она недалеко от треста № 21 в онкологическом диспансере. Время было послеобеденное, мама привезла меня к тете Нине. Они о чем-то говорили в приемной, а я направилась на улицу наблюдать, как два шофера возятся с колесом от грузовой машины. Многих водителей я знала по именам, поэтому меня не только разговором развлекали, но и привлекали к посильному труду: что-то принести, подать.

Что там произошло в тот раз, я не помню. В памяти сохранилось, как дядя Ринат зажимал свою руку возле локтя, а из-под пальцев била струйка крови. Его напарник дядя Вася, увидев эту картину, рухнул, как подкошенный. Мама сидела на подоконнике и держала меня в поле зре-

ния. Естественно, она поняла, что случилось несчастье, и тут же помчалась выяснять обстоятельства. Следом за ней уже бежал какой-то мужчина. Им оказался Скачилов, который вместе с Кузнецовым собрался куда-то ехать. Я отбежала в сторону, но продолжала с любопытством созерцать происходящее. Кто-то принес бинты, остановили кровотечение, наложили повязку. И тут произошло невероятное... После того, как пострадавшему оказали помощь, дошла очередь до лежащего без чувств дяди Васи. Владимир Анатольевич, стоя на коленях, начал лупить его по щекам. Я пришла к выводу, что дядю Васю бьют за какую-то провинность и галопом со слезами помчалась к тете Нине. Меня успокоили, объяснили, что похлопыванием по щекам человека приводят в чувство, что таким образом врач помог дяде Васе придти в себя. Поскольку в моих детских представлениях врач – это человек в белом халате, я с сомнением поглядывала на мужчину отряхивающего свои брюки от пыли и что-то сердито выговаривающего смущенному дяде Васе.

Об этом происшествии мама вспомнила в начале 90-х годов, когда я сообщила ей, что познакомилась с очень интересным человеком – врачом, краеведом, личностью увлеченной и энциклопедически подкованной в самых разных областях науки и искусства - Скачиловым.

Вторая встреча

А началось все с маленькой заметки в городской газете, где сообщалось о том, что уфимец Владимир Анатольевич Скачилов передал в дар музею Сергея Аксакова фотографию участницы двух войн с Наполеоном, ординарца Михаила Илларионовича Кутузова, автора нашумевшей в свое время книги «Записки кавалерист-девицы», Надежды Андреевны Дуровой.

Я давно занимаюсь биографией этой удивительной героини, и наличие фотографии (именно – фотографии, а не художественного портрета!) произвело на меня шокирующее впечатление. Узнав домашний телефон, я позвонила Владимиру Анатольевичу и была приглашена в гости.

Не буду вдаваться в подробности истории фотографии Надежды Дуровой; вкратце скажу, что снимок был подарен Скачилову пожилой женщиной, к которой он приходил консультировать ее по поводу болезни. Хворь отступила, а врач и пациентка подружились. Зная об увлечении Владимира Анатольевича стариной, благодарная и восхищенная его

душевной щедростью женщина передала в коллекцию экспонат 19-го века.

Обмен мнениями по поводу той или иной краеведческой информации с уфимцами-старожилами всегда полезен обеим сторонам. У меня было еще несколько встреч со Скачиловым. До сих пор хорошо помню этого невысокого, по-домашнему, уютного человека, устроившегося на диване с газетными вырезками, книгами, фотографиями. Между нами на спинке дивана неизменно восседал кот Рыжик. Наш тихий, неторопливый разговор-воспоминания изредка прерывался всплеском кошачьих страстей. Достаточно было супруге Татьяне Владимировне звякнуть ложечкой или посудой на кухне, как Рыжик срывался со своего места и, разбрасывая лапами бумаги, летел проверять миску: не положили ли чего вкусного? Владимир Анатольевич всплескивал руками: «Рыжик! Ты ведь только что поел! Да что ж это такое?!» Мы старательно собирали листочки, приводили в порядок архив и продолжали беседу. Довольный и облизывающийся (или разочарованный!) Рыжик через несколько минут опять занимал свой пост на диване. Увлеченные обсуждением какой-либо темы, мы со Скачиловым теряли бдительность и не обращали внимание на звук открываемой на кухне дверцы холодильника. Прыжок рыжего озорника мгновенно сметал бумаги на пол.

В конце концов, все газетные вырезки мы прикрывали папками или книгами, чтобы кошачий вихрь не разметал их по комнате, а Рыжик, словно требуя к себе внимания, усаживался на какую-нибудь папку и усиленно терся об руку или бок хозяина.

Общаясь с Владимиром Анатольевичем, я поняла, как плохо я знаю свою родословную, как равнодушно воспринимаю природу, как мало я читаю! И все-таки моя любовь к военной истории, к незаурядным личностям получила поддержку Скачилова, а изучение биографии и психологии офицера и писательницы Надежды Андреевны Дуровой – благословение.

В 2003 году вышла книга Владимира Анатольевича «О прожитом, пережитом. Записки врача». Эта книга напоминает огромное мозаичное полотно. В ней не только воспоминания самого автора, но и добрые слова его многочисленных друзей, знакомых. Каждый хранит в своей душе теплые воспоминания о встречах с врачом, краеведом, чутким, верным товарищем, внимательным и заботливым Володей, Володечкой, Скачей, как называли его близкие.

Скачилов ушел из жизни в феврале 1996 года. Встречаясь с разными людьми, могу с уверенностью заявить: Владимира Анатольевича помнят, он жив своими трудами, поступками, статьями. Каждый, знавший его, встречавшийся с ним, сохраняет в душе тот огонек высоко-нравственной человечности, которым делился с нами этот замечательный Человек!

В ожидании чуда (Л.И. Русских)

Среди коренных уфимцев встречаются люди не только с русскими, башкирскими, татарскими фамилиями, но и носители украинских, белорусских, грузинских, армянских, чеченских, греческих, немецких, фамилий других национальностей. Причины, заставившие предков наших современников покинуть свою историческую родину, самые разные: войны, смена государственной власти, поиски лучшей доли... Родителей моей героини - Любови Ивановны Русских с Украины в более благополучную Башкирию гнал голод. В 20-е годы на Урал перебирались целыми хуторами, семьями.

Иван Степанович Дёмин и Галина (или Ганна) Андреевна Медведь - из бедных крестьян, верующие, трудолюбивые люди. Оказавшись в конце 20-х годов в Башкирии, они сначала жили в Чишминском районе, потом несколько лет снимали комнату в Уфе в частном доме на улице Айской. Отец Любови Ивановны закончил техникум, работал начальником лаборатории Башэнергосбыта, мама была на должности секретаря в этой же организации, успевала заниматься хозяйством, маленькой дочкой.

Любочка родилась в сентябре 1941 года. Несмотря на то, что отца на фронт не взяли, дочка его видела редко, так как дома он появлялся очень поздно. Жили голодно, комнату снимали подешевле, в холодном подвале; не хватало денег на дрова, мама простыла, долго болела.

После окончания Великой Отечественной войны постепенно жизнь стала налаживаться. В 1948 году родители Любы решили строить свой дом. Приобрели шесть соток земли на улице Новокустарной (проходит параллельно улице Мингажева, недалеко от Республиканской клинической больницы имени Гумера Куватова), и Иван Степанович своими силами, практически в одиночку начал возводить фундамент. С трудом

удавалось покупать стройматериалы, не хватало времени на отдых, но дом рос. Любовь Ивановна вспоминает, как она, будучи маленькой девочкой, возвратившись с прогулки, подходила к отцу в ожидании того, что он возьмет ее на руки, приласкает, но отец валился с ног от усталости, обходил маленькую фигурку и шел мыть руки, а Любочка молча опять возникала на его пути и замирала, глядя в глаза.

Девочка была предоставлена самой себе, росла активной, подвижной, каталась с горок на лыжах, на коньках-снегурках, на санках, рано приобщилась к чтению. Отец подарил ей трехтомник Пушкина и вскоре Любаша знала наизусть «Руслана и Людмилу», сказки, множество стихов великого поэта. В 1949 году семья перебралась в свой дом. После сырых полуподвальных помещений - три комнаты - это такое чудо! Сколько было радости! Купили поросенка, козу, кур, высадили яблони нескольких сортов, сливу, вишню, торн, кусты малины; на огороде, кроме картошки, - лук, капуста, помидоры, огурцы, перец, зелень. Натуральное хозяйство стало хорошим подспорьем для семьи.

В 1951 году родился брат Дима, а в 1954 - сестренка Таня. Иван Степанович сделал пристрой к дому, крытую веранду. В 50-е годы не только улица Новокустарная, но вся Уфа напоминали цветущий сад, где пели соловьи, цвели сирени... Одноэтажные дома утопали в зелени, а по вечерам над крышами плыли танцевальные мелодии, прилетавшие с легким ветерком из сада имени Луначарского (ныне парк имени Сергея Аксакова). Любаша спешила прополоть грядки, полить сад-огород и бегом мчалась на танцы. Учеба давалась легко, хотя урокам старшеклассница много времени не уделяла; под учебником физики, математики лежал приключенческий роман или захватывающий детектив. Успевала Любочка заниматься и спортом: зимой всем классом ходили на каток «Динамо», катались на лыжах. Частенько собирались у подружек послушать пластинки, а летом шли загорать, купаться на Белую за мостом, катались на лодках, ходили в походы.

В 1958 году умер отец Иван Степанович. Матери нужно было помогать: Люба продавала на базаре цветы, овощи, солила в огромных кадках огурцы, капусту с ранетками, помидоры. После окончания школы она хотела поступить в авиационный техникум, но подвело слабое зрение и пришлось сдать документы в педагогическое училище. Подвижная, веселая девушка легкомысленно полагала, что воспитатель - это тихая, спокойная работа: сидит себе педагог на маленьком стульчике, вышивает, а вокруг, словно ангелы, дети. Выбор был сделан без тени

сомнения, и Любаша ни дня не жалела о таком повороте судьбы. Ответственность, трудолюбие и жизнерадостность помогали ей в самых трудных ситуациях. Также легко сделала она свой выбор и в отношении будущего мужа. Кандидатов в женихи у симпатичной студентки было много. Однажды, оказавшись на больничной койке, Любочка пришла в ужас от того, что все парни, как один, бегали ее навещать, а она боялась, что они могут встретиться и возникнет неловкая ситуация. Оказались среди молодых людей и отчаянные, боевые ребята; Анатолий же был со стороны, жил в Черниковке в общежитии и в компании местных уфимцев никак особо не выделялся. Пару раз друзья-соседи пытались выяснить отношения с «чужаком» Толиком, поставили ему «фонарь» под глазом, но упорный «хахаль» не сдавался. В конце концов, смирившись с настойчивостью ухажера, парни перестали задираться, а Любаша приняла его предложение руки и сердца.

Свадьбу играли в сентябре 1965 года. Народу собралось около пятидесяти человек. Просторный дом не вмещал всех родственников и гостей, поэтому столы накрыли прямо в саду под яблонями, среди гладиолусов и георгинов. На белое платье деньги нашли, а из приданого - железная кровать и две подушки. Но, наученная опытом своих родителей, Любочка смело взялась налаживать семейный быт, довольствуясь самым необходимым.

После окончания педучилища молодого специалиста направили на работу в качестве воспитателя в уфимский детский сад № 45. Первые же опыты в общении с детьми наглядно продемонстрировали, что «ангелы» встречаются крайне редко, а сорви-головы - явление весьма распространенное, и воспитателю нужно постоянно проявлять внимание, по возможности предугадывая опасные шалости и дипломатично решать конфликты.

Останавливаться на полпути требовательная к себе Любочка не собиралась. Проявляя незаурядный талант массовика-затейника, она организовывала интересные утренники, праздники для воспитанников и их родителей. Заочно поступила в Ульяновский государственный педагогический университет на факультет педагогики и психологии. Не уходя в декрет, будучи в Ульяновске на сессии, родила сына. Уже в Уфе, чтобы быть поближе к дому, перевелась на работу в детский сад № 198 и вскоре была назначена там на должность заведующей.

У Любови Ивановны только три записи в трудовой книжке; последняя - заведующая дошкольным отделением Уфимского многопро-

фильного профессионального колледжа (1978-2000 годы). На этой должности проявились все таланты опытного педагога; ее группа занимала первые места, получала Гран-при на всевозможных конкурсах, соревнованиях, олимпиадах. Любовь Ивановна - человек любознательный, начитанный, постоянно ищущий какие-то оригинальные формы в освоении нового материала и передаче его учащимся. Она сама составляла вопросы викторин, писала сценарии праздничных мероприятий, сочиняла именные посвящения или поздравления в стихотворной форме. А какие познавательные поездки организовывала со своими студентами в Карелию, Крым, в Прибалтику, Азербайджан, Украину, Белоруссию?! Объездили весь юг бывшего Советского Союза!

Со своим мужем Анатолием Константиновичем (он прошел путь от рабочего до начальника цеха Уфимского приборостроительного производственного объединения) Любовь Ивановна прожила сорок шесть лет. Несмотря на сложные характеры, они оба проявили себя настоящими патриотами своей профессии: оба являются Ветеранами труда, награждены многочисленными Грамотами и медалями. Их сын получил высшее образование, занимается бизнесом. Внучка закончила Башкирский хореографический колледж имени Рудольфа Нуреева, также как и бабушка, является творчески одаренной личностью.

Несколько лет тому назад ушел из жизни Анатолий Константинович. Волевая, жизнестойкая натура Любви Ивановны мужественно перенесла эту утрату. Сейчас она живет одна, но постоянно общается с родственниками, занимается общественной работой. С этой удивительной, неунывающей женщиной я познакомилась в группе оздоровительной гимнастики. Среди серьезных физкультурников она выделялась неуёмным темпераментом, блестящими, веселыми глазами и заразительным смехом. Мы подружились, и постепенно я узнала биографию уфимки с украинскими корнями. Мне любопытно было услышать о судьбе дома-усадыбы на Новокустарной. К сожалению, после смерти мамы Галины Андреевны в 1987 году, дом был продан, но, к счастью, он существует и поныне. По соседству с этим домом живет сестра Любви Ивановны - Татьяна. Конечно, «девочки» встречаются, вспоминают прошлое, прогуливаются по родной Новокустарной, сохранившей на небольшом отрезке свою былую прелесть... старинные одноэтажные дома и цветущие сады.

Любовь Ивановна может гордиться тем, что она воспитала сотни учеников, посадила множество деревьев, вырастила хорошего сына.

Кстати, посаженные ею на улице Октябрьской революции липы и березки до сих пор радуют прохожих своей тенью. Жизнь Любви Ивановны насыщена событиями и делами: она увлеченно занимается садоводством, прекрасно вяжет, вышивает, любит читать детективы, попеть с подругами песни своей молодости, она легка на подъем, не пропускает театральные премьеры, активно занимается физкультурой. В ней есть какой-то юношеский задор, тонкое чувство юмора, желание познавать новое. На мой вопрос, что она ждет от жизни, Любовь Ивановна мгновенно отреагировала: «Я жду чудо!» И процитировала стихотворение Ларисы Миллер:

«Я дверь приоткрытой держу то и дело,
Чтоб чудо в мой дом без труда залетело...
Чтоб счастье, придя, не возилось с замком,
А шло без помехи ко мне напрямиком.
И, будь я измученной, старой, разбитой,
Оставлю я дверь всё равно приоткрытой.»

Этапы большого пути (К.Г. Тухватуллина)

В каждой стране, в каждом населенном пункте живут люди, чья биография тесно переплетается с главными историческими событиями государственного масштаба, но есть личности, которые сами представляли или представляют в данное время свою страну, республику, город. В центре Уфы в небольшой скромной квартире проживала сильная духом женщина, занимавшая в прошлом высокие посты секретаря обкома ВЛКСМ, министра культуры Башкирии, заведующей отделом обкома партии БАССР, человек, сделавший для нашей столицы и республики так много хорошего, что конечно же достойна быть, как минимум, почетным гражданином Уфы. «Благодарные» же потомки не внесли ее имя даже в энциклопедию Башкортостана!

Детство

Родители отца, проживавшие в деревне Старый Киик Янаульского района, были обычными крестьянами со средним достатком. Отец Клары - Габдрахман в поисках лучшей доли стал революционером, воевал с Колчаком. Когда колчаковцы захватили Старый Киик, они спалили дома

крестьян воевавших на стороне Красных. Матери Габдрахмана пришлось просить милостыню у соседей, но напуганные белогвардейцами жители, опасались помогать несчастной старушке и зимой в сильные морозы женщина замерзла на улице.

Отец матери - Каюм - служил приказчиком у купца в Стерлитамаке, что позволяло семье жить в достатке. Имелся у них небольшой собственный дом. Дети получили начальное образование, то есть умели считать, знали грамоту. Сей факт помог будущим родителям Клары найти друг друга.

Габдрахман, в конце 20-х годов - симпатичный, уверенный в себе мужчина, прошедший дорогами Гражданской войны, по делам службы оказался в небольшом уездном городке Стерлитамаке, зашел в местный универмаг, где кассиром работала юная красавица Фатыма. В те годы молодежь отличалась самостоятельностью и смелостью в принятии решений. Габдрахману предстояло ехать на учебу в Москву в Финансовую академию СССР и он предложил прелестнице из провинции выйти за него замуж и отправиться с ним в главный город страны. Фатыма, не долго думая, дала согласие и вскоре молодожены уже любовались историческими и культурными памятниками столицы.

Клара родилась в Москве 7 марта 1931 года и получила яркое звучное имя в честь пламенной революционерки Клары Цеткин. Тем временем Габдрахман закончил учебу и получил назначение на ответственный пост заместителя управляющего Госбанком Башкирии. В Уфе семья снимала часть дома на улице Церковной (ныне Худайбердина), а поскольку у Клары появилась сестренка Флюра, денег едва хватало на самое необходимое. Декретные отпуска были в те годы короткие, Фатыма Каюмовна определила девочек в ясли-детсад и пошла на должность машинистки сначала в издательство, затем в башкирский драмтеатр, который в 30-40-е годы располагался в одном здании с оперным. Девочки росли шустрými и любознательными. Дворы предвоенной поры - это маленькая страна. На Церковной во многих местах пробивалась живучая речка Сутолока. Весной и летом ребятня катались по ней на самодельных плотках, в корытах. Отчаянная Клара едва не утонула в двух шагах от своего дома, когда перевернулся ее плотик; ладно, соседский пацаненок не растерялся и вытащил промокшую в ледяной апрельской воде путешественницу.

Одним из особо запомнившихся событий детства стал для пятилетней Клары теракт на железной дороге Уфа - Стерлитамак, в котором

погибли пассажиры, было много раненых, пострадали и бабушка, и сама Клара. Нынче историки пытаются убедить народ в том, что, дескать, Сталин и органы КГБ слишком преувеличивали опасность исходившую от агентов иностранных разведок и затаившихся врагов советской власти, но свидетели и потерпевшие от диверсий и терактов довоенных лет еще живы... просто их возраст уже не позволяет им вести дискуссии на уровне теледебатов и лишний раз обречать себя на волнения и стресс. Клара Габдрахмановна вспоминает: «В 30-е годы для перевозки пассажиров между Уфой и Стерлитамаком ходил специальный железнодорожный вагон... что-то среднее между дрезиной и трамваем. Так вот мы с бабушкой в 1936 году поехали в Стерлитамак навестить родственников. Я сидела у бабушки на коленях. Подробности уже не припомню... Был толчок, вагон накренился и упал на бок. Нас всех разметало в разные стороны. В памяти осталось, как я качусь по гравию лицом вниз. Кровь капала мне на одежду, на руки. Потом провал. Очнулась я в санитарном поезде, где нам оказывали первую помощь. Повзрослев, я узнала, что это было, как тогда называли, “вредительство”: подрыв железнодорожного полотна. В пятилетнем же возрасте я воспринимала события, словно забавную игру и, подражая мужественным революционерам, стойко переносила болезненные перевязки.»

С началом Великой Отечественной войны опустели прилавки магазинов, пропали продукты, на самое необходимое ввели талоны. Занятия в школе, игры, книги отвлекали детей от голода. Растущий организм требовал калорийной пищи, но не всегда хватало простого хлеба. И уж совсем тяжелые дни наступили для семьи, когда Габдрахмана в 1941 году отправили на фронт. Особенно тяжело перенесла расставание с отцом его любимица Клара. Можно сказать: с началом Великой Отечественной войны у сестренек закончилось детство.

Отрочество

Отец погиб в 1942 году. Для Клары боль этой утраты осталась в сердце навсегда. Но жизнь продолжалась, девочка училась в школе № 3, а после занятий спешила к маме в театр. В маленьком подсобном помещении Фатыма Каюмовна готовила на керосинке примитивный обед, за этим же столом с чернильными пятнами, постелив старые афиши, сестры готовили уроки. Если позволяло время, девочки присутствовали на репетициях оперной или драматической труппы или, сидя в укромном

уголке, наблюдали за жизнью театрального закулисья. Огромной радостью для полуголодных школьников были гостинцы от артистов или соседей по дому. Конечно, мама пыталась найти любую дополнительную работу, однако денег на продукты катастрофически не хватало. Клара часто вспоминала последнюю встречу с отцом. Он пришел в военной форме, красивый, бравый... Под мышкой у него был сверток с двумя отрезами на платье какого-то мирного оранжевого цвета, а из кармана гимнастерки он достал несколько кусков сахара. Белые неровные кубики Клара потом не раз представляла мысленно, ей казалось, что вкусней этого «военного» сахара она ничего не ела.

Когда на уроке Клара упала в голодный обморок, Фатыма Каюмовна - секретарь комсомольского комитета Башдрамтеатра, поразмыслив, пошла на отчаянный шаг. Уезжая на работу в колхоз (это была обязательная отработка и возможность обменять что-либо из вещей на продукты), женщина, кроме пустой сумки, прихватила с собой миниатюрную колоду карт, завернув их в чистый платочек. Через несколько дней Клара и Флюра впервые за долгие военные месяцы поели творог с молоком, а в маминой котомке оставались еще картошка, лук, белый хлеб и немного муки. Старшая дочь хитро посмотрела на уставшую маму и шепотом спросила: «Это ты в карты выиграла?» - «Как ты могла такое подумать?! Это карты для гадания. Я людям надежду даю... на доброе, на Победу».

Здесь необходимо заметить, что во время войны гадание стало чем-то вполне обыденным, как тихая молитва или зашитый в глубине кармана крестик. Человеку тяжело без опоры, веры, и каждый по-своему пополнял духовные и физические силы.

Фатыма Каюмовна была творческим человеком, ей приходилось иметь дело с драматургами, режиссерами, артистами. Многократно перепечатывая пьесы или отдельные роли, молодая женщина вникала в суть литературных произведений, невольно становилась и читателем, и критиком. Со временем, накопив определенный опыт, машинистка стала тонко подмечать какие-то неточности, предлагала авторам слегка подправить стиль или изменить реплику действующего лица.

Все приобретенные в поэзии и драматургии знания Фатыма Каюмовна с успехом использовала в гадании на картах. О чем просили погадать? Когда закончится война, жив ли чей-то сын, брат, муж, когда придет весточка с фронта...

Умела ли гадать активная комсомолка, атеистка Фатыма «по-настоящему», мы теперь не узнаем никогда, но людям нравилось, как худенькая кареглазая женщина, закутанная в шаль, неспешно раскладывала карты и долго, обстоятельно, с подробностями рассказывала о положении на фронте, о письме, которое пишет солдат, сидя в окопе, или раненый диктует санитарке теплые, ласковые слова домой... Детали описываемой обстановки (возможно, взятые из каких-то пьес?) завораживали слушателей. Мудрая «гадалка» обещала только хорошее, светлое, и взгляды земляков с любовью и надеждой обращались к фотографиям родных и близких им людей.

Гадать Фатыма Каюмовна перестала так же неожиданно, как и начала. В 1943 году ей предложили сделать перевод с татарского на башкирский язык пьесы Хабибуллы Ибрагимова «Башмачки». За работу она получила хороший гонорар; впоследствии гонорар выплачивали с каждой постановки этой известной комедии.

Юность

Если от отца Клара унаследовала спокойную уверенность в своих силах, твердость характера, принципиальность, то от мамы у нее творческое начало, темперамент, глубина восприятия и неиссякаемое трудолюбие.

Война подходила к концу. Вся страна и особенно дети, молодежь с надеждой смотрела в будущее. Несмотря на тяжелое материальное положение, люди сажали цветы, мастерили мебель, девушки перешивали мамины платья, добавляя кружева, ленты, и с восторгом юного энтузиазма врывались в долгожданную мирную жизнь.

Одновременно с началом строительства новых объектов, открытием школ, техникумов, институтов, мощный импульс для развития получили различные виды искусства, самодеятельность, физкультура и спорт. Уфимский стадион «Динамо» как магнит притягивал мальчишек и девчонок послевоенных лет. Еще не хватало спортивного инвентаря, одежды, не хватало еды, но жажда поединка, соперничества, желание победить уже заставляло школьников, студентов, рабочих спешить на свои первые тренировки.

Беговые коньки - давняя мечта Клары. Сверстницы девочки уже легко накручивали километры на ледяных дорожках стадиона, а Тухватуллина не хотела признаться в том, что не умеет кататься, да и коньков

у нее не было. Откуда вдруг появился один конек, так называемой модели «Снегурочка», Клара Габдрахмановна сейчас уже и не помнит. Настырная катальщица, чтобы никто не видел, свои первые шаги на этом коньке делала во дворе ночью, при свете луны. Результат не заставил себя ждать: когда Клара пришла в секцию конькобежцев на «Динамо», надела «казенные» беговые коньки, длинный раскатистый шаг начинающей спортсменки убедил тренера в ее больших перспективах.

В те годы узкая специализация в спорте не приветствовалась. Клара с удовольствием занималась спортивной гимнастикой, лыжными гонками, играла в баскетбол. Участие в соревнованиях, призовые места вдохновляли Тухватуллину на серьезные тренировки, которые очень скоро обеспечили ей отличную физическую подготовку и разряды. По конькобежному спорту она уже неоднократно становилась призером городских и республиканских соревнований, но где-то в подсознании чувствовала: это не ее вид спорта. Однажды в забеге на первенство Башкирии соперница Клары упала и потеряла все шансы на победу, а Тухватуллина, оставшись на льду одна, вернулась помочь ей подняться. Соперницы обнялись и... заплакали. Вот тогда Клара и поняла, что бесконечность ледяной дорожки и поединок с секундомером не приносят ей удовлетворения. Вчерашняя конькобежка стала одним из инициаторов создания первой в Башкирии женской баскетбольной команды, а когда училась в Харьковском пединституте, уже с успехом играла за сборную Украины. Смышленная, энергичная девушка-башкирка быстро освоила украинский язык и уверенно чувствовала себя в коллективе.

Окончив историко-филологический факультет, Тухватуллина со своим мужем поехала в город Первомайск Одесской области. Там же сыграли свадьбу в саду под сливами. Клара Габдрахмановна преподавала историю в медицинском техникуме и в школе. Не бросала и спорт. Решительный характер, максимализм и прямолинейность, доходящая до жесткости, - не лучшие качества для семейного счастья. Не простив мужу измены, Клара без истерики собрала чемодан.

По волнам жизни

Юность и первая любовь остались в прошлом, но Тухватуллина возвратилась в Уфу, не утратив веру в людей. Школьная подруга Рэма Журавлева привела Клару в обком комсомола. Второй секретарь Ивлиев, большой любитель спорта, сразу нашел общий язык с яркой баскетбо-

листочкой. В 1955 году Клару Габдрахмановну отправили учиться в Центральную комсомольскую школу в Москву.

Как вспоминает другая школьная подруга Мирра Ибрагимова, организаторские таланты Клары раскрылись в пединституте. До вуза Тухватуллина выделялась среди одноклассников прилежанием и аккуратностью; в студенческом коллективе недавняя выпускница школы почувствовала интерес к работе с людьми. Отсутствие чванства, умение оперативно включаться в конкретную ситуацию, доброжелательность и желание поддержать человека в трудную минуту - эти качества помогли девушке завоевать авторитет у товарищей, а впоследствии стали главными в характере комсомольского лидера, министра культуры, чиновника - ответственного, честного и смелого.

В 1962 году, будучи секретарем обкома комсомола Башкирии, Тухватуллина возглавила делегацию спортсменов СССР на 8-ом Всемирном фестивале молодежи, который проводился в Финляндии. Под опекой Клары Габдрахмановны оказались заслуженные мастера спорта, рекордсмены и чемпионы мира - люди с амбициями, избалованные славой, со сложными характерами. Во время фестиваля случались политические провокации, попытки переманить советских спортсменов на Запад, но выдержка и тонкая дипломатия Тухватуллиной в очередной раз спасали положение, подтвердив высокий статус делегации СССР.

В 1963 году Тухватуллина вновь в Москве, ее направили на учебу в Высшую партшколу.

4 декабря 1964 года в личной жизни Клары Габдрахмановны произошло счастливое событие: она вышла замуж за хорошего, умного, талантливого человека Урала Уразбаева. После Уфимского нефтяного института он окончил Академию внешней торговли, знал 5 языков, имел опыт работы за границей. В столице Башкирии он работал начальником НГДУ «Уфа-нефть». Их отношения с Тухватуллиной все 18 лет совместной жизни носили нежный, романтический характер. Ни одно домашнее торжество не обходилось без букета алых гладиолусов. Впрочем, любящий муж не ждал повода для проявления своих чувств. Когда Клара Габдрахмановна, задерживаясь после работы, приезжала домой, ее ждал вкусно приготовленный супругом ужин, сервированный стол и традиционные гладиолусы цвета крови в хрустале.

К сожалению, счастье было не долгим: скоропостижная смерть Урала в 1982 году стала для его жены жестоким ударом судьбы, но жизнь продолжалась...

В 1965 году Тухватуллина возвращалась из Москвы в Уфу. Молодую женщину только что утвердили в должности министра культуры Башкирии. В самолете с ней разговорился один из пассажиров. Им оказался известный скульптор, автор памятника Салавату Юлаеву - Сосланбек Тавасиев. Он, еще не зная, кто его симпатичная собеседница, посетовал на непонимание чиновников Башкирии в плане оценки деятельности исторической личности, уважения к национальной культуре. Клара Габдрахмановна с участием выслушала своего попутчика и, представившись, пообещала лично распорядиться, чтобы в столице нашей республики нашли достойное место чугунному Салавату. Тавасиев оживился, удивился и обрадовался: «Если культуру доверили молодой, рассудительной женщине, значит, все будет хорошо». Дело в том, что установка памятника планировалась то в районе горсовета, то возле рынка. А Клара Габдрахмановна, разделяя мнение Тавасиева, считала необходимым дать простор гордому всаднику; и совместными усилиями - молодого министра поддержали два председателя Совета Министров БАССР - Рамазан Уметбаев и Гильман Нигмаджанов, а также председатель Уфимского горисполкома Сергей Воронинский и начальник строительного треста № 3 Леонид Балабан, они добились желаемого. За семь месяцев на высоком берегу реки Белой вознесся памятник национальному герою башкирского народа Салавату Юлаеву.

Были потом в судьбе Тухватуллиной и другие памятники - Ленину (напротив горсовета), Цюрупе, Матросову и Губайдуллину, Мажиту Гафури, а также скульптурная композиция, посвященная героям Гражданской войны. Но летящий на коне Салават - первое ее детище - особенно ей дорог.

В апреле 1969 года Клара Габдрахмановна возглавила только что организованный в обкоме партии отдел культуры. И вновь все силы - физические и духовные молодая женщина направила на развитие и укрепление материально-технической базы нашей культуры. Своеобразными памятниками деятельности Тухватуллиной можно назвать открывшиеся благодаря ее стараниям Институт искусств, кукольный театр, музей 25-й Чапаевской дивизии (в селе Красный Яр Уфимского района), выстроенное здание Республиканского академического русского театра драмы, училища искусств и его общежития. Своей идеей, энергией, умением убеждать и добиваться намеченного Клара Габдрахмановна была способна увлечь чиновника любого ранга. Так получилось с реконст-

рукцией здания Башкирского государственного театра оперы и балета, которую поддержала министр культуры СССР Екатерина Фурцева.

Незаурядный талант Тухватуллиной-организатора ярко иллюстрируют Дни литературы и искусства Башкирии в Ленинграде, посвященные 50-летию республики и 100-летию со дня рождения Ленина. Как вспоминает бывший секретарь обкома партии БАССР по идеологии Тагир Ахунзянов, в город на Неве отправилось около 2000 участников праздничных мероприятий. Мест в гостинице не хватало, людей разместили в поезде, поблизости от концертного зала, где и проходили выступления певцов, музыкантов, танцоров, в том числе и из других республик. В последний момент выяснилось, что костюмы в багаже измялись, а через несколько минут нужно выходить на сцену. Тогда Клара Габдрахмановна лично взялась приводить в порядок гардероб артистов башкирской делегации. Взяв в руки утюг, она быстро и ловко помогла своим подчиненным выгладить их наряды, доброй шуткой подняла всем настроение, и мероприятия начались точно по расписанию.

С таким же успехом прошли Дни культуры Башкирии в Узбекистане и в Якутии, где Кларе Габдрахмановне пришлось не только возглавлять делегацию, но и дипломатично вести разговоры с главами других республик.

Еще несколько замечательных качеств Тухватуллиной подчеркивает председатель Союза женщин Башкортостана Рашида Султанова: «Клара всегда была и остается глубоко порядочным, патриотичным человеком, любящим людей, искусство; она способна, не считаясь с личным временем и здоровьем, трудиться на благо других, увлечься и увлечь за собой даже закоренелых пессимистов! А сколько талантов нашла и помогла им раскрыться дружеская поддержка дальновидного комсомольского лидера, а затем и министра, заведующей отделом культуры Клары Тухватуллиной! Это певица Назифа Кадырова, руководитель Хоровой капеллы Тагир Сайфуллин, выдающиеся деятели искусства Салават Аскарлов, Рифкат Исрафилов, Гюлли Мубарякова, Фидан Гафаров, Азат Аиткулов, Рим Хасанов, Ильфат Смаков, Нажия Аллаярова, Раджап Шайхутдинов и многие, многие другие.»

Как правило, личная жизнь чиновников остается за пределами их официальной биографии. Клара Габдрахмановна считает, что огромное влияние на формирование ее характера оказал отчим - Заслуженный художник БАССР Рауль Гумеров, который заменил ей погибшего на войне отца. Именно от него Тухватуллина унаследовала высокую требователь-

ность к себе, творческий подход к работе и скромность. В конце 90-х годов тяжело больная Клара Габдрахмановна одна вынуждена была ухаживать за 89-летним отчимом, который не вставал с постели. Никто из родственников и знакомых Тухватуллиной не слышал от нее ни жалоб, ни ропота. До последних дней Рауля Гатаулловича рядом с ним находилась не просто сиделка, а человек, который, по возможности, продлевал физическую и творческую жизнь художника. Стены квартиры Клары Габдрахмановны украшены натюрмортами с букетами цветов. Так Рауль Гатауллович благодарил свою вдохновительницу за терпение и заботу о нем.

Много лет Тухватуллина не имела возможности выходить из дома, но полностью перейти на постельный режим этой удивительной женщине не давали многочисленные друзья и бывшие коллеги. Со всеми радостями и бедами они спешили поделиться с ней - Человеком щедрой души и высокой чести, а она, в свою очередь, делала все, чтобы поддержать их в трудную минуту, помочь советом и делом или искренне разделяла с ними добрые воспоминания о молодости, о годах прошедшей жизни.

Клара Габдрахмановна была членом ЦК ВЛКСМ Башкирии, с 1960 года и более двадцати лет - депутатом Верховного Совета БАССР, членом ЦК профсоюза работников госучреждений; награждена Орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак Почета», медалями «За доблестный труд» и «За трудовую доблесть», но главной наградой, как считала сама Тухватуллина, явилась счастливая возможность, которую предоставила ей судьба - трудиться на благо своей страны, во славу своего народа.

Клара Габдрахмановна Тухватуллина ушла из жизни в 2016 году.

«Ты – моя мелодия...» (М.М. Магомаев)

17 августа исполнилось бы 80 лет со дня рождения Народного артиста СССР Муслима Магомаева. Певец дважды побывал на гастролях в Уфе. Первый раз в 1973 году и второй в конце 80-х. Мне посчастливилось увидеть его на обоих концертах.

Говорить о Магомаеве и сложно, и легко. Его бархатный, неповторимый голос, с каким-то мягким, едва уловимым кавказским акцентом

уже в начале 60-х звучал везде: на танцплощадках, в общежитиях, в больших концертных залах. Песням, стихи к которым писали лучшие поэты Советского Союза, музыкальную душу вкладывали композиторы-классики: А. Пахмутова, А. Бабаджанян, О. Фельцман и другие.

Необходимо заметить, что юный Муслим с детства обладал безукоризненным вкусом; это проявлялось и в культуре поведения, и в стиле одежды. Стоит ли удивляться тому, что эффектная внешность, природное обаяние и артистизм помогли молодому певцу за короткое время превратиться в кумира, которого любили и высокопоставленные чиновники, и рядовые граждане страны. А после стажировки в миланском театре «Ла скала» (Италия) в 1964-65 годах и гастролей в знаменитом театре «Олимпия» в Париже Магомаев получил мировое признание.

Можно сказать, что в 70-е годы советский Орфей был на пике своей популярности. Его поездки по стране сопровождались неслыханными по тем временам мерами безопасности, с конной милицией и огромным количеством привлеченных для этих мероприятий работников правоохранительных органов. Попасть на концерт Муслима Магомаева было очень трудно, хотя билеты по цене были доступны каждому. Мне повезло, в 1973 году я активно занималась спортом и выступала за МВД. В качестве поощрения очередных побед мне вручили билет во Дворец спорта на концерт любимого певца. Признаюсь честно, этот маленький билетик на дешевой, серенькой бумаге, казался мне настоящим слитком золота. Место в середине восьмого или девятого ряда партера давало возможность наблюдать за мимикой и поведением артиста на сцене, не напрягаясь.

Муслим сразу же завладел вниманием огромной аудитории. Всех покорила его темперамент, мощный, гибкий голос то опускался до сочного баса, то поднимался до лирического баритона. И весь зал грустил, любил, радовался вместе с ним. Казалось, что сила и накал страстей исполнителя, словно гигантские волны, захлестывали партер. Звучание симфонического оркестра и волшебный, с чарующим тембром голос проникали в каждую клетку организма, и душа парила в божественной невесомости, безропотно готовая и к любым страданиям, и к вечной жизни, и к сиюминутной смерти.

В репертуаре Магомаева русские, итальянские народные песни, романсы, арии из опер. Но наивысшей популярности он достиг благодаря эстраде. Песни из советских и зарубежных фильмов, оперетта, мюзиклы – вот фейерверк его исполнительского мастерства. Он пел на раз-

ных языках, и в каждой стране Муслима понимали и принимали как своего. Голос, насыщенный настоящей страстью, энергетика пропускающих через свое сердце чувств, мгновенно передаются слушателям-зрителям. Кажется, достаточно искры, чтобы концертный зал вспыхнул пожаром какой-то вселенской любви.

Толпа обезумевших поклонников способна сбить с ног или в порыве страсти покалечить своего кумира. Магомаев не раз мог почувствовать близость таких опасных моментов, выступая на открытых площадках и стадионах. Вот и в Уфе, милиции пришлось взять под контроль служебные входы и выходы, а на улице сдерживать напирющую толпу, сидя в седлах высоких, грациозных лошадей. Личную охрану народного любимца осуществлял участковый инспектор капитан милиции РОВД Советского района Альберт Макулов. Я спросила у Альберта Саубановича, как сложились его отношения с известным певцом, в чем заключались его обязанности, как телохранителя?

Макулов прекрасно помнит события тех дней. С милицейской лаконичностью характеризует Магомаева: простой, улыбчивый, с чувством юмора и обезоруживающей прямолинейностью. Сразу же рассказал капитану о критической ситуации, возникшей на одном из стадионов на юге нашей страны, когда разгоряченная толпа, прорвав милицейское оцепление, едва не смела певца и музыкантов.

Альберт Саубанович немедленно приступил к охране великого баритона, сопровождая его везде и сознавая всю ответственность происходящего. Он так старательно исполнял свои обязанности, что пару раз наступил Муслиму на ногу. На что баритон отреагировал шуткой, поблагодарив за усердие, и попросил не ходить за ним, словно тень, но внимательно проследить, чтобы в примерную не проникли посторонние.

Проявить смекалку и оперативность пришлось капитану после концерта, когда ревущая толпа ожидала встречи с Магомаевым у бокового выхода, где стояли две черные «Волги». Воспользовавшись тем, что на противоположной стороне здания имеется еще один выход, Макулов подогнал туда третью «Волгу», и... одетый в милицейский плащ и фуражку, усталый, но счастливый певец благополучно покинул Дворец спорта.

Прощаясь со своим телохранителем, Магомаев подарил ему сувенир-талисман. Альберт Саубанович не захотел раскрыть тайну подарка. Я не настаивала. Впрочем, благодарные поклонники великого певца считают самым лучшим подарком судьбы тот факт, что мы жили с ним в

одно время, наслаждались его прекрасным голосом, приобщились к высокой исполнительской культуре. Вспоминая этого разносторонне одаренного, творческого человека, многие могли бы сказать:

«Ты - моя мелодия,
Я - твой преданный Орфей,
Дни, что нами пройдены,
Помнят свет нежности твоей...»

«Скажи-ка, дядя...» (Г.Л. Шевелев)

Среди уфимцев, спешащих в толпе по своим делам, он почти ничем не выделяется... рост ниже среднего, мягкие черты типично русского лица, чуть рассеянный, погруженный в свои мысли, взгляд. Ах да, усы! Такие усы могли быть у лермонтовского Максима Максимыча или того самого «дяди» из стихотворения Михаила Юрьевича «Бородино». Ну, в общем - это усы военного человека 19 века. Все верно: рядом с нами живет ветеран войны с ... Наполеоном, причем, на самом деле - контуженный в бою при Бородине.

Много потерял фильм Сергея Бондарчука «Война и мир» без такого яркого типажа как унтер-офицер Уфимского пехотного полка Геннадий Шевелев. Впрочем, в те годы, когда снимался этот известный киношедевр, Гена еще служил в советской Армии, учился на историческом факультете Башкирского университета и даже не мог мечтать об участии... в Бородинском сражении.

О реконструкции исторических событий, баталий впервые заговорили в начале 80-х годов прошлого века. Во Франции, Англии, Германии, Австрии, Швейцарии на парадах и всевозможных праздниках стали появляться люди, наряженные в костюмы, стилизованные под моду определенных исторических периодов. Вскоре нашлись энтузиасты, которые скрупулезно начали заниматься историей одежды, военной формой, экипировкой. Толчком к развитию такого интереса в России послужили события связанные с подготовкой к юбилейной дате 175-летия Бородинского сражения.

В 1987 году Шевелев уже работал мастером производственного обучения в уфимском профессионально-техническом училище № 1 (ныне ГОУ НПО профессиональный лицей № 1). Любовь к истории жила в

нем с детства. Среди его предков было много профессиональных военных, в их числе кавалеристы, пехотинцы, артиллеристы, танкист и моряк. И все-таки страсть к Наполеоновской эпохе, - расцвету военизированного романтизма полностью захватила душу Геннадия, и он вновь и вновь перечитывал дневники, записки, мемуары свидетелей и участников тех героических событий.

Узнав, что для подготовки Бородинского поля к торжествам, требуются разнорабочие, Шевелев, не раздумывая, отправился в Подмоскowie. Пришлось поработать плотником, столяром, художником-реставратором... Сердце уфимца трепетало от счастья причастности к чему-то великому, вечному, от того что называется всеобъемлющим словом «эпоха». Геннадий восстанавливал батарею Раевского, помогал художникам в Спасской церкви, лично сделал подставку для дирижера военного оркестра, за что получил особую благодарность. Когда с «Мосфильма» привезли мундиры Отечественной войны 1812 года, началось главное действо.

Режиссер предложил Шевелеву на выбор три роли: жених-ополченец, крестьянин-косарь и французский улан, который попадает в плен к старостице Василисе Кожинной. У Геннадия просто не хватило сил отказаться от красивого мундира и он... с восторгом сдался в плен очаровательной партизанке. Десяток примитивных слов-реплик, сценка на 2-3 минуты, несколько дублей, похвала режиссера. Съемки закончились, мундиры и прочие аксессуары увезли на «Мосфильм», но для уфимца время повернулось вспять: он понял, что есть другая жизнь... быть может, она существует в каком-то параллельном мире, но она не менее реальна, чем та, где летают самолеты, снимается кино и где, как и двести лет тому назад, дуют ветры, стреляют пушки и шуршит под ногами листва.

Вернувшись в Уфу, Шевелев сам начал шить себе военную униформу. Естественно, будучи настоящим патриотом, он «приписался» к Уфимскому пехотному полку. В работу пошло перекрашенное шинельное сукно, старая кожа, гладкие армейские пуговицы, всевозможные шнуры и прочие подручные средства. Среди наших земляков нашлось еще несколько человек, влюбленных в военную историю, которые составили компанию бравому, уже пропахшему порохом и благословленному режиссером, Геннадию.

Я предоставляю слово самому, как это ни странно звучит, 23-х кратному ветерану Бородинских сражений, весьма неординарной лично-

сти и просто обаятельному мужчине, унтер-офицеру Уфимского пехотного полка Геннадию Шевелеву.

- вспомните, как прошло ваше первое «боевое крещение» на Бородинском поле?

- Предварительно, еще в Уфе я занимался верховой ездой, фехтованием. Как говорится, на войне все может произойти. Но основная забота - это мундир. Все, даже самые мелкие детали должны соответствовать историческому времени, амуниция подогнана по фигуре; желательное, чтобы и внешние данные не выходили за рамки стандартов тогдашней моды. За день до сражения проходила репетиция, где оговаривались взаимодействия пехоты, кавалерии, артиллерии, передвижения армий французов и русских, отдельные маневры, смена позиций, некоторые мизансцены. Но предусмотреть все невозможно. Во время сражения, в пылу атаки, происходят импровизации, подчас совсем небезопасные: бывает, от взрыва испугается лошадь и сбросит всадника или понесет какого-нибудь французского гусара напрямик к шатру русского главнокомандующего. Допустить такие вольности в отношении истории совершенно невозможно; значит, решение должно приниматься мгновенно. Лично мне довелось побывать в рукопашной. Синяки и шишки - дело обычное: на то и пехота.

- Как вы получили контузию?

- Это моя ошибка, неопытность: оказался на слишком близком расстоянии от брошенного взрыв-пакета. Пожалуй, даже... я был уже не я, а другой, незнакомый мне человек. В пылу боевых действий наступает минута, когда перестаешь понимать, что происходит - это, в какой-то мере игра, а перед тобой не француз, не враг, а Лешка или Сашка из Москвы, Казани или Самары. Реконструкция - по сути нечто большее, чем театральная постановка. Несмотря на общий сценарий, во время военных действий, возникают микросценарии, в которых поступки действующих лиц спонтанны, хотя подчинены одному маршалу - Истории. Наверное, аналогия банальная, но, я уверен, в 1812 году при Бородине получил контузию точно такой же новобранец как я.

- Как вы относитесь к мистике?

- В нынешнем году один наш сослуживец снимал на цифровой фотоаппарат фрагменты Бородинского сражения и на нескольких кадрах запечатлелись небольшие светящиеся шары. Что это? Атмосферные явления, отблески взрывов, странные преломления света? А может это души погибших воинов?

- У вас есть талисман, амулет?

- На мне крестик, купленный в Спасо-Бородинском женском монастыре (в 1812 году на этом месте были Багратионовы флешы). А в 1987 году, еще перед тем как впервые поехать на баталию, в Уфе возле мусорного контейнера я нашел маленькую иконку, отчистил ее, реставрировал... В жизни порой сталкиваешься с непонятными явлениями, знаками... Но если бы все было ясно и предсказуемо, пожалуй, скучно стало бы жить.

- Скажите, Геннадий, в какую сумму обходится такая военная экипировка, мундир как у вас?

- Есть расценки уфимские, есть московские. Конечно, в Уфе можно заказать униформу рядового за 2,5-3,5 тысячи рублей, кивер будет стоить 800 рублей, сапоги - 3 тысячи, еще 2-3 тысячи уйдет на всевозможные мелочи - пуговицы, ремни и т. п. Московские умельцы гарантируют высокое качество, но и цены увеличиваются в 3-4 раза. Например, гусарский офицерский мундир, сшитый по фасону 1812 года у хорошего портного, стоит дороже нового российского автомобиля.

Вообще, первую свою форму и кивер я шил своими руками, но с годами приходит желание выглядеть достовернее, профессиональнее, если так можно выразиться.

- У вас есть любимый автор, книга?

- Я очень уважаю известного военного и государственного деятеля генерала Алексея Ермолова, с интересом перечитываю его «Записки». Это духовно богатая личность, талантливый руководитель, умный, порядочный человек, настоящий патриот России. Из наших современников мне близок Сергей Алексеев - автор романа «Сокровища Валькирии» и других своеобразных историко-мистических произведений.

От себя могу добавить: Шевелев является автором киносценария «Северные амуры», рассказывающем об участии башкир в войне 1812 года. В профессиональном лицее, где он трудиться много лет, Геннадий создал краеведческий музей, в котором собраны десятки экспонатов, документов, фотографий, интервью с ветеранами войны и труда долгие годы проработавшими в этом учреждении.

Кроме основной работы, участия в реконструкциях военных действий, Шевелев часто бывает на всевозможных праздничных мероприятиях, посвященных Дню города, Дню Победы и другим историческим датам. Возле унтер-офицера Уфимского полка, чья внешность, характер, сущность так совпадают с образом русского солдата эпохи Наполеона,

всегда собирается толпа людей. За Геннадием любопытно наблюдать... видеть, как буквально на глазах происходит чудо, и человек, которого я хорошо знаю, вдруг легко переступает невидимую временную грань и превращается в добродушного, чуточку усталого вояку, присевшего после долгого перехода, чтобы выкурить трубку. К нему тянутся дети, проявляют интерес девушки, с ним любят поговорить старики, а предусмотрительные мамы пытаются выяснить: во сколько рублей обходятся такие перевоплощения и где учат любить Россию? Смущенно поправляя усы, Шевелев отвечает на вопросы.

Порой, глядя на него, возникает странное чувство, кажется... вот сейчас... старый воин докурит трубку, поправит ранец и вновь привычно зашагает по дороге... делать Историю.

Одинокая бродит гармонь... **(В.В. Татарский)**

В конце зимы на 83 году жизни ушел от нас Народный артист России, радиоведущий программы «Встреча с песней» Виктор Татарский.

За последние годы в стране появилось много заслуженных деятелей... Кто-то имеет это звание действительно заслуженно, а кто-то получил его непонятно за что. Виктор Витальевич был не просто народным артистом, для многих слушателей он стал членом семьи, добрым, внимательным, умеющим сопереживать.

Это было недавно...

31 января 1967 года впервые в эфир вышла программа «Встреча с песней». Я не помню первых ее выпусков, но с 1969 года, бросив свои детские забавы, частенько усаживалась возле радиоприемника, чтобы услышать истории создания той или иной песни, познакомиться с чьей-то неординарной судьбой.

Виктор Витальевич отличался не только эрудицией и безупречным вкусом. Ему были свойственны деликатность, умение найти самые точные слова для передачи настроения. Он увлекал слушателей тембром голоса, особенными интонациями, которые подчас говорили больше, чем слова.

В 70-е годы Татарский вел и другие программы: «Запишите на ваши магнитофоны», «Музыкальный глобус», «На всех широтах», в 90-е

на телевидении вышел цикл передач «Третьяковская галерея». Среди других проектов озвучивание картин Федерико Феллини и Боба Фосса, чтение закадрового текста в советских и российских документальных фильмах, сольные чтецкие программы. С 1993 года Виктор Витальевич был ведущим «Звездного часа» на витебском фестивале «Славянский базар». И все-таки, главным его детищем оставалась «Встреча с песней». Менялись названия государства, менялись названия радиостанций, а она шла сначала по пятницам в определенный период, потом по субботам. И люди ее очень ждали.

Повзрослев, я пыталась понять, что же заставляет слушателей вновь и вновь ловить знакомые позывные. В первое время заставкой к программе была песня в исполнении Сергея Лемешева «Одинокая гармонь», потом стала звучать только мелодия этой песни.

Песня была написана после Великой Отечественной войны композитором Борисом Мокроусовым на стихи поэта Михаила Исаковского. Авторы понимали: люди устали от трагедий, от боли, голода, холода... Эта душевная композиция весьма напоминает трогательный романс, повествующий о любви девушки к юноше – гармонисту. Слушая песню, воображение рисует ночные улицы обезлюдившего поселка, по которым в теплую весеннюю пору одиноко бродит молодой музыкант и, наигрывая душевные мелодии, тревожит сердца юных селянок. Простая без изысков и затейливых гармоний красивая мелодия и проникновенные слова песни звучат с особой нежностью и теплом, вызывая у слушателей высокие романтические чувства.

Первым донес до слушателей эту песню Ефрем Флакс, затем Георгий Абрамов. Лучшими исполнителями «Одинокой гармонии» признаны Сергей Лемешев и Георг Отс. Позднее пели ее Эдуард Хиль, Леонид Серебрянников, Дмитрий Хворостовский и многие другие. Каждый приносил что-то свое в эту песню, но мне кажется самым душевным, каким-то очень родным стал голос Владимира Трошина. Именно его мягкий баритон ассоциируется у меня с голосом Виктора Татарского.

Воспоминания

Свидетелем совершенно удивительной истории, связанной с этой радиопередачей, стала моя мама. В отделении онкологического диспансера, где она работала, в конце 60-х годов подрабатывал на дополнительных дежурствах врач Василий Иванович Рыжиков. В свободное

время медики собирались в ординаторской, где был радиоприемник. Обменивались новостями, пили чай, слушали музыку.

Однажды шла очередная программа «Встреча с песней». Виктор Татарский читал письмо Алексея Головина из Риги, в котором автор вспоминал, как он с мамой, бабушкой и младшим братом в 1941 году эвакуировался из-под Смоленска. Это случилось на небольшой железнодорожной станции. Мальчики с бабушкой сидели уже в вагоне, а мама выбежала на перрон попрощаться с сестрой, которая уезжала на фронт. Вдруг началась бомбежка. Несколько бомб упали на здание вокзала, взорвались цистерны с горючим, начался пожар. Десятки людей, в том числе мама с сестрой сгорели заживо. Автор письма и бабушка были тяжело ранены. Вскоре бабушка умерла. В этой неразберихи пропал брат Алексея Герман, которому в ту пору едва исполнилось пять лет.

Головин вспоминал, как в детстве они с братишкой играли в Чапаева, как маршировали под песню из кинофильма «Богатая невеста». Отец хорошо играл на гармонии, а мальчишки с энтузиазмом распевали:

«Ой, вы, кони, вы кони стальные,
Боевые друзья-трактора,
Веселее гудите, родные –
Нам в поход отправляться пора».

Василий Иванович прибавил громкость и внимательно слушал воспоминания рижанина. Потом по просьбе Головина в эфире прозвучал этот знаменитый «Марш трактористов» на стихи Василия Лебедева-Кумача и музыку Исаака Дунаевского.

Рыжиков потирал ладонями виски и повторял: «Как мне знакомы и отец с гармошкой, и песня, и детские игры... Я ведь в детском доме рос. После ранения в плечо и контузии в 1941 почти ничего не помню. Ни фамилии, ни имени. Так... какие-то отрывки из детства. Меня Василием Ивановичем называли из-за того, что постоянно на палочке скакал, размахивал прутиком... Чапаем себя представлял. Припоминаю, как отец аккомпанировал маме, а она пела. Голос у нее красивый, сильный. Мы с братом бегали вокруг стола или сидели на широком подоконнике, где цвели какие-то красные и желтые цветы, вдыхали аромат пирогов и маминых духов. Странно... совсем не запомнил лица. Иногда во сне вижу сцены из детства, но люди без лиц».

Услышав такой монолог, женщины участливо стали расспрашивать подробности биографии Рыжикова. Он засмутился от всеобщего внимания, но пояснил, что ничего толком сказать не может. Даже бом-

бежку не помнит. Какие-то женщины в белых халатах периодически склонялись над ним, чем-то кормили, но более связные воспоминания появились у него только в детском доме в Куйбышеве (ныне Самара). Из каких мест его туда доставили, никто не знал. Вместе с ним привезли еще несколько детей, но брата среди них не оказалось.

Почему фамилия Рыжиков? А это на железнодорожной станции Куйбышева сидел слепой по фамилии Рыжиков и играл на баяне. Ребята из детдома частенько прибежали к нему послушать музыку. Военные с проходящих поездов угощали баяниста хлебом, печеньем, консервами. Даже водки наливали. Вот он с детдомовскими и делился харчами. Потом детский дом переехал на окраину города. Ребятам тяжело стало ходить на вокзал, а Василия тянуло к слепому. Хоть изредка мальчик появлялся перед музыкантом, усаживался на корточки и тихо просил: «Дяденька Рыжиков, можно я насовсем с тобой останусь?» Тот в ответ смеялся и говорил, что «инвалидам по зрению детей не положено иметь. Разве что только собственных... А у тебя свои родители есть. Они обязательно найдутся».

К концу войны у некоторых мальчиков и девочек действительно отыскивались родственники и увезли их с собой. Василий долго ждал, что и за ним приедут, но... шли годы, никто его не искал и не приезжал. Рыжикова в апреле 1945 года определили в специнтернат для инвалидов. На прощание он подарил мальчику свой баян. К тому времени благодарный ученик освоил азы игры на слух, чем приводил в восторг своего учителя. А когда пришло время определиться с фамилией, Василий назвался Рыжиковым.

Окончание столь трогательного повествования застала заведующая отделением. Василия Ивановича усадили за стол писать письмо Виктору Татарскому, чтобы узнать адрес Алексея Головина и связаться с ним.

Встреча

Невозможно описать волнение, а потом и радость всех сотрудников онкологического диспансера и, конечно, самого Рыжикова после того, как из Риги было получено толстенное письмо с несколькими фотографиями довоенного детства двух братьев и их родителей, а также современная фотография Алексея Головина. Братья оказались очень похожими друг на друга. Все сомнения отпали, когда увидели на маленьком снимке младшего из братьев восседающего на бесхвостой деревянной

лошадке. Мальчишка просто светился от счастья... в одной руке повод, в другой самодельная сабля. У Василия Ивановича на глазах выступили слезы: «Это я! Я!!! Я ведь левша. Видите, саблю держу в левой руке?!»

Оформив отпуск, Рыжиков уехал в Латвию. Вернулся обратно уже с братом. В Риге Алексей работал поваром в санатории, а вот его жена, так же, как и Василий, врачом. Старший брат рассказал, что отец и две тетки погибли, умерли дедушка и обе бабушки. В живых остались папина средняя сестра и три двоюродных брата. Именно в ее семье и сохранились семейные фотографии Головиных, несколько писем от отца и некоторые вещи.

Снова замерло всё...

После этого случая в нашей семье с большим вниманием стали слушать каждую программу «Встреча с песней», не пропуская и редкие интервью Виктора Татарского. Только став взрослой, я смогла по достоинству оценить артистическую культуру ведущего и терапевтический эффект невидимого собеседника, способного осторожно затронуть самые интимные струны человеческой души. И вот его не стало...

«Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно на улице где-то
Одинокая бродит гармонь».

Виктор Витальевич говорил: «Я делаю передачи заранее, задолго, но у меня в каждом выпуске «Встречи с песней» есть сегодня, вчера и завтра. Программа идет в записи. Отбирая письма для эфира, я пишу на полгода вперед. Учитываю дни рождения поэтов, композиторов, артистов, памятные даты. Обязательно принимаю во внимание какие-то просьбы авторов писем».

До самой осени слушателей будут ждать новые выпуски «Встречи с песней». Мы вновь услышим такой знакомый, живой голос Виктора Татарского. Будет ли у этой программы новый ведущий? Пока неизвестно. Вот только от мелодии песни «Одинокая гармонь» как-то особенно щемит сердце...

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ О ЖИВОТНЫХ

Витькины голуби

- на три месяца опередили похоронку

Каждый человек хоть раз в жизни сталкивался с каким-нибудь удивительным происшествием, которому больше подходит определение «мистическое». История эта произошла в Уфе в семье моей мамы - Серафимы Андреевны Окуновой в 1943 году. Ее младший брат Виктор, как и многие мальчишки того времени, держал голубятню. Жили они на улице Зенцова в частном доме.

Витькина голубятня была особенной. Отец – столяр-краснодеревщик сделал ее в виде русского терема с резными окошечками и петушком на крыше. Парнишка с детства помогал отцу столярничать, а заработанные деньги тратил на голубей. Мама вспоминала, как брат по утрам выходил во двор, привязывал рубаху к шесту и, размахивая им, поднимал своих питомцев в небо. Из соседних дворов к ним присоединялись другие сизари, и раздавался оглушительный свист голубятников.

Витькины голуби имели человеческие имена: Пётр, Акулина, Мария... Любимица Лизавета – белый турман с черным хохолком и двумя черными полосками на крыле – частенько провожала Витьку на завод, сидя у него на плече, а потом взмывала в вышину и, кувыркаясь в воздухе (особенность этой породы), возвращалась домой.

В семье Окуновых среди семерых оставшихся в живых детей Витька был единственным сыном. Когда началась Великая Отечественная война, несмотря на слёзы матери и сестер, парнишка рвался на фронт. Комсомолец, разрядник по стрельбе и плаванию он мечтал служить на флоте, но судьба распорядилась иначе. Осенью 1942 года Виктора направили в артиллерийскую часть. Перед отъездом он долго и подробно объяснял сестрам, чем кормить и как ухаживать за голубями. Мама говорила, что на фронт брат уходил спокойно, как на работу, но, прощаясь со своими крылатыми друзьями, расплакался. Перецеловал каждого голубя, а сестрам наказал: «Берегите их! Я скоро вернусь с победой.»

От Витьки получили только одно письмо; он сообщал, что идет в свой первый бой. В конце февраля 1943 года, когда мама пришла домой после дежурства в госпитале, следом за ней в дверь ворвалась Лизавета. Она летала по дому, билась в стекла, а потом села на сундук, где раньше

спал Витька, и заворковала. Бабушка прижала руки к груди и бессильно опустила на табуретку: «Девоньки мои, Витенька погиб!» Взглянули на календарь: 25 февраля 1943 года. Именно эта дата будет указана в похоронке, которая придет почти через три месяца. Место гибели: Ленинградская область, Старорусский район, деревня Сычево.

Утром, после происшествия с Лизаветой, сестры полезли на голубятню: дверь и окошечки были открыты, голубятня пуста. Если бы голубей украли, кто-нибудь из них все равно нашел бы дорогу домой. Да и поверить в то, что вор отважился пройти мимо злобной, похожей на волка Динки, очень трудно. Собака обязательно почуяла бы чужого человека и залаяла. Девушки обегали знакомых голубятников, но тщетно... Мама несколько раз в день выходила на крыльцо, всматривалась в серое зимнее небо, а бабушка, словно окаменевшая с горя, повторяла: «Не жди, Симонька, голубей! К Витеньке они улетели...»

«Всё это было, было в Ленинграде!»

Уже без малого полвека я записываю интересные истории о животных. В отдельную тетрадь заношу наблюдения родственников и знакомых, забавные случаи или грустные происшествия, свидетелями которых они оказались.

На войне, как на войне

Животные на войне – тема особая. В экстремальных условиях меняется не только поведение людей, но и братьев наших меньших. Мало кто знает, что в годы Великой Отечественной войны на фронт призывались и люди, и лошади, а также голуби и собаки.

Блокада Ленинграда – одна из самых страшных страниц военной летописи. Это было ужасное испытание, выпавшее на долю жителей Северной столицы. Вместе со своими владельцами терпели невероятные мучения или гибли их хвостатые питомцы.

Осада, длившаяся более двух лет (с сентября 1941 по январь 1944 года) унесла жизни половины городского населения. Обесточенный и неотопливаемый Ленинград подвергался бесконечным бомбежкам и обстрелам, но лишь 3% жителей погибли от этого. Остальные 97% умерли от голода.

Суточная пайка хлеба составляла 250 грамм, а дети, служащие и иждивенцы получали еще меньше. К муке добавляли размоченную бумагу, хвою, травяной жмых, нефилтрованный солод. И тогда, чтобы выжить, люди стали есть домашнюю живность.

Из костей животных варили клейстер, который тоже использовали в пищу. Сохранилось объявление того времени: «Меняю кошку на 10 плиток столярного клея».

Однако, далеко не все ленинградцы смогли пожертвовать своими четвероногими питомцами. Эту историю поведал мне дядя - Виктор Аверьянович Сухобродов, в годы блокады – 12-13-летний мальчик.

В большой коммунальной квартире жили шесть семей. Мужчин мобилизовали на фронт, женщины трудились в госпиталях или на заводах. За стеной у Сухобродовых жили супруги Таисия Андроновна и Леонид Борисович Чариковы. Жена - балерина кордебалета, муж – скрипач. Леонид Борисович оказался единственным мужчиной на весь большой дом. Это был высокий, очень худой человек, совершенно далекий от бытовых и каких-либо других жизненных проблем. Его интересовали только музыка, Таечка и их песик Динка.

Трехцветная бестия

Динка представляла собой помесь жесткошерстного фокстерьера с какой-то неизвестной дворнягой. Получилось нечто удивительное! Легкое, мускулистое тело с бело-рыже-черной шерстью, высокие прямые ножки, голова, обрамленная забавной бородкой, усами, а над карими, миндалевидными глазками торчали пучки серо-черных бровей. Полустоячие ушки и бодро торчащий хвост-кочерыжка дополняли портрет умной, энергичной и очень симпатичной собаки.

На прогулку Чариковы ходили втроем. Еще в мирное время для Динки специально на заказ сделали красивый кожаный ошейник с металлическим профилем фокстерьера и заклепками-звездочками. На внутренней стороне ошейника был указан адрес владельцев и кличка собаки.

Первая же блокадная зима показала, что Чариковы оказались не готовы к голоду и тяготам военного времени. Таисия Андроновна работала санитаркой в детской больнице (там больше платили, чем в театре), но периодически появлялась на спектаклях в массовых сценах. В таких

случаях Динка оставалась на попечении Сухобродовых – Вити и его младшего брата Василька.

Отходить далеко от дома с Динкой было опасно. Несмотря на поводок, собаку могли отнять люди, рыскающие по городу в поисках пропитания. Витя несколько раз наматывал кожаный поводок себе на руку, в другой руке в качестве оружия держал наготове металлический прут. Вася, на случай опасности, вооружался палкой.

В конце зимы, когда силы людей были на исходе, ленинградцы стали походить на призраков. Улучив момент, превратившаяся в скелетик Динка, выскочила из квартиры и убежала.

Потеря любимого четвероногого друга стала для Чариковых еще более тяжким испытанием, чем голод и холод. Все соседи пытались найти Динку. Что греха таить... Не столько для того, чтобы вернуть хозяевам, сколько... на еду себе и своим детям.

Каково же было удивление и радость Чариковых, когда через несколько дней на лестничной площадке раздался знакомый лай. К тому времени Леонид Борисович уже не вставал, а Таисия Андроновна едва передвигала ноги. Дверь открыла мама Вити. На пороге сидела Динка, а возле ее лап лежала крупная дохлая крыса.

Охота – дело тонкое

Стоит отметить, несмотря на относительно небольшой размер, фокстерьеры – прекрасные крысоловы. Вообще, это охотничья, норная собака, с крепкой челюстью и мощными клыками. Фоксы прекрасно охотятся на лис, бесстрашно вступают в схватку с барсуками, отличаются смелостью, холерическим темпераментом и азартом.

Осмотрев Динку, Таисия Андроновна пришла к выводу, что песик не голодал. Чем их четвероногий член семьи питался, можно было только догадываться. Маленькая охотница спасла от голодной смерти не только своих хозяев. Из крысы сварили бульон, который поддержал силы двух семей.

Теперь Динку на поводке выгуливали только днем. По ночам она самостоятельно отправлялась на охоту. Страх потерять любимую собаку не оставлял Чариковых, но скудный паек подточил их силы настолько, что заставил смириться с ситуацией.

Вторая блокадная зима оказалась не менее суровой. Люди умирали от голода, замерзая в домах или в очередях, прямо на улице. Леонид Бо-

рисович, уже совершенно безучастный и безмолвный, неподвижно лежал, укутанный одеялами и тулупом.

Однажды утром хриплый лай Динки заставил Витю быстро надеть валенки и подбежать к двери. Промерзшая, заиндевевшая кормилица, стуча коготками, юркнула в комнату. На полу осталась лежать... детская нога в коричневом ботиночке, аккуратно завязанным шнурком. Витя, боясь вскрикнуть, зажал рот рукой. Потом на цыпочках подошел к двери Чариковых и, слегка заикаясь, произнес: «Тетя Тая! Там... Динка принесла».

Что стало с этой ужасной добычей, Витя не знал. Точнее, не хотел знать.

Леонид Борисович выжил, хотя долгое время не мог ходить. Как-то весной 1943 года Динка вернулась с ночной охоты с прострелянным ухом. Рана долго не заживала. Таисия Андроновна нашла где-то ветеринара – дряхлого старичка в допотопном сюртуке и в пенсне. Витя помогал ему надевать белый халат, мыть руки и присутствовал при лечении. Пуля прошла на вылет, но Динка, по-видимому, где-то валялась на тухлятине (есть у собак такая привычка!), и грязь попала в ранку. Два визита ветеринара были оплачены в складчину двумя семьями; за свои труды доктор получил сухарь, несколько щепоток сушеной моркови (заварка для чая) и даже кусочек сахара. Долечивать Динку пришлось Вите. Ветеринар вскоре умер, не дойдя до своей пациентки несколько десятков метров.

В воспоминаниях блокадников нередко фигурировали кошки (реже собаки), которые заранее предупреждали своих хозяев о скорой бомбежке. Еще до объявления воздушной тревоги животные проявляли беспокойство, испуганно мяукали, а собаки повизгивали или громко лаяли. Именно так проявлял себя пудель Джерри – собака Витинового одноклассника. Их семья жила через дорогу от Сухобродовых, и в окно можно было видеть, как за несколько минут до вражеского налета Джерри тянул своего хозяина в укрытие, а следом за ним бежали женщины, старики и дети.

Надо отметить, что собак в блокадном Ленинграде почти не осталось. Кого-то съели сами владельцы, а особо щепетильные – обменяли своего питомца на хлеб или другую еду.

Динка не боялась рева приближающихся самолетов, звука сирены, бомбежек и взрывов. Никакой суеты не проявляла она и в минуты опасности. Эта очаровательная псинка была полностью сосредоточена на

охоте... за едой. Если компания, возглавляемая Джерри, с корзинками и одеялами мчалась в сторону бомбоубежищ, Таисия Андроновна быстро засовывала Динку с головой в холщовый мешок и вручала Виктору. Сама она не могла бросить больного мужа и оставалась рядом с ним. Когда приходилось ночевать в укрытии, люди спали по очереди: охраняли хвостатого члена семьи от воров.

Джерри ценой своей жизни помог пережить блокаду хозяевам. Выжили трое детей и даже бабушка.

О том, чтобы съесть Динку, у Чариковых не было даже мысли. Они думали только о том, как уберечь собаку, которая регулярно добывала крыс или мышей. Отчаянная фокстерьерка не реагировала на воздушную тревогу и никак не предупреждала хозяев о приближающейся опасности. Если ее успевали упаковать в мешок, тихо сидела там, изредка тяжело вздыхая. Но, если возникала хоть малейшая возможность вырваться на свободу, ее сильное тельце бесстрашно мелькало среди развалин, а бодро торчащий хвост говорил об охотничьей страсти.

Трагедия случилась в январе 1944 года. Витя с братом возвращались с Новогоднего утренника, который устроили для ребят в школе. Недалеко от своего дома на белом снегу они увидели темную фигуру, которая пыталась ползти. Мальчики подбежали ближе и увидели Таисию Андроновну. С нее кто-то снял шаль, голова была в крови, но несчастная женщина повторяла только одно: «Динку украли! Динку!» Васек побежал за помощью, а Витя пытался поднять почти невесомое тело. Подоспевшие соседи помогли донести пострадавшую до квартиры. Женщины начали обмывать рану. Таисия Андроновна не стонала, только слабо выдыхала: «Девочка моя! Диночка! Не сберегла я тебя!» И слезы ручьями текли по ее обмороженным щекам.

Леонид Борисович умер уже после снятия блокады. Таисия Андроновна постепенно оклемалась, начала приводить в порядок свою комнату. День Победы встретила в кругу семьи Сухобродовых.

В 1945 году Виктору исполнилось шестнадцать лет, он пошел работать на завод, где трудился его демобилизовавшийся отец, и учился в техникуме. Таисия Андроновна вернулась в театр, ходила на репетиции, а в выходные учила Виктора и Василия танцевать вальс.

Весточка из прошлого

В 1947 году в стране еще не отменили карточки. Перед Октябрьскими праздниками Виктор, получив зарплату, бродил по рынку, не зная, что бы купить. Приценился к муке, купил грамм триста изюма, килограмм сахара, полкило маргарина. Прошелся по рядам, где торгуют всякими хозяйственными мелочами: вениками, гвоздями, замками. Не высокий, плотный мужичок с маленькими усиками разложил на складном столе книги, игральные карты, дешевенькие самодельные шкатулки, какие-то нитки, веревочки, шнурки... И вот среди этого ширпотреба Витя увидел знакомую вещь – кожаный ошейник с профилем фокстерьера. Он взял его в руки и на внутренней стороне прочел: «Динка» и адрес Чариковых. «Откуда у вас эта вещь?» - спросил молодой человек. У продавца забегали глазки, он почесал подбородок и, оглядевшись по сторонам, пояснил: «У барыги купил. Просил недорого, я и купил». – «Этот ошейник был на собаке нашей соседки. Собаку украли!» - «Тюю...ю... Много вас тут всяких ходит! Вали отсель, пока я милиционера не позвал!» - «Зовите! А я скажу, что вы – бандит и вор!» Продавец вырвал ошейник из рук Виктора. Тогда парень достал кулечек с изюмом и предложил обмен. Подумав, насколько равнозначный будет мена и, заметив поблизости фигуру милиционера, мужик схватил изюм и бросил Виктору ошейник.

Таисия Андроновна рыдала весь вечер, осыпая поцелуями ошейник и особенно металлический профиль собаки. Впоследствии, ошейник занял свое место на ее комодке возле семейной фотографии, где супруги Чариковы запечатлены с Динкой возле фонтана.

В 1951 году Таисия Андроновна ушла из жизни. Родственников она не имела; хоронили ее соседи и администрация театра. Виктор взял себе на память ошейник Динки и фото Чариковых. А вскоре освободившуюся комнату заняли мать с дочерью-студенткой. Кстати, ее однокурсница стала женой Виктора.

Рассказы о судьбе Динки произвели такое сильное впечатление на сына Виктора – Алексея, что пришлось моему дяде подарить ему щенка фокстерьера. Назвали, конечно, Динкой.

P.S. Динку дяди Вити я увидела, когда мне было одиннадцать лет. История ее предшественницы потрясла меня. Потом последовало увлечение рассказами Джека Лондона и повестью Джерома «Трое в лодке, не

считая собаки». Образ шkodливого и отчаянного фокстерьера запечатлелся в моем сознании, но до появления собственного фокса оставалось еще двенадцать лет. Впрочем, это уже совсем другая история!

«Великая» собака

Мой отец – человек эксцентричный, с амбициями, частенько попадал в комические и трагические ситуации.

Будучи инвалидом по зрению, он перебрал множество профессий. Во время Великой Отечественной войны папа разносил по Уфе телеграммы, что было небезопасно из-за агрессивности собак частного сектора. Как-то после очередного «покусания» и лечения одна наша родственница предложила моему (тогда еще будущему) отцу в качестве отвлекающего уличных псов фактора свою любимицу – собачку Куклу. Это была помесь мопса с дворняжкой, коротколапая, шустрая и довольно злобная. Несмотря на лишний вес и кажущуюся неуклюжесть, Кукла обожала драки, а вцепиться в нос какого-нибудь волкодава или повиснуть у него на ухе – это для нее не составляло труда.

Итак, на уфимских улицах появился забавный мужчина – маленького роста, в очках с толстыми стеклами и с собачкой на поводке. Кукла навела такую панику среди местных барбосов, что ни о каких нападениях не могло быть и речи. Собаки облаивали эту парочку издали, пулей пролетая на безопасном для себя расстоянии. Конечно, нашлись два-три хвостатых безумца, которые предъявили требования... Но Кукла раз и навсегда поставила их на место.

Быть может, Кукла так и померла бы безвестной собакой, если бы не случай... В то время в Уфе находился в эвакуации советский писатель Александр Фадеев – однофамилец моего отца. Как рассказывал папа, некоторое время Александр Александрович жил в Уфимском доме отдыха работников НКВД, в районе железнодорожной станции Воронки. Вот туда и доставил ему две телеграммы мой отец с Куклой. Писатель был погружен в свои мысли, лицо его казалось сумрачным и озабоченным. Поблагодарив за телеграммы, Фадеев взглянул на смешную собачью мордочку и улыбнулся. Кукла, привыкшая к светскому общению, завиляла хвостом. Александр Александрович присел на корточки, потрепал ее по голове, а Кукла подала ему лапку (это все, что она умела делать).

История встречи с писателем пересказывалась моим отцом многократно, и каждый раз она обрастала все новыми и новыми подробностями. Папа размахивал руками, показывал – кто где стоял и как подавалась лапка. Послушать приходили родня, знакомые и соседи. Апофеозом стал визит дворника, который немало натерпелся от злобного нрава Куклы за ее долгую жизнь. Он притулился на краешке сундука, расправил бороду и задумчиво произнес: «Подишь ты... Надо же... Великая собака!»

Танго для Розы

В конце лета 1959 года маленькая деревня Аккуш была взбудоражена новостью: Фарит привез молодую жену из Уфы. Однако удовлетворенное любопытство местных жителей быстро перешло в изумление, а потом – в возмущение, когда соседки сообщили о «странностях» уфимки Рабиги.

Во-первых, эта красивая башкирка разговаривала... с украинским акцентом, во-вторых, мыла корову мочалкой с мылом, и, в-третьих, что уже совсем потрясло далеких от моды жителей деревеньки, Рабига занималась хозяйством в элегантном брючном комбинезоне. Шепот перешел в ропот, а затем женщины выдвинули молодой ультиматум: или живи как все, или... с тобой никто не будет общаться. В ответ прозвучал веселый заливистый смех и риторический вопрос: «Вы чистоту не любите, или вам моя фигура не приглянулась?» Парламентеры подивились наглости горожанки и взяли в оборот Фарита, но без пяти минут дипломированный врач отмахнулся от них, как от назойливых мух.

Рабига с нежностью относилась к домашней скотине и ухаживала за ней, как за детьми. Шкура отмытой от грязи и навоза коровы Розы блестела, но раз в 3-4 дня у животного был банный день, который превращался в маленький спектакль. Мальчишки висли на заборе, девочки робко подглядывали через щели, когда Рабига терла бока семейной коровилицы, чесала ее за ухом и напевала известное танго: «Вдыхая розы арома...ат... ха-ха-ха-ха... тенистый вспоминаю Са...ад... ха-ха-ха!» Закончив дела, молодая хозяйка доставала из футляра «дудочку», так называли флейту аборигены Аккуша, садилась на крыльцо, и грустная, протяжная мелодия плыла над крышами деревенских изб и сараюшек, над огородами, полями и исчезала где-то за лесом.

Консервативные аксакалы плевали вслед Рабиге, выгоняющей поутру в стадо корову и баранов. Слишком непривычно для здешних мест

выглядели ладно облегающие женскую фигуру брюки, да и ласковое обращение с любимицей Розой вызывало смех и непонятное раздражение у жителей Аккуша.

Когда мать Фарита Аниса-апа заговорила с сыном о невестке, он как отрезал: «Не троньте ее!» Потом уже доверительно пояснил: «Мы здесь войны не видели, а Рабига родилась, когда их поезд немцы бомбили. Отец-военный с семьей возвращался из отпуска в Белоруссию. Двух братьев Рабиги сразу убило. Люди из вагонов выскакивали, а самолеты пикировали и из пулеметов расстреливали бегущих. Тяжело раненая Рабига дочь родила, но самой выжить сил не хватило. Девочку в честь матери Рабигой назвали. Дни и ночи отец с толпой беженцев двигался на восток. Малышку сердобольные женщины кормили вместе со своими грудничками. Были среди этих матерей украинки и белоруски, русские и даже цыганка. Всю войну Рабига прожила у бабушки с дедушкой в Уфе, а после Победы отец с женой-украинкой за дочкой вернулся и увез ее в Одессу. Там Рабига школу закончила, теперь вот на музыканта учится. Что за город Одесса? – Фарит задумался. – Ну, если с нашей деревней сравнить... это другая страна. Все там по-другому, мама!»

Аниса-апа не стала больше расспрашивать сына, а соседи, еще какое-то время посудачив, успокоились. Впрочем, история на этом не закончилась. Неожиданно выяснилось, что старая корова Роза, казалось бы, без видимых причин стала давать больше молока. Забыв нападки на молодуху, вымыли своих буренок еще несколько женщин, но увеличения надоев добиться им не удалось. Может, для вдохновения коровам требовалась еще и музыка, а может, это ласковое обращение Рабиги и ее пение поднимали настроение животному? Одно известно точно: через несколько месяцев после отъезда молодоженов из деревни Аккуш Аниса-апа написала письмо Рабиге с просьбой выслать слова песни про аромат Розы, а то корова что-то плохо доиться стала.

Сердце чистой породы

В прошлом году кинологическая служба России отметила свой 100-летний юбилей. Конечно, эту дату можно считать условной, ведь наша страна издревле располагала большим поголовьем собак, которые помогали пасти стада, охранять жилища, являлись средством передвижения для народов Севера.

Если говорить непосредственно о служебном собаководстве, то нужно уточнить, что в России оно начало развиваться с 1904 года, когда из Германии стали ввозить немецких овчарок, использовавшихся в качестве ездовых санитарных собак.

В 1908 году было создано Российское общество поощрения применения собак к полицейской и сторожевой службам. В период своего расцвета оно насчитывало всего лишь 300 членов по всей России, главным образом крупных чиновников и полицейских. Это общество открыло в пригороде Петербурга школу и питомник собак. Там на трехмесячных курсах обучались полицейские и жандармы, а позднее и солдаты. С 1909 года штаты дрессировщиков увеличились, а кинологическая служба пополнилась новыми, привезенными из-за границы, породами собак: эрдель-терьерами, догами, сенбернарами, доберман-пинчерами.

После окончания гражданской войны в России были сформированы государственные школы и питомники собаководства, в 1923 году - Центральные курсы инструкторов, готовивших пограничников и собак для службы на границе. В том же году открылась Центральная школа-питомник собак-ищейек отдела уголовного розыска административного управления НКВД.

В 1924 году приказом Реввоенсовета в подмосковном поселке Вишняки основан «Опытный питомник военных и спортивных собак РККА». Вскоре создали окружные школы в Смоленске, Тбилиси, Ульяновске, Ташкенте.

В армии в качестве дрессировщиков работали в то время старейший цирковой артист Кемпе и В. Языков, талантливый специалист, служивший до этого в уголовном розыске. С 1928 года началась запись служебных собак во Всесоюзную родословную книгу. Тогда же открылись курсы кинологов-экспертов. Росла и набирала опыт организация собаководов-любителей в кружках Осовиахима. Сильнейшим средством агитации не только за служебное собаководство, но и за само оборонное Общество Осовиахим были в тот период массовые пробеги ездовых упряжек.

Старт первому такому пробегу дали 25 февраля 1930 года в Архангельске. В январе 1931 года состоялся Большой Северный пробег на 2500 км и в феврале - пробег камчатских лаек по маршруту Свердловск - Москва протяженностью 4 тыс. км. В 1932 году Центральная секция Осовиахима организовала Большой Всесоюзный Звездный пробег по нескольким направлениям: из Ленинграда, Мурманска, Магнитогорска и с

Украины - в Москву. Всего шло 18 упряжек из 148 собак. По пути к ним присоединялись упряжки из городов Череповца, Ярославля, Нижнего Новгорода, Сормова, Архангельска, а на подступах к столице - московские. Общий путь Звездного пробега до финиша на Московском ипподроме составил более 9 тыс. км. Опыт, накопленный в этих пробегах, пригодился во время Великой Отечественной войны.

Четвероногие солдаты и милиционеры

Сейчас уже мало кто знает, что на мобилизованных и погибших на фронте собак, как и на людей, присылали похоронки. Беспородные Шаррики и Жучки, породистые Альмы и Гекторы служили связистами, санитарями, они искали мины, ходили с разведчиками за «языком», охраняли военные объекты, выполняли работу диверсантов.

В период Второй мировой войны родилась новая, ранее неизвестная для собак военная специальность - истребители танков. Вожатый выпускал собаку из окопа прямо на танк или под небольшим углом к направлению его движения. Собака, приученная находить пищу под шум работающего танкового двигателя, подбегала к танку и безбоязненно ныряла под движущуюся бронированную крепость. Попасть в бегущую собаку, учитывая узкий радиус стрельбы из танка, дело трудное, да и передвигается собака быстрее, чем человек. В донесении командующего 30-й армией генерал-лейтенанта Лелюшенко от 14 марта 1942 года говорилось: «...под Москвой, пущенные в атаку танки противника, были обращены в бегство собаками истребительного батальона. Немцы боятся противотанковых собак и специально за ними охотятся.»

Четвероногие подрывники уничтожили до трехсот фашистских танков. Это примерно две танковые дивизии! Свою достойную лепту в разгром Третьего Рейха внесли и собаки работающие по другим специальностям. Хвостатые курьеры доставили более двухсот тысяч донесений; с их помощью подвезено на огневые рубежи 5862 кг боеприпасов. В частях, где применялись нартовые упряжки, 95% тяжелораненых вывезено и спасено вожатыми на лодках-волокушах и нартах с ездовыми собаками. Четвероногими миноискателями обследована территория в 15 153 кв. км, заминированная противником; разминировано 303 города и населенных пункта, 18 394 здания. При разведке и разминировании минных полей, дорог, мостов обнаружено и снято свыше 4 млн. мин. Советские собаки-санитары вывезли с поля боя семьсот тысяч раненых.

Кстати, медработникам и санитарам за вынос с поля боя восьмидесяти раненых присуждали высшую воинскую награду - звание Героя Советского Союза.

В органах МВД в начале 20 века собаки применялись как сторожевые и розыскные. В Уфимской губернии еще до революции кинологов готовили в школе полицейских урядников, которая была открыта в конце 1909 года. После революции ее закрыли, но в 1925 вновь в Уфе появилась служба розыскного собаководства. Вначале она состояла всего из двух проводников, однако, постепенно кинологическая служба стала развиваться. При ОУР МВД выросли такие мастера служебного собаководства, как Л. Виноградов, Х. Аминев, А. Фатыхов, А. Севостьянов; в Стерлитамакском ГОВД - Л. Ильин. Необходимо особо отметить уфимца Минияна Зарипова, несколько лет подряд являвшегося лучшим кинологом СССР.

В 1960-е годы милицейские кинологи Башкирии занимали передовые позиции в системе МВД СССР и регулярно побеждали на всесоюзных соревнованиях по служебному собаководству. Свидетельства тех успехов - почетные грамоты МВД СССР ныне можно увидеть среди экспонатов музеев МВД по Республике Башкортостан и УВД по г. Уфе.

Как говорит Зарипов, главное - это найти психологический контакт со своим четвероногим напарником, и такая дружба Минияна с его первым служебным псом Джемом зародилась при довольно курьезных обстоятельствах. В 1951 году только что поступившего на работу в милицию Зарипова с напарником командировали из Уфы на учебу в Бобруйскую школу милиции. Оба были с овчарками, которых пришлось везти в тамбуре вагона на привязи. Джем еще не очень-то признавал в Минияне Салимовиче своего хозяина, не доверял ему и даже царапался.

Недалеко от Минска на небольшой станции обнаружилось, что Джем исчез, поводок обрезан. Зарипов в одних носках выскочил на перрон. Видя, что поезд отходит, крикнул напарнику: «Я остаюсь!» Тот успел выбросить в окно только его сапоги. Зарипов после двух суток поисков вышел к одной воинской части, где была спрятана похищенная собака. Джем, еще издали услышав его голос, радостно залаял.

После этого Зарипов не расставался с Джемом двенадцать лет, и они всегда отлично понимали друг друга. Талантливый кинолог и его четвероногий друг делили опасности, трудности милицейских буден, притерлись характерами и стали опытными сыщиками.

Практика показала, что хорошо обученные собаки способны на многое. Это раскрытие всех видов краж, в том числе и инсценировка краж, разбоев, грабежей, убийств, изнасилований, поджогов, хулиганств, угонов транспортных средств, а также задержание преступников при побегах, при патрулировании, прочесах местности, в засадах. Если понадобится, дрессированная собака сможет подняться по вертикальной пожарной лестнице или даже вскарабкаться на дерево.

В июне 1962 года из камеры предварительного заключения Покровского райотдела милиции бежал трижды судимый преступник. Кинолог Севастьянов с собакой Рексом, пройдя по следу через несколько деревень, преодолев водные преграды и другие препятствия, через тридцать километров настиг беглеца в лесу. Опергруппа давно отстала, действовать пришлось одному, вернее, с собакой. Обнаружив погоню, преступник влез на дерево и крикнул: «Попробуй возьми!» И Аркадий Петрович попробовал: из жердей, веток, кусков коры он соорудил подобие лестницы, по которой Рекс легко добрался до злоумышленника.

Очень многое зависит от человека, который руководит собакой. Где отыскать след на месте происшествия, как помочь найти его после всяких осложнений, возникших в процессе преследования, как разгадать ухищрения преступника. Разум человека дополняет тонкое чутье животного. В этом - залог успеха. Вот еще один пример из практики Минияна Зарипова. В Уфе рано утром на улице Аксакова был обнаружен труп мужчины с множеством ножевых ранений на теле. Обстановка места ночного происшествия свидетельствовала об активном сопротивлении потерпевшего. Около него валялась куртка с оторванными пуговицами, очевидно принадлежавшая убийце и сдернутая с него в ходе борьбы. У убитого исчезли деньги - полученная зарплата и часы. Налицо дерзкое разбойное нападение. Собака быстро привела Минияна Салимовича к конечной остановке трамвая. В такой ситуации многие из его коллег считали бы свою миссию законченной, но Зарипов думал иначе. На подошедшем трамвае он со своим питомцем доехал до первой остановки. Дав понюхать захваченную с собой куртку, скомандовал: «Джем, ищи!» Безрезультатно. Другой трамвай, следующая остановка. Опять неудача. И так, продолжая упорный поиск на каждой остановке. На шестой по счету, на улице Революционной, Джем снова напал на след. Через несколько минут он уже радостно лаял и царапал когтями дверь частного дома. Когда открыли дверь, Джем побежал по лестнице, ведущей на

чердак. И, наконец, оттуда был вытащен сопротивляющийся преступник.

У американцев каждый полицейский кинолог имеет служебный автомобиль, оборудованный радиотелефоном, специальным пластмассовым контейнером для перевозки собаки. Российским же помощникам служителям правопорядка, в лучшем случае, достанется место на полу тесного «УАЗика», в ногах своего хозяина. Раньше и того хуже... Приходилось путешествовать в кузове грузовика, на тормозных площадках вагонов, на куче угля в узком проходе паровоза, в самом хвосте тряского самолета У-2. Кинологи-ветераны вспоминают трагический факт. Выйдя из такого самолета в одном из отдаленных районов, привыкшая, кажется, ко всему, милицейская овчарка неожиданно свалилась замертво. Диагноз - разрыв сердца.

Волкособы

Для улучшения рабочих качеств служебных собак кинологи неоднократно пытались скрестить немецких или восточно-европейских овчарок с волками. Проводились такие эксперименты и в Уфе, но усилия и материальные затраты себя не оправдали. Щенки получились излишне осторожные, пугливые и совершенно не пригодные к работе в условиях города. Более удачливыми оказались коллеги уфимцев из Перми. Профессор кафедры кинологии военного института Внутренних войск МВД РФ Вячеслав Касимов рассказывает: «В 1996 году в одном из глухих поселков в доме охотника появился двухнедельный волчонок. Найду никто не дрессировал, ни к чему не приучал, но с первых недель жизни она отличалась особым дружелюбием по отношению к людям и до трех лет мирно жила на цепи, пока кому-то из соседей не захотелось украсить дом чучелом волка. Охотник не пошел на сделку, однако, опасаясь за жизнь подопечной, предпочел пристроить ее в хорошие руки. Так Найда переехала в Пермский институт ВВ МВД РФ.

С первых же минут на территории большого питомника служебных собак при неистовом коллективном лае, в окружении сотрудников и курсантов Найда вела себя абсолютно спокойно. Собаки на ее месте и те испытывали бы растерянность... Она даже не прореагировала на довольно болезненную вакцинацию, отличалась удивительным миролюбием и во всем дальнейшем своем поведении. Правда, время показало, что, если человек по отношению к ней хотя бы раз проявил агрессивность, волчи-

ца в ответ становилась злобной. Сменить затем ее гнев на милость никому не удавалось.»

Сначала для Найды подбирали «женихов» из волков, в том числе столичных, с базы «Мосфильма». Ни с одним из сородичей у волчицы «личная жизнь» не сложилась. Причины были разные, но чаще всего волки-самцы пасовали перед ее невозмутимым спокойствием. И тогда Найду успешно свели с подходящим кобелем овчарки по кличке Барон, а через год еще раз.

Животные гибриды или, как их называют, волкособы прекрасно адаптировались на китайской и монгольской границе, и нарушители, отважившиеся бросить вызов этому четвероногому спецназу, обречены на провал. У волкособов по сравнению с собаками лучшие показатели по выполнению общего курса дрессировки, более развитый интеллект, ведь жизнь в природе их родителей была значительно сложнее, и выжить в этом мире можно только за счет мощного чутья и интеллекта.

При тестировании на ограниченном пространстве гибриды отыскивали «нарушителя» за 15-20 секунд, в то время как собакам требовалось 3-4 минуты. И все потому, что собака хаотично мечется по территории, тратя много времени на изучение местности. А волкособ, сделав круг по периметру, определяет контрольные точки и мгновенно находит спрятавшегося человека, наркотик и взрывчатые вещества.

Имеются и другие ценные преимущества: неумение лаять и исключительный нюх, в 5-6 раз превосходящий собачий. «Горячий след» волк-гибрид, несясь в погоню с пограничником, берет по воздуху. Зачастую находит след, считавшийся безвозвратно потерянным. Например, непременно настигнет нарушителя границы, даже если тот прошел 12 часов назад и пытался скрыться в населенном пункте. А от собак новое «живое оружие» позаимствовало самое главное - любовь к людям, без нее полуволки стали бы неуправляемыми.

Разведением волкособов в пограничном управлении ФСБ России по Республике Бурятия и Читинской области занимаются уже несколько лет. Алыш - первый представитель этой династии, первый на всех границах мира. Он племенное ядро, он и производитель. Теперь уже его щенки после вязки с немецкой овчаркой отлично несут службу на заставах. Да и сам папаша постоянно оттачивает мастерство на занятиях в питомнике даурского погранотряда. Инструктор-кинолог Николай Пожитнов доволен своим подшефным: он еще ни разу не подводил. «Это наш резерв, бережем его для особых случаев, - говорит Николай. - Если собака

на заставе с задачей не справляется, потеряла след, мы с Алым в составе тревожной группы выезжаем на место.»

У нас, в богатой волками стране, известны случаи, когда серые разбойники в ближайшем лесу были не прочь «подгульнуть» с деревенской Жучкой со всеми вытекающими последствиями. Что касается экспериментов, так это было уделом только сельских одиночек-любителей, тщетно пытающихся образумить волчье потомство. Во всяком случае, до феномена пермской Найды ни наша кинология, ни соответствующая литература не зафиксировали ни одного положительного результата этого воспитания. А ведь многие ученые и энтузиасты других стран начали работать с волками и собаками еще в середине 20 века. В Германии, в Кёльнском университете в 1970-е годы было получено 200 мощных животных-гибридов. Однако среди них не оказалось ни одного, которым можно управлять. Эксперимент признали бесперспективным. Правда, позднее в Голландии и Чехии вывели породы собак со значительно меньшей долей волчьей крови - около 10 процентов, но и они трудно шли на контакт с человеком.

На воинской службе, в органах МВД применяются собаки очень разных пород - шустрые спаниели, добродушные лабрадоры, немецкие и восточно-европейские овчарки, метисы. У каждой породы своя специализация, свой характер, но все эти четвероногие солдаты и милиционеры, кроме служебных качеств, обладают удивительными свойствами - умением любить и быть преданными своему хозяину.

День пограничника

Впервые о пограничниках я узнала в начале 60-х годов, в шесть лет, когда зашла в гости к своей подружке Тане Горшковой. Она была старше меня на два года, ходила в школу, поэтому несколько снисходительно смотрела на малолетку.

Над диваном в трехкомнатной квартире Горшковых висела большая репродукция картины Виктора Васнецова «Богатыри». Я с удивлением рассматривала трех всадников изображенных на холмистой равнине под хмурым, тревожным небом. «Дедушка говорит, что это первые русские пограничники: Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алеша Попович. А вот мой дедушка» - Таня указала на фотографию мужчины в военной форме на фоне гор. Рядом с ним была лошадь и собака – овчарка.

Позднее я познакомилась с дедушкой Тани – Алексеем Васильевичем Горшковым, майором пограничных войск. Он рассказывал о службе на границе, о дрессировке собак, об умении ловко ездить верхом и быстро и метко стрелять. Подобные воспоминания бывшего офицера заканчивались одинаково: нам с Таней разрешали примерить зеленую фуражку пограничника, а потом мы шли на кухню пить чай с вареньем.

Истории из боевой юности Алексея Васильевича будоражили мое воображение. Я с любопытством листала книги о собаках, о военной службе. По цветным открыткам Горшков знакомил нас с различными породами собак, объяснял азы дрессуры. Рассказывал об истории создания погранвойск и особенностях обмундирования.

«Дела давно минувших дней...»

Специализированные пограничные войска появились в России в период становления и укрепления Московского княжества в 14-15 веках. Художник Васнецов так описывает картину «Богатыри»: «Добрыня, Илья и Алеша на богатырском выезде – примечают в поле, нет ли где ворога, не обижают ли где кого?» Тяжелые кучевые облака символизируют грозящую богатырям опасность.

В 1571 году был учрежден «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» - первый устав пограничной стражи. С 1572 года охрана границ русского государства именовалась «пограничной службой». В Российской империи эти подразделения назывались таможенной, а с 1832 года пограничной стражей.

В советский период и до 2006 года в погранвойска, также как и в другие рода войск, на срочную службу призывались юноши годные по состоянию здоровья. Потом желающие могли остаться на сверхсрочную. Но весной 2007 года впервые ни одного новобранца на заставы не направили. С 2009 года погранвойска полностью перешли на контракт.

Первые опыты

Общение с Алексеем Васильевичем не прошло для меня даром. Я решила стать пограничником и служить непременно с собакой. Благодаря нашим с Таней стараниям все бродячие собаки микрорайона усвоили команды «сидеть», «лежать», «ко мне». Мы с гордостью гуляли в сопровождении небольшой своры, всегда готовой за вкусное вознаграждение исполнить наши приказы.

Никакие сказки и никакие принцы не волновали мою романтическую душу. Я вполне серьезно заявила, что замуж выйду только за пограничника.

Биографию известного пограничника Никиты Карацупы я знала наизусть. Его книга «Жизнь моя – граница» стала настольной. Военная история всех эпох и собаки занимали все мое свободное время. Если подружка Таня постепенно перешла на игру в куклы, а затем стала посещать художественную школу, то моя воинствующая натура требовала активных движений, авантюр и новой информации по волнующей меня теме.

Наша дружба с Таней продолжилась. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, она выглядела уже вполне по-взрослому, дружила с симпатичным мальчиком, ходила на танцы. Я в пятнадцать лет с отличием окончила курсы инструкторов-собаководов и приступила к дрессировке своего первого питомца – восточно-европейской овчарки Дозора.

Предварительная подготовка

В 70-е годы на улицах Уфы изредка можно было встретить офицеров в зеленых фуражках. С будущими пограничниками работать начинали еще со школьных лет. Как вспоминает сослуживец и друг моего мужа Валерий Кайсаров, уже с девятого класса кандидата в пограничники приглашали в военкомат на собеседование с представителем части, где юноше предстояло служить. В непринужденном разговоре выясняли круг интересов будущего новобранца, учитывали его пожелания, состояние здоровья и даже интеллект.

Представителей Башкирии охотно набирали в погранвойска. Осенью 1973 года в учебном центре Великие Мосты на Украине среди новобранцев оказались один уфимец и двое представителей сельской местности из Чишминского и Уфимского районов.

Три месяца пролетели быстро. Наиболее отличившихся и серьезных направили в Калининград в сержантскую школу, где ребята в течение восьми месяцев познавали все нюансы пограничной службы. Дни были загружены политической учебой и занятиями по боевой подготовке. Изучали тактику ведения боя, устройство границы, тренировались в стрельбе, совершали марш-броски с полной выкладкой (в том числе и в ночное время), несли караульную службу.

Физкультуру пограничники уважают, поэтому в спортзале с удовольствием качали мышцы и устраивали поединки по боевому самбо. А еще нужно было ежедневно пришивать свежий воротничок к гимнастерке, содержать в порядке мундир и сапоги, по графику дежурить на кухне, выполняя разнообразную хозяйственную работу.

Когда после года службы сержантов распределяли по заставам, офицеры учитывали особенности характера, наклонности и даже темперамент своих подопечных.

Выйти замуж за... сержанта

Валера Кайсаров продолжил службу на Западной границе, а мой будущий муж со старшим лейтенантом был командирован в Уфу за двумя овчарками, подготовленными к защитно-караульной и розыскной службе. В советское время существовала такая практика: собаковод дрессировал своего четвероного друга и сдавал в армию. За качественно подготовленную собаку платили хорошие деньги и бесплатно давали нового щенка. На питание собаки служебной породы предоставляли специальные талоны; с мясокомбината привозили рагу и всевозможный ливер.

На показательных выступлениях мой Дозор выполнил все необходимые требования, но на определенном этапе полосы препятствий, я решила продемонстрировать и свои возможности. Дозор, проползая одновременно со мной под натянутой сеткой, неожиданно проявил веселый нрав и начал лизаться. Я пыталась отбиться от столь навязчивых ласк, но зацепила рукой сетку, и мы клубком катались по земле, пытаюсь освободиться от этих пут. Присутствующие хохотали, а пограничники поспешили помочь мне и Дозору.

Расставание с собакой – это очень тяжелое испытание. Я не знала, где будет служить мой воспитанник, такие сведения не дают. Но я написала свой адрес и сунула листочек в руку сержанта со словами: «Вы хоть просто напишите, как он там... без меня».

Где началась военная карьера моего Дозора, я так и не узнала, но переписка с сержантом-пограничником продолжилась. А через год ко мне приехал курсант погранучилища Кайсаров и сообщил, что мой друг после ранения находится на лечении в московском госпитале. Наша встреча была отложена еще на несколько месяцев.

Так сложились обстоятельства, что военную биографию Валеры я знаю лучше, чем о нескольких годах сверхсрочной службы собственного мужа. Все мои попытки уточнить какие-то детали, натываются на глухую стену. «У меня подписка о неразглашении. Обычная служба. Никакой романтики. Валерку лучше расспроси. У него и погони были, и задержания».

Пограничная служба – это не только приграничная полоса, сигнализация, видеокамеры, КПП со шлагбаумами... Пограничная служба – это противостояние различных идеологий, политики, психологий. Современные технологии, электроника играют важную роль в охране границ, но важнейшим звеном остаются люди. От добросовестности, образованности, от работоспособности и волевых качеств пограничников зависит мир и покой наших граждан, будущее нашей страны.

«Шумел камыш...»

В каждом районе найдутся жильцы, создающие проблемы окружающим. В нашем многоквартирном доме такие граждане жили в нашем подъезде на третьем этаже. В советское время был глава семейства, участник русско-японской войны. Компанию ему составляли сын с женой, потом присоединились дети, внуки-правнуки.

В начале 60-х годов по причине своего малого возраста родоначальника этой пьющей династии я плохо запомнила. А вот следующие поколения своими частыми «праздниками» запечатлелись очень ярко.

Застолья наших гостеприимных соседей Комаровых (фамилия и имена по этическим соображениям изменены) проходили под гармошку, с песнями и плясками. В репертуаре: «Куба – любовь моя», «На тебе сошелся клином...», классическое - «Шумел камыш», «Атас!» и еще ряд популярных в разное время песен.

Если уж компания продолжала «концерт» далеко за полночь, соседи вызывали участкового. Но обычно к двенадцати часам собутыльники расходились по домам, и наступала относительная тишина. Почему относительная? Обо всем по порядку.

Сколько было у Комаровых кошек никто не знал, а теперь уже и не узнают. Под окнами растут ветвистые американские клены, по которым комаровские кошки уходили на прогулку и таким же образом возвращались. Их хозяева на балконе держали всякий хлам: какие-то грязные алюминиевые кастрюли, тару из-под спиртного, удочки, стеклянные

банки. Частенько кошки, прыгнув на свой балкон, роняли стеклянную посуду, гремели крышками кастрюль. В три-четыре часа ночи эти звуки будили не только жителей нашего дома, но и ближайших домов.

Витька и Вовка - правнуки ветерана русско-японской войны были со мной почти одногодками. Мы вместе играли во дворе, отмечали дни рождения, новогодние праздники. Мальчишки отличались драчливостью, ругались, как извозчики, но здорово играли в футбол, а я считалась хорошим вратарем.

Посещая квартиру Комаровых, я неоднократно пыталась сосчитать количество кошек. Напрасный труд! Во-первых, всегда кто-то отсутствовал, а во-вторых, кто-то где-нибудь под кроватью еще только-только открыл глазки и не попадал в поле моего зрения. Домой я возвращалась в кошачьей шерсти и с тем неистребимым «ароматом», по которому легко угадывается владелец многочисленного мяукающего прайда.

Шли годы. Кошки по-прежнему лазили по ветвям на свой балкон, грохотали крышки кастрюль, скатывались на асфальт и разбивались на мелкие осколки бутылки.

Один из представителей старшего поколения Комаровых Николай периодически отбывал наказание в местах не столь отдаленных, двое других умерли. Мои бывшие приятели-футболисты пошли тем же путем, что и их родители. Младший Вовка получил большой срок за тяжкое преступление, старший Витёк умер нынешней весной то ли от сердечного приступа, то ли от перепоя.

Сколько я живу в этом доме, а это почти шестьдесят лет, у Комаровых кошки были равноправными членами семьи. Они отличались независимым характером, наглостью и очень шумным поведением. Их вопли поражали сложностью вокала: от басовых арий до каких-то дребезжащих теноровых серенад, переходящих в истерический фальцет. Бандитские кошачьи морды украшали шрамы, а широкие, рваные уши напоминали хищных летучих мышей. Никто не знал их кличек, но по традиции всех комаровских котов и кошек звали Камышами. Уж больно душевно звучал цыганский романс в исполнении пьяной компании: «Шумел камы...ыш, дере...евьягнули...ись, а но...очка те...емная была...а...»

После смерти Виктора в квартире Комаровых появилась новая хозяйка – младшая сестра Вовки Алена. Первое, что она сделала – выбросила из квартиры весь мусор, старую мебель и застеклила балкон. Все лето комаровские кошки орали свои дикие песни на дереве. Ночью в них летели всякие предметы, вроде гнилых яблок или пустых флаконов

от корвалола или валерианки, а днем сердобольные соседи подкармливали мяукающую банду, раскладывая в мисочки различные деликатесы.

Среди молодых котов особой ловкостью и смелостью обладал - черный, весьма общительный и «разговорчивый». Он, даже поедая вкусняшки, издавал какие-то булькающие звуки, а после трапезы низким, воркующим голосом благодарил угостившего и терся об его ногу. Именно этот из семейства Камышей приглянулся нашим таганрогским гостям. Для более близкого знакомства кота стали приглашать к нам в квартиру, устроили для него уютное место в корзине. Перед отъездом свозили к ветеринару, сделали прививки, получили благоприятные отзывы доктора о кошачьем здоровье, а в личную медицинскую карточку вписали кличку Камыш.

В жарком Таганроге Камыш чувствует себя вполне комфортно, подружился с хозяйской собакой-дворняжкой, выяснил отношения с соседскими котами и стал местной знаменитостью. У Камыша прекрасное чувство координации, он с удовольствием катается с подростками на яхте или катамаране. Теперь он не прыгает по деревьям, а степенно прогуливается в саду или отдыхает... в собачьей будке. Хозяева утверждают, что Камыш полюбил море и может часами любоваться на красивый закат и слушать шум волн.

При очередном телефонном разговоре нам передают привет от всех наших таганрогских родственников, а потом к трубке подносят Камыша, и он долго бормочет что-то, словно хочет поделиться своими маленькими радостями.

Ревность и верность

Ничто человеческое и собаке не чуждо

В моей жизни с самого раннего детства присутствовали собаки. От породистых ухоженных чистокровок до простых дворняжек, согласных на любую вываренную косточку или кусочек заветренной колбаски. В одних случаях это были многолетние дружеские отношения, в других – мимолетные встречи, оставившие, однако, яркие впечатления. Но эта собачье-человеческая история стоит особняком.

Наверное, я вправе сказать, что Таганрог – город моего детства. В 60-70-е годы я проводила в этом теплом приморском местечке свои летние каникулы. Первое впечатление – вокзальная площадь с огромной круглой клумбой цветов, среди которых видны собачьи головы. Собаки в Таганроге живут свободной, полноценной жизнью. Кто-то из них имеет хозяев и двор, но большинство – это вольные рыцари благородного собачьего племени.

Я чувствовала себя счастливой: в семье моей тети Веры, у которой я жила, тоже была собака. Маленькая желто-рыжая, с невысокими лапками и треугольными полустоячими ушками. Пальма являлась своего рода достопримечательностью Таганрога. Псинка переходила дорогу только на зеленый сигнал светофора. Ее знали шоферы, мороженщики, продавцы пирожков и газированной воды. Во всяком случае, отправившись в жаркую погоду по своим делам, Пальма всегда могла, заглянув в глаза продавщице, получить на блюдечке порцию холодной водички. Если поблизости находилась колонка, Пальма терпеливо дожидалась человека с ведрами. Сердобольные горожане, заметив собаку с высунутым языком, надавливали на рычаг, и песик быстро лакал бегущую по желобу воду.

Пальма была старше меня по возрасту, естественно, умнее, и знала Таганрог так же хорошо, как и коренные жители. Будет справедливым сказать, что меня с поводком пристегивали к ошейнику Пальмы, и мы с ней отправлялись на прогулку. Даже если на перекрестке не было машин, но горел красный сигнал светофора, умная собака стояла на тротуаре, как вкопанная. Покупая где-нибудь в парке мороженое, я слушала странный разговор продавца с моим поводырем: «Гляди-кась, Пальма, к вам гости приехали? Надо же, поводок прицепили... Видать, из другого города...». Мое угрюмое молчание воспринималось, как подтверждение сказанного. Пальма вела меня в тенистые аллеи, где неожиданно бросалась на разомлевших от духоты кисок, забежавших в прохладу из соседских домов. Я с удовольствием поддерживала эти гонки с преследованием, которые всегда заканчивались изгнанием врага за границы парка.

Иногда мы с Пальмой ходили на Каменную лестницу или к памятнику Петру I. Я радовалась возможности полюбоваться на море; у Пальмы были свои резоны. На набережной всегда прогуливаются люди; красивое место привлекает фотографов и художников. Одну из скамеек, под кроной деревьев, неизменно занимал мужчина, продававший всякие самодельные сувениры из ракушек и свои картины, писанные маслом или

акварелью. Мужчина был в неизменной соломенной шляпе, светлой, клетчатой рубашке и парусиновых брюках. Постоянным спутником художника являлась шустрая черная собачка, подобие нечистокровной лайки. Звали ее Липка.

Была она моложе Пальмы, но это не мешало подружкам играть вместе. Я отстегивала поводок, и веселые псинки затевали хоровод, прыжки, боролись в траве, пока жара не заставляла их утихомириться и спрятаться под скамейкой. Там же, в тени, стояли две 3-литровые банки (в Таганроге их называют баллонами) – одна с водой – для Липки, другая – хозяйская – с пивом или домашним вином. Я рассматривала картины, где морские виды чередовались с пейзажами парка или уходящей вдаль дорогой. Причем дорога стала, по-видимому, лейтмотивом многих произведений этого художника. Приезжая в последующие годы, я опять с любопытством вглядывалась в расплывчатые фигуры людей – то ли 19, то ли 20 века, которые направлялись к горизонту, словно уплывая в туман на своих огромных зонтах.

Шли годы. Умерла Пальма, прожив долгую (по собачьим меркам) жизнь – 19 лет. Сменился четвероногий приятель и у художника с редким, как оказалось, именем Сима. Его новый друг отзывался на скромную кличку Кузя. Сима, как бы, не имел возраста. Казалось, он нисколько не менялся – такое же загорелое лицо с небольшой бородкой, светлая просторная рубаха, те же разговоры: «Мадам, если Вы попозируете мне, я сделаю Вас богиней!». «Юноша, в профиль Вы напоминаете мне Наполеона!»

Кузя знал много команд, но главное, что привлекало детей и туристов, – это его умение «рисовать». Пес опирался передними лапами на скамейку или на колени Симы и, сцепив зубами кисть, водил ею по странице альбома, которую хозяин держал в руках. Получались каракули, в которых мистически настроенные граждане пытались найти какой-то скрытый смысл, а Кузя своим талантом зарабатывал на колбасу и пиво.

После окончания школы у меня с визитами в Таганрог был некоторый перерыв. Где-то в начале 90-х годов мы с мужем решили посетить родину Антона Павловича Чехова и навестить моих родственников. Как и много лет тому назад на привокзальной площади нас встретили стаи дворняжек. С утра мы направились в музей «Лавка Чеховых», а потом, прихватив купальные принадлежности, прогулялись до набережной к памятнику Петру I. Сима, слегка располневший и поседевший, как и

прежде, потягивал пиво из баллона, а рядом с ним на скамейке сидел симпатичный щенок – подросток цвета мокрого песка с черной, будто в наморднике, «физиономией» и со стоячими ушами.

Сима обрадовался мне так, словно мы с ним были большими друзьями. Он познакомил нас с Дамкой, которая сразу приняла ново-прибывших за своих. Муж тем временем заинтересовался большой картиной с непривычным для Симы бытовым сюжетом. Справа на переднем плане изображена спинка старомодной кровати с металлическими блестящими шариками и с узорчатой, кружевной занавеской. Слева на стуле брошено женское платье, в центре – две пары домашних туфель, женские и мужские. Возле мужских тапочек, свернувшись, положив голову на лапы, красивая охотничья собака – пойнтер. Выражение морды, взгляд собаки, направленный в сторону женских шлепанцев с меховыми помпошками, говорит о неприязни. В комнате полумрак, но утренний свет от невидимого нам окна уже проник в спальню. Картина называлась «Ревность».

Мы были поражены и необычностью сюжета, и великолепным знанием психологии собаки, но еще больше нас потрясла цена. Даже если бы один ноль удалось сократить, то и тогда цифра скорее подходила бы для оценки произведения Савицкого или Перова. Сима курил вонючую «Приму» и наслаждался выражением наших лиц.

Почти каждый день, как заколдованные, мы с мужем появлялись возле этой картины. Она стояла в тени, закрытая марлей, и, приоткрывая ее, мы точно ждали, что вот-вот послышится рычание пойнтера.

Приехав в Таганрог на следующий год, мы увидели, что картина с собакой до сих пор не продана. Не нашелся покупатель и через два года. Нас с мужем весьма позабавил тот факт, что Сима повышал цену с учетом инфляции; хотя у меня мелькнула мысль: по каким-то причинам автору очень дорого сие произведение, и расставаться с ним он просто не желает...

Весной я получила от тети Веры письмо. Между сплетнями про соседей и ценами на продукты она сообщила о смерти Симы, и о том, что собака художника Дамка после похорон своего хозяина осталась на его могиле.

Приехав в отпуск, мы получили от тети Веры следующую информацию... Сима, как и большинство творческих людей, был не от мира сего. Его облезлый, дореволюционной постройки домик недалеко от порта являл собой пристанище для собутыльников, а в запущенном са-

ду-огороде нередко щенились по две-три дворняжки сразу. Кутята подрастали, и Сима искал для них хозяев. Непристроенные собачата мирно разбредались по городу, изредка навещая родное обиталище. Бывали случаи, когда к запившему Симе не мог пройти участковый: пять-шесть здоровенных псов бдительно охраняли покой своего покровителя. В доме художника периодически появлялись и женщины, но долго терпеть его слишком вольную жизнь они не могли. Поэтому на похоронах Симы, кроме его сестры с Украины, присутствовали несколько бомжей, которых художник пускал на ночлег, и преданная Дамка.

Я поинтересовалась судьбой картин, на что моя практичная тетушка заметила: «Что у Симы ценного и было, так это его мазня. Если на бабда на пьянки денег хватало, должно хорошо ему за картинки платили». Что стало с картиной «Ревность», я так и не узнала. Скорее всего, Сими-на сестра увезла ее с собой. А мы с мужем купили килограмм ливерной колбасы и отправились на кладбище. Дамка узнала нас, слабо вильнула хвостом, но когда я попыталась приблизиться к могиле – ощерилась. Муж положил на газету кусочки колбасы и оставил под кустом, недалеко от собаки. Дамка не шелохнулась.

«Она потом съест, когда вы уйдете», - мы оглянулись на голос. Позади нас, опираясь на палочку, стояла старушка с миской воды. «Ей при людях-то стыдно кушать, она вроде как при службе: хозяйина стережет», - женщина оставила миску рядом с нашим угощением и перекрестилась. Я прочитала табличку на памятнике: «Симеон Брониславович Каштыня 1932-1996 гг.» - и подумала: «Сколько времени я находилась рядом с этим человеком, но его мир, полный чувств, красок и звуков, так и остался для меня загадкой...»

Женя-Женечка и Катюша

Как только тучи изменили свой привычный маршрут, солнышко по-летнему согрело землю, в уфимских парках сразу же активизировалась жизнь. Лужи в низинах еще напоминают о ежедневных дождях, но асфальтовые дорожки подсохли, слышен детский смех, велосипедные звонки. Впрочем есть категория граждан для которых не существует плохой погоды, они при любой стихии готовы накручивать пару-другую километров в ближайшем лесочке или в дальних аллеях парка. Это владельцы собак.

Прогуливаясь в парке имени Мажита Гафури, я узнаю «в лицо» каждую собаку. Есть среди них тихие, интеллигентные особы, чье присутствие выдает только характерный стук когтей об асфальт, есть личности шумные, скандальные, готовые лаять без всяких причин, дабы привлечь к себе внимание. Собачек, о котором я хочу рассказать, известен мне уже три года. Ягд-терьер - порода охотничья, но многие собаководы держат их не столько для добычи трофеев, сколько в качестве веселых, подвижных компаньонов. Энергичного, бородато-усатого Женьку я вижу в обществе пожилого мужчины или его дочери - Кати. А познакомились мы с Катей весьма своеобразно. Я бегала по кругу, а девушка со щенком-подростком сидела на скамейке. Пёсик каждый раз, когда я пробегала мимо, рвался с поводка, захлебываясь лаем. Наконец, хозяйка не выдержала и обратилась ко мне с просьбой пробежаться вместе с Женькой. Дело в том, что у девушки было растяжение голеностопного сустава, и она едва ходила, а собака требовала активных действий, игр. Я взяла в руки поводок, и пёсик рванул вперед.

Женька подрастал, нагрузки необходимо было увеличивать, а Катя училась, отец работал, времени на длительные прогулки у них не хватало. Не раз наблюдала я за комической сценой... Хозяин - мужчина крупный, с солидным животиком, уговаривал Женьку идти домой; терьерчик, едва заслышав слово «домой», падал на бок и категорически не хотел двигаться. Когда все аргументы были исчерпаны, мужчина начинал аккуратно подпихивать Женьку под зад ногой: «Вставай, скотина! Некогда мне разгуливать... Вставай, тебе говорят!» Никакой реакции. Собака лежала, не шевелясь. Если была зима, хозяин решительно направлялся в сторону дома, волоча Женьку, словно трупик, на поводке. Маленькое, тельце легко скользило по насту, пока эта парочка не добиралась до светофора. Тут, если хозяин не успевал взять Женьку на руки, сердобольные граждане начинали возмущаться «жестоким обращением с животным». В таких случаях хорошо срабатывала фраза: «Женечка, а где кошка?! (собака? мячик?)» Пёс мгновенно оживал, начинал озираться по сторонам и громко лаять. Люди, видя бешенный темперамент «несчастной собачки», отходили на безопасное расстояние и еще некоторое время наблюдали. Перейдя на другую сторону проспекта и осознав, что они неумолимо приближаются к дому, Женька опять падал, как подкошенный. Здесь уже хозяину ничего не оставалось, как брать упряма за шкуру и нести домой.

Катя по-возможности нагружает Женьку работой: то заставляет носить в зубах толстую палку, то кидает для апортировки на 20-30 метров резиновую гантельку, то бегают с этим неуёмным холериком. Отпускать терьерчика с поводка весьма опасно: он настоящий провокатор. Так, пробегая мимо троицы мирно прогуливающихся миниатюрных, словно игрушечных, йорков, Женька, как бы походя, слегка прихватывает одного из них за лапку. Вопль несчастного создания просто теряется в звонком, истерическом лае самого Женьки. Развернувшись, он с такой агрессией набрасывается на укушенного им самим пёсика, словно потерпевшим является сам Женька. Катя хватает своего хищника на руки и спешно удаляется с места преступления.

Обвинить терьерчика в том, что он нападает только на слабых, было бы несправедливо. Этот же прием коварного укуса - походя, хитрая бестия использует и против крупных собак. Я видела, как у огромного дога просто пена пошла из пасти от возмущения, когда острые зубы чиркнули его по задней лапе. Что касается кошек, то в радиусе километра от Женьки их вообще не существует.

Иногда Катя рассуждает о том, что «Женечке не хватает свободы», что хорошо бы ему «поиграть с какой-нибудь собачкой», но тут же вздыхает и рассказывает очередную историю нападения своего любимчика на немецкую овчарку, бультерьера или дворнягу. «Ну, Женя, мы сегодня с тобой хорошо погуляли, побегали», - обратилась Катюша к внимательно слушающему ее пёсику. Собака явно напряглась, не сводя глаз с хозяйки. «Даа... лапочка! Погуляли... Пора домой.» Все четыре лапы одновременно подкосились, и Женька рухнул на асфальт. Мы с Катюшей хихикнули.

Я попрощалась и поспешила домой, зная, что ритуал уговоров, как бы в обморке лежащего Женьки, будет продолжаться еще долго.

Тысяча чёртиков одного ангела

Стоит заметить, что почти все мои детские мечты осуществились. После приобретения велосипеда, конечно, захотелось иметь настоящую собаку. Не плюшевую, не тряпичную, коих у меня было достаточно много, а живую, лающую, способную быть компаньоном в подвижных играх.

Друзья из детства

В школу я приносила мясные косточки, вкусные обрезки и другие лакомства, которые всегда заинтересуют бродячих собак. Парта моя располагалась у окна, и было видно, как к окончанию уроков в школьном дворе появлялась стайка знакомых псов разного калибра. Наши встречи проходили радостно, бурно, каждый из четвероногих друзей получал по порции вкусняшек, и эскорт торжественно провожал меня до дома.

В холодные зимы мне разрешали оставлять эту компанию из пяти-шести собак на ночь в квартире. Удивительно, но собаки не желали заходить в комнаты; они деликатно размещались в коридоре и, покушав, сразу засыпали. Утром также дружно просились на улицу и убегали по своим делам. Так продолжалось несколько лет.

Однажды мне в руки попала книга Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Я ходила, словно помешанная! Пределом моих мечтаний стал жесткошерстный фокстерьер. Отец и тетушка подлили масло в огонь. Выяснилось, что в детстве у них был гладкошерстный фокстерьер, о котором они с упоением рассказывали. У меня началась фокстермания. Все книги о фоксах, которые я могла найти в библиотеках, у знакомых, марки, значки, открытки с изображением этой породы занимали большую часть моего свободного от учебы времени.

Шли годы. Уже, будучи старшеклассницей, я окончила курсы кинологов и приобрела щенка... восточно-европейской овчарки. Самостоятельно подготовить собаку к службе на границе показалось мне весьма интересным и полезным делом. Чем я и занялась, отложив мечты о фокстерьере.

Ангел! Чистый ангел!

Уже после замужества (а будущий супруг оказался пограничником – вожатым подготовленной мною овчарки), мысли о фокстерьере опять стали волновать меня.

Поздней осенью 1977 года мы с мужем оказались на уфимском толчке – маленьком грязном базарчике, где продавали всякий дефицитный на ту пору товар. И вот среди тряпок, каких-то странных абажуров и цветастых сервизов на нас глянула усато-бородатенькая мордочка фокстерьера. Щенок сидел укутанный старым полушубком, только мордоч-

ка выглядывала наружу и любопытные, блестящие глазки робко поглядывали на базарную публику. Как?! Как это ангельское создание могло оказаться здесь, среди примитивного барахла, у ног равнодушно спящей толпы?! «Кобель?» - деловито поинтересовался муж. – «Нет. Зато у вас проблем с драками не будет. Девочка тихая, даже лает редко». Домой возвращались уже втроем на такси.

Счастье стоило тридцать пять рублей, имело хорошую родословную и возраст два с половиной месяца. Наша Патриция, Патрик, Патрикеевна или просто Патька казалась самой скромностью, близкой к святости. Я уже начала подумывать о том, что Джером, мягко говоря, несколько преувеличил сложности характера и непредсказуемость в поведении фокстерьера, но... Нет-нет! В домашних условиях собака была совершенно идеальна. Мы приучили ее – даже при открытых в спальню и кухню дверях, не пересекать границы этих помещений. Она не грызла мебель, не перекусывала провода, лаяла достаточно редко и по делу. Вот только на улице это милое создание превращалось в маленького смелого и задиристого агрессора.

Патриция Степановна (отца фокса звали Степа) очень быстро поняла, что воспитание будет суровым, спартанским. Лыжные многокилометровые прогулки развивали мышцы и волевые качества хвостатого члена семьи. После продолжительных походов по зимнему лесу сил почти не оставалось. Псина пересекала порог квартиры и прямо в снежных колтунах засыпала в коридоре. К пище она относилась спокойно, могла довольствоваться овсянкой или сырой рыбой.

Спустя пару месяцев начались проблемы с кошками. Дело в том, что фокстерьеры – норные собаки. Их используют в охоте на лисиц, барсуков и других обитающих в норах животных. Это собаки-спортсмены. Им необходимо кого-то догонять, с кем-то бороться. Особую нетерпимость они проявляют к другим собакам (воспринимают их как соперников) и к мелким грызунам (добыча). Охотников у нас в семье не оказалось, поэтому пес начал отыгрываться на зазевавшихся кисках. Отпускать Патьку с поводка возле жилых домов было невозможно. Однако и кошки как-то быстро поумнели и перебрались на деревья.

Другое хобби нашего фокса – это гонки за всем, что быстро движется, начиная от мух и бабочек, заканчивая велосипедами и городскими автобусами.

Деревенские страсти

Весна принесла нам новые открытия. Фокстерьеры обладают повышенным болевым порогом. Всевозможные медицинские прививки Патрикеевна перенесла совершенно равнодушно, в отличие от моих бывших овчарок, которые начинали жалобно скулить уже на подходе к ветлечебнице.

Удивила нас с мужем и страсть Патрика к воде. При поездке весной в деревню, нам приходилось преодолевать широкий ручей, наполненный ледяной, талой водой. Поскольку у мужа были высокие сапоги, он брал меня на руки и вброд переходил на другую сторону. Каково же было удивление, когда наша, еще ни разу не видевшая большой воды собака, легко прыгнула в быстрый поток и переплыла на другой берег. А дальше началось нечто ужасное! Ревность!!! Вот что превратило нашего ангелочка в озверевшего маленького чертика, который, ощерив крепкие и довольно крупные зубы, кидался на нас обоих, требуя поставить хозяйку на землю. Мы хохотали, но щенок-подросток долго не мог успокоиться и сердито фыркал до самой деревни.

Новый фортель выкинула наша милая собачура, когда к ней с лаем подбежала злобная соседская Альма. Совершенно молча, без эмоций ангелочек молниеносно цапнул незнакомку за нос-тюпку. Дикий вопль огласил окрестности. Сколько обиды, сколько страданий было в этом крике дворняжьей души?! За что?! Ведь даже понюхать не успели!

Жизнь в деревне для нашей городской собаки оказалась вполне подходящей. Хозяйская кошка незамедлительно была изгнана за территорию усадьбы, соседские собаки предпочли с визитами повременить. Патька тут же вырыла себе уютную ямку среди опилок и с чувством выполненного долга задремала.

На обратном пути, возвращаясь домой при переходе ручья мы решили предварительно привязать псину к чему-нибудь на берегу, чтобы не вызвать бурную реакцию четвероногого Отелло. Тем более, что мужу все равно бы пришлось возвращаться за оставленными на берегу вещами. Так как до ручья Патрик добралась без поводка, а до электрички было еще далеко, наше намерение ограничить ее свободу показалось фоксу подозрительным.

Минут пятнадцать мы гонялись за этой хитрой шкодой, чтобы прицепить к ней поводок. Она уже поняла все наше коварство, и пока меня переправляли на другой берег, задыхалась от свирепого лая, рискуя

выдрать здоровенный корень березы, удерживающий ее, словно якорь. Наконец, операция успешно завершилась. Взъерошенная событиями, но освежившаяся купанием в воде, Патька отряхнулась и озабоченно обнюхала нас обоих. Печенька закрепила перемирие, и мы поспешили на станцию.

Летние приключения в деревне носили более экстремальный характер. Отправляясь на телеге в ближайший лес за ягодами, мы предоставляли собаке полную свободу. Она же – жизнерадостная и полная неистраченных сил, обнаружив мирно пасущееся стадо, начинала терроризировать животных. Когда у какой-нибудь нервной коровы или быка сдавали нервы, погоня разворачивалась в обратном направлении. Патька пулей покрывала расстояние и ловко пряталась под телегой. Коррида начиналась уже для нас с мужем, так как главный провокатор исчезал для преследователя и был надежно защищен. Муж, словно мельница под порывами ветра, махал руками, кнутом, кричал что-то угрожающее, я же с визгом бегала вокруг лошади и телеги, прощаясь с жизнью. Патриция Степановна где-то в тени, между колесами сохраняла дипломатическое молчание.

Еще одна мерзкая привычка жесткошерстных собак – это валяться на какой-нибудь тухлятине или трупе животного. Однажды Патька «надушилась» непосредственно перед посадкой на электричку. Судя по запаху, тленные останки были уже в самом соку, а оттирать шерсть от этой «прелести» не хватило времени. Мы затащили свое вонючее чудовище под скамейку, но вскоре после движения состава «аромат» постепенно заполнил весь вагон. Пассажиры активно переместились в противоположную от нас сторону, открыли все окна, но сквозняк только усугубил ситуацию. Пришлось нам перебраться в тамбур. Но и там входящие или выходящие пассажиры смотрели на нас с подозрением и брезгливостью. Даже десяток давно не мытых, страдающих дизентерией бомжей не смогли бы составить нам достойную конкуренцию!

Жизнь с фокстерьером в деревне – это отдельный приключенческий роман в специфическом любовно-мелодраматическом жанре с элементами вестерна, хоррора и фарса.

Велосипед, бадминтон и охота

Городские прогулки на велосипедах, с Патриком в рюкзаке привлекали внимание автомобилистов. Мы выбирались в пригород, на реч-

ку. Втроем играли в бадминтон. Важно было не уронить волан. Если он становился добычей фокса, она бегала кругами, стараясь увернуться от наших рук, меняла скорость, но не убегала в сторону, понимая условия игры. Когда, наконец, воланчик оказывался у нас, все начиналось сначала: беготня, прыжки, веселое рычание, покусывание ног в азарте охоты.

Был у нас и опыт сдачи Патрика «в аренду» знакомому охотнику. Только ничего путного из этого не получилось. До барсука дело не дошло, зато охотничьи собаки передрались между собой. Пока их разнимали, хозяева пострадали от острых клыков и своих, и чужих питомцев. Возвращая нам наше сокровище, знакомый посетовал: «Странно... никогда никаких драк не было, а тут...»

Можно сказать, что наша Патрикеевна, прожившая с нами шестнадцать лет, стала полноценным членом семьи. Фокстерьер – это универсальная собака, подвижная, смышленная, очень своенравная, обладающая веселым характером, всегда готовая сопровождать своих хозяев в любых путешествиях и приключениях. Ее бесстрашие не имеет границ, настроение – всегда позитив, любопытство, проказы и упрямство. За долгую собачью жизнь Патрика лягала лошадь, сбивала машина, ей доставалось от более крупных и агрессивных псов, но не было в ее «послужном списке» места страху, унынию, лени. Это сгусток бешеной энергии, безудержной жажды действий, соревнований в скорости, в прыжках, в ловкости. Как писал Джером Клапка Джером: «У фокстерьеров примерно в четыре раза больше врожденной греховности, чем у других собак, и нам, христианам, понадобится немало терпения и труда, чтобы сколько-нибудь заметно изменить хулиганскую психологию фокстерьеров». Но мы любили свою псинку именно таким – маленьким непредсказуемым чертёнком, со всеми ее грехами и добродетелями.

Барс и Черныш

Говорить о близнецах среди собак вроде бы бессмысленно, ведь все щенки, родившиеся от одной матери в один день и год, автоматически являются близнецами или, как называют их собаководы, однопометниками. (Помет – это единовременный приплод у собак и некоторых других животных). Если у щенков родители принадлежат одной породе, то кутята очень похожи друг на друга.

Иное дело у дворняжек... Одни новорожденные могут походить на свою маму, другие на дедушку или тетю с дядей. По пяти-

шестимесячным дворняжкам уже трудно догадаться, что они являются однопометниками, настолько песики разные по виду, окрасу и даже по размеру.

Как-то осенью на территории Уфимского русского академического театра драмы одна моя знакомая дворняжка по кличке Мамзель принесла очередное потомство. В помете было 11 щенков, но количество их постепенно сокращалось: кому-то не хватило молока, кто-то был слаб от рождения... О каждом песике можно написать небольшую заметку, но в конкретном случае я хочу рассказать о двух братьях... близнецах. Барс и Черныш - копия своей мамы, но это только внешне. От своего отца они унаследовали характер первооткрывателя и шумного скандалиста. Два абсолютно черных братика долгое время жили без имени, так как отличить их друг от друга не представлялось возможным. Только к четвертому месяцу я поняла, что характеры у них очень разные. Более подвижный и темпераментный стал Барсом, а осторожный и несколько меланхоличный - Чернышом. Если они спали, свернувшись на снегу, гадать о том, кто есть кто, - напрасный труд. Коротким свистом я заставляла их вскочить. Узнав меня, собаки с громким, радостным лаем бежали навстречу. Первым летел Барс, следом, почти касаясь щекой его плеча - Черныш, более крупные братья и сестры чуть опаздывали.

Щенки располагались возле меня полукругом, нетерпеливо перебирали лапами, облизываясь, а «близнецы» тонко повизгивали. По нескольким пластиковым тарелочкам я раскладывала разбухший в мясном бульоне хлеб с кусочками колбасы. Интересная деталь: если другие кутята рычали и отгоняли своих родственников от еды, то «близнецы» всегда дружно, щека к щеке, поедали свою порцию, а потом нежно облизывали мордочки друг другу.

При раздаче косточек выработался особый ритуал: каждый получал лакомство по очереди. Но здесь уже холерический темперамент Барса портил семейную идиллию. Вместо того, чтобы спокойно дожидаться на своем месте, он пытался в прыжке перехватить чужой кусок. Мне приходилось делать ложный замах - Барс срывался с места, а косточка спокойно доставалась очередному едоку.

Меланхолия Черныша тоже была своеобразной: если косточка падала вдали от него, он жертвовал ее братьям и сестрам. У Черныша наблюдалось какое-то «философское» отношение к пище. Он быстро наедался супом и на потерю деликатеса смотрел равнодушно. Зато шуршащая бумажка или летящий по воздуху полиэтиленовый пакет могли

надолго лишить его покоя, и он захлебывался от лая. Спровоцировав атаку на подозрительный предмет, Черныш, как правило, возглавлял банду рассвирепевших сородичей. Вместе со щенками, поддаваясь всеобщей истерике, мчалась и тетка - родная сестра их матери - псина весьма тихая и трусливая. Но... на полпути Черныш сворачивал куда-то в кусты, а продолжающие бессмысленную погоню собаки в недоумении оглядывались по сторонам в поисках врага. Враг не находился, и четвероногая компания мирно трусила обратно. Нужно было видеть - с какой неподдельной радостью после одно-двухминутной разлуки встречал Барса Черныш. Его полустоячие ушки от счастья почти соединялись на затылке, а розовый язычок быстро облизывал носик Барса.

Уже взрослея, щенки стали проявлять больше самостоятельности, и только «близнецы» всегда держались вместе. «Помеченная» Барсом кочка непременно будет «помечена» и Чернышом. Подобранная Чернышом палочка обязательно привлечет внимание Барса.

Провожая меня, собаки доходили до границы «своей» территории. Я выходила на проспект и оглядывалась: на сугробах, словно столбики, сидели щенки-подростки и смотрели мне вслед. «Близнецы» плотно прижимались друг к другу, поэтому издали казалось, что на снегу из черного комочка торчат две головы и четыре ушка.

Охота в большом городе

Жители крупных мегаполисов заняты собой. Высотные здания, огромное количество транспортных средств, постоянно спешащие куда-то пешеходы - это привычный фон нашего бытия. Редко кто останавливается, прислушиваясь к пению птиц или любуясь тихим уголком Старой Уфы; еще реже обращают внимание на городскую беспризорную кошку, блохастую дворнягу деловито бегущих на помойку или лениво дремлющих на остановке общественного транспорта. Впрочем, собак - вольных рыцарей каменных джунглей, становится все меньше и меньше.

Уфимский пейзаж оживляют дворные псы частных домов, покорно сидящие возле своей хозяйки, торгующей морковкой, редисом, зеленью и другими дарами собственного сада-огорода или сопровождающие хозяина в ближайший ларек за пивом. Вот подобная собаченция-компаньон - помесь дворняжки с жесткошерстным фокстерьером частенько встречается мне на улицах Бессонова и Комсомольской. Ремешок от мужских брюк вместо ошейника, говорит о наличии у хвостатого го-

рожанина – «прописки», а внешний непрезентабельный вид указывает на аскетическое существование под открытым небом. Пока владелец симпатичной псинки в состоянии легкой прострации потягивает пиво, животное развлекается по-своему.

Нужно заметить, эту собаку я знаю уже больше года. Меня озадачило ее агрессивное, на первый взгляд, непонятное поведение, которое напоминало охоту... на автомобили. Четвероногая Диана (я назвала ее так в честь древнеримской богини охоты) была в интересном положении, с большим животом, но, по-видимому, предпринимала все усилия, дабы не потерять спортивную форму. Пока хозяин блаженствовал на скамеечке, собака укладывалась на обочине дороги и высматривала «врага». Я пыталась анализировать: какие машины особенно раздражают энергичную даму, но ее выбор остается для меня бессистемным, а тайна неприязни к отдельным представителям богатого автомира - не разгаданной. Иногда охотница кралась и с лаем бросалась на бесшумно проезжающую иномарку; бывало, что приступы собачьего гнева вызывал тяжелый, медленно ползущий грузовик или легкая «Газель». Перед атакой Диана делает «страшную» морду, ощеривается, глаза злобно блестят, полустоячие ушки приподнимаются, шерсть встает дыбом, хвост торчком. Прежде, чем рвануть с места, псина наклоняет голову и на прямых напряженных лапках совершает короткий разбег. Всем своим видом Диана показывает: ну, держись! загрызу! Однако, пробежав 30-40 метров, она, как ни в чем не бывало, грациозной трусцой возвращается на исходную позицию. Затем, охотница равнодушно пропускает несколько транспортных средств и вдруг... вот она - мерзкая, пахнущая бензином и маслом, добыча! Собака показывает зубы, раздается грозный рык, и Диана, как спринтер, с низкого старта бросается в погоню за машиной.

Недавно моя забавная автопреследовательница оценилась. Увы, сей факт не заставил кормящую мать остепениться. Охота с выслеживанием и гонками на короткие дистанции продолжают. Периодически умное животное навещает ближайшие магазины. Люди не могут устоять против взгляда миндалевидных карих глаз, смело и с любопытством смотрящих на них из-под мохнатых бровей. Псина не лебезит, не подхалимничает, не ласкается... она терпеливо ждет. Вкусные кусочки перепадают от сердобольных старушек, угощают постоянного посетителя и доброжелательные продавцы. Подкрепившись, собака рысит к своему излюбленному месту – «в засаду». На мои монологи по поводу легко-

мысленности ее поведения, Диана реагирует с явным смущением, словно хочет сказать: «Ну, что ж... это маленькие собачьи слабости... Погоня за добычей понарошку. Охота в большом городе.» Я улыбаюсь, треплю бархатные ушки, жесткую пыльную шерстку и ухожу, провожаемая пристальным взглядом городской дворняжки сохранившей свой природный охотничий инстинкт.

Равнодушные, озабоченные делами, прохожие даже не догадываются о том, что странная псинка гоняется и облаивает не автобусы или легковушки, а демонстрирует рабочие качества настоящей охотничьей собаки. Уфимская Диана прекрасно понимает: шустрый пикап, изрыгающий черный дым, большегруз или летящий «Мерседес» - не заяц, не лисица и даже не хомяк... Но ведь так хочется поиграть!

Горе

Транспорт является источником повышенной опасности не только для людей. Деревенские собаки гораздо хуже городских дворняг ориентируются на проезжей части.

Рано утром мой муж Роман ехал на машине по направлению к микрорайону Дема. Его внимание привлекла большая серая, с ошейником, дворняга. Она сидела на обочине, широко расставив лапы и понуро опустив голову. Стоячие ушки были разведены в стороны и как-то безжизненно повисли. Роман притормозил, и в трех-четыре метрах от этой собаки увидел другую – рыжую. Она тоже была в ошейнике; крупная, похожая на лайку, псина лежала на краю дороги. Роман склонился над ней, ощупал еще теплое тело. Увы, ей уже ничем нельзя было помочь. Серый сидел не шелохнувшись, словно не замечал появившегося рядом человека. В его светло-карих глазах застыло горе.

На снегу вдоль дороги множество собачьих следов переплетались в сложный узор, который то образовывал параллельные цепочки, то прерывался небольшими ямками, то вновь появлялся и петлял, исчезая на асфальте проезжей части. По характеру следов можно было сделать вывод, что собаки играли, опрокидывая друг друга. Тут же валялась обгрызенная палка.

Роман оттащил Рыжего на обочину, достал из пакета пирожок с мясом и бросил его Серому. Песик даже не понюхал угощение.

Вечером на обратном пути фары высветили одинокую фигуру собаки, по-прежнему сидевшую возле своего погибшего друга. Роман вы-

шел из машины и позвал Серого к себе. Собака переступила лапами, но с места не двинулась. Тогда Роман положил рядом с несъеденным пирожком кусочек колбасы. Песик остался равнодушен, только взгляд, полный невыразимой печали, скользнул в сторону ближайшей деревни.

Роман сидел на корточках и пытался уговорить Серого покушать. Еще некоторое время собака была неподвижна, затем она отряхнулась и сделала несколько шагов в сторону Рыжего.

Она стояла в нерешительности, втягивая воздух ноздрями, потом нашла знакомую палочку и взяла ее в зубы. Никто не пытался эту игрушку у нее отнять. Псина уронила палочку в снег и, по-волчьи прижимая уши, побежала туда, где светились окна деревенских изб.

Рыжая бестия

На телеканале «Планета животных» есть очень интересная и познавательная передача «Переводчик с собачьего» с участием американского специалиста-кинолога Цезаря Миллана. На примерах общения с «трудными» собаками, чье поведение никак не устраивает владельцев животных, Цезарь показывает, как нужно построить свои отношения с четвероногим другом, чтобы не возникало конфликтных ситуаций. Иногда в сложных положениях оказываются не только начинающие собаководы, но и, казалось бы, опытные работники специальных приютов для беспризорных животных, и даже полицейские.

В России, к сожалению, культура поведения хозяев и их питомцев оставляет желать лучшего. Но... встречаются и среди собак феноменальные личности! Об одной такой - очаровательной и умной лайке по имени Лора, я и собираюсь рассказать.

Маленький рыжий комочек с остренькой мордочкой, стоячими ушками и хвостиком крендельком появился в квартире Натальи Крапоткиной в те дни, когда она находилась дома на больничном в связи с переломом ноги. Пять месяцев, проведенные в тесном контакте со щенком, весьма благотворно сказались на развитии песика, ведь его поведение находилось под контролем любящей его хозяйки.

С первых же дней жизни в квартире Натальи Анатольевны Лора усвоила распорядок дня, границы территории на которой ей разрешалось играть, а главное - щенок раз и навсегда понял: вход в комнату с немывтыми лапами после прогулки на улице категорически запрещен. Со временем Лора настолько внимательно стала подмечать в какой после-

довательности совершаются те или иные действия, что опережала своих хозяев, словно угадывая их мысли и желания. Впрочем, Крапоткина уверяет, что собака просто «понимает» человеческую речь. Хотелось бы взглянуть на реакцию знаменитого Цезаря Миллана, когда Лорка демонстрирует свои таланты!

Началось всё с того, что ежедневное открывание холодильника в определенный час Лорка связала с «угощением» ее таблеткой кальция, которую собака принимала за компанию со своей хозяйкой в качестве витамина. Очень скоро догадливая собака уже сама напоминала о приеме лекарственных препаратов, подбегая к холодильнику и выжидательно оглядываясь.

Когда в квартире начался ремонт, Наталья Анатольевна, с шутливым упреком заметила: «Лорка, я все еще в гипсе, хоть ты помогла бы... что-то делать». Собака быстро убежала в другую комнату и вскоре вернулась с куском старых обоев в зубах, который она только что оторвала со стены.

Мытье лап после прогулки превратилось у Лорки в навязчивую идею! Бывает, хозяева выходят с ней во двор на 5-10 минут и, возвратившись домой, не считают нужным устраивать собаке водные процедуры. Педантичной Лорке надоедает стоять в ванной, она с грустным выражением морды выходит в коридор и... остается там ночевать. Если же купание состоялась, хитрющая псина дожидается, когда в спальне выключат свет и аккуратно (никаких прыжков!), крадучись, буквально вползает под одеяло к кому-нибудь из членов семьи. Возмущение хозяев тем, что собачья морда оказалась на их подушке, Лорка воспринимает буквально. Она на некоторое время исчезает из поля зрения, а утром Наталья Анатольевна берет фотоаппарат и в очередной раз фиксирует, лежащих валетом своего сына и безмятежно спящую Лору. Только теперь на подушке красуется ее пушистый хвост.

Рыжая бестия выросла в красивую, грациозную собаку; сейчас Лорке три года и она стала настоящей охотничьей лайкой, любительницей составить компанию сыну Натальи Анатольевны и ее супругу. Этой осенью псина опять озадачила своих хозяев. Семья выехала на природу насладиться последними теплыми, солнечными деньками. Неожиданно прошел дождь. Вердикт вынесли единогласно: мокрую собаку в машину не пускать, тем более что, бывая на охоте, она всегда ночует под грузовым уазиком. Однако едва скрипнул дверной замок, как Лорка шустро протиснулась в салон автомобиля и свернулась калачиком, всем своим

видом говоря, что ей много места не требуется. Наталья Анатольевна, озадаченная такой собачьей наглостью, вздохнула и обреченно заметила: «Ладно, уж, я лягу на скамье». Когда компания приготовилась ко сну, хозяйка с ужасом обнаружила, что на ее месте, вытянувшись во весь рост и басовито похрапывая, спит грязная Лорка...

Конечно, утверждать, что собака понимает человеческую речь и способна проникнуться ситуацией, было бы ошибочно, но... В семье Крапоткиных царит теплая атмосфера любви, доброты и взаимопонимания. Обласканная всеобщим вниманием Лорка всегда смотрит людям прямо в глаза, а уже немалый (по собачьим меркам) жизненный опыт помогает ей безошибочно выбирать правильную линию поведения.

Цезарь Миллан призывает владельцев собак подчинить питомца себе, стать его вожаком... Возможно, опытный кинолог прав, тем более, если это крупная и агрессивная порода, в таком случае личностные качества животного будут постоянно контролироваться и корректироваться хозяином. Однако в России иной менталитет: Лорка воспитывается и живет как равноправный член семьи, она тонко улавливает границы дозволенного, а если и нарушает их, то делает это своеобразно... с каким-то кокетливо-виноватым видом. Ну, на то она и бестия!

Двое

Они появлялись в одном и том же месте – возле леса, сразу за железнодорожным переездом – кривоногая, коренастая фигура бомжа и дворняжка, тоже низкорослая, с толстыми лапами и широкой спиной. Шоферы, проезжающие на свалку, изредка подвозили их, перебрасываясь с мужиком ничего не значащими фразами.

Бомж собирал бутылки, мыл их, подогревая воду на костре, тут же сортировал цветной металл и макулатуру, а между делом кормился тем, что удавалось найти. Собака рыскала поблизости, изредка поглядывая на хозяина. Каждый из них занимался своим делом, но словно невидимая нить связывала два этих существа. Бомж только поднимал голову, а собака уже ловила его взгляд. «Ну что?» - как бы спрашивали глаза мужика. В ответ – сдержанное повиливание хвостом. И снова – мусор, бутылки и стаи ворон поглощали все внимание странной парочки.

Металл и макулатуру тут же – на свалке за копейки принимали заезжие «бизнесмены». Когда большой мешок наполнялся чистыми бутылками, на спину собаки пристегивалось нечто вроде школьного ранца

с едой. Мужик взваливал на себя мешок, и они медленно, каждый со своим грузом, брели к автобусной остановке.

Иногда эти двое куда-то пропадали, но спустя некоторое время их опять видели идущими вдоль дороги к свалке. И вновь трогательная идиллия между человеком и собакой заставляла водителей давить на тормоза. Бомж привычно открывал дверцу, собака уверенным прыжком забиралась в кабину, а следом за ней влезал и ее хозяин, наполняя воздух запахом дешевых сигарет и грязной одежды. Собака расставляла лапы и, привалившись боком к изъеденному молью валенку своего друга, дремала.

Никто не интересовался биографией пассажиров, но их присутствие стало неотъемлемой частью местного пейзажа. Как будто какой-то невидимый режиссер предоставил эту часть планеты в их распоряжение, но забыл познакомить с сюжетом пьесы. Сколько было прожито ими дней и ночей, таких похожих друг на друга? Они и сами не знали. Впрочем, однообразие жизни не тяготило их. Бомж не пытался сблизиться с такими же бродягами, промышляющими тут же на свалке, а собака с подозрением и злобой реагировала на псов из ближайших деревень. Казалось, две эти души – одни во всей вселенной, но они были вдвоем, а космическое одиночество их не смущало.

Неизвестно, кто первым обнаружил замерзший труп мужика на опушке леса. Милиционер и двое в штатском не решались приблизиться к телу для осмотра. В метре от умершего стояла костлявая, с ввалившимися от голода боками, дворняга. Она угрюмо смотрела на людей, ощериваясь при их приближении. Мужчины о чем-то поговорили между собой, и один из них махнул рукой. Прогремел выстрел. Собака рухнула на снег, но ее лапы еще некоторое время дергались, словно она спешила догнать уходящего вдаль хозяина.

Осеннее настроение

На улице то дождь, то снег, осыпаются листья, трава пожухла. Все реже появляется солнышко, лужи не успевают высохнуть. Грустно. Я стою у окна и наблюдаю за происходящим. Вот сосед открыл капот и деловито копается в двигателе. К нему подошел его приятель с таксой. Поздоровались. Начался обычный светский разговор.

Я полила цветы и вновь посмотрела за окно. Мужчины увлеченно говорили, жестикулируя и поочередно заглядывая под капот. Такса, пользуясь свободой длинного поводка, обнюхивала местные кусты. Вдруг к собаке подлетела ворона. Сначала птица как бы примеривалась и оценивала соотношения сил, а потом быстро клюнула таксу в кончик хвоста. Пёсик подпрыгнул от неожиданности, но не испугался. Хвост он всё-таки подобрал поближе к животу, а мордой смело развернулся к неприятелю. Ворона сделала вид, что она больше не интересуется этой компанией, и стала деловито клевать подгнившее яблоко. Прошло 2-3 минуты, собака расслабилась, села, поглядывая на хозяина, и вот тут-то ворона резко подпрыгнула и долбанула псинку своим мощным клювом точно между ушей. Такса взвизгнула и юркнула под полу модного хозяйского пальто. Наконец-то и владелец собаки обратил внимание на нахальную ворону. Он свернул трубочкой газету и, словно саблей, взмахнул над головой. Ворона уселась на проводах и громко закаркала, явно высказываясь в адрес присутствующих.

Я ушла на кухню, готовила завтрак, когда услышала шум и крики за окном. Всё те же действующие лица зонтиком и газетой отбивались уже от двух ворон, а такса спряталась под пальто хозяина и заливисто лаяла, выставляя наружу только кончик носа.

Неожиданно полетели крупные хлопья снега. На улице стало тихо, словно невидимый режиссер выключил звук. Водитель закрыл капот, мужчины с таксой сели в автомобиль. Вороны, потеряв объект для нападения, устроились на ветке старого клена и нахохлились. Автомобиль медленно развернулся. Такса стояла на задних лапах, прижав морду к стеклу; она прекрасно видела своих обидчиц и отчаянно лаяла, выплескивая эмоции. Но, поскольку окна были плотно закрыты, стояла тишина, а с неба летели огромные, пушистые снежинки.

Навсегда в наших сердцах

Вечером поздней осенью 1971 года в северной части парка имени И. Якутова, недалеко от клуба тепловозо-ремонтного завода происходило что-то странное. Двое мужчин выкопали глубокую яму, и вскоре к забору со стороны бульвара Ибрагимова подъехал старенький «Москвич». Водитель открыл багажник и мужчины вытащили из него нечто, завернутое в белые простыни, на которых проступали тёмные пятна.

Ночные копатели уже успели разровнять землю на свежей могилке, когда милицейский «Газик» перекрыл дорогу «Москвичу». Бдительные жители ближайших домов вовремя успели сообщить о происходящем в соответствующие органы. Включились фонарики оперативников, к месту происшествия подтянулись редкие прохожие.

На другой день мамина коллега по работе уже рассказывала жуткую детективную историю. Это её соседка звонила в милицию и первой встречала подъехавшую патрульную машину. «Преступников» заставили раскопать могилу и вытащить завёрнутый в окровавленную простыню труп... немецкой овчарки. Мужчины объяснили, что собаку сбил грузовик, и чтобы не травмировать сына-подростка, они решили похоронить любимого пса в парке на пустыре, пока мальчик находился в школе.

Без малого полвека прошло с тех пор, а ситуация с условиями содержания и последним приютом для наших братьев меньших не изменилась. В Уфе не хватает специальных площадок для выгула собак, нет и мест отведённых для захоронения животных.

Немного истории

Та детективная история вспомнилась мне, когда прошлым летом в палисаднике Пензенского краеведческого музея среди кустов пыльной сирени я увидела два надгробных памятника из чёрного лабрадора. Плиты были привезены из села Князевка, что в 30 километрах от города Пензы, где находилось имение князя Сергея Сергеевича Голицына. Эти памятники его светлость поставил на могилах своих любимых собак. Первый - псу по кличке Азар - изготовлен в Москве, в мастерской Георгия Листа. Надпись на лицевой грани свидетельствует, что «Азарь родился 26 октября 1904 года, пал 1 февраля 1912 года».

Собачья биография второго пса - Угара, несколько богаче: «Угарь. Родился 1889 г. - пал 1 сентября 1900г. Вь свою жизнь изь подь него принято 5 волковь, словлено имь 31 лисица, 31 русакь и 39 беляковь.»

Проблема захоронения трупов животных всегда была труднорешаемой. Вот что пишет по этому поводу О.П. Гаврюшкин в книге «Гуляет старый Таганрог»: «Показательный случай произошёл в 1916 году на одной из улиц, где городской усмотрел труп дохлой собаки. По этому поводу полицмейстер города через местную газету обратился в городскую думу с вопросом: “Кто должен убирать падаль? На Елизаветинской

улице против дома №25 давно валяетсядохлая собака, и, несмотря на двукратное обращение пристава второго участка к смотрителю санитарного двора об уборке падали, последняя до сего времени не убрана”. Только через несколько дней, после продолжительных телефонных переговоров между управлением полиции и городской исполнительной санитарной комиссией, околевшую собаку убрали».

В данном случае речь идёт о бродячей собаке, но ведь сотни владельцев мелких и крупных животных готовы заплатить деньги (подчас - немалые!), чтобы устроить своим любимцам достойные похороны. И это не блажь, не самодурство! Воспитанные, культурные люди не выбросят сдохшую кошку или черепашку в мусоропровод. Человеческая душа должна страдать при виде сломанного дерева, а смерть животного нужно пережить как потерю частички своей души.

Нельзя равнодушно читать строки дневника кавалерист-девицы Надежды Дуровой, где она описывает гибель своего коня и ту боль, которую она испытала при этом: «Алкид! Алкид! Для чего я не умерла тут же... Дежурный офицер, увидя, что я обнимаю и покрываю поцелуями и слезами бездыханный труп моей лошади, сказал, что я глупо ребячусь, и приказал вытащить её в поле; я побежала к ротмистру просить, чтоб приказал оставить в покое тело моего Алкида и позволил мне самой похоронить его.

Товарищи мои, тронутые чрезмерностью моей горести, вырыли глубокую могилу, опустили в неё Алкида, засыпали его землёю и, нарезав саблями дёрну, обложили им высокий курган, под которым спит сном беспробудным единственное существо, меня любившее».

Члены семьи

У моей знакомой пропал кот. Для одинокой, старой женщины - это трагедия. Мальчишки во дворе сказали, что кота задавил автомобиль, а труп кто-то бросил в контейнер с мусором. Последний контейнер водитель мусоровоза уже выгрузил в кузов своей машины, когда хозяйка погибшей животинки, рыдая, попросилась съездить с ним на свалку. Она не могла оставить своего Басю на съедение воронам, не могла бросить четвероногого члена семьи, как бросают ненужную вещь.

Водитель вместе с бомжами, оказавшимися на свалке, перевероршил мусор, и труп Баси, грязный и окровавленный, был найден. Женщине едва хватило сил отчистить, завернуть в тряпочку и похоронить

своего маленького друга в ближайшем лесочке. После всех этих событий и волнений она пережила инфаркт, но тепло и с благодарностью вспоминает людей, которые помогли ей последний раз прижать к сердцу милого Басю.

А вот в дореволюционной России при московской сыскной полиции имелся так называемый летучий отряд из сорока человек. В него входили специалисты по разным отраслям розыска. Имелись: лошади, коровники, собачники и кошачники. И дело здесь не в том, что люди владели богатыми конюшнями или охотились с редкими, дорогими породами собак... Просто в 19-ом веке природа была к нам ближе, а уровень человеческой культуры - выше. Дети с самого раннего детства наблюдали пасущееся стадо, играли с козлятами, кошками, слушали пение птиц.

На казака, ударившего лошадь, товарищи смотрели с презрением. В армии, на войне солдаты частенько носили за пазухой ручного щегла или бельчонка. В редкие часы отдыха сердце должно оттаивать. Доброта - лечит.

Захоронения в парке

Несколько лет тому назад на территории парка имени М. Гафури, возле открытого теннисного корта появилась свежая могилка. Небольшой холмик был украшен венком из искусственных цветов; периодически кто-то приносил живые цветы. Имя усопшего неизвестно, хотя по размерам захоронения можно судить, что это ушедшая в мир иной маленькая собачка или кошка. С одной стороны, поступок владельца животного заслуживает одобрения - четвероногого друга не выбросили на помойку; с другой, превращать место отдыха горожан в кладбище, по крайней мере, неэтично.

А вот памятник умершему коню по кличке Садко меня приятно удивил. Находится он на территории конюшни, в северной части парка им. Гафури. Как сообщили в региональной общественной организации по развитию конного спорта Республики Башкортостан «Конный дворик у Садко», под могильной плитой трупа нет, там находится только грива Садко. Возле плиты горит свеча, лежат цветы, на оградку положен венок с трогательной надписью: «Ты навсегда в наших сердцах». Конь прожил 23 года, дал хорошее потомство, отличался умом и покладистым характером.

Российские чиновники, наконец-то, ввели в законодательство статью об ответственности за жестокое обращение с животными, владельцы братьев наших меньших платят налоги на содержание своих питомцев. Районные администрации города Уфы кое-где оборудовали площадки для выгула собак. Почти в каждом магазине можно купить специальный корм для животных. Появились всевозможные клубы любителей кошек, собак, голубей и т.п. Профессиональные грумеры-парикмахеры формируют внешний вид (естественно не бесплатно!) кошки или собаки для выставки. То есть... народ готов выкладывать и уже выкладывает весьма солидные суммы на содержание своих любимцев. Так неужели у городской администрации столицы Башкортостана не найдётся участка земли для культурного погребения животных?!

СТИХИ

Музей моей души

Музей моей души,
Музей воспоминаний,
Позволь побыть в тиши
Твоей аллеи дальней.

Я в прошлое уйду,
Но мне совсем не страшно;
Я просто загляну
К самой себе вчерашней.

По улочке кривой,
Вдоль серого забора,
По старой мостовой,
К развалинам Собора.

И дальше, сквозь бурьян
Заросшего сарая,
Где рыжий пес Буян
Уже охрип от лая.

Туда, где милый дом
И флигель в два окошка.
Он с детства мне знаком.
И на крылечке кошка.

Присяду на скамью,
Кругом царит прохлада;
И я с восторгом пью
Медовый воздух сада.

Божественный обман!
Душа мечтой согрета,
И снова бьет фонтан,
И длится, длится лето.

Признание

Уж с детских лет рвалась душа
К гусарским подвигам и к славе.
Туда, где мужеством дыша,
Казаки мчались вихрем в лаве.

На поле брани, в пламень, в дым,
И на коне под свист картечи
Влететь гусаром удалым,
И смелым пасть в кровавой сечи.

Коротким был бы этот миг,
Но целой жизни он достоин:
Услышать свой победный крик,
И умереть, как русский воин.

Героям 1812-го года

Я прошу вас... вернитесь, вернитесь, вернитесь!
Аполлоны, надевшие мантик великих Побед!
И судьбою своей, словно знаменем, вы прикоснитесь,
И зажгите в душе этот яркий, немеркнущий свет!

В грубой рамке окна только снег и луна серебрится...
Тишина. Полумрак. И какой-то вселенский покой.
Легкий трепет свечи оживляет забытые лица.
И проносится вздох, и наполнилось сердце тоской.

Колокольчика звон прогремел над уснувшей планетой,
Жаркий пар от коней после долгого, долгого бега...
Я когда-то жила... Мне до боли знакомо все это...
Скрип калитки и запах колючего, жесткого снега...

Уж давно пожелтели страницы старинного тома,
Но опять наугад открываю я чьи-то «Записки»...
Это вы, Александров? Давыдов, входите, я дома!
Очень сильный мороз, да и путь оказался неблизкий.

Осенённые Бородино

Все другое: и люди, и реки,
Вкус вина и осенние сны.
Я живу в девятнадцатом веке
Под Москвой после страшной войны.

Старый дом, мезонин в три окошка,
И уводит от самых ворот
Неприметная с виду дорожка
Мою душу в двенадцатый год.

Мимо озера к светлой опушке
Тороплю вороного коня,
Где весь день обещает кукушка
Бесконечную жизнь для меня.

Там горят негасимые свечи,
Охраняя покой и уют.
Там звучат чьи-то тихие речи,
И на раут лишь избранных ждут.

Кто судьбою, как пулей отмечен
Прямо в сердце, но сам он не тлен,
Кто с богиней Победы повенчан;
Наш пароль: «Сен-Жермен! Сен-Жермен!»

Повод брошен и звякнуло стремя,
Луч коснулся моих эполет.
Ах, как быстро проносится время!
Ах, как много уж прожито лет!

Стол накрыт для великих счастливцев.
Кровью пенится в кубках вино.
А вокруг все знакомые лица...
Осененные Бородино.

Здравствуйте, барышня-офицер!

Кавалерист-девице Надежде Дуровой

Луч замешкался между стволов;
Сумрак вечности мыслью взрыт.
Где-то в выси колоколов
Сердце бьется под стук копыт.

Здравствуйте, барышня-офицер!
Заскрипели ступени в ответ.
Не бывает в любви полумер:
Я в Елабуге жду рассвет.

Оживает каждый листок,
Яблоко падает к ногам.
Переступаю через порог
И... прислушиваюсь к шагам.

Тише! Тише... Иду, не дыша...
Здесь не место громким речам!
Здесь с душой говорит душа,
Здесь тепло и горит свеча.

Надежда

Посвящается Елабужскому музею-усадьбе кавалерист-девицы Надежды
Дуровой - штабс-ротмистру Александру Александрову

Время сжато на площади дома:
Вышивка, сабля и тихая старость...
Воспоминанья, как ложечка рома,
Росчерк судьбы – гениальная странность.

Наденька, Надя – жизнь от порога:
Данное имя – младенца одежда.
Быть Александром – назначено Богом.
Вот и сбылась, оправдалась Надежда!

Рождение

Михаилу Лермонтову

С неба ночного – узкая лестница;
Шорох в осенней листве.
Вдруг зазвучала тихая песенка
В послевоенной Москве.

Ожили тени и в доме затопали.
«Что там? Уже родила?»
А под окошками весело хлопали
Два белоснежных крыла.

Точка отсчета: душа и мгновение;
Ангел и Демон начали спор.
Вера, Надежда, Любовь и Сомнение
Ждут его где-то на уровне гор.

Игра в слова

Михаилу Лермонтову

Игра в слова – опасная стихия...
Пророчество? Иль разума порок?
Безумец, чародей или мессия
Дает провидческий урок?

Слова имеют форму и окраску,
Тональность, запахи и свет.
То расточают нежности и ласку,
То бьют прицельно, словно пистолет.

Об этом не написаны романы,
Не сочинен чувствительный сонет...
Как легкий вздох читается: «Гарханы».
Как эхо выстрела: «Поэт».

Тамань

Михаилу Лермонтову

Луна заблудилась в тумане;
Не видно огней. Глухомань.
А я подъезжаю к Тамани,
Я помню ночную Тамань!

Вот здесь, мимо ветхих заборов,
По тропке на берег сверну,
Где моря воинственный нор
«Волной погоняет волну».

Над морем - беленая хата.
В окошке разбитом – свеча.
Трава возле дома примята;
И сброшена бурка с плеча.

Все хрупко и все быстротечно,
А свечка горит и горит...
И тихо сквозь синюю вечность
Со мною звезда говорит.

Вся жизнь – разведка

Посвящается генерал-лейтенанту Павлу Судоплатову

Скрип портупей и сапог
Ласкает душу.
Но я за тех, кто в жизни мог
Сказать: «Не струшу!»

Шагнув из мальчиков в мужи
По бездорожью,
Идут под пули и ножи
Легко, без дрожи.

Кто духом смел и сердцем чист –
Не для награды.
Игра с врагом – опасный вист,
Без ретирады.

Там слово каждое – капкан,
Ухватит цепко.
Судьба – легенда, и в туман
Ведет разведка.

И каждый шаг, как тихий бой –
Все на прицеле.
И каждый водит за собой
Своих Скорцени.

Ударит в спину чей-то взгляд:
Враги? Свои ли?
И кружит, кружит маскарад
На грани были.

Завесой дым от папирос.
Крутись, рулетка!
Ответ не найден на вопрос...
Вся жизнь – разведка!

Космос любит одиноких

Космос любит одиноких,
С грустной лунностью во взгляде;
Тех, кто в странствиях далеких
Ищут путь к своей Элладе.

Чья душа, как парус белый,
Не распятый праздным штилем;
Дышит бурей, и умело
Нужный курс находит килем.

Чужды нежного комфорта
Их привычки и желанья.
В бухте избранного порта
Им назначено свиданье.

Жану Маре

Вновь возвратиться! Снова жить!
Где снам и яви нет границы.
И с легким трепетом страницы
Перелистнуть... и снова быть!

То капитаном, то бродягой,
То в кандалах, то на коне,
То тенью промелькнуть в окне,
То зримо – покорить отвагой!
Быть снисходительным к врагу,
Быть щедрым с верными друзьями;
И помнить во дворце с князьями
Маяк на дальнем берегу.

Я к тебе загляну...

Я к тебе загляну невзначай...
Словно мне по пути или рядом.
Ты меня без улыбки встречай,
Удивленным, но ласковым взглядом.
Мне так трудно бывает порой,
Что нет силы одной оставаться.
Может легче мне будет с тобой
И грустить, и любить, и смеяться?!

Когда под плач житейских вьюг...

Когда под плач житейских вьюг
Тебе захочется свободы,
Купи билет в Санкт-Петербург
На все оставшиеся годы.
Пусть звон далеких бубенцов
В веках растаял, как в тумане;
И нет царей, и нет купцов,
И подорожной нет в кармане...
Есть только белый, белый снег
И рельсы, и полоска леса,
И сердца бешеный разбег
Под гул летящего экспресса.
Ах, Петербург! Как вечный стих!
Живут, живут дела Петровы!
И на старинных мостовых

Еще звенят коней подковы.
Пройди на Невский, в Летний сад...
Верь в красоту, как верят в Бога.
И пусть звезды небесный взгляд
Благословит твою дорогу.

Посвящение

Просто хорошему человеку - Владимиру Анатольевичу Скачилову

Шляпа с пером или перьями длинными,
Веер пушистых ресниц.
Смотрят с портретов такими наивными
Дети царей и цариц.
Ангел-хранитель в платице с бантом,
Тонкая вскинута бровь.
Юный гусар с золотым аксельбантом, -
Вера, Надежда, Любовь.
Жизнь-летописец листает страницы
Пыльных от времени книг:
Годы и факты, судьбы и лица,
Вечность и вспыхнувший миг.
Трубы играют походные марши,
Войны сменил менуэт.
Подвиг военный и посох монарший
Благословляет поэт.
Славу преследуют зависть и злоба.
Власть порождает врагов.
Тайна хранится за крышкою гроба
С трона сошедших богов.
Тех, кто ушел, нам судить не пристало,
Но... проливается кровь.
И отгесняются вновь с пьедестала
Вера, Надежда, Любовь.
Только бы тучи собой не закрыли
Луч долгожданной зари.

Ходят по свету легенды и были,
Бродят скитальцы-цари.

Немного о себе

С моей душою все в порядке;
Сама с собой я не играю в прятки.
Я для ума ищу загадки,
А бег по парку – для разрядки.

Я встретил Вас...

Я встретил Вас... Как это старо!
Но вечна музыка аллей...
Звучит старинная гитара
И льется на душу елей.
 Я встретил Вас... Во сне ли, в парке?!
 Была жара или падал снег?!
 Вы были в вечном полушалке,
 И время замедляло бег.
Я встретил Вас... Душа читала
Годов минувших письма.
И мостовая повторяла:
«Вот здесь... вот тут прошла она!»
 Лишь тополиный пух со снегом,
 А не века разделят нас.
 И, опьяненный долгим бегом,
 Вновь прошепчу: «Я встретил Вас...»

Этот дом на Волновой

Музею Александра Тюлькина

Этот дом на Волновой –
Как дрейфующее лето,
Где герани и левкой
Дарят тихие рассветы.

Там сирень, как легкий бриз,
Чуть касается окошка,
И тропой, бегущей вниз,
На охоту ходит кошка.

Колокольный тает звон
В аромате медуницы.
На холстах и на страницах
Полутон и полустон.

Старый дом на Волновой –
Годы, радости, потери...
Я твои открою двери –
Отдохну душой.

Я уезжаю навсегда

Я уезжаю навсегда
В тот город, где другое солнце.
Зашторив пыльное оконце,
Я уезжаю навсегда.

А дождь танцует голубой
На крыше старенькой кареты.
И все счастливые приметы
Я увожу с собой.

Какие странные пути
Мне предложило провиденье...
Везде ищу свое мгновенье
И не могу найти.

Как развернется мой сюжет?
В карету убрана подножка.
Я медлю... ну, еще немножко...
Рука сжимает пистолет.

Я уезжаю навсегда
В тот город, где другое солнце.
Зашторив пыльное оконце,
Я уезжаю навсегда.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

Три Александра в истории Уфы

«Существует тайная
и необъяснимая гармония...
между именем человека
и событиями его жизни.»
П.А. Флоренский.

Имя Александр в переводе с древнегреческого означает «защитник людей». Многие выдающиеся личности носили это благородное имя, но хотелось бы вспомнить о трех из них, кто в разные годы 18-го и начала 19-го веков посетил Уфу: выдающийся полководец Александр Васильевич Суворов, император России Александр Первый и участник войн с Наполеоном, штабс-ротмистр Александр Андреевич Александров (известная кавалерист-девица Надежда Дурова). Каждому из этих Александров можно было бы посвятить научную монографию, все они прожили сложную жизнь, отличались своеобразным характером, непредсказуемым, подчас парадоксальным поведением, но общим для всех были: любовь к России, служение и преданность ее интересам, высокая требовательность к себе и ореол некоей загадочности.

Александр Суворов

События, связанные с Пугачевым и Крестьянской войной 1773-75 гг., оставили яркий след в истории Оренбургской губернии.

Жители Уфы, выдержавшие тяжелую осаду мятежников, еще долгое время вспоминали пережитое. Как отмечается в летописи Градо-Уфимской Троицкой церкви в мае 1775 года: «... с Высочайшим поручением Государыни Екатерины Второй в Уфу прибыл известный уже и тогда генерал-майор А.В. Суворов». Квартира ему была предоставлена в доме дворянина заводчикодержателя И.Е. Демидова. К встрече Его Светлости воевода и комендант заранее подготовились. Но Александр Васильевич объявил себя за адъютанта Суворова, в простой рогожной кибитке проехал не в Собор, где его ждали, а прямо на отведенную ему квартиру. Воевода и комендант ожидали его еще часа два на берегу. Завидев повозку, в парадной форме и с немалым страхом подошли они к подъехавшему, рапортуя о городе и о себе. Но каково было их изумле-

ние, даже стыд, когда узнали, что рапортовали не Суворову, а его денщику.

Суворов пробыл в Уфе пять дней и, не теряя времени даром, решил ночью тайно осмотреть конюшни и лошадей Драгунского полка, которые были устроены на берегу реки Белой. На другой день Александр Васильевич сделал выговор полковнику, командиру и офицерам его за то, что в конюшнях у них нет надлежащего порядка, что лошади стоят без сена. Полковой командир догадался, что Суворов сам лично посетил конюшни. А посвященный в планы ночной проверки часовой за свое молчание был произведен Александром Васильевичем в капралы.

Александр Первый

Визит государя Александра Павловича в сентябре 1824 года был отмечен забавным происшествием. За две станции до города у царя сломалась коляска, и он не спеша пошел вперед. Вдоль дороги была деревня, принадлежавшая помещику Мисайлову. Проходя мимо господского дома, Александр Павлович увидел молодую, хорошенькую женщину, которая горько плакала. Подойдя к ней, государь спросил о причине слез. Женщина откровенно отвечала, что ей хотелось бы увидеть царя, но муж не взял ее с собой в город, уехал один. Александр Павлович улыбнулся и сказал: «Не плачьте! Вы можете сообщить мужу, что видели государя, которого он, в наказание за то, что не взял вас с собою, уже не увидит». В это время подали коляску, и царь уехал.

По прибытии в Уфу он приказал полицмейстеру немедленно арестовать Мисайлова таким образом, что он с ним не мог встретиться. При отъезде же велел арестанта освободить и успокоить, разъяснив, что эта временная изоляция – наказание за неисполнение желания его миленькой жены.

Сохранились сведения о том, что государь 18 сентября в Уфе заложил первый камень в основание собора во имя Александра Невского (Александровской церкви). Ныне на этом месте – здание Совета Федерации профсоюзов Республики Башкортостан.

Известно также, что по приезде в Уфу Александр Первый останавливался в доме у станичного атамана Патронина на улице Набережной. По воспоминаниям уфимского дворянина М. Ребелинского, государь «... был в черном мундире с красною выпушкой, в таких же панталонах

с ботфортами; в серебряных эполетах и треугольной шляпе с белым пером».

Александр Александров

Третий из Александров представляет явление уникальное: под мужским именем скрывалась женщина – кавалерист-девица Надежда Андреевна Дурова. В Уфе проживали ее дальние родственники. Выйдя в отставку, Дурова не любила задерживаться на одном месте, поэтому, естественно, наш город на несколько лет стал близким и родным для души романтического штабс-ротмистра.

В записках уфимского старожила генерал-майора М. Ребелинского подробно описана встреча с этой интересной личностью, состоявшаяся примерно в 1828 году на обеде у знакомого чиновника: «Мы сели обедать, как вдруг вошел пожилой, небольшого роста, седоватый, гладко остриженный, весьма некрасивой наружности мужчина. Он с развязностью совершенно военного человека раскланялся и сел с нами обедать. За столом он обратил внимание на мою гусарскую форму, завел со мной разговор о службе, делал разные вопросы, видимо интересовался кавалерийским делом; из его слов было видно, что он сам – опытный кавалерист. После обеда дамы остались в гостиной, а мы втроем (с хозяином) пошли в кабинет курить. Стриженный маленький господин, разлегшись на диване с длинной трубкой, начал рассказывать о своей прежней службе, о походах 12-го года. При этих воспоминаниях его некрасивое лицо оживилось, глаза разгорелись тем сильным, жгучим огнем, которыми горят они о воспоминаниях сильных душевных тревог. Вся фигура этого маленького, невзрачного человека воодушевилась, и по всему было видно, что в этом маленьком теле была сильная, твердая душа, которая много испытала, лично перенесла в продолжении своей жизни. Наконец он встал, взял шапку и, поклонившись, вышел».

К сожалению, нынче только архив хранит память о визитах в Уфу трех Александров. Впрочем, одному из них – А.В. Суворову повезло чуть больше других: в его честь названа улица, а главное – сохранился дом на Большой Казанской (теперь ул. Октябрьской революции, 57/1), в котором он останавливался.

В 30-е годы 20-го века была разрушена Александровская церковь, одноименная улица получила новое название – Карла Маркса.

Хочется верить, что уфимцы, создавая новую историю, сумеют сохранить и увековечить память о великом полководце Суворове, и, конечно, отдадут должное первой женщине-офицеру, ординарцу Кутузова, Георгиевскому кавалеру, талантливой писательнице Н.А. Дуровой, чьи «Записками» восхищался сам Пушкин!

Уфимские страницы кавалерист-девицы

Мало кто знает, что Надежда Андреевна Дурова (1783-1866 гг) - участница войн с Наполеоном, Георгиевский кавалер, ординарец Кутузова, талантливая писательница, чьей прозой восхищались Пушкин и Белинский, имела родственников в Уфе, и в конце 20-х начале 30-х годов 19 века несколько лет прожила в нашем городе.

Ее предки по отцовской линии были родом из Турова - небольшого городка Минской губернии, в прошлом столицы Туровского княжества. На Урал они переехали осваивать новые земли, а чтобы не выделяться среди русского населения, свою фамилию Туровские изменили на Туровых, которые со временем превратились в Дуровых.

Краеведу З. Гудковой удалось обнаружить материалы по истории ранней Уфы. В 1584-86 годах войска под руководством Ф. Турова и З. Волохова, включающие в себя служивых людей городов поволжских, то есть казанцев и свияжан, ходили в походы на Башкирию. Это событие нашло отражение в топонимике. Недалеко от крепости, в верховьях реки Сутолоки, находилось Турово поле, которое в отказных грамотах конца 16-17 веков называют также «побошиной степью».

Документ, датированный началом 17 века, сообщает, что Василию Максимовичу Гладышеву отдано в оброчное владение на три года с оплатой «по две гривны в год» - озеро Ашкадан (Кашкадан). Здесь же упоминается, что озеро находится под поместной Гладышева деревней, доставшейся ему по наследству от отца Максима Дмитриевича Гладышева, владевшего ею «по грамоте великого государя».

26 июля 1795 года вдова вахмистра Федора Дмитриевича Гладышева, Федосья Акимовна (урожденная Дурова) продала за 50 рублей свое поместье с землей и дворовыми людьми в деревне Гладышевой на озере Ашкадан своему племяннику - адъютанту Оренбургского батальона Афанасию Даниловичу Дурову. С тех пор деревня стала деревней Дурово. Название Сипайлово она получила в середине 19 века.

Кстати, у Гладышевых имелась деревня и на Шугуровке, под Курочкиной горой, да еще соседняя Степановка тоже принадлежала им. За Дёмой у них было поместье Баланово - его остатки еще сохранились.

Кавалерист-девица, выйдя в отставку в чине штабс-ротмистра, часто меняла свое местожительство. Ее пытливый ум и энергичная натура требовали новых впечатлений. Маленькая, провинциальная Уфа дала приют героине 1812 года, а уфимцы надолго запомнили столь необычную личность.

Свои воспоминания о встрече в 1828 году с Надеждой Дуровой на обеде в доме уфимского полицмейстера Ивана Грибовского оставил генерал-майор Михаил Ребелинский; выписки из его рукописи сохранились в научном архиве Института истории, языка и литературы. Вот портрет «кавалерист-девицы», созданный нашим земляком, примерно, в конце 20-х начале 30-х годов 19 века: «Мы сели обедать, как вдруг вошел пожилой, небольшого роста, седоватый, гладко остриженный, весьма некрасивой наружности мужчина. Он с развязностью совершенно военного человека раскланялся и сел с нами обедать. За столом он обратил внимание на мою гусарскую форму, завел со мной разговор о службе, делал разные вопросы, видимо, интересовался кавалерийским делом; из его слов было видно, что сам он - опытный кавалерист. После обеда дамы остались в гостиной, а мы втроем (с хозяином) пошли в кабинет курить. Стриженный, маленький господин, разлегшись на диване с длиною трубкою, начал рассказывать о своей прежней службе, о походах и сражениях 1812 года. При этих, взволновавших его кровь воспоминаниях, его некрасивое лицо оживилось, глаза загорелись тем сильным, жгучим огнем, которым горят они от воспоминаний сильных душевных тревог. Вся фигура этого маленького, невзрачного человека воодушевилась и, по всему было видно, что в этом маленьком теле была сильная, твердая душа, которая много испытала, лично перенесла в продолжение своей жизни. Наконец, он встал, взял шапку и, поклонившись, вышел.»

Хозяин дома поинтересовался у Ребелинского, что он думает об ушедшем госте. Тот, пожав плечами, ответил: «Есть в нем что-то странное, ненатуральное...» «Не мудрено, - сказал Грибовский. - Ведь это женщина, известная как “кавалерист-девица” или “корнет Александров”, урожденная Дурова.»

«Впоследствии, - пишет Ребелинский, - я коротко познакомился с этой замечательной личностью и спустя несколько лет, когда я уже жил в Уфе, пользовался её дружеским расположением. В то время, когда я с

ним, или с нею, познакомился, ей было уже 45 лет, но она была здорова, весела, не отказывалась ни от каких удовольствий и на вечерах, как говорится, плясала до упаду. В манерах её проглядывало ухарство - принадлежность всех кавалеристов того времени. В отставном гусарском мундире или в черном фраке она страшно стучала каблуками в мазурке, становилась на колени, выделяла всякие штуки во вкусе того времени.» Далее Ребелинский добавляет, что Дурова, сохранив в отставке фамилию «Александров», вела чисто мужской образ жизни: «Александров всегда был в мужском костюме с крестом в петлице и никогда не говорил про себя иначе, чем в мужском роде, и ясно показывал, что терпеть не может дамского общества.»

Не исключено, что именно Ребелинский, автор «Записок уфимского старожила», убедил Дурову в необходимости оставить для потомков воспоминания о тех великих сражениях, о своей жизни... Более того, весьма вероятно: путевые дневники Надежды Андреевны начали превращаться в «Записки кавалерист-девицы» непосредственно у нас - в Уфе. Если следовать хронологии, то получается, что эта удивительная женщина прожила в нашем городе с 1828 по 1830 (1831?) год и, где-то с 1833 по 1835. А осенью 1836 года в Петербурге выше упомянутые «Записки» были изданы и имели грандиозный успех. Из воспоминаний Дуровой следует, что в Уфе она жила, по крайней мере, на двух квартирах. Владелицей дома, где последний раз снимала комнату Надежда Андреевна, являлась её родственница, по мужу Сыромятникова. Точнее выяснить уфимские адреса, где кавалерист-девица квартировала, пока не удалось, но дом Ребелинских она, в качестве гостя, судя по всему, посещала довольно часто.

И еще одна неразгаданная тайна... В доме-музее С.Т. Аксакова хранится фотография 77-78-летней Дуровой, сделанная в начале 60-х годов в Елабуге фотографом М. Мышкиным. Передал её в фонды уфимского музея врач и краевед Владимир Анатольевич Скачилов. Вот что он мне рассказал.

В конце 60-х его знакомая Зинаида Михайловна Майшева попросила осмотреть больную воспалением легких, сестру своего мужа Лидию Владимировну Пупышеву. Она была вдовой священника из Елабуги. В знак благодарности за внимание Пупышева подарила Скачилову ту самую фотографию Дуровой. К сожалению, историю этого снимка Владимир Анатольевич не запомнил. Лидия Владимировна была примерно 1870 года рождения. Возможно, кто-то из родственников Пупышевой

или её мужа имел отношение к «кавалерист-девице», жил с ней по соседству... Однако никаких дарственных надписей на оборотной стороне паспарту не имеется. И все-таки мы вправе гордиться тем, что документальное подтверждение существования русской амазонки находится в столице Башкортостана.

Изучая биографию Дуровой-Александрова, у меня складывается впечатление, что загадочность этой личности также привлекательна как её мужество, любовь к Родине, страстная жажда свободы. Хочется верить: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года - достойный повод увековечить память о первой женщине-офицере в названии улицы или парка в Сипайлово. А может быть, рядом с бюстом Денису Давыдову в Уфе появится и памятник кавалерист-девице?!

О Сталине. И не только

Статья «"Великий мясник" или "эффективный менеджер"» Алима Ахмадеева, опубликованная в газете «Республика Башкортостан» 20 декабря 2018 года, ничего нового в образе Иосифа Виссарионовича не открыла. «Роль Сталина в жизни страны не поддаётся однозначной оценке»? Но не может быть однозначной оценки в деятельности любого человека, а уж тем более, руководителя огромной страны в сложные исторические периоды.

Тема: плохой-хороший Сталин - едва ли не самая популярная в интернете. Спорят люди самых разных возрастов, профессий, религий. В СМИ меня всегда умиляют авторы статей или ведущие телепередач, которые искренне удивляются народной любви к вождю страны Советов. Так и хочется процитировать известного киногероя: «Это не я против течения, это течение против меня.»

Если уж Первый телеканал в лице историка Артёма Шейнина («Время покажет») официально заявляет, что число расстрелянных и отбывающих наказание в сталинское время, мягко говоря, преувеличено, то можно представить, что же было на самом деле. Почему-то любители статистики никак не хотят понять, что среди расстрелянных были предатели, дезертиры, вредители, воры, диверсанты, люди, завербованные иностранными разведками. Это сейчас хищения при строительстве военного объекта - космодрома - случай обыденный, а при советской власти убийство или кража в особо крупном размере - явление редкое, по-

скольку за такие правонарушения можно было получить большой тюремный срок или расстрел.

642 980 человек присуждённых к высшей мере в сталинскую эпоху за тридцать лет - это вовсе «не пугающие своей жестокостью цифры». В этот период вошёл конец Гражданской войны, годы после неё, это четыре года самой страшной войны в истории человечества, годы после Великой Отечественной войны. Нельзя забывать и о борьбе с бандами бандеровцев и лесных братьев.

И, возвращаясь к первым годам становления советской власти, строительству промышленных объектов, развитию сельского хозяйства, стоит уточнить, что халатность сторожа, у которого (пока он вздремнул) погибла отара овец, судьба оказывалась более, чем грустная. Реальный срок получали и те, у кого по недогляду сгорел амбар с колхозным зерном, кто допустил крупную недосдачу в кассе, в магазине, не говоря уже о наказании за тяжкие преступления. А теперь представим, что каждый, кто в наши дни украл больше миллиона рублей, оказался бы в колонии, а те, кто украл (растратил) более миллиарда - получил бы высшую меру - расстрел. Можно быть уверенным, что показатели, так называемых, сталинских репрессий были бы перекрыты, как минимум, в два раза. Но даже при современных весьма либеральных законах представители Федеральной службы исполнения наказаний утверждают, что мест в колониях для бывших чиновников и работников правоохранительных органов не хватает. О том, что эти особые заключённые в период отсидки не работают на благо своей страны, как практиковалось при Сталине, а их меню состоит не только из хлеба, периодически обсуждается в различных телешоу. И ещё. Появилась очень оригинальная квалификация преступления – «нецелевое расходование бюджетных средств». Это вроде не кража, не халатность, и уж тем более - не саботаж, а наказание за «нецелевое расходование» почти как у Клима Чугункина в булгаковском «Собачьем сердце» - «условно каторга».

Всё познаётся в сравнении. В телепередаче «Точка зрения», посвящённой дню рождения Солженицына, генерал-лейтенант ФСБ Александр Михайлов привёл интересный пример отношения японцев к сталинским «репрессиям». Они спросили: «А по законам того времени этих людей осудили правильно?» Им ответили, что по законам того времени - правильно. Японцы очень удивились: «Тогда о какой реабилитации может идти речь?!»

Алим Ахмадеев в своей статье согласен с мнением российского философа и политолога А. Ципко, который изумляется: «Почему русские любят садиста Сталина?» Ну, во-первых, уже за то, что ни «садистом», ни вором Иосиф Виссарионович не был, а во-вторых, за его заслуги в создании великого государства, победившего фашизм. Мудрость и дальновидность вождя признавали даже наши враги. А люди нарушающие законы были и в прошлом, есть они и в настоящем... Меняются лишь сами законы и мера наказания. Так почему народ любит Сталина? Очень точно заметил Галилео Галилей: «...Какова сила истины: в то время как вы пытаетесь её опровергнуть, сами ваши нападки возвышают её и придают ей большую ценность.»

«Павел Андреевич, вы – шпион?»

20 декабря 1917 года Совет народных комиссаров издал указ о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Именно эта дата считается теперь днём рождения всех современных спецслужб России. Среди моих родственников тоже есть люди, имевшие отношение к НКВД, СМЕРШу, КГБ.

Муж старшей сестры моей мамы Григорий Александрович Бутенко родился в 1900 году на Украине. Прошёл трудный путь от кулацкого батрака до полковника КГБ. Большинство разведывательно-диверсионных операций периода Великой Отечественной войны в тылу врага, участником которых являлся мой дядя Гриша, до сих пор не раскрыты. Но я хочу рассказать не об оперативной работе этого умного, разносторонне развитого человека, а о его письмах к жене, к моим родителям, где он высказывал интересные мысли по поводу воспитания молодёжи на примерах мужественных партизан, подпольщиков, разведчиков - героев невидимого фронта.

Не нотации, а приключения

В одном из писем Григорий Александрович делился впечатлениями о своем разговоре с главой Совинформбюро генерал-полковником Александром Сергеевичем Щербаковым. В 1942 году - в разгар войны Александр Сергеевич сетовал на то, что молодым людям нужны книги, фильмы с увлекательным, захватывающим сюжетом патриотической

направленности, а не сухие призывы: отдать свои молодые жизни во имя абстрактного будущего.

Щербаков не был кабинетным руководителем, в 1942-1943 годах он регулярно выезжал на передовые позиции Калининского и Западного фронтов, защищавших столицу. Вскоре был назначен начальником Главного политического управления РККА, и эффективно возглавлял этот орган до конца войны. Бутенко по службе пересекался с Александром Сергеевичем и, будучи ровесниками, испытавшими нищету и голод предреволюционного детства, они всегда находили общие темы для воспоминаний.

Щербаков скоропостижно скончался 10 мая 1945 года. Григорий Александрович ещё несколько лет служил в Германии и умер в 1967 году в Киеве, в своём рабочем кабинете. То, о чём говорил Александр Сергеевич, реализовал в 1947 году режиссёр Борис Барнет в фильме «Подвиг разведчика» по пьесе полковника госбезопасности Михаила Маклярского «Подвиг остаётся неизвестным». В последующие годы по его сценарию были поставлены фильмы «Секретная миссия», «Выстрел в тумане» и другие о работе разведчиков, органов ВЧК-КГБ.

Огромный вклад в создание героико-приключенческой литературы и соответствующих сценариев внесли непосредственные участники событий, оставившие после себя дневниковые записи, мемуары, исторические и художественные произведения. Кроме Маклярского, можно вспомнить военного разведчика подполковника Георгия Брянцева - автора книг «Следы на снегу», «По тонкому льду», «Конец “Осиного гнезда”».

Наибольшую известность получил Герой Советского Союза, полковник-чекист Дмитрий Медведев. По его произведениям «Сильные духом», «Это было под Ровно» в разные годы снимали многосерийные фильмы.

Первым чекистам посвящается

Роль органов государственной безопасности при любом строе имеет первостепенное значение. От того, какие люди устанавливают порядок, защищают государственные границы зависит морально-психологическое состояние общества. Чистые руки, горячее сердце и трезвая голова - это не просто слова, а вполне конкретное руководство

для тех, кто взял на себя ответственность обеспечивать мир и покой граждан своей страны.

Весьма удачным по сюжету и подбору артистов является фильм Евгения Ташкова «Адъютант его превосходительства», посвящённый первым чекистам. Сценарий по одноимённому роману написан участником Великой Отечественной войны Игорем Болгариним в соавторстве с Георгием Северским. События в фильме разворачиваются летом 1919 года на территории нынешней Украины. Помимо двух противоборствующих сторон - красноармейцев и белогвардейцев, свою лепту в исторический хаос вносят многочисленные банды и дезертиры.

Образ главного героя - адъютанта его превосходительства - Павла Андреевича Кольцова (артист Юрий Соломин) имеет вполне реальный прототип, но характер его, биография доработаны и романтизированы Болгариним. Настоящий адъютант генерала Владимира Зеноновича Май-Маевского (по фильму командующий Ковалевский - артист Владислав Стржельчик) Павел Васильевич Макаров (1897-1970гг.) оставил воспоминания о службе. Отдельные факты легли в основу сценария.

В конце 60-х годов прошлого века, когда идеология достаточно чётко определяла характеристики врагов советской власти и её героев, появление «Адъютанта» можно считать верхом объективности в оценке политической ситуации послереволюционной России. Режиссёр продемонстрировал два лагеря, сражающихся в братоубийственной войне друг с другом. Белые и красные. Господа и слуги. Люди, отстаивающие свои идеалы, свои убеждения. Две разведки, шпионящие во вражеских лагерях. Для получения секретной информации все средства хороши. Одинаково рискуют своими жизнями и «Старик», он же Кольцов, и его оппонент «Николай Николаевич» (артист Андрей Преснецов), действующий в штабе красных. Убийства, диверсии на железной дороге, поджог складских помещений с продовольствием, подкуп, интриги... Жизнь на грани... между страхом и надеждой, между провалом и победой, где отвоёванная у смерти удача или подвиг - всего лишь выполненный долг. А риск - как ежедневная чашечка кофе - с сахаром или с ядом. И всё это - разведка. Всё это часть профессии; насколько хватит интеллекта, терпения, силы воли, отваги.

Разведчик или шпион?

Когда съёмки «Адъютанта его превосходительства» были завершены, телевизионное руководство было в шоке: «Это же гимн белогвардейщине!» Действительно, внешне представители красных выглядели непрезентабельно: выправки нет, единой военной формы тоже, не хватало чекистам культуры, профессиональных знаний, даже начальное образование не у всех имелось. Да и внешность артистов, исполняющих роли белогвардейцев, была явно более выигрышной. Юрий Соломин в этом плане смотрится более «белым», чем «красным», но для интригующего развития сюжета - все на своих местах.

Зрителю предоставлено право самим понять: разведчик ли Павел Андреевич или шпион? На чьей стороне правда? Кто победил в той жестокой Гражданской войне? Я же пытаюсь выяснить: почему после развала СССР сменились ориентиры наших культурологов, почему предательство за высокие гонорары перестало быть преступлением, а превратилось в бизнес? Почему российские чиновники имеют двойное гражданство и недвижимость за рубежом, а их дети уже давно являются гражданами другой страны?

Несколько лет тому назад в Уфимском университете третьего возраста выступал ветеран КГБ-ФСБ Григорий Фёдорович Чуваев. После лекции слушатели задавали ему вопросы, касающиеся морально-этических взаимоотношений в современном обществе. В частности людей интересовало, почему молодёжь, по сравнению с советским периодом, деградировала так быстро, а понятия добра и зла поменялись местами? Григорий Фёдорович согласился с тем, что искусство играет первостепенную роль в формировании личности, и полное отсутствие цензуры превратило наш кинематограф, эстраду в жуткую безвкусицу, развращающую души молодого поколения. С экранов не сходят сериалы, дискредитирующие российскую армию, правоохранные органы. Если раньше фильмы снимали о героизме наших военных, разведчиков, следователей, то теперь подробно смакуют жизнь бандитов, воров, а солдат, защищавших свою Родину, бойцов невидимого фронта показывают тупыми марионетками, жестоко пытающими своих сограждан и думающих только о собственной наживе, водке и развлечениях.

А что за поворотом?

Конечно, студентам университета хотелось услышать имена конкретных виновников того, почему Россия утратила свои лучшие традиции в воспитании, образовании, а молодёжь уже давно ориентируется на потребительские идеалы наших врагов. Ведь даже фашистский идеолог Геббельс утверждал: «Отнимите у народа историю, через поколение он превратится в толпу, а ещё через поколение в легко управляемое стадо.» А мы уже проходили и переписывание истории, и забвение Дня Победы, и обесценивание боевых наград ветеранов Великой Отечественной войны...

Народу нужны настоящие герои. Молодёжи необходимы высокие цели, а не реклама тряпок и пива. К сожалению, на развал России и зомбирование незрелых личностей работают мощные индустрии иностранных разведок. Врагов целенаправленно возвращают внутри самой России. Одурманенные наркотиком или алкоголем граждане убивают детей; в школах ученики расстреливают учителей и одноклассников; в армии творится беспредел; коррупция приняла ужасающие масштабы! А с экранов не сходят жирующие бандиты, гламурные проститутки, спивающиеся артисты и дичающие от безделья дети воров и чиновников. Эх, «Русь, куда ж несёшься ты?»

Уфа, до востребования

В 1972 году на экраны нашей страны вышел фильм режиссёра Вениамина Дормана «Земля, до востребования» по одноимённому роману Евгения Воробьёва. Приключенческое кино о разведчиках всегда пользуется популярностью у зрителей, особенно у юных. А здесь... для уфимцев особый случай. Главное действующее лицо - советский разведчик Герой Советского Союза Лев Маневич бывал в Уфе и даже некоторое время служил здесь.

Вообще-то, с Уфой связаны имена нескольких известных чекистов-разведчиков. Впрочем, обо всём по порядку.

Этьен-Старостин

Десять лет тому назад на улице Беякова, 49 ещё существовал деревянный одноэтажный домик, в котором в начале 20-х годов прошлого

века жили Лев Ефимович Маневич и его жена Надежда Дмитриевна Михина. Даже в начале 21 века это был уютный островок старой Уфы. Улица Белякова, словно узкий ручеёк, протекала параллельно улице Ленина и терялась где-то в живописном овраге. Хозяин одной половины дома, где жил будущий разведчик, Александр Попов утверждал, что сей дом построен в 1847 году. О предыдущих владельцах Александру Николаевичу, к сожалению, ничего неизвестно. Но вернёмся к Маневичу.

Лев Ефимович родился в 1898 году в белорусском городке Чаусы. Образование получил в Швейцарии, в Женеве. В 1917 году юноша был призван в русскую армию, с 1918 служил в Красной Армии. В период гражданской войны Маневич командовал бронепоездом, руководил отрядом особого назначения. Ему пришлось участвовать в подавлении восстания «Чёрный орёл» в Башкирии; с мая 1920 года по июнь 1921 он работал на станции Уфа Самаро-Златоустовской железной дороги. Тогда Лев Ефимович и встретил курсистку-медичку Надю Михину, которая стала его верной боевой подругой.

После окончания Гражданской войны Маневич учился в Высшей школе штабной службы РККА, потом в Военной академии РККА, затем окончил строевое отделение Курсов усовершенствования начсостава Красной Армии при Военно-воздушной академии им. Н. Жуковского, служил в разведуправлении РККА. Находясь за границей, работал под агентурным псевдонимом «Этьен» и «полковник Старостин». Талантливый, прекрасно образованный разведчик, он проявлял себя хладнокровным, расчётливым игроком в сложнейших психологических ситуациях, демонстрировал самообладание и мужество. 12 декабря 1936 года Маневича выдал его же агент, из которого выбили показания на резидента. Этьен был арестован итальянской фашистской контрразведкой, приговорён к тюремному заключению. В 1943 году его передали в гестапо, он находился в лагерях смерти Маутхаузен, Мельк, Эбензе, но и там вёл подпольную работу. Лев Ефимович умер 11 мая 1945 года будучи тяжело больным туберкулёзом.

Информация к размышлению

Профессия разведчик-нелегал - это штучный товар. Для этого недостаточно владеть иностранными языками или иметь артистические данные; необходим специфический характер, такие качества как целеустремлённость, сильная воля, способность быстро прогнозировать раз-

личные ситуации, устойчивость к стрессам, хорошая адаптация к совершенно новым условиям жизни, обладание несколькими профессиями, дающими возможность зарабатывать на жизнь. Не последнюю роль в успешной карьере разведчика играют разносторонние знания и... дозированной авантюризм.

Пути в разведку неисповедимы. Большинство советских разведчиков начала 20-го века начинали красноармейцами в действующей армии. В дальнейшем на их судьбу влияли полученное в юности образование, романтика (Лев Маневич) или жизненные обстоятельства и идейные соображения (генерал-майор КГБ Наум Эйтингон, Герой Советского Союза Николай Кузнецов).

«Делай, что должен...»

С Уфой связано имя ещё одного легендарного советского разведчика Наума Эйтингона - одного из разработчиков операции по ликвидации Льва Троцкого. За её успешное завершение Наум Исаакович и его руководитель Павел Судоплатов были награждены Орденом Суворова. Случай в истории - уникальный, поскольку Орденом Суворова награждались исключительно командиры Красной армии за выдающиеся успехи в деле управления войсками.

Биография Эйтингона достаточно типична для того времени. Родился в 1899 году недалеко от Могилёва, в Белоруссии. Закончил семь классов коммерческого училища, работал инструктором в статистическом отделе. Накануне революции 1917 года присоединился к левым эсерам. В 1918 году в Могилёв пришли части Красной армии, и юноша, увлечшись идеями мировой революции, вступил в партию большевиков, активно включился в борьбу. Когда в городе начались столкновения между белогвардейцами и красноармейцами, Наум зарекомендовал себя как боец разбирающийся в тактике и стратегии, умеющий метко стрелять. Мятеж недовольных новой властью был подавлен, а на Эйтингона обратили внимание и назначили уполномоченным Гомельского ЧК.

В декабре 1921 года председатель Гомельской губчека Николай Волленберг был переведён на аналогичную должность в Стерлитамак (в те годы столица Башкирии), затем в Уфу. Волленберг взял с собой лучших оперативников, в их числе Эйтингона.

В конце 1921 года в Башкирии возникла критическая ситуация: в республике сложились сложные отношения между местной ЧК и нацио-

нальным башкирским руководством. Несмотря на то, что в республике уже была установлена советская власть, некоторые местные советские работники, не разобравшись в обстановке, а иногда и отдавая дань пережиткам прошлого, проявляли открытое недоверие к башкирским руководителям. Ответной реакцией стали вспышки буржуазного национализма среди башкир. Обострилась национальная рознь между башкирами и татарами. Тяжело сказались на настроениях людей неурожай и голод. Башкирские националисты выдвинули лозунг: «Всю землю Башкирии - только башкирам».

Приходилось чекистам бороться и с бандитизмом, проявлению которого способствовала Гражданская война в России. Также в Башкирии активно действовал филиал американской организации по оказанию помощи голодающим Поволжья «АРА», служивший «крышей» для американских разведчиков.

В мае 1923 года Эйтингон был вызван в Москву, где получил новое назначение. В Башкирии он оставил хорошую память о себе, Науму Исааковичу был вручён благодарственный адрес республики.

Великую Отечественную войну Эйтингон встретил на посту заместителя начальника внешней разведки; являлся одним из заместителей руководителя Особой группы, на которую были возложены задачи по активизации разведывательно-диверсионной работы советских органов госбезопасности в тылу германской армии.

После окончания войны Наум Исаакович продолжил свою службу в качестве разведчика-нелегала в различных капиталистических странах, выполняя ответственные и опасные задания. Он любил повторять: «Делай, что должен, и будь что будет.» Свой долг Эйтингон не забывал даже в тюремной камере, когда его арестовали после смерти Сталина и Берии.

Оказавшись в одной камере, сослуживцы Павел Судоплатов и Наум Эйтингон продолжили самообразование, читали различную литературу, совершенствовались иностранные языки, занимались переводами. Узнав, что в США идёт формирование войск специального назначения «Зелёные береты», они написали письмо Хрущёву, в котором предложили способы противодействия в случае вооружённого конфликта. В тюрьму прислали специалиста из 3-го управления (военной контрразведки) КГБ при СМ СССР, который обсудил с заключёнными детали их предложения. Так в результате беседы двух арестантов на тюремных нарах в КГБ родился спецназ.

Наум Исаакович провёл в заключении 12 лет «от звонка до звонка». Умер в 1981 году так и не дождавшись своей реабилитации.

Сильные духом

Имя Героя Советского Союза Николая Кузнецова впервые узнали из книг командира партизанского отряда «Победители» Дмитрия Медведева «Это было под Ровно» и «Сильные духом». Николай Иванович руководил разведгруппой на оккупированной Украине, сумел получить информацию о месте расположения ставки Гитлера под Винницей, о дате подготовки наступления на Курской дуге, о подготовке покушения на Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране. Он лично уничтожил 11 генералов и высокопоставленных чиновников фашистской Германии.

Родная сестра Кузнецова Лидия жила в Уфе, поэтому интерес к талантливому разведчику-самородку (он не имел воинского звания) в нашем городе вполне логичен. В районе Театра кукол от проспекта Октября в сторону улицы Блюхера пролегает тихая улица Н. Кузнецова, а в школе № 105 уже многие годы работает одноимённый музей.

В плане известности Николаю Ивановичу повезло больше, чем Эйтингону. О действиях отряда «Победители», о мужестве и находчивости переодетого в форму немецкого офицера советском разведчике Кузнецове, действующего под именем Пауля Зиберта, написаны воспоминания партизан, снято несколько фильмов. Но о существовании пьесы Д. Медведева и А. Гребнева «Сильные духом» мало кто знает. Это произведение было поставлено в 50-е годы на сценах нескольких драматических театров России. Сохранилась программка этого спектакля Уфимского русского драмтеатра за 1955 год. Главные роли исполняли: Н. Кузнецов - В. Гутман, командир партизанского отряда - Н. Дроздов - Лауреат Сталинской премии.

Постановку осуществили к 10-летию Победы в Великой Отечественной войне и посвятили подвигам подпольщиков и разведчиков, отдавших свои жизни в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами за свободу и независимость нашей Родины.

Судоплатов

Их часы идут иначе

Помню, как в начале 60-х годов мы - малышня семи-восьми лет распевали популярную песню «Три танкиста». Впрочем, патриотические песни тогда пели все. И в праздники за столом, и в будни, где-нибудь в беседке или на скамеечке во дворе. Но с песни про танкистов для меня начался этап осмысления услышанного. Огромное влияние оказали на меня слова дяди Гриши - мужа маминой старшей сестры... В войну Григорий Александрович Бутенко служил в СМЕРШе, потом продолжил службу в Германии, в КГБ. Сам он прекрасно играл на баяне, аккордеоне, обладал баритоном с мягким, чисто украинским тембром.

«Галчонок, а ты поняла, почему танкисты так успешно расправились со своими врагами?» - спросил дядя Гриша и лукаво прищурился. – «Не...ет.» - «Потому, что их вовремя предупредили. Обратила внимание: “Но разведка доложила точно...”?» Так в моей жизни появилось новое слово «разведка». Позднее, когда в качестве читателя я перешла на приключенческую литературу, поиски книг о шпионах и разведчиках превратили меня в одержимого поклонника героической прозы. И все-таки, настоящее счастье для любителей книг настало только с середины 90-х годов, когда на прилавках магазинов в свободной продаже появились мемуары военных и политических деятелей, документальные повести и рассказы участников Великой Отечественной войны, истории повествующие о некогда засекреченных операциях НКВД-КГБ, воспоминания чекистов, разведчиков.

Первые открытия

Моему удивлению не было предела, когда в книге Андрея Судоплатова «Тайная жизнь генерала Судоплатова» я прочитала о том, что до разгрома немецких войск под Сталинградом (начало февраля 1943 года) жена разведчика Павла Судоплатова Эмма Карловна Каганова с маленьким сыном Андреем находилась в эвакуации в Уфе. «С матерью и родственниками я уехал в октябре 1941 года в Куйбышев, оттуда в Уфу.» По воспоминаниям друга моего отца, служившего в НКВД-КГБ, уфимца В. Деденко, эвакуированные родственники московских чекистов размещались в доме на углу улиц Коммунистической и Гоголя, на Пушкина, а

также в домах возле здания МВД и по адресу ул. Ленина, 2. К сожалению, сейчас уже не представляется возможным узнать уфимский адрес родственников Судоплатова, но мой интерес к судьбам разведчиков усиливается с каждой новой прочитанной книгой.

Всегда любопытно узнать, кто прикрывает тыл человека опасной профессии. Эмма Карловна 1905 года рождения была старше своего супруга на два года. Службу в органах госбезопасности начала раньше мужа. С 1924 года она работала в контрразведывательных подразделениях. С 1936 по 1940 являлась сотрудником Иностранного отдела НКВД, выезжала за границу для поддержания связи с разведчиками-нелегалами. С 1940 по 1950 год была на должности старшего преподавателя специальных дисциплин в Центральной школе НКВД СССР. Награждена орденами Ленина и Красного Знамени, а также медалями. Вышла в отставку в 1951 году в звании подполковника.

Супруги Судоплатовы прожили вместе 61 год. По словам членов семьи (у супругов было двое сыновей: Андрей (приемный) 1940 года рождения и Анатолий 1943 года рождения), Эмма Карловна всегда отличалась аналитическим умом, прозорливостью, сильной волей, большой внутренней культурой, организованностью и знанием жизни. Эти качества помогли ей сохранить семью, выжить в тяжелое время, дать мужу уже в зрелом возрасте путевку в жизнь в новом качестве - писателя, переводчика, публициста.

Артистка или разведчица?

О деятельности Павла Анатольевича Судоплатова существует немало книг. Наиболее известная, написанная им самим – «Разведка и Кремль», где автор достаточно подробно освещает многие сложные моменты жизни нашей страны и работу органов госбезопасности. Называются в ней и фамилии некоторых агентов - легальных и нелегальных, работавших непосредственно с Берией, с Судоплатовым.

Мне же в конце 60-х годов довелось услышать, как тогда казалось, фантастическое предположение научных сотрудников Таганрогского музея-заповедника о помощи по сохранению домика, где родился Антон Павлович Чехов, которую оказала в годы Великой Отечественной войны... советская разведчица Ольга Чехова.

Ольга Константиновна Чехова (1897-1980), племянница Ольги Леоновны Книппер, первая жена племянника А.П. Чехова, артиста Ми-

хаила Чехова. Ее биография могла бы стать основой для авантюрного романа про шпионов, где сама Ольга Константиновна явилась бы главной героиней. В 1921 году в неполные 24 года Чехова оставляет своего мужа, малолетнюю дочь Аду и начинает жизнь с чистого листа. Считая себя недооцененной в России, молодая женщина приезжает в Берлин, и вскоре, благодаря случайному знакомству с режиссером Фридрихом Вильгельмом Мурнау, она получает свою первую роль в кинематографе. Стоит отметить, что до этого Чехова не только никогда не присутствовала на съемках, но даже не видела кино на экране. Фильм «Замок Фогильот» был немым, и слабое знание немецкого языка русской дебютанткой не стало помехой в карьере актрисы.

Со временем персонажи Ольги Константиновны, сыгранные на хорошем уровне, в драматическом ключе, сделали ее весьма заметной в мире искусства. Посыпались предложения новых ролей. Когда Чехова в совершенстве овладела немецким языком и получила гражданство, она стала серьезной соперницей для артисток Германии. Среди ее подруг были знаменитый режиссер Лени Рифеншталь, Ева Браун, жена Геринга. В 1936 году Ольга Константиновна удостоивается звания государственной актрисы. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова рассказывала своей подруге, как, возвращаясь после гастролей МХАТа в 1937 году, она захотела навестить Ольгу Константиновну, у которой на банкете была представлена всей верхушке рейха, а Гитлер звонил по телефону и извинялся за свое отсутствие. Фюрер часто устраивал в ставке многочисленные приемы, где русская артистка играла роль хозяйки салона. Несколько сотен присутствующих становились свидетелями того, как Гитлер целовал Чеховой руку, и они вдвоем удалялись в отведенную для нее комнату.

Охранная грамота

В мемуарах «Мои часы идут иначе», написанных незадолго до своей смерти, Ольга Константиновна решительно отвергает какие-либо контакты с советской разведкой, но представители нашей разведки с этим не согласны. В книге Павла Судоплатова «Разведка и Кремль» автор утверждает, что Ольга Чехова имела связь с НКВД. Более того, существовал план ликвидации Гитлера, и русская артистка должна была в этом помочь. Группа диверсантов находилась уже в Берлине, в подполье, но акция не была осуществлена, так как Сталин отменил приказ.

Глава СССР посчитал, что без Гитлера Германия может быстро заключить сепаратный мир с союзниками.

Авторитет Ольги Константиновны в глазах фюрера и его приближенных - подтверждается многими людьми. Женщина отличалась независимым характером, прямолинейностью и безапелляционностью суждений. Ее непоколебимое мнение о стойкости русских, скептицизм по поводу успеха блицкрига выводили из себя министра пропаганды Германии Геббельса и рейхсфюрера СС Гимmlера, который неоднократно пытался арестовать Чехову. Спасало положение явное покровительство Гитлера.

Таганрог в годы Великой Отечественной войны два года находился в оккупации. За это время были расстреляны сотни мирных жителей, уничтожены дома, в Германию из городского краеведческого музея вывезены предметы искусства, картины, редчайшие книги, но «Домик Чехова» уцелел. На само мемориальное здание в городской комендатуре была оформлена охранная грамота. Официальный документ в специальной рамочке висел на двери музея, извещая на немецком языке, что владельцем «Дома Чехова» является городское управление, дом подчиняется отделу пропаганды и «находится под защитой». Внизу стояли печать комендатуры и подпись коменданта Гаста.

Этот любопытный сам по себе факт можно прокомментировать выдержкой из предисловия В. Вульфа к воспоминаниям Чеховой «Мои часы идут иначе»: «По слухам, именно Ольга Константиновна спасла музей Чехова в Ялте, и по ее просьбе немецкие войска не тронули дом Антона Павловича, а ведь сожгли имение Толстого Ясную Поляну, разрушили Спасское-Лутовиново, где жил Тургенев». Логично предположить, что и таганрогский домик русского писателя имел того же ангела-хранителя.

Чехова против Гимmlера?

В начале 1945 года в связи с возникшими подозрениями Гимmlер хотел арестовать Ольгу, но она опередила его и, позвонив, пригласила посетить ее утром, чтобы у нее было время попить кофе. Перед изумленным взором Гимmlера Чехова предстала в изящном наряде в компании с самим фюрером. Гитлер, помешивая ложечкой кофе, заметил, что подобный визит рейхсфюрера СС - не лучшая его шутка.

27 апреля 1945 года Ольга Константиновна имела беседу с полковником СМЕРШа Шкуриным, который был с нею предельно вежлив. Еще до падения Берлина Чехова была вывезена в Москву. Если она не являлась агентом советской разведки, то почему НКВД не устроил над ней показательный процесс? Известно, что ее родственники находились под охраной чекистов, но никто не был арестован, наоборот, людей снабжали продуктами, а сама Ольга Константиновна свободно выезжала в американскую зону, в Австрию, совершала гастрольные туры. В 1949 году в Мюнхене она основала свою киностудию, но послевоенной Германии было не до искусства, и студия обанкротилась. Тогда Чехова открыла косметический салон. Бизнес оказался успешным, филиалы появились в Милане и Вене.

По словам Павла Судоплатова, после возвращения в Берлин в 1945 году Ольга Чехова поддерживала личную переписку с министром госбезопасности Абакумовым до 1951 года, то есть до самого его ареста. Сын Берии Серго в своей книге «Мой отец Лаврентий Берия» писал: у него нет никаких сомнений в том, что актриса Ольга Чехова была нелегальным советским разведчиком высокого класса.

Но существует и другое мнение: вся шумиха вокруг имени Чеховой - специально спланированная и прекрасно осуществленная дезинформация о том, что советская Мата Хари находилась в самом логове нацистов, а наша разведка была настолько могущественной. Однако каким-то образом были спасены для России два мемориальных комплекса А.П. Чехова?! И это не деза! Как и то, что с Ольгой Константиновной после войны представители министерства госбезопасности продолжали поддерживать отношения. В частности, разведчица Зоя Рыбкина и генерал Георгий Утехин - начальник Первого Управления МГБ СССР (внешняя разведка).

Судьба разведчика

Возвращаясь к одному из кураторов Ольги Чеховой, необходимо заметить, что биографии разведчиков вообще и Павла Судоплатова в частности слишком запутаны и противоречивы. Так, выполняя приказ вышестоящего руководителя, можно оказаться в опале только потому, что оперативные мероприятия, одобренные тем руководителем, спустя энное количество лет, другим начальникам показались подозрительными или неправильными. В разные периоды истории перед органами гос-

безопасности ставятся разные задачи. Поэтому оценивать работу и выносить приговор тем или иным действиям разведчика нужно не с позиции современности, а исходя из исторической обстановки того времени, когда он и выполнял задание.

В истории российской разведки было немало талантливых, разносторонне одаренных сотрудников. Но вряд ли кому довелось пройти такой долгий и трагический путь, какой выпал на долю Павла Анатольевича Судоплатова. Трудовой стаж он начал с двенадцати лет, на службу в органы госбезопасности попал в четырнадцать. Его послужной список занимает больше страницы, перечень спецопераций в которых он принимал непосредственное участие, - несколько страниц. Вот только часть их. Во время Великой Отечественной войны Павел Анатольевич работал со знаменитым советским разведчиком Николаем Кузнецовым, руководил диверсионной деятельностью на Кавказе, курировал деятельность партизанских отрядов, участвовал в стратегических радиоиграх с абвером и гестапо. В сложный период наступления немцев на Москву руководил минированием наиболее важных объектов в столице. Совместно с другим высокопоставленным сотрудником НКВД В.И. Ильиным разработал план покушения на Гитлера. С 1944 года занимался сбором информации о разработках атомного оружия странами США и Великобританией.

После смерти Сталина и ареста Берии к власти пришли люди, которые очень хотели бы подкорректировать свои биографии, но в органах госбезопасности еще работали сотрудники, имевшие на них достоверную информацию. Пошли проверенным путем: начались аресты и расстрелы опытных, испытанных войной чекистов. Под надуманными предложениями увольняли или отправляли подальше от Москвы всех неудобных. Павла Судоплатова обвинили в том, что он «способствовал изменнику Родины Берия и его ближайшим сообщникам в проводимой ими вражеской деятельности». Приговор: пятнадцать лет лишения свободы. Генерал-лейтенант, орденоседец, он был лишен звания и наград, отбывал свой срок от звонка до звонка. Впоследствии полностью реабилитирован.

Находясь в тюрьме, Судоплатов продолжал трудиться: работал переплетчиком, изучал иностранные языки, много читал. Узнав, что в США идет формирование войск специального назначения «Зеленые береты», он вместе со своим бывшим заместителем Наумом Эйтингоном, с которым они некоторое время находились в одной камере, написали

письмо Хрущеву со своими предложениями о возможных способах противодействия спецвойскам США в случае вооруженного конфликта. Так родился спецназ. Вскоре был создан Учебный центр, подчиненный Первому главному управлению КГБ СССР.

Информация к размышлению

О том, как фабриковали дела в те годы можно судить по диалогу из книги Павла Судоплатова «Разведка и Кремль» глава «Холодная война»: 1946 год, Абакумов (по телефону) обращается к Павлу Анатольевичу: «До меня дошли слухи, что ваши сыновья планируют покушение на товарища Сталина.» - «Что вы имеете в виду?» - «То, что сказал», - ответил Абакумов. - «А вы знаете, сколько им лет?» - спросил я. - «Какая разница», - ответил министр. - «Товарищ министр, я не знаю, кто вам об этом доложил, но подобные обвинения просто невероятны. Ведь моему младшему сыну - пять лет, а старшему - восемь.»

Кроме изумления по поводу странной информированности министра, возникает вопрос к Судоплатову. Если в 1946 году его сыновьям было восемь и пять лет, то года их рождения 1938 и 1941 соответственно. Далее, в той же книге «Разведка и Кремль» в главе «Разведка в военное лихолетье» Павел Анатольевич пишет: «После разгрома немцев под Сталинградом, в начале 1943 года, Москва ожила. Один за другим стали открываться театры. Это говорило о том, что на фронте произошел поворот к лучшему. Моя жена с маленькими детьми, Андреем и Анатолием, вернулась из Уфы, где была в эвакуации.» Однако в других источниках, в том числе и в книге серии ЖЗЛ «Павел Судоплатов» автора Владимира Антонова года рождения сыновей Павла Анатольевича 1940 и 1943. На могильной плите Анатолия Судоплатова указаны даты: 8 мая 1943 - 12 февраля 2005 г.

Если считать май 1943 года точной датой рождения Анатолия, то получается, что его будущий отец Павел Анатольевич приезжал в Уфу где-то в конце лета 1942 года и встречался со своей супругой. Не исключено, что этот визит был связан с посещением спецшкол Коминтерна, где готовили разведчиков и диверсантов. В Башкирии действовали две такие школы: одна в Уфе, другая в Кушнареново. Курсантам давали знания по ведению радиопропаганды, основам нелегальной работы, знакомили с нюансами разведывательно-диверсионной деятельности, орга-

низации партизанского движения, то есть обучали всему тому, в чем Павел Судоплатов являлся настоящим гроссмейстером.

Увы, официальных сведений относительно посещения Уфы Павлом Анатольевичем не имеется. Писать о разведчиках даже после их смерти очень сложно. Это особая каста людей. В их судьбе всегда присутствует тайна. И даже отчеты об их конфиденциальных заданиях частенько уничтожаются, не попадая в архив. Разведчики всегда на войне, всегда готовы к чрезвычайным ситуациям. Они чужие среди своих, и свои среди чужих. Их часы идут иначе.

«Зоя». Черным по белому

Сравнить уровень современного российского кинематографа можно только с качеством игры в футбол сборной России. И там и здесь отсутствует профессионализм, нет даже видимости производимой работы.

Сейчас, когда рассекречены многие архивы, имеется доступ к кинохронике, что мешает сценаристам и режиссерам проверить исторический материал, полнее ознакомиться с биографией того или иного персонажа?

Начиная с выбора актрисы на главную роль в фильме «Зоя» и заканчивая деталями, способствующими опознанию советских диверсантов, все вызывает, мягко говоря, удивление. По воспоминаниям подруг и знакомых Космодемьянской, девушка была худенькой, хрупкой. В свои семнадцать лет она выглядела подростком. В исполнении Анастасии Мишиной перед нами вполне упитанная особа с фигурой зрелой женщины и с капризной гримаской испуганного ребенка.

Оставим избитые приемы показа предвоенного быта: выпускной, невинный поцелуй, страстное прощание с бывшим одноклассником, осаду военкомата и районного комитета комсомола с требованием отправки на фронт. Начнем с непосредственной подготовки Зои и ее друзей – курсантов-диверсантов для работы в тылу врага. Да, десятиклассница Космодемьянская неплохо знала немецкий язык, но, если бы эти знания были на столь высоком уровне, который она демонстрирует представителям военкомата в фильме, ее тут же стали бы готовить либо в переводчики, которых в начале войны катастрофически не хватало, либо для более серьезной работы в партизанском отряде или в подполье оккупированных немцами городов.

Далее, факт, соответствующий действительности: одним из руководителей спецшколы по подготовке разведчиков и диверсантов являлся опытный чекист майор А.К. Спрогис, начинавший службу при Ф.Э. Дзержинском. Несмотря на краткосрочность курсов, юноши и девушки получали необходимые знания и были готовы к выполнению поставленных перед ними задач. Первый серьезный ляп от режиссера Леонида Пляскина и его помощника Максима Бриуса - передвижение заброшенной в Подмоскowie группы начинающих боевиков по снегу... без маскхалатов. Зачем нужно ползти по белому снегу в темных одеждах, если с таким же успехом можно идти во весь рост: черные фигуры на заснеженном поле видны издалека.

Сцены, где наши крестьяне мирно соседствуют в одной избе с фашистами, просто «умиляют»! Хотя достаточно почитать воспоминания деревенских жителей, вынужденных перебраться в погреба, в землянки или скрываться в лесах, после того как их бесцеремонно выгнали из их домов замерзающие немцы. Семьи, которым разрешили проживать в бане, могли считать себя счастливыми. Амбары, сараи были заняты под конюшни и хозяйственные нужды новых хозяев.

Не будем подвергать анализу ошибки, повлекшие за собой захват или гибель нескольких наших диверсантов. Следует отметить: комсомольцы знали об опасности подрывной деятельности и сознательно шли на риск, выполняя приказ советского командования.

Попав в плен, Космодемьянская демонстрирует твердость духа и нежелание вести какие-либо разговоры с врагом. Однако, ее сотоварищ по несчастью Василий Клубков, выдававший себя за деревенского, идущего к родственникам в сторону Калуги, держался недолго; его якобы подвели фабричные швы на белье (немцы полагали, что в советских деревнях местные сами шили подштанники), и ржавые скрепки в документах, которыми, в отличие от германских нержавеющей, крепили листы бумаги. А вот это серьезное искажение фактов! Дело-то как раз в том, что на качество скрепок обратили внимание представители спецчастей СМЕРШа, вылавливающие шпионов. Имелся тут и еще один нюанс: скрепки в СССР вставлялись вручную, что приводило к их «съезжанию» в сторону от центра документа. В Германии для скрепок применялся станок, который точно отрезал проволоку нужной длины, пробивал отверстия в документе, вставлял проволоку и аккуратно загибал ее. Эта маленькая деталь сослужила замечательную службу для наших правоохранительных органов и в частности для СМЕРШа: немецкие шпионы

всю войну проваливались при досмотре документов не только в одиночку, но и сразу группами. Позднее на скрепках попадались и американские шпионы. Секрет был раскрыт только в 1960 году, когда в СССР начали использовать стальные скрепки и автоматы для их внедрения в документ.

На очной ставке с Зоей Клубков попытался ее «вразумить» и пойти на контакт с врагом. Он убеждал девушку в том, что война подходит к концу. К чему сопротивляться? Ради чего? Сложно подобрать слова, чтобы дать оценку ответа киношной Космодемьянской... Если кто-то из создателей фильма (а режиссеров курировал помощник Президента Владимир Мединский) ставил своей задачей: показать наивность, недальновидность Космодемьянской, принизить ее подвиг, им это удалось. Оказывается, она пошла на фронт ради мамы и брата, «ради ржаной булочки», «ради трамвайчика», «чтобы мама не считала спички»... Да, вот такая глупенькая, домашняя девочка, не понимающая преимущества советского государственного строя перед уничтожающим целые народы фашизмом! Ей даже не требовалось никого предавать... Клубков уже дал все интересующие немцев сведения. Отчаянную диверсантку лично приглашал к сотрудничеству умный, интеллигентный и даже симпатичный германский офицер. И были бы в ее жизни комфортабельные трамвайчики, и вкусные сдобные булочки, и прочие бытовые удобства. Так значит, служила-то настоящая Зоя Космодемьянская в первую очередь идее, своей стране, народу, для которого предвоенные годы стали настоящим суровым испытанием в труде на заводах и фабриках, на колхозных полях и в шахтах, в науке и в создании обороноспособной армии.

Было бы странным не показать в таком фильме «никчемную» личность во главе нашей страны. 63-летний Сталин выглядит неуверенным в себе стариком, с шаркающей походкой и совершенно невнятной речью тяжелобольного человека. Зато он как-то удачно избавился от грузинского акцента! Эта фигура-символ появляется перед строем курсантов-выпускников исключительно для того, чтобы придать значимости текущему моменту. Хотя, по статистике, майор Спрогис подготовил за годы Великой Отечественной войны около трех тысяч диверсантов и разведчиков... Некогда было Иосифу Виссарионовичу осенью 1941 года инспектировать подготовку бойцов. Тем более, что параллельно работали еще и другие спец. школы.

Сцена на вокзале, где Сталин в последний момент перед отправкой поезда в Куйбышев, куда были эвакуированы многие советские государственные учреждения, вдруг решил не покидать Москву, выглядит просто нелепо. Создается впечатление, что Верховный главнокомандующий - эдакий фаталист... Вроде решил ехать, вещички уже в вагоне, и вдруг – бац! Без каких-либо причин планы меняются! Можно подумать, что эвакуация лидера страны – это такое простое дело: чемоданчик со сменой белья и портфель с документами?!

Стоит поблагодарить режиссеров за отсутствие сцен группового изнасилования героини. По-видимому, смакование пыток с поркой и кусками надорванного мяса на теле Мишиной-Космодемьянской они посчитали достаточно убедительным апофеозом жестокого зрелища.

И еще один очень важный момент. И в жизни, и по фильму имеют место несколько противостояний-конфликтов: внешнеполитический – это война между Германией и Советским Союзом, внутренние – между местным населением и оккупантами, между партизанами, диверсантами и местным населением. Когда речь заходит о Приказе Ставки Главного Командования № 0428 от 17 ноября 1941 года, в котором было сказано: «...Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40-60 км в глубину от переднего края и на 20-30 км вправо и влево от дорог», мало кто обращает внимание на третий пункт этого Приказа: «При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.» В каждом полку создавали команды по 20-30 человек. Еще раз обращаю внимание на строчку, где черным по белому написано: «...уводить с собой советское население». Это значит, что оставшиеся в оккупации местные жители по каким-то причинам не захотели оставлять свои дома. Урал, Поволжье и Сибирь гостеприимно встретили беженцев западной части нашей страны, потеснились в квартирах, предоставили работу. Это были реалии военного времени.

Как показывают факты, большинство населенных пунктов разрушено и сожжено командами охотников и диверсионными группами. Артиллерия из-за отсутствия зажигательных снарядов, а авиация из-за плохой погоды активной работы по выполнению задания не вела.

Обвинять Зою Космодемьянскую и других бойцов в том, что они поджигали «своих», совершенно несправедливо, они выполняли конкретный Приказ. Если бы немцам не создали таких невыносимых условий, финал войны мог бы оказаться другим. Не «булочки» стояли на кону!

Что наша жизнь? – Игра!

Сколько существует человечество, столько лет и всевозможным игрушкам – предметам, ставшим забавой для малышей и детей более старшего возраста. У представителей разных слоев населения игрушки выглядели по-разному: от примитивных – деревянных, соломенных, глиняных до высокохудожественных из дорогих сортов дерева, стеклянных, фарфоровых, пошитых из шелка и парчи. Наиболее известные по археологическим раскопкам и изображениям в живописи являются куклы, фигурки солдатиков, мячи и лошадки. О двух последних пойдет речь в этой статье.

«Мой веселый, звонкий мяч...»

Мяч и предметы похожие на него археологи находят по всему миру. «Мяч» - древнеславянское слово. Лингвисты полагают, что старейшее значение этого слова означает, по-видимому, «мякиш, мягкий шар, предмет, который можно стиснуть, сжать». В Древней Руси, да и в более поздние времена цветные тряпичные шарики-мячики привязывали на верёвочке к зыбке. Традиционный «русский» мячик шили из восьми одинаковых равносторонних треугольников. Лоскутки-треугольники сшивали, набивали ватой, шерстью или пряжей.

Когда весной 1956 года меня принесли из роддома домой, над колыбелькой уже висел подобный мячик. Жили мы тогда на улице Кирова, а за углом - на улице Ленина располагался магазин «Спорттовары», где продавцом работала подруга сестры моего отца. Тётя Нина не имела детей, поэтому появление племянницы стало для неё весьма приятным событием. Частенько, выходя со мной гулять, тётушка заглядывала в спортивный магазин, похвастаться моими первыми успехами. Чтобы я не скучала, продавцы выкатывали передо мной разного вида мячи, которыми я живо интересовалась.

Когда я научилась ходить, мне подарили сине-бело-голубой резиновый мячик. Я пробовала его на зуб, катала по полу, обнимала и даже пыталась с ним разговаривать. Уже перебравшись на другую квартиру, магазин «Спорттовары» на Ленина оставался моим самым любимым магазином. Здесь мне выбирали первые лыжи, гантельки и настоящий кожаный футбольный мяч.

Вообще мяч - это не только универсальная игрушка, но и вполне серьёзный спортивный инвентарь. Баскетбол, гандбол, водное поло, волейбол, конное поло, мотобол, футбол, теннис, лапта, хоккей на траве, «русский» хоккей, художественная гимнастика... трудно сразу вспомнить все виды спорта, где задействованы самые разные мячи. В детстве во дворе мы играли в свои игры с мячом, такие как, «вышибалы», «в козла», «съедобное - не съедобное», «в баню», бросали мяч на дальность или на меткость - в цель.

Мяч может служить и средством для реабилитации. Так после сложного перелома руки, мама долгое время использовала маленький резиновый мячик в качестве кистевого эспандера. Упражнения эти помогали ей разрабатывать суставы, тренировать цепкость пальцев, развивать мелкую моторику.

При любых обстоятельствах мяч - это хороший тренер, заставляющий человека двигаться, находить единомышленников, радоваться жизни. Занимаясь с пожилыми людьми, помимо разминочной гимнастики, бега и скандинавской ходьбы, я стараюсь заинтересовать их игрой в мяч. На начальном этапе предлагаю простую игру – «поймай мяч», где развивается реакция, координация, потом переходим к «вышибалам», - игре развивающей быстроту, ловкость.

«Эй, вы, кони!»

В истории человечества лошади были постоянными спутниками в жизни людей – это и средство передвижения и коммуникаций, и воспитания, и военных сражений.

Дети в играх всегда повторяют взрослую жизнь, и именно поэтому невозможно представить игры детей без лошадок.

Практически в быту всех народов конь – это священное животное. Есть сведения, что в каком-то смысле прообразом будущей игрушки стал тот самый знаменитый Троянский конь – деревянное сооружение,

благодаря которому греки хитростью овладели Троей в Троянской войне, примерно, 1240-1230 г. до н. э.

Конь в русской культуре символизирует красоту, добро, силу, плодородие и солнце. Совсем маленьких детишек, едва научившихся самостоятельно ходить, усаживали на лошадку-качалку, а глиняные фигурки лошадок были почти у каждого ребенка.

Лошадь-качалка – игрушка в форме лошади, закрепленная на конструкции из четырех полос, две из которых (нижние горизонтальные) являются криволинейными, давая возможность раскачивания. Ее предшественниками считаются колыбель, другие варианты «качалок» и игрушки в виде лошадей на колесиках. В своем нынешнем виде лошадь-качалка получила распространение с начала 19-го века.

Дети любят качалки. Они успокаивают, убаюкивают, создают ощущение радости и полета. А еще улучшают координацию движений, развивают вестибулярный аппарат и ... фантазию. Юный всадник сам решает, в какую игру он будет играть с лошадкой. Это целый мир приключений. Чем проще игрушка, тем больше творчества. Малыш сам выбирает свою роль – каким он будет героем, в каких обстоятельствах, в каком времени.

К сожалению, мой отец не стал кавалеристом, как мечтал в детстве. После тяжелой болезни у него развилась сильная близорукость. А вот на творческие способности сей факт не повлиял. С самого раннего детства я воспитывалась на сказках его собственного сочинения, а лошадку мне заменил велосипед. Что касается мяча... В детстве я с удовольствием играла с мальчишками в футбол, а сейчас отдаю предпочтение теннису и волейболу.

Вспоминая своё детство, тётя Нина и отец рассказывали, как любили они ходить на базар со своей старенькой нянькой. Если покапризничать, всегда можно было выпросить какую-нибудь игрушку. Однако, чтобы не тратиться на куклу и лошадку, нянька предлагала выбрать подарок один на двоих: кубики или мячик. «Мячик, мячик!» - хором просили дети, и совершенно счастливые по очереди несли домой в специальной сеточке разноцветный мяч. Перефразируя поэта, можно сказать: «Мячу все возрасты покорны!»

«Ничто не ново под луною»

Когда наряжаешь ёлку, вспоминаются строки Николая Карамзина: «Ничто не ново под луною.» Вот макушку новогодней красавицы венчает красная звезда... Многие считают, что это символ Красной армии, коммунизма, однако традиция уходит в далекое прошлое. Просто по прошествии многих веков символы видоизменились, как бы адаптировались к иной исторической эпохе.

Святое писание гласит: в тот великий день волхвы увидели в небе яркую звезду. Они последовали за ней и она привела их к маленькому Иисусу. Некоторые ученые предполагают, что звездой была комета Галлея. Звезда стала символом Рождества. С древних времен звезды устанавливали на куполах первых церквей. Также на всем известной иконе Божьей Матери «Неопалимая Купина» можно увидеть красивую восьмиконечную звезду.

Ангел сообщил пастухам, что произошло чудо: родился сын Божий. Ангелочки на ёлке в советские годы заменили изящные снежинки. Те же метаморфозы произошли и с детскими, маскарадными костюмами. В дореволюционной России малышам шили платьица с миниатюрными крылышками за спиной и давали в руки звонкие колокольчики, которые, как считается, отгоняют злые силы, защищают дом от нечисти. На фотографиях послевоенных Новогодних праздников можно увидеть по семь-восемь «девочек-снежинок» на детсадовскую группу или на класс младших школьников.

Более широкое, практическое назначение получили колокольчики. Они не только украшали новогоднюю ёлку, их устанавливали у дверей, их звон сообщал о том, что хозяин требует к себе прислугу, а уж знаменитые колокольчики-бубенчики на русских тройках являлись обязательным атрибутом зимних катаний.

Сейчас трудно себе представить, что в начале 60-х годов прошлого столетия маршруты уфимских троек проходили мимо парка имени Матросова от угла улиц Ленина и Фрунзе (ныне Валиди), по Цюрупа, к огромной городской ёлке на Советской площади, и далее по кругу на Ленина. С детей брали пять копеек. Хорошо помню нашего соседа по дому - кучера дядю Мишу (Мидхата), который ловко управлял парой рабочих, но весьма грациозных лошадок. Это был высокий, плечистый татарин, с громким голосом и ухарским свистом, в белом полушубке и высоких ва-

ленках. К нему в сани стремились усесться самые храбрые ребяташки, поскольку дядя Миша не только быстро ездил, но и в азарте старался обгонять своих, более осторожных коллег. К вечеру, когда иллюминация освещала ледовый городок возле ёлки разноцветными лампочками, катания прекращались, а вокруг, как их тогда называли, массовиков-затейников, одетых в яркие костюмы Деда Мороза, собирались и взрослые и дети. Все участвовали в викторинах, отгадывали загадки, читали стихи о Новогоднем празднике, о ёлке, играли в догонялки, соревновались в прыжках через скакалку. В качестве призов вручали конфеты, туалетное мыло, маленькие резиновые мячики, пластмассовые игрушки.

Нынешняя зима едва укрыла землю слоем пушистого снега, но этого хватило, чтобы вокруг ёлки у Горсовета начались катания на лошадях. Звенит колокольчик, лихо заворачивают сани на виражах... «Эх, тройка! птица тройка...»

Плохой хороший человек

В жизни почти каждого журналиста встречается такое явление, как правдоискатель. Можно даже нарисовать его схематичный портрет. Как правило, это человек старше сорока лет, с горящими глазами, быстрой скороговоркой (боится, что не все успеет рассказать!), имеющий много свободного времени, наделенный терпением и настойчивостью. Для «правдоискателей» не существует плохой погоды, чрезвычайных ситуаций и природных катаклизмов. Они преодолеют все! В моей жизни подобных людей было с десяток.

«Грусть-печаль»

Быть может история очередного ходока по инстанциям так и осталась бы в архивах моей памяти, если бы... Ну, обо всем по порядку.

С Иваном Ивановичем Козловским (фамилия, имя, отчество изменены) я познакомилась по телефону. В одном печатном издании прочитала жалостную статью недавно овдовевшего весьма пожилого человека, который сетовал на одиночество, отсутствие общения и вообще на грусть-печаль после смерти жены. Я пригласила Ивана Ивановича в группу пенсионеров, ведущих активный образ жизни, с посещением бассейна, лыжных и пеших прогулок. «Что вы, мне некогда!» - услышала я в ответ. Далее последовал подробнейший рассказ о том, какие у

моего телефонного знакомого «неблагодарные» дети. По его словам, сын тихо спивается где-то в местном общежитии, а дочь проживает за границей и ведет себя не так, как хотелось бы отцу, требуя, чтобы он продал гараж и дачу.

Узнав, что я журналист, Иван Иванович пригласил к себе в гости и попросил написать о его горькой судьбе в газету. Передо мной предстал бодрый, подтянутый мужчина, невысокого роста, эдакий живчик, с юношеским блеском в глазах. Я услышала подробнейший рассказ о детстве, юности Козловского, о том, как в 50-е годы он совмещал работу и учебу в вузе, как много уделял внимания общественной деятельности... Он слегка упомянул о скончавшейся жене, с которой прожил более сорока лет. Далее последовали воспоминания о встречах с людьми известными в Башкирии и даже за ее пределами. Я пыталась вставить уточняющие вопросы в низвергающийся на меня эмоциональный словесный поток, но быстро поняла, что ответной реакции не будет. Мой визави, словно споткнувшись, прерывал на мгновение монолог, и тут же, как бы не замечая моего вопроса, опять продолжал изливать душу.

Общественник

Откровенно говоря, биография моего героя достаточно обычная для послевоенного времени. Иван Иванович – человек импульсивный, отзывчивый, внимательный к нуждам коллег. Но... когда я спросила его о дочери и сыне, рассказчик слегка погрузтел и заявил: «Это жена их избаловала. Я работал. Мне некогда было». – «Позвольте, но все тогда работали! – возразила я. – Вы сами сказали, что и ваша супруга тоже работала». - «У меня была большая общественная нагрузка».

Из дальнейшего разговора я поняла, что «общественная нагрузка» сводилась к участию в различных комиссиях, организации всевозможных мероприятий, к речам на юбилеях и похоронах, к выступлениям в самодеятельности (Козловский гордится тем, что он до сих пор хорошо танцует и поет).

Казалось бы, при всей благополучной биографии (было время, когда Иван Иванович являлся депутатом Горсовета), и семейная жизнь должна развиваться в положительном русле, однако, заботы вне дома волновали его больше. С трудом вспомнил, в какие кружки-секции ходили его дети, совершенно не знал, чем был заполнен их духовный мир.

Впрочем, сам Козловский полагает, что для общего развития достаточно читать газеты.

Обнаружить какую-то «изюминку» в судьбе 80-летнего человека мне не удалось. Более того, становилось неловко, когда он гордо предьявлял мне листочки бумаги, на которых отмечал количество телефонных звонков с поздравлениями бывших коллег и знакомых с днем его рождения или какими-либо праздниками, подробно описывал полученные подарки.

Общаясь с огромным количеством людей, этот человек так и не научился пользоваться микроволновкой и сотовым телефоном, не говоря уж про компьютер. Не умеет (или не желает учиться!) готовить простой обед. Его энергия, постоянное движение напоминают бессмысленную суету, речь направлена только на его собственные интересы и желания.

Мы изредка перезванивались с Иваном Ивановичем. Он описывал вяло текущие отношения с детьми, пока не сразил новостью: в 80 с лишним лет он женился. Официально зарегистрировал свои отношения в ЗАГСе, не забыв при этом полюбопытствовать у администратора: много ли в таком возрасте женятся? Ответом был вполне удовлетворен: такого работники ЗАГСа не припомнили. Далее последовали многолюдные, шумные свадьбы в Уфе и в другом городе, где проживала невеста. Наверное, можно было бы порадоваться за пожилого мужчину, но стало ясно: Козловский подписал себе приговор. Дочь и сын осознали, что отписанные им их матерью 60% уфимской жилплощади останутся единственным наследством. Остальные 40%, часть гаража и половина дачи «уплывают» в другую семью. Младшее поколение обеих сторон активизировали свои действия. Пока Иван Иванович не освоил хотя бы сотовый телефон, ему приходится довольствоваться слухами или домыслами своих старых и новых родственников. Обе враждующие стороны обвиняются оскорблениями и угрозами, иски летят во все суды. Военные действия в разгаре.

«Все подкуплены?»

Очередной телефонный разговор с Козловским (я оказалась 58-ой, кто поздравил его со Старым Новым годом), развивался по старому сюжету: жалобы на детей, на собственное здоровье и... продолжение судебных тяжб на новом уровне. Я предложила найти какой-то компромисс, дабы сохранить всем нервы, но в ответ получила неожиданное за-

явление: «Да вас моя дочь, наверное, подкупила?! Нашла как-то подход?!» У меня пропал дар речи.

Далее мой герой сообщил, что написал статью об этих сложных родственных отношениях, и уточнил: «Не трудно ли вам отредактировать и набрать текст на компьютере? Могу даже документы, подтверждающие изложенные в статье факты, приложить. В своей борьбе за справедливость я пойду до конца». Я категорически отказалась.

В чем выражаются претензии обратившихся в суд, понять сложно. Обе стороны не хотят делить трехкомнатную квартиру, цена которой не меньше пяти миллионов рублей. И те и другие готовы за минимальную цену выкупить вторую половину, но никто не хочет ни в чем уступать.

Если учесть, что я знакома с Иваном Ивановичем почти пять лет и достаточно хорошо изучила его характер, охотно верю, что пойдет он до конца. То, что этот «конец», теперь уже 85-летний человек настырно приближает, понятно всем, кроме него самого. Никакие благоразумные советы он не слушает. Удивляется «наглости» своих детей, которых он по большому счету и не знает, ведь росли и формировались они, как личности, без участия отца. Впрочем, у Козловского вообще отсутствует культура диалога.

История печальная и, к сожалению, с предсказуемым финалом. Дело не только в решении суда... Страшно и больно наблюдать, как близкие, родные люди превращаются в эгоистов, а справедливостью они называют выгодные только для самих себя условия жизни.

Икс, игрок в задаче Фефеловой

Как-то в программе «Андрей Малахов. Прямой эфир» состоялась встреча с жительницей Уфы 33-летней Викторией Фефеловой. Поверить в то, что это реальный человек, а не придуманный для хайпа персонаж, можно с трудом.

Фефелова – репетитор по математике (имеет незаконченное высшее образование) опубликовала в интернете информацию о намерении отдать своего новорожденного сына Александра «в добрые руки». Мама написала о некоторых «проблемках» в здоровье малыша, его «родословную» и предъявила определенные требования к усыновителям: мама должна быть блондинкой, папа толстым в черном костюме; семья непременно очень богатая, интеллектуально развитая и с красным автомобилем.

Свое решение Виктория объясняет плохим собственным здоровьем, отсутствием нормальных жилищных условий и не стабильным доходом. Отдавать ребенка в детский дом она не хочет. Пристроить сына в семью и периодически навещать его раз в месяц – вот, по мнению Фефеловой, идеальный вариант. Несколько лет тому назад она таким же образом отдала свою пятилетнюю дочь Адель... действительно в хорошую семью.

Виктория состоит на учете в психоневрологическом диспансере, регулярно принимает необходимые лекарства. Сын Александр в данное время находится в уфимском доме малютки. Решается вопрос о лишении Фефеловой родительских прав.

Диагноз медицинский

Особенность психических заболеваний заключается в том, что со стороны не всегда заметны какие-либо отклонения в поведении человека. Не профессионалу трудно понять причину эпатажности, абсурдности поступков больного. Легче списать на алкоголь или наркотики, чем поверить в конкретный медицинский диагноз. Среди великих ученых, поэтов, художников немало людей страдающих шизофренией, психопатией и другими психическими болезнями. Их жизнь – череда обострений и ремиссий. У кого-то эти периоды проявляются достаточно ярко, у кого-то переходят в вяло текущие.

По словам самой Виктории: «У меня было расшатанное эмоциональное состояние после рождения сына. Были перепады настроения. Когда мы поехали к психиатру, меня оставили в больнице, а малыша отвезли в дом малютки. После рождения первенца – дочери тоже были проблемы. Как и о сыне, я разместила о ней пост в интернете.»

Необходимо уточнить, что детей Фефелова не продает, то есть не преследует никакой материальной выгоды. Она ищет для них здоровую, обеспеченную, счастливую семью, которая может дать малышам всё, чего не имеет и не может дать сама мать. Официально у нее установлена вторая группа инвалидности.

Психиатр Василий Шуров пояснил: «Я общался с Викторией до эфира. Конечно, есть заболевание. Оно гораздо тяжелее того, о чем здесь говорилось. Она принимает определенные препараты, которые действительно отменила себе на период беременности, чтобы не нанести вред ребенку. В итоге после родов получает тяжелейшее обострение – ведет

себя так, что людям кажется, что ее надо расстрелять или посадить. Но это просто результат болезни.

К ней нельзя подходить со стандартными оценками. Ребенок в теле женщины – это мягкое название того, что психоэмоциональный контроль нарушен. Она прекрасно понимает, что опасна для ребенка. Озвучивать в студии диагноз я не буду.»

В интернете бурно обсуждают, как же психбольная может быть репетитором? А очень просто! Среди, например, шизофреников много настоящих гениев: Исаак Ньютон, Альберт Эйнштейн, Фридрих Ницше, Эрнст Хэмингуэй, Винсент Ван Гог, писатели Николай Гоголь и Михаил Булгаков, композитор Александр Скрябин, дрессировщица Маргарита Назарова...

Доказано, что некоторые отделы мозга у шизофреников работают не так, как у нормальных, в плане психического здоровья, людей. Может это и помогает первым мыслить нестандартно, нестереотипно, как большинство, и стать выдающимися, не такими как все.

Это предположение подтвердили психологи, утверждая, что то, о чем думают шизофреники, предсказать или предвидеть невозможно. Их мышление безгранично, не подчиняется никаким правилам и нормам, принятым в обществе. Они видят окружающий мир по-другому, и, кажется, могут «заглянуть» в потустороннее. Даже рассматривая простую кляксу, шизофреник создает такую ассоциативную цепочку, которая обычному человеку и не снилась!

Вот и получается: многим открытиям, появлению шедевров и другим значимым вкладам в развитии цивилизации человечество обязано людям с психическими отклонениями.

Диагноз социальный

Необходимо уточнить: Виктория родилась недоношенным ребенком. Ее мать умерла, когда девочке исполнилось три года. В раннем детстве она получила хорошее домашнее воспитание. В пять лет уже умела читать и легко выполняла простые арифметические действия. В школе училась с удовольствием, активно проявляла себя в математических олимпиадах.

Корреспонденты телеканала «Россия» показали, в каких условиях живет сейчас Фефелова. Небольшой домик в частном секторе Уфы выглядит скромно. Внутри - первый этаж занимает отец с мачехой Викто-

рии. Кругом мусор, грязь, беспорядок. Отец и мачеха то ли не трезвые, то ли находятся в каком-то одурманенном состоянии.

На втором этаже – маленькая уютная комнатка, где есть место для самого необходимого, в том числе – детская кроватка и шкафчик для ползунков и распашонок.

Конечно, атмосфера в доме явно не располагает к проживанию мамы с младенцем. Более того, жизнь в таких условиях и с такими родственниками опасна не только для маленького ребенка, но и для самой Виктории.

Но... хочу вернуться к передаче Андрея Малахова. Если юристы, психолог и психиатр вели себя корректно по отношению к героине, то рядовые зрители, точнее, зрительницы грубо высказывались в адрес Фефеловой, а потом кинулись в драку с ней.

Никакие разъяснения особенностей поведения Виктории со стороны медиков не действовали на разъяренных женщин. Они требовали, чтобы мать сама воспитывала своего сына или же «посадить эгоистку в тюрьму». Никто из специалистов не сделал акцент на том, что Фефелова не бросила своего ребенка. Она по-своему, желает ему добра. Стоит ли ее лишать родительских прав, ориентируясь только на диагноз? Трудно сказать. Другое дело, если мама сама добровольно пойдет на это.

И еще. За последние годы на телевидении было много различных ток-шоу о детях, которых действительно продали в семьи за границу. И продавали их не родители, а представители органов опеки или детские дома. Кого-то правдами и неправдами сумели вернуть в Россию, кто-то вполне благополучно прижился в семье усыновителей. А почему мать (или отец) не могут выбрать достойных родителей своим детям? Я не собираюсь обсуждать причины отказа от своего ребенка. Их может быть много или одна, но суть в том, что родитель (родственник) хочет и способен сам сделать выбор будущего для малыша. Другое дело, что проверка будущих усыновителей и оформление соответствующих документов будут проходить уже под контролем государственных органов.

Если поведение больной Виктории вполне соответствует ее диагнозу, то агрессия и нетерпимость отдельных граждан (здоровых ли?) в студии и в интернете поражают! Сколько пошлости, откровенного хамства обрушивается на голову несчастной женщины, не способной самостоятельно решить свои проблемы?! Неужели трудно предложить Фефеловой вместе с опекой найти достойных родителей для ее сына?

Суррогатное материнство

В современном мире уже давно существует понятие «суррогатное материнство». Это попытка воспроизвести потомство не парой «мужчина-женщина», а с привлечением третьего лица.

Само слово «суррогат» обозначает заменитель натурального продукта (например, пищевые суррогаты) или в значении «фальсифицированный продукт». Может означать: суррогат или эрзац – неполноценный или вынужденный заменитель чего-либо.

В случае с Викторией Фефеловой тоже присутствует элемент суррогатного материнства. Полноценной матерью для своих детей она быть не может по причине болезни. Но это не значит, что ее отношения с собственными детьми должны прекратиться сразу после усыновления приемными родителями.

Человек – существо разумное, но не всегда предсказуемое, так как жизненные обстоятельства, особенности характера, болезни накладывают свой отпечаток на его поведение. Что-то может подкорректировать психолог или психиатр, что-то, при желании, исправит сам индивид. Вот только не всегда помощь бывает грамотной. Одними медицинскими препаратами влиять на психически больного не достаточно. Но... если есть шанс найти какой-то здравый посыл в поведении такого человека, упускать этот шанс нельзя. Виктория категорически не желает прерывать связь со своими детьми. Да, детям нужны здоровые родители и достойные условия для проживания и воспитания. Только возможно ли вырастить достойного человека, если общество (законы?) не оставляют биологической матери ни единого шанса на общение с ребенком?!

Следствие увели

Телевидение привычно вошло в наш быт. Сотни каналов предоставляют возможность выбора для просмотра: история, география, литература, театр, музыка, художественные и документальные фильмы, интеллектуальные игры, концерты, путешествия, кухни народов мира и еще множество тем и программ. Даже самый капризный зритель отыщет для себя что-нибудь соответствующее своим интересам.

В поисках страшных историй

Я всегда с большим вниманием отношусь к воспоминаниям ветеранов военной разведки и представителей правоохранительных органов. Стараюсь не пропускать на НТВ новые передачи Леонида Каневского «Следствие вели...», сюжеты которых строятся на основе реальных событий. Многих ветеранов уголовного розыска и прокуратуры бывшего СССР, благодаря этим программам, я уже знаю в лицо.

Конечно, с особым любопытством воспринимаю рассказы об уголовных преступлениях, которые происходили в Уфе. И вот 4 июня нынешнего года вышла очередная серия. Сюжет посвящен уфимскому сексуальному маньяку Ринату Валееву, совершавшему преступления в 1974–75-ом годах, и действовавшему в районе Сергиевского кладбища.

Мой знакомый журналист, подполковник юстиции в отставке Ирек Муктасаров, инициатор того, что об этом уголовном деле прослышали в штабе Леонида Каневского. В Уфу приехал московский корреспондент Олег Налимов с оператором и, собрав представителей уголовного розыска и прокуратуры тех далеких лет, расспросил подробности некогда нашумевшего дела.

Закулисье постановки

Особенность программы «Следствие вели...» такова, что зритель не всегда замечает: сюжет скроен из отдельных эпизодов, о которых повествуют реальные действующие (или в отставке) представители следственных органов, работавшие по конкретному делу или имевшие к нему косвенное отношение. В фильме роль «свидетелей» или «потерпевших» исполняют - в большинстве своем – малоизвестные артисты, отобранные по кастингу люди или знакомые, родственники кого-либо из съемочной группы. На кастинговых сайтах, помимо объявлений о наборе актеров для реконструкции событий, набирают опять же исполнителей на роль следователя, инспектора уголовного розыска, если настоящие представители правоохранительных органов по каким-то причинам не участвуют в передаче. Но... каждая отдельная серия «Следствия вели...» имеет своего сценариста. То есть, кроме фактов по реальному делу (часто перекроенных в угоду интриге), над содержанием программы трудится сочинитель, интерпретирующий рядовое уголовное дело в захватывающий детектив. Хорошо, если чувство меры и элементарные знания юриспру-

денции не превратят очередную серию в откровенный бред дилетанта, жаждущего сразить наповал неискушенного зрителя! Однако юристов-профессионалов, тем более оперативных работников подобные вольные «домысливания» приводят в ужас!

Переплюнуть Чикатило?!

Как же повезло сценаристу Светлане Тумановой с уфимскими ветеранами правоохранительных органов! Один из бывших следователей прокуратуры (желающие могут узнать его фамилию из передачи «Следствие вели...» «Лицо под шарфом»), человек весьма преклонных лет авторитетно заявил, что серийный маньяк Ринат Валеев «признался»: у него было сто пять жертв. Потом этот же следователь добавил, что обвиняемый «вспомнил» еще о пятидесяти потерпевших. В общей сложности более ста пятидесяти?!!

Необходимо пояснить один нюанс: случается, задержанные, арестованные, находящиеся в следственном изоляторе, пытаясь разнообразить серые будни или планируя побег, выдумывают несуществующие жертвы, с целью - выехать на «место преступления» для дачи подробного признания.

Другой участник «Следствие вели» по делу Валеева ветеран МВД уточнил, что с 1974 по 1975 годы в течение шести месяцев в Уфе не происходило нападений на женщин. Насильник затаился. Значит, меньше, чем за год преступной деятельности сексуального «гиганта» на его счет пришлось по эпизоду в день?!! Но ведь Валеев благополучно трудился водителем на крупном автопредприятии, не прогуливал, не брал больничный, был хорошим семьянином. Да и не слышали уфимцы в 1974 или 1975 году о таком количестве пропавших женщин (у Валеева доказано три убийства, а в розыске находились около двух десятков женщин) и чуть ли не ежедневных изнасилованиях!

Для сравнения можно привести следующую статистику: у известного маньяка из Ростовской области Андрея Чикатило было 53 трупа за четырнадцать лет; печальный рекорд по убитым (на данный момент доказанных преступлений!) удерживает, так называемый, «ангарский маньяк» Михаил Попков из города Ангарска - 78 трупов за восемнадцать лет.

Факты и домыслы

Ляпы и явные ошибки встречаются во многих художественных и даже документальных фильмах. Меня возмущает вольная трактовка фактов в программе, претендующей на изложение реальных событий! Зачем в поисках сенсаций придумывать какие-то ужасы и искажать статистику?! Кстати, в Башкирии были преступники с большим, чем у Валеева, количеством жертв, но московские журналисты не потрудились хотя бы в интернет заглянуть!

Как уже было сказано, все эпизоды с изнасилованиями Валеевым происходили в одном – Кировском районе. Для москвичей, делающих передачу «Лицо под шарфом», масштаб понятия «район» несколько иной, чем это было в Уфе в середине 70-х годов. Тогда Сергиевское кладбище окружали одноэтажные частные домики постройки начала 20-го века. На одной из улочек, ведущей к кладбищу, жила моя престарелая родственница, которую я частенько навещала. Историю с убитой женщиной слышали многие. Но никакой паники этот случай у жителей Уфы не вызвал. Можно себе представить, что творилось бы в столице Башкирии, если бы маньяк выходил на охоту почти каждый день!

В советское время на страницах газет и журналов были постоянными рубрики «На темы морали» и «Из зала суда», в которых авторы (журналисты, юристы, педагоги) старались разобраться в сложных человеческих взаимоотношениях, освещали суть проблемы, способы ее решений. Нынче подача материала в СМИ преследует одно: «взбодрить» психику читателя-зрителя, сразить убойной статистикой, жуткими кадрами. И еще одна, повторяющаяся особенность программы «Следствие вели...». Между «кровавыми» сценами и рассказами о жестоких монстрах, Каневский, словно вспоминая и о своей «тяжкой» судьбинушке, повествует о «полуголодных» советских людях, которые в поисках пропитания и товаров повышенного спроса проводили свободное время в очередях и поездках в Москву за дефицитом.

Причина столь странного зомбирования зрителей кошмарами на тему – «как плохо было в СССР», объясняется очень просто... Достаточно посмотреть титры: кто зарабатывает на этом проекте? Главный продюсер – гражданин США Давид Гамбург и ведущий – гражданин России и Израиля Леонид Каневский. Когда начали снимать первые серии «Следствие вели...», о своем отношении к России Каневский заявил следующее: «Я приезжаю в Россию. Все знают, что я живу в Израиле.

Когда меня видят в России, говорят: как хорошо, что ты вернулся! А я не вернулся, я приехал работать, но постоянно-то я живу и работаю в Израиле».

Что было, то было

Кстати, в других сериях «Следствие вели... С Леонидом Каневским» можно услышать мнения известных юристов, например, генерал-лейтенанта милиции, доктора юридических наук (диссертация по теме «Преступность в Советском Союзе») Александра Гурова: «Тяжкие преступления в СССР, в частности убийства, были событием чрезвычайным. Даже в таких мегаполисах, как Москва и Ленинград, в среднем приходилось по одному убийству в два-три месяца».

Солидарен с ним и бывший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР, адвокат Владимир Калинин, утверждающий, что многие, так называемые, резонансные дела были раздуты в угоду новой власти.

Если в Уфе на протяжении нескольких месяцев (из программы следует, что Валеева в 1976 году уже расстреляли) действовал сексуальный маньяк и убийца, то из Москвы приехала бы комиссия разбираться с бездарными оперативниками! Да и местным руководителям не поздоровилось бы!

Любое преступление против личности – это трагедия. И нет никакого срока давности для оправдания человеческой подлости и жестокости. Вот только статистика – наука точная; тем более в юриспруденции. И слова, сказанные представителем правоохранительных органов, дорогого стоят. Как говорят сами юристы: верьте людям на слово, заверенное подписью и печатью. Доказано – значит было! А не доказано... зачем огород городить?!

Воспитавай себе друга

Одна из самых актуальных и обсуждаемых тем – воспитание подрастающего поколения. Об этом говорят на скамеечке в парке, в курилке на работе и даже в общественном транспорте. Весьма неприятные и даже трагические события в школах различных городов России (и не только в России!) заставляют людей разных профессий искать решения явных и скрытых конфликтов в обществе. Изменения ли в образователь-

ной системе стали причиной непонимания между учителями, детьми, их родителями или же тенденция людской агрессии и нетерпимости витает в самом воздухе и имеет какие-то планетарные причины? Почему представители старшего поколения дружно констатируют, что до середины 80-х годов прошлого столетия не возникало необходимости в школьных психологах, а проблемы в семье и в учебных заведениях решались на семейном совете или на уровне классного руководителя?

Всем ребятам пример

Не собираюсь отстаивать преимущества того или иного государственного строя; сужу по своему советскому детству 60-х годов. На стенах школ всей нашей огромной страны висели портреты пионеров-героев, комсомольцев отдавших свою жизнь за Родину. Отмечали праздники, вспоминали героев, проводили тематические мероприятия, где дети выступали с докладами по биографии и боевому пути юного партизана или подпольщика. Параллельно слушали сообщения об уникальных военных операциях Гражданской и Великой Отечественной войн. И опять-таки силами ребят готовили лекции о советских военачальниках. И это, не говоря уже о достаточно подробном материале в учебниках, дополнительной литературе, которую добросовестный и любящий свой предмет педагог старался бережно донести до учеников.

В 10-16 лет все еще дети, но были темы, которые не являлись поводом для шуток или критики – это история нашей страны, трудовой и воинский подвиг советского народа в освобождении Европы от фашистских захватчиков. Стоять в почетном карауле у вечного огня доверяли только лучшим ученикам. И это не было формальным выполнением ритуала! Несколько недель дети учились ходить строевым шагом, синхронно производить смену караула, подгоняли, отглаживали соответствующую одежду. Помню, как случайно выяснилось, что в парке имени Ивана Якутова в братской могиле похоронен родственник нашей одноклассницы. На торжественную линейку пригласили всю семью этой девочки. Нам показывали старинные фотографии, рассказывали о судьбе погибшего за свободу героя.

Мы участвовали в детской военизированной игре «Зарница» для того, чтобы прочувствовать, хотя бы в облегченной форме, сложности и тяготы войны. Девочки получали навыки санитарок, мальчики преодолевали полосу препятствий, и все вместе ставили палатки, бросали учеб-

ные гранаты на точность и дальность, совершали рейды, ориентируясь по карте и компасу, выполняя задания старших командиров.

Мы, по причине детского возраста, конечно, не понимали всей глубины трагедии гибели молодых людей защищавших нашу страну, но мы знали их имена: Николай Гастелло, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Валя Котик, Зина Портнова, Олег Кошевой... Пионерские дружины носили имя какого-нибудь героя войны или космонавта, в школе создавали соответствующий музей, проводили конкурсы чтецов, тематические вечера.

Кто такие вредители?

В эпоху Сталина слово «вредители» довольно часто встречалось в народном обиходе. Но сейчас следует уточнить, кто же они такие? А все просто... Это люди не добросовестно выполняющие свои должностные обязанности, допустившие растрату казенных средств, нанесшие моральный или материальный вред своей Родине, народу. Человек, сознательно искажающий исторические факты, провоцирующий межнациональную рознь, в сталинское время получал гарантированную «путевку» в ГУЛАГ. Что мы имеем сейчас? Российские художественные и даже «документальные» фильмы, где ставится под сомнение роль СССР в ходе Великой Отечественной войны. Про предреволюционное положение России и значение Октябрьской социалистической революции в мировом масштабе, вообще сочиняют такие сказки, что невольно начинаешь верить в «Горбачева-спасителя», на радость всем нашим врагам положившим начало развалу некогда мощного государства.

Молодые режиссеры, пользуясь отсутствием цензуры, даже не пытаются взять в консультанты военных экспертов, историков. На экраны выходят сериалы с интеллигентными эсэсовцами и пьющими запоем «дебилами» энкавэдэшниками. Откровенно слабые, с многочисленными ляпами, боевики отличаются неправдоподобными сюжетами, слабой проработкой образов, безнравственностью, нелепостью ситуаций и дискредитацией российской армии и правоохранительных органов. Дожили до того, что современные «специалисты» публично заявляют о «нецелесообразности «рельсовой» войны в годы Великой Отечественной войны», подвергают критике подвиг Зои Космодемьянской, начинают с пеной у рта выяснять: к какой национальности принадлежит тот или иной герой.

Что можно ожидать от детей, чьи родители в 90-е годы наблюдали рост преступности, поэтизацию рэкета и разврата? Воспитанные на примерах еще постсоветских нуворишей и современном кинематографе, юное поколение скептически относится к прошлому, не верит, что доживет до «светлого будущего» и, естественно, жадно «берет от жизни все и сейчас».

Психологическая атмосфера в современных школах напоминает маскарад, где трудно угадать, кто прячется за маской зайчика или Мальвины, где взорвется петарда, в каком углу юные «принцессы» устроят «темную» своей однокласснице и вернется ли домой вся эта раскрепощенная компания во главе с учителем живыми и невредимыми?!

Кому это нужно?

Дети – наше будущее. Вот только непонятно: почему дети с некоторых пор стали главными в семье, в обществе? Главный – тот, кто зарабатывает деньги, обеспечивает безопасность, содержит семью, дает знания вступающему в мир поколению. Природе свойственна иерархия. Щенок, жеребенок или едва вылупившийся птенец приобретают навыки выживания от матери, их родившей, от своих родичей. Далее отношения выстраиваются в стае, в прайде. Так почему четырехлетний карапуз, закатив истерику, может подчинить своей воле бабушку или отца? Почему учитель с многолетним стажем, отдающей тяжелой профессии не только оплачиваемые часы, но и большую часть своего личного времени, является предметом издевательств со стороны учеников-хулиганов?! За нецензурные выражения в общественных местах нарушителей правопорядка штрафуют, и только в школах матерщина звучит безнаказанно!

Стрельба и поножовщина в школе – это следующий этап распоясавшихся маленьких дебоширов, которых неоднократно прощали и тем самым подвели к мысли: мы еще несовершеннолетние, нам можно.

Начиная с древнейших времен, и на протяжении многих веков труд помогал человеку развиваться физически и духовно. Прекрасно помню уроки труда в советской школе, где мальчики познавали азы слесарного или столярного дела, а девочки пробовали себя в качестве швеи или кондитера. Периодически учеников привлекали к уборке школьной территории. Ежедневно дежурные мыли свой класс. И вдруг кому-то в высших инстанциях пришло в голову назвать это эксплуатацией детского труда. И понеслось по всей России! Почему-то в сельской местности

никому не приходит в голову запретить детям ухаживать за скотиной, работать в огороде, пилить, колоть дрова, а в городе просьба педагога расчистить снег возле крыльца своей школы вызывает бурную реакцию родителей.

То, что за последние тридцать лет молодежь стала слабее физически, официально подтверждают медики. Тренировки на уроках физкультуры носят чисто игровой характер и больше напоминают забавы на сабантуде. Существенно упрощены нормативы ГТО, которые и в советское время не являлись сложными. Детей сознательно ограждают от любых физических нагрузок, подвозят к воротам учебного заведения на автомобиле, лишая даже пешей прогулки!

Если заглянуть в архивы, примерно, столетней давности, можно обнаружить сведения о многочасовых или многодневных лыжных или легкоатлетических пробегах, перед Великой Отечественной войной юноши и девушки участвовали в мото- и велокроссах, осваивали самолетный и парашютный спорт. В пионерских лагерях подростков учили плавать. По всей стране проводили массовые соревнования, спартакиады. Не отставали и жители сельской местности. На развитие физкультуры в колхозах и совхозах выделялись средства, создавали команды по игровым видам спорта, а наши прославленные лыжники и бегуны в основном были из глубокой провинции.

Все, что происходило за семьдесят лет советской власти, держалось на идеологии. И далеко не всегда эта идеология носила политическую направленность. «Человек человеку – друг, товарищ и брат», «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», «Учиться, учиться и учиться!» - такие лозунги были в каждой школе, в пионерских лагерях и даже на уличных транспарантах. Как говорил канцлер Германии Отто фон Бисмарк: «Россию невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя».

Потерянное поколение?

Для того, чтобы достойно воспитать одно поколение, нужно, чтобы предыдущее поколение уже приобрело хотя бы минимум знаний, опыта, навыков. Родители современных школьников – это люди, рожденные в 80-90-е годы - период, когда потоки словоблудия захлестнули Россию. Прилавки магазинов пустели, но народ жадно ловил новые слова: глас-

ность, кооператив, сухой закон, ваучеры, реклама, МММ... Казалось, еще немного, и сами собой появятся товары, продукты, откроются границы, а какие-то бумажки-акции сделают всех богатыми и счастливыми. Действительно, кое-кто разбогател, но большая часть общества потеряла даже то, что имела: стабильную работу, накопления, уверенность в будущем. Стали закрываться заводы, фабрики. Тысячи людей были заняты мыслями, как выжить и прокормить свою семью. Рухнули все моральные принципы. Совесть, доброта, культура стали тяжким и ненужным грузом, от которого старались быстро избавиться. Конкуренция, умение выгодно повернуть дело, обвесить, обсчитать, обмануть – вот фундамент успеха в новой России! Ничего святого! Вышедшие из мест заключения спекулянты, стали бизнесменами. Слегка подправившие свою биографию рэкетеры, пошли во власть.

В атмосфере отчаянности, растерянности, озлобления росли родители современных школьников. Их задача: выжить любой ценой! Им уже не вкладывали идеи братской помощи, чести, любви к своей Родине и уважения к ее истории. Все логично: невозможно требовать от современных детей того, что не было заложено в души их родителей. Напрашивается вывод: если в семье ребенок не может получить необходимых знаний и выбрать правильные ориентиры, этим должны заниматься в дошкольных заведениях и в школе. Да, учителя загружены! Да, зарплата у них низкая! Но кто-то должен понять, что, отгораживаясь от проблем турникетами и Росгвардией, мы невольно растим поколение, способное подчиняться только устрашениям и физической силе?!

В 60-70-е годы, прежде, чем купить щенка служебной породы (а их приобретали через клубы ДОСААФ), взрослый или ребенок должны были закончить специальные шестимесячные курсы, где будущий владелец четвероногого друга знакомился с анатомией и особенностями дрессировки той или иной породы. С детьми все проще... Девушка, не получившая практически никакого домашнего воспитания, от случайной связи рождает ребенка, который ей не нужен. В роддоме сердобольные нянечки «уговаривают» молодую мамашу ребенка не бросать. И выходит в свет еще одна неприспособленная к жизни душа. Потом содержание холодильника и наличие койко-места для ребенка будут контролировать социальная опека, в худшем варианте - комиссия по делам несовершеннолетних. Но это контроль лишь за физическим состоянием ребенка. Вот и появляются в классе неуправляемые, озлобленные существа, терроризирующие одноклассников и учителей.

На крайний случай для них существуют коррекционные классы, школы, но... кто же будет корректировать поведение родителей, не получивших элементарного воспитания?! Как в дальнейшем сложатся отношения между близкими людьми?

Мы все немного собаки

Дети в СССР имели много разных обязанностей, занятий - в школе и вне ее. Родители старались не вмешиваться в учебный процесс, не подвергали сомнению авторитет педагогов. Кто-то предпочитал отдать свое чадо в школу с математическим уклоном или с углубленным изучением иностранного языка. Были у ребят дополнительные нагрузки в музыкальной школе, в художественной, а также всевозможные кружки и спортивные секции.

Первая профессия, которую я получила в пятнадцать лет – инструктор служебного собаководства. Помню, как мы – курсанты решали: какую специализацию выбрать для своей первой собаки. Старый собаковод, воспитавший немало питомцев для службы на границе и в милиции, посоветовал: «Для начала – воспитайте себе друга. Чтобы понимал вас и выполнял все команды. Научите его внимательно следить за вами, не проявлять агрессии к окружающим. Ну, и конечно, собака должна быть физически хорошо подготовлена: плавать, бегать, преодолевать препятствия. Чем больше вы будете проводить времени с вашим четвероногим другом, тем больше будет уверенности, что в трудную минуту он вас не подведет».

Удивительно, но все эти советы кинолога вполне можно отнести и к воспитанию детей! Не важно, станет ли ребенок олимпийским чемпионом, талантливым математиком или художником, задача родителей – воспитать хорошего человека, трудолюбивого, стремящегося к познанию нового, способного услышать и понять других.

Среди кинологов есть специалисты, работающие по корректировке уже взрослых собак с неустойчивой психикой. Это очень трудный процесс, но перевоспитание возможно. В современном обществе назрел вопрос создания новой учебной структуры, объединяющей в себя педагогов с психолого-психиатрическим, юридическим образованием, а также культурологов. Это было бы заведение, где корректировку проходили бы и родители, и дети, ведь сложно привить ребенку основы культуры и

развить эстетический вкус, когда дома родители не способны создать здоровую обстановку.

Конечно, в идеале – это соблюдение семейных традиций, когда в воспитательном процессе задействованы бабушки, дедушки, родители, другие родственники, близкие друзья семьи. В моем случае участие принимали даже соседи. Каждый привносил что-то свое, оставив в памяти (и в дневниковых записях) забавные истории, рассказы о поездках в деревню или на дачу, примеры личного мужества и душевной щедрости.

За последнее время в крупных городах России стали возникать, так называемые, кризисные центры. По сути, они выполняют роль скорой помощи, спасая людей (чаще женщин и детей) от родственников представляющих угрозу их здоровью и жизни. Пребывание в этих центрах носит кратковременный характер. Более продолжительное время, потерпевшие от домашнего насилия или получившие тяжелую психологическую травму, могут находиться в специальных реабилитационных центрах, но, как правило, это уже на платной основе.

Судя по телевизионным передачам, сейчас не редкость, когда девочки шестнадцати лет и моложе, начинают вести активную половую жизнь, рожают детей, не будучи подготовленными к ответственности за своего ребенка, не имея даже самых примитивных знаний по уходу за малышом. Конечно, можно что-то освоить экстерном, но не проще ли начинать знакомить подростков с бытовыми и семейными отношениями, начиная со школы? Не все станут дипломатами, артистами, учеными, но почти все создадут семью и станут родителями. В нашей стране материально поддерживается материнство, многодетные семьи, но почему-то количество рожденных детей далеко не всегда переходит в качество их воспитания.

Цивилизация не стоит на месте: каждый день – новые открытия, технологии, и только в вопросах воспитания полезно оглядываться назад. Как говорил выдающийся советский педагог Василий Александрович Сухомлинский: «Воспитание детей надо начинать с родителей»; «Самый лучший учитель для ребенка тот, кто, духовно общаясь с ним, забывает, что он учитель, и видит в своем ученике друга, единомышленника».

По крутой лестнице истории

14 октября Банк России провел по всей стране День открытых дверей. Я с большим интересом присоединилась к этому мероприятию, впервые переступив порог Отделения - Национального банка по Республике Башкортостан Уральского главного управления Центрального банка Российской Федерации, расположенного по адресу: улица Театральная, 3.

Государственный банк в России образован указом императора Александра Второго в 1860 году. Он являлся основным госбанком и находился в Санкт-Петербурге. Развитие банковского дела в нашем регионе начинается с 1865 года, когда в мае издается указ о разделе Оренбургской губернии на Оренбургскую и Уфимскую, а осенью того же года сенатский указ об открытии Уфимского отделения государственного банка России.

Первоначально Уфимское отделение Госбанка размещалось в арендуемых помещениях. В 1899 году на улице Соборной (ныне Театральная) было возведено двухэтажное здание, которое в реконструированном виде входит в современный архитектурный ансамбль Отделения НБ Республики Башкортостан. Проектировал здание банка надворный советник Михаил Скловский - архитектор губернского правления. Возведение данного объекта было настолько важным для Уфимской губернии, что закладка фундамента проводилась в первый день недели всех Святых - 9 июня 1897 года. Крестный ход с чудотворной иконой Святителя Николая от Воскресенского собора проследовал к месту закладки, где архиепископ Иустин в присутствии Уфимского губернатора совершил освящение, а затем в основной камень фундамента была заложена медная доска с указанием даты и лиц, при этом присутствующих.

Строительство несколько раз останавливалось из-за близости подземных вод, но после устройства специальной дренажной системы оно продолжилось. Первоначально здание госбанка было двухэтажным, причем в этом же здании жили семьи трех должностных лиц: управляющего, контролера и кассира. Такое требование правления Госбанка в то время для всех отделений и контор организации являлось обязательным. Здесь были все условия для тогдашней жизни: во дворе - конюшня, коровник, птичник, сад-огород. Имелась даже специальная система очи-

стки воды, сбрасываемой этим большим хозяйством в городскую канализацию.

В царской России Госбанк - крупнейшее кредитное учреждение страны. В соответствии со своим Уставом он выполнял функции банка краткосрочного коммерческого кредита. Здесь учитывались векселя и другие срочные правительственные и общественные процентные бумаги, происходила покупка и продажа золота и серебра, получение платежей по векселям, прием вкладов, производство ссуд, покупка государственных бумаг. Штат банковских сотрудников - менее десяти человек. При банке существовал некий коллегиальный общественный орган - ссудный комитет, состоявший из самых известных, добропорядочных уфимских купцов, которые рассматривали заявления граждан и предпринимателей на выдачу кредита. Таким образом, в те времена проходила проверка честности и платежеспособности заемщиков.

В витринах банковского музея посетители внимательно рассматривали многочисленные банкноты, монеты, которые были в обороте много лет тому назад. Особое любопытство вызвали, так называемые, «уфимки». Осенью 1918 года армия КОМУЧа (Комитет членов Учредительного собрания - белогвардейско-эсеровское правительство) потерпела ряд крупных поражений и была вынуждена отступать. В результате КОМУЧ оказался в Уфе. Финансовое положение Комитета было крайне тяжелым, денежных знаков не хватало, и тогда КОМУЧ пошел по весьма распространенному в те годы пути: приступил к печатанию «своих» денег, получивших потом название «уфимок».

Среди экспонатов музея - станок для упаковки денег в пачки, специальные сумки для перевозки денежных средств, шкафы-сейфы, старинные канцелярские принадлежности, многочисленные фотографии людей, работавших в Уфимском госбанке до Октябрьской революции, в советский период и наших современников.

В 30-е годы прошлого столетия на старом здании Госбанка были надстроены еще два этажа. Однако многое с тех пор не изменилось. Как и прежде посетителей встречает литая чугунная лестница, изготовленная на уфимском заводе Гутмана. Её слегка потертые ступени помнят губернаторов и купцов, военных и лавочников. Здесь по этим лестницам в 30-е годы поднимался и мой дед Фадеев Александр Андреевич. Он женился второй раз, получил должность в Госбанке и там же занимал, как тогда говорили, казенную квартиру, расположенную на первом этаже. Так получилось, что мой будущий отец со своей старшей сестрой приходили в

Госбанк к Александру Андреевичу «в гости» (повзрослевшие дети жили уже самостоятельно). Позднее мой папа часто вспоминал колокольный звон Воскресенского собора, который был на месте нынешнего Башкирского драмтеатра, и аромат цветущих лип, заполнявших комнату с высоким, сводчатым потолком. Как бы отдельно, в коридорах и кабинетах здания существовал особенный запах присутственных мест, где перемешивались специфический запах сургуча, табака, деловых бумаг и свеженатертого паркета.

В годы Великой Отечественной войны в Уфимском госбанке работал курьером высокий худой подросток Юра Яковлев - будущий народный артист СССР. В 1941-43 годах он со своей мамой оказался в эвакуации в Башкирии и, пока мама работала в госпитале, юноша на равных правах со взрослыми влился в коллектив банковских служащих.

Посещение музея Госбанка для экскурсантов было полезно вдвойне: мы не только узнали много нового из истории развития кредитных организаций, но и участвовали в различных конкурсах, где пытались найти правильные решения в сложных ситуациях, связанных с вкладами, определением поддельных купюр, а также получили советы, как распознать финансовую пирамиду, вести учет доходов и расходов, с чего начать путь инвестора. Затем нам предложили мастер-класс по банкнотам Банка России. Прошедшие этот своеобразный техминимум и правильно ответившие на многочисленные вопросы конкурса, получили памятные сувениры.

Что бы ни говорили философы, деньги, драгметаллы, богатство - для многих людей были и останутся движущей силой в карьере, в судьбе. Не существует идеальной формулы соотношения денег и счастья, но вот высказывания двух выдающихся людей своего времени имеют, на мой взгляд, непосредственное отношение к деятельности банков: «Деньгам по-пустому лежать не надлежит.» (А.В. Суворов) и «Деньгами надо управлять, а не служить им.» (Сенека).

В заключение хотелось бы поблагодарить коллектив Отделения - Национального банка по Республике Башкортостан за теплый прием и прекрасную реализацию культурной программы в День открытых дверей и пожелать всем нам достойной жизни, в денежном эквиваленте в том числе.

Вариации на темы классика

Об Александре Сергеевиче Пушкине узнала тогда, когда еще не умела ни ходить, ни говорить. Моя тетя Нина, получившая начальное образование до революции, считала, что «ребенка нужно приучать к языку». Поэтому вместо колыбельных песен мне читали:

«Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда»...

А первое стихотворение, которое я знала наизусть (не понимая смысла), звучало для меня так:

«Мчатся тучи, вьются тучи;
Не-ви-дим-кою-лу-на
Освещает снеглетучий;
Мутно небо, ночь мутна».

Как ни странно, я не проявила особого интереса к пушкинским сказкам, зато сюжет «Евгения Онегина», пересказанный в прозе, вызвал во мне живое участие. Я прослушала несколько пластинок с ариями из оперы Петра Чайковского, и тетя пришла к выводу, что «ребенок созрел» для посещения театра. Я была в восторге от дуэли! Не понимая того, что сюжет неизменен, я по-спортивному воспринимала этот поединок. Поначалу меня не очень занимало, кто из двух кудрявых «дядей» являлся Онегиным, а кто Ленским. Процесс подготовки к дуэли, торжественность ритуала и, наконец, сама дуэль являлись для меня кульминацией произведения. Позднее я сделала еще более «оригинальный» вывод: и Ленский, и Онегин – фигуры, мало значащие для Татьяны. Другое дело – участник войны 1812 года генерал Гремин. За такого и замуж можно выйти.

Интерес к дуэлям имел продолжение: меня стали водить в тир «на стрельбу». Мое дальнейшее знакомство с Пушкиным перешло в настоящее святотатство. В пионерских лагерях шестидесятых-семидесятых годов очень ценились люди, способные рассказывать всякие истории. В моем «любовном репертуаре» были произведения Пушкина и Чехова. Когда Марья Гавриловна из повести «Метель» встретила, наконец, с человеком, который так легкомысленно поступил с ней несколько лет назад, слушатели требовали продолжение. Незаметно для меня произведения стали «слегка» изменяться. «Капитанская дочка» превратилась, выражаясь современным языком, в многосерийную драму, «Станцион-

ный зритель» - в детектив с погоней, а так любимая мною «Метель» - в ужасик с волками и ведьмами. Нужно отдать должное пионервожатым. Ни одна из них (а большинство были будущие филологи) не узнала героев столь знаменитых произведений.

Успех вскружил мне голову! Потеряв всякий стыд и осторожность, я попыталась ознакомить с этими историями и своих родителей, но тетя Нина, услышав, чем отныне кончается некогда пушкинская «Метель», пришла в ужас. Она сделала страшные глаза, она топала ногами и кричала, что я ей больше не племянница и что такого варварства по отношению к гению она не потерпит! С меня взяли честное слово, что я никогда больше не буду посягать на чужие произведения, а если уж мне захочется что-нибудь сочинить, нужно взять чистый лист бумаги и записать свои мысли.

«Белеет парус...»

Интересная встреча с творчеством Михаила Юрьевича Лермонтова произошла в далеком 1964 году. Мне было восемь лет. Осень. Середина октября. Теплый, солнечный день. Крестная тетя Нина испекла ореховое печенье, купила килограмм конфет, и мы отправились в гости на улицу Кирова, по соседству от дома, где мы когда-то жили. Через три дома от нашего жили две сестры: Ксения Андреевна и Елизавета Андреевна Масленниковы. Они занимали половину одноэтажного дома с большой верандой и садом. Это были уже пожилые женщины лет около шестидесяти, одинокие, очень доброжелательные и гостеприимные. К ним частенько приходили знакомые - любители помузицировать, потанцевать, вспомнить былое... В их доме почти каждый день звучали рояль и скрипка. Сестры прекрасно владели этими инструментами.

День рождение поэта

Тихонько на ушко тетя Нина объяснила мне, что сегодня день рождения поэта Михаила Юрьевича Лермонтова. Ему исполнилось бы 150 лет. На рояле стоял его небольшой портрет в гусарском мундире, лежали красные гвоздики. Мне этот портрет был прекрасно знаком. После чая гости расположились в зале в ожидании домашнего концерта. Народу собралось человек двадцать.

Стихи читали все желающие. Кто-то комментировал то или иное стихотворение, уточнял время его создания. Потом Ксения Андреевна и Елизавета Андреевна в длинных, до пола, серо-голубых платьях с белыми кружевными воротничками пели дуэтом романсы. Особенно мне запомнился романс «Парус» на стихи Лермонтова, музыка Александра Варламова. Звуки то затихали, то взрывались, словно накатывающаяся волна.

«Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в стране родной?..»

Мое сердце то поднималось к горлу и трепетало, словно испуганный птенчик, то летело куда-то вниз, и от волнения холодели ноги. Мне было тревожно и легко, как после полета с крутой горки.

Потом к роялю вышла одна из присутствующих дам и начала рассказывать, как несколько лет тому назад ей довелось побывать в имении бабушки Лермонтова в Тарханах. Она показывала любительские фотографии старинного барского дома, где прошли детские годы будущего поэта, заросший пруд, деревенские пейзажи. Меня заворожило само слово «Тарханы». Оно казалось сказочным заклинанием, произнеся которое, откроется дверь в другой, загадочный мир. Страстно захотелось попасть туда, постоять на балконе лермонтовского дома, погулять по тенистым аллеям старого парка.

Мечта посетить Тарханы не оставляла меня долгие годы. Однажды, в конце 80-х годов, возвращаясь с отдыха на юге, мы с мужем делали пересадку в Пензе.

Экскурсовод

До отправления нашего поезда оставалась шесть часов, и мы решили посмотреть достопримечательности Пензы. Нам порекомендовали Музей одной картины, где удалось послушать рассказ об истории создания полотна Ивана Шишкина «Корабельная роща», рассказ о жизни художника. Наискосок от этого музея располагается Литературный музей. Мы зашли и туда. Зная, что родовое гнездо Михаила Юрьевича находится в Пензенской области, мы, закончив осмотр экспозиции, спросили научного сотрудника, как попасть в Тарханы и часто ли туда ездят автобусы? В это время в фойе стремительно вошел энергичный мужчина с

папкой в руках. Нас познакомили. Он оказался заведующим экскурсионным отделом Пензенского бюро путешествий и экскурсий Анатолием Владимировичем Псарёвым. Это была счастливая встреча! Он дал нам свои координаты, номера служебного и домашнего телефонов. Договорились, что на будущий год, предварительно созвонившись, нас обязательно присоединят к группе туристов.

Казалось, что о Лермонтове, его родственниках и его творчестве я знала очень много, но... Псарёв удивил нас с первых же минут. Едва экскурсионный автобус, словно белоснежный лайнер, плавно развернулся возле Литературного музея, приятный, с некоторой хрипотцой баритон нашего гида начал перечислять городские адреса маленького Миши и его бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Водитель деликатно притормаживал возле крепких кирпичных особняков старой Пензы, виртуозно вписываясь в узкие зеленые улочки. Библиотека имени Лермонтова, одноименная улица, сквер с бюстом поэта, дом, в котором останавливались Елизавета Алексеевна с внуком, школа имени Михаила Юрьевича, многочисленные памятники...

Уже за городом Анатолий Владимирович поделился воспоминаниями старожиллов села Тарханы, которые из поколения в поколение передавали истории, связанные с детскими годами Михаила Юрьевича, описывал анекдотические затяжные тяжбы Арсеньевой с попами, злоупотребляющими алкоголем и «портящими» крепостных девок.

Два с половиной часа пролетели быстро. На экскурсию в музей-заповедник стояла очередь из десятка автобусов. Уже на территории музея Псарёв передал нас местному экскурсоводу, а сам остался возле пруда на скамеечке. Мы неспешно прошли по всем комнатам барского дома, заглянули в хозяйственные постройки. На обширной территории усадьбы располагается церковь, фамильная часовня-усыпальница Арсеньевых-Лермонтовых, где покоится прах Лермонтова. В тот год еще разрешали спуститься вниз, где находится гроб с прахом поэта. В полном молчании посетители останавливались в полумраке, легким поклоном отдавая дань памяти воину и поэту.

В прогулке по старому парку нас сопровождал Анатолий Владимирович. Говорить не хотелось. Сделав круг, мы вновь оказались возле церкви. Вдали виднелись деревенские дома. Псарёв открыл свою папку, показал фотографии, сделанные в этих местах еще в начале 20-го века. Общий вид почти не изменился. Стояла необыкновенная тишина. Лишь

стрекозы неожиданно взлетали над высокой травой, да незнакомая птица вскрикивала вдали.

Возвращаясь к автобусу, мы бросили прощальный взгляд на усадьбу, на пруд. Вечерело. Водитель курил, сидя на подножке и поглядывая на часы. «Кто хочет послушать стихи Лермонтова, садитесь поближе ко мне», - предложил Анатолий Владимирович, размещаясь в автобусе. «Выхожу один я на дорогу...», «И скучно, и грустно...», отрывки из поэм «Демон», «Мцыри»... Наш экскурсовод не воспользовался микрофоном, может быть, поэтому его голос звучал приглушенно, интимно, словно в кругу близких друзей.

Поскольку мы с мужем являлись личными гостями Псарёва, он пригласил нас к себе на дачу, на шашлыки. Поэтический вечер продолжился. Я рассказывала о наших поездках на Кавказ, в Тамань, вспоминали статьи Ираклия Андроникова, делились впечатлениями о том или ином произведении поэта. «Есть у Михаила Юрьевича одно стихотворение, которое выражает его сущность – заметил Анатолий Владимирович, - «Парус» - тема одиночества, поиск какого-то смысла...

«А он, мятежный, просит бури...»

Одиноким и мятежным был и наш милый экскурсовод. Жил он с матерью, братом и племянником. Еще со школы зарекомендовал себя комсомольским вожаком, водил одноклассников в походы, по музеям и театрам. После армии служил в милиции. Но творческая жилка, любовь к путешествиям победили, и он стал экскурсоводом. Кстати, знаниями о родном крае и соседних областях он обладал более глубокими и обширными, чем научные работники местных музеев.

Наша дружба с Псарёвым продолжалась более тридцати лет. Вместе с ним мы объездили всю Пензенскую область и соседние республики, побывали в монастырях, в различных музеях, в старинных усадьбах, которые реставрируются или доживают свой век в руинах. Мы узнавали подробности биографий неординарных людей – известных своей благотворительностью или просто удивительной судьбой. Нам было комфортно от общения с добрым, внимательным другом – человеком надежным, прекрасно образованным и дисциплинированным. В августе нынешнего года после тяжелой, продолжительной болезни Анатолий Владимирович ушел из жизни.

15 октября в день рождения Лермонтова мы, конечно же, будем вспоминать не только любимого поэта, но и нашего замечательного экскурсовода, чей образ ассоциируется у меня с белым парусом, ищущим бури.

«Страницы прошлого читаю...»

М.Ю. Лермонтов никогда не посещал Уфу, но литературоведам хорошо известно о загадочном появлении лермонтовского рисунка в нашем городе. Родственники Михаила Юрьевича в разное время жили и в самой Уфе и в ближайших окрестностях. Известно и то, что в столицу Башкирии в 1930-х годах на должность главного архитектора был приглашён из Ярославля пятиюродный брат поэта Николай Юрьевич Лермонтов. Но если по истории уфимских родственников краеоведам известно почти всё, то проследить путь лермонтовского рисунка до Уфы, пока, к сожалению, не удалось. В этой статье я сделала попытку приблизиться к разгадке тайны.

«Скверный городишко»

Со школьных лет помню строки из «Героя нашего времени»: «Тамань - самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть не умер с голоду, да ещё вдобавок меня хотели утопить». Кажется бы, что общего между забытым Богом "городишком" и Уфой? Но я читаю Ираклия Андроникова, и сердце начинает учащённо биться... «В 1919 году в октябре месяце в Уфе, в остатках имущества, брошенного белогвардейцами, был найден набросанный карандашом пейзаж - домик на морском обрыве и подпись: "Рисовал М. Лермонтов". Этот рисунок нашёл некий И.Е. Бондаренко и в 1927 году переслал его в Ленинград, в Пушкинский дом, где он с тех пор и хранится.»

«Некий» Бондаренко, о котором пишет известный литературовед, Илья Евграфович, первый директор Башкирского государственного художественного музея имени М.В. Нестерова в Уфе, архитектор. Остаётся добавить, что Лермонтов изобразил на рисунке морской пейзаж и ту хату, которую описал в новелле о «мирных» контрабандистах.

Когда я впервые прочитала «Тамань», мне показалось, что повесть написана стихами. Язык прост, сюжет поэтичен. Ощущение такое, словно не странствующий офицер пережил эти приключения, а мне, четыр-

надцатилетней девчонке, довелось стать участницей описываемых событий. Голоса, шум моря, тропинка, ведущая к берегу, почти осязаемое, тревожное ожидание девушки-ундины... Тамань в моем восприятии была не «городишком», а таинственной планетой, где столь органичны природа, люди, стихия и человеческие переживания.

Странные чувства пробуждала эта повесть. Тоска сжимала сердце, холодом обдавало все внутренности... «И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие, и как камень едва сам не пошёл ко дну!» Переход от тревоги к грусти и от грусти к тревоге завораживал, и я перечитывала знакомые строки, словно искала ключ к разгадке человеческих судеб.

Рисунок

Со временем интерес к Лермонтову привёл меня в библиотеку, где я дорвалась до всей доступной мне литературы о его творчестве, и вдруг наткнулась... на этот рисунок. На крутом обрыве у моря - хата под камышовой крышей. У берега - лодка с длинным веслом. Дальше на море - парусная лодка и трёхмачтовое судно. На горизонте - полоска земли с двумя горными вершинами. Запечатлел ли Михаил Юрьевич конкретное место или это фантазия поэта подарила нам красивую сказку? Когда, где и при каких обстоятельствах был сделан этот рисунок? Как он попал в Уфу?

Кочевая жизнь офицера способствовала развитию наблюдательности и дарила богатые впечатления. Стараясь сохранить в своей памяти увиденное, Лермонтов рисовал. «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию...» - пишет Михаил Юрьевич С.А. Раевскому в конце 1837 года.

После поездки в Тамань Лермонтов навестил своего дядю генерала П.И. Петрова, жившего в то время в Ставрополе. Несколько рисунков и рукописей стихотворений оказались у Павла Ивановича и его дочерей. Старший научный сотрудник Дома-музея М.Ю. Лермонтова в Тамани В. Захаров считает: «У Петровых, вероятно, и был оставлен рисунок – “Тамань”».

В «Известиях Уфимского губисполкома» за 10 мая 1920 года была напечатана статья (вероятно, со слов И.Е. Бондаренко) о том, что найденный рисунок Лермонтова находился в «семейном старинном альбоме

какой-то семьи Петровых». Инициалы Петровых, к сожалению, не указаны. Дальнейшая судьба этого альбома неизвестна. Предположить, что Петровы - потомки родственников поэта, того самого генерала, можно, но с определённой степенью сомнения. Фамилия Петров - весьма распространённая, но главное - Бондаренко не мог не знать важности этой удивительной находки, а значит, по каким-то причинам Илья Евграфович не нашёл явной связи между альбомом и обнаруженным в нём рисунком Лермонтова.

Кража

А теперь мне хотелось бы слегка приблизиться к событиям, происходившим в «скверном городишке» осенью 1837 года. Лермонтов посетил Тамань в конце сентября и пробыл там с вечера 26 до утра 28. Судя по рисунку, где изображён трёхмачтовый транспорт «Буг», карандашный набросок Михаил Юрьевич сделал в первый или второй день своего приезда. Именно 26-27 сентября «Буг» стоял на фанагорийском рейде близ Тамани.

В первых числах октября Лермонтов прибыл в Ставрополь. Из рассказа генерала барона Е.И. фон Майделя (в передаче П.К. Мартынова) известно, что поэт «приехал в Ставрополь совсем без вещей, которые у него дорогой были украдены, и поэтому явился к начальству не тотчас по приезду в город, а когда мундир и другие вещи были приготовлены, за что он и получил выговор, так как в штабе нашли, что он должен был явиться, в чём приехал».

А это строки из повести «Тамань»: «Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким сном, держа ружьё обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и вошёл в хату. Увы! Моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал - подарок приятеля, всё исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой».

Следуя хронологии событий, можно предположить, что рисунок «Тамань», выполненный карандашом с натуры, остался в руках «честных контрабандистов», и его дальнейшая судьба ещё более удивительна и загадочна, чем мы предполагаем.

Что всё-таки произошло с рисунком в конце 1837 года, достоверно неизвестно. Большинство лермонтоведов связывают появление этого пейзажа в Уфе с именем инспектора Уфимской мужской гимназии Вла-

димира Харлампиевича Хохрякова. Этого человека вполне можно назвать первым биографом М.Ю. Лермонтова.

В 1870 году в одном из номеров «Московских ведомостей» появился циркуляр министерства внутренних дел. В нём говорилось: «Министр народного просвещения сообщил, что инспектор Уфимской гимназии Хохряков желает передать императорской Публичной Библиотеке имеющиеся у него рукописи известного нашего поэта Лермонтова, часть которых принадлежит ему лично, другие же получены им от Павла Петровича Шан-Гирея и теперь, за смертью последнего, должны считаться собственностью наследников покойного, сыновей его Якима и Алексея Шан-Гиреев».

Если бы рисунок «Тамань» находился в руках Хохрякова, то Владимир Харлампиевич передал бы его в библиотеку вместе с рукописями и уж, тем более, с альбомом. А вместо этого (по предположению лермонтоведов) он оставляет альбом в Уфе, а сам переезжает в Пензу.

Если в 1837 году лермонтовский пейзаж не был нечаянно похищен вместе с другими вещами, то его путь в Уфу мог быть связан не с Шан-Гиреем и не с Хохряковым.

Капитан

В июле 1840 года Лермонтов участвовал в жестоком сражении на Кавказе, описанном им в стихотворении «Валерик».

Капитан Евдокимов, заметив «достойное поведение и распорядительность» опального поручика, представил его к награде - ордену Св. Станислава третьей степени, но в Петербурге фамилию поэта из наградных списков вычеркнули.

Что касается капитана: граф Николай Иванович Евдокимов был нашим земляком. Выходец из Бугурусланского уезда Уфимской губернии, сын крепостного, взятого в солдаты по рекрутскому набору, дослужился до звания генерал-адъютанта. Николай Иванович был на десять лет старше Лермонтова, но война, опасности, трагедии сближают людей. И, как знать, может быть, рисунок «Тамань» был подарен поэтом именно Евдокимову?

Как сложилась дальнейшая судьба Николая Ивановича? Служба на Кавказе продолжилась, затем тяжёлое ранение. Умер боевой генерал Евдокимов в Пятигорске в 1873 году, не оставив детей. Его финансовое положение к тому времени было незавидным, но личные вещи, письма,

какие-то бумаги достались родственникам. Не исключено, что после смерти его вдовы архив графа перешёл к наследникам из Уфимской губернии.

Уфимская племянница

Интрига поисков и открытий давала пищу уму. Тамань манила меня как Шамбала! Что-то необычное слышалось уже в самом названии. Сквозь туман веков до меня доносился плеск волн, и шёпот русалок манил в неизведанные дали. Наверное, если бы я узнала, что Тамань - это блуждающая звезда, я бы поверила, но прозаическое «Краснодарский край, Темрюкский район, станица Тамань» меня несколько разочаровало. Тем не менее... две пересадки (с поезда на автобус, с автобуса на другой автобус) позволяют сказать, что ехали мы с мужем на перекладных. Моё торжественно-мистическое настроение передалось и ему. Нам хотелось повторить путь Лермонтова, ощутить и вдохнуть воздух романтических приключений и высокой поэзии.

Мы побывали на том месте, где Михаил Юрьевич рисовал свою Тамань. Я узнавала и не узнавала те виды и пейзажи. Ничего не осталось от Фанагорийской крепости, разрушилась хата, в которой останавливался поэт; на её месте морской порт. Музейный комплекс занимает пространство между городским пляжем и окраиной улицы Лермонтова. Вот и хата под камышовой крышей, подворье. Огромные глиняные кувшины наполнены водой. На заборе сушатся сети.

В специально построенном здании музея размещена литературная экспозиция. Я задержалась возле большой копии пейзажа лермонтовской Тамани. «А эту изящную серебряную стопку нам подарила родственница поэта, преподаватель медицинского университета из Уфы Ирина Борисовна Лермонтова (ныне пенсионерка – Г.Ф.)», - голос экскурсовода вернул меня к реальности. Я встала на цыпочки и прочитала старинную надпись, выполненную по внешней стороне стопочки: «Николаю Юрьевичу Лермонтову». Вычитала: кем приходится этот Николай Юрьевич поэту и нашей землячке. Оказалось, Ирина Борисовна внучатая племянница Михаила Юрьевича.

Экскурсия закончилась. Мы с мужем стояли на берегу моря и смотрели вдаль, туда, откуда возил свои товары Янко. А позади нас, в том же направлении глядел бронзовый Лермонтов...

Тайна старой фотографии

Среди загадочных личностей 19-го века особое место занимает кавалерист-девица Надежда Дурова, чей 235-летний юбилей отметили в сентябре нынешнего года. Об этой удивительной женщине ходило много слухов, домыслов; долгое время даже не знали её точный возраст. Существует несколько живописных портретов Надежды Андреевны, начиная с её 14-летнего возраста. Но мало кто знает, что на старости лет кавалерист-девица застала начало эпохи фотографии и заказала свой портрет в Елабуге (где она проживала последние годы) в ателье господина Мышкина.

В Елабуге, к сожалению, ни одной фотографии Дуровой не сохранилось, а вот в Уфе ... Впрочем, обо всём по порядку.

Дедушкин сундук

Биография кавалерист-девицы с детства волновала моё воображение. Под впечатлением увиденного мною в 1962 году фильма «Гусарская баллада», я с особенным интересом прониклась исторической эпохой Наполеоновских войн, подвигами славных русских воинов, партизан. У меня было несколько художественных романов, посвящённых войне 1812 года, мемуары известных военачальников, а также «Записки» Надежды Дуровой.

Всевозможные газетные и журнальные статьи о кавалерист-девице я вырезала и складывала в специальную папку. Однажды, а это было в 1977 или 1978 году, я разложила на столе материалы о Надежде Дуровой. Вдруг раздался стук в дверь, почтальон принесла маме пенсию. Женщина быстро отсчитала деньги и, уже уходя, бросила взгляд на статью из газеты «Вечерняя Уфа», которую я читала и которая повествовала о Надежде Андреевне. Там же была и фоторепродукция снимка кавалерист-девицы в старости. «Ой, а я эту фотографию видела еще в 50-е годы, когда на квартире жила,» - уже на пороге бросила через плечо почтальонка. У меня пропал дар речи. В вечеркинской статье портрет служил просто иллюстрацией к очерку В. Диденко, но никаких сведений о судьбе снимка автор статьи не сообщал. Я бросилась за почтальоном, объяснила ей причину моего любопытства и попросила прояснить ситуацию. Поскольку в тот день Ирине (так звали почтальона) было неко-

гда со мной беседовать, мы договорились встретиться в воскресенье у неё на квартире, в одноэтажном доме на улице Пушкина.

Вот что я услышала. В 1956 году восемнадцатилетней девушкой Ирина приехала в Уфу. Снимала, как тогда говорили, угол в небольшом частном доме в районе нынешнего Монумента Дружбы. Тётя Аня - домохозяйка жила со своей престарелой родственницей тётей Варей, за которой нужно было ухаживать. С Ирины денег за проживание не брали, но она помогала по уходу за старушкой, занималась огородом, изредка привозила из своей деревни масло, сметану.

Как-то, разжигая печку, Ирине в руки попались старые письма, открытки датированные двадцатыми-тридцатыми годами. Девушка заинтересовалась старой корреспонденцией, начала читать, перебирая пожелтевшие от времени странички. Вечером Ирина спросила у тёти Ани, кто их писал? Хозяйка махнула рукой: «Это сослуживцы моего отца, родственники мужа, что-то от брата моего... А на чердаке в сундуке дедовские дневники, фотографии сохранились. Хочешь, так залезь, посмотри.»

Ирина с охапкой бумаг и конвертов устроилась на диване. Тётя Варя и тётя Аня расположились рядышком и комментировали семейные артефакты. Среди фотографий оказались снимки девятнадцатого века. Быть может молодая квартирантка и не обратила бы внимания на портрет пожилого мужчины в сюртуке, но на обороте паспарту (картонная основа фотографии) чётким почерком было написано: «Александр Андреевич Александров (урожд. Надежда Андреевна Дурова).» О героине Наполеоновских войн, первой русской женщине-офицере, прослужившей десять лет в армии, награждённой Георгиевским крестом, а впоследствии ставшей известной писательницей, творчеством которой восторгался Пушкин и благосклонно отзывался критик Белинский, Ирина тогда не слышала. Тётя Варя доковыляла до этажерки и принесла небольшую книжечку «Записки кавалерист-девицы Надежды Дуровой», выпущенную к столетию войны 1812 года.

Елабужские события

О том, как фотография кавалерист-девицы попала в Уфу, тётя Аня с уверенностью сказать не могла. Говорила, что её муж и родственники родом из Елабуги, что были среди них - купцы, лекари, священники. Ирина вспоминала также фотографии, на которых были изображены до-

родные бородачи, худенькие гимназистки, старушки в чепцах, с книгами в руках или с детьми, но их имена и фамилии девушка не запомнила.

Тётя Варя - сама родом из Елабуги, поделилась рассказами отца. Он, будучи знакомым с Дуровой, которую, впрочем, называли исключительно мужским именем Александр Андреевич, лечил её собаку Зевса. Собака - крупная, охотничьей породы, с висячими ушами... Пёс был очень старым, не мог гулять, а только лежал во дворе на солнышке. Дурова переживала ужасно, несколько дней провела рядом со своим умирающим четвероногим другом. А потом отец тёти Вари помог увезти труп животного и похоронить его в лесу. Но самое удивительное, что услышала от отца тогда ещё совсем юная Варенька, это история про визитные карточки, увиденные им на столике в доме Надежды Андреевны.

Дело в том, что Дурова с детства очень любила собак, кошек, лошадей. Можно сказать, именно животные заменили ей семью, близких друзей, они составляли круг её забот с тех пор, как женщина-офицер вышла в отставку и купила дом в Елабуге. Соседские дети частенько подбрасывали под окна Надежды Андреевны больных котят или щенков, не сомневаясь в доброте хозяйки. И действительно, несчастных животных подбирали, мыли, кормили, лечили. Кто-то из подкидышей попадал к другим людям, а кто-то пожизненно оставался в гостеприимном доме кавалерист-девицы.

Так вот Зевс, проживший весьма долгую, по собачьим меркам, жизнь, был верным и самым любимым другом Дуровой. Собака постоянно сопровождала хозяйку в дальних прогулках и даже в гости к знакомым кавалерист-девица являлась со своим хвостатым сопровождающим. Гости проходила в дом, а Зевс оставался ждать во дворе или на крыльце. Елабужане знали Зевса «в лицо», знали о его преклонных годах, старческих хворях, и душевное состояние Надежды Андреевны все понимали.

Вскоре после похорон Зевса, отец Вареньки с товарищем - местным охотником решили подарить Дуровой породистого щенка той же породы. Их не приняли, сказав, что «барин болен». Мужчины обратили внимание: на столике в коридоре лежали несколько визитных карточек с загнутым левым нижним углом, как это было принято делать, когда визитёр приносил свои соболезнования. Осознав всю серьёзность трагической ситуации, приятели больше не решились беспокоить «барина».

Другая фотография?

Где-то в середине 90-х годов прошлого века уфимский краевед, врач по профессии, В.А. Скачиллов передал музею Аксакова фотографию Н.А. Дуровой. Встретившись с Владимиром Анатольевичем, я убедилась в том, что фотография такая же, как и в статье другого уфимского краеведа В. Диденко. Скачиллов пояснил: фотографию он получил в дар от Лидии Владимировны Пупышевой, вдовы елабужского священника, которую лечил от воспаления лёгких. Историю этого портрета кавалерист-девицы Владимир Анатольевич не запомнил. По его мнению, Лидия Владимировна была примерно 1870 года рождения, а Дурова умерла в 1866 году. Вполне вероятно, что кто-то из родственников Пупышевой или родственников её мужа имели какое-то отношение к знаменитой русской амазонке. Возможно, фотокарточка была передана кому-то «на память» уже после смерти Дуровой, ведь если бы Надежда Андреевна дарила свой портрет собственноручно, то, скорее всего, об этом говорила бы соответствующая надпись.

Известно, что в 18-19-х веках в Уфе проживали родственники кавалерист-девицы. Она сама несколько лет (в 1828-1835 гг.) жила в Уфе, о чём писал в своих «Записках уфимского старожилы» генерал-майор М.М. Ребелинский. Логично предположить: часть личных вещей Дуровой после её смерти была подарена уфимцам, быть может, кто-то из них присутствовал на её похоронах в Елабуге. Кстати, фотографические карточки 19-го - начала 20-го веков изготавливались дюжинами или по полдюжины, а при необходимости можно было заказать дополнительные экземпляры, ведь негативы хранились в ателье несколько лет.

Информация к размышлению

В этом году, приехав в Елабугу на конференцию, посвящённую юбилею Надежды Дуровой, я посетила недавно открывшийся Музей Памяти. Мне хотелось узнать какие-либо сведения о елабужских Пупышевых. Каково же было моё удивление, когда директор музея нашла информацию «из донесения о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне» о Владимире Алексеевиче Пупышеве, погибшем в 1943 году на Украине. Молодой человек призывался на фронт из Уфы, его матери Анне Петровне Пупышевой в Уфу и пришла похоронка.

Почтальон Ирина, поведавшая мне историю из своей юности, уточнила, что сын тёти Ани погиб на фронте, но как его имя и фамилия женщина не запомнила. Прожив несколько месяцев в доме над рекой Белой, Ирина вскоре вышла замуж и ей дали от завода комнату. В конце 50-х годов супруги завербовались на стройки Москвы, а когда вернулись в начале 60-х, в доме тёти Ани были другие хозяева.

Что стало с дедушкиным сундуком и его содержимым, можно только гадать... Попала ли фотография кавалерист-девицы в другие руки и перешла ли в архив Скачилова или же это были две совершенно разные фотографии, - у краеведа Диденко и краеведа Скачилова?... Владимир Анатольевич клятвенно заверил меня, что фото, подаренное Пупышевой, никому и никогда не одалживал и переснимать не давал, а Диденко, с которым Скачилов не был знаком, уже давно покинул этот мир.

Надежда Андреевна Дурова - штабс-ротмистр в отставке, писательница, которая много лет вела дневник, - человек творчески одарённый, любила напустить туману, перемешивая события своей жизни, меняя даты, собственный возраст, сознательно искажая детали своей биографии... Вот и появление фотографии - единственного документального подтверждения существования феномена кавалерист-девицы, даёт пищу для размышлений. Однако интуиция говорит мне о том, что точку ставить ещё рано. Поиски и исследования продолжаются.

Аксаков. Душа как бабочка

«История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она - следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление». Эти слова поэта Михаила Лермонтова вполне могли бы стать эпиграфом к произведениям нашего земляка - писателя Сергея Аксакова.

В своей автобиографической трилогии Сергей Тимофеевич воссоздал историю трёх поколений Багровых-Аксаковых. Однако чем откровеннее излагал автор события, тем с большими трудностями приходилось ему сталкиваться, поскольку исповедальность семейной хроники вызывала сильное сопротивление родственников писателя не желающих посвящать в свои тайны посторонних.

Есть немало оснований предполагать, что Аксаков первоначально имел в виду довести свое повествование до событий гораздо более позд-

них, чем это сделано. Летом 1856 года уже после издания «Семейной хроники» отдельной книгой, он писал знакомому - оренбургскому губернатору Е.И. Барановскому: «Далее писать невозможно: я и так был уже очень стеснен близостью ко мне описываемых событий».

Судя по всему, именно «стеснение» и явилось причиной того, что повесть «Наташа» осталась незаконченной. Позднее читатели все-таки узнали - кто скрывается за тем или иным именем. В 1886 году в Полном собрании сочинений Сергея Тимофеевича к этой повести сыном Аксакова Иваном было сделано предисловие, в котором он писал: «В настоящее время нет уже надобности скрывать, что повесть “Наташа” не вымысел и составляет один из эпизодов “Семейной хроники”. Болдухины - те же Багровы, или те же Аксаковы, родители автора; Василий Петрович - он же Алексей Степанович, описанный в “Женитьбе моего отца” (т.е. в “Женитьбе молодого Багрова” - Г.Ф.) и в “Детских годах”, он же и Тимофей Степанович, упоминаемый в тех рассказах, где автор уже снимает с себя псевдоним "Багрова". Варвара Михайловна Болдухина - та же Софья Николаевна и Марья Николаевна, которой образ с такою любовью воспроизведен её сыном в “Семейной хронике” и в описании “Годов в гимназии”; для читателя небезынтересно в предлагаемой повести встретиться с этой замечательной женщиной уже в более зрелом возрасте, проследить дальнейшее развитие её характера. “Наташа” - та самая “сестрица Наташинька”, или “Надежинька”, с которою уже знакомы читатели по прежним сочинениям автора. Её женихи: Солобуев - сын владельца богатых чугунных заводов Вятской губ. Мосолов, а Шатов - Шишков, помещик Бузулукского уезда, Самарской, тогда ещё Симбирской губернии».

Повествование Аксакова прерывается на том, как Шатов, уже получивший согласие 16-летней Наташи и её родителей, уже объявленный женихом, при более близком знакомстве становится все менее и менее симпатичен невесте и смущение начинает овладевать душою юной девушки.

Мы можем досказать эту историю: свадьба расстроилась, и Наташа или Надежда Тимофеевна, вышла замуж за Солобуева, то есть Мосолова. Но этот союз продолжался недолго: года через четыре муж умер, а потом года через два молодая вдова в 1817 году стала женой известного читателям «Семейной хроники» и «Воспоминаний» умного и образованного Григория Ивановича Карташевского, который был сначала воспитателем Сергея Тимофеевича в Казани, затем профессором в Казань-

ском университете. Вероятно в намерении автора было рассказать о замужестве своей сестры «Наташи» с «Солобуевым» и изобразить всю отвратительную картину семейных нравов в среде богатых помещиков. Материалом для этого, кроме личных воспоминаний Сергея Тимофеевича, должны были служить и «Воспоминания», написанные по его просьбе, самую «Наташею» или Надеждой Карташевской в 1858 году.

Любопытно отметить, что рукопись Надежды Тимофеевны тоже называется «Наташа» и имеет подзаголовок: «Истинное происшествие (1811-1814гг.). Действие происходит в Оренбургской и Вятской губернии». Знакомство с исповедью Карташевской дает возможность предположительно судить о том, почему Аксаков не использовал рассказ сестры и не закончил повесть. Надежда-Наташа попала в семью, где царили разврат, венерические заболевания, жестокость, совершались убийства, растление малолетних, грабежи, телесные истязания, плелись интриги и шла борьба за наследство. И все-таки, несмотря на откровения и подробное описание трагических семейных сцен, мемуарами записки Надежды Тимофеевны назвать сложно. Она излагает события от третьего лица. Имена большинства действующих лиц вымышленные: Надежда Тимофеевна себя называет Наташей, Аксаковы - Немировы, а семья первого мужа Мосоловы - Добросмысловы.

Героиня повествования пережила смерть ребенка, которому передалась болезнь от распутного отца. Психика совсем ещё молодой матери испытала колоссальную нагрузку, её душевный мир был разрушен подлостью, предательством супруга и его родственников. Горе матери и ужас, который она пережила, - это трагедия и боль всей семьи Аксаковых. Трудно представить, как рассудительный, доброжелательный Сергей Тимофеевич описывал бы средневековые условия быта и взаимоотношений Мосоловых-Добросмысловых. Выносить на суд читателей всю грязь, в которую попала невинная девушка, почти ребенок, сестрица Наденька?! Аксаков писал: «Правды говорить нельзя, а всякая ложь расходит мое воображение, и все дело мне опротивит. Я ничего не могу выдумывать: к выдуманному у меня не лежит душа, я не могу принимать в нем живого участия, мне даже кажется это смешно, и я уверен, что выдуманная мною повесть будет пошлее, чем у наших повествователей. Это моя особенность и в моих глазах показывает крайнюю односторонность моего дарования».

Казанская Наташа

Возможно это случайное совпадение, но судьба сестры Аксакова очень напоминает историю Наташи, о которой рассказывали мои казанские родственники по линии отца. Я бы и не вспомнила её, если б экскурсовод не повторила рассказ почти детально.

В Казани на улице Малой Проломной (ныне ул. Профсоюзная), где жила моя прабабушка, по соседству был небольшой дом; полуподвальный каменный - первый этаж и деревянный, с ажурными наличниками - второй. Комнату на первом этаже снимала пожилая женщина с девочкой-подростком. Происходило это в конце 18-го начале 19-го веков. Девочку звали Наташа. Была она очень худенькой, бледной, с большими синими глазами и светлыми, распущенными по плечам, кудрявыми волосами. В облике её виделось что-то кукольное, неживое, но всё менялось, когда ребенок начинал говорить. Звонкий, сильный голос четко выговаривал слова по-русски и по-французски, а если Наташа смеялась, то казалось, что солнечный лучик освещал сумрачное подземелье. Женщина тяжело болела, девочка ухаживала за ней, стирала, готовила примитивную еду, а в свободное время сидела на подоконнике и... пела. Пела она какие-то грустные песенки, но мелодичный голосок её привлекал внимание прохожих. Кто-то останавливался и слушал, кто-то заглядывал в окна, пытаясь увидеть певунью, а были и такие, кто, заметив белокурую головку, угощали Наташу пряником или пирожком. Были среди любопытных и студенты Казанского университета. Они приносили охапки персидской сирени из университетского сада или яблоки, и со смехом убегали. Девочка смущалась, пряталась в глубине комнаты, но подарки принимала.

Шло время. Женщина, с которой жила Наташа, умерла. Владелица дома требовала заплатить долги за проживание и дрова. Платить было нечем. Тогда хозяйка стала предлагать Наташу своим постояльцам за деньги. Нашёлся какой-то заезжий купец, выкупивший девочку из этого кошмарного рабства. Но недолго тешился он с юной певуньей; закутил на ярмарке, выпил лишнего, да и замёрз где-то в дороге. Наташа вернулась в Казань, но не одна, а с ребёночком. Родни у неё не было, и девушка прижилась в церковной сторожке. Пела в церковном хоре Петропавловского собора, просила милостыню. Прихожане жалели девушку, приносили ей одежду, пелёнки для ребёнка. Зачастили в церковь и сту-

денты. Казалось, что самое страшное позади, но беда опять подкараулила Наташу: заболел и умер её сын.

Этого уже ослабленный организм Наташи не выдержал, её рассудок помутился, и стала она бесцельно бродить по городу и окрестностям. Подберет котёнка или щенка, завернёт в тряпочку и качает, как ребёнка. Жители Казани привечали горемычную, пускали к себе пожить. Только недолго задерживалась в тепле бродяжка; отогреется, отоспится и опять в дорогу собирается.

Считалось доброй приметой, если к кому-то в дом Наташа ночевать попросится. Многие её специально к себе зазывали, да не ко всем она шла. Уже будучи совсем старой, заходила она и в дом моей будущей прабабушки. Было это зимой 1878 года, вскоре после рождения моей бабушки. Посидела тогда Наташа на кухне, попила чай с пирогами, заглянула в колыбельку, перекрестила новорождённую и ушла. Говорили, что той же весной Наташа покинула этот грешный мир, в церкви во время службы привалилась к стеночке и преставилась.

Сергей Аксаков уехал из Казани в 1807 году. В это время осиротевшая Наташа уже отработывала долги, обслуживая похотливых квартирантов. История девочки-подростка была известна многим. Не исключено, что образ Наташи сохранился в памяти студента Аксакова, и имя её ассоциировалось с именем несчастной «сестрицы Надежиньки». Судьбы двух девушек, переживших в отроческие годы страдания и унижения, очень похожи, но... если Аксакова-Карташевская сумела найти своё счастье во втором браке, то сердечко казанской Наташи лишь изредка согревалось у чужого огня. Человеческие души как бабочки: даже пережив грозу, тянутся к свету, к теплу.

Чарующая магия Чехова

В очередной раз наблюдая за новой постановкой известных пьес Чехова, удивляюсь тому, что режиссёр весь акцент делает на какие-то трюки, комические, почти клоунские приёмы, забывая о богатстве духовного мира, своеобразии человеческой психологии. Характеры чеховских персонажей вполне узнаваемы и в наши дни.

Драматургия Антона Павловича очень сложная, я бы сказала, многослойная. Читаешь комедию, а по сюжету: разбиваются чьи-то судьбы, люди страдают, расстаются, кто-то погибает, и, кажется, какая уж тут комедия, когда персонажи плачут или умирают?! Но... достаточно по-

ставить себя на место главных героев, и к удивлению своему, сознаёшь, что поступки этих людей - не всегда логичные - на первый взгляд, вдруг находят оправдание по мере моего взросления, приобретения жизненного опыта. Вдруг начинаешь понимать всю тщетность «начать жить сначала» или изменить одной фразой чью-то судьбу... И это «вдруг» - такое хрупкое, не осязаемое, переменчивое, как погода в мае, встаёт непреодолимой преградой.

Где-то в десятилетнем возрасте, впервые прочитав пьесу «Вишнёвый сад», я очень подивилась легкомысленности главной героини Любови Андреевны Раневской. У неё накопилось много долгов, имение заброшено, пока она ездила по заграницам, а тут ей предлагают выгодный вариант: вырубить вишнёвый сад и пустить освободившуюся землю под дачи. Решение напрашивается само: избавиться от сада и рассчитаться с долгами. Однако Раневская не только не спешит облегчить своё положение, она не может допустить даже мысли о столь кардинальном поступке. Невольно закрадывается мысль о непрактичности главных героев и комичности «безысходной» ситуации с имением, с садом.

На выпускных экзаменах в школе я выбрала тему: «Мечты и реальность - основной конфликт пьесы Чехова “Вишнёвый сад”». Вполне логично мне удалось доказать, сколь «глупы, ленивы и безответственны» были представители дворянства в конце 19-го начале 20-го веков. «Конфликт» по сути создан искусственно старыми хозяевами вишнёвого сада, а выход... вот он - на поверхности, достаточно прислушаться к совету представителя нового поколения - Лопахина: пустить землю под дачные участки. За сочинение я получила «пятерку», правда, где-то глубоко в душе осталось чувство робкого сомнения в столь категоричной оценке мной чеховских персонажей.

Проходят годы. Я неоднократно возвращаюсь к произведениям Антона Павловича, в том числе и к пьесе «Вишнёвый сад». Становясь старше, многие события начинаешь воспринимать несколько иначе, чем в молодости. Это, непонятно откуда взявшееся «вдруг», плавно входит в сознание, превращаясь в меланхолию, сентиментальность, фатализм... Вдруг поймала себя на мысли, что я грущу о любимой блузке, которая износилась... С ней связано столько приятных событий! А старый книжный шкаф, подаренный мамой в моём далёком детстве?! Я тогда закончила шестой класс. Это было... Да, пятьдесят лет тому назад! Можно юбилей отпраздновать! Ой, так ведь это слова Гаева: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твоё существование...» Смешно?!

Чехову было за сорок, когда он написал «Вишнёвый сад». Эта пьеса - своеобразное подведение итогов. Врач Антон Павлович прекрасно знал, что болезнь подвела его к последней черте. Но в Чехове жил ещё Антоша Чехонте - наблюдательный мальчик с трудной судьбой, рано познавший жестокость и боль, труд и маленькие радости - нечаянные, словно цветы в заброшенном парке. Наверное, взрослый человек, писатель прекрасно понимал: чтобы выжить, его героям необходимо вырубить вишнёвый сад и заняться дачным бизнесом, но... характер не всегда подчиняется рассудку. Я вспоминаю соседку нашей родственницы, которая жила в Уфе в 60-е годы. Их дома на улице Сун-Ят-Сена разделял полусгнивший заборчик. Мария Кирилловна (так звали соседку) жила совершенно одна. Родственники её и подруги умерли. Старушке было лет восемьдесят. Дом Марии Кирилловны, покосившийся от времени, имел высокие потолки, три комнаты и веранду. На усадьбе - сад и огород, в сарайчике - коза. В дальнем углу сада - роскошные кусты белой сирени. Многие соседи пытались сторговать у неё дом и землю, предлагая хорошие по тем временам деньги, но хозяйка отказывалась. Не хотела расстаться и с половиной дома. В садике росли ягодные кустарники, яблони, вишни. В огороде - самое необходимое. Старушка очень любила детей и часто приглашала к себе в гости соседских ребятишек «на ягоды». Так я неоднократно бывала у бабы Марики, как я её называла. Это была экскурсия в 19-й век. Одна комната, обставленная старинной мебелью, что-то вроде кабинета и библиотеки. Другая - спальня с образами, лампадой и несколькими сундуками разных размеров. Третья комната - столовая с резным буфетом, овальным столом, этажерками с фарфоровыми статуэтками и огромной коллекцией кактусов. Хозяйка дома старательно сохраняла интерьер, который существовал при жизни рано ушедших супруга и сына. А сама Мария Кирилловна умерла очень неожиданно. Один из соседей, без разрешения хозяйки усадьбы, вырубил её сирень и втиснул на этот клочок земли свою баню. Потрясение одинокой женщины было столь велико, что она в одночасье слегла, а через несколько дней покинула этот мир.

Я присутствовала на похоронах Марии Кирилловны, была возле её дома и спустя несколько дней. Какое это имеет отношение к Чехову? Помните, финал «Вишнёвого сада»? «Слышится отдалённый звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный. Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву.»

Чехов в отдельно взятой душе

В нынешнем году исполнилось 115 лет со дня смерти Чехова. В январе 2020-го Антону Павловичу исполнилось бы 160 лет со дня рождения. Писатель прожил недолгую жизнь, в которой было тяжёлое детство, полуголодная юность, болезнь, литературные успехи, слава и опять болезнь. Случались в судьбе талантливейшего прозаика и вполне счастливые, наполненные тихой радостью минуты... О них мы можем узнать из переписки Чехова; фрагменты каких-то жизненных коллизий нашли своё отражение в его рассказах и пьесах. Несмотря на постоянно обостряющуюся болезнь, Антон Павлович достаточно много путешествовал. В 1901 году вместе со своей женой Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой писатель побывал в Башкирии, куда приезжал лечиться кумысом.

В Аксёново

25 мая 1901 года Чехов неожиданно... женился. Его супруга Ольга Леонардовна Книппер видела, что после возвращения из Ялты в Москву Антон Павлович почувствовал себя хуже. По советам врачей писателю рекомендовали поехать в Башкирию на кумыс. Поэтому сразу после венчания новобрачные отправились в Уфимскую губернию. Добирались пароходом, поездом, а от станции Аксёново до «Андреевской санатории-кумысолечебницы» ещё около десяти вёрст на лошадях.

Вот описание санатория из «Уфимского календаря на 1903 год», где был опубликован очерк «Кумысные заведения в Уфимской губернии в 1902 году». «... Всё заведение состоит из 40 домиков, из которых каждый разделён на две квартиры выходящих на одну общую для обеих квартир террасу. Величина каждого номера в домике: площадь - 18 м², высота - 2,85 м². Все домики расположены по склону горы. Кроме этих небольших домиков, находится ещё два больших дома в 10 комнат каждый. Каждый номер снабжён печью, стены же номеров обиты пока шведским картоном, по которому производится побелка. Все номера обставлены железными кроватями, столами, стульями и шкапами. Все кумысники находятся в этом заведении на полном пансионе за 100 рублей в месяц».

О жизни в Андреевском санатории Ольга Леонардовна написала в своих воспоминаниях о Чехове: «В Аксёнове Антону Павловичу нрави-

лась природа, длинные тени по степи после шести часов, фыркание лошадей в табуне, нравилась флора, река Дёма (Аксаковская), куда мы ездили однажды на рыбную ловлю. Санаторий стоял в прекрасном дубовом лесу. ... Кумыс сначала пришёлся по вкусу Антону Павловичу, но вскоре надоел, и, не выдержав шести недель, мы отправились в Ялту.»

О том, что Чехов бывал в Уфе, лечился, в так называемом, Андреевском санатории я узнала в начале 60-х годов, когда мы с моей крёстной тётёй Ниной проезжали станцию Аксёново. А ехали мы тогда к младшей сестре моего отца Вере... на родину Антона Павловича - в Таганрог.

Где жила Каштанка

Моё первое знакомство с произведениями Антона Павловича состоялось ещё до школы. Услышав рассказ «Каштанка», я приняла приключения собаки близко к сердцу и долго находилась под впечатлением от услышанного. А летом тётя Нина сообщила мне, что тётя Вера приглашает нас в Таганрог. «Куда?» - переспросила я. – «Это город, где Каштанка жила. Там же и автор рассказа Чехов родился и провёл свое детство, юность.»

Так в семилетнем возрасте я впервые оказалась в небольшом, уютном портовом городе, который в прошлом даже конкурировал с Одессой. Море поразило моё воображение! Но не менее величавых волн привлекала меня и архитектура старинного многонационального города. Старый кирпичный дом тётки Веры расположен напротив бывшей «Лавки Чеховых» в Гоголевском переулке (бывший Ярмарочный пер.); музей откроется в этом здании только в 1977 году.

Можно утверждать, что я с головой окунулась в чеховскую атмосферу. Недалеко, на улице Чехова (бывшая Полицейская) уже существовал музей-усадьба «Домик Чехова», куда мы с тётушками и отправились на следующий день. Миниатюрный, словно сказочный, белый с зелёными ставнями и крышей домик находится в глубине сада. Прежде, чем услышать экскурсовода, тётя Вера подробно, словно сама была соседкой семьи Чеховых, рассказала мне о первых годах Антона Павловича и его старших братьев. Я чинно проследовала за туристами в дом и обнаружила там комнатки-закутки, в которых помещались только шкаф со столом или комод и кровать, детская с большим сундуком. Кухня больше походила на каморку сторожа или швейцара.

Логично, что после того, как на свет появились ещё дети, семья Чеховых вынуждена была сменить место жительства и перебраться в более просторный дом.

Дама с собачкой

В следующий приезд в Таганрог мы с тётёй Ниной провели там всё лето. Я уже побывала в Гимназии, где учился будущий писатель, в театре, где на галёрку юный Антон приобретал самый дешёвый билет, гуляли по улицам маршрутами, которыми Чехов с братьями ходили в церковь, бегали к друзьям на репетиции первых детских пьесок Антоши Чехонте. Если взрослые не могли сопровождать меня, поводырём и телохранителем становилась Пальма - умная, очень дисциплинированная дворняга, которой тётя Вера, махнув в мою сторону рукой, приказывала: «Ты за ней приглядывай!» Трудно сказать, по каким часам ориентировалась Пальма, но через энное - только ей известное время, собака круто разворачивалась и тянула поводок в сторону дома. Уже возле «Лавки Чеховых» (в 60-е годы там была какая-то контора) я заглядывала в открытые окна и нюхала воздух. Тётя Вера рассказывала, что при Чехове в Лавке продавали самые разные товары и запахи мыла, кофе или селёдки чувствовались издалека. Последнюю попытку оттянуть возвращение домой я предпринимала возле продавца газированной воды. «Аааа... дама с собачкой! Вам с вишнёвым или грушевым сиропом?» Пальма дожидалась, когда опустошится стакан и, прихватив зубами подол моего платья, решительно тянула к знакомым воротам.

В то лето как-то незаметно для себя я научилась плавать. На море мы ходили с троюродными сестрой и братом, которые были старше меня на три и пять лет. Потом с дядей Жорой я приохотилась к рыбалке. Встать в пять утра по-Таганрогски, для уфимцев означает в семь часов. Пустяки! Но сколько новых впечатлений, страстей вошло в мою жизнь, благодаря столь раннему подъёму?!

По местам литературных героев

Шли годы. Мои самостоятельные пешие прогулки по Таганрогу стали более осознанные; я уже знала адреса, где во второй половине 19-го века жили Беликов - Человек в футляре и доктор Ионыч. Во дворе дома учителя гимназии Дьяконова, а именно его считают прототипом Беликова, я нередко наблюдала шумную компанию - семью греков или

евреев. Толстый мужчина - его звали Денис Христофорович или просто Доня в саду за столом играл сам с собой в шахматы. Вокруг него, словно малые планеты, кружились женщины и дети разных возрастов. Кто-то чистил рыбу, кто-то что-то полоскал, шинковал, варил ароматный борщ или варенье, и все были вовлечены в активную деятельность. Все говорили разом и все прекрасно понимали друг друга. Совсем состарившаяся Пальма обожала подобные «мероприятия» с трапезой на свежем воздухе. Она скромно усаживалась недалеко от летней кухни и глазами умирающей от голода многозначительно смотрела на главу семейства. «Шо, Пальма?! Косточки вчерашние будешь?» И тут же обращался к своей супруге: «НадЮЮ..., покорми ребёнка! И косточки собаке дай.» Я усаживалась за длинный стол рядом с дядей Доней, который продолжал передвигать шахматные фигуры, изредка посматривая в мою сторону. «НадЮ! - вновь окликал круглолицую загорелую женщину человека - Порежь нам арбуз.» - «Шо читаешь?» - это опять ко мне. - «Про Мегрэ.» - «Страшные сказки?! Ты почитала бы рассказы нашего земляка Антон Палыча! Вот Личность взаправдашняя! Его младший брат Иван вспоминал... Когда родители со старшими детьми от кредиторов в Москву сбежали, они с Антоном одни в Таганроге остались. Жили - не жили! Бедствовали, голодали. А надо было гимназию заканчивать, за учёбу платить, одеваться. Антон оставшуюся мебель продавал и деньги родителям в Москву отправлял, а сам в бывшем своём доме, что по нынешнему-то Гоголевскому переулку, угол с братишкой занимал. Так за это жильё убогое да тарелку супа Антон ещё и уроки племяннику нового домовладельца давал. Приходилось Антоше бегать по всему Таганрогу, зарабатывать репетиторством... В дырявых ботинках, в холодном пальтишке, в дождь, в мороз... Денег чуток подкопят и на базар! Купят утку живую и пока по улицам идут, Антон Ивана заставлял птицу слегка пощипывать, чтобы она голос подавала. Зачем? А пусть, говорит, люди видят, что и мы утку кушаем.» Для убедительности дядя Доня размахивал рукой с огромным куском арбуза, ловко сплёвывал в банку косточки и патетически восклицал: «Для чего это?! Почему?! А потому, что у мальчика уже тогда чувство собственного достоинства было! Не хотел он нищету показывать, не ждал сочувствия или жалости. Уже тогда Человеком был!»

О любви

Детство Чехова нельзя назвать счастливым. Отец его имел своеобразное понятие о воспитании. С семи лет Антоша пел в церковном хоре. Поднимали его и братьев в четыре утра, в любую погоду. Потом возвращение домой, завтрак - и бегом в гимназию. Много сил и времени отнимала бакалейная лавка отца, где нужно было присматривать за порядком, обслуживать покупателей. В 3-м и 5-м классах Антон оставался на второй год из-за отставания по арифметике, географии и греческому языку. Здоровье у мальчика было подорвано многочасовым сидением в холодной лавке, частыми простудами, жестокостью главы семейства, изводившего своим спесивым характером и жену и детей. Не гнушался папенька и поркой. Старший брат Николай вспоминал: «Наш отец с нами жестоко расправлялся. Розгами драл всех - нещадно!» Кстати, рассказ «Ванька», написанный Антоном Павловичем, можно в чём-то считать автобиографичным. Писатель в кругу близких друзей частенько повторял: «В детстве у меня не было детства...»

То ли под впечатлением монологов дяди Дони, то ли по причине своего взросления, я вдруг стала читать всё, что мне попадалось о биографии Чехова. Постепенно погружалась в его творчество. И... удивительная вещь! Оказалось, даже самые грустные его произведения пронизаны душевным теплом, надеждой на лучшее, на то, что «мы ещё увидим небо в алмазах...» или увидят те, кто будет жить после нас... Несмотря на ухудшающееся здоровье, Антон Павлович умел поддерживать окружающих шуткой, дарил веру в светлое будущее. О любви совсем не обязательно говорить прямым текстом. В чеховских рассказах столько любви к природе, к пьяненьким, плутоватым мужичкам, к глуповатой барыньке, к животным! А сколько, судя по аксёновской фотографии, какого-то робкого счастья на лице самого Чехова?! Продлило ли жизнь безнадежно больного писателя лечение кумысом? Или близость любимой женщины энергетически подпитывало его угасающие силы? Трудно сказать. Но даже свою смерть Чехов принял спокойно, с достоинством. По-чеховски.

Гусарская баллада. Жизнь и водевиль

Зимой 1962-63 годов шестилетняя уфимка впервые в своей жизни попала в кинотеатр. На экране страны с оглушительным успехом шел фильм Эльдара Рязанова «Гусарская баллада». Маленькая зрительница была потрясена красотой гусарских мундиров и удальством главных действующих лиц Шурочки Азаровой (артистка Лариса Голубкина) и поручика Ржевского (артист Юрий Яковлев).

«Мы желали – и свершилось...»

Летели дни, месяцы. Поклонница юного корнета росла, училась, полюбила русскую литературу, стала посещать театральные спектакли, но интерес к истории Отечественной войны 1812 года не угасал. Уже в девятилетнем возрасте школьница познакомилась с биографией кавалерист-девицы Надежды Дуровой, послужившей прообразом героини «Гусарской баллады», а Лариса Голубкина казалась ей живым воплощением русской амазонки.

Сюжет, развивающийся в 20-ом веке, чем-то напоминал события рязановского фильма... Родственница в качестве подарка на Новый год сшила для девочки гусарский мундир и, быть может, именно этим определила ее будущее. Естественным и логичным стали занятия в секциях стрельбы и фехтования. Детские книги как-то незаметно уступили место историческим романам и мемуарам, а любовь к Дуровой, к эпохе Александра Первого превратилась в страсть.

С тех пор прошло более 40 лет. В городе Елабуге, где последние годы жила Надежда Дурова, открыли музей кавалерист-девицы, и десятки людей со всей России и даже из-за рубежа собираются на конференции и семинары, посвященные той или иной дате в ее биографии. 25-27 сентября нынешнего года Елабуга отмечала 225-летие своей известной землячки – офицера, писательницы, ординарца фельдмаршала М.И. Кутузова. На юбилей приехала и народная артистка России Лариса Голубкина.

Когда под музыку Тихона Хренникова к кинофильму «Гусарская баллада» актриса появилась на сцене, аплодисменты и восторженные крики зрителей долго не смолкали. Во втором ряду, судорожно сжимая фотоаппарат, сидела ... уже немолодая женщина, в очередной раз приехавшая из Уфы с новыми сведениями по биографии Надежды Дуровой.

Заранее включенный диктофон записывал приветственные слова Ларисы Голубкиной к елабужанам и гостям, а уфимка все еще не могла унять волнение и легкую дрожь от встречи с героиней любимого фильма. Впрочем, пора признаться: преданной почитательницей таланта Голубкиной и биографом кавалерист-девицы является автор этих строк.

Тем временем Лариса Ивановна рассказала о своем московском детстве, о патефоне, который вечером выносили на маленький столик во дворе, где собирались игроки в домино, и неповторимый голос Клавдии Шульженко завораживал округу мягким грудным тембром: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч...» Люди распахивали окна, выходили на балкон, а ребяташки, среди которых была и Лариса, с любопытством рассматривали патефон и крутящуюся черную с красной наклейкой пластинку.

Во время войны столик спилили на дрова, изменился и состав слушателей – мужчины ушли на фронт, женщины рыли окопы, работали на заводах и в госпиталях, и только дети да старики оставались хозяевами дворов. Несмотря на трагические новости с фронта, в Москве победно цвела черемуха, и душистое снежное кружево осыпалось праздничным конфетти. Детство будущей артистки осталось там, среди черемуховых метелей, а песни «об огнях-пожарищах...» и лирические любовные романсы, которые так были необходимы людям в годину суровых военных испытаний, сопровождают Ларису Ивановну и поныне.

Голубкина вспоминала одорукого лейтенанта, ставившего патефон на табуретку; и мы вновь и вновь представляли, как над московским двориком, уставшим от войны, потерявшим многих своих жителей на полях сражений, умерших от голода или болезней, звучал такой родной голос Шульженко! Лариса Ивановна переходила от прозы к поэзии, от песни к диалогу со зрителем, она не играла на публику, была естественной и открытой, как с очень близкими ей людьми. Подчеркнув особенную ауру Елабуги, актриса заметила, что у нее появилось такое чувство, словно она родилась, выросла и ушла на войну из этого уютного провинциального городка. Одобрительные смех и аплодисменты не заставили себя ждать, а меня не покидало чувство какого-то детского восторга и ощущение сбывшегося чуда.

«Меня зовут юнцом безусым...»

Так сложилась творческая судьба Голубкиной, что роль Шурочки Азаровой стала ее визитной карточкой. Об этом фильме Лариса Ивановна говорит с теплотой не только потому, что для нее юный корнет – первая роль... Сама обстановка, в которой проходили съемки, создавала атмосферу дружеского взаимопонимания и самоотдачи. Рядом с 20-летней студенткой ГИТИСа Голубкиной снимались достаточно известные в начале 60-х годов Юрий Яковлев и Татьяна Шмыга, а Николай Крючков и Игорь Ильинский одним своим появлением на экране уже гарантировали успех в довольно редком по искусствоведческой классификации историко-костюмном фильме.

Для начинающей артистки назначение на главную роль прошло легко в первую очередь потому, что она отличалась подвижностью, не обладала ярко выраженной женской фигурой, была спортсменкой по натуре, быстро и грамотно осваивала кинематографическое пространство, самостоятельно исполняя даже самые сложные трюки. Зрителям Елабуги Лариса Ивановна открыла еще одну маленькую тайну: играя Шурочку, она сама соответствовала той нравственной чистоте, невинности, свойственной ее героине.

На протяжении всего периода съемок Голубкина, также как и большинство актеров, исполнявших второстепенные роли, фактически не снимала гусарский мундир, привыкая к сапогам, сабле, к специальной сумке-ташке, лядунке, где хранились боеприпасы для стрелкового оружия. Чем больше проникались артисты гусарским бытом и духом 1812 года, тем естественнее вживались в образы своих героев и натуральнее выглядели в мизансценах.

На вопрос что, на ее взгляд, отличает пьесу Александра Гладкова «Давным-давно», по сюжету которой снята «Гусарская баллада», от других водевилей, Лариса Ивановна ответила, не задумываясь: «Патриотизм. Помните, монолог Шурочки, когда она объясняет Кутузову причины, побудившие ее надеть военный мундир: «А если очи зорки, руки крепки, не слабы стремена, а если все – ум, сердце, силы, нервы приказа просят – за тебя, страна, мать-Родина отдать все без остатка...»

А хризантемы не отцвели!

Каждый артист мечтает попробовать свои силы в различных ампулах. Быть актером одной роли – значит не раскрыть те внутренние резервы, которыми одаривает человека природа, все то, к чему служитель сцены идет, приобретая жизненный и профессиональный опыт. Народная артистка России Лариса Голубкина по-прежнему востребована и в Центральном академическом театре Российской армии, и в концертных программах. Отдавая предпочтение классике, актриса создает психологически сложные, подчас диаметрально-полярные образы. Умение находить новые черты, оттенки в человеческих характерах помогает Ларисе Ивановне обогащать палитру чувств, а значит, и типажи изображаемых персонажей.

Талант певицы – еще одна грань творческой личности Голубкиной. С музыкой она не расставалась никогда. В ГИТИСе ее вокальное мастерство оттачивала сама Мария Петровна Максакова! У Ларисы Ивановны огромный репертуар русских старинных романсов. Переполненный зал елабужского Дворца культуры дружно подхватывал и припевы известных песен, и редко звучащие романсы. А популярный «Отцвели хризантемы...» с Голубкиной пели не только пожилые зрители, но и молодежь. Актриса буквально проживает судьбу своих героинь, подавая романс как «личную» историю; ее актерское мастерство, женское обаяние и неиссякаемая энергия превращают в общем-то простенький текст в маленькую музыкальную драму. Благодарные елабужане несли и несли певице букеты цветов, и особенно актуальными оказались, конечно, хризантемы.

Собравшись за кулисами, журналисты задали еще несколько вопросов уставшей, но, судя по всему, довольной столь сердечным приемом Голубкиной. Лариса Ивановна призналась, что была немножко утомлена долгой поездкой, но через несколько минут, проведенных на сцене, почувствовала живительную энергетику зала, и к ней вернулись силы и столь необходимый кураж.

Я вглядывалась в лицо очаровательной женщины, узнавала мимику и шарм юного корнета, мне хотелось выразить свой восторг, признаться в любви к Актрисе, невольно благословившей меня на исследовательскую работу по изучению удивительной личности кавалерист-девицы Надежды Дуровой, но... я ограничилась вопросами по существу, не смея показаться навязчивой.

Уже дома, в Уфе, среди старых дневников я нашла пожелтевший от времени тетрадный листочек, где записан впервые сочиненный мною, 13-14-летней девочкой, акростих. (Акростих – стихотворение, в котором начальные буквы каждой строки, читаемые сверху вниз или снизу вверх, составляют слово или фразу).

Героика минувших лет,
Отчаянная жажда риска...
Любимая моя артистка,
Удачливый корнет!
Блестят смешинкою глаза,
Кокетство в позе и движеньи,
Игривость, робость, грусть, томленье...
Ну, просто – форменный розан!
Ах, этот милый женский вздор...
Амур «в печали идеальной»
Здесь был перед дорогой дальней,
А утром... звон гусарских шпор
Растаял. Кончен бал.
Отныне полонез играет канонада.
Военная судьба – как лучшая награда,
Азартной юности – девятый вал!

«Едины парус и душа...»

В этом году исполнится 25 лет с того дня как самодеятельный театр производственного объединения «Башнефть» получил звание Народного. Мое знакомство с этим интересным своеобразным коллективом состоялось в 1986 году на спектакле по пьесе Н. Павловой «Вагончик». Судебная хроника, а именно так автор определила жанр произведения, повествует о судьбе трудных подростков. Сейчас я уже не помню сюжета пьесы, но в памяти остался образ судьи в исполнении Бориса Шнейдера, тогда заведующего сектором ВНИИ нефтепромгеофизики. Борис Аронович сыграл не сухого, бесстрастного служителя Фемиды, а думающего, эмоционального, справедливого человека, у которого у самого дети, примерно, того же возраста, что и подсудимые.

Для кого угодно пройти через судебную машину - это очень сильный стресс, что уж говорить о девчонках 15-18 лет?! Судья-Шнейдер не карал, он старался встряхнуть подростков, заставить их со стороны

взглянуть на свои поступки, провести ревизию души с тем, чтобы в дальнейшем у девушек выработался критический взгляд на происходящее, умение контролировать себя.

Театр, в отличие от кино, обладает мощной живительной силой. Перед зрителем на сцене действуют живые люди, поэтому возникает ощущение реальности происходящего, более яркие, чем в кино, чувства сопереживания героям.

Театр начинается...

Можно сказать, что театр начинается с вешалки, но я бы сказала: театр начинается с режиссера. Петр Шеин, имея опыт работы в самодеятельном кукольном театре города Октябрьского, затем стал ведущим актером известного в этом городе Народного театра, которым руководил последователь Вахтанговской школы Константин Нордлунд. Петр Александрович - человек азартный, увлекающийся, не мог останавливаться в своем творческом развитии. Он закончил Ленинградскую театральную школу под руководством талантливого педагога Аркадия Кацмана и начал работать режиссером в Народном театре Нефтекамска. В 1981 году, ищущий себя и новые пути в искусстве Шеин, уже в Уфе в качестве режиссера дебютировал на сцене ДК «Нефтяник».

У Народного театра, в отличие от профессиональной труппы, другая психология, другой нерв, другая жизнь. Впрочем, Петру Александровичу удалось создать и другой театр. Дело в том, что режиссер, перемещая действие спектакля из большого зала или театрального фойе в уютный зальчик на 46 мест, настолько приближал актеров к зрителям, что первые не могли сфальшивить, а вторые невольно становились соучастниками происходящего на сцене.

Удивительным, каким-то сказочным был пролог к пьесам «другого театра», и начинался он в фойе Дворца культуры. Зрителей встречал сам режиссер. Его ярко-желтый или малиновый пиджаки знали все уфимские театралы. Шеин ни в коей мере не выглядел провинциалом, это был добрый, обаятельный, философски мыслящий волшебник, способный заставить усталых, раздраженных людей принять условия театральной игры, поверить в увиденное на сцене, и плакать, и смеяться вместе с артистами. Я никогда не забуду, как мы - зрители гуськом поднимались за Петром Александровичем в зал «другого театра». Он останавливался на лестнице, перебрасывался какими-то служебными комплиментами со

знакомыми и, загадочно, чуть смущенно улыбаясь, вел нас дальше и выше за собой. Прежде, чем распахнуть двери в маленькое фойе, спрятанное где-то в сумраке за тяжелыми бархатными шторами, маэстро выдерживал театральную паузу и, хитро блестя глазами, замирал на несколько секунд. Выражение его лица словно говорило: «Сейчас... Вот сейчас вы увидите Чудо... Вы будете полностью во власти искусства - таинственного и могущественного... Вы забудете себя, тот мир, что остался за стенами театра, вы будете восхищаться, сердиться, любить, хотеть... Может быть, вы даже умрете... Но эти страсти и эта смерть очистят вашу душу и уже после спектакля на улице - все краски мира, словно природа после дождя, опять будут радовать вас яркостью, свежестью и разнообразием оттенков.»

Сидя в первом ряду, я боялась подвинуться, чтобы, не дай Бог, не закрипело сиденье. Я не могла вытянуть ногу... вдруг артист запнется; я даже стеснялась пошевелиться, ведь это отвлекло бы внимание питомцев Шеина. Зато... я видела как испарина покрывала лоб главного героя, как начинался нервный тик у его партнера. Я чувствовала легкий аромат духов, запах новых тканей и пыльного закулисья. Эти детали удерживали меня на грани реальности и фантазии, но условия игры принимались мною безоговорочно, и я была готова подставить подножку «противному типу» или просто подняться на защиту обиженного, во имя справедливости.

Когда спектакль заканчивался и артисты выходили на поклон, мы стояли друг против друга на расстоянии 3-4 метров и наши глаза горели одним огнем, ведь только что мы - артисты и зрители прожили вместе целую жизнь... другую жизнь.

«Поминальная молитва»

Пьеса Григория Горина «Поминальная молитва», созданная по мотивам произведений Шолома-Алейхема, - остроумная, с быстрой сменой настроений и колоритными персонажами, «непростая история». Этот спектакль вывел Народный театр на новую высоту. Многочисленные зрители по несколько раз ходили «на Шнейдера», «на Стульникову», «на Буслаеву», «на Ходорева»... Хотя выделять здесь кого-то одного - невозможно! Труппа выглядела очень органично, естественно; актеры соответствовали типу и тому историческому периоду времени, который

представляли, что говорит о хорошем вкусе и достойном уровне культуры режиссера и исполнителей.

Премьера «Поминальной молитвы» в ДК «Нефтяник» состоялась в 2001 году. Пятнадцать вечеров уфимцы прожили вместе с героями пьесы - жителями деревни Анатовка начала XX века. Мне довелось семь раз наблюдать, как развиваются события, как сживается с судьбой своего персонажа тот или иной исполнитель, оценивать насколько пронзительнее раз от раза «звучат» ключевые сцены и как долго уже после окончания спектакля артисты не могут «отойти» от роли. Помню, каким опустошенным выглядел исполнитель главной роли Тевье-молочника Борис Шнейдер... Принимая цветы от благодарных поклонников, Борис Аронович устало смотрел в темноту зала, словно пытаюсь «увидеть» или «додумать» продолжение судеб героев Григория Горина. Стал ли студент Перчик (Игорь Белов) настоящим революционером? Разбогател ли уехавший в Америку лавочник-мясник Лейзер-Волф (Алексей Ходорев)? Как сложилась дальнейшая жизнь дочерей Тевье и уже их семей?

Время шло. Артисты – «жители» деревни Анатовка «переселились» в другие пьесы и зажили другой жизнью в новых спектаклях, но... после смерти Шеина в 2008 году труппа Народного театра на могиле своего режиссера поклялась восстановить «Поминальную молитву». Ведь недаром эта постановка начиналась словами Шолом-Алейхема, который хотел, чтобы на его «могиле, в каждую годовщину смерти, читали поминальную молитву. А если читать молитву не будет особого желания, либо время не позволит, либо это будет против религиозных убеждений, можно ограничиться тем, чтобы собираться вместе с моими дочерьми, внуками и просто добрыми друзьями и читать это мое завещание, а также выбрать какой-нибудь рассказ из моих самых веселых рассказов и прочитать вслух на любом, понятном им языке. И пусть мое имя будет помянуто лучше со смехом, нежели вообще не помянуто...»

Ради «Поминальной молитвы» вернулась из Москвы исполнительница роли Голды - жены Тевье - Ольга Буслаева. Она не могла присутствовать на ранних стадиях репетиций, но своих друзей не подвела - занималась самостоятельно. «Поминальная молитва», посвященная Памяти Петра Шеина, прошла уже на сцене ДК и Т ОАО «УЗЭМИК». Все было как в первый раз... Щемящие душу народные еврейские мелодии, вселенская грусть и тонкий юмор этого стойкого, мудрого народа. Все было, как и семь лет тому назад. Почти все. Только за кулисами, увы, не стоял взволнованный, чуточку нервный, по-хорошему амбициозный

Петр Александрович. Артисты прекрасно знали роли, они вновь «жили» в своей Анатовке, но зрители не догадывались о том, что среди «жителей» этой деревни отсутствует один из самых главных - режиссер.

Сила искусства

Историю и судьбу Народного театра можно поделить на два периода: до «Поминальной молитвы» и после. Во всяком случае, уровень игры актеров - непрофессионалов после этого спектакля уже трудно назвать любительским. Многие зрители и даже театральные критики считают Шеинскую постановку «Поминальной молитвы» более успешной, чем работу театра Ленком с Евгением Леоновым в роли Тевье-молочника. По крайней мере, энергетика, глубина и страстность «проживания» роли у актеров Шеина, безусловно, ближе к национальному колориту персонажей Шолом-Алейхема.

Артисты-любители хорошо зарекомендовали себя в творческих профессиях. Лицедейство - неотъемлемая часть профессии юриста, рекламного агента, преподавателя, работника телевидения. Не так давно на канале «Вся Уфа» зрителей с прогнозом погоды знакомил Алексей Ходорев, сейчас можно видеть Игоря Белова. Я ловлю себя на том, что внимательно наблюдаю за их мимикой, жестикуляцией, произношением, дикцией... Перед моими глазами проходит череда образов, созданных этими симпатичными мужчинами на сцене Народного театра. Воспоминания уносят меня в прошлое. Когда же я возвращаюсь в настоящее, выясняется, что сведения о погоде моя память просто не сохранила.

Где-то в конце XX - начале XXI веков по башкирскому телевидению показывали беседу журналиста с Заслуженным деятелем искусств Республики Башкортостан, Заслуженным работником культуры Российской Федерации, Лауреатом премии имени Г. Саляма режиссером Шеиным. Петр Александрович говорил о проблемах современного театра вообще, о Народном театре в частности; рассказывал о себе, о том насколько сбылось все то, о чем он мечтал в юности, в молодости. Когда речь зашла о самореализации человека, об отношении к долгу, к профессии, Шеин грустно заметил, что в наши дни «господа» дискредитировали понятие патриотизма, что современным людям не хватает романтики. И тут же добавил: «Мне очень нравятся строки песни из кинофильма о гардемаринах... Помните? “Едины парус и душа, Судьба и Родина едины...” Каждый должен делать свое дело, но делать честно, с полной от-

дачей физических и духовных сил.» Всё выше сказанное артисты Народного театра успешно реализовали. Их жизнь, их игра на сцене - это самоотверженное служение Искусству, это романтика мятежной души, способная вызвать у зрителей «и смех, и слезы, и любовь...»

Браво, «Мистер Глаза»!

Когда я иду по улице Ленина на отрезке между Кирова и Коммунистической, всегда замедляю шаг возле витрин с фотографиями. Большинство снимков сделаны талантливым фотохудожником, залуженным работником культуры Республики Башкортостан и Российской Федерации, лауреатом и призером многочисленных Всероссийских и международных фотовыставок Рамилем Кильмаматовым.

Творчество Рамиля Исмагиловича - это отражение его души, наполненное красками, мелодиями, чувствами... Кильмаматов родился в 1949 году в деревне Каргалы Благоварского района Башкирии, в семье железнодорожника. Первые детские картины, оставшиеся в памяти – проезжающие мимо окон родительского дома, поезда. Стук колес и гудки паровоза будили мальчика по утрам, под эти, ставшие уже привычными звуки, Рамиль засыпал в своей колыбели. И еще один кадр из раннего детства: какая - то тревожная ночь... словно вспышкой фотоаппарата, высвечен костер и люди вокруг него, с орденами на груди. Позднее он узнал – умер Сталин, и народ скорбел, подавленный трагическим событием.

Рамиль рос обычным мальчишкой, разве что острее других воспринимал окружающий его мир. С уверенностью можно сказать, что степень этой остроты и дала толчок к развитию творческой личности. Природа родного края навсегда вошла в кровь деревенского паренька. В 12 лет Рамиль получил в подарок фотоаппарат «Мир» и с любовью начал фиксировать все, что волновало его чуткое сердце. Кильмаматову везет на учителей. Возможно, фотодело осталось бы для него лишь увлечением, но юному фотографу помог преподаватель Ратмир Якиев. Он познакомил Рамиля с основами фотографии, направив энергию любознательного подростка к серьезному процессу познания искусства светотописи.

Шли годы. Параллельно с учебной, Кильмаматов увлекся хоккеем и успешно играл за клуб СКА (г. Куйбышев), выполнив норматив кандидата в мастера спорта, но тяжелая травма остановила его спортивную

карьеру. Теперь уже ничто не мешало будущему фотохудожнику всецело посвятить себя творчеству. Успешно окончив Тобольское культпросветучилище, Рамиль продолжил образование в Московском Ордене Красного Знамени Государственном институте культуры по специальности режиссер кинофотостудии. Безусловно, обучение в известном российском вузе и жизненный опыт развили вкус и расширили кругозор Кильмаматова, хотя отправной точкой формирования личности явились все-таки, детские впечатления, восприимчивость души, умение видеть и передавать в своих работах хрупкость уходящего времени. Фотопортреты и пейзажи Рамиля Исмагиловича несут в себе не только смысловую и информационную характеристики, они наполнены энергией жизни, имеют свою неповторимую мелодию и тональность. В одних его работах далеким эхом слышится высокая скрипичная струна или заунывное соло курая, в других - мощные, словно накатывающие волны, звуки духового оркестра или рассыпчатые, как звон бубенчиков, озорные частушки. Иногда, где-то за кадром, отдаленно напоминая умиротворенное церковное песнопение, шелестит кудрявая дубрава или тревожный набат ударит по барабанным перепонкам очередного посетителя вернисажа: смотри, рядом с тобой чья-то боль, чья-то грусть! Помоги! С фотографий на нас в упор глядят множество глаз - веселые и печальные, старые и молодые, счастливые и наполненные страданием..., и мы уже так много знаем о тяжелой судьбе инвалида, о буднях пастуха или священника, о жизненном пути странницы или Президента республики. А как разнообразны и в географическом, и в композиционном плане пейзажи Кильмаматова! Где он только ни побывал?! Франция, Германия, Турция, Голландия, Швейцария, Таиланд и многие другие страны. Горные реки, завораживающая стихия моря, снежные горы, обветренные скалы, хрустальное кружево зимних деревьев, нежные цветы... Нетронутая человеком природа везде хороша, но от русских полей и лесов щемит сердце и слезы восторга закипают в груди! Стелется дорога среди сугробов и одетых инеем деревьев, мелькают крыши деревенских изб, блестит на солнце снег, мчится во весь дух, убегая от разыгравшихся собак, забавный жеребенок. Впрочем, на другой фотографии, вместо жеребенка... снегоход. Удивительно, но в данном случае техника не портит красоту зимнего леса, а композиция с жеребенком и собаками, как оказалось, полностью рукотворная. Рамиль Исмагилович пояснил, что избы взяты с одного кадра, собаки и жеребенок с других. Более того, все животные сфотографированы в разных деревнях и районах. Остается всплеснуть руками!

Сюжет создан настолько живо, естественно, что замираешь, потрясенный фокусом, но продолжаешь свято верить в «остановленное мгновение».

Зимние пейзажи наиболее музыкальны в творчестве Кильмаматова. Прошло больше недели после моего знакомства с фотокартинами «Мистера Глаза», как назвал Рамиля Исмагиловича за его наблюдательность известный фотокритик Дэвид Кэмпбэл. Я уже занимаюсь другими делами, общаюсь с другими людьми, но, перекрывая уличный шум и голоса толпы, откуда - то из глубины души всплывает мелодия старинного романса:

«Слышу звон бубенцов издалика –
Это тройки знакомый разбег,
А вокруг расстелился широко
Белым саваном искристый снег.»

И снова перед глазами оживают пейзажи Кильмаматова, я слышу скрип санных полозьев, лай собак и мне кажется, что вот сейчас из – за поворота современного городского проспекта вылетит тройка и умчит меня в простор полей, подальше от суеты мирской. Я улыбаюсь своим мыслям и в который раз повторяю: «Браво, «Мистер Глаза»!

«... Чудесного холода полный сундук»

В наши дни едва ли найдется человек ни разу не попробовавший мороженое. В вафельных и бумажных стаканчиках, в брикетах и вафельных рожках, мягкое и традиционное, порционное от 75 грамм и до несколько килограмм в пластиковом ведерке. Можно, не спеша, сесть на скамеечку в парке и, наслаждаясь природой, отведать любимое лакомство, а можно посетить кафе, где мороженое подают посыпанным толчеными орехами или шоколадной крошкой, политым каким-либо вареньем, джемом, медом и даже коньяком. И редко кто задумывается, что этому десерту уже очень много веков.

Тайны «Ши-кинга»

История мороженого насчитывает более 5 000 лет. Изобретение популярнейшего десерта уходит корнями во времена древнейших цивилизаций Азии – Китая и Междуречья. Около 3 000 лет тому назад в древнем Китае уже подавались десерты, отдаленно напоминающие мо-

роженое – богатые китайцы охлаждались снегом и льдом, смешанным с кусочками апельсинов, лимонов, зернышками гранатов.

Китайский император Тангу даже придумал свой собственный рецепт приготовления смесей из льда и молока. Рецепт и способы хранения держались в тайне, которую узнали лишь в 11 веке до нашей эры из книги «Ши-кинг» - канонический сборник древних песен.

Упоминается мороженое и в письмах Соломона, царя Израиля. Традицию употребления мороженого переняли и древние арабы. Также охлажденные вина, соки и молочные продукты потребляли еще древние греки, а вслед за ними и другие цивилизации. Рекомендовал мороженое для здоровья и знаменитый античный врач Гиппократ.

Спасибо Микояну!

Еще в Киевской Руси подавали мелко наструганное молоко. В сибирских деревнях и по сей день хозяйки хранят молоко, заморозив его в блюдечках и сложив лед стопкой. Во многих деревнях на масленицу изготавливалась смесь из замороженного творога, сметаны, изюма и сахара.

В «европейском варианте» мороженое появилось в России в середине 18-го века и сразу завоевало большую популярность. Мороженое было широко представлено в меню Петра Третьего и Екатерины Второй.

В мемуарах 19-го века можно встретить восторженные воспоминания о том, какой эффект производил на публику десерт «Везувий на Монблане» (мороженое обливали ромом или коньяком и поджигали) или красочные развалины античного храма, выполненные из мороженого разных цветов. Все это создавалось руками кулинаров несколько часов, а «жило» лакомство считанные минуты, поскольку моментально начинало плавиться от жара и свечей. Только в 19-ом веке в России появилась первая машина для приготовления мороженого.

Промышленное производство мороженого у нас началось лишь в 30-е годы прошлого века и связано оно с именем Наркома внешней торговли СССР Анастасом Микояном.

Возвратившись в Москву после поездки в США, Микоян привез множество интересных и полезных идей. Среди них создание фабрик по производству мороженого. В отличие от зарубежных аналогов наше мороженое изготавливалось только из натуральных продуктов, а качество жестко контролировалось ГОСТом. К концу 30-х годов в нескольких го-

родах Советского Союза уже успешно изготавливалось мороженое разных сортов: ягодно-фруктовое, молочное, сливочное, шоколадное, миндальное, ореховое, крем-брюле, пломбир, эскимо и другие. Иностранцы дружно признавались в том, что советское мороженое – самое вкусное.

«Божественный лед» Уфы

В детстве мороженое – это всегда долгожданная сладкая радость. В 60-70-е годы не было принято баловать детей. Сласти покупали редко, поэтому каждая случайно найденная ребенком на улице монетка, пряталась от родителей и откладывалась «на пломбир» (19 копеек) или «шоколадное» (15 копеек). Самым дешевым было фруктовое, которое стоило 6 копеек, самое дорогое – эскимо – 22 копейки.

Любимыми и наиболее посещаемыми уфимскими кафе, где продавали мороженое, являлись в те годы «Снежинка» возле Госцирка и кафе «Мороженое» на улице Революционной. Многие сладкоежки помнят пломбир в хрустящих вафельных стаканчиках, который продавали в фойе кинотеатра имени Матросова. Этот вкус нельзя позабыть! Знакомая моей мамы работала там контролером, и мы во время киносеанса заходили просто, чтобы полакомиться вкуснейшим десертом.

А вообще мороженое можно было купить не только в кинотеатрах, буфетах, вокзалах, гастрономах, но и на улице. Как вспоминал писатель Даниил Гранин: «Летом появлялись тележки с мороженым. В них среди битого льда стояли бидоны с мороженым. Его намазывали на формочку и зажимали в две круглые вафельки. На вафельках красовались имена: Коля, Зина, Женя».

Проходят годы. Меняется вкус мороженого. Но любовь к обжигающему холодом продукту остается. И строки Осипа Мандельштама вечны:

«Подруга шарманки, появится вдруг
Бродячего ледника пестрая крышка –
И с жадным вниманием смотрит мальчишка
В чудесного холода полный сундук.
И боги не ведают – что он возьмет:
Алмазные сливки иль вафлю с начинкой?
Но быстро исчезнет под тонкой лучинкой,
Сверкая на солнце, божественный лед.»

Друзья, которые рядом (О жизни и творчестве писателя Бориса Рябинина)

21 октября исполнился 101 год со дня рождения замечательного писателя-натуралиста, путешественника, фотографа, большого любителя и знатока собак Бориса Рябинина. Борис Степанович родился в «старинном уральском гнезде» - в городе Кунгуре, там и прошло все его детство. Позднее Рябинин вспоминал, как отец брал его в деревню, где семья вела свое хозяйство, а мать всегда находила время для цветов: с любовью выращивала роскошные розы, гloxинии; навсегда остались в сердце паренька деревенские пейзажи, колокольный звон, тихий плеск речной воды, голуби на церковных чердаках, выводившие птенцов...

Эти детские впечатления сопровождали писателя на протяжении всей его жизни. Борис Степанович в книге «У бабушки, у дедушки» описывал, как он проводил время в деревне, где прямо за окном начинались луга, поля ржи и пшеницы, вспоминал синие глаза васильков среди колосьев, рыбалку на зорьке...

Семья Рябининых была небогатой. Дед - сапожник, отец - землемер, бабушка и мать занимались детьми и домашними делами. Борис в 15 лет поступил в Пермский землеустроительный техникум. Сразу сдал вступительные экзамены за первый курс, и был принят на второй. Первая профессия - геодезист.

В 1930 году отца перевели в Свердловск. Здесь Борис Степанович поступил в Уральский механико-машиностроительный институт, после окончания которого получил вторую специальность инженера-механика.

О себе Рябинин говорил: «О писательстве я не мечтал, хотя с детства много читал, увлекался приключенческой литературой. Собрал большую библиотеку, “погубило” меня увлечение фотографией». Его снимки начали печатать в газетах и журналах, в том числе и в только что созданном «Уральском следопыте». Постепенно, к фотографиям Борис Степанович начал писать очерки, в которых сразу же определилась тематика всего его дальнейшего пути - природа и звери.

Так к основным профессиям добавились журналистика и писательство, а еще - профессия кинолога - собаковеда. Вообще, Рябинин в шутку называл себя «собачьим» писателем, и, действительно, многие его рассказы и повести посвящены этим умным преданным животным. И

даже хобби - коллекционирование фигурок из бронзы, фаянса, моржовой кости и фарфора - это тоже собаки самых разных пород, которые окружали своего хозяина, занимая книжные полки шкафов, этажерок, комод.

Моя встреча с творчеством Рябина произошла в 1966 году, когда мне исполнилось десять лет. Его книгу «Рассказы о верном друге» мне подарили на день рождения. Открыв ее, я уже не могла ни есть, ни спать, меня перестали интересовать игры со сверстниками... Все мое внимание было сосредоточено на этих увлекательных, временами трогательных до слез рассказах о собаках.

Так получилось, что художественная литература и военная история, которыми я увлекалась с ранних лет, удачно представлены в этой книге Рябина. Рассказы о судьбе собак-миноискателей, противотанковых собак (они бросались под вражеские танки с укрепленными на их теле гранатами), санитарными собаками, ищейками, собаками-курьерами и сторожевыми чередовались с рассказами о четвероногих поводырях слепых и обычных, ничем особо не примечательных собаках, которые скрашивают жизнь людей, разделяя их одиночество или становясь равноправными членами большой дружной семьи.

Конечно, к тому времени у меня уже имелся опыт общения с дворовыми Шариками и Жучками, был веселый спаниель наших знакомых, соседский красавец-пойнтер и, прогуливающийся возле нашего дома, жесткошерстный фокстерьер бравого майора - большого любителя охоты. Но... теперь эти детские восторги симпатичными песиками остались в прошлом. Прочитав книгу Рябина, я впервые задумалась над тем, как переплетаются судьбы людей и собак, какая прочная связь существует между хозяином и его питомцем, какие разворачиваются драмы, если уходит из жизни любимый хозяин или трагически погибает верный пес.

Не сразу, но я поняла, что рассказы о собаках... это, все-таки, истории о людях... о зле и добре, трусости и смелости, преданности и предательстве. Сколько было пролито слез над книгой Рябина! Как изменились мои планы относительно собственной будущей жизни! В мечтах я видела себя - то пограничником - инструктором служебной собаки, то криминалистом-кинологом; временами, посетив очередное цирковое представление, я воображала себя на арене цирка, окруженной разномастными собачатами, прыгающими через скакалку или бегающими по кругу в упряжке.

Будучи еще школьницей, я окончила курсы инструкторов служебного собаководства, подготовила для службы на границе двух восточно-европейских овчарок. В нашей семье жили дворняжки, эрдельтерьер, боксер, жесткошерстный фокстерьер... Я не связала свою жизнь с профессией дрессировщика собак, но интерес к этим милым, очаровательным созданиям дает мне возможность наблюдать за их поведением, а иногда дарит забавные... или грустные сюжеты для рассказов.

Когда мне было 11-12 лет, я написала Борису Степановичу письмо, поблагодарила его за «собачью книжку», задала несколько вопросов о судьбе, наиболее взволновавших меня четвероногих героев... Ответа я не получила. Возможно, отправленное на адрес редакции письмо, просто затерялось где-то в бумагах и не дошло до адресата, но книги Рябина еще долго оставались моими самыми любимыми.

Можно с уверенностью сказать, что рассказы Бориса Степановича очень тонко, ненавязчиво, предлагают читателю взглянуть в окружающий мир, помогают понять психологию (этологию) животных, прислушаться к своей душе. Я совершенно убеждена: произведения Рябина - это тот чистый источник, который необходим каждому человеку, совсем юному и взрослому, романтику и закоренелому материалисту. Ведь такие чувства как искренность, любовь, верность, мужество будут востребованы всегда, а идеалом настоящего бескорыстного друга является собака.

Тема памяти Владимира Маканина

1 ноября в поселке Красный под Ростовом-на-Дону на 81 году жизни скончался советско-российский писатель Владимир Маканин. Родился Владимир Семенович в 1937 году в небольшом городке Орске Оренбургской области, а школу закончил в Уфе.

Отец будущего писателя Семён Степанович - инженер-строитель в начале 50-х годов прошлого века был направлен в Уфу на строительство завода синтетического спирта, а затем - нефтеперерабатывающего завода. Вместе с женой Анной Ивановной приехали и три сына - Владимир, Геннадий и Павел. Как позднее вспоминал Владимир Семенович, жили они в Черниковске недалеко от кинотеатра «Победа». Геннадий и Павел учились в школе № 62, Владимир с седьмого по восьмой класс ходил в 61-ую школу, а потом ездил через весь город в знаменитую «галановскую» школу № 11, располагавшуюся тогда в старинном здании на углу

улиц Ленина и Октябрьской революции. По сравнению с захолустным Орском, в Уфе был более высокий уровень школьного образования, учеников ориентировали на последующую учебу в вузах. Анна Ивановна, будучи учительницей, определила Володю в самый сильный класс, самой лучшей - 11-ой школы, основанной еще в 1828 году и долгие годы носившей имя директора Л.А. Галановой.

От уфимского периода у Маканина остались теплые воспоминания... Это общение с интеллигентными, культурными людьми, эвакуированными из блокадного Ленинграда, это вкус ароматного башкирского меда и удивительное лакомство - чак-чак. Мальчик с тяжелым военным и послевоенным детством рано проявил серьезный интерес к точным наукам, хотя в свободное от уроков время с удовольствием проводил во дворе с мальчишками или запоем читал приключенческие романы.

Получив в 1954 году аттестат о среднем образовании, Володя решительно направился в Москву в университет им. Ломоносова. Закончив в 1960 году мехмат, Маканин несколько лет преподавал математические дисциплины в различных вузах; некоторое время работал в Военной академии им. Дзержинского. Параллельно преподавательской деятельности в 1964 году поступил на Высшие курсы сценаристов и режиссеров во ВГИК. После окончания обучения работал редактором в издательстве «Советский писатель»; вел семинар прозы в Литературном институте им. Горького.

Опыт работы в Академии послужил материалом для дебютного романа «Прямая линия», который был написан в 1965 году. По словам Маканина, литературная судьба у него складывалась не очень удачно. В журналах не печатали, произведений критики до поры, до времени не замечали. А «прорвался» Владимир Маканин в совершенно неожиданном для критиков направлении. В 1979 году в ФРГ вышла его первая книга. С тех пор он стал одним из самых издающихся русских писателей за рубежом.

Среди читателей и рецензентов нет единодушного мнения в оценке того или иного произведения Владимира Семеновича. Яркий пример тому роман «Асан», ставший в 2008 году лауреатом премии «Большая книга» и одновременно лауреатом антипремии «НацWorst» в рамках премии «Национальный бестселлер» - худшая книга.

Почему столь полярные выводы? Наверное, оттого, что анализировали роман либо с точки зрения историков-документалистов, либо с по-

зиции литературоведов. «Асан» - книга о войне в Чечне. Но воспринимать её как хронику или записки участника боевых действий нельзя. Это, безусловно, чисто художественное произведение. И даже не столько о войне в целом, сколько о человеке на войне. «У войны свой событийный ряд. Свое течение... А я только человек. Один из. Волна фатализма настигает и накрывает меня. Накрыла... Меня нет... Будь что будет... Война, как вода... Течет и течет... Я никто. Я мелкий и маленький.» Своеобразный, скупой, временами лаконичный и рубленый слог. Этот стиль на редкость уместен своим соответствием смысловой основе романа. Лишенный всякой изощренности, текст подчеркивает суровую простоту действительности, жестокость и неприязнательность будней, обнаженность тривиальных истин, подводя к итогу прямолинейно и непреклонно. С неумолимостью смерти.

«В основном я пишу книги от первого лица, - говорил Маканин, - Это гораздо сильнее, достовернее.» Достоверность хорошо передана в теме послевоенного детства - в «Повести о Старом Поселке», «Где сходились небо с холмами», «Утрате». Переключка финалов «Повести о Старом Поселке» и «Утраты» (герой возвращается на «родное пепелище») вводит в художественный мир Маканина тему памяти, с которой тесно связан образ Желтых гор, Урала, возникающий в художественной ткани «Голосов», «Утраты», «Отставшего» посредством уральских легенд и сказаний. Тема памяти оборачивается в свою противоположность - тему забвения в рассказе «Гражданин убегающий».

С памятью и забвением связаны и мои поиски уфимских маршрутов Владимира Маканина. Начав свои исследования с бывшей «галановской» школы, ныне Аксаковской гимназии № 11, я не обнаружила на сайте среди фамилий известных выпускников школы писателя Маканина. В телефонном разговоре секретарь с раздражением заметила: «Что нам дают, то и выставляем.» Перепоручив свой вопрос в архив гимназии, я получила лаконичный ответ: «Данные на выпускников до 1955 года сданы в городской архив. О Маканине никаких сведений не имеем.»

В ноябре 2000 года Владимир Семенович приезжал в Уфу с группой членов Форума интеллигенции России. Писатель специально задержался в нашем городе еще на один день, чтобы прогуляться по знакомым местам, побыть наедине со своими воспоминаниями. С ностальгией бродил он по милым его сердцу черниковским дворам, по улице Льва Толстого... Эстетическое чутье не обмануло бывшего жителя Черниковска, там живут люди с благодарной памятью. Первой на тему «Макани-

ны в Уфе» откликнулась директор школы № 62, где учились братья Геннадий (кстати, впоследствии ставший известным математиком) и Павел, Н.Е. Феличкина. Она тут же связалась с директором школы № 61, где Володя Маканин закончил восьмой класс, и который в свою очередь познакомил меня со своей коллегой - филологом школы Р.Х. Абдрашитовой. Именно в школе № 61 бережно сохраняют память о нашем земляке - писателе Владимире Маканине; на сайте имеется его фотография, в школе ежегодно проводятся литературные вечера, маканинские чтения, выходит специальная газета.

Владимир Маканин награжден Орденом «Знак Почета», является лауреатом Госпремии России в области литературы и искусства, престижной литературной премии «Русский Букер» и многих других. Литературный критик Инна Соловьёва очень точно охарактеризовала творчество нашего земляка: «Писатель редкого дара и редкой темы. Пестрый сор его картин, их причудливо резкие сюжеты написаны как бы на бархатно-черном, бездонном фоне; за ними тайна и глубина. И в них есть ощущение общего тока жизни, взаимозависимости людей, которые, кажется, знать друг друга не знают и знать не хотят.» И все-таки... все-таки нужно учиться замечать друг друга, ценить того, кто когда-то был рядом, помнить его и сохранять добрые воспоминания для следующих поколений. Очень жаль, что в Уфе так и не установлена памятная доска, не увековечена память о талантливом человеке, писателе, чьи книги уже давно читают на английском, немецком, испанском, китайском, японском, итальянском и других языках.

Шажок до Неба **(О книге Алексея Лисняка** **«Сашина философия»)**

Всегда приятно встретить земляка, и особенно радостно увидеть в его лице единомышленника. Протоиерей Алексей Лисняк закончил уфимскую среднюю школу № 98, печатался в журнале «Бельские просторы». Окончив Воронежскую духовную семинарию, с 1999 года по сей день является настоятелем Богоявленского храма села Орлово Новоусманского района Воронежской области. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

На Новый год среди сладких подарков - конфет, шоколадок, домашних тортов и печенья на моем столе оказалась книжечка Алексея Лисняка «'Сашина философия' и другие рассказы». Подарок этот меня очень удивил и обрадовал. Чего уж греха таить, редко нынче заходят люди в книжные магазины, и еще реже приобретают книги для подарка своим друзьям или близким.

Пишет Лисняк о нашей жизни, о повседневных заботах, проблемах, которые волнуют человеческую душу, о забавных случаях, трагедиях маленького человека, о сомнениях, поиске путей к Богу, к самому себе. Человек, словно паучок, плетет вокруг себя огромную паутину, узор которой - отношения с другими людьми, примитивные сюжеты, конфликты. У одних всё вращается вокруг наживы: хапнуть денег побольше, купить роскошную машину, дачу, другие уже с утра в суете... где бы опохмелиться; все чем-то озабочены, все в движении, редко кто успевает остановиться, заметить белку на дереве, послушать шелест травы, пение птиц, посидеть в тишине старого пруда. Выросло поколение молодежи, для которых ограбить магазин - развлечение, обидеть старика - прикольно, жить за счет своих престарелых родителей - норма. Что происходит с человеческой душой? Испытывает ли она смятение, раскаяние или черствеет и ожесточается? Наверное, жаждущий узнать ИСТИНЫ, уже давно познакомился с Библией, но язык мудрой книги требует вдумчивости и терпения, для этого нужно время, а книга протоиерея Алексея Лисняка - это своеобразный реферат Библии, с яркими, доходчивыми сценками-иллюстрациями. Можно ли завести двигатель мотоцикла с помощью веры, молитвы (рассказ «Техпомощь»), где растут бананы («Бананы на берёзе»), что общего у дикого лисенка и несчастного человека («Лисенок»)?

Язык Лисняка прост, сюжеты повседневны и знакомы каждому. Некоторые рассказы напоминают раннего Чехова, когда, перелистнув страницу, посмеешься, а потом вдруг оторопь берет: да, что ж такое? до какой низости (глупости? мерзости?) может дойти человек?! Мир так прекрасен! Вокруг столько красоты! Каждый цветочек радует нас своим цветением, журчит ручеек, одаривая нас прохладой, ласковое солнышко согревает всё живое на планете, словно призывая: будьте добрее, люди!

Очень сильное впечатление производит рассказ Лисняка «Ощущение корней». Автор рассуждает о духовной связи с предками, о Памяти поколений. Приехав на место, где когда-то была его родная деревня, Алексей видит над овражком трехсотлетний дуб, чьи корни уже торчат из

земли, но по-прежнему удерживают великана от падения: «Вижу это и чувствую свои корни. Они проросли по всей необъятной Родине. Отсюда, от седого Урала, где бажовская Даренка зимними вечерами грезила о Серебряном Копытце, до гоголевских хуторов, где кутил Басаврюк и отец Афанасий гонял кропилом черта по улицам. И здесь и там все так же, как века назад. Есть питающие корни и в жирном воронежском черноземе, и в грязном Кавказском мергеле... Вспоминаю всех и молюсь об их небесном счастье. Понимаю, что от земли до Неба всего один маленький шажок. Небесное рядом...»

Свой путь двух Денисов (О романе Дениса Лапицкого и Дениса Луженского «Тени Шаттенбурга»)

Многообразие литературы в современных книжных магазинах поражает воображение. Рядом с мировой классикой соседствуют пошлые романы и сказки для взрослых, мемуары вождей и хоррор с чанами крови. Чтобы разобраться и не отравиться миазмами низкопробного чтива, за изучением содержимого книжных полок нужно провести не меньше 1,5-2 часов.

Признаюсь честно: я не любитель фантастики, «ужастиков» и прочих выдуманных миров, планет и отдельно взятых существ, поэтому мимо полок с соответствующей литературой прохожу, не задерживаясь. Вот и на этот раз взгляд равнодушно скользнул по отдельно выставленным новинкам... Старинные замки, какие-то сатанинские морды с рожками, люди-кошки, люди-рыбы, рыцари с мечами... Блестящие обложки, выполненные в мрачных тонах с вкраплениями кроваво-красного или серо-голубого... «Тени Шаттенбурга»... Из истории Германии, что ли? Хм, знакомая фамилия одного из авторов - Лапицкий. Беру книгу в руки. Издана в Москве, серия «Легенды героев и магии»; книга - лауреат премии «Рукопись года».

С Денисом Лапицким я сотрудничала, когда он работал заместителем главного редактора газеты «Истоки» (Уфа). Хорошо помню его статьи - всегда профессиональные, тактичные, написанные хорошим литературным языком. Помню и его рассказы, которые я бы назвала фантастически-философскими.

Так неожиданно в конце сентября я погрузилась в мир фэнтези, переселившись в таинственный средневековый город Шаттенбург, где «и дома каменные о двух этажах, и даже ратуша своя. И церкви там тоже каменные. А уж торгового люду съезжается на ярмарку - не протолкнуться.» Моими проводниками стали два автора-историка - уфимец Денис Лапицкий и москвич - Денис Луженский.

Интрига закручивается с первых страниц: в городе стали пропадать взрослые и дети. Их тела находили разорванными, изуродованными, а некоторые исчезали бесследно. Возмущенные жители потребовали расследования. И вот для проверки порядков в городе, для розыска жестокого убийцы едут в Шаттенбург специальные люди.

Тема борьбы Добра со Злом существовала во все времена. Всегда у людей был выбор: уйти в тень и сохранить себе жизнь (нервы) или идти вперед, рискуя собой, чтобы прийти на помощь нуждающимся, добиться справедливости, защитить слабого. Откуда приходит Зло? На этот вопрос авторы книги дают вполне конкретный ответ: «Воздух вдруг всколыхнулся, треснул разорванной простыней, из прорехи, ведущей в никуда, ударили серые полупрозрачные струи - там, где они коснулись травы, зелень темнела и скукоживалась, точно опаленная невидимым пламенем. Что-то выглянуло оттуда - из мутного клубящегося НИЧТО, рванулось наружу... Над поляной пронесся длинный протяжный стон. Миг - и серые струи все до единой втянулись обратно, прореха исчезла, заросла, как не было ее вовсе.» Зло обитает в Междумирье? И да, и нет. Предпосылки превращения человека в монстра (или чудовища в новую субстанцию) начинаются задолго до того, когда Зло поставит свою метку на его внешнем облике; кажется... словно меняется химический состав крови и душа (или духовная сущность) постепенно начинает мумифицироваться, а потом... «Густав Фейрах с интересом разглядывал то, что осталось... от Густава Фейраха. Ужас человечка и его боль все еще плескались внутри, кипели и вызывали восхитительное пьянящее чувство насыщения. ... Было интересно - изменяться, становиться кем-то другим. И еще - открывать самого себя, собственные возможности.»

Собственные возможности Лапицкий и Луженский прекрасно продемонстрировали и в плане подачи исторического фона. Читатель имеет возможность в подробностях «видеть» во что одеты действующие лица (дублет, шаперон, салат, жиппон и т.д.), узнает, что в средневековой Европе кашу часто готовили на несколько дней вперед и варили очень крутой, после чего резали на куски. А вот айнтопф - это густой суп из ово-

щей, корнеплодов, бобов, крупы и мяса, который готовится на воде или бульоне. Что касается описания городов, деревушек, оружия, интерьера старинных домов, питейных заведений, пейзажей... всё это нужно смаковать каждому читателю самостоятельно.

Хочется отметить язык, на котором говорят герои книги... Собственно, говорят они на русском, но реплики, тирады, короткие диалоги построены так, что внимательный читатель уже по лексике, эмоциональным восклицаниям или примитивности речи, сдержанности, недосказанности «узнает» то или иное действующее лицо. Характеры персонажей психологически очень достоверны и логично вписываются в созданные авторами образы. Дополнительный градус напряжения дает тот факт, что Шаттенбург, как бы, не придуманный город, а вполне конкретный населенный пункт, расположенный в Германии – «Саксония, к северо-востоку от Цвикау» - это отроги Рудных гор неподалеку от Чехии. Проявив любопытство, я действительно обнаружила на географической карте 15-го века городок Шаттенбург, переживший различные исторические катаклизмы и представленный в наши дни старинным замком и популярным среди туристов рестораном.

Нет смысла раскрывать тайны запутанного сюжета, где фантастические приключения чем-то удивительно похожи на нашу современную жизнь. Человек - удивительное существо, в котором самые противоречивые мысли, качества, поступки мирно уживаются, толкая его подчас в такие Междумирья, из которых не всегда можно возвратиться с чистой душой. Но...

Все мы - странники, каждый сам выбирает свою Тропу. «Путь открывался перед ним, и сам Кристиан необратимо менялся, но не испытывал страха, все шло правильно, ведь он был рожден для Тропы. Вспоминались слова брата Леопольда: “Рано или поздно каждый находит свой путь...”»

Свой путь, свою Тропу нашли и авторы книги «Тени Шаттенбурга» Денис Лапицкий и Денис Луженский. А читателям хочется пожелать добрых встреч с талантливыми писателями, зовущими нас в увлекательный мир приключений и фантастики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Семейная хроника Галины Фадеевой

Когда провожают эпоху, появляются такие художественные произведения, которые с большой эмоциональной силой сохраняют в памяти потомков ту жизнь и социальные группы, безвозвратно уходящие с исторической сцены. К таким сочинениям можно отнести казачью эпопею «Тихий Дон» Михаила Шолохова, реквием по русскому крестьянству в поэзии Сергея Есенина и в прозе Виктора Астафьева, Василия Белова и Валентина Распутина, ностальгию о жизни замоскворецкого купечества в романе Ивана Шмелёва «Лето Господне», воспоминания о былом американском Юге в романе Маргарет Митчелл «Унесённые ветром» и другие произведения. В книге уфимского автора Галины Фадеевой собраны её воспоминания, рассказы, рецензии и эссе, прежде публиковавшиеся в местной периодике («Вечерней Уфе», «Истоках», «Республике Башкортостан», «Бельских просторах»), о жизни, оставшейся в безвозвратном прошлом, «по ту сторону снегопада...»

Творческое наследие уфимской журналистки и краеведа Галины Константиновны Фадеевой разнообразно по жанрам и тематике. Наряду с мемуарами и рассказами об уфимской жизни у неё встречаются фрагменты из дневников её близких, стихи, рецензии, эссе, очерки, зарисовки, литературные портреты уфимцев и гостей нашего города. Тематика её сочинений тоже обширна, но доминирующей является хроника её семьи и многочисленных родственников с XIX века до наших дней.

Автору повезло родиться в любящей семье, унаследовавшей от своих предков высокую дворянскую культуру, к которой в XX веке добавились новые советские традиции. В воспоминаниях и рассказах Галины Фадеевой представлены три поколения семьи Кулаковых, Фадеевых и Окуневых. Старшее поколение дедушек и бабушек передано через их дневники и рассказы родителей и тётушки. Колоритен образ деда – Александра Андреевича Фадеева (?-1940) – участника Первой мировой, гражданской и финской войн, гедониста по натуре. В нём печально уживались противоречивые черты уходящего из России дворянства. Высокая культура не мешала ему изменять своей жене. Равнодушие к вере сочеталось в нём со способностью приспособляться к любому режиму. Поэтому он с необыкновенной лёгкостью перешёл от рухнувшей монархии под красные знамёна. Войны тоже давались ему сравнительно легко, поскольку благодаря уму и образованию он умел устраиваться при шта-

бах. Но при этом он умел любить и быть любимым незаурядными женщинами своего времени. Его жена – Вера Николаевна Кулакова-Фадеева (1878-1939) – происходила из казанских дворян и отличалась строгостью нравственных принципов. В отличие от мужа она не приняла советскую власть, и только смерть двух её младших детей от тифа помешала ей уехать за границу; всю свою дальнейшую жизнь она жила памятью о прошлом, «по ту сторону снегопада». Эта память помогала семье Фадеевых сохранять религиозные и нравственные традиции в условиях новой действительности. В отличие от мужа, предпочитавшего роль зрителя и болельщика-сибарита, Вера Николаевна стремилась быть творчески активной и полезной обществу в трудные для него минуты. В 1905 году она отправилась сестрой милосердия на русско-японскую войну, а в 1920-е годы была участницей уфимского любительского театра «ЛеоЗи», завершившего своё существование после арестов и гибели некоторых его актёров. Следующее поколение их детей жило уже в советской России. Старшая дочь – Нина Александровна Фадеева (1906-1975) – унаследовала от матери многие её черты и посвятила вторую половину своей жизни воспитанию племянницы (автора этой книги). Именно благодаря её воспоминаниям до нас дошли подробности жизни и быта её родителей. Она стала своеобразной связующей нитью между ушедшей дворянской культурой и новой советской жизнью. Её младший брат – Константин Александрович Фадеев (1908-1981) – окончательно утратил былую дворянскую пассионарность и прожил бесцветную жизнь в советской Уфе. Его жена – Серафима Андреевна Окунева (1918-2016) – происходила из многодетной уфимской семьи. С подросткового возраста она работала в больницах. В годы войны была медсестрой в эвакогоспитале, а в послевоенные годы работала в онкодиспансере. Она не обладала высокой культурой и ярким характером, но её глубокая порядочность и любовь к людям притягивали к ней больных и близких людей. Именно в ней сохранилось то истинное христианское смирение, которое было характерно для многих поколений русских женщин. Третье поколение, появившееся на свет во второй половине XX века, представлено автором книги – Галиной Константиновной Фадеевой (р. 1956), соединившей в своём творчестве лучшие черты предшествующих поколений своих предков и сумевшей художественно обобщить и представить свою семейную хронику.

В воспоминаниях, посвящённых истории семьи Фадеевых и их родственников, передана атмосфера высокой культуры в условиях аске-

тического советского быта. Но в отличие от мемуаров бывших дворян, хлынувших на книжный рынок в постсоветское время, в воспоминаниях Галины Фадеевой нет уныния и жалоб на суровую советскую жизнь. Более того, её родные и близкие представлены активными строителями новой жизни: одни в больницах и на заводах, другие в органах госбезопасности, третьи на фронтах Великой Отечественной войны. И в этом нет никакого лукавства или мимикрии, поскольку это сознательный выбор своей судьбы. Это своеобразное двоеверие, столь характерное для русской культуры различных эпох. А.С. Пушкин прошёл сложную эволюцию от вольтерьянства через байронизм и масонство к глубокому православному смирению. А.П. Чехов всю свою жизнь был на пути от материализма к вере. Целый ряд деятелей современной российской культуры сочетают в себе приверженность к советскому прошлому с новыми и возрождающимися ценностями прошлого и будущего.

Семейная хроника Г. Фадеевой – это «жизнь на высокий лад». Большинство героев её воспоминаний и очерков при всех различиях в образовании и социальном положении живут яркой и насыщенной духовной жизнью, сохраняя в самых тяжёлых испытаниях доброту и человечность.

Особую ценность в мемуарах Фадеевой представляют портреты простых советских женщин – участниц Великой Отечественной войны, вынесших грязь, голод и холод тех лет, но не сломившихся и победивших не только фашизм, но и свои собственные слабости и страх. Их послевоенные судьбы помогли новому поколению в выборе верного пути в жизни.

Воспоминания Фадеевой лишены фальши и ложного пафоса, поскольку стремятся передать не приукрашенную правду жизни. Даже в самых трагических историях, таких, как «Чёрные розы Эльгена», «В театре Господа Бога», «По законам военного времени», «Двое» и других, сохраняется авторская любовь и сострадание к погибающим героям, подтверждающая известную христианскую истину о том, что жестокая правда без любви есть ложь.

Её мемуары по своей форме и содержанию близки рассказам. Подобно автобиографическим произведениям С.Т. Аксакова и дневникам В.И. Альбанова они часто являются художественной реконструкцией своих воспоминаний и воспоминаний других людей. Некоторые из её мемуаров имеют продуманную композицию, захватывающий сюжет и яркие образы героев. Поскольку изначально они создавались преимуще-

ственно для публикаций в газетах и реже в журналах, по своему объёму и в жанровом отношении эти воспоминания близки коротким документальным рассказам. Нередко в небольшом произведении автору удается скупыми мазками создать не только запоминающийся характер, но и раскрыть судьбу своего героя.

Особое место в её творчестве занимают рассказы о животных. В мемуарных очерках и зарисовках она не просто рассказывает занимательные истории об их характерах и повадках, но и через их часто трагические судьбы заставляет задуматься о современном человеке и построенной им цивилизации.

При внешней простоте воспоминания Фадеевой отличаются индивидуальным стилем, лаконизмом и мудростью, связанной не столько с образованием и жизненным опытом, сколько со зрелостью души. И здесь большую роль сыграло не только семейное воспитание, но и внутренняя духовная работа её предков из семей Фадеевых, Орешниковых, Кулаковых, Окуневых, заложившая прочный фундамент личности будущей мемуаристки. В редких воспоминаниях автобиографического характера она рисует вехи своего духовного развития. В истории «Аз, буки, веди...» её детскую тягу к бездомным животным и равнодушие к вере старый священник объяснил так: «Всему придет свой час. Не может быть безбожником человек, так любящий животных». В шестилетнем возрасте после просмотра в кинотеатре «Родина» фильма «Гусарская баллада» проявился её бойцовский романтический характер. В очерке об актёре Юрии Яковлеве она описала своё потрясение от картины с его участием: «...я категорически отказалась покидать здание кинотеатра, объясняя родителям своё решение просто: “Остаюсь на войне. Хочу быть гусаром! Хочу скакать на коне, стрелять и драться на саблях!”» К счастью, ей не пришлось воевать в реальной жизни, но память о героях войны, разведчиках и подпольщиках стала неотъемлемой темой целого ряда её сочинений. Нагляднее всего это проявляется в её стихах, продолжающих традиции русской поэзии Золотого и Серебряного веков, сочетающих романтическую героику и патриотизм с утончённым лиризмом.

Семейная хроника Фадеевой не замыкается в узком мирке её собственной семьи, а охватывает собой не только её многочисленных родственников и предков, но и встретившихся на её жизненном пути жителей Уфы, интересных личностей из разных сфер деятельности, а также братьев наших меньших, имеющих равное с людьми право быть члена-

ми этой большой семьи. Эта семейная хроника, если воспользоваться цитатой из её рассказа «Словарь Павленкова», представляет собой «память... о порядочных, умных, мужественных людях. О тех, кто не продаёт свою совесть и остается верным идеалам молодости».

Патриотизм и героическое начало присущи её журналистским расследованиям, посвящённым сложным судьбам советских разведчиков и подпольщиков, а также очеркам и эссе о кавалерист-девице Надежде Дуровой, генерале Павле Судоплатове, актрисах Ольге Чеховой и Ларисе Голубкиной. Некоторые из её очерков воскрешают добрую память о несправедливо забытых героях. Суровый XX век сформировал её идеал девы-воительницы, идущий из далёкого древнеславянского прошлого и обогащённый всей трагической и героической историей России.

Эссе Фадеевой о русской литературе содержат её личный, не заёмный взгляд на жизнь и творчество Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Сергея Аксакова, Антона Чехова, Владимира Маканина и других писателей.

В уфимской литературе Галина Фадеева продолжила традиции Сергея Аксакова с его книгами «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»; Бориса Четверикова, запечатлевшего уфимские страницы жизни своей семьи в повести «Синяя говядина» и мемуарах «Благословенная Уфа»; Петра Храмова с его романом-воспоминанием «Инок» и Сергея Круля, создавшего целый ряд воспоминаний, стихов, песен и прозаических произведений, посвящённых прошлому и настоящему Уфы. Новизна её сочинений состоит в том, что она органически соединила в своём творчестве дореволюционную Уфу с Уфой советской без очернительства и лакировки действительности.

Галина Фадеева своими произведениями возвела не печальное надгробие, а светлую часовню своей семье и знакомым ей людям. В рассказе «Оборванные струны» она признаётся в любви к своему родному городу и его жителям: «По этим улицам я училась ходить, здесь жили люди, которых долгие годы я считала своими родственниками, ведь нити их судеб пересекались с нашими, мы учились друг у друга, помогали друг другу, дышали одним воздухом. Я рассматриваю, ставшую уже исторической, фотографию, вглядываюсь в фигуры редких пешеходов, словно пытаюсь узнать среди них дорогих моему сердцу людей. Мне грустно, но грусть моя легка..., как звуки старого вальса.»

Пётр Фёдоров

Библиография сочинений Г.К. Фадеевой

1999

1. Фадеева, Г. Вариации на темы классика : [сочинение на конкурс «Пушкин в моей жизни»] // Веч. Уфа. – 1999. – 2 июня.

2002

2. Фадеева, Г. «Аз, буки, веди...» : [воспоминания о первых посещениях уфимских храмов] // Уфимская неделя. – 2002. – 30 мая – 5 июня. – С. ?
3. Фадеева, Г. Двое : [о божье и его собаке] // Уфимская неделя. – 2002. – 19-25 дек. – С. ?

2003

4. Фадеева, Г. «Великая» собака : [о К. А. Фадееве и собаке Кукле в годы войны] // Уфимская неделя. – 2003. – 3-5 апр. – С. ?
5. Фадеева, Г. Горе : [о деревенских собаках] // Уфимская неделя. – 2003. – 13-19 марта. – С. ?

2004

6. Фадеева, Г. Музыка старого парка : [о саде им. С. Т. Аксакова в Уфе] // Истоки. – Уфа, 2004. – № 36 (сент.). – С. 13.
7. Фадеева, Г. Про «Аленький цветочек» и летающую собаку : [об инсценировке сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек» в дет. саду № 171 г. Уфы] // Истоки. – Уфа, 2004. – № 5 (февр.). – С. 4.

2005

8. Фадеева, Г. Березка, или Славная биография бабушки Нади : [о Надежде Николаевне Кулаковой] // Веч. Уфа. – 2005. – 9 авг.
9. Фадеева, Г. И были схватки боевые! : [об уфимском борце С. И. Елисееве] // Веч. Уфа. – 2005. – 9 авг.
10. Фадеева, Г. Судьба разведчика : [о разведчике А. И. Козлове] // Истоки. – Уфа, 2005. – 4 мая. – С. ?

2006

11. Фадеева, Г. Дедушка Зубин : [о привидении в Доме-музее С. Т. Аксакова в Уфе] // Веч. Уфа. – 2006. – 25 янв.
12. Фадеева, Г. Запутанное дельце : [о следователе Сергее Михайловиче Кулакове] // Веч. Уфа. – 2006. – 4 марта.
13. Фадеева, Г. «Земли лоскутик драгоценный...» : [об усадьбах семьи Аксаковых в Абрамцево и Уфе] // Веч. Уфа. – 2006. – 29 сент. – С. 5.
14. Фадеева, Г. Ревность и верность : [о картине таганрогского художника С. Б. Каштыни «Ревность» и его верной собаке Дамке] // Веч. Уфа. – 2006. – 6 янв.

2008

15. Родная улица моя : [подборка статей об ул. Аксакова в Уфе] / Г. Григо-

ренко, Г. Фадеева, Р. Аюпов // Веч. Уфа. – 2008. – 20 сент. – С. 3.

16. Фадеева, Г. Гусарская баллада. Жизнь и водевиль : [о встрече в Елабуге с актрисой Л. Голубкиной] // Уфимская неделя. – 2008. – 16-22 окт.

17. Фадеева, Г. Танго для Розы : [о пережившей войну Рабиге и корове Розе] // Уфимская неделя. – 2008. – 25 дек. – С. ?

2009

18. Фадеева, Г. Крестная // Истоки. – Уфа, 2009. – 25 нояб. – С. ?

19. Фадеева, Г. Сохранить душу // Истоки. – Уфа, 2009. – 9 дек. – С. ?

2010

20. Фадеева, Г. «Едины парус и душа...» : [воспоминания о театре П. Шейна] // Истоки. – Уфа, 2010. – 24 марта. – С. ?

21. Фадеева, Г. Паровоз из моего детства : [об уфимском железнодорожнике и музейщике Н. И. Орлове] // Истоки. – Уфа, 2010. – 14 июля. – С. ?

22. Фадеева, Г. Сердце чистейшей породы : [об истории кинологической службы России] // Истоки. – Уфа, 2010. – 7 апр. – С. ?

2012

23. Фадеева, Г. Заветы бабы Тони : [об А. С. Елизарьевой и ее семье] // Истоки. – Уфа, 2012. - № 51. – С. ?

24. Фадеева, Г. Уфимские страницы кавалерист-девицы : [о пребывании Н. Дуровой в Уфе] // Единая Россия – Башкортостан. – 2012. – 6 сент. – С. ?

2014

25. Фадеева, Г. Бедная Лиза, или Благословение монахини Марии : [о судьбе Е. С. Орешниковой (1835-1918)] // Веч. Уфа. – 2014. – 23 мая.

26. Фадеева, Г. «Гусару с пышными усами...» : [о жизни будущего актера Ю. Яковлева в эвакуации в Уфе] // Единая Россия – Башкортостан. – 2014. - № 6. – С. ?

2016

27. Фадеева, Г. Печаль моя светла... : [воспоминания об Уфе и уфимцах 30-50-х гг. XX в.] // Веч. Уфа. – 2016. – 20 сент. – С. 4.

28. Фадеева, Г. Планета Тагаир : [о встрече Нового года в лесу под Уфой в 60-е годы XX века] // Веч. Уфа. – 2016. – 30 дек. – С. 11.

29. Фадеева, Г. Рождество на Пушкинской // Бельские просторы. – 2016. - № 12. – С. 63-65.

30. Фадеева, Г. Фото с сюрпризом : [об истории фотографии семьи Фадеевых 1916 г.] // Веч. Уфа. – 2016. – 10 июня. – С. 13.

2017

31. Фадеева, Г. Бодлер не мог ошибиться! : Как век назад гадали в Уфе на святочные дни, и что из этого порой выходило // Единая Россия – Башкортостан. – 2017. - № 2 (19 янв.). – С. 6.

- 32.Фадеева, Г. Витькины голуби : ... на три месяца опередили горькое известие // Единая Россия – Башкортостан. – 2017. - № 18 (11 мая). – С. 1 ; то же: Вспоминая войну : воспоминания, дневники и письма уфимцев и эвакуированных в Уфу о Великой Отечественной войне / ред.-сост. и авт. вступ. ст. П. И. Федоров. – Уфа, 2020. – С. 240-242.
- 33.Фадеева, Г. Женя-Женечка и Катюша : [о собаках в уфимском парке им. М. Гафури] // Веч. Уфа. – 2017. – 21 июля.
- 34.Фадеева, Г. Курица в шоколаде : [воспоминания о войне] // Веч. Уфа. – 2017. – 14 марта.
- 35.Фадеева, Г. Ласточка моя : [воспоминания о бабушке П. И. Окуневой (1880-1967)] // Единая Россия – Башкортостан. – 2017. - № 48 (7 дек.). – С. 6.
- 36.Фадеева, Г. На качелях истории : [воспоминания о Е. Д. Ливич] // Единая Россия – Башкортостан. – 2017. - № 15 (20 апр.). – С. 5.
- 37.Фадеева, Г. На улице Центральной... : [воспоминания о Парке Народной трезвости, пожарном депо и музыкальной жизни Уфы начала XX века] // Веч. Уфа. – 2017. – 3 нояб. – С. 18.
- 38.Фадеева, Г. «Нич яка мисячна...» : [о чекисте Григории Александровиче Бутенко] // Единая Россия – Башкортостан. – 2017. – 22 июня.
- 39.Фадеева, Г. По крутой лестнице истории : [об истории Уфимского отделения Госбанка] // Единая Россия – Башкортостан. – 2017. – 2 нояб.
- 40.Фадеева, Г. Про «несносного ребенка», Михин хвост и первый поход в театр // Веч. Уфа. – 2017. – 10 янв. – С. 5.

2018

- 41.Фадеева, Г. За кремовыми шторами истории : [о судьбе дворянки К. М. Семавиной] // Единая Россия – Башкортостан. – 2018. – 12 июля. – С. ?
- 42.Фадеева, Г. Легкий аромат счастья : [об истории цветочного магазина на ул. Большой Успенской в Уфе] // Единая Россия – Башкортостан. – 2018. - № 9 (8 марта). – С. 6.
- 43.Фадеева, Г. Людочка начала ходить [Электронный ресурс]: [о приобщении к скандинавской ходьбе пожилых людей] / вступ. заметка Л. Муртазиной // ВКонтакте. – 2018. – 10 марта. – Режим доступа: https://vk.com/wall4698985_2261?ysclid=llf9db5yu2866071553 (дата обращения: 17.08.2023).
- 44.Фадеева, Г. Первый блин – комам : [о традициях масленичных гуляний в уфимских семьях в начале 60-х гг. XX в.] // Веч. Уфа. – 2018. – 9 февр. – С. 7.
- 45.Фадеева, Г. Райские сады Серафимы : [воспоминания о матери, медсестре С. А. Окуневой] // Единая Россия – Башкортостан. – 2018. - № 19 (17 мая). – С. 6.

46. Фадеева, Г. Случайный вальс : [о памятной встрече в парке им. Луначарского в 1963 г.] // Веч. Уфа. – 2018. – 14 сент. – С. 16.
47. Фадеева, Г. «Страницы прошлого читаю...» : как оказался в Уфе оригинал известной авторской иллюстрации М. Ю. Лермонтова к «Тамани»? // Единая Россия – Башкортостан. – 2018. - № 36 (13 сент.). – С. 6.
48. Фадеева, Г. Суббота – день «болещика» : И еще: 105 лет назад в Уфе появился первый... кожаный мяч / подготовила к печати Э. Абдуллина // Единая Россия – Башкортостан. – 2018. - № 24 (21 июня). – С. 6, 8.
49. Фадеева, Г. Тайна старой фотографии : [о фотографии кавалерист-девицы Надежды Дуровой] // Республика Башкортостан. – 2018. – 13 дек. – С. ?
50. Фадеева, Г. Чарующая магия Чехова : [об уфимском послесловии к пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад»] // Республика Башкортостан. – 2018. – 22 нояб. – С. ?

2019

51. Фадеева, Г. В театре Господа Бога : [воспоминания о любительском театре Калмацких в Уфе в 1920-е годы] // Республика Башкортостан. – 2019. – 19 дек. – С. 6-7.
52. Фадеева, Г. Весть из детства : оттуда, где до сих пор звучит аккордеон // Республика Башкортостан. – 2019. – 28 февр. – С. 14.
53. Фадеева, Г. ДНД : [воспоминания об участии в добровольной народной дружине] // Республика Башкортостан. – 2019. – 7 нояб. – С. ?
54. Фадеева, Г. Дожить до Победы // Республика Башкортостан. – 2019. – 31 янв. – С. ?
55. Фадеева, Г. Епархия тети Поли : [об истории уфимской библиотеки № 1, начавшей свое существование в 1929 году в здании Всехсвятской церкви] // Республика Башкортостан. – 2019. – 22 авг. – С. 7.
56. Фадеева, Г. К расследованию приступить : [о работе помощником следователя] // Республика Башкортостан. – 2019. – 14 нояб. – С. ?
57. Фадеева, Г. Как я вратарем была : [воспоминания об уфимском кинотеатре «Идель» в парке А. Матросова] // Веч. Уфа. – 2019. – 30 июля. – С. 5.
58. Фадеева, Г. «Нам не дано предугадать...» : [воспоминания об уроках литературы в уфимской школе № 106] // Республика Башкортостан. – 2019. – 15 авг. – С. ?
59. Фадеева, Г. О Сталине. И не только... // Республика Башкортостан. – 2019. – 14 марта. – С. ?
60. Фадеева, Г. Отзвуки вальса : [по страницам дневника дворянина А. А. Фадеева] // Республика Башкортостан. – 2019. – 10 янв. – С. 14 ; 17 янв. – С. 14.

- 61.Фадеева, Г. «Павел Андреевич, вы – шпион?» : [об образах разведчиков и чекистов в отечественном кино] // Республика Башкортостан. – 2019. – 19 дек. – С. ?
- 62.Фадеева, Г. По законам военного времени : [воспоминания о жизни в Уфе в годы Великой Отечественной войны] // Республика Башкортостан. – 2019. – 20 июня. – С. 8.
- 63.Фадеева, Г. «Пробуждение» из тируара : [воспоминания о воспитании патриотизма, доброты, ума, смелости, любви, умения сопереживать в уфимской дворянской семье в 60-е годы XX века] // Республика Башкортостан. – 2019. – 18 апр. – С. 7.
- 64.Фадеева, Г. Свет лампы : [о записках А. П. Орешниковой (?-1894) и ее судьбе] // Республика Башкортостан. – 2019. – 1 авг. – С. 6-7.
- 65.Фадеева, Г. Скромный «победный платочек» : [воспоминания об уфимском военном госпитале, в котором работала медсестрой мать автора – Серафима Андреевна Окунева] // Веч. Уфа. – 2019. – 10 мая. – С. 13.
- 66.Фадеева, Г. Уфа, до востребования : [о выдающихся чекистах-разведчиках, связанных с Уфой] // Веч. Уфа. – 2019. – 31 мая.
- 67.Фадеева, Г. Черные розы «Эльгена» : [о судьбе узниц ГУЛАГа Алевтины и Раисы Вешковых] // Республика Башкортостан. – 2019. – 4 апр. – С. 14.
- 68.Фадеева, Г. Чехов в отдельно взятой душе // Республика Башкортостан. – 2019. – 26 сент. – С. ?
- 69.Фадеева, Г. Что наша жизнь? Игра! : [о детских игрушках в дворянской семье Фадеевых в начале XX века] // Веч. Уфа. – 2019. – 20 авг. – С. 5.
- 70.Фадеева, Г. Ягода-малина : [об участии Е. Д. Солодовниковой в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны] // Республика Башкортостан. – 2019. – 10 мая. – С. ?

2020

- 71.Фадеева, Г. Аксаков. Душа как бабочка : [об истории замужества Н. Т. Аксаковой-Карташевской и судьбе казанской Наташи] // Республика Башкортостан. – 2020. – 23 апр. – С. ?
- 72.Фадеева, Г. Аксаковские места в Казани // Республика Башкортостан. – 2020. – 2 апр. – С. ?
- 73.Фадеева, Г. Воронки. Метаморфозы «Золотого места» : [об истории местечка Воронки под Уфой] // Республика Башкортостан. – 2020. – 10 сент. – С. ?
- 74.Фадеева, Г. День автомобилиста // Республика Башкортостан. – 2020. – 22 окт. – С. ?
- 75.Фадеева, Г. Детективный словарь Павленкова // Республика Башкортостан. – 2020. – 12 нояб. – С. ?

- 76.Фадеева, Г. Дом на изволоке : [воспоминания о встречах Нового года на улице Пушкина у Копыловых в начале 1960-х годов] // Республика Башкортостан. – 2020. – 9 янв. – С. 14.
- 77.Фадеева, Г. «И мандаринами и бором...» : [о новогодних праздниках в Уфе до революции и в 1960-е годы] // Республика Башкортостан. – 2020. – 31 дек. – С. ?
- 78.Фадеева, Г. Игра в четыре руки : [о следователях М. А. Дементьеве и Б. Б. Овидисе] // Республика Башкортостан. – 2020. – 16 апр. – С. ?
- 79.Фадеева, Г. Какой у мишки хвостик? : [воспоминания о детстве и детских игрушках] // Республика Башкортостан. – 2020. – 16 янв. – С. 14.
- 80.Фадеева, Г. Ключи от дома : [воспоминания Е. П. Кунцевич о Великой Отечественной войне] // Республика Башкортостан. – 2020. – 18 июня. – С. ?
- 81.Фадеева, Г. Конфетно-ромовое пари или Спектакль про разведчика : [о спектакле «Сильные духом», шедшем на уфимской сцене в 1955 году] // Веч. Уфа. – 2020. – 6 нояб.
- 82.Фадеева, Г. Послесловие к войне : [о трагических событиях в семье Крапоткиных, связанных с последствиями войны] // Республика Башкортостан. – 2020. – 21 мая. – С. ?
- 83.Фадеева, Г. Судоплатов // Республика Башкортостан. – 2020. – 17 дек. – С. ?
- 84.Фадеева, Г. Сын своей страны : [о судьбе В. Н. Носкова] // Веч. Уфа. – 2020. – 15 дек.
- 85.Фадеева, Г. Таймер-танго одной судьбы : [о судьбе Верочки Фадеевой] // Республика Башкортостан. – 2020. – 7 мая. – С. ?
- 86.Фадеева, Г. Так пусть душа не унывает! : усадебная жизнь воспета им сполна : [о С. Т. Аксакове] // Республика Башкортостан. – Уфа, 2020. – 20 февр.
- 87.Фадеева, Г. Тетя Катя : [о семье коренных уфимцев] // Республика Башкортостан. – 2020. – 8 окт. – С. ?
- 88.Фадеева, Г. То был наш маленький Париж... : [воспоминания о занятиях спортом в Уфе в 1960-е – 1970-е годы] // Республика Башкортостан. – 2020. – 17 сент. – С. ?
- 89.Фадеева, Г. УльТим... где-то в районе души : [об истории семьи Топорковых] // Республика Башкортостан. – 2020. – 25 июня. – С. ?
- 90.Фадеева, Г. Чужие цветы : [о жертвах лихих 90-х] // Республика Башкортостан. – 2020. – 19 нояб. – С. ?
- 91.Фадеева, Г. Чья победа? Или Искусство диалога в экстремальных ситуациях // Республика Башкортостан. – 2020. – 6 авг. – С. ?

2021

92. Фадеева, Г. «Белеет парус...» : [о М. Ю. Лермонтове] // Веч. Уфа. – 2021. – 12 окт.
93. Фадеева, Г. Беспризорники : [о чекисте Т. Н. Петренко и беспризорниках братьях Епифановых] // Республика Башкортостан. – 2021. – 23 дек. – С. ?
94. Фадеева, Г. Верный рыцарь «Белой Дамы» : [о заслуженном тренере СССР по фехтованию Р. И. Аюпове] // Веч. Уфа. – 2021. – 14 сент.
95. Фадеева, Г. Возраст сирени : [воспоминания о встречах с О. К. Ветошниковой] // Веч. Уфа. – 2021. – 18 июня.
96. Фадеева, Г. Икс, игрек в задаче Фефеловой : [о проблемах передачи детей больных родителей в здоровые семьи и суррогатном материнстве] // Республика Башкортостан. – 2021. – 18 нояб. – С. ?
97. Фадеева, Г. Крутой маршрут Валентины Трошиной // Веч. Уфа. – 2021. – 29 янв.
98. Фадеева, Г. Приданое для Лизетт : [о судьбе Лезазы Абуевой, угнанной в годы войны в Германию] // Веч. Уфа. – 2021. – 7 мая.
99. Фадеева, Г. Три Александра в истории Уфы : [об Александре I, А. Суворове и А. Александрове (Н. Дуровой)] // Республика Башкортостан. – 2021. – 3 окт. – С. ?
100. Фадеева, Г. «... Чудесного холода полный сундук» : [о мороженом] // Веч. Уфа. – 2021. – 21 июня.

2022

101. Фадеева, Г. Воспитай себе друга : [о проблемах воспитания подрастающего поколения] // Республика Башкортостан. – 2022. – 30 июня. – С. ?
102. Фадеева, Г. День пограничника : [о подготовке собаки к пограничной службе] // Веч. Уфа. – 2022. – 27 мая.
103. Фадеева, Г. «Зоя». Черным по белому : [о новом художественном фильме о Зое Космодемьянской] // Веч. Уфа. – 2022. – 4 февр.
104. Фадеева, Г. Киевский торт : [об истории отношений с киевскими родственниками] // Республика Башкортостан. – 2022. – 12 марта. – С. ?
105. Фадеева, Г. Ласточка моя : [о Прасковье Игнатьевне Окуновой] // Веч. Уфа. – 2022. – 13 дек.
106. Фадеева, Г. «Мама, включи Шопена!» : [о трагедии детей из Мариуполя] // Веч. Уфа. – 2022. – 18 апр.
107. Фадеева, Г. Оборванные струны : [воспоминания о семье Груздевых в послевоенной Уфе] // Республика Башкортостан. – 2022. – 24 февр. – С. ?
108. Фадеева, Г. Одинокая бродит гармонь... : [памяти Виктора Татар-

- ского] // Республика Башкортостан. – 2022. – 5 мая. – С. ?
109. Фадеева, Г. Райские сады Серафимы : [о Серафиме Андреевне Окуновой] // Веч. Уфа. – 2022. – 26 июля.
110. Фадеева, Г. Следствие увели : [о телепередаче «Следствие вели...», посвященной уфимскому маньяку] // Республика Башкортостан. – 2022. – 21 июля.
111. Фадеева, Г. Толчок : [о «героях» уфимского вещевого рынка] // Республика Башкортостан. – 2022. – 1 сент. – С. ?
112. Фадеева, Г. «Ты ангелом будешь...» : [об О. К. Ветошниковой] // Республика Башкортостан. – 2022. – 13 окт. – С. ?
113. Фадеева, Г. «Ты – моя мелодия...» : [о выступлениях М. Магомаева в Уфе] // Веч. Уфа. – 2022. – 17 авг.
114. Фадеева, Г. Уфимские страсти русского лото // Республика Башкортостан. – 2022. – 6 янв. – С. ?
115. Фадеева, Г. Фонтаны : [об уфимских фонтанах] // Веч. Уфа. – 2022. – 10 июня.
116. Фадеева, Г. Черно-белое кружево Зизы : [о санитарке и рукодельнице З. И. Зайцевой] // Веч. Уфа. – 2022. – 13 мая.
117. Фадеева, Г. Шестой день уфимского футбола : [об истории уфимского футбола] // Веч. Уфа. – 2022. – 2 дек.
118. Фадеева, Г. «Шумел камыш...» : [история кота Камыша] // Веч. Уфа. – 2022. – 16 сент.

2023

119. Фадеева, Г. «В этой аллее всегда тихо...» : [о судьбе разведчика П. А. Бронникова] // Республика Башкортостан. – 2023. – 18 мая. – С. ?
120. Фадеева, Г. Зимние забавы : [о новогодних развлечениях в Уфе в начале XX века и в 1960-е годы] // Веч. Уфа. – 2023. – 17 янв.
121. Фадеева, Г. Катание с гор : [о трагической судьбе школьницы, жившей на Воронках] // Веч. Уфа. – 2023. – 31 янв.
122. Фадеева, Г. Лушка-артистка : [о девушке-санитаре Лукерье Казаевой] // Веч. Уфа. – 2023. – 9 мая.
123. Фадеева, Г. Плохой хороший человек : [о печальной судьбе общественника-эгоиста] // Республика Башкортостан. – 2023. – 9 марта. – С. ?
124. Фадеева, Г. Просто хороший человек : [воспоминания об известном уфимском враче и краеведе В. А. Скачилове] // Записки уфимских врачей / В. А. Скачилов, Т. В. Романкевич ; авт. вступ. ст. и ред.-сост. П. И. Федоров. – Уфа, 2023. – С. 191-194 ; то же: Веч. Уфа. – 2023. – 20 июня.
125. Фадеева, Г. Тысяча чертиков одного ангела : [о фокстерьере Патриции] // Веч. Уфа. – 2023. – 14 февр.

126. Фадеева, Г. «Хочется встать пред тобой на колени...» : [о династии сестёр милосердия семьи Фадеевых-Окуневых] // Республика Башкортостан. – 2023. – 12 мая.

*Составители Г.К. Фадеева,
П.И. Фёдоров*

Содержание

Фадеева Г. Калейдоскоп судьбы	7
Наша семейная хроника	13
Свет лампы	15
Ласточка моя	19
«Такая вот судьбинushка!»	25
Бедная Лиза	27
Фото с сюрпризом	31
Отзвуки вальса	32
Берёзка, или Славная биография бабушки Нади	42
Запутанное дельце	45
Кстати, о кошках	47
Бодлер не мог ошибиться!	48
Лёгкий аромат счастья	53
По ту сторону снегопада	57
Райские сады Серафимы	62
Крестная	67
Зимние забавы	69
«Нич яка мисячна...»	72
Словарь Павленкова	78
«Хочется встать пред тобой на колени...»	82
Таймер-танго одной судьбы	87
Душечки	96
Рождество на Пушкинской	98
«... И мандаринами и бором в гостиной пахнет голубой»	102
УльТим... где-то в районе души	105
«И страсти голос благородный...»	109
Киевский торт	114
Страницы биографии	121
Какой у мишки хвостик?	123
«Аз, буки, веди...»	125
«Пробуждение» из тируара	127
Дом на изволоке	131
День автомобилиста	134
Вот такое кино!	141
«Нам не дано предугадать...»	143
То был наш маленький Париж	146
ДНД	150
К расследованию приступить	154

Уфимские истории	165
Французское имя	167
По улице Центральной	167
«Воронки». Метаморфозы «Золотого места»	169
Шестой день уфимского футбола	173
Заветы бабы Тони	178
В театре Господа Бога	180
Сын своей страны	188
Епархия тёти Поли	191
«Охота, брат, охота!»	196
Ключи от дома	197
По законам военного времени	204
Дожить до Победы	208
Ягода-малина	212
«Празднично-победный» платочек	217
Оборванные струны	218
Послесловие к войне	226
Чёрные розы Эльгена	229
Уроки из прошлого	233
На качелях истории	235
Катание с гор	248
Красная смородина	253
Толчок	255
Уфимские страсти русского лото	257
Нынче здесь, завтра там	262
Первый блин – козам	264
Пари	266
«Борман у аппарата»	269
Курица в шоколаде	270
Чья победа? или Искусство диалога в экстремальных ситуациях	276
Тётя Катя	283
«Ты ангелом будешь...»	287
Сердце на снегу	290
Отец и сын	293
«... Где до сих пор звучит аккордеон»	296
Уфимские фонтаны	299
Чужие цветы	302
Сила искусства?	306
Маленькие радости дачной жизни	307
«Мама, включи Шопена!»	311

Портреты	315
И были схватки боевые (С.И. Елисеев)	317
Эх, дорожка, фронтовая! (В.В. Козлов)	320
Беспризорники: (Т.Н. Петренко)	325
За кремовыми шторами истории (К.М. Семавина)	332
Игра в четыре руки (М.А. Дементьев и Б.Б. Овидис)	336
Девочка со станции Война	344
Крутой маршрут Валентины Трошиной	347
Лушка-артистка	351
Приданое для Лизетт	354
Черно-белое кружево Зизы	358
Судьба разведчика (А.И. Козлов)	360
«В этой аллее всегда тихо...» (П.А. Бронников)	369
Паровоз из моего детства (Н.И. Орлов)	376
Возраст сирени (О.К. Ветошникова)	380
«Гусару с пышными усами...» (Ю.В. Яковлев)	382
Рыцарь школьной рулетки и авто (Е.А. Топучканов)	384
Верный рыцарь «Белой Дамы» (Р.И. Аюпов)	385
Просто хороший человек (В.А. Скачилов)	390
В ожидании чуда (Л.И. Русских)	393
Этапы большого пути (К.Г. Тухватуллина)	397
«Ты – моя мелодия...» (М.М. Магомаев)	406
«Скажи-ка, дядя...» (Г.Л. Шевелев)	409
Одинокая бродит гармонь... (В.В. Татарский)	413
Рассказы и очерки о животных	419
Витькины голуби	421
«Всё это было, было в Ленинграде!»	422
«Великая» собака	428
Танго для Розы	429
Сердце чистой породы	430
День пограничника	437
«Шумел камыш...»	441
Ревность и верность	443
Женя-Женечка и Катюша	447
Тысяча чёртиков одного ангела	449
Барс и Черныш	454
Охота в большом городе	456
Горе	458
Рыжая бестия	459
Двое	461

Осеннее настроение	462
Навсегда в наших сердцах	463
Стихи	469
Музей моей души	471
Признание	471
Героям 1812-го года	472
Осенённые Бородино	472
Здравствуйте, барышня-офицер!	473
Надежда	474
Рождение	474
Игра в слова	475
Тамань	475
Вся жизнь – разведка	476
Космос любит одиноких	477
Жану Маре	477
Я к тебе загляну...	478
Когда под плач житейских выюг...	478
Посвящение	479
Немного о себе	480
Я встретил Вас...	480
Этот дом на Волновой	480
Я уезжаю навсегда	481
Рецензии и эссе	483
Три Александра в истории Уфы	485
Уфимские страницы кавалерист-девицы	488
О Сталине. И не только	491
«Павел Андреевич, вы – шпион?»	493
Уфа, до востребования	497
Судоплатов	502
«Зоя». Черным по белому	509
Что наша жизнь? – Игра!	513
«Ничто не ново под луною»	516
Плохой хороший человек	517
Икс, игрек в задаче Фефеловой	520
Следствие увели	524
Воспитай себе друга	528
По крутой лестнице истории	536
Вариации на темы классика	539
«Белеет парус...»	540
«Страницы прошлого читая...»	544

Тайна старой фотографии	549
Аксаков. Душа как бабочка	553
Чарующая магия Чехова	557
Чехов в отдельно взятой душе	560
Гусарская баллада. Жизнь и водевиль	565
«Едины парус и душа...»	569
Браво, «Мистер Глаза»!	574
«... Чудесного холода полный сундук»	576
Друзья, которые рядом (О жизни и творчестве писателя Бориса Рябинина)	579
Тема памяти Владимира Маканина	581
Шажок до Неба (О книге Алексея Лисняка «Сашина философия»)	584
Свой путь двух Денисов (О романе Дениса Лапицкого и Дениса Луженского «Тени Шаттенбурга»)	586
Приложение	589
Фёдоров П. Семейная хроника Галины Фадеевой	591
Библиография сочинений Г.К. Фадеевой	596

Галина Константиновна Фадеева

ПО ТУ СТОРОНУ СНЕГОПАДА...

*Редактор-составитель: П.И. Фёдоров
Компьютерная вёрстка: А.А. Словохотов*

Подписано в печать 25.08.23. Формат 60x90/16
Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. – 9,62 Тираж 19 экз.
Заказ № __

Отпечатано в издательстве А.А. Словохотова
450052, Уфа, ул. Аксакова, д. 72

**Книги, вышедшие в серии «Уфимская сирень:
Уфа в художественной и мемуарной литературе»**

1. Попов, Б.Л. Уфимские истории / Борис Леонидович Попов; вступ. ст. Г.Н. Ангаровой; подготовка текста А.Д. Матвеевой; дизайн обложки А.В. Кондрова; ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2016. – 152 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 1).
2. Храмов, П.А. Инок: роман-воспоминание / Петр Алексеевич Храмов; подготовка текста А.Н. Борецкого и О.Г. Храмовой; предисл. П.И. Фёдорова; коммент. И.О. Прокофьевой, А.Л. Чечухи, Я.С. Свице; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2018. – 344 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 2).
3. Осоргин, М.А. Времена: очерки, рассказы и повесть об Уфе и её окрестностях / Михаил Андреевич Осоргин; предисл. и сост. библиографии О.С. Тарасенко и П.И. Фёдорова; коммент. О.С. Тарасенко и Я.С. Свице; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2018. – 323 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 3).
4. «Сутолока»: литературный журналчик 1997-1999 гг. / ред.-сост. А.Г. Касымов; вступ. ст. Г.Г. Рамазановой; ред.-сост. републикации П.И. Фёдоров; дизайн обложки А.В. Кондрова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2019. – 434 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 4).
5. Вспоминая войну: воспоминания, дневники и письма уфимцев и эвакуированных в Уфу о Великой Отечественной войне / ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2020. – 280 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 5).
6. Аксаков, С.Т. Семейная хроника / Сергей Тимофеевич Аксаков; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: В.В. Кожин, Г.В. Мосалёва, Я.С. Свице; художники Л.В. Фролова и Н.Ю. Шомовская. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 440 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 6).
7. Нефёдова, Т.И. Родина Аксакова / Тамара Ивановна Нефёдова; ред.-сост.: П.И. Фёдоров и С.В. Мотин; вступ. ст. Р. Красновой. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 392 с.: [16 с.] ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 7).
8. Аксаков, С.Т. Детские годы Багрова-внука / Сергей Тимофеевич Аксаков; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: В.Е. Угрюмов, А.А. Чуркин, Я.С. Свице, А.П. Маслова; иллюстрации Д.А. Шмаринова и Н.И. Куприянова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2021. – 448 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 8).
9. Четвериков, Б.Д. Благословенная Уфа / Борис Дмитриевич Четвериков; подготовка текста и фотографий С.В. Мотина и П.И. Фёдорова; ред.-сост. и авт. вступ. ст. П.И. Фёдоров; коммент.: Я.С. Свице, Т.Е. Попова, А.П. Маслова. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2022. – 429 с.: ил. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 9).
10. Скачилов, В.А. Записки уфимских врачей / Владимир Анатольевич Скачилов, Татьяна Владимировна Романкевич; авт. вступ. ст. и ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 216 с.: фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 10).
11. Фадеева, Г.К. По ту сторону снегопада... / Галина Константиновна Фадеева; ред.-сост. П.И. Фёдоров. – Уфа: Изд-ль А.А. Словохотов, 2023. – 612 с.: фот. – (Уфимская сирень: Уфа в художественной и мемуарной литературе; вып. 11).